

Том 26. № 6

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Византийское общество: история, право, культура»

Byzantine Society: History, Law and Culture

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 26. No. 6

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, A.A. Blinova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editor of English texts *E.A. Agarkova*

Making up and technical editing:

M.Yu. Merkulova, O.N. Yadykina, E.S. Reshetnikova

Relayed to print Oct. 26, 2021.

Date of publication: Dec. 30, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 36.5. Published pages 39.2.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–33). Order 202. «С» 35.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, А.А. Блинова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Е.А. Агаркова*

Верстка и техническое редактирование

М.Ю. Меркуловой, О.Н. Ядыкиной, Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 26.10 2021 г.

Дата выхода в свет: 30.12 2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 36,5. Уч.-изд. л. 39,2.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–33 экз.). Заказ 202. «С» 35.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

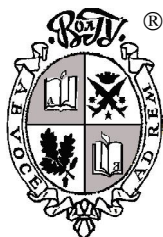
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021
Том 26. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2021
Volume 26. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2021. Vol. 26. No. 6

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Byzantine Society: History, Law and Culture

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Giryay* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);

Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

At the invitation of Chief Editor,
Prof. *I.O. Tyumentsev*,
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd)
took the position of the Executive Editor
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021. Т. 26. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Византийское общество: история, право, культура»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Ваишау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);

д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кричко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

По приглашению главного редактора
проф. И.О. Тюменцева
выпускающим редактором номера является
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

- Айбабин А.И.* К дискуссии
об эпиграфических свидетельствах
о деятельности Византии
в горном Крыму в VI веке 6
- Майко В.В.* Керамические
и каменные просфорные штампы Таврики.
К вопросу о выделении стилистических групп 19
- Могаричев Ю.М., Ергина А.С.*
Утраченные фресковые росписи
пещерных церквей Инкермана
(«храм с крещальной», «церковь География»,
монастырь св. Софии) 31
- Хайрединова Э.А.* Перстни-амулеты
с изображением святого всадника VII в. из Крыма ... 52
- Тесленко И.Б.* Керамика Ближнего Востока
из раскопок городища Эски-Кермен 68
- Науменко В.Е.* Иконка-привеска
с изображением святого Воина-всадника
из раскопок Мангунского дворца.
Древняя Русь или Византия? 83

ВИЗАНТИЙСКАЯ СФРАГИСТИКА

- Кънев Н.* Новая свинцовая печать Адриана Комнина,
протосеаста и великого доместика схол Запада,
обнаруженная в районе крепости Русокастро
в Юго-Восточной Болгарии 96
- Алексеев Н.А.*
Ксилиты на службе императоров Византии:
печать протоспафария и ἐπί τοῦ κοιτῶνος
Никиты Ксилиты 102
- Чхаидзе В.Н.*
Церковные связи средневековой Матархи:
новые находки византийских печатей 112

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА

- Виноградов А.Ю.* Συνοδία. Редкий тип
религиозного сообщества в надписях
из ранневизантийской паломнической базилики
крепости Мачхомери в Лазике 119
- Лафлы Э., Буора М.*
Саркофаг никейского императора в Измире
[На англ. яз.] 126

ВИЗАНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

- Серов В.В.* Финансовая политика
Августа Тиберия Константина 136
- Косоуров Д.А.* Завещание Евстафия Воилы
в контексте византийско-грузинских
политических отношений в XI веке 152

- Куц Т.В.* Туника Христа и драгоценности короны:
реликвии в византийской дипломатии XIV века 161
- Балоглу Х.П.* Виссарион об экономике
и геополитике [На англ. яз.] 171
- Золотовский В.А.* Византийская стратегия
военных действий в Малой Азии
в период правления первых Палеологов 181
- Вин Ю.Я.*
Укрепленные села средневековой Византии:
город или деревня? 194

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

- Карчагин Е.В., Токарева С.Б., Яворский Д.Р.*
Понятия справедливости и благочестия
в византийской политико-философской мысли
IV века 224
- Грацианский М.В.* Процедура возвышения
константинопольской кафедры
на IV Вселенском соборе в Халкидоне 236
- Лурье В.М.* Пять Анастасий и две Февронии:
экскурсия по лабиринту легенд о святой Анастасии.
Часть первая. Восточное агиографическое досье
[На англ. яз.] 252
- Мигальников А.В.*
Аргументация папы Григория Великого
против титула «вселенский»
константинопольских патриархов:
анализ писем 595 года 290
- Войтенко А.А.* Патриаршество Петра IV
и Дамиана как время генезиса Коптской Церкви:
проблемы и предлагаемые решения 304
- Роменский А.А.* Концепт «чуда в огненной печи»
в Византии и его позднейшие реминисценции 318
- Стельник Е.В.* Палатка в контексте
византийской символики власти
X–XII веков 331
- Биллярски И., Цибранска-Костова М.*
Историческая память и православная вера:
Byzance après Byzance в Софии
под османским правлением [На англ. яз.] 339
- Постернак А.В.* Служение диаконисс в Византии
и проекты его восстановления
на Предсоборном присутствии
в России 1906 г. 352

ЮБИЛЕИ

- Лысков П.И., Зыкова А.В.* «Византия на Волге»:
к юбилею Николая Дмитриевича Барабанова 365
- Горелкин В.А., Кузнецов О.В.* 25 лет журналу
«Вестник Волгоградского государственного
университета. Серия 4. История.
Регионоведение. Международные отношения» 378
- Рецензенты журнала в 2021 г. 384

CONTENTS

BYZANTINE TAURICA

- Aibabin A.I.* For a Discussion
About Epigraphic Evidence of the Activities
of Byzantium in the Mountainous Crimea
in the 6th Century 6
- Maiko V.V.*
Ceramic and Stone Bread Stamps of Taurica.
To the Question of the Allocation
of Stylistic Groups 19
- Mogarichev Yu.M., Ergina A.S.* The Lost Fresco Paintings
of the Inkerman Cave Churches
("Temple with Baptistry",
"Church of Geography",
Monastery of Saint Sophia) 31
- Khairedinova E.A.* Finger Ring Amulets
with the Image of the Holy Rider
of the 7th Century from the Crimea 52
- Teslenko I.B.* Ceramics of the Middle East
from the Excavation of the Eski-Kermen Site 68
- Naumenko V.E.* Icon-Pendant with an Image
of the Saint Warrior-Horseman
from the Excavation of the Mangup's Palace.
Old Rus' or Byzantium? 83

BYZANTINE SPHRAGISTICS

- Kanev N.* New Lead Seal of Adrian Komnenos,
Protosebastos and Megas Domestikos
of the Entire West, Discovered in the Area
of Rusokastro in Southeastern Bulgaria 96
- Alekseienko N.A.* The Xylinitai on the Service
to Byzantine Emperors: A Seal of Niketas Xylinites,
Protospatharios and epi tou koitonos 102
- Chkhaidze V.N.* Ecclesiastical Connections
of Medieval Matarcha:
New Finds of Byzantine Lead Seals 112

BYZANTINE EPIGRAPHICS

- Vinogradov A.Yu.* Synodia. A Rare Type
of Religious Community in Inscriptions
from the Early Byzantine Pilgrimage Basilica
of the Machkhomei Fortress in Lazica 119
- Laflı E., Buora M.*
The Sarcophagus of a Nicaean Emperor in Izmir 126

BYZANTINE STATE AND SOCIETY

- Serov V.V.* Financial Policy
of Tiberius Constantinus the Augustus 136
- Kosourov D.A.* The Will of Eustathios Boilas
in the Context of Byzantine-Georgian Political Relations
in the 11th Century 152

- Kushch T.V.* The Tunic of Christ
and the Crown Jewels:
Relics in the Byzantine Diplomacy
of the Fourteenth Century 161
- Baloglou Ch.P.*
Bessarion on Economics and Geopolitics 171
- Zolotovskiy V.A.* The Byzantine Military Strategy
in Asia Minor During the Early Palaiologan Period
(1259–1328) 181
- Vin Yu.Ya.* Fortified Villages of Mediaeval Byzantium:
Town or Village? 194

BYZANTINE ORTHODOXY

- Karchagin E.V., Tokareva S.B., Yavorskiy D.R.*
The Concepts of Justice and Piety
in the Byzantine Political and Philosophical Thought
of the 4th Century 224
- Gratsianskiy M.V.* The Elevation of the See
of Constantinople at the Council of Chalcedon:
The Course of the Procedure 236
- Lourié B.* Five Anastasiae and Two Febroniae:
A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends.
Part One. The Oriental Dossier 252
- Migalnikov A.V.*
Pope Gregory the Great's Arguments
Against the Ecumenical Title
of the Patriarch of Constantinople:
Analysis of the Letters from 595 290
- Voytenko A.A.* The Time of Patriarchs Peter IV
and Damian As the Nodal Point of the Genesis
of the Coptic Church:
Problems and Proposed Solutions 304
- Romensky A.A.* The Concept
of "Miracle in a Fiery Furnace"
in Byzantium and Its Later Reminiscences 318
- Stelnik E.V.* The Tent in the Context
of the Byzantine Power Symbolism
in the 10th–12th Centuries 331
- Biliarsky I., Tsibranska-Kostova M.* Historical Memory
and Orthodox Faith: *Byzance Après Byzance*
in Sofia Under Ottoman Rule 339
- Posternak A.V.* The Ministry of Deaconesses
in Byzantium and Projects for Its Reconstruction
at the Pre-Council Conference
in Russia 1906 352

ANNIVERSARIES

- Lysikov P.I., Zykova A.V.* "Byzantium on the Volga":
To the Anniversary of Nikolay D. Barabanov 365
- Gorelkin V.A., Kuznetsov O.V.* The 25th Anniversary
of the Journal «Vestnik Volgogradskogo
Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya.
Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya» 378
- Reviewers of the Journal in 2021 384

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.1>

UDC 902(653): 930.271

LBC 63.444(2)-428

Submitted: 08.06.2021

Accepted: 25.10.2021

FOR A DISCUSSION ABOUT EPIGRAPHIC EVIDENCE OF THE ACTIVITIES OF BYZANTIUM IN THE MOUNTAINOUS CRIMEA IN THE 6th CENTURY ¹

Aleksandr I. Aibabin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the basilicas discovered on the Mangup plateau (fig. 3), in the Karalez valley (fig. 1) that begins at its foot and on Eski-Kermen (fig. 2, 1), inscriptions were found, the interpretation and dating of which caused many years of discussion. Some scientists considered them as evidence of the activities of the Eastern Roman Empire in the region in the 6th century, while other specialists doubted both such an interpretation of the inscriptions and their dating. *Methods.* To substantiate the chronology of the mentioned inscriptions, it is important to consider the formulas and linguistic features contained in them, as well as the stratigraphy recorded during the excavation of temples and the revealed dated closed ceramics complexes. *Analysis.* The text of the inscription with the name of Justinian I is correlated with the information of Procopius about the construction of the “Long Walls” in the Dory region at the behest of the emperor. Most likely, the inscription reported the construction of one of the “Long Walls” in the Karalez valley at the foot of Doros. It is possible that the stone (fig. 1) with the typical Byzantine graffiti with the formulas ΦΩC ZΩH and κ(ύρι)ε βοήθ(ει...) was inserted into a wall of an apse of the basilica right after its construction in the Karalez valley in the second half of the 6th century. On a stone over the graffiti ΦΩC ZΩH letters of the second graffiti “Ις νικᾷ” are cut out which means Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸς) νικᾷ – “Jesus Christ wins”. In Byzantium the images of a cross with the formula IC XC NI KA (Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸς) Ν(ικ)Α) appeared at the iconoclast emperor Leo III (717–741) and were distributed in later time. *Results.* Undisputed evidence of Byzantium’s activity in the region in the 6th century is only the fragment of a plate with a building inscription that means the emperor Justinian I found in a late slab grave at the basilica on Mangup. According to the stratigraphy, revealed in 1938 during the excavations of the Baptistry on Mangup, the graffiti (fig. 3) that caused a long discussion was carved on the back of the cornice in the second construction period not earlier than in the 9th century.

Key words: Byzantium, Crimea, Justinian I, Dory, Doros, Mangup, Eski-Kermen, Goths.

Citation. Aibabin A.I. For a Discussion About Epigraphic Evidence of the Activities of Byzantium in the Mountainous Crimea in the 6th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 6-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.1>

УДК 902(653): 930.271

ББК 63.444(2)-428

Дата поступления статьи: 08.06.2021

Дата принятия статьи: 25.10.2021

К ДИСКУССИИ ОБ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЗАНТИИ В ГОРНОМ КРЫМУ В VI ВЕКЕ ¹

Александр Ильич Айбабин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В базиликах, открытых на плато Мангуп (рис. 3), в начинающейся у его подошвы балке Каралез (рис. 1) и на Эски-Кермене (рис. 2, 1) нашли надписи, интерпретация и датировка которых вызвала

многолетнюю дискуссию. Одни ученые считали их свидетельствами деятельности Восточной Римской империи в регионе в VI в., тогда как другие специалисты усомнились как в таком истолковании надписей, так и в их датировке. Для обоснования хронологии упомянутых надписей важно рассмотреть содержащиеся в них формулы и лингвистические особенности, а также зафиксированную при раскопках храмов стратиграфию и выявленные датированные закрытые комплексы керамики. Текст надписи с именем Юстиниана I коррелируется с информацией Прокопия о строительстве по повелению императора «Длинных стен» в области Дори. Скорее всего, надпись сообщала о возведении одной из «Длинных стен» в балке Каралез у подножия Дороса. Не исключено, что камень (рис. 1) с типичными для Византии граффити с формулой ΦΩΣ ΖΩΗ и с формулой κ(ύρι)ε βοήθ(ει...) вставили в стену апсиды базилики сразу после ее сооружения в балке Каралез во второй половине VI века. На камне поверх граффити ΦΩΣ ΖΩΗ вырезаны буквы второго граффити «Ις νικῶ», означающие Ι(ησοῦ)ς (Χριστός) νικῶ – Иисус Христос побеждает. В Византии изображения креста с формулой ΙΣ ΧΣ ΝΙ ΚΑ (Ι(ησοῦ)ς Χ(ριστός) Ν(ικ)Α) появились при императоре иконоборце Льве III (717–741) и были распространены в более позднее время. Бесспорным свидетельством деятельности Византии в регионе в VI в. является только найденный в поздней плитовой могиле у базилики на Мангупе обломок плиты со строительной надписью с упоминанием императора Юстиниана I. Судя по стратиграфии, выявленной в 1938 г. в процессе раскопок крещальни на Мангупе, вызвавшее длительную дискуссию граффити (рис. 3) вырезали на обратной стороне карниза во II строительный период не ранее IX века.

Ключевые слова: Византия, Крым, Юстиниан I, Дори, Дорос, Мангуп, Эски-Кермен, готы.

Цитирование. Айбабин А. И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в горном Крыму в VI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 6–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.1>

Введение. Историк Прокопий Кесарийский в созданном в 560 г. сочинении поместил в горном регионе между Херсоном и Боспором населенную готами область Дори – «Δόρυ». В годы правления Юстиниана I (527–565 гг.) ее жители были энспондами (ἐνσπονδοί) – союзниками империи [36, III, VII, 10–15; 4, с. 311–312; 8, с. 6–7]. В первой трети VI в. в грамматике Присциана упомянут укрепленный город Дори «Dory... nomen oppidi и Dory... nomina civitatum» [35, VI, 1, р. 195; VII, 1, р. 283]. Несомненно, civitatis или oppidum Dory из грамматики Присциана следует отождествить с укрепленным городом Дорос на плато Мангуп в области Дори [1, с. 111, 114, 117, 119; 4, с. 311, 314]. В правление императора Маврикия (582–602 гг.) область Дори присоединили к Херсонскому дукату и разделили на архонтии. В них не ранее 590 г. возвели для алан и готов крепости на плато Мангуп, Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале. Во второй половине VII в. архонтии также называли климатами [5, с. 42]. В перечисленных крепостях византийские инженеры одновременно с укреплениями соорудили большие базилики [1, с. 123]. В базиликах, открытых на плато Мангуп, в начинающейся у его подожья балке Каралез и на Эски-Кермене, нашли надписи, интерпретация и датировка которых вызвала многолетнюю дискуссию. Одни ученые считали их свидетельствами деятельности

Восточной Римской империи в регионе в VI в. [17, с. 18–19; 39, р. 71–72; 28, с. 215; 37, S. 313; 11, № V 171], тогда как другие специалисты усомнились как в таком истолковании надписей, так и в их датировке [19, с. 25–26; 1, с. 123–124; 11, № V 183, 186, 193; 13, с. 169–178].

Метод. В новом корпусе византийских надписей А.Ю. Виноградов датировал многие упомянутые надписи по палеографическим признакам. С точки зрения рецензентов корпуса М.А. Курышевой и Б.Л. Фонкича, содержащаяся в корпусе аргументация хронологии средневековых надписей методологически и прагматически неубедительна. Они констатировали, что греческие маюскульные и курсивные надписи могут быть отнесены к любому промежутку времени с VI в. н. э. вплоть до позднего Средневековья [13, с. 169–178]. Для обоснования хронологии упомянутых надписей важно рассмотреть содержащиеся в них формулы и лингвистические особенности, а также зафиксированную при раскопках храмов стратиграфию и выявленные датированные закрытые комплексы керамики и других находок.

Анализ. Подтверждением строительства по повелению Юстиниана I в Доросе считают надпись на обломке известняковой плиты из раскопок в 1913 г. базилики на плато Мангуп, опубликованную В.В. Латышевым: «[Ι ουστινιαν[οῦ...] Αὐτοκράτο[ρος... Σεβᾶ]

στοῦ – Юстиниана... императора... августа» [17, с. 18–19]. Плита перекрывала позднесредневековую могилу, открытую слева от центрального нефа базилики [18, с. 74–75]. По словам А.А. Васильева, доверившегося недостоверным сведениям в «Путеводителе по Крыму» об обстоятельствах находки плиты, в надписи идет речь о постройке по повелению императора Юстиниана I базилики на Мангупе [39, р. 71–72]. По определению А.Л. Якобсона, это ктиторская надпись, находившаяся над входом в базилику [28, с. 215]. По утверждению В.А. Сидоренко, плита с надписью первоначально находилась в обнаруженной им византийской стене, защищавшей вход в балку Каралез под Мангупом [21, с. 115]. А.Ю. Виноградов отнес надпись к 547–548 годам. По его уверению, так как в ней идет речь об описанной Прокопием программе Юстиниана I, то надпись происходит из юстиниановской стены у главного въезда на плато [11, № V 171]. Правда, в повествовании о деяниях императора в области Дори Прокопий подчеркнул: «16 Πόλιν μὲν οὖν ἡ φρούριον οὐδαμῇ τῆς χώρας ὁ βασιλεὺς ἐδείματο ταύτης, κατείργεσθαι περιβόλοις τισὶν οὐκ ἀνεχομένων τῶν τῇδε ἀνθρώπων, ἀλλ' ἐν πεδίῳ ἀσμενέστατα ῥκημένων αἰεὶ. 17 ὅπῃ ποτὲ δὲ τῶν ἐκείνῃ χωρίον βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιούσιν ἐδόκει εἶναι, ταῦτα δὴ τειχίσμασι μακροῖς τὰς εἰσόδους περιβαλὼν, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδου φροντίδας ἀνέστειλε Γότθοις. ταῦτα μὲν οὖν τῇδε πῃ ἔχει – Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине. Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением» [36, III, VII, 16–17; 4, с. 312]. Судя по цитате, стену в балке Каралез могли соорудить по приказу Юстиниана I, однако в Доросе на плато Мангуп его администрация не строила. Очевидно, плиту с надписью взяли из руин этой стены и использовали вторично на плато Мангуп для перекрытия поздней могилы у базилики [1, с. 114; 4, с. 312–313].

В.А. Сидоренко раскрыл в балке Каралез, в нескольких сотнях метрах от оборонительной стены, трехнефную базилику. В вывале камней из внешней кладки северо-восточной стены ее

центральной апсиды найден круглый известняковый камень с вырезанным равноконечным крестом и несколькими граффити (рис. 1). На лучах креста и в его центре В.А. Сидоренко прочитал вырезанные тонкими линиями буквы, образующие формулу «φῶς – ζωή – Свет – жизнь» (рис. 1, 3–5), в левой верхней части камня – пять строк граффити «Κ(ύρι)ε βοήθη τὸν δοῦλόν σου Κ[ο(v)]σταντῆνον ἁμαρτολόν – Господи, помоги рабу твоему Константину грешнику» (рис. 1, 2), в правой верхней части продолжение надписи – καὶ τὸν (и), а вверху окружающего крест ободка – частично уничтоженное сколом камня имя второго обращавшегося к богу лица. В.А. Сидоренко отнес ко второй половине VI в. как базилику, так и камень с граффити лишь по наличию в нескольких сотнях метров от базилики грунтового могильника со склепом с некими вещами второй половины VI века. По словам В.А. Сидоренко, около XI в. на основаниях стен центрального и одного из боковых нефов разрушенной базилики соорудили храм [37, S. 313]. К сожалению, руководитель раскопок не завершил камеральную обработку керамики из раскопок Каралезской базилики и поэтому не обосновал ее хронологию. Могильник в балке Каралез оставлен жителями неисследованного поселения. На некрополе раскопаны лишь несколько склепов и могил, не связанных с базиликой.

А.Ю. Виноградов по сделанной Т.А. Матанцевой протирке камня скорректировал чтение граффити. На лучах креста поверх формулы «φῶς – ζωή» он прочел «Ἰ(ησοῦ)ς νικᾷ – Иисус побеждает» (рис. 1, 3–5), на верхней части рамки – «[Σῶσον τὸν] λαόν σου – Спаси людия твоя» и в левой верхней части камня – «Κ(ύρι)ε, βοήθη τὸν δοῦλόν σου Κ[ων]σταντῆνον ἁμαρτολόν – Господи, помоги рабу Твоему Константину грешнику» (рис. 1, 1–2) [11, № V 186]. Не прочитав публикацию В.А. Сидоренко, А.Ю. Виноградов придумал условия находки камня и безосновательно назвал его «стелой – закладкой окна в алтаре». Он усмотрел в написанных разными людьми на протяжении определенного времени буквах граффити не особенности почерка авторов, а палеографические признаки вырезанных одним резчиком надписей IX–XI веков. Выше приводился вывод специалистов о невозможности обосновывать дату граффити по палеографии [13, с. 169–178].

По мнению П. Пердризе, в VI–VII вв. «φῶς ζωή» использовали для символического обозначения Христа вместо изображения распятого Иисуса [34, р. 235]. Украшения с подобной формулой привозили в Юго-Западный Крым со второй половины VI века. Формулы «ΦΩΣ ΖΩΗ» выгравированы на щитках сделанных в Константинополе перстней из захоронений второй половины VII в., зачищенных на некрополях Лучистое и Эски-Кермен [25, с. 88–94, рис. 1, 1–2; 2, 2–3]. Высеченные на камне кресты с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» найдены в Херсоне на некрополе [15, № 38, с. 123–124; 16, № 28, с. 32–33], а фрагмент мраморной плитки с врезанным крестом с буквами формулы «ΦΩΣ (Ζ)ΩΗ» обнаружен в помещении 22 в квартале XVII в слое с инвентарем IX–X вв. [10, с. 125, рис. 18, б]. Буквы такой же формулы [11, № V 220] вырезаны и на престольной плите из квартального храма X–XIII вв., раскопанного в 1936 г. на плато Эски-Кермен у западной оборонительной стены [20, с. 5; 9, с. 312, ил. 1, 1, 3]. Приведенные факты указывают на длительный период использования формулы в регионе.

На рассматриваемом камне формула «φῶς – ζωή» сочетается с граффити с формулой «Κύριε βοήθει...» (рис. 1). Взятая из молитвы формула «Κύριε βοήθει...» была популярна в Византии [32, р. 69, 72–73, 76–79, 142, 148, 193, 246; 31, р. 31, № 8; 30, р. 288–289, № 168–169; 29, р. 485–486; 12, с. 98]. Готы и аланы Юго-Западного Крыма использовали данную формулу также в XI–XIII вв., например, на плато Эски-Кермен на наличнике окна квартального храма (+Κ(ύρι)ε, βοήθι μονάχος...) [7, с. 428, рис. 24], и позднее.

В Византии надписи с формулой «ΦΩΣ ΖΩΗ» и обращением «Κύριε βοήθει...» известны с VI в., например, на процессионном кресте последней четверти VI в. из Эмеза (Сирия), хранящемся в Кабинете медалей Национальной библиотеки Франции. Его верхняя ветвь завершается круглым медальоном с вырезанным внутри небольшим крестом с выгравированной надписью «Φῶς ζωή + Κ(ύρι)ε βοήθι Γενναδίαν – Свет, Жизнь! Господи, приди на помощь Геннадию!» [31, р. 31, № 8]. На мраморном надгробии, найденном в 1853 г. в Херсонесе у южной стены Уваровской базилики, построенной в начале VII в. [3, с. 359–360],

поверх рельефного изображения римского периода также вырезали «Φῶς ζωή. Κύριε βοήθει τὸν ὄκον τοῦτον, ἀμήν – Свет, Жизнь. Господи, помоги дому сему. Аминь». По предположению В.В. Латышева, надпись вырезали в первой половине X в. [14, с. 23–24, № 12].

На каралезском камне поверх граффити ΦΩΣ ΖΩΗ вырезаны буквы второго граффити «Ις νικᾷ», означающие «Ι(ησοῦ)ς (Χριστὸς) νικᾷ – Иисус Христос побеждает» (рис. 1, 3–5) [11, № V 186]. В Византии изображения креста с формулой ΙC ΧC ΝΙ ΚΑ (Ι(ησοῦ)C Χ(ριστὸ)C Ν(ικ)Α) появились при императоре иконоборце Льве III (717–741) [40, р. 194–196] и были распространены в более позднее время. Очевидно, тогда же крест с легендой Ἰησοῦς Χριστὸς νικᾷ и с ее монограммой ΙC ΧC ΝΙ ΚΑ изображали и в надписях в Юго-Западном Крыму. Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς νικᾷ [11, № V 226] вырезано на строительной надписи конца VIII – первой половины IX в., обнаруженной, скорее всего, на Эски-Кермене (рис. 2, 2–4) [2, с. 219–220]. Легенда Ἰ(ησοῦ)C Χ(ριστὸ)C νικᾷ вырезана и на арке из помещения XII–XIII вв., раскопанного Д.Л. Талисом на Бакле [22, с. 173–174].

Несомненно, камень из Каралезской базилики был вставлен во внешнюю кладку стены апсиды [37, S. 313]. Граффити на камне разновременные. Не ранее второй половины VI в. на камне могли вырезать формулу ΦΩΣ ΖΩΗ и граффити с формулой κ(ύρι)ε βοήθ(ει...), а не ранее середины VIII в. – граффити «Ις νικᾷ».

В 1938 г. М.А. Тиханова раскопала на Мангупе напротив северной галереи базилики половину крещальни с крестообразной, отштукатуренной розовой цемянкой купелью. Согласно М.А. Тихановой, крещальню соорудили в Доросе одновременно с базиликой в VI веке. Она издала трехстрочное граффити из крещальни, вырезанное в центре обратной стороны обломка карниза с двойным рядом листьев острозубчатого аканфа из местного известняка, лежавшего на плитовом полу: «+Ο ΘΣΤΙ ΠΡΟΣΒΕΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΙΩΑΝΝΟΥ ΣΩΣΟΝ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΟΥ ΠΑΠΑΝ ΓΡΙΓΩΡΙΝ ΑΝΑΓΝΟΣ ΤΗΝ ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ ΑΜΗΝ (рис. 3) – О, Боже, [услышь] просьбу святого Иоанна и спаси его, отца Григория, чтеца грешника. Аминь». По ее атрибуции, граффити «на-

писано унциальным письмом V–VI вв.» [23, с. 386]. В.П. Яйленко, основываясь на своем ошибочном чтении надписи «ὁ ἐστὶ πρεσβεῖα τοῦ ἁγίου | Ἰωάννου. Σῶσον τὸν δοῦλόν | σου παῖν Γριγ(ό)ριν, ἀναγν(ώ)σ | την ἁμαρτολόν. Ἀμήν – Эта [крещальня] – честные дары святого Иоанна. Спаси раба твоего попа Григория, грешного чтеца. Аминь», счел надпись строительной и утверждал, что возведенную в VI в. крещальню посвятили св. Иоанну Крестителю [27, с. 163]. В монографии 1999 г. я обратил внимание на сочетание лексем *παῖς* и *ἀναγν(ώ)σ*, позволяющее судить о дате надписи и крещальни. В соответствии с авторитетным «Лексиконом» Е.А. Софоклеса, с XI в. церковного чтеца стали называть лексемой «поп» [38, р. 839], как, например, в новелле 1057–1059 гг. Исаака Комнина (1057–1204): «...λιτὸν παῖν ἤτοι ἀναγνώστην – простой поп, то есть чтец» [33, Col. 4, Nov. I, р. 322]. Возражая мне, М.А. Курышева и Б.Л. Фонкич, не приводя каких-либо аргументов, декларировали использование обеих лексем с глубокой древности (равно как и обозначаемые ими социальные роли) [13, с. 175–176]. Было бы интересно узнать, где «в глубокой древности» лексемами *παῖς* и *ἀναγν(ώ)с* именovali клириков?

К сожалению, при раскопках крещальни и базилики как в 1938 г., так и проводившихся с 1967 г. не выделялись комплексы керамики и не выяснялась их хронология. Поэтому о дате нанесения граффити на обломки карниза следует судить по зафиксированной М.А. Тихановой стратиграфии строительных остатков. Как явствует из опубликованного ею отчета [23, с. 382–386], в крещальне зафиксированы остатки двух строительных периодов. В I период в VI в. в здании сделали пол из мозаики красного, черного и белого цветов и вырубили в скале две гробницы IV–V, а позднее – гробницу VI. Дату захоронения в гробнице V она определяет по единственной находке – золотой серьге с тремя зернинками, отнесенной к VI–VII векам. Во II период поверх мозаики на слой известкового раствора уложили новый пол из хорошо обтесанных прямоугольных плит [23, с. 382–386]. К этому периоду необходимо причислить гробницы, прорезающие мозаичный пол и накрытые плитами вторичного пола. В заполнении

гробниц содержались кубики мозаики и фрагменты штукатурки стен крещальни со следами фресок. Извлеченная из гробницы V золотая серьга типична не для VI–VII вв., а для VII–IX вв. [24, с. 98].

Возможно, крещальню и базилику построили одновременно в конце VI в. в результате византийской реформы системы управления области Дори [5, с. 42]. Крещальню могли разрушить при захвате Дороса хазарским отрядом, подавившим восстание готов под руководством епископа Иоанна Готского после 784, но до 787 г. [2, с. 218–221]. В конце VIII в. крещальню перестроили в храм. В нем поверх мозаичного пола сделали новый пол из больших плит и вырубили гробницы. В результате новой перестройки храма его стену не декорировали карнизом с листьями аканфа, а использовали его обломки в кладке в качестве обычных камней. Впоследствии на обратной заглаженной стороне фрагментов карниза врезали граффити. А.Ю. Виноградов в фондах Бахчисарайского заповедника на втором фрагменте того же карниза прочел другое граффити: «[Κ(ύρι)ε, βοήθει (e.g.)] Ἀγα[πί]ο ἀναξ(ί)ο πρ(ω)το[π]α[π]ῆ (?) – [Господи, помоги (?)] Агапию, недостойному протопопу» [11, № V 183].

Неизвестно, когда разрушили новый храм и обломки карниза упали на плиты вторичного пола. Поскольку храм на руинах крещальни построили не раньше конца VIII в., то граффити на обломках карниза могли вырезать либо в IX в., либо позднее.

Ф.И. Шмит опубликовал фотографию обломка прямоугольной известняковой плиты с надписью из вымостки пола Эски-Керменской базилики (рис. 2, 1). По его мнению, византийцы построили базилику «в порядке государственного мероприятия» в VI в. вместе с оборонительными стенами и жилыми зданиями [26, с. 242]. На камне вырезаны прямая линия, а под ней «ς стигма» (лигатура греческих букв сигма и тау, используемая для обозначения греческой цифры 6), π или λ и открытое ρ (рис. 2, 2–4) [26, с. 224, рис. 63]. А.Ю. Виноградов увидел в «ςλρ'» число 136 с обратным порядком знаков, характерным, например, для боспорской эпиграфики [11, № V 225]. Правда, он не обосновал столь вольное предположение об использовании в средневековом городе на

плато Эски-Кермен именно боспорского счета. Условия находки ограничивают дату надписи временем функционирования базилики – конец VI в. – 1298/9 г. [6, с. 5–6, 9–11].

Результаты. Как явствует из вышесказанного, бесспорным свидетельством деятельности Византии в регионе в VI в. является только найденный в поздней плитовой могиле у базилики на Мангупе обломок плиты со строительной надписью с упоминанием императора Юстиниана I. Ее текст коррелируется с информацией Прокопия о строительстве по повелению императора «Длинных стен» в области Дори. Скорее всего, надпись сообщала о возведении одной из «Длинных стен» в балке Каралез у подножия Дороса. Не исключено, что камень с типичными для Византии граффити с формулой ΦΩC ZΩH и с формулой κ(ύρι)ε βοήθ(ει...) вставили в стену

апсиды Каралезской базилики сразу после ее сооружения во второй половине VI века.

Судя по стратиграфии, выявленной в 1938 г. в процессе раскопок крещальни на Мангупе, вызвавшее длительную дискуссию граффити вырезали на обратной стороне карниза во II строительный период не ранее IX века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1, 1–5. Камень с вырезанным крестом и граффити из базилики в балке Каралез
 Fig. 1, 1–5. Stone with the carved cross and graffiti from the basilica in the Karalez valley

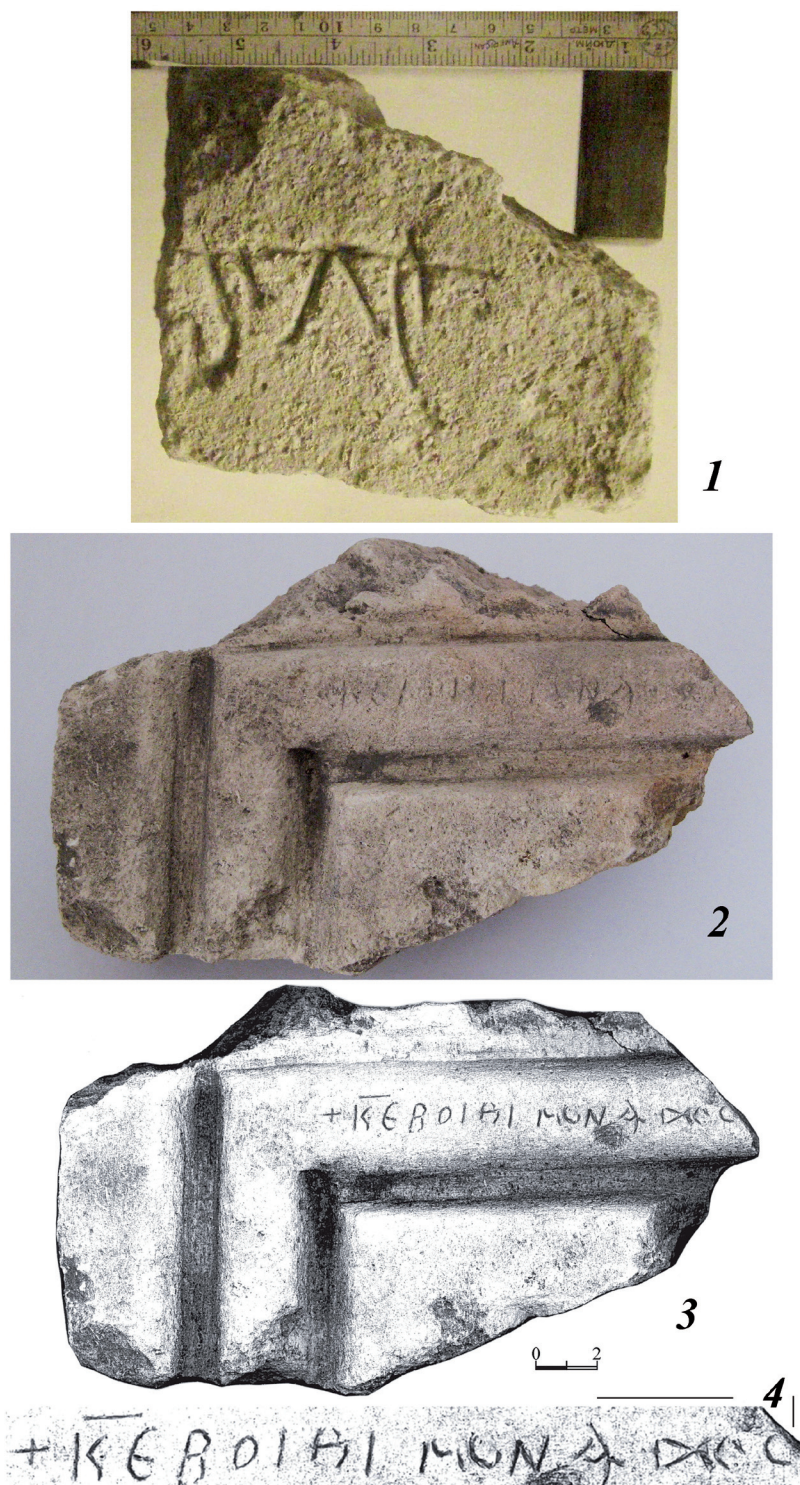

Рис. 2, 1–4. Эски-Кермен. Камни с надписями:

- 1 – из раскопок базилики в 1930 г.;
 2 – фотографии фрагмента наличника окна с граффити из храма в квартале 1;
 3 – рисунок того же камня; 4 – граффити +Κ(ύρι)ε, βοίθι μονάχος... (рис. В.А. Сидоренко)

Fig. 2, 1–4. Eski-Kermen. The stones with the inscription:

- 1 – from the excavation of the basilica in 1930;
 2 – photos of a fragment of a window platband with the graffiti from the temple in the quarter 1;
 3 – drawing of the same stone; 4 – graffiti +Κ(ύρι)ε, βοίθι μονάχος... (by V.A. Sidorenko)

Рис. 3. Камень с граффити из раскопок на Мангупе в 1938 г. (фото Д.А. Шалыги)

Fig. 3. Stone with the graffiti from the excavations on Mangup in 1938 (photo by D.A. Shalyga)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Этническая история ранне-византийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь : Дар, 1999. – 352 с.
2. Айбабин, А. И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2010. – Вып. XVI. – С. 214–239.
3. Айбабин, А. И. Ранневизантийский Херсонес – Херсон / А. И. Айбабин // Труды Государственного Эрмитажа. – 2010. – Т. 51 : Византия в контексте мировой культуры. – С. 353–379.
4. Айбабин, А. И. О локализации области Дори / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2015. – Вып. XX. – С. 311–332.
5. Айбабин, А. И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века / А. И. Айбабин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 5. – С. 38–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.
6. Айбабин, А. И. Изучение центральной части города / А. И. Айбабин // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. – Симферополь : Антиква, 2021. – С. 5–25. – (Материалы Эски-Керменской экспедиции ; вып. I).
7. Айбабин, А. И. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2011. – Вып. XVII. – С. 422–457.
8. Айбабин, А. И. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.) / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : Антиква, 2017. – 366 с. – (Крым в истории, культуре и экономике России).
9. Айбабин, А. И. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Античная древность и средние века. – 2020. – Т. 48. – С. 310–326.
10. Белов, Г. Д. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) / Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – № 34 : Археологические памятники Юго-Западного Крыма. – С. 109–159.
11. Виноградов, А. Византийские надписи Северного Причерноморья / А. Виноградов. – Лондон : Кингс Колледж, 2015. – (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae ; vol. V). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html> (дата обращения: 13.03.2021). – Загл. с экрана.
12. Евдокимова, А. А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности / А. А. Евдокимова // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. – М. : Пробел-2000, 2019. – С. 95–104.
13. Курышева, М. А. К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики / М. А. Курышева, Б. Л. Фонкич // Средние века. – 2017. – Т. 78, № 3. – С. 167–179.
14. Латышев, В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России / В. В. Латышев. – СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1896. – 143 с.
15. Латышев, В. В. Эпиграфические новости из Южной России / В. В. Латышев // Известия Археологической комиссии. – 1906. – Вып. 18. – С. 95–137.
16. Латышев, В. В. Эпиграфические новости из Южной России / В. В. Латышев // Известия Археологической комиссии. – 1908. – Вып. 27. – С. 15–41.
17. Латышев, В. В. Эпиграфические новости из южной России / В. В. Латышев // Известия Археологической комиссии. – 1918. – Вып. 65. – С. 9–21.
18. Моисеев, Л. А. Раскопки в Мангупе / Л. А. Моисеев // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 годы. – Петроград : Девятая гос. тип., 1918. – С. 72–84.
19. Равдоникас, В. И. Пещерные города Крыма и Готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья / В. И. Равдоникас // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1932. – Вып. XII. – С. 5–106.
20. Репников, Н. И. Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. / Н. И. Репников // Рукописный архив ИИМК РАН. – Ф. 2. – Оп. 1, 1936. – Д. 268. – 66 с.
21. Сидоренко, В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму / В. А. Сидоренко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1991. – Вып. II. – С. 105–118.
22. Соломоник, Э. И. Новые греческие lapidарные надписи средневекового Крыма / Э. И. Соломоник // Византийская Таврика. – Киев : Наукова думка, 1991. – С. 172–179.
23. Тиханова, М. А. Базилика / М. А. Тиханова // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – № 34. – С. 334–389.
24. Хайрединова, Э. А. Женский костюм с южно-крымскими орлиноголовыми пряжками / Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2000. – Вып. VII. – С. 91–133.

25. Хайрединова, Э. А. Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов / Э. А. Хайрединова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 88–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.

26. Шмит, Ф. И. Эски-Керменская базилика / Ф. И. Шмит // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1932. – Вып. XII. – С. 213–254.

27. Яйленко, В. П. О корпусе византийских надписей в СССР / В. П. Яйленко // Византийский временник. – 1987. – Т. 48. – С. 160–173.

28. Якобсон, А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика / А. Л. Якобсон // Советская археология. – 1940. – № 6. – С. 205–226.

29. Asdracha, C. Inscriptions protobyzantines et byzantines de la Thrace Orientale et de l'Île d'Imbros (IIIe–XVe siècles) / C. Asdracha. – Athènes : Ministère de la Culture, Caisse des Recettes Archeologiques, 2003. – 521 p.

30. Byzantine Women and Their World / ed. I. Kalavrezou. – New Haven ; London : Yale University Press, 2003. – 335 p.

31. Feissel, D. Trois donations byzantines au Cabinet des Medailles / D. Feissel, C. Morisson, J.-Cl. Cheynet. – Paris : Bibliothèque Nationale De France, 2001. – 56 p.

32. Guillou, A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie / A. Guillou. – Rome : École française de Rome, 1996. – 257 p.

33. Jus Graeco-Romanum. Ps. III / ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae : T. O. Weigel, 1857. – 748 p.

34. Perdrizet, P. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte par G. Lefebvre, 1907 / P. Perdrizet // Revue des études anciennes. – 1911. – Т. 13, № 2. – P. 233–236.

35. Prisciani Grammatici Caesariensis Institutio-num grammaticarum libri XVIII / ed. M. Hertzii. – Lipsiae : B. G. Teubner, 1855. – 288 p.

36. Procopius. On Buildings / transl. by H. B. Dewing, G. Downey. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1940. – P. 3–363. – (Loeb Classical Library).

37. Sidorenko, V. Funde aus dem Umfeld des Mangup / V. Sidorenko // Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010. – München : Hirmer, 2010. – S. 313–314.

38. Sophocles, E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods / E. A. Sophocles. – Cambridge : Harvard University Press, 1914. – 1188 p.

39. Vasiliev, A. A. The Goth in the Crimea / A. A. Vasiliev. – Cambridge, MA : The Medieval Academy of America, 1936. – 292 p.

40. Walter, C. IC XC NI KA the Apotropaic Function of the Victorious Cross / C. Walter // Revue des études byzantines. – 1997. – Т. 55. – P. 193–220.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999. 352 p.

2. Aibabin A.I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu [Site on the Plateau of Eski-Kermen During the Period of Khazars' Predominance in Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, iss. 16, pp. 214–239.

3. Aibabin A.I. Rannevizantiyskiy Khersones – Kherson [Early Byzantine Chersonesos – Cherson]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Works of the State Hermitage], 2010, vol. 51: Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury [Byzantium in the Context of World Culture], pp. 353–379.

4. Aibabin A.I. O lokalizatsii oblasti Dori [On the Location of the Region of Dory]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, iss. 20, pp. 311–332.

5. Aibabin A.I. O reforme sistemy upravleniya vladenyami Vizantii v Krymu v posledney chetverti VI veka [On the Reform of the Administrative System of Byzantium's Possessions in the Crimea in the Last Quarter of the 6th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.

6. Aibabin A.I. Izuchenie tsentralnoy chasti goroda [Research of the Central Part of the City]. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020]. Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 5–25. (Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii [Materials of the Eski-Kermensky Expedition]; iss. 1).

7. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen [Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, iss. 17, pp. 422–457.

8. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean

Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017. 366 p. (Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii [Crimea in the History, Culture and Economy of Russia]).

9. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Kvartalnye khramy srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen [Quarter Churches of the Medieval Town atop Eski-Kermen Plateau]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310-326.

10. Belov G.D., Yakobson A.L. Kvartal XVII (raskopki 1940 g.) [Quarter 17 (Excavations of 1940)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archaeology of the USSR], 1953, no. 34: Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma [Archaeological Monuments of Southwestern Crimea], pp. 109-159.

11. Vinogradov A. *Vizantiyskie nadpisi Severnogo Prichernomor'ya* [Byzantine Inscriptions of the Northern Black Sea Region]. London, Kings Kolledzh, 2015. (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae; vol. 5). URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html> (accessed 13 March 2021).

12. Evdokimova A.A. Vizantiyskie nadpisi Kryma, formuly i lingvisticheskie osobennosti [Byzantine Greek Inscriptions from Crimea, Formulas and Their Linguistic Features]. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, pp. 95-104.

13. Kuryshcheva M.A., Fonkich B.L. K paleograficheskoy interpretatsii grecheskikh graffiti Mangupskoy baziliky [Towards a Paleographic Interpretation of the Greek Graffiti of the Mangup Basilica]. *Srednie veka* [Middle Ages], 2017, vol. 78, no. 3, pp. 167-179.

14. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii* [Collection of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1896. 143 p.

15. Latyshev V.V. Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoy Rossii [Epigraphic News from Southern Russia]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii* [News of the Archaeological Commission], 1906, iss. 18, pp. 95-137.

16. Latyshev V.V. Epigraficheskie novosti iz yuzhnoy Rossii [Epigraphic News from Southern Russia]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii* [News of the Archaeological Commission], 1908, iss. 27, pp. 15-41.

17. Latyshev V.V. Epigraficheskie novosti iz yuzhnoy Rossii [Epigraphic News from Southern

Russia]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii* [News of the Archaeological Commission], 1918, iss. 65, pp. 9-21.

18. Moiseev L.A. Raskopki v Mangupe [Excavations in Mangup]. *Otchet Arkheologicheskoy komissii za 1913-1915 gody* [Report of the Archaeological Commission 1913-1915]. Petrograd, Devyataya gosudarstvennaya tipografiya, 1918, pp. 72-84.

19. Ravdonikas V.I. Peshchernye goroda Kryma i Gotskaya problema v svyazi so stadialnym razvitiem Severnogo Prichernomor'ya [Cave Cities of Crimea and the Gothic Problem in Connection with the Stadial Development of the Northern Black Sea Region]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kultury* [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, iss. 12, pp. 5-106.

20. Repnikov N.I. Otchet o rabotakh na Eski-Kermene v 1936 g. [Report on Work on Eski-Kermen in 1936]. *Rukopisnyy arkhiv IIMK RAN* [Manuscript Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 2, inv. 1, 1936, d. 268. 66 p.

21. Sidorenko V.A. «Goty» oblasti Dori Prokopiya Kesariyskogo i «dlinnye steny» v Krymu [Procopius of Caesarea's "Goths" in the Region of Dory and the "Long Walls" in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, iss. 2, pp. 105-118.

22. Solomonik E.I. Novye grecheskie lapidarnye nadpisi srednevekovogo Kryma [New Greek Lapidary Inscriptions of Medieval Crimea]. *Vizantiyskaya Tavrika* [Byzantine Taurica]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 172-179.

23. Tikhanova M.A. Bazilika [Basilica]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR], 1953, no. 34, pp. 334-389.

24. Khairedinova E.A. Zhenskiy kostyum s yuzhnokrymskimi orlinogolovymi pryazhkami [Woman's Costume with Southern-Crimean Eagle-Headed Buckles]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, iss. 7, pp. 91-133.

25. Khairedinova E.A. Vizantiyskie perstni s nadpis'yu «FWC ZWH» iz pogrebeniy krymskikh gotov [Byzantine Finger Rings with the Inscription FWC ZWH from Burials of the Crimean Goths]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 88-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.

26. Shmit F.I. Eski-Kermenskaya bazilika [Eski-Kermen Basilica]. *Izvestiya Gosudarstvennoy*

akademii istorii materialnoy kultury [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, iss. 12, pp. 213-254.

27. Yaylenko V.P. O korpuse vizantiyskikh nadpisey v SSSR [On the Corpus of Byzantine Inscriptions in the USSR]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1987, vol. 48, pp. 160-173.

28. Yakobson A.L. Iz istorii srednevekovoy arkhitektury v Krymu. II. Mangupskaya bazilika [From the History of Medieval Architecture in the Crimea. 2. Mangup Basilica]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1940, no. 6, pp. 205-226.

29. Asdracha C. *Inscriptions proto-byzantines et byzantines de la Thrace Orientale et de l'Île d'Imbros (IIIe–XVe siècles)*. Athens, Ministère de la Culture, Caisse des Recettes Archeologiques, 2003. 521 p.

30. Kalavrezou I., ed. *Byzantine Women and Their World*. New Haven, London, Yale University Press, 2003. 335 p.

31. Feissel D., Morrisson C., Cheynet J.-Cl. *Trois donations byzantines au Cabinet des Medailles*. Paris, Bibliothèque Nationale De France, 2001. 56 p.

32. Guillou A. *Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie*. Rome, École française de Rome, 1996. 257 p.

33. Zachariä a Lingenthal C.E., ed. *Jus Graeco-Romanum. Ps. 3*. Lipsiae, T. O. Weigel, 1857. 748 p.

34. Perdrizet P. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte par G. Lefebvre, 1907. *Revue des études anciennes*, 1911, vol. 13, no. 2, pp. 233-236.

35. Hertzii M., ed. *Prisciani Grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1855. 288 p.

36. Procopius. *On Buildings*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1940, pp. 3-363 (Loeb Classical Library).

37. Sidorenko V. Funde aus dem Umfeld des Mangup. *Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 26. Februar bis 13. Juni 2010*. München, Hirmer, 2010, S. 313-314.

38. Sophocles E.A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. Cambridge, Harvard University Press, 1914. 1188 p.

39. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, MA, The Medieval Academy of America Publ., 1936. 292 p.

40. Walter C. IC XC NI KA the Apotropaic Function of the Victorious Cross. *Revue des études byzantines*, 1997, vol. 55, pp. 193-220.

Information About the Author

Aleksandr I. Aibabin, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Research Centre of History and Archaeology of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

Информация об авторе

Александр Ильич Айбабин, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.2>

UDC 904(470)“6/15”

LBC 63.4(2)

Submitted: 20.05.2021

Accepted: 02.07.2021

CERAMIC AND STONE BREAD STAMPS OF TAURICA. TO THE QUESTION OF THE ALLOCATION OF STYLISTIC GROUPS

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Among the liturgical objects of the Byzantine Christian cult, liturgical bread stamps make up a special category. Despite the fact that they have become widespread on the territory of the Byzantine Empire since late antique and early medieval times, for medieval Crimea they remain a rare find. The source base of the work consists of 34 ceramic and limestone bread stamps, discovered in different years in almost all regions of medieval Taurica. Of these, only 3 copies were not introduced into scientific circulation, which greatly simplifies the work and avoids unnecessary repetitions. Bronze and wooden bread stamps, which have a pronounced originality, are not considered in this work. *Methods and materials.* The standard methods, which usually involved for the study of archaeological materials, are used in the work: stratigraphic, typological, and comparative. *Analysis.* Despite the fact that each bread stamp found on the peninsula has individual features, the work for the first time made an attempt to distinguish several stable stylistic groups. The main criterion is the design features of the objects and the arrangement of the elements forming the composition. *Results.* The data obtained made it possible to conclude that today we can talk about 8 groups in which stamps of different morphology are presented. The chronological scope of the occurrence and the period of existence of each of these groups is different. Archaeological complexes are also different, where products of a particular group were recorded. In quantitative terms, the groups are also not uniform. Some of them form single specimens of prosphores, others are more numerous.

Key words: medieval Taurica, bread stamps, ornamentation, chronology, stylistic groups.

Citation. Maiko V.V. Ceramic and Stone Bread Stamps of Taurica. To the Question of the Allocation of Stylistic Groups. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 19-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.2>

УДК 904(470)“6/15”

ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 20.05.2021

Дата принятия статьи: 02.07.2021

КЕРАМИЧЕСКИЕ И КАМЕННЫЕ ПРОСФОРНЫЕ ШТАМПЫ ТАВРИКИ. К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Среди литургических предметов византийского христианского культа особую категорию составляют просфорные штампы. Несмотря на то что они получили распространение на территории Византийской империи еще с позднеантичного и раннесредневекового времени, для средневекового Крыма они остаются редкой находкой. Источниковую базу работы составляют 34 керамических и известняковых штампа, обнаруженных в разные годы во всех регионах средневековой Таврики. Из них только 3 экземпляра не введены в научный оборот, что позволяет избежать повторений. Бронзовые и деревянные просфорные штампы, имеющие ярко выраженное своеобразие, в данной работе не рассматриваются. *Методы и материалы.* Используются стандартные методы сравнительного стилистического анализа. *Анализ.* Несмотря на то что каждый хлебный просфорный штамп, найденный на полуострове, обладает индивидуальными чертами, можно попытаться выделить несколько устойчивых стилистических групп. Главным критерием при этом выступают особенности оформления предметов и расположение образующих композицию элементов. *Результаты.* Полученные данные позволили говорить о том, что на сегодняшний день выделяется 8 групп, в которых представлены штампы разной морфологии. Хроноло-

гические рамки возникновения и периода существования каждой из этих групп различны. Отличаются и археологические комплексы, где изделия той или иной группы были зафиксированы. В количественном отношении группы так же не равномерны. Некоторые из них образуют единичные экземпляры просфор, другие – более многочисленны.

Ключевые слова: средневековая Таврика, хлебные штампы, орнаментация, хронология, стилистические группы.

Цитирование. Майко В. В. Керамические и каменные просфорные штампы Таврики. К вопросу о выделении стилистических групп // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 19–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.2>

Введение. Среди литургических византийских предметов особую категорию составляют просфорные штампы. Несмотря на то что они получили распространение на территории Империи еще с позднеантичного и раннесредневекового времени, для средневековой Таврики эти изделия остаются редкой находкой. Практически все крымские штампы неоднократно опубликованы, а большая часть херсонесских находок [7; 8; 23], изделий восточного [11, с. 181–182], юго-западного [1, с. 428–429; 2, с. 8; 3] и южного Крыма [4] проанализированы. За некоторым исключением каждый артефакт носит несомненные индивидуальные черты. Тем не менее попытка систематизации всего материала, предпринимаемая в этой работе впервые, наверное, имеет смысл. Именно она, с максимально полным привлечением опубликованных аналогий с других территорий, позволит, на наш взгляд, выделить стилистические группы штампов, зафиксированных на полуострове.

Источниковую базу работы на сегодняшний день составляют 33 изделия. 18 предметов найдено в Херсонесе. 4 известны благодаря дореволюционным исследованиям. Штампы 1896 и 1898 гг. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в юго-восточном районе датированы VI в., археологический контекст до конца не ясен [9, с. 242, № 591; 16, с. 602, № 370, с. 604, № 372]. Археологический контекст находки, сделанной этим же ученым в 1905 г. у Карантинной бухты [9, с. 242–243, № 592], вообще неизвестен. Не просто реконструировать и контекст находки штампа 1909 г., происходящего из раскопок Р.Х. Лёпера помещения XXXI на монастырском огороде [18, с. 96, рис. 1, 2]. Штамп, найденный П.П. Ефименко и переданный Г.Д. Белову [7, с. 206, рис. 8], является подъемным материалом, датированным X–XII веками. Контекст остальных находок известен. 2 штампа происходят из

раскопок 1960 г. Н.В. Пятыхевой общественного здания на участке водохранилища в слое, датированном VIII в. [18, с. 96, рис. 1, 3, с. 98, рис. 2, 4]. Три штампа найдены в 1963, 1969 и 1989 гг. экспедициями Л.Г. Колесниковой и А.И. Романчук в портовом районе в кладках и заполнениях жилых усадеб и площади перед «Храмом с аркосолиями». Два изделия с изображениями Святых традиционно датируются VI в. [16, с. 603, 605, № 371, 373], с крестообразной монограммой – XII в. [18, с. 96, рис. 1, 1]. Наибольшая коллекция разнообразных штампов, состоящая из 8 экземпляров, зафиксирована при раскопках Л.В. Седиковой городского водохранилища в Южном районе, окончательная засыпь которого датируется по сопутствующему археологическому материалу первой половиной IX века. 3 экземпляра опубликовано [24, с. 511, рис. 1; 22, с. 239, рис. 134; 17, рис. 39], четыре [19, рис. 15, 2] только упомянуты в литературе [20, с. 239; 23], фрагмент еще одного, с сюжетным изображением из этого же археологического объекта [21, рис. 33, 2] не введен пока в научный оборот.

В Керчи хлебных штампов обнаружено 2, к сожалению, оба вне археологического контекста [9, с. 243–244, № 593, 594]. Еще 2 изделия найдены в 2017 г. в объекте № 31, расположенном на участке квадрата П-26 участка № 209 салтово-маяцкого поселения Биели в пос. Октябрьский близ Керчи [14, с. 85, рис. 1, 4] и в 2015 г. в слое золистой супеси на участке раскопа «Восточный» синхронного поселения Белинское на территории Ленинского района [15, с. 321, рис. 1, 8]. В первом случае, в связи с отсутствием на исследованной территории памятника стратифицированных культурных напластований позднеантичного времени, штамп может датироваться в рамках VIII – рубежа IX/X веков. Предположительно этим же временем датируется и второй предмет. На террито-

рии Восточного Крыма находки просфорных штампов единичны. Один, синхронный двум вышеуказанным, зафиксирован в комплексе гончарных печей салтово-маяцкого времени близ с. Лесное Судакского района [13, с. 190, рис. 1, 2], второй – в заполнении сооружения 7 раскопа XXII поселения Бакаташ II второй половины XIII – первой половины XIV в. [5, с. 348, ил. 18], третий является случайной находкой на территории Феодосии [6, с. 116, рис. 1, 4], археологический контекст которой неизвестен.

На территории крымского Южного бережья коллекцию хлебных штампов составляют всего две находки, зафиксированные при проведении подводных исследований в бухте пос. Карасан [4, с. 186, рис. 1, 2] и при раскопках средневекового Алустона [10, рис. 6]. В первом случае основная масса сопутствующего материала датировалась второй половиной X в., во втором – изделие было обнаружено в переотложенных слоях XIII–XV вв., заполнявших помещение 69 внутрикрепостной застройки Алустона.

Более многочисленны штампы в Юго-западном Крыму. По одному экземпляру найдено на Эски-Кермене в слоях гибели второй половины XIII в. усадьбы 1 на территории городища [1, с. 457, рис. 25], Мангупе в синхронных материалах раскопок 1976 г. Мангупской базилики [3, с. 54, ил. 1] и с. Гончарное Бахчисарайского района с территории некрополя [12, с. 135, рис. 1, 1] второй половины VIII – первой половины IX века. Три известняковых изделия зафиксировано при проведении раскопок на городище Бакла в 2003 г. при зачистке апсиды и наоса христианского храма второй половины VIII – первой половины IX в. [25, с. 283–284, рис. 6, 1–3].

Имея описанную выше источниковую базу, в качестве критериев для выделения стилистических групп сложно использовать хронологический и, вероятно, бесполезно морфологический. Время появления различных категорий хлебных штампов, в том числе и глиняных, и время их бытования, исходя из «раритетности» изделий, установить всегда не просто, что неоднократно подчеркивалось специалистами [30, р. 594]. Формы этих артефактов самые разнообразные, от использования фрагментов керамики до технологически сложных составных изделий с разнообразными вариантами ручек. Исследователями была сделана попытка

выделить изделия, безусловно, предназначенные для евхаристических целей. К решающим аргументам причисляют наличие формулы $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma\text{N}\text{I}\text{K}\text{A}$, в различных вариантах написания и изображения [29, S. 1–46; 33], присутствие в тексте легенды $\text{EY}\text{I}\text{O}\Gamma\text{I}\text{A}$, декорации в виде так называемого триумфального креста [34]. К сожалению, далеко не все штампы, в том числе и крымские, содержат легенды. На наш взгляд, логичнее всего применить не просто подобие изображений на предметах, а принцип сочетания христианских элементов на каждом конкретном изделии.

Методы. Для решения поставленных задач в работе используются методы, привлекаемые в исследовании археологических материалов. А именно: стратиграфический метод для определения относительной хронологии контекстов находок, типологический метод и стилистический анализ для группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий и культурной принадлежности артефактов.

Анализ. В первую стилистическую группу логично объединить хлебные штампы с изображениями Святых. Это два идентичных изделия с образом Святого Фоки, штампы с изображениями двух Святых, Святого Лонгина и фрагмент штампа с сюжетным изображением, реконструировать которое сложно (рис. 1, 1–5). Важно отметить, что все они содержали круговую легенду и обнаружены исключительно в центральном городе византийского Крыма – Херсонесе. Не исключено, что они относятся к ранним произведениям подобного рода, датируемым VI в., но встречены и в контекстах более позднего времени. Аналогии им многочисленны.

Выделение остальных стилистических групп условно и по мере накопления материала может быть скорректировано. Во вторую группу можно отнести четыре изделия, происходящие из заполнения цистерны в Херсонесе. Композиция проста и состоит из разделенного на клетки поля с заполнением каждой рельефным крестом со слегка расширяющимися концами (рис. 1, 6). Аналогии подобным штампам за пределами полуострова многочисленны. Прежде всего, вспомним штампы из Иерусалима, Афин и Аттики [31, р. 90–91, fig. 43–45], а также широко известный штамп 60-х гг. XIII в.

из Монастыря Святой Екатерины на Синае [31, р. 88, fig. 42]. Близок и штамп из ближневосточных ранневизантийских материалов Иордании, вырезанный из известняка [32, р. 28, fig. 25]. Важно отметить, что клетки в данном случае заполнены крупными мальтийскими крестиками с лучами в виде треугольников. Исходя исключительно из нескольких аналогий и палеографических особенностей текста, штамп датируется VI в. [32, р. 28], но очевидно его использование и в более позднее время.

Третья группа, наиболее многочисленная и разнообразная, характеризуется наличием центрального креста, и дополнительными крестиками в одном случае треугольниками, расположенными между лучами и олицетворявшими формулу $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma\text{NI}\text{KA}$. В настоящий момент можно говорить о следующих условиях вариантах.

Вариант 1, близкий группе 2, пока отсутствующий в Крыму, составляют изделия из восточно-фракийского Галлиполи [27, s. 89, fig. 1] и Итальянского Солето [26, р. 528, fig. 3], где центральный крест, разделенный на четыре сектора, заполнен дополнительными крестиками. На штампе из Солето между лучами креста – треугольники. Изделие из Галлиполи, исходя из археологического материала, датируется второй половиной X – XI веком.

Вариант 2 представлен только тремя крымскими штампами, происходящими из Херсонеса, Керчи и Эски-Кермена (рис. 1, 7, 10, 13). Изделия из Керчи и Херсонеса полностью идентичны и различаются только наличием легенды у Херсонесского экземпляра. В центре композиции у них расположен крест с расширяющимися концами, заполненными двумя рядами крестиков в квадратах. Между рукавами креста – четыре медальона с крестиками, в каковых В.Н. Залесская видит благопожелание – $\chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma\ \chi\rho\iota\sigma\tau\iota\alpha\nu\omicron\iota\varsigma\ \chi\alpha\rho\iota\zeta\epsilon\tau\alpha\iota\ \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ (Христос дарует христианам благодать) [7, с. 206]. Не исключено, однако, что они все же символизируют формулу $\text{I}\Sigma\text{X}\Sigma\text{NI}\text{KA}$. Эски-Керменский штамп отличается тем, что центральный крест с почти прямыми лучами занимает большее пространство, разбит на меньшее число ячеек, а сами крестики имеют лучи в виде треугольников. Помимо этого в центральном средокрестии два наложенных один на другой креста, образующие подобие вось-

милепестковой розетки. Аналогии этому варианту за пределами Крыма автору неизвестны.

Вариант 3 представлен на полуострове пока двумя экземплярами, один из которых зафиксирован при раскопках гончарных печей близ с. Лесное Судакского региона, второй, каменный – из раскопок некрополя у с. Гончарное Бахчисарайского района (рис. 1, 8, 11).

В центре медальона Судакского изделия помещен круг диаметром 7 см, в который вписан крест с заметно расширяющимися сильно вогнутыми лучами, на краях которых помещены крупные точки – «слёзки». У «Бахчисарайского» – в двойной круг, украшенный зигзагом, помещен центральный крест с раздвоенными концами лучей.

Между лучами крестов обоих предметов диагонально расположены четыре мальтийских крестика с лучами в виде треугольников. На Судакском штампе композицию дополняют аналогичные, но меньшие по размеру кресты, повернутые на 90° друг к другу, находящиеся в поле между вогнутыми лучами и обрамляющим кругом. На «Бахчисарайском» – крестики из пересекающихся линий с четырьмя точками между лучами, находящиеся по сторонам от «мальтийского» крестика. По технике нанесения все элементы Судакского штампа – литые, «Бахчисарайского» – выполнены врезной линией.

Среди ближневосточных штампов этой стилистической группы следует, прежде всего, вспомнить типологически наиболее близкую нашим мраморную находку примерно одинаковых размеров из частной американской коллекции [13, с. 190, рис. 1, 3]. Типологически близок и восточно-средиземноморский штамп из коллекции Государственного Эрмитажа [9, с. 244, № 597]. Не исключено, что прообразом данного варианта просфор являются ближневосточные каменные и глиняные экземпляры с так называемым Несторианским крестом, прочерченным простыми пересекающимися линиями, с развернутыми в другой плоскости крестиками между лучами [31, р. 98, fig. 51].

К этому варианту примыкают три совершенно аналогичных штампа из Египта, Афин и Пальмиры, датирующиеся традиционно VI в., где между лучами креста с расширяющимися вогнутыми лучами в нижней части помещены характерные для этого варианта два крестика с лучами в виде треугольников, а в верхней –

две стилизованные птицы [31, р. 122, fig. 68, 69; 4, с. 186, рис. 1, 6].

Вариант 4 образуют два идентичных штампа из случайных находок в Херсонесе и из материалов салтовского поселения Белинское (рис. 1, 9, 12). Совпадает не только изображение, но и круговая легенда. К этому же варианту можно отнести и штамп из водохранилища в Херсонесе, где центральный медальон заполнен крестом с расширяющимися лучами, четырехлепестковой розеткой в центре и крестиками на каждом из лучей, с лучами в виде треугольников. В радиально расходящихся от центра девяти секторах помещены аналогичные крестики (рис. 2, 1). И тут присутствует легенда, в которой определенно читаются два слова: «евлогия» и «Бога» [23].

В центре изделий из Белинского и Херсонеса в медальоне расположен крест с расширяющимися лучами, разделенными треугольниками. В радиально расходящихся от центра двенадцати секторах помещены крестики с лучами в виде треугольников. По мнению В.Н. Залесской, эти сектора с крестами могли символизировать двенадцать Апостолов [7]. По мнению исследовательницы, есть основания полагать, что Херсонесский штамп из случайных находок может свидетельствовать о связях Северного Причерноморья с монофиситским Востоком.

Вариант 5, выделение которого не бесспорно, составляют два изделия, происходящие из раскопок Херсонеса (рис. 2, 2, 3). На одном из них между лучами центрального креста с расширяющимися концами помещены трилистники, на другом к центральному кресту примыкают составные уголки разных размеров, образующие подобие восьмилепестковой розетки. Среди типологически близких изделий мы можем упомянуть только штамп из Иордании, штампуемое поле которого составляет небрежно выполненная подлобными уголками шестилепестковая розетка [32, р. 23, fig. 9].

Четвертую группу, представленную на полуострове тремя находками из Карасанской бухты, поселения Бакаш и городского водохранилища Херсонеса (рис. 2, 4–6), образуют штампы с центральным крестом с расширяющимися лучами. На Херсонесском предмете концы лучей подчеркнуты точками. Между лучами орнаментация отсутствует и в некоторых случаях заменена вогнутыми или выпуклыми треуголь-

никами. Аналогии этой группе многочисленны. Совершенно идентичный Карасанскому штампу артефакт происходит из Египта [31, р. 37, fig. 18]. Типологически близкие известняковые экземпляры второй половины X – XI в., плоскость которых украшена разнообразными концентрическими ломаными линиями, характерными для этой категории изделий, известны в коллекции Британского музея [28, р. 161–163]. Отметим штамп из агоры Аргоса с хорошо выделенными треугольниками между лучами [34, р. 332, fig. 2] и особенно штамп из Египта [4, с. 186, рис. 1, 3], где треугольники между лучами выполнены в форме расширяющихся вогнутых лучей с точками на концах. Вместе с центральным крестом они образуют подобие восьмилепестковой розетки. О широком распространении данных штампов с простейшей системой орнамента свидетельствуют и находки, сделанные при проведении раскопок 2003 г. христианского храма городища Бакла. Зафиксированные здесь три известняковых изделия с примитивно выполненным орнаментом (рис. 2, 7–9), вероятнее всего, являются местной продукцией.

Пятую группу образует пока единственный экземпляр из поселения Биели возле Керчи, вырезанный на отбитом основании ножки античной амфоры (рис. 2, 10). В медальоне было помещено изображение креста с прямыми практически не расширяющимися лучами. По центру креста толстой линией прочерчен еще один крест, делящий лучи на две равные части. Пространство между лучами представляет собой рельефные треугольники, разделенные прочерченной линией на две равные части. Наиболее близкие аналогии происходят из раскопок Северного участка Тмутараканского городища. Это два изделия, так же изготовленные из ножек античных амфор, на поверхности которых помещены изображения нескольких маленьких крестов. Исходя из археологического контекста, штампы были продатированы XI веком ¹.

Тем не менее это один из ранних видов штампов. Широко известны законсервированные хлебцы из раскопок Помпей с близкими по технике исполнения крестами [31, р. 27, fig. 8]. Ранним примером является крупное каменное изделие диаметром около 14 см из церкви Св. Стефана в Иерусалиме [31, р. 73, fig. 36]. Примером является и более поздний экземпляр

из Солето, так же, как и наш, вырезанный на ножке амфоры [31, р. 61, fig. 29]. Известны подобные штампы и на ножках красноглиняных позднеантичных светильников. Совершенно очевидно, что этот простой крест использовался на протяжении всего раннего средневековья.

Шестую группу образует так же пока единственный двойной штамп из случайных находок в Керчи (рис. 2, 11). На одной его стороне помещен крест с раздвоенными концами лучей. Между двумя верхними расположены две крупные точки, между нижними – две вертикальные слегка изогнутые линии. На другой стороне штампа нанесена шестилепестковая розетка, образованная тремя пересекающимися в центре линиями. Аналогии на территории Таврики нам неизвестны. За ее пределами, в частности, в коллекции музея Спийкенисс в Нидерландах, присутствует двойной глиняный штамп, датирующийся XI–XII вв., с крестом с раздвоенными концами, между которыми с одной из сторон помещены точки [12, с. 135, рис. 1, 2]. Обратим внимание и на хорошо известный штамп из Олимпии, датируемый VI в., с изображением между лучами креста, украшенного крестиками, луны, угла, треугольника и аналогичной шестилепестковой розетки [31, р. 57, fig. 26]. Наибольшее количество аналогий с изображением простого креста с двумя верхними точками между лучами [32, р. 23, fig. 8] и в виде шестилепестковой розетки [32, р. 22, fig. 5] известно пока в Иордании.

Седьмая группа также представлена пока одним изделием. Это двусторонний штамп из раскопок Херсонеса (рис. 2, 13). На обеих сторонах предмета по хорошо просушенной глине вырезаны монограммы, расшифровывающиеся, как имя святого Феодора, в родительном падеже. Авторами публикации находка была аргументированно связана с христианским храмом и продатирована XII в. [18, с. 95–96]. Штампы с монограммами немногочисленны, но достаточно хорошо известны. Вспомним хотя бы две находки с территории Восточного Средиземноморья, хранящиеся в Государственном Эрмитаже [9, с. 244–245, № 598, 599].

Восьмая группа ввиду малочисленности и уникальности материала выделена условно. Входящие в нее каменные изделия хронологически наиболее поздние, датирующиеся не ранее второй половины XIV в., и, почти на-

верняка, местного производства. Во-первых, это штамп, предположительно происходящий из находок при строительстве Феодосийского порта в начале XX в. (рис. 2, 14). Это, по мнению автора публикации [6, с. 116], модель храма Святого Димитрия в Феодосии. Основание храма с рельефным простым крестом с треугольниками между лучами использовалось в качестве хлебного штампа. Типологически и функционально в эту группу есть смысл отнести и штамп из Алутона (рис. 2, 15), выполненный в виде октагонального византийского храма так же с вырезанным на основании простым крестом с точками между лучами.

Два штампа из Херсонеса 1909 и 1960 гг. (рис. 2, 12, 16), исходя из фрагментарности, отнести к конкретному варианту сложно. Уникальным остается хлебный штамп, использовавшийся при византийском обряде избличения вора [3, с. 54, ил. 1], найденный в 1976 г. при раскопках Мангупской базилики. Этот штамп так же трудно отнести к какой-либо группе, ибо, исходя из его функционального назначения, была сделана только центральная часть композиции, а вместо остальных элементов помещена надпись.

Результаты. В результате проведенного анализа удалось предварительно выделить восемь групп хлебных штампов, найденных в византийской Таврике. Зависимость между морфологией, системой орнаментации и почитательными греческими легендами на известных нам экземплярах не прослеживается. Помимо изделий с изображениями Святых, заслуживающих отдельного анализа, в качестве базовых орнаментальных мотивов надо отметить наличие на штампуемом поле клеток, заполненных крестиками, центрального креста с дополнительной орнаментацией между лучами, креста с дополнительной орнаментацией в виде радиально расходящихся от центра секторов, креста различных вариантов без орнаментации, монограммы, лепестковой розетки. Все эти мотивы вполне могли иметь особое символическое обрядовое значение.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Информация, любезно предоставленная Э.Р. Устаевой, из раскопок которой и происходят указанные находки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Византийские хлебные штампы Таврики групп 1–3:

1–7, 12 – Херсонес 1898, 1896, 1963, 1989, 1994, 1993, 1905, 1988 гг.; 8 – близ с. Лесное; 9 – поселение Белинское;
10 – Керчь 1859 г.; 11 – с. Гончарное; 13 – Эски-Кермен

Fig. 1. Byzantine bread stamps of Taurica, groups 1–3:

1–7, 12 – Chersonesos 1898, 1896, 1963, 1989, 1994, 1993, 1905, 1988; 8 – near Lesnoe village; 9 – Belinskoye settlement;
10 – Kerch 1859; 11 – Goncharnoe village; 13 – Eski-Kermen

Рис. 2. Византийские хлебные штампы Таврики групп 3–8:

1–3, 6, 12, 13, 16 – Херсонес 1994, 1960, 1994, 1988, 1960, 1969, 1909 гг.; 4 – бухта Карасан; 5 – поселение Бакаташ II; 7–9 – Бакла; 10 – поселение Биели; 11 – Керчь 1982 г.; 14 – Каффа; 15 – Алустон

Fig. 2. Byzantine bread stamps of Taurica, groups 3–8:

1–3, 6, 12, 13, 16 – Chersonesos 1994, 1960, 1994, 1988, 1960, 1969, 1909; 4 – Karasan Bay; 5 – Bakatash II settlement; 7–9 – Bakla; 10 – Biyeli settlement; 11 – Kerch 1982; 14 – Caffa; 15 – Aluston

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермена / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2011. – Вып. XVII. – С. 422–457.
2. Айбабин, А. И. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 гг. на городище Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // *Χερσῶνος θεματα* : «Империя» и «полис». Т. V. – Севастополь : Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2013. – С. 6–9.
3. Виноградов, А. Ю. «Апокрифическая» надпись с Мангупа и обряды «изобличения вора»: магия и право между Античностью и Средневековьем / А. Ю. Виноградов, М. С. Желтов // *Slovēne*. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 52–93.
4. Герасимов, В. Е. О находке просфорного штампа на месте кораблекрушения X–XI вв. в Карасанской бухте у мыса Плака в Крыму / В. Е. Герасимов, Э. Ястршебовска // *Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах*. – 2012. – № 28. – С. 185–187.
5. Гукин, В. Д. Фрагмент стеатитовой иконы рубежа XI–XII веков из предместья средневекового Солхата / В. Д. Гукин // *Труды Государственного Эрмитажа*. – 2008. – Т. XLII : Византия в контексте мировой культуры. – С. 342–350.
6. Денисюк, В. Л. Штамп для церковных просфор из Феодосии – Каффы из собрания Одесского Археологического музея НАН Украины / В. Л. Денисюк // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы*. – Керчь : Керч. город. тип., 2010. – С. 112–116.
7. Залесская, В. Н. Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) / В. Н. Залесская // *Византийский временник*. – 1988. – № 49 (74). – С. 204–207.
8. Залесская, В. Н. Литургические штампы-евлогии (Св. Лонгин Криний и Св. Мамант Кипрский) / В. Н. Залесская // *Литургия, архитектура и искусство византийского мира*. – СПб. : Византинороссика, 1995. – С. 236–242.
9. Залесская, В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции / В. Н. Залесская. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 272 с.
10. Кирилло, В. П. Октагональный храм Мангупа / В. П. Кирилло, В. Л. Мыщ // *Античная древность и средние века*. – 2001. – Вып. 32. – С. 354–375.
11. Майко, В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII в. / В. В. Майко. – Киев : Вид. Олег Філюк, 2014. – 467 с.
12. Майко, В. В. Археологические материалы второй половины X – XII в. в юго-западном Крыму / В. В. Майко // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки»*. – 2016. – Т. 2 (68), № 1. – С. 134–148.
13. Майко, В. В. Византийский хлебный штамп из раскопок комплекса гончарных печей возле с. Лесное Судакского региона / В. В. Майко // *Χερσῶνος θεματα* : «Империя» и «полис» : XIII Междунар. византийский семинар. – Симферополь : Типография «Ариал», 2021. – С. 185–190.
14. Майко, В. В. Просфорный штамп из раскопок средневекового поселения Биели / В. В. Майко, Ю. Л. Белик // *Таврические студии*. – 2018. – № 16. – С. 84–88.
15. Майко, В. В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму / В. В. Майко, В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев // *Древности Боспора*. – 2016. – Т. 20. – С. 320–329.
16. Наследие византийского Херсона / ред. Т. Яшаева [и др.]. – Севастополь : Телескоп ; Остин : Ин-т класс. археологии Техас. ун-та, 2011. – 704 с.
17. Романчук, А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2 : Византийский город / А. И. Романчук. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та : Компания Мир, 2008. – 544 с.
18. Романчук, А. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса / А. И. Романчук, Э. И. Соломоник // *Византийский временник*. – 1987. – Т. 48. – С. 95–100.
19. Седикова, Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году / Л. В. Седикова // *Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»*. – Инв. кн. № 3. – Инв. № 277. – Папка № 586. – 10 л.
20. Седикова, Л. В. Раскопки водохранилища в Херсонесе / Л. В. Седикова // *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. – Симферополь : Таврия, 1994. – С. 238–240.
21. Седикова, Л. В. Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1994 году / Л. В. Седикова // *Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»*. – Инв. кн. № 3. – Инв. № 349. – Папка № 684. – 32 л.
22. Седикова, Л. В. Раскопки водохранилища в Херсонесе / Л. В. Седикова // *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. – Симферополь : Изд-во «Харьков», 1997. – С. 238–239.
23. Седикова, Л. В. Штампы для изготовления литургического хлеба из Херсонеса / Л. В. Седикова // *Χερσῶνος θεματα* : «Империя» и «полис» : тез. докл. и сообщ. IV Междунар. византийского семинара. – Севастополь : Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2012. – С. 35–36.

24. Седикова, Л. В. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе / Л. В. Седикова, В. А. Сидоренко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1996. – Вып. V. – С. 106–110, 511–515.

25. Юрочкин, В. Ю. Новые христианские памятники «пещерного города» Бакла в Крымской Готии / В. Ю. Юрочкин // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. – Симферополь : Таврия, 2009. – С. 275–311.

26. Arthur, P. Uno stampo eucaristico bizantino da Soletto / P. Arthur // *Archeologia medievale*. – 1997. – XXIV. – P. 525–530.

27. Çaylak Türker, A. Gelibolu’da Bizans seramikleri ve ökaristik ekmek damgası / A. Çaylak Türker // Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. – 2005. – № 22 (2). – S. 87–104.

28. Dalton, O. M. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum / O. M. Dalton. – London : British Museum, 1901. – 186 p.

29. Dölger, F. J. Heidnische und christliche Brotstempel mit religiösen Zeichen. Zur Geschichte des Hostienstempels / F. J. Dölger // *Antike und Christentum*. – 1929. – Vol. I. – S. 1–46.

30. Feig, N. A Byzantine Bread Stamp from Tiberias / N. Feig // *Studium Biblicum Franciscanum. Liber Annuus*. – 1994. – Vol. XLIV. – P. 591–594.

31. Galavaris, G. Bread and the Liturgy : The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps / G. Galavaris. – London : University of Wisconsin Press, 1970. – 235 p.

32. Kakish, R. Ancient Bread Stamps from Jordan / R. Kakish // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. – 2014. – Vol. 14, № 2. – P. 19–31.

33. Spitzing, G. Brot / Brotstempel / G. Spitzing // *Lexikon byzantinisch-christlicher Symbole. Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasien*. – München : Diederichs, 1989. – S. 65–67.

34. Varalis, Y. D. Un sceau paléochrétien de pain eucharistique de l’Agora d’Argos / Y. D. Varalis // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. – 1994. – Vol. 118, livr. 2. – P. 331–342.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen [Late Medieval Chapel on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, iss. 17, pp. 422–457.

2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Predmet khristianskogo kulta iz raskopok 2003–2008 gg. na gorodishche Eski-Kermen [Objects of a Christian

Cult from Excavation of 2003–2008 on the Ancient Settlement Eski-Kermen]. *Chersōnos themata: «Imperiya» i «polis»* [Chersonos themata: “Empire and Polis”]. Sevastopol, Natsionalnyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 2013, vol. 5. pp. 6–9.

3. Vinogradov A.Yu., Zheltov M.S. «Apokrificheskaya» nadpis s Mangupa i obryady «izoblicheniya vora»: magiya i pravo mezhdru Antichnostyu i Srednevekovem [“Apocryphal” Inscription from Mangup and the Rites of “Denunciation of the Thief”: Magic and Law Between Antiquity and the Middle Ages]. *Slověne*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 52–93.

4. Gerasimov V.E., Yastrshebovska E. Onakhodka prosfornogo shtampa na meste korablekrusheniya X–XI vv. v Karasanskoy bukhte u mysa Plaka v Krymu [On the Find of a Prosphore Stamp at the Site of the Shipwreck of the 10th–11th Centuries in Karasan Bay Near Cape Plaka in Crimea]. *Drevnyaya i srednekovaya Tavrika. Arkheologicheskiy almanakh* [Ancient and Medieval Taurica. Archaeological Almanac], 2012, no. 28, pp. 185–187.

5. Gukin V.D. Fragment steatitovoy ikony rubezha XI–XII vekov iz predmestya srednekovogo Solkhata [A Fragment of the Steatite Icon of the Turn of the 11th–12th Centuries from the Suburbs of Medieval Solhat]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2008, vol. 42: Vizantiya v kontekste mirovoy kultury [Byzantium in the Context of World Culture], pp. 342–350.

6. Denisyuk V.L. Shtamp dlya tserkovnykh prosfor iz Feodosii – Kaffy iz sobraniya Odesskogo Arkheologicheskogo muzeya NAN Ukrainy [Stamp for Church Prosphores from Feodosia – Kaffa from the Collection of the Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednekovaya. Remesla i promysly* [Bospor Kimmerian and Barbaric World in the Period of Antiquity and Middle Ages. Crafts and Fisheries]. Kerch, Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, 2010, pp. 112–116.

7. Zaleskaya V.N. Pamyatniki srednekovoy grecheskoy epigrafiki iz Severnogo Prichernomor'ya (novye postupleniya vizantiyskogo otdeleniya Ermitazha) [Monuments of Medieval Greek Epigraphy from the Northern Black Sea Region (New Receipts of the Byzantine Branch of the Hermitage)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1988, no. 49 (74), pp. 204–207.

8. Zaleskaya V.N. Liturgicheskie shtampy-evlogii (Sv. Longin Kriniy i Sv. Mamant Kiprskiy) [Liturgical Stamps-Eulogies (St. Longin Crinius and St. Mamant of Cyprus)]. *Liturgiya, arkhitektura i iskusstvo vizantiyskogo mira* [Liturgy, Architecture and Art of the Byzantine World]. Saint Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1995, pp. 236–242.

9. Zaleskaya V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov. Katalog kollektsii* [Monuments of Byzantine Applied Art of the 4th–7th Centuries. Collection Directory]. Saint Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006. 272 p.

10. Kirilko V.P., Myts V.L. Oktogonalnyy khram Mangupa [The Orthogonal Temple of Mangup]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, iss. 32, pp. 354–375.

11. Maiko V.V. *Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X–XII v.* [Eastern Crimea in the Second Half of the 10th–12th Centuries]. Kiev, Vyd. Oleg Filiuk, 2014. 467 p.

12. Maiko V.V. Arkheologicheskie materialy vtoroy poloviny X – XII v. v yugo-zapadnom Krymu [Materials of the Second Half of 10th–12th c. in the South-West Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoriya. Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named After V.I. Vernadsky. Series “History. Historical Sciences”], 2016, vol. 2 (68), no. 1, pp. 134–148.

13. Maiko V.V. Vizantiyskiy khlebnnyy shtamp iz raskopok kompleksa goncharynykh pechey vozle s. Lesnoe Sudakskogo regiona [A Byzantine Bread Stamp Excavated from the Complex of Pottery Kilns Near the Village of Lesnoe in the Sudak Region]. *Chersōnos themata: «Imperiya» i «polis». XIII Mezhdunar. vizantiyskiy seminar* [Chersonos themata: “Empire” and “Polis”. The 13th International Byzantine Seminar]. Simferopol, Tipografiya «Arial», 2021, pp. 185–190.

14. Maiko V.V., Belik Yu.L. Prosfornyy shtamp iz raskopok srednevekovogo poseleniya Bieli [A Prosfora Stamp from the Excavations of the Medieval Settlement of Bieli]. *Tavrisheskie studii* [Tauride Studies], 2018, no. 16, pp. 84–88.

15. Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V. Rannesrednevekovye materialy gorodishcha «Belinskoe» v Vostochnom Krymu [Early Medieval Materials of the Belinskoye Settlement in the Eastern Crimea]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus], 2016, vol. 20, pp. 320–329.

16. Yashaeva T. et al., eds. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [The Legacy of Byzantine Cherson]. Sevastopol, Teleskop Publ.; Austin, Institut klassicheskoy arkheologii Tekhasskogo universiteta, 2011. 704 p.

17. Romanchuk A.I. *Issledovaniya Khersonesa – Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. T. 2: Vizantiyskiy gorod* [Research of Chersonesos – Cherson. Excavations. Hypotheses. Problems. Vol. 2. Byzantine City]. Tyumen, Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, Kompaniya Mir Publ., 2008. 544 p.

18. Romanchuk A.I., Solomonik E.I. Neskolko nadpisey na srednevekovoy keramike Khersonesa [Several Inscriptions on Medieval Ceramics of

Chersonesos]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Chronika], 1987, vol. 48, pp. 95–100.

19. Sedikova L.V. Otchet o raskopkakh vodokhranilishcha v Khersonese v 1993 godu [Report on the Excavation of the Reservoir in Chersonesos in 1993]. *Nauchnyy arkhiv FGBUN «Institut arkheologii Kryma RAN»* [Scientific Archive of FSBIS “Institute of Archaeology of Crimea RAS”], inventory book no. 3, inventory no. 277, folder no. 586, 10 l.

20. Sedikova L.V. Raskopki vodokhranilishcha v Khersonese [Excavations of the Reservoir in Chersonesos]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993 god* [Archaeological Research in Crimea. 1993]. Simferopol, Tavriya Publ., 1994, pp. 238–240.

21. Sedikova L.V. Otchet o raskopkakh vodokhranilishcha v Khersonese v 1994 godu [Report on the Excavation of the Reservoir in Chersonesos in 1994]. *Nauchnyy arkhiv FGBUN «Institut arkheologii Kryma RAN»* [Scientific Archive of FSBIS “Institute of Archaeology of Crimea RAS”], inventory book no. 3, inventory no. 349, folder no. 684, 32 l.

22. Sedikova L.V. Raskopki vodokhranilishcha v Khersonese [Excavations of the Reservoir in Chersonesos]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [Archaeological Research in Crimea. 1994]. Simferopol, Izd-vo «Kharkov», 1997, pp. 238–239.

23. Sedikova L.V. Shtampy dlya izgotovleniya liturgicheskogo khleba iz Khersonesa [Stamps for the Manufacture of Liturgical Bread from Chersonesos]. *Chersōnos themata: «Imperiya» i «polis»: tez. dokl. i soobshch. IV Mezhdunar. vizantiyskogo seminara* [Chersonos Themata: “Empire” and “Polis”. Abstracts of Reports and Communications of the 4th International Byzantine Seminar]. Sevastopol, Natsionalnyy zapovednik «Khersones Tavrisheskiy», 2012, pp. 35–36.

24. Sedikova L.V., Sidorenko V.A. Nadpisi na srednevekovoy keramike iz raskopok vodokhranilishcha v Khersonese [Inscriptions on Medieval Ceramics from Excavations of the Reservoir in Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1996, iss. 5, pp. 106–110, 511–515.

25. Yurochkin V.Yu. Novye khristianskie pamyatniki «peshchernogo goroda» Bakla v Krymskoy Gotii [New Christian Monuments of the “Cave City” of Bakla in Crimean Gothia]. *Severnoe i Zapadnoe Prichernomoe v antichnyuyu epokhu i srednevekove* [Northern and Western Black Sea Region in the Ancient Era and Middle Ages]. Simferopol, Tavriya Publ., 2009, pp. 275–311.

26. Arthur P. Uno stampo eucaristico bizantino da Soletto. *Archeologia medievale*, 1997, 24, pp. 525–530.

27. Çaylak Türker A. Gelibolu’da Bizans seramikleri ve ökaristik ekmek damgasi. *Hacettepe Üni-*

versitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi, 2005, no. 22 (2), S. 87-104.

28. Dalton O.M. *Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum*. London, British Museum, 1901. 186 p.

29. Dölger F.J. Heidnische und christliche Brotstempel mit religiösen Zeichen. Zur Geschichte des Hostienstempels. *Antike und Christentum*, 1929, Bd. 1, S. 1-46.

30. Feig N. A Byzantine Bread Stamp from Tiberias. *Studium Biblicum Franciscanum. Liber Annuus*, 1994, vol. 44, pp. 591-594.

31. Galavaris G. *Bread and the Liturgy: The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps*. London, University of Wisconsin Press, 1970. 235 p.

32. Kakish R. Ancient Bread Stamps from Jordan. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 19-31.

33. Spitzing G. Brot / Brotstempel. *Lexikon byzantinisch-christlicher Symbole. Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasien*. München, Diederichs, 1989, S. 65-67.

34. Varalis Y.D. Un sceau paléochrétien de pain eucharistique de l'agora d'Argos. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1994, vol. 118, livr. 2, pp. 331-342.

Information About the Author

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Информация об авторе

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.3>

UDK 75.052(477.75)+72.684(477.75)

LBC 63.3(0)4

Submitted: 29.05.2021

Accepted: 16.08.2021

THE LOST FRESCO PAINTINGS OF THE INKERMAN CAVE CHURCHES ("TEMPLE WITH BAPTISTERY", "CHURCH OF GEOGRAPHY", MONASTERY OF ST. SOPHIA)

Yurii M. Mogarichev

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation;
Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russian Federation

Alena S. Ergina

Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Among the "cave towns" of Mountainous Southwestern Crimea, there are monuments located in the lower reaches of the Black River valley. There are no less than 9 rock-cut monastic complexes which include about 30 temples. *Methods.* Some churches of the 13th–15th centuries were decorated with fresco paintings. Today, frescoes have been preserved only in one church. Sources of the 18th–20th centuries indicate traces of paintings in more than five temples. Frescoes inside the "temple with baptistery", "Church of Geography (Eugraphy)", and the Monastery of St. Sophia have not survived. Archival materials that expose the plots and compositions are published in this work. *Analysis.* The frescoes of the "temple with baptistery" date back to the 13th century. The Deesis composition is reconstructed in the apse conch. In the "Church of Geography (Eugraphy)" (the 13th century), on each side of the throne, four figures of saints are depicted (The Holy Fathers composition). This is probably: John Chrysostom, Gregory the Theologian, Basil the Great, Cyril of Alexandria, Gregory of Nyssa, Athanasius of Alexandria and two more saints from among the Cappadocian Fathers. One of them is obviously St. Blaise. This painting in general terms repeats the traditional scheme of the lower register of the painting of the apses of the cave temples of the mountainous Crimea. The monastery of St. Sofia should be dated back to the 14th–15th centuries. During the period of the monastery's functioning, there were fresco paintings in the Main Church and Church no. 3, but all the attempts to attribute them were unsuccessful. *Results.* The analyzed frescoes show themes of Deesis and the Great Cappadocians. They are common for altar compositions in cave temples in South-West Crimea. In the interiors of the cave temples of Inkerman, there are: simple linear ornaments, complex plant reports, linear ornaments with complex weaving and plant elements.

Key words: Byzantium, Crimea, Inkerman, "cave towns", cave churches, frescoes.

Citation. Mogarichev Yu. M., Ergina A. S. The Lost Fresco Paintings of the Inkerman Cave Churches ("Temple with Baptistery", "Church of Geography", Monastery of St. Sophia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 31–51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.3>

УДК 75.052(477.75)+72.684(477.75)
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 29.05.2021

Дата принятия статьи: 16.08.2021

УТРАЧЕННЫЕ ФРЕСКОВЫЕ РОСПИСИ ПЕЩЕРНЫХ ЦЕРКВЕЙ ИНКЕРМАНА («ХРАМ С КРЕЩАЛЬНОЙ», «ЦЕРКОВЬ ГЕОГРАФИЯ», МОНАСТЫРЬ СВ. СОФИИ)

Юрий Миронович Могаричев

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация;
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
г. Симферополь, Российская Федерация

Алена Сергеевна Ергина

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В числе «пещерных городов» Горного Юго-Западного Крыма выделяются памятники, расположенные в низовьях долины р. Черной. Здесь известны не менее 9 скальных монастырских комплексов, в состав которых входили около 30 храмов. *Методы.* В XIII–XV вв. часть церквей была украшена фресковой росписью. Сегодня фрески сохранились только в одном храме. Источники XVIII–XX вв. отмечают следы росписей еще в пяти культовых сооружениях. В настоящей работе исследованы опубликованные и архивные материалы, которые могут пролить свет на сюжеты и композиции ныне не сохранившихся фресковых росписей «храма с крещальной», «церкви География (Евграфия)» и монастыря св. Софии. *Анализ.* Фресковые росписи «храма с крещальной» датируются XIII веком. В конхе апсиды реконструируется композиция Деисус. В «храме География (Евграфия)» (XIII в.) в апсиде, с каждой стороны от престола, изображены по четыре фигуры святителей (композиция «Служба святых отцов»). Вероятно, это: Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий, Кирилл Александрийский, Григорий Нисский, Афанасий Александрийский, св. Власий и еще один не определяемый. Данная роспись повторяет в общих чертах традиционную схему нижнего регистра росписей апсид пещерных храмов Горного Крыма. Монастырь св. Софии следует датировать XIV–XV веками. Фресковые росписи в период функционирования монастыря имелись в Главном храме и церкви № 3. Но их атрибутировать сегодня невозможно. *Результаты.* В проанализированных фресковых росписях представлены сюжеты Деисус и «Служба святых отцов». Они являются обычными для алтарных композиций пещерных храмов Юго-Западной Таврики. В интерьерах пещерных храмов Инкермана выделяются: простые линейные орнаменты, сложные растительные рапорты, линейные орнаменты со сложным плетением и растительными элементами. *Вклад авторов.* Ю.М. Могаричевым подготовлены разделы об историографии и особенностях рассматриваемых памятников. А.С. Ергиной исследовались искусствоведческие аспекты.

Ключевые слова: Византия, Крым, Инкерман, «пещерные города», пещерные церкви, фрески.

Цитирование. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Утраченные фресковые росписи пещерных церквей Инкермана («храм с крещальной», «церковь География», монастырь св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 31–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.3>

Введение. В числе «пещерных городов» Горного Юго-Западного Крыма обращают на себя внимание памятники, расположенные в низовьях долины р. Черной (Балаклавский район г. Севастополя). Здесь выделяются: крепость Каламита; не менее 9 скальных монастырских комплексов, в состав которых входили около 30 храмов (рис. 1). Традиционно данные объекты именуются памятниками Инкерманской долины (Инкерманом).

История пещерных монастырей Инкерманской долины представляется так. Скорее всего, первые группы монахов или отдельные отшельники поселились в восточной части Загайтанской скалы (очевидно, не ранее X–XI вв.). Вероятно, это были выходцы из Херсона. Постепенно монастырь расширяется, его иноками создаются новые скиты. XIII в. датируется «церковь География (Евграфия)». В этом же столетии отдельные отшельники поселяются в Каменоломном овраге и на Монастырской скале, где сооружается «храм с крещальной».

В XIV–XV вв. формируется большинство комплексов на южном и западном обрывах Монастырской скалы и монастырь св. Софии. Выходцы из последнего основывают три скита на левом берегу р. Черной. Большое число культовых пещерных сооружений позволило Ю.М. Могаричеву предположить, что здесь в период развитого средневековья функционировал монашеский центр. Вероятно, ктиторами монастырей и церквей были люди, которые являлись частью элиты княжества Феодоро. После турецкого захвата Крыма в 1475 г. большая часть монастырей прекращает функционировать (подробно см.: [18, с. 6–30; 19, с. 68–88]).

Методы. Часть из церквей была украшена фресковой росписью. Сегодня фрески сохранились только в одном храме – церкви № 12 (по Ю.М. Могаричеву) в восточной части Загайтанской скалы [3; 4]¹. Письменные источники и описания путешественников и исследователей XVIII–XX вв. указывают сле-

ды росписей также: в базилике св. Георгия (Климента); «церкви География (Евграфия)»; «храме с крещальней»; монастыре св. Софии; церкви св. Георгия в Георгиевской (Крымской) балке. Авторами настоящей публикации были проанализированы фресковые росписи разрушенного при прокладке железной дороги к Севастополю во второй половине XIX в. храма скита св. Георгия в Георгиевской балке и базилики св. Георгия (Климента), которые были датированы первой – третьей четвертью XV в. [21]. В данной работе мы рассмотрим опубликованные и архивные материалы, которые могут пролить свет на сюжеты и композиции ныне не сохранившихся фресковых росписей «храма с крещальней», «церкви География (Евграфия)» и монастыря св. Софии.

Анализ. «Храм с крещальней» находится в южной части Монастырской скалы, выходящей в Гайтанскую балку или балку Первого мая, на высоте 25–30 м от подошвы скалы (рис. 1, 7; 2).

Упоминания о нем содержатся в ряде работ авторов первой половины XIX века. Д.М. Струков опубликовал схематический план церкви и краткое описание к нему [25, с. 27]. Небольшая информация и фотография памятника были представлены И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым [27, с. 29]. А.Л. Бертье-Делагард в своем обзоре церкви датировал ее «татарским временем». Была ученым упомянута и высеченная на стене усыпальницы надгробная надпись [2, с. 57–59]. В.В. Латышев опубликовал и перевел эту надпись «Упокоились рабы Божьи Авраамий сын (?) Афка комит месяца первого (?) дня... и Косьма Афка комит месяца марта 6329 (?)» [14, с. 40–42; 15, с. 151]. По мнению исследователя, она еще нуждалась в детальном рассмотрении. При этом он находил аналогии в написании фамилий и имен, встречающихся в «храме с крещальней», с именами из приписок XII–XV вв. на полях Сугдейского синаксаря [14, с. 42]. Памятнику была посвящена отдельная статья В.Н. Чепелева [31]. Автор привел описание церкви, делая при этом свои замечания [31, с. 44]. Данная скальная церковь была обследована экспедицией Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в 1937 г., тогда она была

расчищена, выполнены архитектурные обмеры (рис. 2). Н.И. Репников указывал на аналогии фресковым росписям памятника среди росписей храмов «Успения» и «Трех Всадников» (Эски-Кермен), которые он датировал XIII в. [24, л. 38]. В.Ф. Филиппенко на основании, как он ошибочно полагал, мнения В.В. Латышева, датировал церковь 832 г. [30, с. 114–115]. Ю.М. Могаричев относил время сооружения памятника к XIII–XIV вв. [17, с. 218; 18, с. 11–12]. А.Ю. Виноградов предложил свой перевод упомянутой надписи: «Почили рабы Божьи Авраамий, ...первого разряда и комит, 8 числа первого месяца; и Ко[см]а, первого разряда и к[о]мит, 29 числа ...-го месяца», а памятник датировал XIII веком. По его мнению, погребенные в храме являлись его ктиторами [6].

В настоящее время церковь частично разрушена: сохранилась лишь апсида и северная часть с баптистерием (рис. 2). Храм был одноапсидный. Конха апсиды опирается на три высеченные в скале ниши. Алтарное полукружие имело двухступенчатый синтрон. В полу – прямоугольное углубление 0,35 × 0,32 м для установки престола. Пол алтаря, как и прилегающий с севера жертвенник с нишей в стене, на 0,1 м выше остальной части памятника. По этой линии перепада пола проходила алтарная преграда. Последняя была высотой 1 м (по В.Н. Чепелеву). Из церкви в боковое помещение вел дверной проем размерами 1,6 × 0,6 м. Оно неправильной в плане формы, в углу его находится баптистерий с вырубленными в скале колоннами. Слева от последнего, в северной стене – проем, ведущий в усыпальницу. В ее полу высечена гробница, над которой вырублены гнезда для устройства деревянного перекрытия. На северо-восточной стене – ниша, рядом с которой и находится упомянутая шестистрочная греческая надпись.

В апсиде храма были росписи. Фресковые росписи имелись также в баптистерии и усыпальнице. В настоящее время они практически неразличимы. К сожалению, в историографии конца XVIII – XIX в. их подробное описание отсутствует. Д.М. Струков упоминает лишь следующее: «В алтаре у стены престола со впадиною вверх; над престолом по стене надпись и остатки фресковых изображений святых в облачениях» [25, с. 28]. На-

ми в фонде изданий Российской государственной библиотеки были найдены акварельные листы, выполненные этим исследователем, с изображениями фрагментов интерьеров пещерной церкви, планов и деталей орнаментального убранства (рис. 3) [26, л. 12, 30].

А.Л. Бертъе-Делагард отмечал: «Издали еще эта церковь узнается по остаткам живописи на своде, вблизи, однако ничего определенного нельзя разобрать и даже затрудняюсь назвать род краски: по-видимому, масляная по очень тонкому слою» [2, с. 57].

По сведению В.Н. Чепелева, росписи во второй половине 20-х гг. XX в. еще были различимы в углублении апсиды и на своде синтрона. Он указывает, что в колористическом решении стенописи преобладают буро-красные и серо-коричневые оттенки. В центре росписи – фигуры из Деисуса. На скамье сохранялся геометрический орнамент в виде параллельных зигзагообразных линий красного и черного цветов [31, с. 45]. По Н.И. Репникову: «Храм был оштукатурен и расписан фресками. Фрагменты закоптевших и затянутых “ямчугой”... стенописей имеются у вырубной гробницы, крещальни и в алтаре. На боковой стене алтаря контуры фигур святителей в рост, по низу панель из параллельных зигзагообразных линий красного и черного цветов, образующих треугольники. Стиль фрагментов живописи, равно орнаментальная панель, идентична росписям Эски-Кермена XIII в.» [24, л. 38].

Композиция Деисус традиционно во внутреннем пространстве храмов Горного Крыма занимает конху апсиды. Именно такое композиционное решение встречаем в церкви Успения (Эски-Кермен) [12, с. 42–50; 18, с. 46–49], близость стиля которой отмечал Н.И. Репников. Подобные аналогии видел и В.Н. Чепелев, однако сходство тот отмечал больше в орнаментальных мотивах: «Орнамент, цвет краски и техника исполнения идентичны». А вот аналогами иконографии сюжетов, по его мнению, могут являться как местные памятники (например, храмы Шулдана и Южного монастыря Мангупа), так и роспись в алтаре св. Леонарда в Массифра (Апулия) [31, с. 45–46].

Как видим, фресковые росписи «храма с крещальней» достаточно определенно могут датироваться XIII в. и традиционны для росписей пещерных церквей Таврики. В.Н. Чепелев даже

предположил, что роспись церкви могла быть исполнена художниками, которые трудились в храме Успения и других подобных объектах Эски-Кермена [31, с. 45], что, правда, выглядит малореальным. Отметим, что А.Л. Бертъе-Делагард, а вслед за ним и В.Н. Чепелев, указывали на следы наличия масляной краски [31, с. 45]. Если это верно, то можно предположить, что росписи могли подновляться в XVI–XVIII веках.

Храм Евграфия (География) находится в восточной части Монастырской скалы (рис. 1, 9). В начале XX в. церковь стала вновь действующей. Памятник в 1937 г. был засыпан грунтом, образовавшимся в результате строительства железнодорожной насыпи, и, соответственно, в настоящее время недоступен для осмотра и изучения. На карте русского штурмана И. Батурина (1773 г.) данное место обозначено как «храм География». Последующие исследователи предположили, что в карту вкралась ошибка и церковь была посвящена св. Евграфию [24, л. 40].

Д.М. Струков в работе «Древние памятники христианства в Тавриде» поместил схематичный план и краткие сведения о храме [25, с. 28]. Описания сохранявшихся тогда фресок опубликовали И.И. Толстой и Н.П. Кондаков [27, с. 29]. А.Л. Бертъе-Делагард отмечал, что в архитектурном плане церковь похожа на соседнюю с базиликой св. Георгия часовню св. Мартина. На основании анализа живописи и планировки памятник был датирован им временем не ранее XVII века. Касаясь расположенной здесь надписи на задней стене апсиды, исследователь замечает, что та «оказалась весьма поздней и безграмотно написанной» и в ней нет точного указания на дату [2, с. 59–61]. В.В. Латышев, проанализировав надпись, датировал ее 1272 г. [14, с. 37–40; 15, с. 150–151; 16, с. 228–229]. Церковь изучалась в 1937 г. сотрудниками Инкерманской экспедиции ГАИМК [23, л. 12–13] (рис. 4, 5). Ее детальное описание приведено также в «Материалах к археологической карте» Н.И. Репникова, который считал, что дата надписи (1272 г.) не вызывает сомнения и находится в полном соответствии с чертами росписей, композицией и стилем [24, л. 40–41]. Ю.М. Могаричев обобщил все имевшиеся материалы и присоединился к мнению исследователей, датировавших па-

мятник XIII в. [18, с. 16–17]. А.Ю. Виноградов опубликовал следующий вариант перевода упомянутой надписи: «Моление раба Божьего Сотирика с женой его и детьми его. В 6781 году» (1272–1273 гг.) [7]. Н.В. Днепровский предположил, что название церкви «География» возникло в результате ошибочного понимания Батуриным греческого слова «агиография». Он также считает, что церковь следует датировать ранее утвердившегося в историографии мнения – XIII в. (см.: [10; 11; и др.]). Правда, последнее выглядит неаргументированным.

Как видим, вероятнее всего, пещерный «храм География (Евграфия)» был создан и расписан в третьей четверти XIII века. Очевидно, что упомянутый в посвяtitельной надписи Сотирик и его семья могли выступать ктиторами местного монастыря или данной церкви.

Что касается росписей, то И.И. Толстой и Н.П. Кондаков так их характеризуют: «По закруглению алтарной апсиды еще заметны фигуры восьми Святых в рост, от пола до потолка, с венцами, написанными желтой краской, а по сторонам венцов – надписи имен Святых белой, фон серый, краски грубые, малярные. Над алтарем, в виде запрестольного образа, – поясное изображение, вероятно Спасителя; как у этого изображения, так и у других, уже невозможно разобрать ни ликов, ни цвета одежды, ни надписей – видны только отдельные греческие буквы» [27, с. 29].

А.Л. Бертье-Делагард приводит следующий обзор: «По закруглению алтарной апсиды еще заметны фигуры восьми святых (по четыре с каждой стороны престола) в рост, от пола до потолка, с венцами, писанными желтой краской, а по сторонам венцов надписи имен святых белой: все это на сером фоне и все масляными красками. Над алтарем, в виде запрестольного образа, только поясное изображение (вероятно, Спасителя), так как престол у стены не позволил писать до пола; вокруг венца нет надписи и, как у этого изображения, так и у других, уже невозможно разобрать ни ликов, ни одежд, ни надписей, видны только некоторые греческие буквы и лишь около второго лика справа можно, кажется, прочесть св. Власий; потолок в алтаре также был расписан, но тоже ничего нельзя разобрать» [2, с. 59].

По Н.И. Репникову: «На потолке и в апсиде под побелками XX в. сохранились фресковые росписи. В алтаре фигуры восьми святителей в рост (по четыре с каждой стороны) на синем фоне в крещатых одеяниях с желтыми нимбами. Надписи имен белой краской. Непосредственно над престолом – младенец Христос в чаше. По низу изображений над престолом полоса серого цвета в черной кайме. В ней черными буквами, одновременная с росписью, греческая надпись» [24, л. 40–41].

Из отчета Инкерманской экспедиции ГАИМК 1937 г.: «Из побелки усматриваются фигуры восьми святителей в рост (по четыре с каждой стороны) на синем фоне в крещатых одеждах с желтыми нимбами. Надписи белой краской. Над престолом – изображение Христа в чаше. Надпись хорошей сохранности. Она датирована. По низу изображения над престолом длинная полоса серого цвета, обтянутая черной рамкой – “моление раба божьего Сотика с женою и детьми, лета 5780 (1272 г.)”» [23, л. 38].

В отличие от «храма с крещальней», Д.М. Струков сделал несколько подробных рисунков рассматриваемого памятника, в том числе запечатлел и остатки фресковых росписей [26, л. 9.3, 15, 16] (см., например, рис. 6–8). Обращает на себя внимание один лист, на котором данный храм обозначен как «церковь св. Николая» (рис. 9) [26, л. 9.3]. Все сохранившиеся к настоящему времени описания «церкви География» не упоминают об этом. Да и сам Д.М. Струков такое название поместил только на одном из рисунков памятника. Никто из исследователей храма, которые видели натурные росписи, не упоминают ни о наличии среди изображенных фигуры св. Николая (нет его и на рисунках самого Струкова), ни то, что церковь была освящена в честь этого святого. В 1905 г., при возобновлении, данный храм был освящен в честь Дмитрия Солунского [28, с. 92]. Как нам пояснил в устной беседе Н.В. Днепровский, он видел среди архивных материалов упоминание Д.М. Струкова, что так церковь якобы зовется местными жителями. Впрочем, это может быть и ошибкой художника.

Проанализировав рисунки Д.М. Струкова и материалы Инкерманской экспедиции ГАИМК 1937 г. (рис. 5), можно сделать вы-

вод, что в «храме География (Евграфия)» на фресковых росписях с каждой стороны от престола помещены по четыре фигуры святителей (композиция «Служба святых отцов»). На основании имеющихся описаний и изображений можно предположить, что роспись апсиды рассматриваемого памятника содержала фигуры: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Григория Нисского, Афанасия Александрийского и еще двух святителей из числа Великих Каппадокийцев. Один из которых, если верно предположение А.Л. Бертье-Делагарда, – св. Власий. Практически все упомянутые святые регулярно встречаются в храмовых росписях памятников византийского круга, в том числе и в Крыму, и являются наиболее прославленными и почитаемыми отцами Церкви. По сохранившимся фотографиям (рис. 5) видно, что фигуры святых отцов облачены в яркие белые саккосы с черными вставками темного орнамента омофора. Святители показаны в процессе богослужения. Основной белый тон доминирует и контрастирует с темными фрагментами орнамента и обеспечивает композиционное равновесие росписи апсиды пещерной церкви.

По рисункам Д.М. Струкова (рис. 6–9) видно, что в центре апсиды над престолом, вероятнее всего, был помещен образ Христа, предположительно Эммануила, являющийся центральным одиночным образом, который был отделен прямоугольной рамой.

Таким образом, роспись «храма География (Евграфия)» повторяет в общих чертах привычную схему нижнего регистра росписей апсид пещерных храмов горного Крыма, таких как: церковь № 12 (по Ю.М. Могаричеву) (Загайтанская скала, Инкерман) [4], храм Донаторов (округа Эски-Кермена) [18, с. 52–53], церковь Южного монастыря Мангула [20, с. 50–52]. Там, по обе стороны от престола, также изображены в рост фигуры святителей – «отцов церкви» в крестчатых одеждах и молитвенных позах.

Монастырь св. Софии. Памятник расположен на западной стороне Каменоломенного оврага (рис. 1, 3). В нем известно 22 помещения, в том числе 4 церкви (рис. 10).

Описания комплекса встречаются уже у П.С. Палласа [22, с. 51]. Упоминают о нем

Дж. Уэбстер [29, с. 135] и Ф. Дюбуа де Монпере [13, с. 243]. Дж. Уэбстер отмечал: «одна церковь... имеет форму греческого креста. В примыкающей комнатке все еще видны многочисленные знаки настенного письма. В обеих часовнях можно видеть как остатки штукатурки, так и грубые рисунки» [29, с. 135]. Подобные сведения о монастыре оставил З. Аркас. Он акцентировал внимание на входе в комплекс, главной церкви и часовни, при этом отметил: «В малой церкви (церковь № 3. – Ю. М., А. Е.) весь плафон и алтарь расписаны были масляными красками, но лики образов теперь различить невозможно; с боков заметны надписи на греческом языке, которые так истерлись, что прочесть невозможно» [1, с. 270].

По Д.М. Струкову: «На противоположной стороне Инкермана, через Черную речку, на углу скалы, есть три долбленные храма. Один устроен в боку лестницы, ведущей во внутренность скалы: далее по коридору другой храм, имеющий потолок в форме правильного свода, квадратной формы, но, к сожалению, алтарь отвалился от скалы. Третий храм рядом с предыдущим к югу, меньший, имеющий престол у стены, под отверстием окна: жертвенник изсечен в нише северной стены алтаря, отделенного алтарною преградой, которая, судя по сохранившимся остаткам, была высотой 1 арш. 6 верш., с одним отверстием для входа в алтарь» [25, с. 29]. Д.М. Струковым были выполнены акварели ряда помещений этого комплекса. В частности, на одной из них художник изобразил план пещерного храма (церковь № 3, по Ю.М. Могаричеву (рис. 10, 3)), сохранившиеся тогда надписи и фрагменты орнаментального убранства (рис. 11).

Подробно монастырь св. Софии обследовал А.Л. Бертье-Делагард [2, с. 70–72]. Ученый отмечает две церкви, а существование еще одной предполагает. Датирует он памятник XIV–XV вв., а надписи еще более поздним временем. Главный храм монастыря, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, – один из древнейших среди пещерных храмов Крыма. Исследователь со ссылкой на З. Аркаса пишет об имевшихся когда-то росписях в главном храме и малой церкви, «но теперь уже ничего не заметно» [2, с. 70]. «На стенах цер-

кви (№ 3. – Ю. М., А. Е.) местами видны следы, кажется, фресковой живописи, но разоб- рать уже ничего невозможно» [2, с. 71].

В.В. Латышев кратко упомянул о нали- чии на стенах памятника ряда греческих над- писей [14, с. 43–44].

Не обошли вниманием монастырь И.И. Толстой и Н.П. Кондаков, по данным которых главный «храм выдолблен в виде гре- ческого креста, перекрытого плоским купо- лом», и является самым большим и роскош- ным из всех пещерных [27, с. 29–30], а «на стенах другой церкви местами видны следы фресковой живописи» [27, с. 30].

Н.И. Репников главную церковь датиро- вал XIII, а «может быть даже XII в.» [24, л. 45]. Основываясь на исследованиях Ин- керманской экспедиции ГАИМК 1937 г., он заметил: «В древности храм был расписан фресками. Осмотр фрагментов закопченных и покрытых солями извести стенописей оп- ределял их крупное художественное значе- ние» [24, л. 45].

Комплекс монастыря св. Софии был про- анализирован Ю.М. Могаричевым, который датировал его XIV–XV вв., хотя не исключил и XIII в. (см.: [18, с. 22–25], а также [9]).

Таким образом, вероятнее всего, мона- стырь св. Софии следует датировать XIV– XV веками. Фресковые росписи в период фун- кционирования монастыря имелись в Главном храме (№ 1) и церкви № 3. Но все попытки, а первую предпринял З. Аркас в 1845 г., их как- им-то образом атрибутировать, ввиду их практически полной утраты уже в то время, успеха не имели.

Результаты. В рассмотренных нами фресковых росписях пещерных церквей Ин- кермана выделяются сюжеты Деисус и «Служба святых отцов». Они являются тра- диционными для алтарных композиций пе- щерных храмов Юго-Западной Таврики. Это свидетельствует о доминировании ви- зантийских традиций фресковых росписей в стенописи скальных церквей средневеково-

го Крыма XIII–XV веков. Отметим, что тип изображения святителей в подобном обла- чении, которые представлены фронтально в нижнем регистре апсид исследуемых памят- ников, уже в начале XII в. окончательно зак- репляется в алтаре церквей византийского круга как композиция «Служба святых от- цов». Примерами могут служить росписи в церкви монастыря Велюса (начало XI в.), монастыря Иоанна Златоуста в Кутсовен- дис на Кипре (конец XI – XII в.), церкви Пан- телеймона в Нерези (XII в.), церкви мона- стыря Неофита около Пафоса на Кипре (XII в.) и др. [8, с. 245].

Исследуя графический материал, выпол- ненный Д.М. Струковым (рис. 12), отметим, что в интерьерах пещерных храмов Инкерма- на представлены:

- простые линейные орнаменты, ленточ- ные, отделяющие разные сюжеты в пределах одного архитектурного элемента;
- простые растительные рапорты, об- рамляющие архитектурные элементы хра- ма и отделяющие разные сюжетные ком- позиции;
- сложные растительные рапорты, об- рамляющие архитектурные элементы храма и отделяющие разные сюжетные композиции;
- линейные орнаменты со сложным пле- тением и растительными элементами.

Орнаментальное убранство подчеркива- ет как архитектурные элементы: колонны, арки, ниши, так и обрамляет сюжеты внутри больших архитектурных членений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ А.Ю. Виноградов опубликовал выявленную в данной церкви надпись, датирующуюся началом XIV в. «Освящен божественный и всесечной храм иже во святых отца нашего архиепископа и чудот- ворца Николая, архиепископа Мир Ликийских, в келлии Ильи монаха, Иоанном Склиром [митропо- литом] святейшей митрополии Херсона, 6 июня 6811 года» [5, с. 334–337].

ПРИЛОЖЕНИЕ

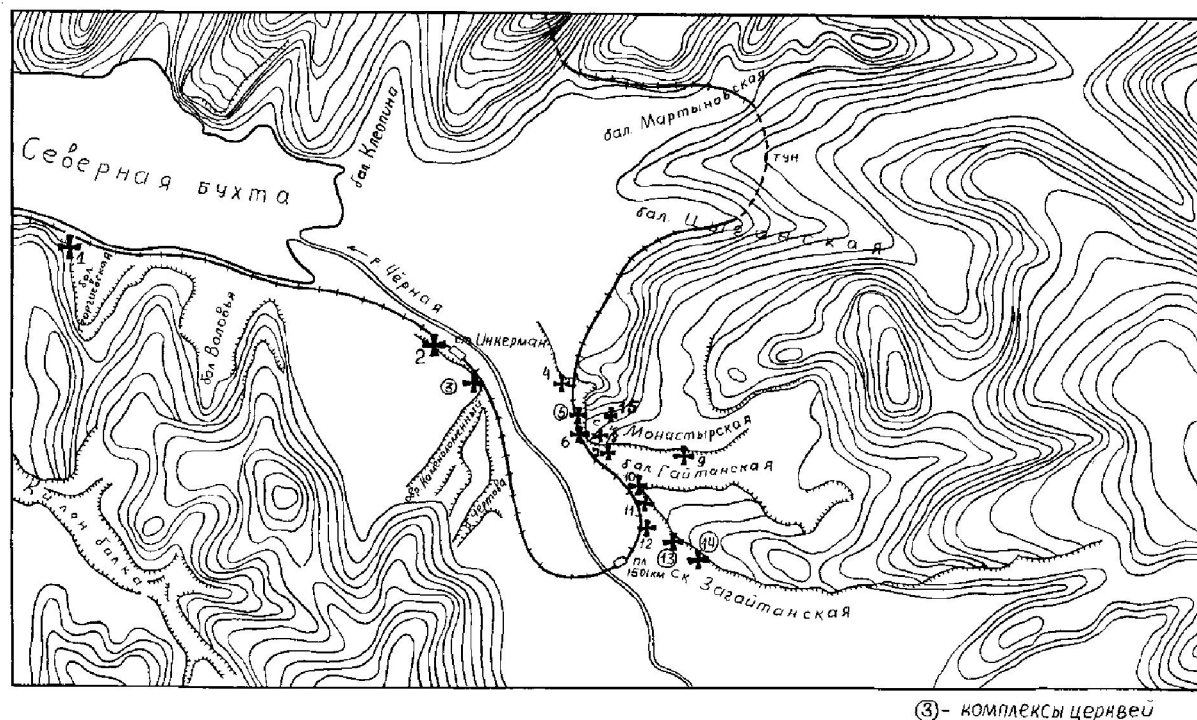

Рис. 1. План-схема расположения пещерных церквей в Инкермане:

- 1 – скит в Георгиевской (Крымской) балке; 2 – скит у ст. Инкерман 1; 3 – монастырь св. Софии;
 4 – «Армянский храм»; 5 – монастырь св. Климента; 6 – «Жилище архимандрита»; 7 – «Храм с крещальней»;
 8 – предполагаемая церковь в комплексе «Анфилады»; 9 – «Храм География (Евграфия)»;
 10–11 – монастырь на юго-западном краю Загайтанской скалы;
 12–14 – монастырь в восточной части Загайтанской скалы; 15 – церковь в крепостном рву Каламиты

Fig. 1. Plan of Inkerman indicating the location of cave churches:

- 1 – Hermitage in Georgievskaya (Crimean) wash; 2 – The hermitage near Inkerman station I; 3 – Monastery of St. Sofia;
 4 – “Armenian Temple”; 5 – St. Clement basilica; 6 – “The dwelling of the archimandrite”; 7 – “Temple with baptistry”;
 8 – The alleged church in the “Enfilade” complex; 9 – “Church of Geography (Eugraphia)”;
 10–11 – Monastery on the southwestern edge of the Zagaytanskaya rock;
 12–14 – Monastery in the eastern part of the Zagaytanskaya rock; 15 – Church in the moat of Kalamita

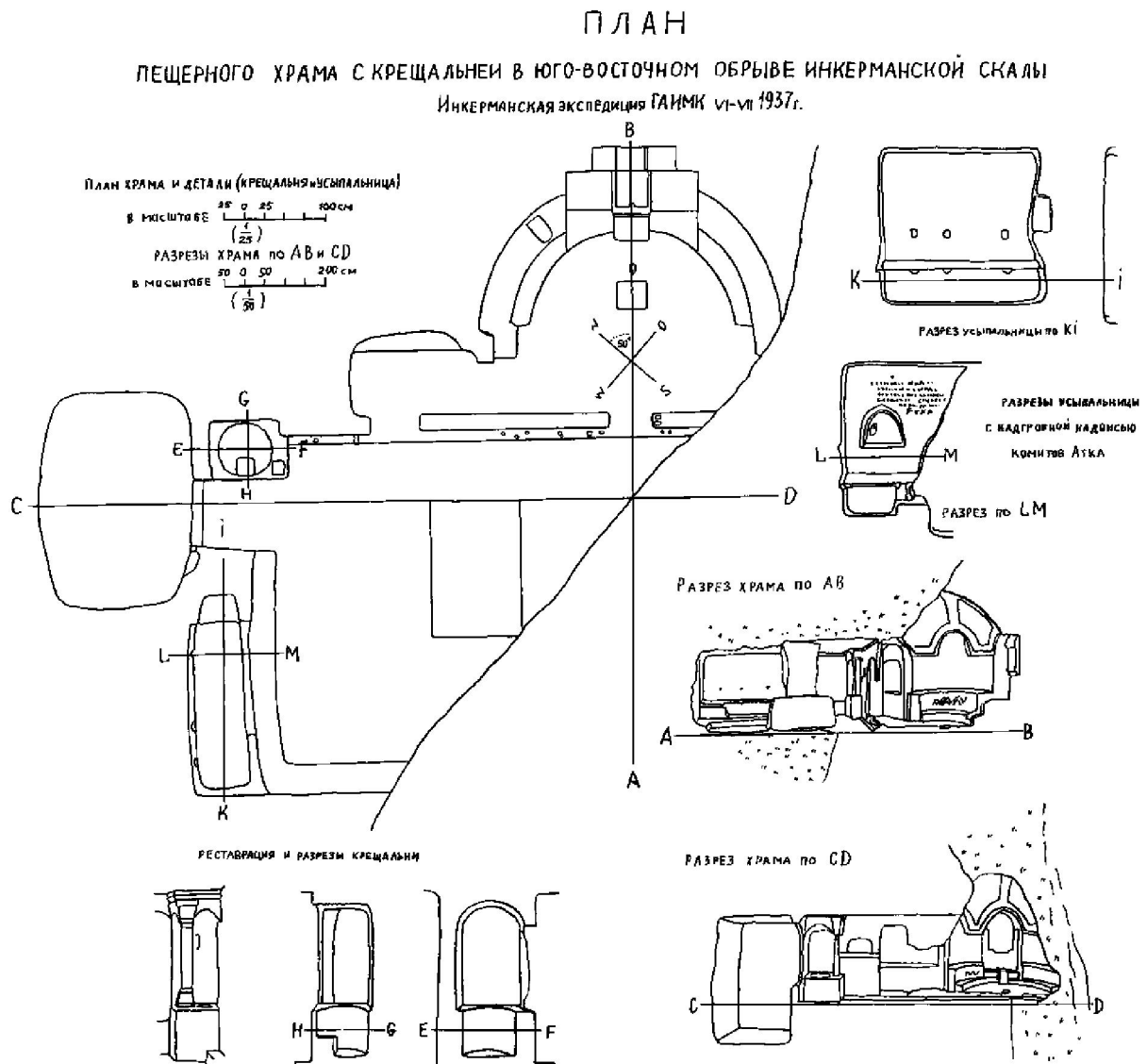

Рис. 2. «Храм с крещальней». План. Разрезы. По материалам экспедиции ГАИМК 1937 года
Fig. 2. "Temple with baptistery". Plan. Section. GAIMK expedition materials (1937)

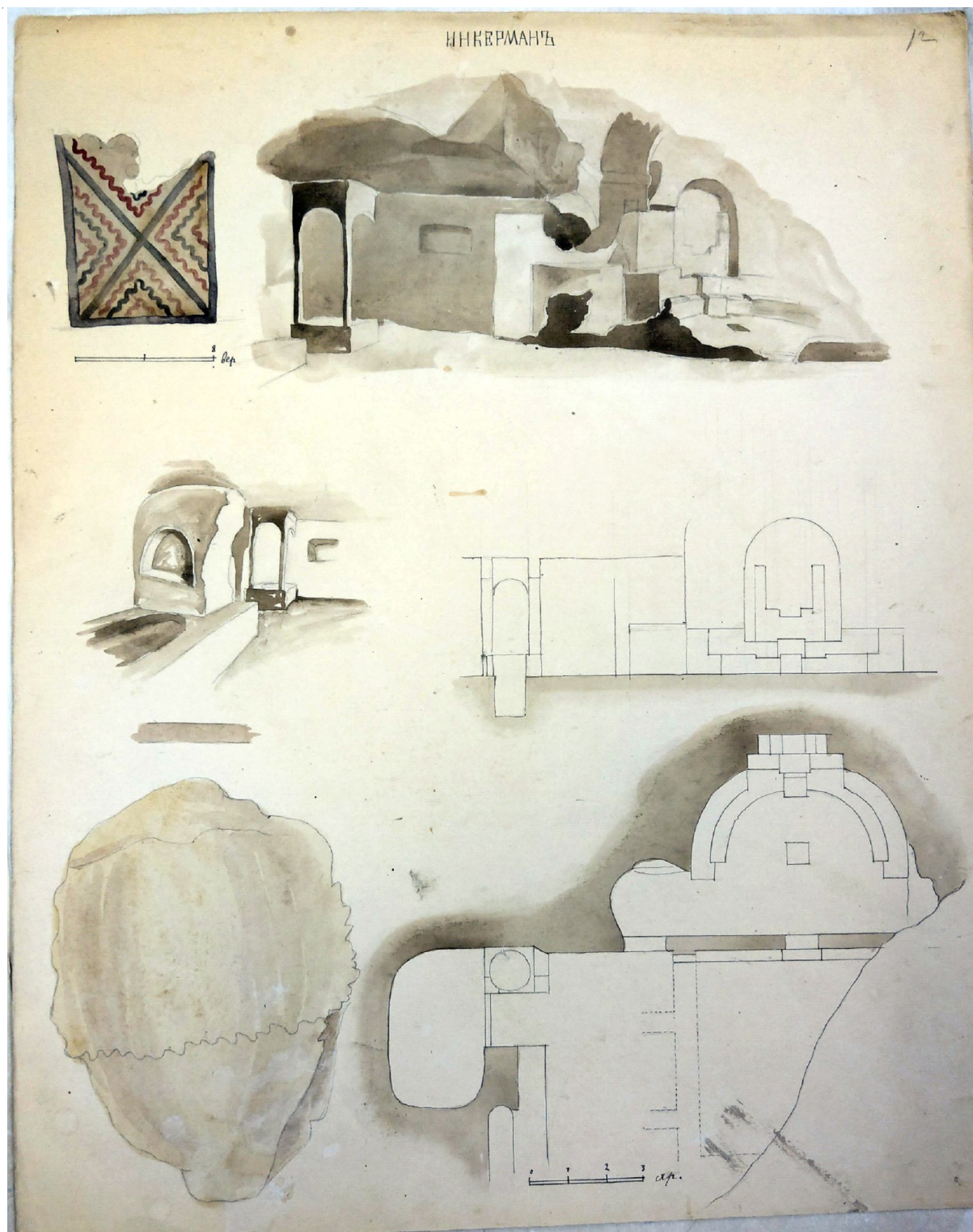

Рис. 3. «Храм с крещальной». Акварель Д.М. Струкова
Fig. 3. "Temple with baptistery". Watercolor by D.M. Strukov

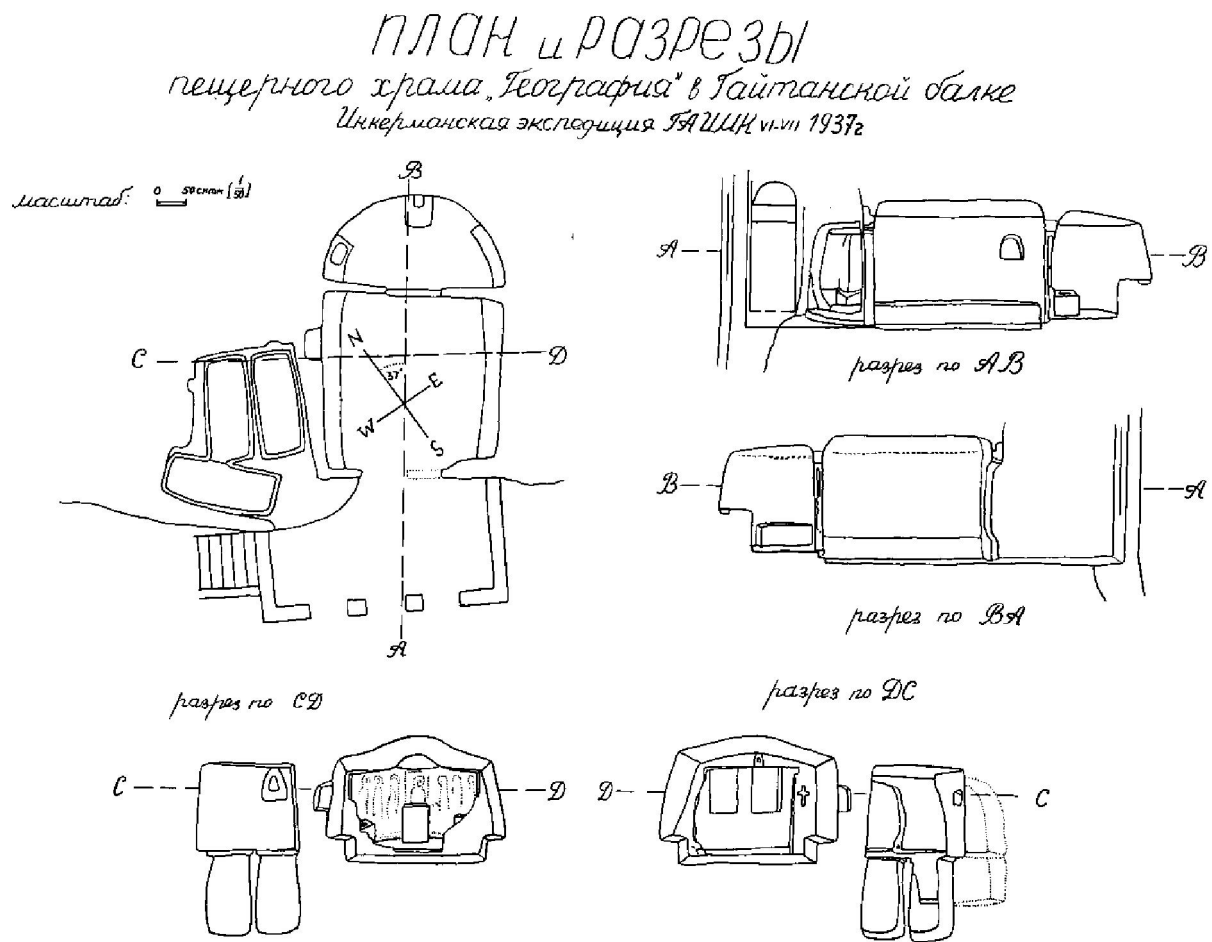

Рис. 4. «Храм География». План. Разрезы. По материалам экспедиции ГАИМК 1937 года

Fig. 4. "Church of Geography". Plan. Section. GAIMK expedition materials (1937)

Рис. 5. «Храм География». Фото. По материалам экспедиции ГАИМК 1937 года
Fig. 5. "Church of Geography". Photo. GAIMK expedition materials (1937)

Рис. 6. «Храм География». План. Вид на алтарную часть. Копия надписи. Акварель Д.М. Струкова
Fig. 6. "Church of Geography". Plan. The altar part. Copy of the inscription. Watercolor by D.M. Strukov

Рис. 8. «Храм География». Алтарная часть. Рисунок Д.М. Струкова
Fig. 8. "Church of Geography". The altar part. Drawing by D.M. Strukov

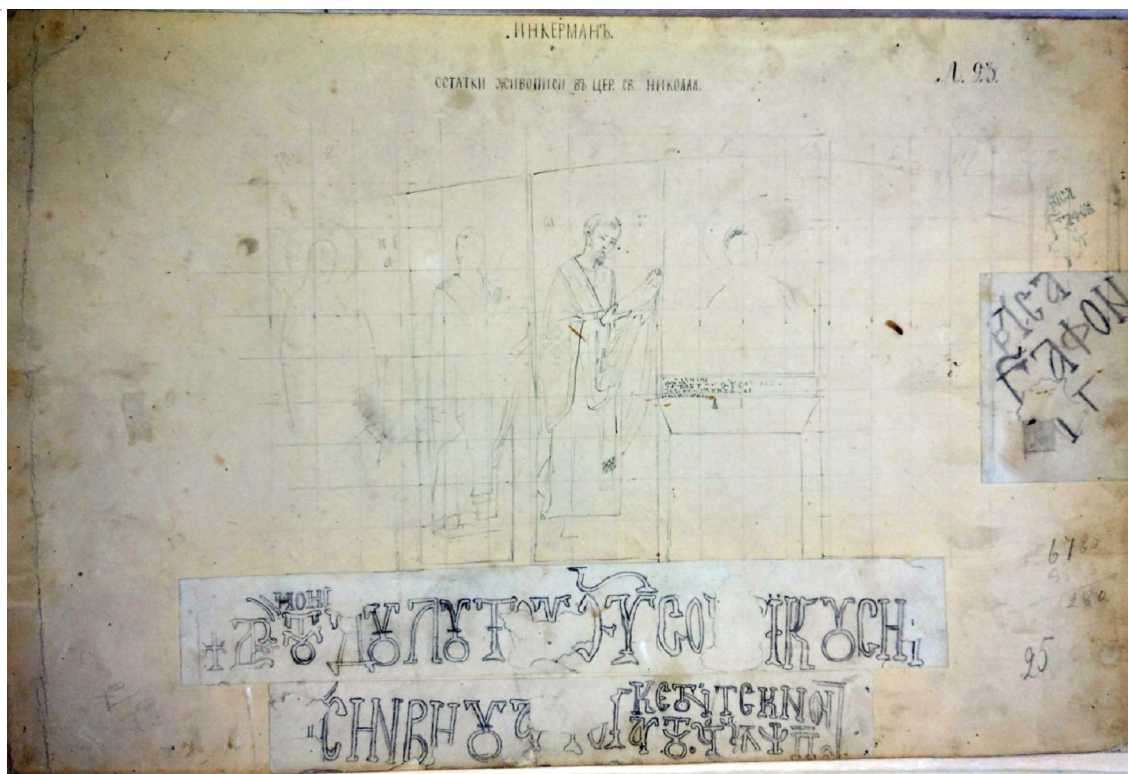

Рис. 9. «Храм География». Фрагмент росписей. Копия надписи. Акварель Д.М. Струкова
Fig. 9. "Church of Geography". Fragment of paintings. Copy of the inscription. Watercolor by D.M. Strukov

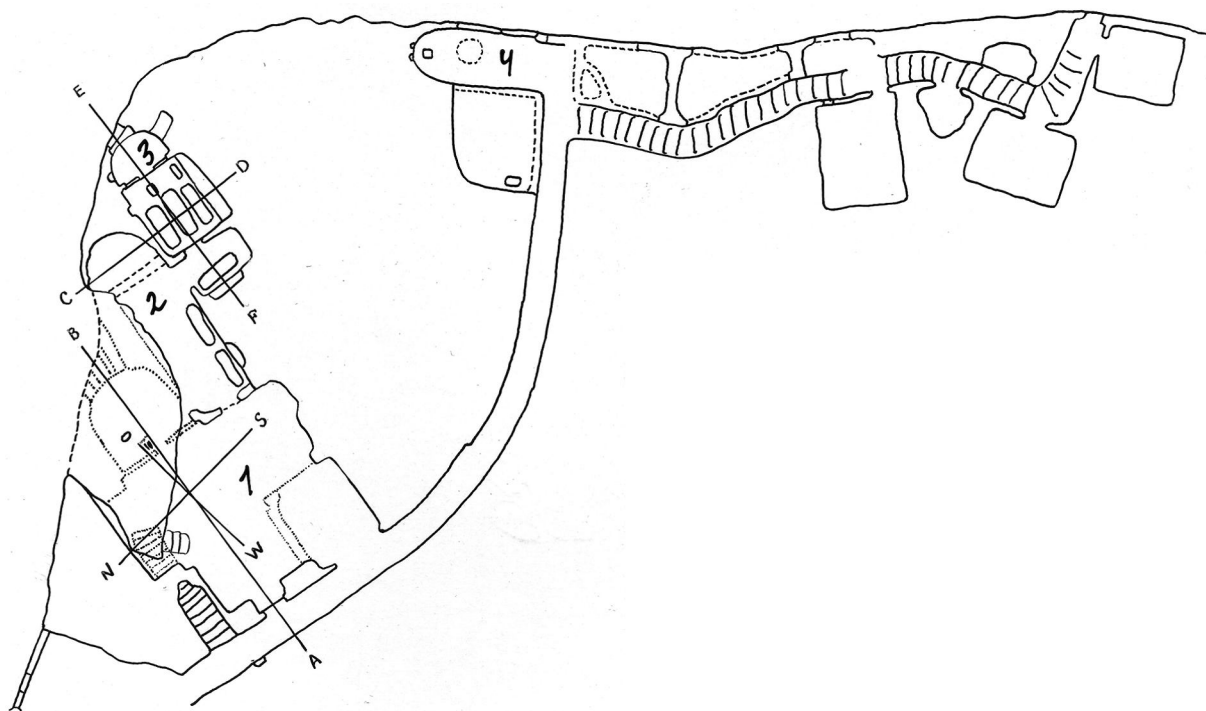

Рис. 10. Монастырь св. Софии. План. 1, 2... – номера церквей
Fig. 10. Monastery of St. Sofia. Plan. 1, 2... – the numbers of churches

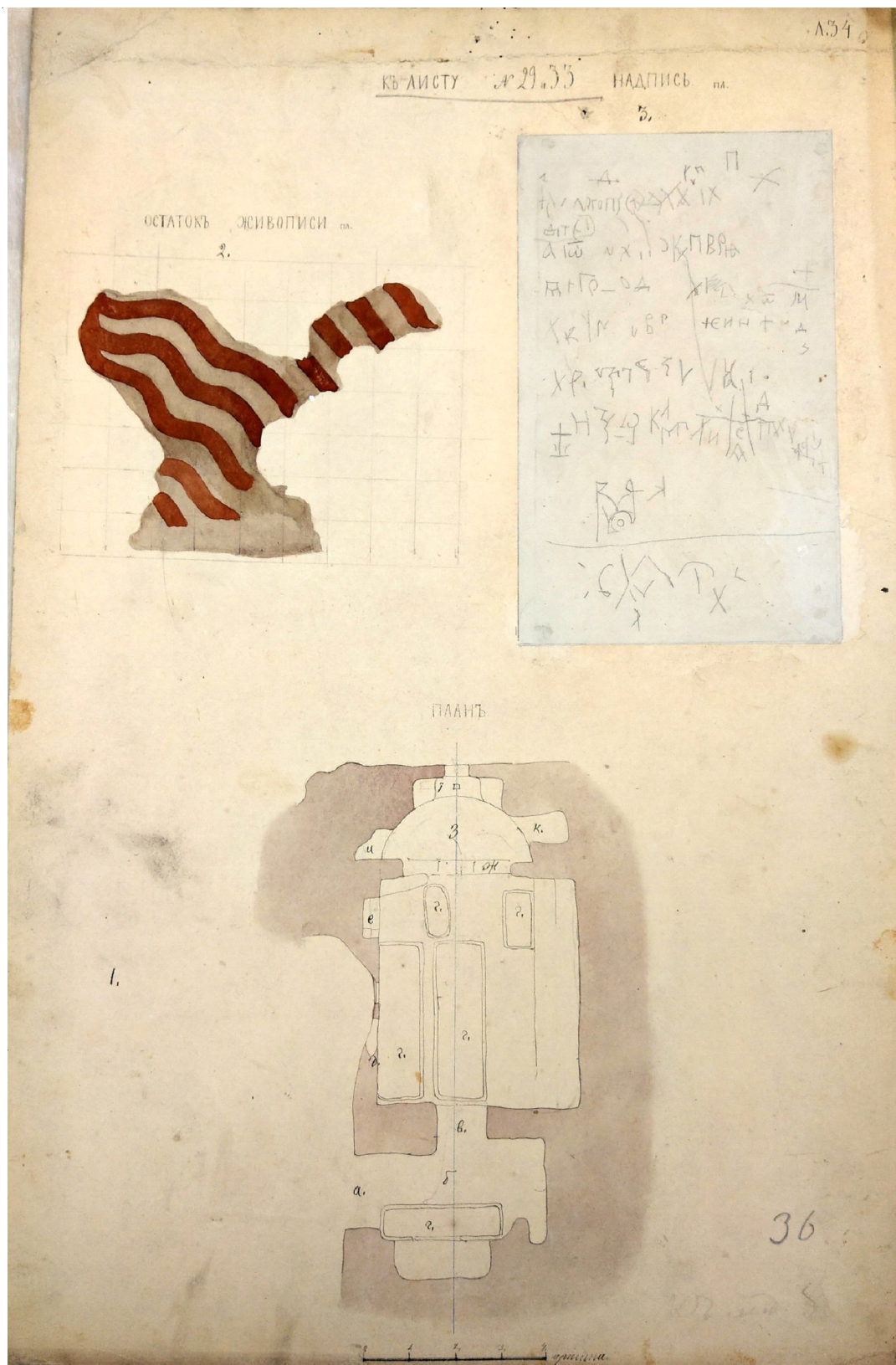

Рис. 11. Монастырь св. Софии. План церкви № 3. Фрагменты росписи. Копии надписей.
Акварель Д.М. Струкова

Fig. 11. Monastery of St. Sofia. The plan of the Church no. 3. Fragments of painting. Copies of inscriptions.
Watercolor by D.M. Strukov

Рис. 12. Копии фрагментов орнаментов из пещерных церквей Инкермана. Акварель Д.М. Струкова

Fig. 12. Cave churches of Inkerman. Fragments of ornaments. Watercolor by D.M. Strukov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркас, З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его / З. Аркас // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1848. – Т. II, отд. 1. – С. 245–271.
2. Бертъе-Делагард, А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма / А. Л. Бертъе-Делагард // Избранные труды по истории средневекового Крыма. – Симферополь : Доля, 2012. – С. 7–153.
3. Бобровський, Т. А. Нововідкрита печерна церква з фресками візантійського часу з Південно-Західного Криму / Т. А. Бобровський, К. Е. Чуева // Праці науково-дослідного інституту пам'яток охоронних досліджень. – 2005. – Вип. 1. – С. 132–152.
4. Бобровский, Т. А. Пещерная церковь с фресками византийской эпохи в Юго-Западном Крыму / Т. А. Бобровский, Е. Е. Чуева // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, Епископа Готфского. – Симферополь : Изд-во Симферопольской и Крымской епархии, 2006. – С. 181–223.
5. Виноградов, А. Ю. Новооткрытые греческие христианские надписи из Северного Причерноморья и вопрос о статусе пещерных обитателей в Горном Крыму / А. Ю. Виноградов // Миры Византии. Херσῶνος θέματα. Вып. 2. – Симферополь, 2019. – С. 331–356.
6. Виноградов, А. Ю. Каламита. Надгробие Авраамия и Космы / А. Ю. Виноградов // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html> (дата обращения: 20.05.2021). – Загл. с экрана.
7. Виноградов, А. Ю. Каламита. Посвящение Сотирика, 1272–1273 гг. / А. Ю. Виноградов // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.149-ru.html> (дата обращения: 20.05.2021). – Загл. с экрана.
8. Герасименко, Н. В. Декорация алтарной части кафоликона монастыря Оснос Лукас / Н. В. Герасименко // Византийский временник. – 2005. – Т. 64 (89). – С. 245–255.
9. Днепровский, Н. В. К вопросу о первоначальном облике пещерного храма святой Софии в Инкермане (Севастополь, АР Крым) / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология : сб. материалов I Междунар. науч. заоч. конф. – Набережные Челны : Изд-во НИСПТР, 2011. – С. 147–149.
10. Днепровский, Н. В. Об одной детали литургического устройства двух пещерных церквей Инкермана / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология : сб. материалов II Междунар. науч. заоч. конф. – Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2012. – С. 137–142.
11. Днепровский, Н. В. Новые архивные материалы по инкерманскому пещерному храму «Иконописцев» («География») / Н. В. Днепровский // Спелеология и спелестология : материалы VI Междунар. науч. заоч. конф. – Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2015. – С. 146–154.
12. Домбровский, О. И. Фрески средневекового Крыма / О. И. Домбровский. – Киев : Изд-во АН УССР, 1966. – 110 с.
13. Дюбуа де Монпере, Ф. Путешествие в Крым / Фредерик Дюбуа де Монпере ; пер. Т. М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
14. Латышев, В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России / В. В. Латышев. – СПб. : Тип. Императорской АН, 1896. – 144 с.
15. Латышев, В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма / В. В. Латышев // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1897. – Т. XX. – С. 149–162.
16. Латышев, В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма / В. В. Латышев // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1898. – Т. XXI. – С. 225–254.
17. Могаричев, Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма / Ю. М. Могаричев // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь : Таврия, 1993. – С. 213–225.
18. Могаричев, Ю. М. Пещерные церкви Таврики / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1997. – 384 с.
19. Могаричев, Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Сонат, 2005. – 192 с.
20. Могаричев, Ю. М. К вопросу о периодизации фресковых росписей пещерной церкви Южного монастыря Мангула / Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 47–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.4>.
21. Могаричев, Ю. М. Фресковые росписи пещерных георгиевских церквей Инкермана / Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина // Византийский временник. – 2020. – Т. 104. – С. 306–331.
22. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Петр Симон Паллас. – М. : Наука, 1999. – 248 с.
23. Репников, Н. И. Отчет Инкерманской археологической экспедиции 1937 г. / Н. И. Репников // Архив Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 2. – Д. 227. – 87 л.
24. Репников, Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Н. И. Репников // Архив Института истории материальной культуры РАН. – Ф. 10. – Д. 10. – 387 л.

25. Струков, Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде / Д. М. Струков. – М. : Универ. тип., 1876. – 51 с.

26. Струков, Д. М. Рисунки древних памятников христианства в Тавриде / Д. М. Струков // Фонд изданий РГБ. – Топографический шифр 105/5. – 378 л.

27. Толстой, И. И. Русские древности в памятниках искусства. Т. 4 / И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1891. – 176 с.

28. Тур, В. Г. Крымские православные монастыри XIX – начала XX века. История. Правовое положение / В. Г. Тур. – Симферополь : Палитра, 1998. – 134 с.

29. Дж. Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / пер. Т. Прохоровой, О. Широкова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. – 224 с.

30. Филипенко, В. Ф. К истории Инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования) / В. Ф. Филипенко // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь : Таврия, 1993. – С. 108–125.

31. Чепелев, В. Н. Пещерный храм в Инкермане / В. Н. Чепелев // Труды этнографо-археологического музея 1-го МГУ. – 1927. – Вып. 1. – С. 43–46.

REFERENCES

1. Arkas Z. Opisanie Irakliyskogo poluostrova i drevnostey ego [Description of the Heraclius Peninsula and Its Antiquities]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1848, vol. 2, sect. 1, pp. 245-271.

2. Berte-Delagard A.L. Ostatki drevnikh sooruzheniy v okrestnostyakh Sevastopolya i peshchernye goroda Kryma [The Remains of Ancient Structures in the Vicinity of Sevastopol and the Cave Cities of Crimea]. *Izbrannye trudy po istorii srednevekovogo Kryma* [Selected Works on the History of Medieval Crimea]. Simferopol, Dolya Publ., 2012, pp. 7-153.

3. Bobrovskiy T.A., Chuyeva K.E. Novovidkryta pecherna tserkva z freskami vizantiyskogo chasu z Pivdeno-Zakhidnogo Krymu [Newly Opened Cave Church with Frescoes of the Byzantine Period from Southwestern Crimea]. *Pratsi naukovy-doslidnogo institutu pamyatkookhoronnykh doslidzhen* [Proceedings of the Research Institute of Monument Protection Research], 2005, iss. 1, pp. 132-152.

4. Bobrovskiy T.A., Chueva E.E. Peshchernaya tserkov s freskami vizantiyskoy epokhi v Yugo-Zapadnom Krymu [Cave Church with Frescoes of the Byzantine Era in Southwestern Crimea]. *Materialy Mezhdunarodnoy tserkovno-istoricheskoy konferentsii «Dukhovnoe nasledie Kryma» pamyati prepodobnogo*

Ioanna, Episkopa Gotfskogo [Proceedings of the International Church-Historical Conference “Spiritual Heritage of Crimea” in Memory of the Monk John, Bishop of Gothia]. Simferopol, Izd-vo Simferopolskoy i Krymskoy eparkhii, 2006, pp. 181-223.

5. Vinogradov A.Yu. Novootkrytye grecheskie khristianskie nadpisi iz Severnogo Prichernomorya i vopros o statuse peshchernykh obiteley v Gornom Krymu [Newly Discovered Greek Christian Inscriptions from the Northern Black Sea Region and the Question of the Status of Cave Dwellings in the Mountainous Crimea]. *Miry Vizantii. Chersōnos themata* [Worlds of Byzantium. Chersonos themata]. Simferopol, s.n., 2019, iss. 2, pp. 331-356.

6. Vinogradov A.Yu. Kalamita. Nadgrobie Avramiya i Kosmy [Kalamita. Epitaph of Abramis and Cosmas]. *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomorya (IOSPE)* [Byzantine Inscriptions. Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea Region (IOSPE)]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.151-ru.html> (accessed 20 May 2021).

7. Vinogradov A.Yu. Kalamita. Posvyashchenie Sotirika, 1272–1273 gg. [Kalamita. Dedication of Soterikos, 1272–1273]. *Vizantiyskie nadpisi. Drevnie nadpisi Severnogo Prichernomorya (IOSPE)* [Byzantine Inscriptions. Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea Region (IOSPE)]. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.149-ru.html> (accessed 20 May 2021).

8. Gerasimenko N.V. Dekoratsiya altarnoy chasti kafolikonu monastyrya Osios Lukas [Decoration of the Altar Part of the Catholicon of the Monastery of Osios Lukas]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2005, vol. 64 (89), pp. 245-255.

9. Dneprovskiy N.V. K voprosu o pervonachalnom oblike peshchernogo khrama svyatoy Sofii v Inkermane (Sevastopol, AR Krym) [On the Question of the Original Appearance of the Cave Church of St. Sophia in Inkerman (Sevastopol, Crimea)]. *Speleologiya i spelestologiya: sb. materialov I Mezhdunar. nauch. zaoch. konf.* [Speleology and Speleology. Collection of Materials of the 1st International Scientific Correspondence Conference]. Naberezhnye Chelny, Izd-vo NISPTR, 2011, pp. 147-149.

10. Dneprovskiy N.V. Ob odnoy detali liturgicheskogo ustroystva dvukh peshchernykh tserkvey Inkermana [On One Detail of the Liturgical Arrangement of the Two Cave Churches of Inkerman]. *Speleologiya i spelestologiya: sb. materialov II Mezhdunar. nauch. zaoch. konf.* [Speleology and Speleology. Collection of Materials of the 2nd International Scientific Correspondence Conference]. Naberezhnye Chelny, Izd-vo NGPU, 2012, pp. 137-142.

11. Dneprovskiy N.V. Novye arkhivnye materialy po inkermanskomu peshchernomu khramu «Ikonopistsev» («Geografiya») [New Archival

Materials on the Inkerman Cave Temple "Iconographers" ("Geography"). *Speleologiya i spelestologiya: materialy VI Mezhdunar. nauch. zaoch. konf.* [Speleology and Spelestology. Proceedings of the 6th International Scientific Virtual Conference]. Naberezhnye Chelny, Izd-vo NGPU, 2015, pp. 146-154.

12. Dombrovskiy O.I. *Freski srednevekovogo Kryma* [The Frescoes of Medieval Crimea]. Kiev, Izd-vo AN USSR, 1966. 110 p.

13. Dyubua de Monpere F. *Puteshestvie v Krym* [Journey to Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009. 328 p.

14. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii* [Collection of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1896. 144 p.

15. Latyshev V.V. Zametki k khristianskim nadpisyam iz Kryma [Notes to Christian Inscriptions from Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1897, vol. 20, pp. 149-162.

16. Latyshev V.V. Zametki k khristianskim nadpisyam iz Kryma [Notes on Christian Inscriptions from Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1898, vol. 21, pp. 225-254.

17. Mogarichev Yu.M. K diskussii o skalnoy arkhitekture Kryma [To a Discussion About the Rocky Architecture of Crimea]. *Istoriya i arheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma* [History and Archaeology of Southwestern Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., 1993, pp. 213-225.

18. Mogarichev Yu.M. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [The Cave Churches of Taurica]. Simferopol, Tavriya Publ., 1997. 384 p.

19. Mogarichev Yu.M. «Peshchernye goroda» v Krymu ["Cave Towns" in Crimea]. Simferopol, Sonat Publ., 2005. 192 p.

20. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. K voprosu o periodizatsii freskovykh rospisey peshchernoy tserkvi Yuzhnogo monastyrya Mangupa [Reassessing the Periodization of Mural Paintings in the Cave Church of the Southern Mangup Monastery]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 47-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.4>.

21. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. Freskovye rospisi peshchernykh georgievskikh tserkvey Inkermana [Frescoes of the St. Georges' Cave Churches

(Inkerman District)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2020, vol. 104, pp. 306-331.

22. Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelaynye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations Made During a Trip to the Southern Governorships of the Russian State in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 248 p.

23. Repnikov N.I. Otchet Inkermanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1937 g. [Report of the Inkerman Archaeological Expedition of 1937]. *Arkhir Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 2, d. 227, 87 l.

24. Repnikov N.I. Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagorya Kryma [The Matters on Archeological Map of Southwest Plateau of Crimea]. *Arkhir Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 10, d. 10, 387 l.

25. Strukov D.M. *Drevnie pamyatniki khristianstva v Tavride* [Ancient Monuments of Christianity in Taurida]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1876. 51 p.

26. Strukov D.M. Risunki drevnykh pamyatnikov khristianstva v Tavride [Drawings of Ancient Monuments of Christianity in Taurida]. *Fond izoizdaniy RGB* [Russian State Library's Art Edition Collection]. Topograficheskiy shift 105/5, 378 l.

27. Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva. T. 4* [Russian Antiquities in Art Monuments. Vol. 4]. Saint Petersburg, Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya, 1891. 176 p.

28. Tur V.G. *Krymskie pravoslavnye monastiri XIX – nachala XX veka. Istoriya. Pravovoe polozhenie* [Crimean Orthodox Monasteries of the 19th – Early 20th Centuries. History. Legal Status]. Simferopol, Palitra Publ., 1998. 134 p.

29. Dzh. *Uebster i ego voyazh po Krymu v 1827godu* [J. Webster and His Voyage Across the Crimea in 1827]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2016. 224 p.

30. Filipenko V.F. K istorii Inkermanskogo peshchernogo monastyrya (pervyy etap sushchestvovaniya) [On the History of the Inkerman Cave Monastery (The First Stage of Its Existence)] *Istoriya i arheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma* [History and Archaeology of Southwestern Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., 1993, pp. 108-125.

31. Chepelev V.N. Peshchernyy khram v Inkermane [Cave Temple in Inkerman] *Trudy etnografo-arkheologicheskogo muzeya 1-go MGU* [Proceedings of the Ethnographic and Archaeological Museum of the 1st Moscow State University], 1927, iss. 1, pp. 43-46.

Information About the Authors

Yurii M. Mogarichev, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation; Head of the Humanity and Social Science Department, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Lenina St, 15, 295000 Simferopol, Russian Federation, mogara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6057-2316>

Alena S. Ergina, Head of the Department of Postgraduate Studies, Lecturer, Department of Painting, Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz, Solyanoy Lane, 13, 191028 Saint Petersburg, Russian Federation, yergina.alyona@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7988-0415>

Информация об авторах

Юрий Миронович Могаричев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация; заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, ул. Ленина, 15, 295000 г. Симферополь, Российская Федерация, mogara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6057-2316>

Алена Сергеевна Ергина, заведующая отделом аспирантуры, преподаватель кафедры живописи, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Соляной пер., 13, 191028 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, yergina.alyona@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7988-0415>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.4>

UDC 93/94; 904

LBC 63.3(0)4

Submitted: 05.06.2021

Accepted: 20.09.2021

FINGER RING AMULETS WITH THE IMAGE OF THE HOLY RIDER OF THE 7th CENTURY FROM THE CRIMEA

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The group of jewelry with Christian symbols that existed in the Crimea in the early Middle Ages includes cast bronze rings, on a flat shield of which the image of a holy rider with a cross in his hands is engraved. The rings were found in the South-West Crimea in the burial grounds near the village of Luchistoe, Skalistoe and Eski-Kermen, as well as in Kerch at the early medieval necropolis of the Bosphorus, in the burials of the 7th century. *Methods.* For the attribution of published products, a circle of analogies is identified, findings from the territory of the Eastern Roman Empire are analyzed. The iconography of the holy rider is compared on various subjects. In the Crimea, three of the published finger rings were found in *in situ* burials, as part of a closed complex, together with tools with a narrow dating, which makes it possible to clarify the time of existence of this type of products in the region and to determine the method of wearing it. *Analysis.* The plot depicted on the finger rings has an undeniable resemblance to the scene of the solemn entry of Jesus Christ into Jerusalem, described in all four Gospels and well known from the numerous pictorial monuments of the early medieval period. The iconography of that scene originated in the era of Constantine the Great, under the influence of imperial art and in many ways corresponded to the Triumphal entry of the emperor to Rome or any large city of the empire. The image of Christ the rider on the Crimean finger rings belongs to the iconographic type, which became widespread in the 6th–7th centuries, mainly in Egypt, the Syro-Palestinian region and Asia Minor. The quality of execution of the published rings from the Crimea allows us to speak about their local production. Byzantine products that came to the peninsula thanks to stable trade relations with the empire or were brought by pilgrims from holy places served as models for the Crimean artisans. In the minds of ancient Christians, the image of Christ the rider had a powerful protective power. Placed on the shield of the ring, it endowed the decoration with the properties of an amulet, protecting the person wearing it from all troubles. The rings originating from Crimea belonged to a teenage girl and young women who wore them on their hands – on the right index or ring finger, or in special belt bags, in which, in addition to utilitarian items, various amulets were also put. *Results.* The study of rings makes it possible not only to expand knowledge about jewelry that existed in the early medieval times, but also to replenish our information about the daily life of the Christian population of the early medieval Crimea.

Key words: Byzantium, Crimea, Christian iconography, the entrance to Jerusalem, the holy rider, finger rings, amulets.

Citation. Khairedinova E.A. Finger Ring Amulets with the Image of the Holy Rider of the 7th Century from the Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 52–67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.4>

УДК 93/94; 904

ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 05.06.2021

Дата принятия статьи: 20.09.2021

ПЕРСТНИ-АМУЛЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО ВСАДНИКА VII в. ИЗ КРЫМА

Эльзара Айдеровна Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. К группе украшений с христианской символикой, бытовавших в Крыму в эпоху раннего средневековья, относятся бронзовые литые перстни, на плоском щитке которых выгравировано изображение святого всадника с крестом в руках. Перстни обнаружены в Юго-Западном Крыму – в могильниках у с. Лучистое, Скалистое и Эски-Кермен, а также в Керчи – на раннесредневековом некрополе Боспора, в погребениях

VII века. Для атрибуции публикуемых изделий выявляется круг аналогий, анализируются находки с территории Восточной Римской империи. Сопоставляется иконография святого всадника на различных предметах. В Крыму три из публикуемых перстней найдены в погребениях *in situ*, в составе закрытого комплекса вместе с инвентарем, имеющим узкую датировку, что позволяет уточнить время бытования этого типа изделий в регионе и определить способ его ношения. Представленный на перстнях сюжет имеет несомненное сходство со сценой торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим, описанной во всех четырех Евангелиях и хорошо известной по многочисленным изобразительным памятникам раннесредневекового времени. Иконография этой сцены зародилась в эпоху Константина Великого, под влиянием императорского искусства, и во многом соответствовала Триумфальному входу императора в Рим или какой-либо большой город империи. Изображение Христа-всадника на крымских перстнях относится к иконографическому типу, получившему распространение в VI–VII вв., в основном в Египте, Сиро-Палестинском регионе и Малой Азии. Качество исполнения публикуемых перстней из Крыма позволяет говорить об их местном производстве. Образцами для крымских ремесленников послужили византийские изделия, поступавшие на полуостров благодаря стабильным торговым связям с империей или привозившиеся паломниками из святых мест. В представлении древних христиан изображение Христа-всадника обладало мощной защитной силой. Размещенное на щитке перстня, оно наделяло украшение свойствами амулета, оберегая носившего его человека от всяких бед. Происходящие из Крыма перстни принадлежали девочке-подростку и молодым женщинам, носившим их на руках – на правом указательном или безымянном пальце, либо в специальных поясных сумочках, в которые, помимо утилитарных предметов, складывали и различные амулеты. Изучение перстней позволяет не только расширить знания об украшениях, бытовавших в раннесредневековое время, но и пополнить наши сведения о повседневной жизни христианского населения раннесредневекового Крыма.

Ключевые слова: Византия, Крым, христианская иконография, вход в Иерусалим, святой всадник, перстни, амулеты.

Цитирование. Хайрединова Э. А. Перстни-амулеты с изображением святого всадника VII в. из Крыма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 52–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.4>

Введение. В эпоху раннего средневековья на территории Восточной Римской империи существовал обычай украшать различные предметы, роскошные или повседневные, христианскими символами и сюжетами [4, с. 361]. Часто такие изображения помещались на аксессуарах одежды, серьгах, перстнях и подвесках. Во второй половине VI – VII в. украшения с христианской символикой распространяются и в Крыму – в Херсоне, у гото-аланского населения страны Дори и на Боспоре. Особой популярностью у христианского населения Крыма пользовались перстни с выгравированными на щитках крестом, формулой $\Phi\Omega\varsigma\ Z\Omega\eta\text{N}$ или стилизованной фигурой ангела [15, с. 89–90; 16, с. 34–36; 17, с. 90, 104, рис. 1]. К этой же группе предметов с христианской символикой относятся бронзовые литые перстни с изображением святого всадника на плоском щитке (рис. 1). В предлагаемой работе обосновывается датировка названных украшений, выявляется круг аналогий, интерпретируется значение изображения, определяется место и роль в костюме местного населения.

Методы. В исследовании применяются методы исторической науки: описание, пояс-

нение, анализ, синтез, сопоставление данных различных источников, системный подход к источникам. Для атрибуции публикуемых изделий выявляется круг аналогий, анализируются находки с территории Восточной Римской империи, сопоставляется иконография святого всадника на различных предметах. В Крыму три из публикуемых перстней найдены в погребениях *in situ*, в составе закрытого комплекса, вместе с инвентарем, имеющим узкую датировку, что позволяет уточнить время бытования этого типа изделий в регионе и определить способ его ношения.

Анализ. Публикуемые перстни обнаружены в Юго-Западном Крыму – в могильниках у с. Лучистое, Скалистое и Эски-Кермен, а также в Керчи – на раннесредневековом некрополе Боспора. Перстни отлиты из бронзы с пластинчатым, прямоугольным в сечении кольцом, и плоским овальным или круглым щитком (рис. 1). Диаметр колец 2,1–2,4 см; диаметр круглых щитков – 1,2–1,3 см; размеры овальных щитков 0,9 x 1,2 и 1,1 x 1,3 см.

В могильнике у с. Лучистое перстень найден в склепе 294, в погребении 6 (рис. 1, 3, 3a–b), вместе с двумя бронзовыми цель-

нолитыми византийскими пряжками типа «Сиракузы», бытовавшими в Крыму на протяжении всего VII в. [14, с. 245–247, рис. 1–3]. В захоронении также лежали цилиндрические полихромные бусы с фестончатым орнаментом, появившиеся в ожерельях гото-аланских женщин не ранее второй четверти VII века. Следовательно, интересующее нас захоронение с перстнем следует датировать второй четвертью – концом VII века. На склоне плато Эски-Кермен перстень с изображением святого всадника лежал в подбойной могиле 43, в погребении, разрушенном грабителями (рис. 1, 2) [11, с. 158, 173, рис. 40, 1; 31, S. 289, Kat. Nr. I.6.2.1]. Могильник начал функционировать в последней четверти VI века. В подбойных могилах на его территории хоронили только до середины VIII в. [1, с. 127]. Таким образом, погребение с перстнем в подбойной могиле 43 могло быть совершено не ранее последней четверти VI в. и не позже середины VIII века. В Скалистом перстень обнаружен в склепе 340, также разрушенном грабителями (рис. 1, 1, 1a–b). Судя по найденным среди переворошенных грабителями скелетов бронзовой херсонесской монеты Юстиниана I и серьги, характерной для крымских погребений VIII–IX вв., названный склеп функционировал на протяжении долгого времени – с середины VI и до конца IX в. [1, с. 370, рис. 5, 15; 2, с. 22, рис. 4, 23, 25; 3, с. 76–77, рис. 52, 23, 34, 38]. В Керчи перстни найдены в Босфорском переулке, на участке Боспорского некрополя на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат в могилах 17 (рис. 1, 4, 4a–b) и 46, датированных VII веком. Учитывая находки из неразграбленных погребений, время бытования публикуемых перстней в Крыму можно отнести к VII веку.

На поверхности щитков перстней выгравирован святой всадник с большим крестом в руках ¹. Изображение выполнено примитивно и схематично: круглая голова всадника в нимбе показана в анфас, глаза переданы двумя черточками или небольшими кружками, тело – прямоугольником или треугольником, ноги никак не обозначены (рис. 1, 1a, b–4a, b). Конь или осел под всадником представлен шагающим: его передняя правая нога поднята и согнута. На некоторых перстнях на голове животного видна узда, глубокими линиями

выделены грива и длинный хвост. Хотя изображения выполнены в единой манере, между ними видны различия, свидетельствующие о том, что перстни изготовлялись разными мастерами, по-своему интерпретировавшими единый, известный всем образ.

Представленный на перстнях сюжет имеет несомненное сходство со сценой торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим, описанной во всех четырех Евангелиях и хорошо известной по многочисленным изобразительным памятникам раннесредневекового времени (рис. 2–4) [9, с. 347–352].

Торжественное прибытие Спасителя в святой град накануне праздника Пасхи предшествовало его страстям и было осуществлением ветхозаветных пророчеств. Согласно рассказам евангелистов, Христос въезжает в Иерусалим на молодом осле, которого ученики покрыли своими одеждами (Матф., 21:1–9; Марк, 11:1–10; Лук., 19:29–38; Иоан., 12:12–15) ². Эта процессия должна была напомнить слова пророка Захарии о явлении в Иерусалим Мессии «кротким, сидящим... на молодом осле...» (Зах., 9:9) [7, с. 78–79]. Вход Господень понимался как вход истинного царя Израиля в Иерусалим: «Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле» (Иоан. 12:15). По мнению А. Грабара, иконография сцены входа в Иерусалим зародилась в эпоху Константина Великого, под влиянием императорского искусства, и во многом соответствовала Триумфальному входу императора в Рим или какой-либо большой город империи [5, с. 239].

Мастера, воспроизводившие евангельские сюжеты на различных предметах, по-разному изображали Спасителя в сцене входа в Иерусалим. Один из самых ранних образцов можно увидеть на мраморном саркофаге Юния Басса 359 г., где Спаситель представлен почти в профиль, едущим верхом на небольшом ослике (рис. 2, 1).левой рукой он держится за поводья, правая рука приподнята в благословляющем жесте. Фигура Христа детально проработана: показана драпировка на тунике и перекинутом через левое плечо плаще, на ногах видны сандалии. Точно также, в профиль, сидящим верхом на осле изображен Иисус на миланском диптихе V в. из слоновой кости, хранящемся в ризнице кафедрального собора (рис. 2, 2) [44, S. 84, Nr. 119, Taf. 63]

и на золотом перстне рубежа IV–V вв., происходящем якобы из Константинополя [18, р. 525–526, нг. 470]. Профильное изображение Христа, сидящего верхом на осле, было усвоено и западноевропейскими варварскими мастерами, что хорошо иллюстрирует пример меровингской пряжки середины VII в. из некрополя Ля Бальм на юго-востоке Франции (рис. 2, 4) [39, р. 99].

Существует и другой иконографический тип Христа в сцене входа в Иерусалим, получивший распространение в VI–VII вв., в основном в Восточной Римской империи – Египте, Сиро-Палестинском регионе и Малой Азии. В качестве примера назовем найденную в Египте резную деревянную перегородку (рис. 2, 7) и вырезанные из слоновой кости египетскими или сирийскими мастерами оклад Евангелия VI в., хранящийся в Национальной библиотеке Франции (рис. 2, 5), и пластины для трона архиепископа Максимиана из Равенны середины VI в. (рис. 2, 6) [18, р. 502, Нг. 451; 44, S. 93, 97, Нг. 140, 145, Taf. 72–74, 77]. Здесь Иисус Христос развернут к зрителю и изображен сидящим на осле боком. Создается впечатление, что Спаситель восседает на троне – как и надлежит истинному царю. Его правая рука поднята в благословляющем жесте, в левой руке появляется новый атрибут – длинный крест. Отметим, что так же, сидящей боком на шагающем осле, изображалась и Дева Мария в сюжете Бегство в Египет на предметах VI в. из слоновой кости или металла (рис. 2, 5) [8, с. 217, 225, рис. 139, 146; 38, pl. 139, fig. 10b].

Подобным образом представлен Христос в сцене входа в Иерусалим на круглых керамических жетонах или печатях VI–VII вв., которые служили евлогиями – сувенирами, привозившимися паломниками из святых мест (рис. 3, 2–6) [23, р. 91, Kat. Nr. 57; 36, р. 134, 136; 41, S. 77, Pl. 10, d, e; 43, р. 341–346, Pl. 197, 1, 3, 4]. Находки этих евлогий, как правило, связывают с производством сувенирной продукции для паломников в Иерусалиме, однако, фрагмент экземпляра жетона, происходящий из раскопок Кал’ат Сем’ана в Северной Сирии, где находился монастырь святого Симеона Столпника, дает возможность говорить о распространении таких изделий и в других паломнических центрах [37, р. 806,

N18, fig. 27]. Небольшой размер предметов, диаметр которых не превышает 4,6 см, позволял разместить лишь главных персонажей сцены входа в Иерусалим: Иисуса-всадника и ангела, ведущего под уздцы осла. Нанесенные штампом по сырой глине изображения не всегда имеют четкие очертания, но при этом обладают хорошо узнаваемыми атрибутами: Христос представлен в анфас, держащим в руках крест и восседающим на осле, как на троне (рис. 3, 2, 3, 5, 6). На жетоне, хранящемся в Королевском музее Онтарио, видны дополнительные детали: фигура Спасителя облачена в доходящую до щиколоток тунику, на которой тонкими черточками обозначены складки на ткани; правая, согнутая в локте рука, сжимает длинное древко креста (рис. 3, 4).

Судя по находкам из Восточного Средиземноморья, в VI–VII вв. сцена триумфального входа в Иерусалим, наряду с другими евангельскими сюжетами, часто изображалась на небольших украшениях – геммах, перстнях и браслетах (рис. 3; 4). На овальных геммах из яшмы и сердолика сцена представлена схематично, в общих чертах: Христос показан в анфас, сидящим боком на шагающем осле, с поднятой в благословляющем жесте левой либо правой рукой (рис. 4, 1–4) [38, pl. 96, нг. 675, pl. 101, нг. 708–710]. На некоторых геммах проработаны детали: на лице точками обозначенные глаза и рот или прорезанные небольшими черточками складки на тунике Христа (рис. 4, 2, 4). Крест в руках всадника отсутствует, но может быть изображен отдельно, в верхней части композиции (рис. 4, 4).

На плоских щитках бронзовых византийских перстней VI–VII вв. в сцене входа в Иерусалим Христос представлен в анфас, с длинным крестом в руках, сидящим боком на шагающем осле (рис. 4, 6–8) [6, с. 86, Kat. Nr. 90; 22, р. 94, Kat. Nr. 95; 41, Pl. 11d]. Грудь и круп животного украшены парадной сбруей, которая показана двумя параллельными линиями из пуансонных точек. Эта деталь противоречит евангельскому сюжету – ведь для Спасителя ученики привели молодого осла, «на которого никто из людей не садился» и покрыли его только своими одеждами (Марк, 11:2,7; Лук., 19:30, 35), но сближает сценами триумфальных церемоний, где император изображался на коне в парадном снаряжении [5, табл. 28, 4].

Особый интерес представляют бытовавшие во второй половине VI – первой половине VII в. на территории Сирии и Египта браслеты, сделанные из низкопробного серебра или бронзы в виде узкой пластины с 4–8 круглыми или овальными медальонами. Ни них выгравированы отдельные эпизоды земной жизни Христа (Рождество, Крещение, Распятие, Жены-мироносицы у гробницы Христа, Воскресение), иногда сопровождавшиеся еще и магическими сюжетами и знаками (рис. 3, 1, 7–9) [12, с. 160–163, 199, рис. 6; 19, р. 188–189; 26, р. 575–577; 30, р. 257–258; 42]. На некоторых браслетах встречается и сцена триумфального входа в Иерусалим, качество исполнения которой варьируется. Так, на одном из сирийских браслетов с досконально прорисованными сюжетами (рис. 3, 1) святой всадник изображен реалистично и детально: хорошо виден парадный костюм – хламида, застегнутая на правом плече фибулой с подвесками, мелкими черточками показана драпировка ткани (рис. 3, 1а). Изображение Христа здесь сопоставимо с императором во время Триумфального входа в город, только традиционное копье заменено на крест с длинным древком. На других сирийских браслетах изображение святого всадника упрощено и лишено мелких деталей (рис. 3, 8а, 9а), а на египетском браслете из коллекции Лувра – вообще передано несколькими линиями (рис. 3, 7а).

Описанные браслеты, скорее всего, были амулетами. Свободное пространство на многих из них заполнено цитатой из псалма 90, имевшего в ранневизантийское время репутацию мощного отвращающего беду средства [20, р. 219; 26, р. 575–579; 30, р. 255; 42, р. 35]. Цитата варьировалась от нескольких слов до шести строк, в зависимости от того, где размещалась – в одном из медальонов, либо на пластине между ними. Защитными свойствами наделялись и сцены христологического цикла. Обращение к жизни Христа как апотропейное средство засвидетельствовано среди христиан с римского времени. В речи 249 г. против Цельса Ориген отметил, что для борьбы со злым духом и изгнания демонов христиане произносят имя Иисуса и читают евангельские рассказы о нем [33, I.6; 42, р. 36]. Браслеты визуализировали эпизоды земной жизни Христа. На них изображались сцены,

которые, вероятно, считались наделенными особенно мощными оберегающими свойствами. Чаще всего на браслетах встречается композиция Жены-мироносицы у гробницы Христа. По мнению А. Грабара, этот эпизод в византийском искусстве олицетворял Христа в тот самый момент, когда он возвращался к жизни и реконструировал обстоятельства, в которых было впервые засвидетельствовано чудо победы над смертью [5, с. 248]. Судя по находкам из сиро-палестинского региона, в VI–VII вв. изображение жен-мироносиц у гробницы Христа, также как и святого всадника, часто гравировали на щитках бронзовых перстней [23, S. 92, Kat. Nr. 60; 24, S. 330, Kat. Nr. 664; 42, р. 51, fig. 22].

В сцене Входа в Иерусалим Христос предстает как победитель, триумфатор. Святой всадник, таким образом, олицетворяет триумф добра над злом, победу над злыми силами, приносящими беды человеку и вызывающими болезни [42, р. 35]. Надпись ΥΓΙΑ – «Здоровье», выгравированная под его изображением на одном из браслетов (рис. 3, 9а), убеждает в том, что сюжет имел апотропейный характер, а не был только пересказом одной из историй Евангелия. Победоносный характер композиции полностью соответствовал амулетам, надевая которые христиане полагались на защиту Христа [40, р. 75, note 57; 42, р. 35, 46, fig. 5c].

О защитных свойствах сцены входа в Иерусалим свидетельствуют и другие надписи, сопутствующие изображению. На ранневизантийской оловянной амулетнице из коллекции Королевского музея г. Берлина, погибшей в годы Второй мировой войны, изображение святого всадника сопровождается надписью ΕΥΛΟΓΕΜΕΝΟΣ – «Благословенный» (рис. 2, 3), которая предназначалась для защиты носящего [43, р. 345, pl. 198, 5]. На происходящей из Малой Азии подвеске-печати средневизантийского времени, вокруг яшмы с выгравированным изображением сцены Входа в Иерусалим, прорезана надпись +ΚΕ ΒΟΝΘΗ ΤΟ ΣΟ ΔΟΥΛΟ ΘΕΟΦΙΛΟΥ – «Боже, помоги рабу твоему Феофилу» (рис. 4, 5) [24, S. 336–337, Kat. Nr. 707].

Вероятно, защитные свойства, приписываемые изображению святого всадника, способствовали тому, что его размещали и на

сосудах, предназначавшихся для воды. Речь идет о широко распространенных в VI–VII вв. в Восточном Средиземноморье византийских медных кувшинах, на горло которых надевался своеобразный браслет – бронзовая пластина с тремя медальонами с вытисненным изображением сцены Входа в Иерусалим в круглой рамке (рис. 5, 1, 2) [21, р. 90, Kat. Nr. 57; 35, р. 678–679, fig. 3].

Существует несколько предметов с изображением святого всадника, дающих еще один возможный вариант интерпретации этого образа. Прежде всего, это приобретенный в Бейруте и опубликованный в 1960 г. К. Мондезером бронзовый браслет VI в., сделанный с большим круглым медальоном в центральной части, на поверхности которого выгравированы изображение святого всадника, движущегося вправо, с развивающимся над крупом лошади плащом. Судя по надписи, сделанной вокруг фигуры всадника, браслет принадлежал погонщику верблюдов, служившему при паломническом центре святого Сергия, функционировавшем в Сергиополисе (современная Аль-Русафа, Сирия), вблизи от предполагаемого места мученичества и погребения святого [32, р. 123–124, fig. 4]. Скорее всего, из этого центра происходят небольшая ампула из оловянно-свинцового сплава VI–VII вв., хранящаяся в Художественном музее Уолтерса (рис. 5, 3) [25, S. 158–159, Pl. 8a–b], и каменная литейная форма, предназначавшаяся для изготовления подобных сосудов-евлогий [32, р. 123, note 4; 36, р. 83, note 25; 45, р. 152–153]. В центре ампулы изображен движущийся вправо святой всадник в костюме военачальника с плащом, застегнутым фибулой на правом плече. В правой руке всадник держит длинный крест (рис. 5, 3a). Надписи, сделанные вокруг изображения на ампуле ΕΥΛΟΓΙΑ Κ(ΥΡΙΟ)Υ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΣΕΡΓΙΟΥ и на литейной форме ΕΥΛΟΓΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΣΕΡΓΙΟΥ, не оставляют сомнений в определении всадника как святого Сергия. Отметим, что иконография всадника – святого Сергия и святого всадника – Христа из сцены Входа в Иерусалим практически идентична.

Отсутствие подписи под изображением святого всадника на крымских перстнях не дает возможности его однозначной интерпретации. Учитывая тот факт, что святой Сергий

был особо почитаем в Сирии [45, р. 151], а свидетельства распространения его культа у крымских христиан отсутствуют, определение изображения на публикуемых перстнях в качестве сцены входа в Иерусалим выглядит предпочтительней.

Качество исполнения публикуемых перстней позволяет говорить об их местном производстве. Найденные в Керчи перстни по технике и способу изготовления близки изготовленным боспорскими мастерами украшениям [13, с. 445–446]. Образцами для крымских ремесленников могли стать византийские изделия, поступавшие на полуостров благодаря стабильным торговым связям с империей, или привозившиеся паломниками из святых мест. О том, что в эпоху раннего средневековья христиане из Крыма совершали путешествия к святым местам, свидетельствуют найденные в Херсоне и на Боспоре ампулы первой половины VII в. с изображением святого Мины, изготовленные в монастыре Абу-Мины под Александрией, обнаруженная в Херсоне сирийская лампа-евлогия VI в., а также выявленные в Юго-Западном Крыму и в окрестностях Херсона медальоны с изображением сцены Крещения или со святым всадником (Соломоном или Сисинием), пронзающим копьем женского демона, и первыми словами псалма 90 [12, с. 158–159, 184, 198, рис. 5, 1, 13, 5; 27, Abb. 4–6]. Привозившиеся из святых мест сувениры использовались не только в качестве предметов личного благочестия или индивидуальных амулетов паломников, но и хранились в реликвариях, размещаемых под алтарем церквей [36, р. 82–83].

Обратим внимание на особенность публикуемых крымских изделий: всадник на перстнях из Юго-Западного Крыма изображен движущимся влево (рис. 1, 1–3) – так, как на византийских украшениях из Восточного Средиземноморья (рис. 4, 6–8) и на паломнических керамических евлогиях из сиро-палестинского региона (рис. 3, 2–6), а на перстнях из Керчи всадник показан вправо (рис. 1, 4), аналогично египетским и сирийским браслетам-амулетам (рис. 3, 7–9). Возможно, прототипом для перстней из Юго-Западного Крыма стали византийские перстни или керамические евлогии, тогда как боспорские ремесленники в качестве образца использовали указанные браслеты.

В Крыму перстни со святым всадником найдены *in situ* в двух женских захоронениях и в погребении девочки-подростка. Скорее всего, подростку принадлежал и перстень, найденный в подбойной могиле на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен (рис. 1, 2). Небольшие размеры подбоя позволяют говорить о том, что могила предназначалась для погребения ребенка или подростка [11, с. 157–158, рис. 27].

В Лучистом, в склепе 294 в погребении девушки-подростка, захороненной во второй четверти – конце VII в., перстень с изображением святого всадника (рис. 1, 3) лежал в области правого колена, вместе с бронзовыми и железными предметами среди темно-коричневого тлена, оставшегося от кожаной или тканой сумочки. Известно, что в VI–VII вв. жители Юго-Западного Крыма носили специальные поясные сумочки, в которые, помимо утилитарных предметов, складывали и различные амулеты [28, р. 15, fig. 6].

В Боспорском некрополе перстни с христианской символикой выявлены в женских погребениях VII в. из могил 17 и 46 (рис. 1, 4). Обе женщины умерли сравнительно рано – в 20–22 года (могила 46) и в 23–25 лет (могила 17), при средней продолжительности жизни в 28,8 лет, зафиксированной для женщин по материалам исследованного участка некрополя [10, с. 240]. Судя по расположению предметов на костяке, захороненная в могиле 46 женщина носила бронзовый перстень с изображением святого всадника на правом указательном пальце. Его дополняли: железное кольцо на правом безымянном пальце и железный перстень – на среднем пальце левой руки [13, с. 459, рис. 5, 1]. Руки похороненной в могиле 17 женщины были украшены пятью бронзовыми перстнями. На правой руке она носила три перстня – два на указательном пальце, один – на безымянном, а на левой руке – два перстня, по одному на указательном и среднем пальцах. При этом перстень с изображением Христа в сцене входа в Иерусалим располагался на безымянном пальце правой

руки [13, с. 460, рис. 6, 3]. Размещение перстня с защитной христианской символикой в обоих случаях на правой руке, возможно, связано с тем, что еще с римского времени именно к правой руке рекомендовалось привязывать амулеты для лечения больного [29, р. 85, note 4; 34, р. 46].

Результаты. В VII в. у христиан Юго-Западного Крыма и Боспора пользовались популярностью бронзовые перстни с изображением евангельского сюжета – входа Христа в Иерусалим. По характеру исполнения украшения относятся к массовой продукции. Скорее всего, их производили в местных мастерских по византийским образцам.

В представлении древних христиан изображение Христа-всадника обладало мощной защитной силой. Размещенное на щитке перстня, оно наделяло украшение свойствами амулета, оберегая носившего его человека от всяких бед. Происходящие из Крыма перстни принадлежали девочке-подростку и молодым женщинам, носившим их на руках – на правом указательном или безымянном пальце, либо в специальных поясных сумочках, в которые, помимо утилитарных предметов, складывали и различные амулеты. Эти небольшие, «простые» украшения, выполненные из бронзы, со схематичным изображением, являются весьма осязаемым напоминанием о людях, которые когда-то жили и искали защиты у высших сил. Изучение перстней позволяет не только расширить знания об украшениях, бытовавших в раннесредневековое время, но и пополнить наши сведения о повседневной жизни христианского населения раннесредневекового Крыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изображение креста в руках всадника на перстне из Эски-Кермена в изданном в 2007 г. каталоге «Эпоха меровингов. Европа без границ» неверно интерпретировано как «меч в руке» или поднятый меч («a raised sword») [31, S. 289, Kat. Nr. I.6.2.1].

² Библейские цитаты даны по синодальному переводу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

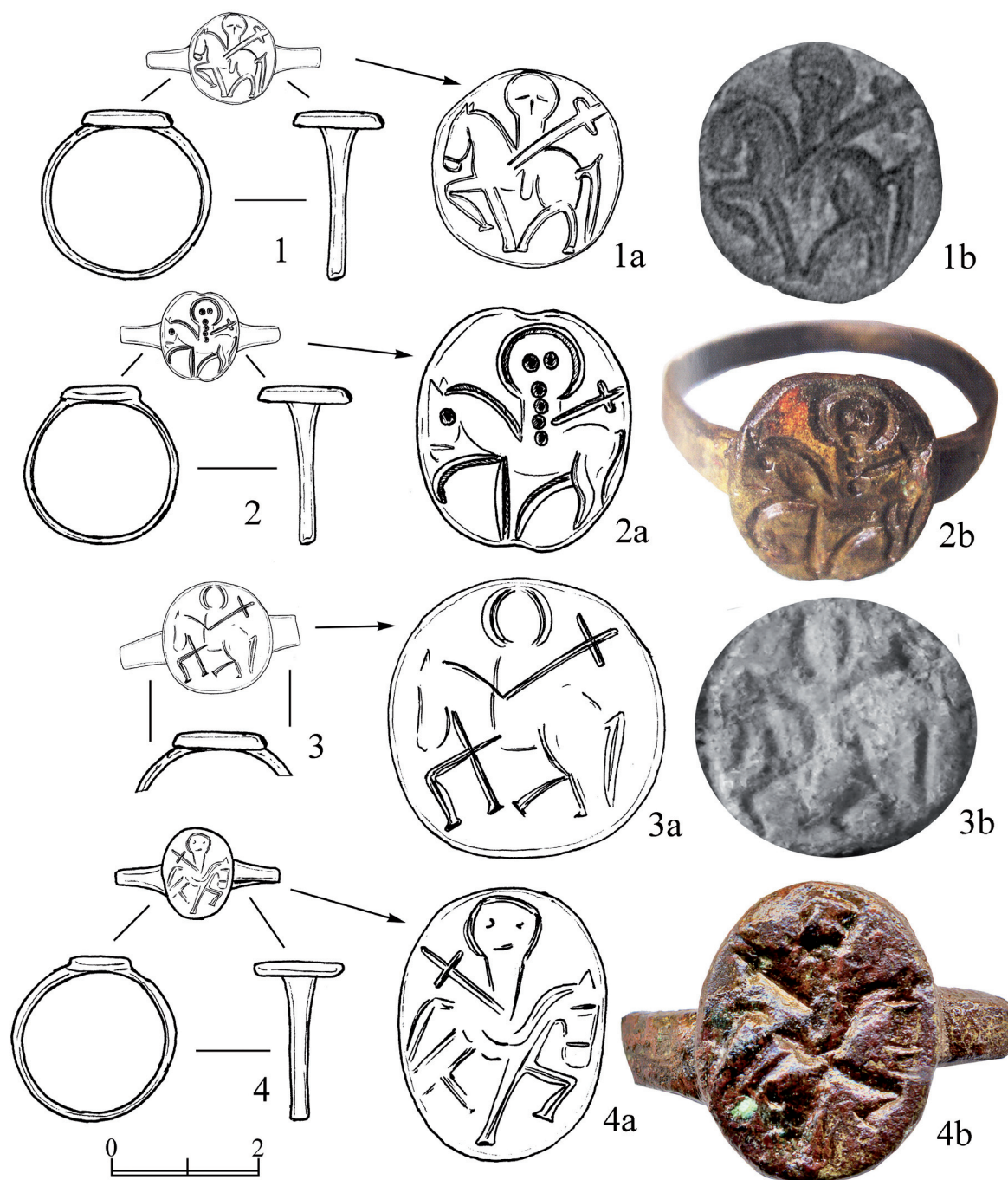

Рис. 1. Перстни VII в. с изображением святого всадника из Крыма:

- 1 – Скалистое, склеп 340; 2 – Эски-Кермен, подбойная могила 43; 3 – Лучистое, склеп 294, погребение 6;
4 – Керчь, некрополь в Босфорском переулке, могила 17;
a – увеличенная прорисовка изображения святого всадника;
b – увеличенное фото щитков перстней (фото и рисунок автора)

Fig. 1. Rings of the 7th century with the image of the holy rider from the Crimea:

- 1 – Skalistoe, crypt 340; 2 – Eski-Kermen, grave 43; 3 – Lutchistoe, crypt 294, burial 6;
4 – Kerch, necropolis in Bosphorus lane, grave 17;
a – enlarged drawing of the image of the holy horseman;
b – an enlarged photo of the rings (photo and drawing by the author)

Рис. 2. Сцена триумфального входа Иисуса Христа в Иерусалим на раннесредневековых предметах:

1 – мраморный саркофаг Юния Басса 359 г., Музеи Ватикана; 2 – миланский диптих V в. из слоновой кости, Ризница кафедрального собора; 3 – оловянная амулетница, коллекция Королевского музея г. Берлина, погибшая в годы Второй мировой войны; 4 – бронзовый щиток от поясной пряжки середины VII в., меровингский некрополь Ля Бальм; 5 – оклад Евангелия из слоновой кости VI в., Национальная библиотека Франции; 6 – пластина из слоновой кости, трон архиепископа Максимиана, середина VI в., Равенна; 7 – деревянная перегородка (Lintel), Египет, VI в.;

2, 5 – [44, Nr. 119, 145, Taf. 63; 77]; 3 – [43, pl. 198, 5]; 4 – [39, p. 99]; 7 – [18, p. 502, nr. 451]

Fig. 2. Scene of the triumphal entry of Jesus Christ into Jerusalem on early medieval objects:

1 – marble sarcophagus of Junius Bassa 359, Vatican Museums; 2 – Milanese diptych of the 5th century, ivory, Cathedral Sacristy; 3 – amulet, Königliche Museen zu Berlin, destroyed during the Second World War; 4 – bronze shield from a belt buckle, the middle of the 7th century, the Merovingian necropolis La Balme; 5 – frame of the Gospel, ivory of the 6th century, Bibliothèque Nationale de France; 6 – ivory plate, throne of Archbishop Maximian, mid-6th century, Ravenna; 7 – wooden lintel, Egypt, VI century

Рис. 3. Византийские браслеты (1, 7–9) и паломнические жетоны-печати (2–6) VI–VII вв. с изображением триумфального входа Иисуса Христа в Иерусалим:

1, 7–9 – Сирия; 2–6 – Сиро-палестинский регион.

1 – [30, p. 247, fig. 1]; 2–6 – [21, p. 91, nr. 58D; 43, pl. 197, 3, 4]; 7 – [19, p. 189]; 8, 9 – [42, p. 46–47, fig. 5, 6]

Fig. 3. Byzantine bracelets (1, 7–9) and pilgrimage tokens-seals (2–6) of the 6th–7th centuries with the image of the triumphal entry of Jesus Christ into Jerusalem:

1, 7–9 – Syria, 2–6 – Syrian-Palestinian region

Рис. 4. Византийские геммы (1–4), подвеска-печать (5) и перстни (6–8) с изображением триумфального входа Иисуса Христа в Иерусалим:

1–4 – [38, pl. 96, nr. 675, pl. 101, nr. 708–710]; 5 – [24, S. 337, Kat. Nr. 707]; 6 – [22, p. 94, Kat. Nr. 95]; 7 – [6, с. 86, кат. № 90]; 8 – [41, Pl. 11d]

Fig. 4. Byzantine gems (1–4), pendant-seal (5) and rings (6–8) with the image of the triumphal entry of Jesus Christ into Jerusalem

Рис. 5. Византийские кувшин (1), деталь кувшина (2) и ампула-евлогия (3) VI–VII вв. с изображением святого всадника:

1 – [21, p. 90, Kat. Nr. 57]; 2 – [46, Kat. Nr. J.6659]; 3 – [25, S. 158–159, Pl. 8a–b]

Fig. 5. Byzantine jug (1), detail of the jug (2) and ampoule-eulogia of the 6th–7th centuries with the image of the holy rider

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Могильники VIII – начала Х в. в Крыму / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1993. – Вып. III. – С. 121–133, 365–383.
2. Айбабин, А. И. Могильник у села Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь ; Керчь : Майстер Книг, 2014. – 400 с.
3. Веймарн, Е. В. Скалистинский могильник / Е. В. Веймарн, А. И. Айбабин. – Киев : Наукова Думка, 1993. – 201 с.
4. Гийу, А. Византийская цивилизация / А. Гийу. – Екатеринбург : Фактория, 2005. – 546 с.
5. Грабар, А. Император в византийском искусстве / А. Грабар. – М. : Ладомир, 2000. – 328 с.
6. Залесская, В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. : каталог коллекции / В. Н. Залесская. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. – 272 с.
7. Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического : в 6 т. Т. V. – СПб. : Издание книготорговца И.Л. Тузова, 1908. – С. 4–401.
8. Кондаков, Н. П. Иконография Богоматери : в 2 т. Т. I / Н. П. Кондаков. – М. : Паломник, 1998. – 383 с.
9. Покровский, Н. В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских / Н. В. Покровский. – 2-е изд. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 564 с.
10. Радочин, В. Ю. Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи / В. Ю. Радочин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2013. – Вып. XVIII. – С. 217–276.
11. Репников, Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. / Н. И. Репников // Известия государственной академии истории материальной культуры. – 1932. – Т. XII, 1–8. – С. 153–180.
12. Хайрединова, Э. А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое / Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2014. – Вып. XIX. – С. 147–210.
13. Хайрединова, Э. А. Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи / Э. А. Хайрединова // Боспорские исследования. – 2014. – Вып. XXX. – С. 442–460.
14. Хайрединова, Э. А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи / Э. А. Хайрединова // Боспорские исследования. – 2016. – Вып. XXXIII. – С. 242–265.
15. Хайрединова, Э. А. Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов / Э. А. Хайрединова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 88–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.
16. Хайрединова, Э. А. Перстни с изображением архангела Михаила конца VI – VII в. из Крыма / Э. А. Хайрединова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 32–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.3>.
17. Хайрединова, Э. А. Перстни с изображением креста второй половины VI – VII в. из Юго-Западного Крыма / Э. А. Хайрединова // Античная древность и Средние века. – 2019. – Т. 47. – С. 89–109.
18. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / ed. K. Weitzmann. – New York : The Metropolitan Museum of Art, 1979. – 736 p.
19. Bénazeth, D. L'art du métal au début de l'ère chrétienne / D. Bénazeth. – Paris : Eds. de la Réunion des musées nationaux, 1992. – 303 p.
20. Bonner, C. Studies in Magical Amulets, Chiefly Graeco-Egyptian / C. Bonner. – Ann Arbor : University of Michigan press, 1950. – 334 p.
21. Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th Century / eds. H. C. Evans, R. Brandie. – New York : The Metropolitan Museum of Art, 2012. – 332 p.
22. Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University / eds. S. Ćurčić, A. St. Clair. – Princeton : University Press, 1986. – 205 p.
23. Byzanz & des Westen – 1000 vergessene Jahre / hrsg. F. Daim, D. Heher. Schallaburg : Schallaburg Kulturbetriebsges.m.b.H., 2018. – 281 S.
24. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / hrsg. L. Wamser. – München : Theiss, 2004. – 475 S.
25. Engemann, J. Palästinische frühchristliche Pilgerampullen, Erstveröffentlichungen und Berichtigungen / J. Engemann // Jahrbuch für Antike und Christentum. – 2002. – № 45. – S. 153–169.
26. Feissel, D. Notes d'épigraphie chrétienne (VII) / D. Feissel // Bulletin de correspondance hellénique. – 1984. – Vol. 108. – P. 545–579.
27. Jašaeva, T. Pilgerandenken im Byzantinischen Cherson / T. Jašaeva // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter / hrsg. F. Daim, J. Drauschke. – Mainz : Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2010. – S. 479–491. – (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum ; Nr. 84, 2,1).
28. Khaïrédinova, E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles) / E. Khaïrédinova // Kiev – Cherson – Constantinople

/ eds. A. Aibabin, H. Ivakin. – Kiev ; Simferopol ; Paris : ACHCbyz, 2007. – P. 11–45.

29. Le Blant, E. 750 inscriptions de pierres gravées inédites ou peu connues / E. Le Blant // Mémoires de l'Institut de France. – 1898. – T. 36–1. – P. 1–201.

30. Maspero, J. Bracelets – amulettes d'époque byzantine / J. Maspero // Annales du service des antiquités de l'Égypte. – 1908. – № 9. – P. 246–258.

31. Merowingerzeit – Europa ohne Grenzen. Archäologie und Geschichte des 5. bis 8. Jahrhunderts / ed. W. Menghin. – München : Edition Minerva, 2007. – 591 S.

32. Mondesert, Cl. Inscriptions et objets chrétiens de Syrie et de Palestine / Cl. Mondesert // Syria. – 1960. – T. 37, 1-2. – P. 116–130.

33. Origène. Contre Celse. T. I / introd., texte crit. et note par M. Bourret. – Paris : Édition du Cerf, 1967. – 481 p.

34. Perdrizet, P. Σφραγίς Σολομῶνος / P. Perdrizet // Revue des études grecques. – 1903. – T. 16, Fasc. 68–69. – P. 42–61.

35. Pitarakis, B. Survivance d'un type de vaisselle Antique à Byzance : Les authepsae en cuivre des V–VII siècles / B. Pitarakis // Travaux et Mémoires. – 2005. – T. 15 : Mélanges Jean-Pierre Sodini. – P. 673–686.

36. Sodini, J.-P. La terre des semelles: Images pieuses ramenées par les pèlerins des Lieux saints (Terre sainte, Martyria d'Orient) / J.-P. Sodini // Journal des savants. – 2011. – № 1. – P. 77–140.

37. Sodini, J.-P. Nouvelles eulogies de Qal'at Sem'an (Fouilles 2007–2010) / J.-P. Sodini, P.-M. Blanc, D. Pieri // Travaux et Mémoires. – 2010. – T. 16 : Mélanges Cécile Morrisson. – P. 793–812.

38. Spier, J. Late Antique and Early Christian Gems / J. Spier. – Wiesbaden : Reichert Verl., 2007. – 221 p.

39. Vallet, F. De Clovis à Dagobert. Les Mérovingiens / F. Vallet – Paris : Découvert Gallimard, 1997. – 176 p.

40. Vikan, G. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium / G. Vikan // Dumbarton Oaks Papers. – 1984. – Vol. 38. – P. 65–86.

41. Vikan, G. "Guided by Land and Sea": Pilgrim Art and Pilgrim Travel in Early Byzantium / G. Vikan // Jahrbuch für Antike und Christentum. – 1991. – Erg.-Bd. 18 : Tesseræ. Festschrift für Josef Engemann. – S. 74–92.

42. Vikan, G. Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to which They Belong / G. Vikan // The Journal of the Walters Art Gallery. – 1991/92. – № 49/50. – P. 33–51.

43. Vikan, G. Two Unpublished Pilgrim Tokens in the Benaki Museum and the Group to Which They Belong / G. Vikan // Θυμίαμα στη μνήμη της Λασκαρίνας Μπούρα. T. 1. Κείμενα. – Αθήνα : Μουσείο Μπενάκη, 1994. – P. 341–346.

44. Volbach, W. F. Elfenbeinarbeiten des Spätantike und des Frühen Mittelalters / W. F. Volbach. – Mainz am Rhein : Verlag Philipp von Zabern, 1976. – 154 S.

45. Walter, Ch. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition / Ch. Walter. – Aldershot : Ashgate, 2003. – 317 p.

46. Wulff, O. Die Altchristlichen und Mittelalterlichen Byzantinischen und Italienischen Bildwerke / O. Wulff, W. F. Volbach. – Berlin ; Leipzig : W. DeGruyter, 1923. – 174 S.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Mogilniki VIII – nachala X v. v Krymu [Cemeteries of the 8th – the Beginning of the 10th Centuries in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1993, iss. 3, pp. 121–133, 365–383.

2. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. *Mogilnikusela Luchistoe Tom. II. Raskopki* 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg. [Cemetery Near the Village of Luchistoye. Vol 2. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol, Kerch, Mayster Knig Publ., 2014. 400 p.

3. Veymarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskiy mogilnik* [Cemetery Skalistoe]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1993. 201 p.

4. Guillou A. *Vizantiyskaya tsivilizatsiya* [Byzantine Civilization]. Ekaterinburg, Faktoriya Publ., 2005. 546 p.

5. Grabar A. *Imperator v vizantiyskom iskusstve* [The Emperor in Byzantine Art]. Moscow, Ladomir Publ., 2000. 328 p.

6. Zalesskaya V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii* [Monuments of Byzantine Applied Arts 4th–7th Centuries. Catalog of the Collection]. Saint Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006. 272 p.

7. Innokentiy (Borisov), arkhiepiskop Khersonskiy i Tavricheskij. *Poslednie dni zemnoy zhizni Gospoda nashego Iisusa Khrista* [Innocent (Borisov), Archbishop of Kherson and Tauria. The Last Days of the Earthly Life of Our Lord Jesus Christ]. *Sochineniya Innokentiya, arkhiepiskopa Khersonskogo i Tavricheskogo: v 6 t. T. V* [Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Tauride. In 6 Vols. Vol. 5]. Saint Petersburg, Izdanie knigotorgovtisa I.L. Tuzova Publ., 1908, pp. 4–401.

8. Kondakov N.P. *Ikonografiya Bogomateri: v 2 t. T. I* [Iconography of the Mother of Got. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Palomnik Publ., 1998. 383 p.

9. Pokrovskiy N.V. *Evangelie v pamyatnikakh ikonografii preimushhestvenno vizantiyskikh i russkikh* [The Gospel in the Monuments of Iconography, Mainly Byzantine and Russian]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 564 p.

10. Radochin V.Yu. Antropologicheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovoy Kerchi [Anthropological Materials from the Excavations of Early Medieval Kerch]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, iss. 18, pp. 217-276.
11. Repnikov N.I. Raskopki Eski-Kermenskogo mogilnika v 1928 i 1929 gg. [Excavation of the Eski-Kermen Cemetery in 1928 and 1929]. *Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, 1–8, pp. 153-180.
12. Khairedinova E.A. Medalony s izobrazheniem svyatogo vsadnika iz mogilnika u s. Luchistoe [Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis Near the Village of Luchistoye]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, iss. 19, pp. 147-210.
13. Khairedinova E.A. Perstni i koltsa rannesrednevekovogo vremeni iz Kerchi [Signet Rings and Rings of Early Medieval Times from Kerch]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2014, iss. 30, pp. 442-460.
14. Khairedinova E.A. Pryazhki tipa «Sirakuzy» iz Kerchi [“Syracusae” Buckle Type from Kerch]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], 2016, vol. 23, pp. 242-265.
15. Khairedinova E.A. Vizantiyskie perstni s nadpis'yu «FWS ZWH» iz pogrebeniy krymskikh gotov [Byzantine Finger Rings with the Inscription FWS ZWH from Burials of the Crimean Goths]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 88-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.8>.
16. Khairedinova E.A. Perstni s izobrazheniem arkhangela Mikhaela kontsa VI – VII v. iz Kryma [Finger Rings with the Image of Archangel Michael of the Late 6th–7th Centuries from Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 32-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.3>.
17. Khairedinova E.A. Perstni s izobrazheniem kresta vtoroy poloviny VI–VII v. iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Finger Rings with the Image of the Cross from the Second Half of 6th and 7th Centuries from the South-Western Crimea]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2019, vol. 47, pp. 89-109.
18. Weitzmann K., ed. *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 1979. 736 p.
19. Bénazeth D. *L'art du métal au début de l'ère chrétienne*. Paris, Eds. de la Réunion des musées nationaux, 1992. 303 p.
20. Bonner C. *Studies in Magical Amulets, Chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1950. 334 p.
21. Evans H.C., Brandie R., eds. *Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th Century*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2012. 332 p.
22. Ćurčić S., Clair A.St. eds. *Byzantium at Princeton. Byzantine Art and Archaeology at Princeton University*. Princeton, University Press, 1986. 205 p.
23. Daim F., Heher D., hrsg. *Byzanz & des Westen – 1000 vergessene Jahre*. Schallaburg, Schallaburg Kulturbetriebsges.m.b.H., 2018. 281 S.
24. Wamser L., hrsg. *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. München, Theiss, 2004. 475 S.
25. Engemann J. Palästinische frühchristliche Pilgerampullen, Erstveröffentlichungen und Berichtigungen. *Jahrbuch für Antike und Christentum*, 2002, no. 45, S. 153-169.
26. Feissel D. Notes d'épigraphie chrétienne (VII). *Bulletin de correspondance hellénique*, 1984, vol. 108, pp. 545-579.
27. Jašaeva T. Pilgerandenken im Byzantinischen Cherson. Daim F., Drauschke J., eds. *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2010, S. 479-491. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum; Nr. 84, 2,1).
28. Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles). Aibabin A., Ivakin H., eds. *Kiev – Cherson – Constantinople*. Kiev, Simferopol, Paris, ACHCbyz, 2007, pp. 11-45.
29. Le Blant E. 750 inscriptions de pierres gravées inédites ou peu connues. *Mémoires de l'Institut de France*, 1898, vol. 36–1, pp. 1-201.
30. Maspero J. Bracelets – amulettes d'époque byzantine. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*, 1908, no. 9, pp. 246-258.
31. Menghin W., ed. *Merowingerzeit – Europa ohne Grenzen. Archäologie und Geschichte des 5. bis 8. Jahrhunderts*. München, Edition Minerva, 2007. 591 S.
32. Mondesert Cl. Inscriptions et objets chrétiens de Syrie et de Palestine. *Syria*, 1960, vol. 37, 1-2, pp. 116-130.
33. Bourret M., ed. *Origène. Contre Celse. T. 1*. Paris, Édition du Cerf, 1967. 481 p.
34. Perdrizet P. Sphragis Solomōnos [Solomon's Seal]. *Revue des études grecques*, 1903, vol. 16, fasc. 68–69, pp. 42-61.

35. Pitarakis B. Survivance d'un type de vaisselle Antique à Byzance: Les authepsae en cuivre des V-VII siècles. *Mélanges Jean-Pierre Sodini. Travaux et Mémoires*, 2005, vol. 15, pp. 673-686.
36. Sodini J.-P. La terre des semelles: Images pieuses ramenées par les pèlerins des Lieux saints (Terre sainte, Martyria d'Orient). *Journal des savants*, 2011, no. 1, pp. 77-140.
37. Sodini J.-P., Blanc P.-M., Pieri D. Nouvelles eulogies de Qal'at Sem'an (Fouilles 2007–2010). *Travaux et Mémoires*, 2010, vol. 16: Mélanges Cécile Morisson, pp. 793-812.
38. Spier J. *Late Antique and Early Christian Gems*. Wiesbaden, Reichert Verl., 2007. 221 p.
39. Vallet F. *De Clovis à Dagobert. Les Mérovingiens*. Paris, Découvert Gallimard, 1997. 176 p.
40. Vikan G. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 65-86.
41. Vikan G. "Guided by Land and Sea": Pilgrim Art and Pilgrim Travel in Early Byzantium. *Jahrbuch für Antike und Christentum*, 1991, Erg.-Bd. 18: Tesseræ. Festschrift für Josef Engemann, S. 74-92.
42. Vikan G. Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to Which They Belong. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 1991/92, no. 49/50, pp. 33-51.
43. Vikan G. Two Unpublished Pilgrim Tokens in the Benaki Museum and the Group to Which They Belong. *Thymiama stē mnēme tēs Laskarinas Mpoura T. I. Keimena* [Incense in the Memory of Laskarina Boura. Vol. 1. Texts]. Athens, Moyseio Mpenakh, 1994, pp. 341-346.
44. Volbach W.F. *Elfenbeinarbeiten des Spätantike und des Frühen Mittelalters*. Mainz am Rhein, Verlag Philipp von Zabern, 1976. 154 S.
45. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. Aldershot, Ashgate, 2003. 317 p.
46. Wulff O., Volbach W.F. *Die Altchristlichen und Mittelalterlichen Byzantinischen und Italienischen Bildwerke*. Berlin, Leipzig, W. DeGruyter, 1923. 174 S.

Information About the Author

Elzara A. Khairedinova, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Mediaeval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

Информация об авторе

Эльзара Айдеровна Хайрединова, кандидат исторических наук, заведующая отделом средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.5>

UDC 904 (470)“12/13”

LBC 63.4(2)

Submitted: 03.05.2021

Accepted: 02.06.2021

CERAMICS OF THE MIDDLE EAST FROM THE EXCAVATION OF THE ESKI-KERMEN SITE

Irina B. Teslenko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. Three exemplars of Middle Eastern fritware of the 12th–13th centuries, which were first discovered on the territory of a Byzantine town on the Eski-Kermen plateau during the excavations in 2018 and 2019, are presented in the article. They belong to the three different decorative groups, which had not been found in the Crimea before and are rather rare in the archaeological sites of Eastern Europe in general. **Methods.** The methods of archaeology and art history are involved in the study. First of all these are a stratigraphic method for the chronology of the contexts and artifacts, as well as a comparative method to identify the origin of finds. **Analysis.** The vessels under study belong to different decorative and stylistic groups of oriental ceramics. The plate and one jug find parallels among the products of the Raqqa workshops from the first half to mid 12th century and late 12th to mid 13th century. Another jug most likely comes from Iran and can be dated to the 12th–13th centuries. **Results.** These kinds of vessels were not very common outside the region of their production. At least we have very little information about these facts now. So the finds from Eski-Kermen are important for expanding the area of distribution of these types of fritwares. In addition, their presence in a small provincial Byzantine town indicates the residence there in the 12th–13th centuries of the local elites, who could get and own such expensive and quite rare things.

Key words: Crimea, Eski-Kermen, Middle East, the 12th–13th centuries, glazed ceramics, soft-past ware, import.

Citation. Teslenko I.B. Ceramics of the Middle East from the Excavation of the Eski-Kermen Site. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 68–82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.5>

УДК 904 (470)“12/13”

ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 03.05.2021

Дата принятия статьи: 02.06.2021

КЕРАМИКА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ЭСКИ-КЕРМЕН

Ирина Борисовна Тесленко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены редкие экземпляры ближневосточного керамического импорта XII–XIII вв., впервые обнаруженные на территории византийского городища на плато Эски-Кермен в 2018 и 2019 годах. Это фрагменты двух кувшинов и блюда из кашина трех декоративных групп, ранее не встречавшихся в Крыму и довольно редких на просторах Восточной Европы в целом. Анализ предметов с привлечением широкого круга сравнительного материала из Египта, Сирии и Ирана, хранящихся в музейных коллекциях по всему миру, позволил определить их культурную принадлежность и уточнить хронологическую позицию. Тарелка, украшенная резьбой и кобальтовыми пятнами, а также один из кувшинов с трехцветной росписью могут быть соотнесены с продукцией мастерских Ракки, соответственно XII и второй половины XII – XIII века. Второй кувшин относится, скорее всего, к кругу иранских изделий XII–XIII веков. Условия находки сосудов позволяют уточнить время их бытования в малом византийском городе на территории Крыма. Однако обстоятельства появления здесь такой керамики, скорее всего, не связаны с регулярными торговыми операциями. Это могли быть либо личные вещи, прибывшие вместе со своими хозяевами, либо изделия, привезенные под заказ или в дар, либо некие раритеты, купленные на рынке, например, в Херсоне-

се, где «ближневосточные фаянсы» хоть и редко, но стабильно встречаются среди археологических находок. В любом случае эти неординарные и, надо полагать, довольно ценные предметы отражают особое материальное и социальное положение их хозяев, что подтверждается также расположением обоих домов, где были найдены кашинные изделия, вблизи крупного квартального и центрального храмов Эски-Кермена.

Ключевые слова. Крым, Эски-Кермен, Ближний Восток, XII–XIII вв., поливная керамика из кремнеземистых масс или кашин, импорт.

Цитирование. Тесленко И. Б. Керамика Ближнего Востока из раскопок городища Эски-Кермен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 68–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.5>

Введение. Городище на плато Эски-Кермен¹ – один из наиболее хорошо изученных населенных пунктов округа византийского Херсона, представляющий собой яркий пример небольшого провинциально-византийского города с классической ромейской квартальной планировкой [2; 3]. Археологические изыскания на памятнике осуществляются с различной интенсивностью и перерывами начиная с 1920-х гг. до настоящего времени в целом чуть менее трех десятилетий, из которых 13 полевых сезонов последних лет (2003–2008, 2013, 2015–2020) прошли под руководством А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой [2; 5; 6; 7; 14]. Результаты этих работ в сочетании со свидетельствами письменных источников позволили А.И. Айбабину выделить в семивековой истории памятника несколько этапов, последний из которых завершился во второй половине XIII в. гибелью городища в масштабном пожаре [1; 3]². И хотя антропогенная активность фиксируется на руинах города и после этой катастрофы (по крайней мере, продолжает функционировать кладбище у центральной базилики [6; 7; 17]), в прежних масштабах он уже не восстанавливался. Наиболее многочисленным и богатым археологическим материалом являются объекты XII–XIII вв., погребенные под слоями пожара и разрушения. К этому же времени относятся и самые репрезентативные керамические комплексы памятника. Они насыщены разнообразными находками, среди которых привозные изделия из отдаленных от Крыма регионов составляют значительный процент. Это преимущественно тара и поливная столовая посуда византийского круга [3, с. 217–222; 4; 9, с. 308–319, 320–325, 331; 18], что объясняется приоритетностью экономических связей северной провинции с метрополией. В частности, среди поливной керамики примерно в равных до-

лях представлены белоглиняные³ и красноглиняные изделия производства византийских центров. Преобладает посуда круга ‘Zeuxippos Wares’⁴. Иные группы керамического импорта в комплексах последнего строительного периода встречаются значительно реже. Среди них следует отметить поливную посуду, производство которой принято связывать с Эгейским регионом (так называемая Middle Byzantine Production), а также красноглиняные изделия, украшенные полихромным сграффито (Polychrome Sgraffito Wares) и подглазурной росписью белым ангобом (Slip Painted Wares), происхождение которых еще предстоит уточнить. В то же время ближневосточные изделия из кашина⁵ до сих пор на Эски-Кермене известны не были. Впервые их обнаружили в 2018 и 2019 гг. при исследовании жилой застройки вдоль главной улицы в южной и центральной части городища (рис. 1; 2). Следует отметить, что данная группа керамики довольно редкая для Крыма вообще. Даже в крупных городских центрах византийской Таврики, таких как Сугдея и Херсон, она представлена немногочисленными экземплярами [10; 16, с. 424–425; 8; 13], среди которых, однако, аналогии найденным на Эски-Кермене сосудам неизвестны, что делает настоящее исследование новаторским и актуальным.

Методы. В исследовании использованы традиционные методы анализа археологических материалов: стратиграфический – для уточнения относительной хронологической позиции находок в комплексе памятника; описание; стилистический анализ – при определении принадлежности находок к тем или иным группам и сериям художественной керамики; сравнительный метод – при поиске аналогий и выяснении культурной принадлежности артефактов. В целях атрибуции изделий, найденных при раскопках на Эски-Кермене, иссле-

дован широкий круг художественной керамики из силикатных формовочных масс, производимой на территории Египта, Сирии и Ирана в эпоху средневековья и хранящейся ныне в музейных коллекциях Европы, Азии и Северной Америки. Кроме того, привлечены данные из раскопок на Ближнем Востоке, в Средиземноморском регионе и Восточной Европе.

Описание. При раскопках на Эски-Кермене в 2018 и 2019 гг. найдены обломки одного блюда и двух кувшинов из белого кашина (рис. 1; 2). Фрагменты верхней части поля с бортом блюда (рис. 1) обнаружены в заполнении одного из помещений усадьбы 5 квартала 1 и на скальной поверхности улицы, ограничивающей комплекс с северо-востока, в южной части городища [5]. Борт изделия прямой, слегка заужен к краю, расположен практически в одной плоскости со стенкой, выделен изнутри небольшим ребром. Кашин довольно рыхлый, легко крошится вдоль сколов. Внутренняя поверхность поля под бортом украшена полосой орнамента шириной 2,1 см, выполненного в низком рельефе (плоская резьба). Декоративное оформление дополняет радиальный потек темно-синей кобальтовой краски. Глазурь прозрачная, бесцветная, с легким зеленоватым оттенком, нанесена с двух сторон изделия. Диаметр венчика – около 23,0 см.

Обломки двух кувшинов оказались среди руин дома, возведенного в центральной части городища, к западу от трехнефной базилики. Они были найдены в слое пожара, а также в заполнении верхней части одного из хранилищ, вырубленных в скальном полу помещения. Форму одного сосуда удалось частично реконструировать из 8 обломков (рис. 2, 1). У него округлое тулово, отделенное от горла небольшим, замкнутым по окружности валиком; одна вертикальная, округлая в сечении ручка, прикрепленная к плечам и в верхней части высокого, вероятно, близкого к цилиндрическому, горла, особенности конфигурации которого остались не ясными. Также не поддается точной реконструкции и днище, поскольку от него уцелела только центральная часть. Не исключено, что оно могло завершаться поддоном. Реконструируемая высота сосуда без поддона – не менее 24,5 см; диаметр тулова – около 20,0 см; диаметр дна – около 9,0–9,4 см; сечение ручки –

1,2 × 1,6 см; высота горла – не менее 7,5–8,0 см. Формовочная масса довольно рыхлая. Поверхность кувшина украшена росписью синей, красно-коричневой и черной красками в виде вертикальных полос на ручке и растительных узоров на тулове. Отчетливо видны изображения длинных, плавно изогнутых ветвей граната, выполненных в специфической манере, для которой характерно густое обрамление стеблей тонкими парными листьями, увенчанными точками. Среди иных элементов рисунка различимы залитые коричневой краской треугольные фигуры с небольшой незакрашенной окружностью внутри, в обрамлении тонких линий вдоль двух граней, и крупные точки, нанесенные голубой и красно-коричневой краской, символизирующие, вероятно, какие-то плоды. Полива прозрачная, зеленоватая, испещрена мелкими трещинами (цек), покрывает всю поверхность сосуда.

От другого сосуда уцелела только небольшая ручка в форме полуокружности, дополнительно оформленная двумя замкнутыми по обводу валиками и небольшим пирамидальным налепом (рис. 2, 2). Глазурь темно-синяя, полупрозрачная, частично оплавлена, вероятно, от вторичного пребывания в огне. Сечение ручки – 1,0 × 1,1 см; длина фрагмента – 5,6 см.

Анализ. Все изделия относятся к кругу сирийско-иранской керамики из кремнеземистых формовочных масс (soft-paste ware, fritware, islamic frit ware, etc.). Появление ее производства в этом регионе принято относить к самому финалу XI (после 1075 г.) или началу XII в. и связывать с миграциями мастеров, носителей этой технологии, из Египта (см., например: [22, р. 25; 28; 30, р. 108–109; 34; 40; 41]). Для каждого из очагов производства на территории Египта, Сирии или Ирана были свойственны свои особенности и закономерности развития этого ремесла, зачастую довольно близкие, что объясняется тесными культурными и экономическими взаимосвязями, общими модными тенденциями и перемещениями мастеров, в особенности на начальном этапе распространения новых гончарных технологий (см., например: [33, р. 180; 28, р. 181; 30, р. 94–96, 128–130, 162–164]). Это обстоятельство порой затрудняет определение происхождения изделий по внешним признакам (см., например: [40, р. 40–42; 42, р. 14]).

К настоящему времени накоплен довольно солидный, формировавшийся около полутора столетий опыт в исследовании этой керамики, прошедший путь от коллекционирования и торговли высокохудожественными изделиями, добытыми путем грабительских раскопок в конце XIX в., до углубленного научного познания, основы которого были заложены с началом археологических исследований на заре XX века. Среди масштабных работ первых десятилетий XX в., результаты которых были опубликованы их авторами, следует упомянуть раскопки в Самарре⁶ [38], Нишапуре⁷ [43] и Хаме⁸ [35]. Последующие раскопки в Ракке⁹, Дамаске¹⁰, Самсате¹¹, Алеппо¹², Кал'ат Джабаре (Qal'at Ja'bar)¹³, Гритиле (Gritille)¹⁴, Ана¹⁵ и др., а также вовлечение археометрических методов в исследовательский процесс¹⁶ способствовали дальнейшему прогрессу в изучении этой керамики (историографические обзоры см., например: [34; 36; 40; 30; 32; 26, p. 11–35; 32]). В результате были локализованы крупные производственные центры в Фустате (Египет), Ракке, Дамаске, возможно, Алеппо (Сирия) и Кашане (Иран), получены более отчетливые представления об их продукции, а также хронологии различных групп, типов и стилистических серий кашинной керамики, минералогическом и химическом составе формовочных масс, поливы и красителей [40; 24; 30; 26; 32; 31; 39]. В то же время совершенствование методики раскопок и последующее детальное исследование материала даже на сравнительно небольших памятниках, например крепости Кал'ат Джабар или сельском поселении Гритиль, позволили выделить несколько однородных групп кашинных изделий, свидетельствующих о наличии также иных, менее мощных, мастерских [36; 40, p. 38–55], что поставило под сомнение теорию централизованного производства кашинной керамики, поддерживаемую некоторыми исследователями (см., например: [34, p. 182–189]).

Таким образом, по итогам междисциплинарного изучения кашинной керамики к настоящему времени выделены группы изделий, сопоставимых как с уже известными крупными мастерскими на территории Египта, Сирии или Ирана, так и теми, локализация которых впереди.

Химические и петрографические исследования находок из Эски-Кермена еще не проводились. Однако анализ их визуально фиксируемых характеристик с использованием имеющихся достижений в исследованиях ближневосточной керамики все же позволяет высказать предположения по поводу их атрибуции.

Блюдо с полосой рельефного декора, подцветкой пятном кобальта и прозрачной бесцветной поливой. Керамика с прозрачной глазурью и расплывчатыми потеками и пятнами кобальтовой краски встречается среди самых ранних кашинных изделий Ракки¹⁷, датируемых концом XI – началом XII в. [32, p. 210–211; 40, p. 38–42, fig. 47]. Практически синхронно или немногим позже появляются изделия, дополненные полосой врезного орнамента под венчиком¹⁸. Среди них есть также тарелки с отогнутым наружу прямым бортом, по форме подобные эски-керменской находке [40, p. 39–42, fig. 45, 47, 53, 55, f]. Роспись синими потеками под бесцветной прозрачной глазурью также известна на продукции Кашана второй половины XII в. [42, p. 306, cat. L. 3]. Однако, судя по публикациям, качество этих изделий заметно лучше. На эски-керменской находке не видна также сквозная резьба, характерная для такого рода керамики Ирана.

Подобные изделия в Восточной Европе довольно редки: 4 обломка одной чаши происходят из Киева, условия находки не ясны; 1 – из Суздаля, найден в слое, датированном концом XI в. [11, с. 67], еще 1 фрагмент недавно обнаружен в Чернигове, в контексте с материалом XII–XIII вв. [19, с. 366, рис. 3]. По наблюдениям российского археолога, специалиста по восточному керамическому импорту на Руси В. Коваля, состав глазури такой керамики заметно варьирует на разных образцах, что позволило исследователю предположить разные центры ее производства. В Крыму подобные изделия среди опубликованных находок не известны.

На основании археологических данных прекращение производства группы, включавшей этот декоративный тип, К. Тонгини датирует второй половиной XII века. Контекст находки на Эски-Кермене не противоречит этой дате, поскольку датировка застройки квартала, где обнаружено блюдо, определяется в рамках XII–XIII веков. Ко времени разрушения

квартала во второй половине XIII в. это изделие, судя по условиям обнаружения его фрагментов (внутри помещения и на полотне дороги снаружи), уже вышло из употребления. Физико-химические исследования сырья и глазури блюда будут способствовать более точной его атрибуции.

Ручка с монохромной кобальтовой глазурью. Точной аналогии этому изделию найти не удалось. Небольшие кувшины с кобальтовой глазурью насыщенного синего цвета и декоративным навершием у верхнего изгиба ручки производились на территории Ирана в XII–XIII вв. [42, p. 323, cat. L. 25]. Высокое качество формовочной массы, образующей довольно плотный хорошо спекшийся черепок, декоративные налепы на ручке, качество и цвет глазури позволяют предположительно соотнести эски-керменскую находку с иранской продукцией. Как и в предыдущем случае, для более точной атрибуции нужны дополнительные исследования.

Кувшин с подглазурной трехцветной росписью. Для декора подобных изделий использовались красители на основе трех различных минералов. В качестве красного пигмента использовали измельченный гематит, содержащий окислы железа¹⁹. При окислительном обжиге в 800 °С он становится золотисто-желтым, при температуре между 900 и 1000 °С может изменять цвет до фиолетово-коричневого. Щелочная глазурь также способствует окраске окислов железа в золотисто-коричневый цвет. Черную краску получали из хромита (оксид железа и оксидные соединения хрома). Синюю – из кобальтовой руды [27, p. 34, 39–40].

Кашинная керамика с трехцветной росписью под прозрачной зеленоватой глазурью принадлежит к тем изделиям, которые в публикациях упоминаются также как “Resafa”, “Ruzafa” или “Rusafa Ware”. Это название они получили по месту первых находок в одноименном сирийском городе²⁰ [35]. Между тем при дальнейших исследованиях этой декоративной группы удалось определить как минимум три центра ее производства. Два из них – Ракка и Дамаск – располагались на территории Сирии, один – Фустат – в Египте. Производство кашинной керамики в Ракке прекратилось после разрушения города монгола-

ми в 1258–1259 годах. В Фустате и Дамаске трехцветная подглазурная роспись практиковалась более продолжительное время (см., например: [42, p. 298, К. 8]). В частности в Дамаске она была известна в Мамлюкский и Османский периоды [23]. Продукции каждого из центров был свойственен свой стиль украшения, который претерпевал изменения с течением времени.

Эски-керменская находка по декоративному оформлению наиболее близка к одной из весьма примечательных стилистических серий, сопоставимых с продукцией мастерских Ракки. Это изделия с изображениями сфинксов, зооморфными и антропоморфными сюжетами в сопровождении ветвей граната и/или треугольных фигур, очень близких к тем, что видны на фрагментах кувшина из Эски-Кермена. Высокохудожественные экземпляры таких изделий хранятся в различных музеях мира: The David Collection в Копенгагене, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, Галерея искусств Фриер в Вашингтоне, Национальный музей Дамаска и др. [20; 21; 27, p. 39, fig. 56, 57; 39, p. 222, fig. A 2.1; 37, 13.219.1]. Фрагментированные археологические находки известны в материалах раскопок Хамы и Ракки [35, fig. 607–612; 32, p. 213, 215, fig. 11, 12]. Принадлежность этой серии к продукции Ракки была установлена путем комплексных физико-химических исследований формовочной массы и глазури с привлечением материалов недавних раскопок этого памятника, включающих, в частности, производственный брак и печной припас [39].

Подавляющее большинство изделий представлено сосудами открытой формы. Один кувшин с трехцветной подглазурной росписью, включающий мотив гранатовой ветви, удалось отыскать пока лишь в опубликованной части коллекции Национального музея Дамаска. Однако он обладает иными особенностями строения [20]. Сосуды с морфологическими чертами, подобными эски-керменскому экземпляру: высокое цилиндрическое горло, валик в верхней части тулова, округлый корпус, известны среди других декоративных групп этого же центра [26, p. 136, 175]. Все они на кольцевых поддонах, что предполагает наличие такого поддона и у исследуемого экземпляра.

Во взглядах на истоки техники трехцветной росписи на сирийской кашинной керамике единства пока нет. Некоторые исследователи полагают, что эта декоративная группа появляется как подражание иранским изделиям минаи (mina'i)²¹ [25, p. 268, 272; 42, p. 294]. Однако, по мнению канадского археолога-востоковеда, геолога и историка искусств Р. Мейсона, уделившего специальное внимание изучению технологии изготовления изделий из «каменной пасты» на Ближнем Востоке, имело место обратное явление: керамика минаи была немедленной реакцией в Иране на полихромные изделия Сирии ('the immediate response in Iran to the polychrome wares of Syria was the mina'i wares') [29, p. 208]. Как отмечает исследователь, иранские гончары пытались подражать сирийским изделиям, используя более сложную технику [29, p. 208; 30, p. 109]. Подобной точки зрения придерживается и В. Коваль, считая, что техника трехцветной подглазурной росписи на территории Сирии, как и иранская посуда в стиле минаи, могли появиться под воздействием сиро-египетских стеклянных изделий с росписью эмалями XII–XIII вв. [11, с. 49, 79]. Появление трехцветной росписи в сирийской керамике раньше изделий в технике минаи подтверждается результатами недавних археологических исследований на цитадели Дамаска [31, p. 456–458].

По поводу датировки этой серии также наблюдаются некоторые разночтения. Более или менее уверенно пока можно определить лишь ее верхнюю дату, которая синхронна разорению Ракки монголами, то есть 1258–1259 годами. По материалам из раскопок Хамы 1930-х гг. такая керамика, в том числе с элементами декора, находящими близкие параллели на кувшине из Эски-Кермена (так называемые 'faïence de Rusafa'), датирована в рамках XIII–XIV вв. [35, p. 187, 193, fig. 610, 611, 640]. Однако здесь керамические находки не всегда привязаны к датированным культурным слоям, что не позволяет воспринимать эту дату как стратиграфически выверенную [40, p. 41].

По мнению Р. Мейсона, появление трехцветной подглазурной росписи предшествовало керамике минаи и фиксируется примерно с середины – второй половины XII в. [30, p. 98–

99, 109]. Находки изделий, украшенных в этой технике, хорошо представлены в комплексах XII – начала XIII в. на цитадели Дамаска [31, p. 456, fig. 6.1–6.3]. Однако, по наблюдениям Стефана Макфилипса (Stephen McPhillips), они значительно отличаются по иконографическому репертуару от кашинных изделий с полихромной подглазурной росписью, которые можно увидеть в Хаме или Алеппо [31, p. 456]. Не исключено, что это местное производство Дамаска, имевшее свою специфику.

Вместе с тем контекст находки кувшина на Эски-Кермене хоть и не уточняет время его изготовления, но позволяет определить период появления сосуда на памятнике. С учетом датировки керамического комплекса, в котором сосуд был найден, это произошло не ранее начала XIII в. [18]. Верхняя дата, как уже упоминалось выше, может быть ограничена 1258–1259 годами. То есть, возможно, сосуд принадлежит к финальным разновидностям этой декоративной серии. В завершение ее характеристики следует отметить, что находки подобных изделий в археологических контекстах за пределами Ближнего Востока довольно редки²². На территории Руси, например, где синхронный сирийский и иранский импорт известен довольно хорошо, к настоящему времени учтено лишь 3 обломка одного блюда из Старой Рязани, происходящие из контекста предположительно первой четверти XIII в. [11, с. 79]. Таким образом, Эски-Кермен является пока вторым местом в Восточной Европе, где найдена сирийская керамика с трехцветной подглазурной росписью.

Результаты. Предпринятое исследование позволило атрибутировать три группы ближневосточного керамического импорта, поступившего в византийскую Таврику в XII и XIII веках. Эти изделия пока уникальны для Крыма как по своему облику, так и по месту обнаружения. Это блюдо с полосой врезного орнамента и подцветкой потеками кобальтовой краски и кувшин с подглазурной трехцветной росписью, представляющие, скорее всего, одну из ранних (первая половина – середина XII в.) и позднюю (XIII в.) разновидности продукции сирийской Ракки, а также кувшин XII–XIII вв., предположительно из Ирана. Во-первых, они, в отличие от керамики с бирюзовой глазурью (монохромной и с росписью чер-

ным) или же изделий с люстровой росписью, не относятся к массовой товарной продукции ближневосточных мастерских и довольно редко встречаются за пределами этого региона. Во-вторых, они впервые обнаружены в Крыму. В-третьих, кашинная ближневосточная керамика впервые найдена в удаленном от моря малом городском центре округа византийского Херсона, вне которого прежде встречалась крайне редко. Это обстоятельство свидетельствует о проживании в городе на Эски-Кермене довольно состоятельных представителей местного социума, нуждавшихся в подобных вещах, подчеркивающих их социальный статус. Дома этих людей располагались у центральной базилики и у крупного квартального храма города. Дополнительным аргументом в пользу обитания у базилики ценителя восточной экзотики служит находка здесь фрагментированной лампы сиро-египетского круга с росписью эмалями [7]. О сколько-нибудь регулярных поставках восточного импорта на городище говорить не приходится. Это могли быть либо личные вещи, прибывшие вместе со своими владельцами, либо изделия, привезенные под заказ или в дар, либо некие диковинки, купленные на рынке в Херсонесе, поскольку весь заморский импорт попадал в близлежащие селения, скорее всего, через этот центр.

В завершение отметим, что у исследователей «восточного фаянса», несмотря на длительное и довольно продуктивное его изучение, в особенности в последние десятилетия, остается еще немало вопросов, среди которых существенное место занимает уточнение ареала распространения тех или иных групп продукции сирийских и иранских мастерских. В этой связи экземпляры из Эски-Кермена весьма примечательны, поскольку они дополняют географию находок трех различных групп такой керамики.

Благодарности. Прежде всего выражаю благодарность авторам раскопок городища на плато Эски-Кермен А.И. Айбабину и Э.А. Хайрединовой за предоставленную возможность исследования и публикации керамических находок. Также искренне благодарю В.Ю. Ковалю за обстоятельную консультацию и помощь в атрибуции представленных здесь сосудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Возвышенность с платообразной поверхностью Эски-Кермен находится на второй гряде Крымских гор в юго-западной части полуострова, в 14 км к югу от г. Бахчисарай. Высота над уровнем моря – 300 м. Площадь располагающегося на ней городища – 8,5 га.

² Вопрос о датировке этого пожара, прослеженного также и в других населенных пунктах средневекового Крыма, по сей день остается дискуссионным. Несмотря на недавние попытки, предпринимаемые в направлении поиска решения этой проблемы (см.: [15]), ее детальный анализ все еще требует отдельного обстоятельного исследования с привлечением новых данных по хронологии керамики последней трети XIII – начала XIV века.

³ Как с монохромной зеленой глазурью, так и с росписью минеральными красками под прозрачной бесцветной поливой, так называемые GWWIV.

⁴ Детальнее об этом и других группах поливной керамики из раскопок на Эски-Кермене см.: [18].

⁵ Кашином называют поливные изделия, изготовленные из формовочной массы на основе кварцевого песка с добавлением фритты и глины. Слово «кашин» происходит от названия иранского города Кашана, славившегося подобным производством. Этот термин широко используется русскоязычными исследователями, однако в практике коллег из дальнего зарубежья в аналогичном контексте преобладают термины *soft-paste wares*, *fritwares*, *quarts-frit ware*, *stonepaste ware*, *faience*. Благодаря письменным источникам и многочисленным лабораторным исследованиям хорошо известны рецепты приготовления формовочного сырья и глазурей этой керамики (лит. см., например: [12; 30; 39]).

⁶ Город на территории современного Ирака, 125 км к северу от Багдада.

⁷ Город в провинции Разави Хорасан на северо-востоке Ирана.

⁸ Город на берегу реки Оронт в центральной части Сирии, центр одноименной мухафазы.

⁹ Второй по величине город Сирии, центр одноименной мухафазы на севере государства. Материалы первых раскопок здесь, проводившихся в 1903; 1906 и в 1920-х гг., все еще не опубликованы (обзор см., например: [32, р. 200–201]).

¹⁰ Столица Сирии, располагается на юго-западе современного государства.

¹¹ Город в провинции Адияман, юго-восток Анатолии, Турция.

¹² Расположен в северной части Сирии между реками Оронт и Евфрат, центр одноименной мухафазы.

¹³ Располагается в долине р. Евфрат, на левом берегу озера Асад, в провинции Ракка, на севере Сирии.

¹⁴ Современное название холма с остатками древнего городища на правом берегу р. Евфрат, в 10 км вверх по течению от г. Самсат в провинции Адьяман, на юго-востоке современной Турции.

¹⁵ Город на правом берегу р. Евфрат, на северо-западе Ирака.

¹⁶ Частой проблемой естественнонаучных исследований как кашинной, так и иной керамики являются разные методы отбора образцов и их анализа, которые не позволяют корректно сопоставлять полученные результаты. Тем не менее выполненные по одной методике исследования вполне могут быть использованы для идентификации места производства или определения гомогенности тех или иных групп керамических изделий (дальнее см.: [39]).

¹⁷ Fritware I по: [40, p. 38–42].

¹⁸ Intermediate fritware I по: [40, p. 38–42].

¹⁹ Оксиды железа могли быть также получены путем обжига железистых минералов, включая сидерит, содержащихся в глине или сланцах [27, p. 39–40].

²⁰ Ресафа – город в Северной Сирии, расположенный примерно в 40 км к юго-западу от Ракки.

²¹ Керамика из кремнеземистой массы (кашина), украшенная росписью цветными эмалями поверх непрозрачной оловянной глазури. Производилась на территории Ирана в последней четверти XII в. (после 1175 г.). По поводу верхней даты для этой группы мнения исследователей не совпадают. Дальнее см., например: [30, p. 131–132; 11, с. 48–49].

²² В. Коваль, ссылаясь на J. Thiriot, упоминает один обломок подобной керамики из Авиньона (Южная Франция) [11, с. 79].

ПРИЛОЖЕНИЕ

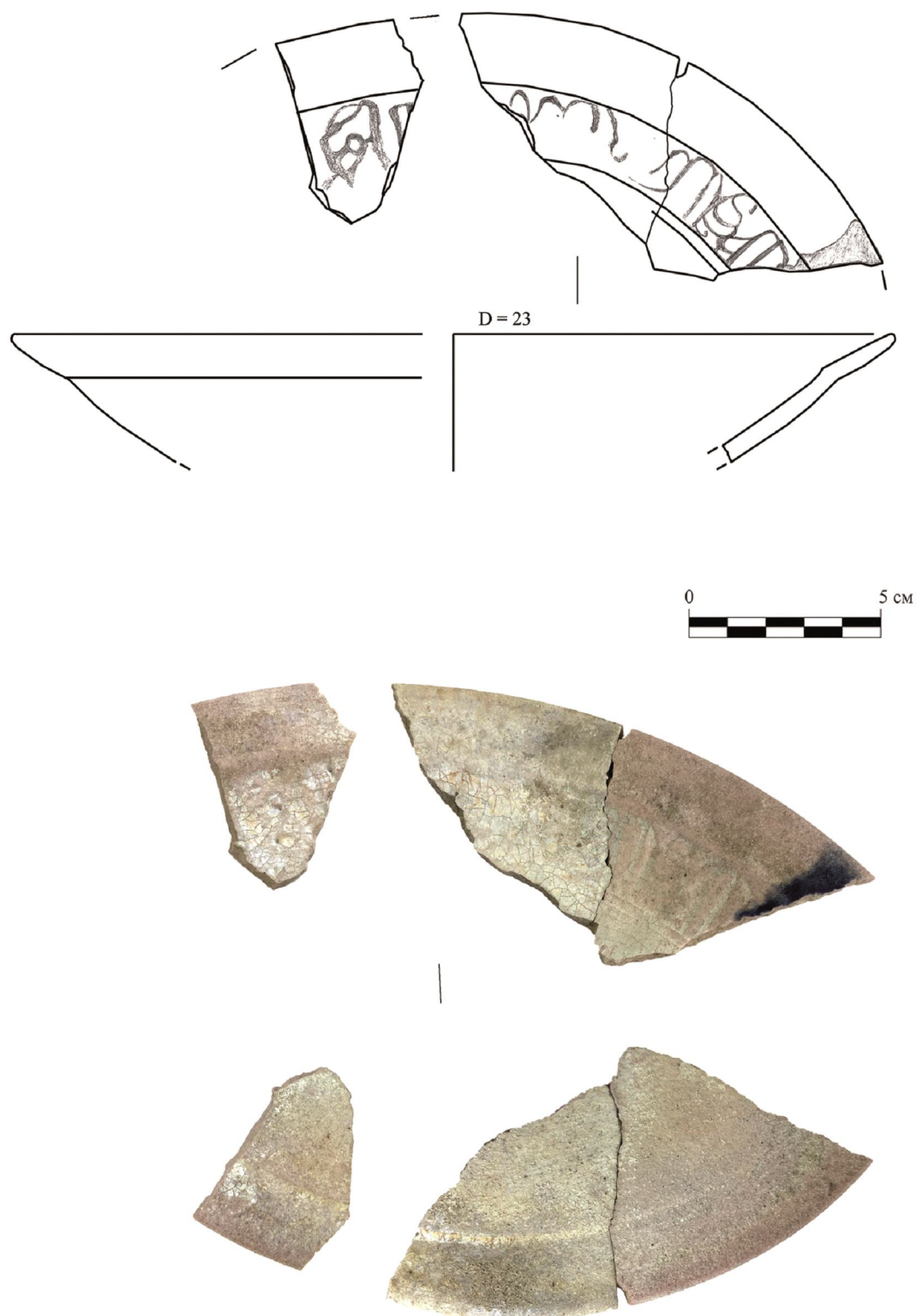

Рис. 1. Кашинное блюдо с полосой врезного орнамента и росписью кобальтом под прозрачной глазурью.
Квартал 1 в южной части городища на плато Эски-Кермен

Fig. 1. Quarts-frit dish with carved decoration, blue splash and colorless glaze. Quarter 1 in the southern part of the site on the Eski-Kermen plateau

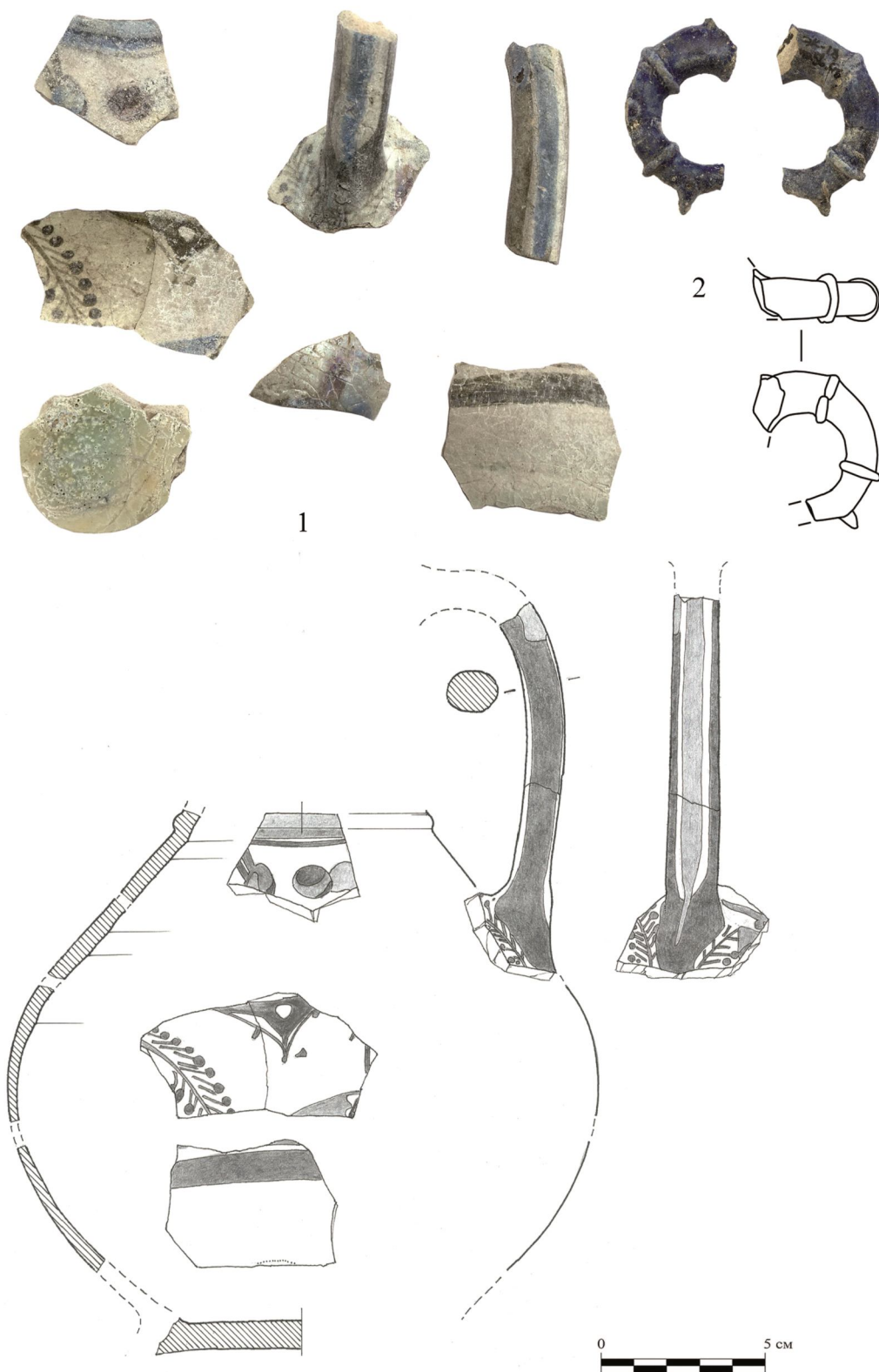

Рис. 2. Кашинные кувшины с трехцветной росписью под прозрачной зеленоватой глазурью (1) и с монохромной кобальтовой поливой (2).

Строение в центральной части городища на плато Эски-Кермен, к западу от трехнефной базилики
 Fig. 2. Quarts-frit jugs with a three-color painting under a greenish glaze (1) and monochrome cobalt glaze (2).
 A building in the central part of the site on the Eski-Kermen plateau, to the west of the three-nave basilica

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин, А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1991. – Вып. II. – С. 43–51.
2. Айбабин, А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2014. – Вып. XIX. – С. 240–277.
3. Айбабин, А. И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Античная древность и средние века. – 2014. – Вып. 42. – С. 215–227.
4. Айбабин, А. И. Поливная керамика из слоев разрушения на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации : тез. докл. / ред. Л. В. Седикова. – Севастополь : [б. и.], 2014. – С. 8–11.
5. Айбабин, А. И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 277–303.
6. Айбабин, А. И. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2019. – Вып. XXIV. – С. 250–276.
7. Айбабин, А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIV в. / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // Херсонес θήματα : «Империя» и «полис» : материалы XII науч. конф. (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.) / ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : Колорит, 2020. – С. 25–30.
8. Гинькут, Н. В. Ближневосточная керамика с голубой поливой из раскопок Г. Д. Белова на северном берегу херсонесского городища / Н. В. Гинькут, Е. В. Колесник // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : материалы конф. / отв. ред. А. Д. Васильев. – М. : Пробел-2000, 2019. – Т. 2. – С. 6–10.
9. Завадская, И. А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) / И. А. Завадская, Л. А. Голофаст // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 305–358.
10. Коваль, В. Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе / В. Ю. Коваль // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / ред. В. Л. Мыц, С. Г. Бочаров. – Киев : Стило, 2005. – С. 216–228.
11. Коваль, В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. / В. Ю. Коваль. – М. : Наука, 2010. – 268 с.
12. Кубанкин, Д. А. К вопросу о технологии производства кашинной посуды и специфики ее изготовления на Селитренном городище / Д. А. Кубанкин [и др.] // Археология Евразийских степей. – 2018. – № 4. – С. 93–97.
13. Майко, В. В. Экономические связи Сугдеи с Поволжьем и Средней Азией (на примере археологического материала) / В. В. Майко // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : материалы IV Междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.) / отв. ред. А. Д. Васильев. – М. : ИВ РАН, 2020. – Т. 1. – С. 127–131.
14. Могаричев, Ю. М. «Пещерный город» Эски-Кермен в описании А. С. Уварова / Ю. М. Могаричев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 5. – С. 56–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.6>.
15. Мыц, В. Л. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. / В. Л. Мыц // Stratum Plus. – 2016. – Вып. 6. – С. 69–106.
16. Седикова, Л. В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища / Л. В. Седикова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 402–458.
17. Тесленко, И. Б. Керамика Эски-Кермена эпохи посткатастрофы / И. Б. Тесленко // Херсонес θήματα : «Империя» и «полис» : материалы XII науч. конф. (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.) / ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : Колорит, 2020. – С. 249–254.
18. Тесленко, И. Б. Керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2019 гг. / И. Б. Тесленко // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. : сб. науч. ст. / ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : ООО «Антиква», 2021. – С. 144–281.
19. Черненко, О. Археологічні дослідження на подвір'ї Борисоглібського монастиря в Чернігові / О. Черненко // Могилянські читання 2019. XXII Всеукраїнська науково-практична конференція: тези доповідей наукової конференції «Українська історія в контексті регіональних досліджень». – Миколаїв : Вид-во ЧНУ імені Петра Могили, 2019. – С. 363–369.
20. Al-Moadin, M. Pitcher / M. Al-Moadin // Discover Islamic Art. Museum With No Frontiers, 2021. – Electronic text data. – Mode of access: http://islamicart.museumwnf.org/database_item.php?id=object;ISL;sy;Mus01;22;en&cp&cp (date of access: 06.04.2021). – Title from screen.

21. Al-Moadin, M. Bowl / M. Al-Moadin // Discover Islamic Art. Museum With No Frontiers, 2021. – Electronic text data. – Mode of access: http://islamicart.museumwnf.org/database_item.php?id=object;ISL;sy;Mus01;27;en (date of access: 06.04.2021). – Title from screen.
22. Avissar, M. Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel / M. Avissar, E. J. Stern. – Jerusalem : Israel Antiquities Authority, 2005. – 179 p. – (Israeli Antiquities Authority Reports ; 26).
23. François, V. Céramiques de la citadelle de Damas. Époques mamelouke et ottomane / V. François. – Aix-en-Provence : CNRS-LAMM, 2008. – CD-ROM.
24. Gonnella, J. Eine neue zangidisch-aiyubidische Keramikgruppe aus Aleppo / J. Gonnella // Damaszener Mitteilungen. – 1999. – 11. – S. 163–175.
25. Grube, E. The Keir Collection. Islamic Pottery of the Eighth to the Fifteenth Century / E. Grube. – London : Faber and Faber, 1976. – 378 p.
26. Jenkins-Madina, M. Raqqa Revisited: Ceramics of Ayyubid Syria / M. Jenkins-Madina. – New York : Metropolitan Museum of Art in Association with Yale University Press, 2006. – 260 p., 119 color ill.
27. Keblow Bernsted, A.-M. Early Islamic Pottery. Materials and Techniques / A.-M. Keblow Bernsted. – London : Archetype, 2003. – 110 p.
28. Mason, R. B. J. Medieval Syrian Lustre-Painted and Associated Wares : Typology in a Multidisciplinary Study / R. B. J. Mason // Levant. – 1997. – XXIX. – P. 169–200.
29. Mason, R. B. J. Advances in Polychrome Ceramics in the Islamic World of the 12th Century AD / R. B. J. Mason, M. S. Tite, S. Paynter, C. Salter // Archaeometry. – 2001. – № 43. – P. 191–209.
30. Mason, R. B. J. Shine Like a Sun. Luster-Painted and Associated Pottery from the Medieval Middle East / R. B. J. Mason. – Toronto : Mazda Publishers ; Royal Ontario Museum, 2004. – 266 p.
31. McPhillips, S. Continuity and Innovation in Syrian Artisanal Traditions of the 9th to 13th Centuries. Ceramic Evidence from the Syrian-French Citadel of Damascus Excavations / S. McPhillips // Bulletin d'Études Orientales. – 2012. – № 61 : Damas médiévale et ottomane. – P. 447–473.
32. Milwright, M. Ceramics from the Recent Excavations near the Eastern Wall of Rafiq (Raqqa), Syria / M. Milwright // Levant. – 2005. – № 37. – P. 197–219.
33. Philon, H. Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries / H. Philon. – London : Islamic Art Publications, 1980. – 323 p.
34. Porter, V. "Tell Minis wares" / V. Porter, O. Watson // Syria and Iran: Three Studies in Medieval Ceramics / eds. J. Allan, C. Roberts. – Oxford : Oxford University Press, 1987. – P. 175–247.
35. Poulsen, V. Les poteries / V. Poulsen // Hama, fouilles et recherches, 1931–1938. IV, 2 : Les verreries et poteries médiévales / P. J. Riis and V. Poulsen; avec le concours de E. Hammershaimb. – Copenhagen : Nationalmuseet, 1957. – P. 117–283.
36. Redford, S. Luster and Fritware Production and Distribution / S. Redford, M. J. Blackman // Medieval Syria. Journal of Field Archaeology. – 1997. – № 24. – P. 233–247.
37. Rugiadi, M. Ceramic Technology in the Seljuq Period : Stonepaste in Syria and Iran in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries / M. Rugiadi // Heilbrunn Timeline of Art History. – New York : The Metropolitan Museum of Art, 2000–2021. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.metmuseum.org/toah/hd/sljt/hd_sljt.htm (date of access: 06.04.2021). – Title from screen.
38. Sarre, F. Die Keramik von Samarra im Kaiser-Friedrich-Museum, Forschungen zur islamischen Kunst / F. Sarre. – Berlin : D. Reimer, 1925. – 103 S.
39. Smith, D. T. Compositional Analysis of Early-Thirteenth-Century Ceramics from Raqqa and Related Sites / D. T. Smith // Jenkins-Madina, M. Raqqa Revisited: Ceramics of Ayyubid Syria. – New York : Metropolitan Museum of Art in Association with Yale University Press, 2006. – P. 221–235.
40. Tonghini, C. Qal'at Jabar Pottery: A Study of a Syrian Fortified Site of the Late 11th to 14th Centuries. – Oxford : University Press, 1998. – 132 p. – (British Academy Monographs in Archaeology ; 11).
41. Tonghini, C. An Eleventh-Century Pottery Production Workshop at al-Raqqa. Preliminary Report / C. Tonghini, J. Henderson // Levant. – 1998. – № 30 (1). P. 113–127. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1179/lev.1998.30.1.113>.
42. Watson, O. Ceramics from Islamic Lands / O. Watson. – London : Thames & Hudson, 2004. – 512 p.
43. Wilkinson, C. K. Nishapur : Some Early Islamic Buildings and Their Decoration / C. K. Wilkinson. – New York : Metropolitan Museum of Art, 1973. – 328 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen [The Main Stages in the History of the Eski-Kermen Settlement]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, iss. 2, pp. 43–51.
2. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. [A City on the Eski-Kermen Plateau in the 13th Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, iss. 19, pp. 240–277.
3. Aibabin A.I. O date razrusheniya gorodishcha na plato Eski-Kermen [About the Date of Destruction

of the Settlement on the Eski-Kermen Plateau]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2014, iss. 42, pp. 215-227.

4. Aibabin A.I. Polivnaya keramika iz slovoy razrusheniya na plato Eski-Kermen [Glazed Ceramics from Layers of Destruction on the Eski-Kermen Plateau]. Sedikova L.V., ed. *Polivnaya keramika Prichernomorya – Sredizemnomorya kak istochnik po izucheniyu Vizantiyskoy tsivilizatsii: tez. dokl.* [Glazed Ceramics of the Black Sea – Mediterranean As a Source for the Study of Byzantine Civilization. Abstracts]. Sevastopol, s. n., 2014, pp. 8-11.

5. Aibabin A.I. Raskopki usadby 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen [Excavation of Estate 2 in Quarter I on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. 23, pp. 277-303.

6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Plitovye mogily XIV v. na plato Eski-Kermen [The Fourteenth-Century Slabbed Graves at the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, iss. 24, pp. 250-276.

7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Gorod na plato Eski-Kermen v XIV v. [The Town on the Plateau of Eski-Kermen in the Fourteenth Century]. Alekseenko N.A., ed. *Chersōnos themata: «Imperiya» i «polis»: materialy XII nauch. konf. (Sevastopol – Balaklava 25–29 maya, 2020 g.)* [Chersonos themata: “Empire” and “Polis”. Proceedings of the 12th Scientific Conference (Sevastopol – Balaklava, May 25–29, 2020)]. Sevastopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 25-30.

8. Ginkut N.V., Kolesnik E.V. Blizhnevostochnaya keramika s goluboy polivoy iz raskopok G. D. Belova na severnom beregu khersonesskogo gorodishcha [Middle Eastern Ceramics with Blue Glaze from the Excavations of G.D. Belov on the Northern Bank of the Chersonesos Settlement]. Vasiliev A.D., ed. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy konferentsii* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Conference Proceedings]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2019, vol. 2, pp. 6-10.

9. Zavadskaya I.A., Golofast L.A. Keramicheskie komplekсы khozyaystvennykh vyrubok v kvartale 1 na gorodishche Eski-Kermen (raskopki 2006 i 2007 gg.) [Pottery Assemblages from Production Carvings in Quarter 1 of the Ancient Town of Eski-Kermen (2006 and 2007 Excavations)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. 23, pp. 305-358.

10. Koval V.Yu. Keramika srednevekovoy Sirii v Vostochnoy Evrope [Ceramics of Medieval Syria in Eastern Europe]. Myts V.L., Bocharov S.G., eds. *Polivnaya keramika Sredizemnomorya i Prichernomorya X–XVIII vv.* [Glazed Ceramics of the Mediterranean and the Black Sea Region of the 10th–18th Centuries]. Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 216-228.

11. Koval V.Yu. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII vv.* [Ceramics of the East in Russia of the 9th–18th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 268 p.

12. Kubankin D.A., Kalashnikova A.L., Lokis A.V., Shelepov D.A. K voprosu o tekhnologii proizvodstva kashinnoy posudy i spetsifiki eyo izgotovleniya na Selitrennom gorodishche [To the Question of the Production Technology of Kashin Utensils and the Specifics of Their Manufacture at the Selitrennoe Settlement]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2018, no. 4, pp. 93-97.

13. Mayko V.V. Ekonomicheskie svyazi Sugdei s Povolzhem i Sredney Aziei (na primere arkheologicheskogo materiala) [Economic Relations of Sugdea with Volga and Central Asia (On the Example of Archaeological Material)]. Vasiliev A.D., ed. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (Sevastopol, 6–10 oktyabrya 2020 g.)* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Proceedings of the 4th International Scientific Conference (Sevastopol, October 6–10, 2020)]. Moscow, IV RAN, 2020, vol. 1, pp. 127-131.

14. Mogarichev Yu.M. «Peshchernyy gorod» Eski-Kermen v opisani A.S. Uvarova [The “Cave Town” of Eski Kermen in A.S. Uvarov’s Description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 56-74. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.6>.

15. Myts V.L. Zavoevanie pozdnevizantiyskoy Tavriki Mongolami: istoriko-arkheologicheskiy kontekst katastrofy posledney chetverti XIII v. [The Conquest of Late Byzantine Taurica by the Mongols: The Historical and Archaeological Context of the Catastrophe in the Last Quarter of the 13th Century]. *Stratum Plus*, 2016, iss. 6, pp. 69-106.

16. Sedikova L.V. Keramicheskiy kompleks XIII v. iz slova razrusheniya usadeb 2 i 3 v kvartale L Khersonesskogo gorodishcha [A Thirteenth-Century Pottery Assemblages from the Destruction Layer of Urban Houses 2 and 3 in Quarter L of

Ancient Chersonese]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. 23, pp. 402-458.

17. Teslenko I.B. Keramika Eski-Kermen epokhi postkatastrofy [The Ceramics of the "Post-Catastrophe" Period from Eski-Kermen]. Alekseenko N.A., ed. *Chersonos themata: imperiya i polis. Materialy XII nauch. konf. (Sevastopol – Balaklava 25–29 maya, 2020 g.)* [Chersonos Themata: Empire and Polis. Proceedings of the 12th Scientific Conference (Sevastopol-Balaklava, May 25–29, 2020)]. Sevastopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 249-254.

18. Teslenko I.B. Keramika iz raskopok tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2019 gg. [Pottery from the Excavations of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2019]. Aibabin A.I., Khairidinova E.A., eds. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.: sb. nauch. st.* [Results of Archaeological Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2018–2020. Collection of Scientific Articles]. Simferopol, OOO «Antikva», 2021, pp. 144-281.

19. Chernenko O. Arkheologichni doslidzhennia na podvirii Borisoglebskogo monastiria v Chernigovi [Archaeological Excavations in the Courtyard of the Borisoglebsk Monastery in Chernihiv]. *Mogilianski chytannia 2019. XXII Vseukrainska naukovo-praktichna konferentsiya: tezy dopovidei naukovoï konferentsii «Ukrainska istoriia v konteksti regionalnykh doslidzhen»* [Mohyla Readings 2019. The 22nd All-Ukrainian Scientific and Practical Conference: Abstracts of the Scientific Conference "Ukrainian History in the Context of Regional Studies"]. Mykolaiv, Vyd-vo ChNU imeni Petra Mogyly, 2019, pp. 363-369.

20. Al-Moadin M. Pitcher. *Discover Islamic Art. Museum With No Frontiers*, 2021. URL: http://islamicart.museumwnf.org/database_item.php?id=object;ISL;sy;Mus01;22;en (accessed 6 April 2021).

21. Al-Moadin M. Bowl. *Discover Islamic Art. Museum With No Frontiers*, 2021. URL: http://islamicart.museumwnf.org/database_item.php?id=object;ISL;sy;Mus01;27;en (accessed 6 April 2021).

22. Avissar M., Stern E.J. *Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel*. Jerusalem, Israel Antiquities Authority, 2005. 179 p. (Israeli Antiquities Authority Reports, 26).

23. François V. *Céramiques de la citadelle de Damas. Époques mamelouke et ottomane*. Aix-en-Provence, CNRS-LAMM, 2008. CD-ROM.

24. Gonnella J. Eine neue zangidisch-aiyubidische Keramikgruppe aus Aleppo. *Damaszener Mitteilungen*, 1999, 11, S. 163-175.

25. Grube E. *The Keir Collection. Islamic Pottery of the Eighth to the Fifteenth Century*. London, Faber and Faber, 1976. 378 p.

26. Jenkins-Madina M. *Raqqa Revisited: Ceramics of Ayyubid Syria*. New York, Metropolitan Museum of Art in Association with Yale University Press, 2006. 260 p. 119 color ill.

27. Keblow Bernsted A-M. *Early Islamic Pottery. Materials and Techniques*. London, Archetype, 2003. 110 p.

28. Mason R.B.J. Medieval Syrian Lustre-Painted and Associated Wares: Typology in a Multidisciplinary Study. *Levant*, 1997, 29, pp. 169-200.

29. Mason R.B.J., Tite M.S., Paynter S., Salter C. Advances in Polychrome Ceramics in the Islamic World of the 12th Century AD. *Archaeometry*, 2001, no. 43, pp. 191-209.

30. Mason R.B.J. *Shine Like a Sun. Luster-Painted and Associated Pottery from the Medieval Middle East*. Toronto, Mazda Publishers, Royal Ontario Museum, 2004. 266 p.

31. McPhillips S. Continuity and Innovation in Syrian Artisanal Traditions of the 9th to 13th Centuries. Ceramic Evidence from the Syrian-French Citadel of Damascus Excavations. *Bulletin d'Études Orientales*, 2012, no. 61: Damas médiévale et ottomane, pp. 447-473.

32. Milwright M. Ceramics from the Recent Excavations Near the Eastern Wall of Rafiq (Raqq), Syria. *Levant*, 2005, no. 37, pp. 197-219.

33. Philon H. *Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries*. London, Islamic Art Publications, 1980. 323 p.

34. Porter V., Watson O. "Tell Minis Wares". Allan J., Roberts C., eds. *Syria and Iran: Three Studies in Medieval Ceramics*. Oxford, Oxford University Press, 1987, pp. 175-247.

35. Poulsen V. Les poteries. Riis P.J., Poulsen V., Hammershaimb E., eds. *Hama, fouilles et recherches, 1931–1938. IV, 2: Les verreries et poteries médiévales*. Copenhagen, Nationalmuseet, 1957, pp. 117-283.

36. Redford S., Blackman M.J. Luster and Fritware Production and Distribution. *Medieval Syria. Journal of Field Archaeology*, 1997, no. 24, pp. 233-247.

37. Rugiadi M. Ceramic Technology in the Seljuq Period: Stonepaste in Syria and Iran in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries. *Heilbrunn Timeline of Art History*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000–2021. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/sljt/hd_sljt.htm (accessed 6 April 2021).

38. Sarre F. *Die Keramik von Samarra im Kaiser-Friedrich-Museum, Forschungen zur islamischen Kuns*. Berlin, D. Reimer, 1925. 103 S.

39. Smith D.T. Compositional Analysis of Early-Thirteenth-Century Ceramics from Raqqa and Related

Sites. Jenkins-Madina M. *Raqqa Revisited: Ceramics of Ayyubid Syria*. New York, Metropolitan Museum of Art in Association with Yale University Press, 2006, pp. 221-235.

40. Tonghini C. *Qal'at Jabar Pottery: A Study of a Syrian Fortified Site of the Late 11th to 14th Centuries*. Oxford, University Press, 1998. 132 p. (British Academy Monographs in Archaeology, 11).

41. Tonghini C., Henderson J. An Eleventh-Century Pottery Production Workshop at al-Raqqa. Preliminary Report. *Levant*, 1998, no. 30 (1), pp. 113-127. DOI: <http://dx.doi.org/10.1179/lev.1998.30.1.113>.

42. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands*. London, Thames & Hudson, 2004. 512 p.

43. Wilkinson C. K. *Nishapur: Some Early Islamic Buildings and Their Decoration*. New York, Metropolitan Museum of Art, 1973. 328 p.

Information About the Author

Irina B. Teslenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-3958>

Информация об авторе

Ирина Борисовна Тесленко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-3958>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.6>

UDC 94; 902/904; 7.033

LBC 63.3(4); 63.4(3)

Submitted: 01.06.2021

Accepted: 08.11.2021

ICON-PENDANT WITH AN IMAGE OF THE SAINT WARRIOR-HORSEMAN FROM THE EXCAVATION OF THE MANGUP'S PALACE. OLD RUS' OR BYZANTIUM? ¹

Valery E. Naumenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the icon-pendant with the image of the horseman St. George the Warrior, discovered in 2020 in the cultural horizon of the late 13th–14th centuries at the research site of the Mangup's Princely Palace. *Methods.* The study is complex. The traditional methods of art history analysis and the method of analogies, widely used in archaeological science, are used in the description and attribution of the sign icon. The dating of the product is established using one of the most important stratigraphic methods in archaeology. In explaining the historical context of the find, the available data from archaeological and narrative sources on the history and culture of Mangup at the end of the 13th–14th centuries are used. *Analysis.* The value of the icon, in addition to its clear archaeological context and the iconographic type of the holy rider-triumphant, which is rare for Byzantine applied art, lies in the expansion of our source base on the spread of the cult of St. George in the Late Byzantine period of the history of South-Western Crimea, represented before that mainly by the churches of Eski-Kermen and Mangup. *Results.* Despite the general proximity of the iconography and the technique of making the Mangup find and numerous similar products from the territory of Old Rus, there is no reason to consider it as an icon-pendant of Ancient-Russian origin. The conducted research definitely indicates a weak study of this category of Christian objects of personal piety on the territory of Byzantium, the lack of their cataloging and the study of special issues. In this regard, the conclusion that the icon belongs to the number of finds of the Byzantine circle from the cultural layer of the Mangup settlement, made in one of the provincialbyzantine centers, seems to be the most objective.

Key words: Mangup fortress, palace, Byzantium, Old Rus', icon-pendant, holy warriors, St. George.

Citation. Naumenko V.E. Icon-Pendant with an Image of the Saint Warrior-Horseman from the Excavation of the Mangup's Palace. Old Rus' or Byzantium? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 83-95. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.6>

УДК 94; 902/904; 7.033

ББК 63.3(4); 63.4(3)

Дата поступления статьи: 01.06.2021

Дата принятия статьи: 08.11.2021

ИКОНКА-ПРИВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО ВОИНА-ВСАДНИКА ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ДВОРЦА. ДРЕВНЯЯ РУСЬ ИЛИ ВИЗАНТИЯ? ¹

Валерий Евгеньевич Науменко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Иконка-привеска с изображением конного св. Георгия-воина, обнаруженная в 2020 г. в культурном горизонте конца XIII – XIV в. на участке исследований Мангупского княжеского дворца, является важным источником по истории и культуре Мангупа для этого периода времени. Ценность иконки, помимо ее ясного археологического контекста и достаточно редкого для византийского прикладного искусства иконографического типа святого всадника-триумфатора, заключается в расширении нашей источниковой базы о распространении культа св. Георгия в поздневизантийский период истории Юго-Западного Крыма, представленного до этого в основном храмовыми комплексами Эски-Кермена и Мангупа. Несмотря на общую близость иконографии и техники изготовления мангупской находки и многочисленных однотипных изделий с территории Древней Руси, нет оснований рассматривать ее как иконку-привеску древнерусского

происхождения. Проведенное исследование определенно указывает на слабую изученность данной категории христианских предметов личного благочестия на территории Византии, отсутствие их каталогизации и изучения специальных вопросов. В этой связи вывод о принадлежности иконки к числу находок византийского круга из культурного слоя Мангупского городища, изготовленных в одном из провинциально-византийских центров, представляется наиболее объективным.

Ключевые слова: Мангупское городище, дворец, Византия, Древняя Русь, иконка-привеска, святые воины, святой Георгий.

Цитирование. Наumenko В. Е. Иконка-привеска с изображением святого Воина-всадника из раскопок Мангупского дворца. Древняя Русь или Византия? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 83–95. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.6>

Введение. С 2006 г. основным объектом раскопок Мангупского городища является дворец правителей княжества Феодоро 1425–1475 годов. К числу наиболее важных результатов его исследований, помимо установления точной хронологии и композиционно-художественного облика, относится открытие в стратиграфии археологического объекта ярусов застройки поддворцового и постдворцового времени [6; 7]. Это свидетельствует об использовании данного участка городища на протяжении всех основных этапов его истории, в том числе в ранневизантийский (середина VI – конец VIII в.), феменный (середина IX – середина XI в.), золотоордынский (конец XIII в. – около 1395 г.), феодоритский (XV в., до 1475 г.) и османский (1475–1792 гг.) периоды, а также исключает «случайность» присутствия в культурном слое артефактов, на первый взгляд, не вписывающихся в общепринятый исторический или археологический контекст.

Многолетние раскопки дворца позволили получить целый массив новых археологических источников по истории и культуре Мангупа, который постепенно вводится в научный оборот. Среди них достойное место занимают находки из так называемой группы “small finds”, характеризующие не только различные стороны повседневной жизни населения средневековой крепости, но и являющиеся зачастую основанием для рассмотрения малоизученных либо совершенно новых сюжетов из истории памятника.

К числу таких находок, безусловно, относится бронзовая иконка-привеска с изображением святого воина-всадника на аверсе и равноконечного креста на оборотной стороне, найденная в 2020 г. в ходе исследований Ман-

гупского дворца. Иконка происходит из хорошо датированного культурного горизонта конца XIII – XIV в., связанного с функционированием поселения золотоордынского времени на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро, и пополняет коллекцию опубликованных в последнее время наиболее ярких предметов личного христианского благочестия из раскопок различных памятников городища [4, с. 355–358; 17; 20]. Однако ее неординарность состоит не только в этом.

В случае наиболее вероятной атрибуции изображения святого воина-всадника на лицевой стороне иконки св. Георгию Победоносцу она расширяет круг известных материальных свидетельств о культе этого святого на территории Юго-Западного Крыма в поздневизантийский период его истории, представленный, прежде всего, храмовыми комплексами Эски-Кермена (церковь «Трех всадников») и того же Мангупа (церковь св. Георгия) (о них см.: [21; 28]).

Другая научная проблема, следующая из анализа нашей находки, заключается в констатации отсутствия надежных аналогий ей на памятниках Византии, в том числе в Византийской Таврике, и наличие близких, но не идентичных, многочисленных иконок-привесок с территории Древнерусского государства, особенно из Южной Руси. Означает ли это неизвестный по данным письменных источников факт миграции или миссионерской практики выходцев из Древней Руси в одном из крупных городских центров средневекового Крыма или все-таки речь идет о недостаточной степени изученности данной группы предметов личного восточно-христианского благочестия? Мы склоняемся к последнему варианту интерпретации поставленной

научной проблемы, прежде всего, из-за отсутствия в литературе сводных корпусов подобных находок, происходящих с территории Византии и сопредельных областей. В таком случае мангупскую иконку следует по-прежнему рассматривать как находку византийского круга на городище, изготовленную, скорее всего, в одном из византийских провинциальных центров.

Методы. Исследование носит комплексный характер. При описании и атрибуции иконки-привески использованы традиционные методы искусствоведческого анализа, особенно в части интерпретации иконографического типа св. Георгия-воина на лицевой стороне иконки – образа святого всадника-триумфатора, и широко распространенный в археологической науке метод аналогий. Датировка изделия устанавливается с помощью одного из наиболее важных в археологии стратиграфического метода и анализа сопутствующего археологического материала.

При объяснении исторического контекста находки использованы имеющиеся на сегодняшний день данные археологических и нарративных источников по истории и культу-

ре Мангупа в конце XIII – XIV в., когда городище, очевидно, находилось под контролем администрации Крымского улуса Золотой Орды, сохраняя при этом традиционные культурные, экономические и церковно-политические связи с Византией.

Описание и историко-археологический контекст находки. Бронзовая иконка состоит из почти круглой пластины диаметром около 3,00 см (точные размеры: 2,82 × 2,88 см) и толщиной от 0,16 до 0,29 см, а также округлого ушка для подвешивания диаметром 0,67–0,68 см с внутренним каналом шириной до 0,20 см, отлитых с использованием восковой модели в глиняной или каменной двусторонней (разъемной) форме (см. рисунок) (о технологии изготовления подобных древнерусских иконок-привесок вкратце см.: [26, с. 9; 14, с. 128; ср.: 23, с. 431]; см. также каменные формы для отливки однотипных византийских амулетов с изображением святых воинов-всадников: [32, с. 205, рис. 12, 1–2]). Степень проработанности деталей основных изображений и орнаментальных поясов изделия свидетельствует об их дополнительной гравировке после отливки.

Бронзовая иконка-привеска с изображением конного св. Георгия-воина конца XIII – XIV в.
из раскопок Мангупского княжеского дворца
(2020 г., Западный участок исследований, квадрат № 46, слой № 7)

Bronze icon-pendant with the image of the horseman St. George the Warrior of the late 13th–14th centuries
from the excavations of the Prince's Palace of Mangup
(2020, Western research site, quadrant no. 46, layer no. 7)

В целом находка имеет достаточно хорошую сохранность. Лишь ее наиболее рельефная часть – лицо и туловище святого воина-всадника на аверсе несет следы сильной потертости, что свидетельствует об использовании иконки владельцем по своему назначению может быть в течение нескольких лет.

Практически все поле лицевой стороны иконки занимает изображение святого конного воина-триумфатора влево в высоком рельефе, окруженное двойным «рубчатым» бордюром. Верхняя часть туловища воина обращена к зрителю практически анфас. Его голова – несоизмеренно крупная, с округлыми глазами и прямоугольным носом, покрыта густой шапкой кудрявых волос в виде округлых локонов до уровня ушей и окружена нимбом. За спиной всадника развивается плащ, в правой руке он держит длинное копье с крупным наконечником под углом приблизительно в 45 градусов. Видимая левая нога конного воина, несоизмеренно тонкая в голени, лишь слегка согнута в колене. Какие-либо детали одежды и амуниции всадника не просматриваются.

Лошадь также изображена без соблюдения реальных размеров и пропорций между ее отдельными частями. Слишком удлинены туловище и шея, анатомически неправильно показаны обе задние и левая передняя ноги. Судя по согнутой передней правой ноге и развивающимся хвосту и гриве лошади, а также плащу всадника, резчик пытался представить святого воина в движении, на гарцующем коне, что соответствует образу всадника-триумфатора. Однако, чтобы полностью воплотить этот замысел, ему явно не хватило опыта и мастерства. Лучше всего оказалась выполненной голова лошади с крупными глазами и видимыми уздечными ремнями. Остальные детали конской упряжи не просматриваются.

Слева и справа от нимба святого воина-всадника слабо видны две буквы – возможно, «А» и «Г», которые, если это прочтение верно, позволяют соотнести изображение на нашей иконке со св. Георгием Победоносцем. В таком случае надпись может быть дешифрована как $\text{A}[\Gamma\text{I}\text{O}\Sigma] \Gamma[\text{E}'\Omega\text{P}\Gamma\text{I}\text{O}\Sigma]$.

Оборотная сторона находки почти полностью занята равноконечным крестом с расширяющимися концами и хризмой вокруг средокрестья, выполненным крупными рельефными

точками («жемчужинами») и окруженным таким же, как и на аверсе, «рубчатым» бордюром. Декорированию в виде рельефных продольных полос подверглась при изготовлении и оглавие (ушко для подвешивания) иконки.

В отличие от других опубликованных однотипных примеров византийской и древнерусской христианской металлопластики, о которых речь пойдет ниже, рассматриваемая иконка-привеска с предполагаемым изображением конного св. Георгия-триумфатора принадлежит к числу немногих находок, происходящих из культурного слоя археологического объекта и имеющих достаточно ясный историко-археологический контекст.

Она была обнаружена в 2020 г. на Западном участке исследований Мангупского княжеского дворца, в процессе выборки так называемого 7-го слоя на площади квадрата № 46, который сформировался в период функционирования поселения золотоордынского времени на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро 1425–1475 годов. Общая датировка культурного горизонта в пределах конца XIII – XIV в. (до 1395 г.) определяется стратиграфическими наблюдениями и структурой археологического комплекса находок этого времени на памятнике. Среди последних наиболее важными хроноиндикаторами выступают импортная глазурованная красноглиняная керамика византийского и золотоордынского круга групп «Elaborate Incised Ware», «Polichrome (Monochrome) Sgraffito Ware», «Slip-Painted Ware», золотоордынские кашинная посуда и бронзовые зеркала, а также монеты от ханов Тула-Буги (1287–1291) и Токты (1291–1313) до хана Тохтамыша (1379–1395) [5, с. 42–45; 6, с. 56; 8; 18, с. 236–238].

При этом следует иметь в виду, что присутствие в культурном слое поселения золотоордынского времени христианской иконки, иконография которой следует общепринятой византийской традиции, не выглядит чем-то необычным для Мангупа этого исторического периода. Несмотря на контроль со стороны администрации Крымского юрта Улуса Джучи и даже присутствие ее представителей здесь, крепость на протяжении всего XIV в. продолжала сохранять стабильные культурные, экономические и церковно-политические связи с Византийской империей, в

том числе как кафедральный центр Готской митрополии Константинопольского патриархата. С конца XIII в., как показывают результаты археологических исследований, она окончательно приобрела черты крупного поселения городского типа, топографическими доминантами которого на местности и в представлениях путешественников-современников выступали, помимо крепостных стен, общественных зданий и регулярной жилой застройки, многочисленные храмовые и монастырские комплексы с расположенными вблизи них христианскими некрополями [18; 19]. Другими словами, доминирование христианского, или даже шире, византийско-христианского компонента в материальной культуре Мангупского городища интересующего нас периода времени, подтверждается всем имеющимся комплексом нарративных и вещественных источников. В этот исторический контекст хорошо вписывается наша находка.

Анализ. С учетом ясной датировки и историко-археологического контекста мангупской иконки-привески дальнейший анализ будет в основном сосредоточен на вопросах ее происхождения. Еще раз подчеркнем, что при всей гипотетичности атрибуции изображения святого воина-всадника св. Георгию, основанной на плохо сохранившихся начальных буквах надписи и общей иконографии образа (безбородый юноша с густыми кудрявыми волосами в виде округлых локонов до уровня ушей), эта версия является достаточно вероятной.

Ввиду особой популярности культа св. Георгия в Византийской империи и в странах, где распространилось византийское православие, его история, агиографическая традиция, иконография представляются хорошо изученными в историографии, что избавляет нас от их подробного анализа (см.: [1; 3; 11]). Отметим лишь, что в Византийской империи с X в. он приобрел общегосударственный характер и составил, вместе с почитанием св. Димитрия Солунского, св. Феодора Тирона и св. Феодора Стратилата, основу общего культа святых воинов в империи, защитников от внешних врагов и внутренних демонов (наиболее важные работы об этом: [15; 38, р. 11–14, 57–124; 39, р. 32–93; 40, р. 41–144]).

Одновременно формируются и основные иконографические типы св. Георгия-воина в византийском искусстве – пешего воина в пол-

ном вооружении (обычно в полный рост, анфас) и конного всадника с копьем (драконоборца или триумфатора на гарцующем коне). При этом важно заметить, что интересующий нас тип конного св. Георгия, драконоборца или триумфатора, окончательно складывается позднее образа св. Георгия – пешего воина, скорее всего, лишь к XII–XIII вв., и значительно реже встречается на памятниках прикладного искусства этого времени. Об этом свидетельствуют исследования данного вопроса в области сфрагистики [27; 29; 33, с. 52, 66; 36], камнерезного искусства [2, с. 279–282] и глиптики [37, р. 57, fig. 8] (о датировке литика с конным св. Георгием-драконоборцем см.: [9]).

Еще меньше примеров использования образа св. Георгия-всадника среди опубликованных материалов византийской металлопластики с христианской символикой. По сути, речь идет только об изданном в свое время В. Иванишевичем бронзовом медальоне (иконке с обломанным оглавием (?)) с изображением конного св. Георгия-триумфатора вправо, окруженном «рубчатым» бордюром, диаметром 2,6 см и толщиной 0,2 см, из коллекции Народного музея в Пожареваце (Сербия) [10, с. 49, 51, табл. II, 36]. Однако находка не имеет ясного археологического контекста и, соответственно, датировки. Скорее всего, эта ситуация объясняется отнюдь не редкостью таких изделий в византийской повседневной культовой практике, а обычным отсутствием на сегодняшний день специальных исследований и сводных корпусов подобных предметов личного благочестия в современной историографии, в отличие от каталогов металлических крестов, энколпионов, стеатитовых иконок, рельефов из слоновой кости и пр. (см. об этом: [30, с. 366]).

Круг аналогий иконке-привеске из раскопок Мангупа на памятниках Византийской Таврики выглядит также немногочисленным и сводится лишь к двум находкам. Первая из них происходит из подводных исследований в акватории Судакской бухты и поэтому не имеет ясного археологического контекста [13, с. 175, рис. 185, 1], вторая обнаружена в пещерном христианском комплексе Иограф II вблизи вершины Ялтинской яйлы, в слое с перемешанным археологическим материалом от IX–X до XVIII вв. [31, с. 115, рис. 36

(к.о. 365)]. Изделия представляют собой круглые литые свинцовые (?) пластины с обломанными в древности ушками для подвешивания диаметром около 2,5 см, на лицевой стороне которых просматривается близкое нашей иконке изображение святого воина-всадника с копьем влево. К сожалению, обе находки имеют плохую сохранность и требуют серьезной реставрации. Из-за этого ничего определенного нельзя сказать в отношении материала, из которого они были изготовлены (свинец или все-таки оловянистая бронза?), и изображений на оборотной стороне. Предлагаемая авторами публикации атрибуция иконок св. Георгия также может быть принята лишь как предварительная гипотеза.

Тем не менее, как и в случае с памятниками Византии, редкость опубликованных иконок с изображением конного св. Георгия-воина с территории Крымского полуострова свидетельствует лишь о состоянии нашей источниковой базы для изучения этой категории археологического материала. Достаточно напомнить в этой связи, несмотря на очевидную разницу в датировках, размерах, технологии и иконографии, о медальонах-привесках VII–VIII вв. из двух штампованных бронзовых пластин с пастовым заполнением между ними из могильника Лучистое, с изображением св. Мины и святого всадника вправо, поражающего копьем демона (образ св. Соломона или св. Сисиния) [32, с. 147–150, рис. 1–2], о свинцовой (?) иконке-привеске святого воина-всадника с крестом на обороте, выполненным крупными рельефными точками («жемчужинами»), из храма на г. Пахкал-Кая IX/X–XIII/XIV вв. [12, с. 296, 298, рис. 4] или о бронзовых литых иконках-привесках X–XI и XII–XIII вв. с изображениями соответственно Деисуса и Богоматери с младенцем из раскопок Херсонеса [16, с. 208–209, 498–499, № 146, 148], чтобы оценить степень влияния византийских традиций на использование в повседневной практике однотипных предметов личного христианского благочестия. К тому же некоторые из них (медальоны из Лучистого), как считается исследователями, изготавливались местным населением на основе образцов, завезенных непосредственно из Византии [32, с. 184].

Совершенно иная ситуация с поиском аналогий или, скорее, однотипных мангупской на-

ходке иконок-привесок с изображением святого воина-всадника выглядит при обращении к памятникам Древней Руси главным образом домонгольского периода. К настоящему времени, в основном за последнее десятилетие, в научный оборот введены несколько десятков подобных бронзовых изделий, происходящих из раскопок археологических памятников, музейных собраний и частных коллекций на территории России, Белоруссии и Украины [26, с. 66, 135–136, табл. X, 145–149 (подгруппа IV.B); 35; 34; 22; 23; 24; 14, с. 121–123, рис. 2, 5]. Резкое увеличение источниковой базы позволило провести систематизацию нового материала и выделить в нем, по крайней мере, два типа иконок, отличающихся своими размерами и иконографией святого всадника.

На иконках первого типа, диаметром около 3,5 см, на лицевой стороне представлена сцена «Чуда св. Георгия о Змие», развернутая вправо; святой всадник изображен в позе триумфа, почти анфас, с развевающимся плащом или без него, вонзающим высоко поднятое и зажатое в локтевом суставе копье непосредственно в пасть демона (основная работа: [23, ил. 65]). Иконография второго типа иконок-привесок несколько иная. Св. Георгий-всадник изображен здесь влево, как триумфатор на гарцующем коне и с развивающимся за спиной плащом, с высоко поднятым копьем и округлым щитом на левой ноге, без Змия; диаметр таких подвесок около 2,0 см (см.: [35, рис. 2]).

Картографирование новых древнерусских иконок-привесок со святым всадником показывает, что изделия первого типа в основном были распространены на памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, второго типа – в ареале Южной Руси, на территории Галицко-Волынского, Черниговского и Киевского княжеств, где они, вероятно, и производились. За пределами Руси они известны по археологическим и случайным находкам в Польше [41] и Латвии [25], что связывается с миссионерскими практиками древнерусских княжеств.

Общая хронология обоих типов иконок св. Георгия-всадника на Руси – в пределах второй половины XII – первой половины XIII века. Они рассматриваются как предметы личного благочестия, которые изготавливались в

различных ремесленных центрах домонгольской Руси и использовались в повседневной жизни представителями различных социальных групп ее сельского и городского населения. Как справедливо отмечено, древнерусские иконки-образки, в том числе с изображением святого всадника (драконоборца или триумфатора), хотя и следуют общим принципам иконографии и художественных особенностей подобных изделий в византийской традиции, никогда не копируют византийскую металлопластику, и поэтому, в отличие от многих типов древнерусских нательных крестов этого времени, не имеют точных аналогий в византийском литье [14, с. 119].

Сопоставляя мангупскую иконку с изображением св. Георгия-всадника с однотипными изделиями с территории Древней Руси, прежде всего, южнорусских княжеств, нужно отметить их лишь самое общее сходство, проявившееся в выборе иконографического сюжета и технологии изготовления. В деталях отличия иконки из раскопок Мангупского дворца более существенны: высокий рельеф изображения; попытка тщательной и реалистичной его проработки на этапе моделирования и после отливки, хотя и не подкрепленная необходимым мастерством; принципиально иные способы декорирования основного изображения и реверса привески. Все это в целом не позволяет рассматривать ее как находку древнерусского происхождения, оказавшуюся в культурном слое городища в результате миграции или миссионерской практики ее обладателя. Скорее всего, речь идет об изделии византийского круга, изготовленном в одном из провинциальных центров Византии и затем приобретенном для личного пользования одним из жителей Мангупской крепости.

Результаты. Иконка-привеска с изображением конного св. Георгия-воина, обнаруженная в 2020 г. в культурном горизонте конца XIII – XIV в. на участке исследований Мангупского княжеского дворца, является важным источником по истории и культуре Мангупа для этого периода времени. Ценность иконки, помимо ее ясного археологического контекста и редкого для византийского прикладного искусства иконографического типа святого всадника-триумфатора, заключается в расширении нашей источниковой базы о распространении

культы св. Георгия в поздневизантийский период истории Юго-Западного Крыма, представленного до этого в основном храмовыми комплексами Эски-Кермена и Мангупа.

Несмотря на общую близость иконографии и техники изготовления мангупской находки и многочисленных однотипных изделий с территории Древней Руси, у нас нет оснований рассматривать ее как иконку-привеску древнерусского происхождения. Проведенное исследование определенно указывает на слабую изученность данной категории христианских предметов личного благочестия на территории Византии, отсутствие их каталогизации и изучения специальных вопросов. В этой связи вывод о принадлежности иконки к числу находок византийского круга из культурного слоя Мангупского городища, изготовленных в одном из провинциально-византийских центров, представляется на сегодняшний день наиболее объективным.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-09-00124 «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника». Выражаем признательность А.Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», за возможность самостоятельной публикации находки.

The study was carried out within the framework of the project of Russian Foundation for Basic Research no. 19-09-00124 “The Palace complex of the Mangup fortress – the residence of the rulers of the principality of Theodoro in the South-Western Crimea. Problems of chronology, planning and architectural reconstruction of the monument”. We express our gratitude to A.G. Gertsen, the leader of the Mangup archaeological expedition of the V.I. Vernadsky Crimean Federal university, for the possibility of independent publication of the find.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси / М. В. Алпатов

// Труды Отдела древнерусской литературы. – 1956. – Т. XII. – С. 292–310.

2. Архипова, Е. И. Каменные иконки со святыми воинами : Византийское наследие и южнорусская традиция / Е. И. Архипова // Труды Государственного Эрмитажа. – 2015. – Т. 74 : Византия в контексте мировой культуры : материалы конф., посвящ. памяти А. В. Банк (1906–1984). – С. 271–289.

3. Атанасов, Г. Свети Георги Победоносец. Култ и образ в православния Изток през средновековието / Г. Атанасов. – Варна : Зограф, 2001. – 443 с.

4. Герцен, А. Г. Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма / А. Г. Герцен, Т. Ю. Яшаева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / ред.-сост. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 355–362.

5. Герцен, А. Г. «Между Золотой Ордой и Романией...». Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды : Наследие исчезнувшей империи : каталог выставки. – Симферополь : Тарпан, 2016. – С. 36–49.

6. Герцен, А. Г. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко // X Международный Византийский семинар «Χερσὼνος θέματα : Империя и полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь : ИАК РАН, 2018. – С. 53–58.

7. Герцен, А. Г. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований» : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : НИЦ ИАК КФУ : ЦАИ БФ «Деметра», 2019. – С. 139–148.

8. Душенко, А. А. Металлические зеркала из раскопок Мангупского княжеского дворца / А. А. Душенко // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте» : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : НИЦ ИАК КФУ : ИАК РАН : ЦАИ БФ «Деметра», 2020. – С. 101–109.

9. Златков, М. Стъклен медальон със сцената «Рождество Христово» от Созопол / М. Злат-

ков // Известия на народния музей – Бургас. Т. V. – Бургас : Регионален исторически музей, 2015. – С. 183–189.

10. Иванишевић, В. Римски и византијски печати и медальони из збирке Народног музеја у Пожаревцу / В. Иванишевић // Нумизматичар. – 1992. – № 15. – С. 47–52.

11. Лазарев, В. Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве / В. Н. Лазарев // Лазарев, В. Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования / В. Н. Лазарев. – М. : Наука, 1970. – С. 55–102.

12. Лысенко, А. В. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму / А. В. Лысенко, И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин // В камне и в бронзе : сб. ст. в честь Анны Песковой / ред.-сост. А. Е. Мусин, О. А. Щеглова. – СПб. : ИИМК РАН : Невская Книжная типография, 2017. – С. 291–310.

13. Майко, В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII в. / В. В. Майко. – Киев : Видавель Олег Філюк, 2014. – 467 с.

14. Макаров, Н. А. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв. : Новые находки / Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева // Нескончаемое лето : сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / отв. ред. и сост. В. К. Сингх. – М. ; Великий Новгород : Любавич, 2018. – С. 119–130.

15. Марковић, М. О иконографији светих ратника у источно-хришћанској уметности и о представама ових светитеља у Дечанима / М. Марковић // Зидно сликарство манастира Дечана : грађа и студије. – Београд : Српска академија наука и уметности, 1995. – С. 567–626.

16. Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залесская, Д. Журавлев. – Севастополь : Телескоп ; Остин : ИКА Техас. ун-та, 2011. – 708 с.

17. Науменко, В. Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища : Проблемы атрибуции и датировки / В. Е. Науменко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 100–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.7>.

18. Науменко, В. Е. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период / В. Е. Науменко // Оазисы Шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии : материалы VI Междунар. Золотоордынского Форума «Rach Tatarica : Генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «Via Tatarica : Золотая Орда на Великом Шелковом пути» / сост. и отв. ред. И. М. Миргалеев. – М. ; Казань : Ин-т ис-

тории им. Ш. Марджани АН РТ : Исламская книга, 2020. – С. 232–249.

19. Науменко, В. Е. Основные этапы истории христианской общины Мангула. Новые материалы исторических и архитектурно-археологических исследований / В. Е. Науменко, А. Г. Герцен, Д. В. Иожица // XXII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты» : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Симферополь ; Керчь : НИЦ ИАК КФУ : ИАК РАН : ЦАИБФ «Деметра», 2021. – С. 278–290.

20. Науменко, В. Е. Уникальная византийская костяная иконка из раскопок Мангупского городища / В. Е. Науменко, А. А. Душенко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2019. – Вып. XXIV. – С. 217–249.

21. Науменко, В. Е. Церковь Святого Георгия / В. Е. Науменко, Д. В. Иожица, А. И. Набоков // Герцен, А. Г. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.) : коллективная монография / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, Т. Ю. Шведчикова ; под ред. А. И. Айбабина. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 56–108.

22. Соболев, В. Ю. Иконки-привески с конным изображением Святого Георгия / В. Ю. Соболев // В камне и в бронзе : сб. ст. в честь Анны Песковой / ред.-сост. А. Е. Мусин, О. А. Щеглова. – СПб. : ИИМК РАН : Невская Книжная типография, 2017. – С. 537–547.

23. Соболев, В. Ю. Раннесредневековые древнерусские иконки-привески. Образцы и подражания / В. Ю. Соболев // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 9 / под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – М. ; СПб. : НП-Принт, 2019. – С. 429–438.

24. Соболев, В. Ю. Святой Георгий. Иконография одного типа иконок и снаряжение всадника и коня XII–XIII вв. / В. Ю. Соболев // История военного костюма: От древнего мира до наших дней : материалы II Междунар. военно-ист. конф. / под ред. А. В. Арановича, Д. Ю. Алексеева. – СПб. : СПбГУПТД, 2017. – С. 29–50.

25. Спиргис, Р. Находки иконок с изображением св. Георгия на территории Латвии / Р. Спиргис // Археология и история Пскова и Псковской области. – 2019. – № 34 (64). – С. 314–334.

26. Станюкович, А. К. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI вв. / А. К. Станюкович. – М. : Группа «ИскательИ», 2011. – 224 с.

27. Степаненко, В. П. К иконографии святых воинов-всадников в византийской сфрагистике :

Св. Георгий / В. П. Степаненко // Античная древность и средние века. – 2019. – Т. 47. – С. 72–82.

28. Степаненко, В. П. К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом / В. П. Степаненко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2003. – Вып. X. – С. 452–457.

29. Степаненко, В. П. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода / В. П. Степаненко // Проблемы истории России : сб. науч. тр. Вып. 3 : Новгородская Русь : Историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. – С. 106–117.

30. Тотев, К. Средневековые византийские свинцовые иконы из Северо-Восточной Болгарии (к иконографии Святого Георгия-драконоборца) / К. Тотев // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2000. – Вып. VII. – С. 362–369.

31. Турова, Н. П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой / Н. П. Турова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2014. – Вып. 6. – С. 93–173.

32. Хайрединова, Э. А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое / Э. А. Хайрединова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2014. – Вып. XIX. – С. 147–210.

33. Чукова, Т. А. Иконография Христа, Божией Матери и святых на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв. / Т. А. Чукова // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии : Памяти Т. Чуковой. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. – С. 28–77.

34. Чуракова, А. Ю. Подвеска-иконка «Чудо св. Георгия о Змие» с городища близ Шепетовки / А. Ю. Чуракова // В камне и в бронзе : сб. ст. в честь Анны Песковой / ред.-сост. А. Е. Мусин, О. А. Щеглова. – СПб. : ИИМК РАН ; Невская Книжная типография, 2017. – С. 611–614.

35. Чуракова (Кононович), А. Ю. Привески-образки с изображением святого всадника на территории Древнерусского государства / А. Ю. Чуракова (Кононович) // Археология и история Пскова и Псковской области. – 2016. – № 31 (61). – С. 367–374.

36. Шандровская, В. С. Образ святого Георгия на византийских печатях / В. С. Шандровская // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. – С. 474–480.

37. Foskolou, V. Glass Medallions with Religious Themes in the Byzantine Collection at the Benaki Museum: A Contribution to the Study of Pilgrim Tokens in Late Middle Ages / V. Foskolou // Μουσείο Μπενάκη. – 2005. – № 4 (2004). – Р. 51–73.

38. Grotowski, P. L. Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261) / P. L. Grotowski. – Leiden ; Boston : Brill, 2010. – 483 p.

39. Walter, Ch. The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition / Ch. Walter. – London ; New York : Routledge, 2016. – 317 p.

40. White, M. Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200 / M. White. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 255 p.

41. Żółkowska, J. Przyczynek do badań nad wczesnośredniowiecznymi zawieszkami z wizerunkami przypisywanymi św. Jerzemu. Znajdźiska z obszaru Polski / J. Żółkowska // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. – 2016. – T. XXXVII. – S. 247–278.

REFERENCES

1. Alpatov M.V. Obraz Georgiya-voina v iskusstve Vizantii i Drevney Rusi [The Image of George the Warrior in the Art of Byzantium and Old Rus]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1956, vol. 12, pp. 292–310.

2. Arkhipova E.I. Kamennye ikonki so svyatyimi voynami: Vizantiyskoe nasledie i yuzhnorusskaya traditsiya [Small Stone Icons with Warrior Saints: The Byzantine Heritage and the Southern Russian Tradition]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], 2015, vol. 74: *Vizantiya v kontekste mirovoy kultury: materialy konf., posvyashchennoy pamyati A.V. Bank (1906–1984)* [Byzantium Within the Context of the World Culture. Collection of Scientific Papers Dedicated to the Memory of A.V. Bank (1906–1984)], pp. 271–289.

3. Atanasov G. *Sveti Georgi Pobedonosets. Kult i obraz v pravoslavniya Iztok prez srednovekovieto* [Saint George Triumphant. The Cultus and Image in the Medieval Eastern Orthodox World]. Varna, Zograf Publ., 2001. 443 p.

4. Gertsen A.G., Yashaeva T.Yu. Drevnerusskie enkolpiony iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Ancient Rus' Reliquary Crosses from South-West Crimea]. Peskova A.A., Shcheglova O.A., Musin A.E., eds. *Slavyano-russkoe yuvelirnoye delo i ego istoki: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyash. 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.F. Korzukhinoy* [Slavic and Old Russian Art of Jewelry and Its Roots. Proceedings of International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of G.F. Korzukhin's Birth]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, pp. 355–362.

5. Gertsen A.G., Naumenko V.E. «Mezhdul Zolotoy Ordoy i Romaney...». Velikokhanskiy vektor v culture regionalnykh elit ili k voprosu o zolotoordynskom

periode v istorii Mangupa serediny – vtoroy poloviny XIV v. (obzor arkheologicheskikh istochnikov) [“Between the Golden Horde and Romania...”. The Great Khan Vector in the Culture of Regional Elites or the Question of the Golden Horde Period in the History of Mangup in the Middle – the Second Half of the 14th Century (Review of Archaeological Sources)]. *Krym v zolotoordynskiy period. Krymskiy Yurt Zolotoy Ordoy: Nasledie ischeznuvshey imperii: katalog vystavki* [Crimea During the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: The Heritage of a Vanished Empire. Exhibition Catalog]. Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 36–49.

6. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskiy dvorets Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiya uchastka issledovaniy 2006–2017 gg. (predvaritelnoe soobshchenie) [Prince's Palace at the Ancient City of Mangup. Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area (Preliminary Communication)]. Alekseenko N.A., ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersonos themata: Imperiya i polis»*. *materialy nauch. konf.* [The 10th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Proceedings of the Scientific Conference]. Sevastopol, IAK RAN Publ., 2018, pp. 53–58.

7. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha [The Main Results and Prospects of Research of the Princely Palace of the Mangup Settlement]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XX Bosporskie chteniya «Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy»: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The 20th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of the Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Results and Prospects of Research. Proceedings of International Scholarly Conference]. Simferopol, Kerch, NITs IAK KFU; TsAI BF «Demetra» Publ., 2019, pp. 139–148.

8. Dushenko A.A. Metallicheskie zerkala iz raskopok Mangupskogo knyazheskogo dvortsa [Metal Mirrors from the Excavations of the Prince's Palace of Mangup]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XXI Bosporskie chteniya «Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Obekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste»: materialy Mezhdunaodnoy nauchnoy konferentsii* [The 21st Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of the Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of Art in an Archaeological Context. Proceedings of International Scholarly Conference]. Simferopol, Kerch, NITs IAK KFU; IAK RAN; TsAI BF «Demetra» Publ., 2020, pp. 101–109.

9. Zlatkov M. Staklen medalon sas stsenata «Rozhdestvo Khristovo» ot Sozopol [Glass Medallion

with Nativity Scene from Sozopol]. *Izvestiya na narodniya muzey – Burgas* [Bulletin of the National Museum in Burgas]. Burgas, Regionalen istoricheski muzey, 2015, vol. 5, pp. 183-189.

10. Ivanishevich V. Rimski i vizantijski pečati i medaljoni iz zbirke Narodnog muzeja u Požarevcu [Roman and Byzantine Seals and Medallions from the National Museum Collection in Požarevac]. *Numizmatičar* [Numismatics], 1992, no. 15, pp. 47-52.

11. Lazarev V.N. Novyy pamyatnik stankovoy zhivopisi XII veka i obraz Georgiya-voina v vizantiyskom i drevnerusskom iskusstve [A New Monument of Easel Painting of the 12th Century and the Image of St. George the Warrior in Byzantine and Old Rus Art]. Lazarev V.N. *Russkaya srednevekovaya zhivopis. Statyi i issledovaniya* [Russian Medieval Painting. Articles and Research]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 55-102.

12. Lysenko A.V., Teslenko I.B., Musin A.E. Srednevekovyy khristianskiy khram na gore Pakhkal-Kaya v Yuzhnom Krymu [Medieval Christian Church on the Mount Pakhkal-Kaya in Southern Crimea]. Musin A.E., Shcheglova O.A., eds. *Vkamne i v bronze: sb. st. v chest Anny Peskovoy* [In Stone and Bronze. Essays Presented in Honor of Anna Peskova]. Saint Petersburg, IIMK RAN; Nevskaya Knizhnaya tipografiya, 2017, pp. 291-310.

13. Mayko V.V. *Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X – XII v.* [Eastern Crimea in the Second Half of the 10th–12th Century]. Kiev, Vydavets Oleg Filiuk Publ., 2014. 467 p.

14. Makarov N.A., Zajceva I.E. Khristianskaya metalloplastika Suzdalskoy zemli XII–XIV vv.: Novye nakhodki [Christian Metal-Plastic Works of the Suzdal Land of the 12th–14th Centuries: New Findings]. Singh V.K., ed. *Neskonchaemoe leto: sb. st. v chest E.A. Rybinoy* [Endless Summer. Collection of Articles in Honor of E.A. Rybina]. Moscow, Veliky Novgorod, Lyubavich Publ., 2018, pp. 119-130.

15. Marković M. O ikonografiji svetih ratnika u istočno-hrišćanskoj umetnosti i o predstavama ovih svetitelja u Dečanima [On the Iconography of the Military Saints in Eastern Christian Art and the Representations of Holy Warriors in the Monastery of Dečani]. *Zidno slikarstvo manastira Dečana: građa i studije* [Mural Painting of Monastery of Dečan]. Beograd, Srpska akademija nauka i umetnosti, 1995, pp. 567-626.

16. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [The Legacy of Byzantine Cherson]. Sevastopol, Teleskop Publ.; Austin, IKA Tekhasskogo universiteta, 2011. 708 p.

17. Naumenko V.E. «Latinyane» na Mangupe. Unikal'nyy zapadnoevropeyskiy krest-enkolpion iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupskogo

gorodishcha: problemy atributsii i datirovki [The “Latins” on Mangup. Unique Western-European Cross-Enkolpion from the Excavations of Prince’s Palace in Ancient Mangup: Problems of Attribution and Dating]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 100-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.7>.

18. Naumenko V.E. Ob istoricheskoy topografii i politiko-administrativnom statuse Mangupa v zolotoordynskiy period [About the Historical Topography and Political and Administrative Status of Mangup in the Golden Horde Period]. Mirgaleev I.M., ed. *Oazisy Shelkovogo puti: istoricheskie istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii: materialy VI Mezhdunar. Zolotoordynskogo Forumu «Pax Tatarica: Genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoy Ordyy», kruglogo stola «Via Tatarica: Zolotaya Orda na Velikom Shelkovom puti»* [Oases of the Silk Road: The Historical Origins of Integration Processes in Eurasia. Proceedings of the 6th International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Genesis and Legacy of the Statehood of the Golden Horde”, Round Table “Via Tatarica: Golden Horde on the Great Silk Road”]. Moscow; Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT; Islamskaya kniga Publ., 2020, pp. 232-249.

19. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhica D.V. Osnovnye etapy istorii khristianskoy obshchiny Mangupa. Novye materialy istoricheskikh i arkhitekturno-arheologicheskikh issledovaniy [The Main Stages of the History of the Christian Community of Mangup. New Materials of Historical, Architectural and Archaeological Research]. Zinko V.N., Zinko E.A., eds. *XXII Bosporskie chteniya “Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Novye otkrytiya, novye proekty”*: materialy Mezhdunar. nauch. konf. [The 22nd Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the World of the Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New Discoveries, New Projects. Proceedings of International Scholarly Conference]. Simferopol, Kerch, NITs IAK KFU; IAK RAN; TsAI BF «Demetra» Publ., 2021, pp. 278-290.

20. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Unikalnaya vizantiyskaya kostyanaya ikonka iz raskopok Mangupskogo gorodishcha [A Unique Byzantine Bone Icon Excavated at the Ancient Town of Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, iss. 24, pp. 217-249.

21. Naumenko V.E., Iozhica D.V., Nabokov A.I. Tserkov Svyatogo Georgiya [Church of St. George]. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam*

kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropoley Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.): kollektivnaya monografiya [The Population of Doros-Feodoro According to the Results of a Comprehensive Archaeological and Anthropological Analysis of the Necropolises of the Mangup Settlement (4th–17th Centuries). Collective Monograph]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 56–108.

22. Sobolev V.Yu. Ikonki-priveski s konnym izobrazheniem Svyatogo Georgiya [Icon Pendants with the Image of Saint George on Horseback]. Musin A.E., Shcheglova O.A., eds. *V kamne i v bronze: sb. st. v chest Anny Peskovoy* [In Stone and Bronze. Essays Presented in Honor of Anna Peskova]. Saint Petersburg, IIMK RAN; Nevskaya Knizhnaya tipografiya, 2017, pp. 537–547.

23. Sobolev V.Yu. Rannesrednevekovye drevnerusskie ikonki-priveski. Obraztsy i podrazhaniya [Early Medieval Old Rus' Pendant Icons. Models and Imitations]. Zakharova A.V., Maltseva S.V., Stanyukovich-Denisova E.Yu., eds. *Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. st.* [Actual Problems of Theory and History of Art. Collection of Scientific Articles]. Moscow, Saint Petersburg, NP-Print Publ., 2019, iss. 9, pp. 429–438.

24. Sobolev V.Yu. Svyatoy Georgiy. Ikonografiya odnogo tipa ikonok i snaryazhenie vsadnika i konya XII–XIII vv. [St. George. Iconography of One Type of Icons and Equipment of the Rider and Horse of the 12th–13th Centuries]. Aranovich A.V., Alekseev D.Yu., eds. *Istoriya voennogo kostyuma: ot drevnego mira do nashikh dney. Materialy II Mezhdunar. voenno-ist. konf.* [The History of the Military Suit: From the Ancient World to the Present Day. Proceedings of the 2nd International Military and History Conference]. Saint Petersburg, SPbGUPTD, 2017, pp. 29–50.

25. Spigis R. Nakhodki ikonok s izobrazheniem sv. Georgiya na territorii Latvii [Finds of Icons with an Image of St. George in Present-Day Latvia]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy oblasti* [Archeology and History of Pskov and Pskov Region], 2019, no. 34 (64), pp. 314–334.

26. Stanyukovich A.K. Neizvestnye pamyatniki russkoy metalloplastiki. Miniaturnye ikonki-priveski XI–XVI vv. [Unknown Monuments of Russian Metal-Plastic. Miniature Icons-Pendants of the 11th–16th Centuries]. Moscow, Gruppya «Iskatell», 2011. 224 p.

27. Stepanenko V.P. K ikonografii svyatykh voinov-vsadnikov v vizantiyskoy sfragistike: Sv. Georgiy [For the Iconography of Holy Riders – Warrior Saints in Byzantine Sigillography: St. George]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2019, vol. 47, pp. 72–82.

28. Stepanenko V.P. K ikonografii freski khrama «Treh vsadnikov» pod Eski-Kermenom [On Iconography of Fresco in the Church of “Three Riders” Near Eski-

Kermen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, iss. 10, pp. 452–457.

29. Stepanenko V.P. Obraz svyatogo Georgiya-vsadnika v vizantiyskoy i drevnerusskoy sfragistike domongolskogo perioda [The Image of St. George the Horseman in Byzantine and Old Russian Sphragistics of the Pre-Mongol Period]. *Problemy istorii Rossii: sbornik nauchnykh trudov Vyp. 3: Novgorodskaya Rus: istoricheskoe prostranstvo i kulturnoe nasledie* [Problems of the History of Russia: Collection of Scientific Papers. Iss. 3. Novgorod Rus: Historical Space and Cultural Heritage]. Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ., 2000, pp. 106–117.

30. Totev K. Srednevekovye vizantiyskie svintsovye ikony iz Severo-Vostochnoy Bolgarii (k ikonografii Svyatogo Georgiya-dragonobortsia) [Medieval Byzantine's Icons of Lead from North-Eastern Bulgaria (The Iconography of Saint George Struggle with Dragon)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, iss. 7, pp. 362–369.

31. Turova N.P. Srednevekovyy peshchernyy kompleks khrebt lografnad g. Yaltoy [Medieval Cave Complex of Iograf Ridge over Yalta]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2014, iss. 6, pp. 93–173.

32. Khairidinova E.A. Medalony s izobrazheniem svyatogo vsadnika iz mogilnika u s. Luchistoe [Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis Near the Village of Luchistoye]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, iss. 19, pp. 147–210.

33. Chukova T.A. Ikonografiya Khrista, Bozhiey Materi i svyatykh na drevnerusskikh metallicheskikh aktovykh pechatyakh X–XV vv. [Iconography of Christ, Our Lady and Saints on Ancient Russian Metallic Seals of 10th–15th Centuries]. *Khristianskaya ikonografiya Vostoka i Zapada v pamyatnikakh materialnoy kultury Drevney Rusi i Vizantii: Pamyati T. Chukovoy* [Christian Iconography of East and West on the Archaeological objects of Old Russia and Byzantium. In Memoriam T. Chukova]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006, pp. 28–77.

34. Churakova A.Yu. Podveska-ikonka «Chudo sv. Georgiya o Zmie» s gorodishcha bliz Shepetovki [Icon Pendant with a Representation of Saint Georges Slaying the Dragon from the Fortified Site Near the Town of Shepetivka]. Musin A.E., Shcheglova O.A., eds. *V kamne i v bronze: sb. st. v chest Anny Peskovoy* [In Stone and Bronze. Essays Presented in Honor of Anna Peskova]. Saint Petersburg, IIMK RAN; Nevskaya Knizhnaya tipografiya, 2017, pp. 611–614.

35. Churakova (Kononovich) A. Yu. Priveski-obrazki s izobrazheniem svyatogo vsadnika na territorii Drevnerusskogo gosudarstva [Pendants – Small Icons with the Image of the Holy Horseman on the Territory of Ancient Russian State]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy oblasti* [Archaeology and History of Pskov and Pskov Region], 2016, no. 31 (61), pp. 367-374.

36. Shandrovsкая V.S. Obraz svyatogo Georgiya na vizantiyskikh pechatyakh [Image of St. George on Byzantine Seals]. Stepanova E.V., ed. *Vizantiyskaya sfragistika v trudakh V.S. Shandrovskoy* [Byzantine Sphragistics in the Works of E.V. Šandrovsкая]. Saint Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2019, pp. 474-480.

37. Foskolou V. Glass Medallions with Religious Themes in the Byzantine Collection at the Benaki Museum: A Contribution to the Study of Pilgrim Tokens in Late Middle Ages. *Museio Mpenakē* [Benaki Museum], 2005, no. 4 (2004), pp. 51-73.

38. Grotowski P.L. *Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261)*. Leiden, Boston, Brill, 2010. 483 p.

39. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. London, New York, Routledge, 2016. 317 p.

40. White M. *Military Saints in Byzantium and Rus', 900–1200*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 255 p.

41. Żółkowska, J. Przyczynek do badań nad wczesnośredniowiecznymi zawieszkami z wizerunkami przypisywanymi św. Jerzemu. Znajdźiska z obszaru Polski [Contribution to the Research on Early Medieval Pendants with Images Attributed to St. George. Findings from Poland]. *Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* [Materials and Reports of the Rzeszów Archaeological Center], 2016, vol. 37, pp. 247-278.

Information About the Author

Valery E. Naumenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Ancient and Middle Ages History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

Информация об авторе

Валерий Евгеньевич Науменко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.7>

UDC 902(653):736.3

LBC 63.444-419

Submitted: 07.06.2021

Accepted: 22.06.2021

**NEW LEAD SEAL OF ADRIAN KOMNENOS,
PROTOSEBASTOS AND MEGAS DOMESTIKOS OF THE ENTIRE WEST,
DISCOVERED IN THE AREA OF RUSOKASTRO IN SOUTHEASTERN BULGARIA**

Nikolay Kanev

St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo, Veliko Tarnovo, Bulgaria

Abstract. *Introduction.* The present article is a primary publication of a newly discovered sphragistic artefact from the area of the medieval fortress of Rusokastro, which was acquired by the Regional Historical Museum in Burgas in 2019. *Methods.* In their entirety, the Byzantine lead seals are an important primary and reliable source of information on various aspects of Byzantine history. Byzantine seals are especially important from the perspective of prosopography. First of all, they are invaluable evidence of individuals who, in one way or another, participated in the social and political life of the Byzantine Empire. Therefore, the discovery of each new sphragistic monument is of great importance and the available information must be carefully analyzed. *Analysis.* This interesting artefact is a lead seal of the brother of the Byzantine emperor Alexius I Komnenos (1081–1118), Adrian Komnenos as a *protosebastos and megas domestikos of the entire West*. The **obverse** depicts Saint George, nimbate, standing, facing forward, holding a spear in his right hand, and resting his left hand on a shield. Inscription in 7 lines within dotted border on the **reverse**: + Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) τῷ σῷ δοῦλῳ Ἀδριανῷ (πρωτο)σεβαστῷ (καὶ) μ(ε)γ(άλῳ) δομ[ε]στικῷ πάσης Δύσεως τῷ Κομνην(ῳ). The seal dates from the end of the 11th century. *Results.* This new Byzantine lead seal, described in this article, increases the number of medieval sphragistic finds in the Rusokastro area, which belong to an undeniably wide chronological range – from the second half of the 8th century to the beginning of the 12th century. Thus, the number of lead seals from the area of Rusokastro grow to six, five of which are Byzantine and one is a Bulgarian imperial seal.

Key words: Sigillography, Byzantium, Bulgaria, Rusokastro, Byzantine lead seals, Adrian Komnenos, protosebastos, megas domestikos of the entire West.

Citation. Kanev N. New Lead Seal of Adrian Komnenos, Protosebastos and Megas Domestikos of the Entire West, Discovered in the Area of Rusokastro in Southeastern Bulgaria. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 96–101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.7>

УДК 902(653):736.3

ББК 63.444-419

Дата поступления статьи: 07.06.2021

Дата принятия статьи: 22.06.2021

**НОВАЯ СВИНЦОВАЯ ПЕЧАТЬ АДРИАНА КОМНИНА,
ПРОТОСЕВАСТА И ВЕЛИКОГО ДОМЕСТИКА СХОЛ ЗАПАДА,
ОБНАРУЖЕННАЯ В РАЙОНЕ КРЕПОСТИ РУСОКАСТРО
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ**

Николай Кънев

Великотърновски университет им. Св. Кирилла и Мефодия, г. Велико-Търново, България

Аннотация. Цель данной статьи – ввести в научный оборот в русскоязычном научном пространстве сведения об одной относительно недавно обнаруженной византийской свинцовой печати Адриана Комнина, одного из братьев императора Алексия I Комнина, которая была найдена в районе средневековой крепости Русокастро в современной Юго-Восточной Болгарии. На лицевой стороне печати изображен св. Георгий анфас, в полный рост, с нимбом и одетый в военные доспехи и плащ, перекинутый через правое плечо. В правой руке святой держит длинное копье, ухватившись за его верхнюю часть – чуть ниже острия – а левой рукой опирается на щит, стоящий на земле возле его левой ноги. Изображение вписано в частично сохранившийся двойной точечный ободок. На оборотной стороне надпись из семи строк: «+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) τῷ σῷ δούλῳ Ἀδριανῷ (πρωτο) σεβαστῷ (καὶ) μ(ε)γ(άλῳ) δομ[ε]στίκῳ πάσης Δύσεως τῷ Κομνην(ῶ)». Печать датируется концом XI века.

Ключевые слова: сфрагистика, Византия, Болгария, Русокастро, византийский моливдовул, Адриан Комнин, протосеаст, великий domestik всего Запада.

Цитирование. Кънев Н. Новая свинцовая печать Адриана Комнина, протосеаста и великого доместика схол Запада, обнаруженная в районе крепости Русокастро в Юго-Восточной Болгарии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 96–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.7>

Введение. Сфрагистические памятники являются первостепенным источником информации по различным аспектам истории Византийской империи. Цель данной статьи – ввести в научный оборот в русскоязычном научном пространстве информацию об относительно недавно обнаруженной византийской свинцовой печати Адриана Комнина – одного из братьев императора Алексея I Комнина, происходящей из района средневековой крепости Русокастро в современной Юго-Восточной Болгарии.

Методы. Как уже упоминалось выше, сфрагистические памятники являются основным источником информации по различным аспектам византийской истории. Византийские печати особенно важны с точки зрения просопографии. В первую очередь они содержат бесценные свидетельства о служебной карьере и деятельности представителей византийской элиты и особенно известных исторических персонажей, так или иначе участвовавших в общественно-политической жизни Византийской империи. В этом смысле появление каждого нового сфрагистического памятника имеет исключительное значение, а его информация должна быть внимательно проанализирована.

Анализ. В 2019 г. в фонды Регионального исторического музея (РИМ) города Бургас поступила византийская свинцовая печать, найденная в районе средневековой крепости Русокастро. Диаметр печати – 30–31 мм, сохранность очень хорошая. Ее обнаружили в окрестностях деревни Суходол, в 9 км юго-западнее Русокастро, на территории все еще не исследованного средневекового селища (см. рисунок).

Аверс. Вписанное в частично сохранившийся двойной точечный ободок изображение св. Георгия анфас, в полный рост, с нимбом, одетого в военные доспехи и плащ, перекинутый через правое плечо. В правой руке святой держит длинное копье, ухватившись за его верхнюю часть – чуть ниже острия, а левой рукой опирается на щит, стоящий на земле возле его левой ноги.

Справа от изображения, параллельно копью, начиная с уровня кисти правой руки святого – греческая надпись, расположенная в столбик: ☉|Α|Γ|Ι|Ο|C, а слева – Γ|Ε|ΩΡ|Γ|Ι|ΟC – Ὁ ἄγιος Γεώργιος – св. Георгий. Написание имени святого достаточно четкое, все буквы можно разобрать, хотя некоторые из них частично потерты.

Реверс. Семистрочная надпись относительно хорошо сохранилась, несмотря на то, что небольшая царапина от удара в известной мере повредила каждую первую букву на второй, третьей, четвертой и пятой строчках легенды, что делает их трудноразличимыми и менее четкими:

+ΚΕΡΘ	Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
ΤΩCΩΔΗΛΩ	τῷ σῷ δούλῳ
ΑΔΡΙΑΝΩΑCΕ	Ἀδριανῷ (πρωτο)σε
ΒΑCΤΩCΜΓΔΟΜ.	σεβαστῷ (καὶ) μ(ε)γ(άλῳ) δομ[ε]
CΤΙΚΩΠΑCΗC	στίκῳ πάσης
ΔVÇΕΩCΤΩ	Δύσεως τῷ
ΚΟΜΝΗΝ	Κομνην(ῶ)

+ Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἀδριανῷ πρωτοσεβαστῷ καὶ μεγάλῳ δομεστίκῳ πάσης Δύσεως τῷ Κομνηνῶ – Господи, защити своего раба Адриана Комнина, протосеаста и великого доместика всего Запада.

Печать Адриана Комнина, протосебаста и великого доместика всего Запада,
из района крепости Русокастро (Болгария)

Seal of Adrian Komnenos, protosebastos and megas domestikos of the entire West,
from the area of the fortress of Rusokastro (Bulgaria)

Печать принадлежит Адриану Комнину – младшему брату византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118). Типологически этот экземпляр относится к достаточно хорошо засвидетельствованной группе моливдовулов Адриана Комнина, известной еще со времен Г. Шлюмберже, который издал печати Адриана в должности протосебаста и великого доместика всего Запада [7, р. 639, нг. 1, 2]. Однако представляемая нами печать, как кажется, оттиснута буллотирием, который отличается от всех других известных до сих пор экземпляров этой группы. С нашей точки зрения, можно констатировать, что по виду печать больше всего похожа на экземпляры, изготовленные другим буллотирием, первый из которых издан еще Констандопулосом в 1917 г. [11, с. 338; 10, no. 2709 bis; 5, no. 939; 6, no. 1.13(a); 9, S. 213–214, № 126]¹.

Датировка – конец XI века. Максимальный хронологический диапазон датировки нашего моливдовула – период между 1087 г. (назначение Адриана Комнина на пост великого доместика Запада) и 1105 г. (год смерти Адриана), хотя вполне вероятно, что печать может относиться ко времени до середины 1090-х гг., когда, в сущности, засвидетельствована более или менее определенная активность Адриана Комнина в должности великого доместика Запада.

Как известно, Адриан Комнин (родился в 1060/62 г. – умер в апреле 1105 г.) являлся седьмым ребенком из восьми детей (и соответственно – четвертым из пяти сыновей) брата императора Исаака I Комнина (1057–1059) – доместика схол Иоанна Комнина и его супруги Анны Далассины. Адриан был женат на Зое – третьей дочери императора Константина X Дуки (1059–1067) и Евдокии Макремволитиссы. После того как в 1081 г. императором Византии становится его брат Алексей I Комнин, Адриан получает от него новосозданный высокий почетный титул протосебаста, который в то время являлся одним из пяти наиболее высоких и почетных титульных отличий в империи. Весной 1087 г. он назначен на пост великого доместика схол Запада, то есть главнокомандующего ромейскими войсками на Балканском полуострове [8, р. 5–6]. Этот пост он наследует после смерти небезызвестного военачальника и соратника Алексея I Комнина Григория Бакуриани – основателя Бачковского монастыря. Несмотря на юный возраст, у Адриана в это время уже был накоплен серьезный опыт высшего военного командира, так как еще в 1082–1083 гг. он занимал пост командующего византийскими войсками, отправленными против южноитальянских норманнов Роберта

Гвискара и Боэмунда Тарентского, которые тогда оккупировали большую часть ромейских владений в западной части Балканского полуострова, а точнее – значительные районы Эпира, Албании и Македонии. В 1087 г., являясь великим доместиком Запада, Адриан командует центром византийской армии в злополучной битве императора Алексея I Комнина против печенегов при Дристре. В 1091 г. он снова участвует в кампании против печенегов и руководит строительством моста через реку Марица для перехода византийских войск. Однако дальше в источниках ничего не упоминается об его участии в битве при Левунионе, произошедшей 29 апреля 1091 г.: или потому, что его не было среди участников, или чтобы таким образом подчеркнуть личную заслугу его брата, императора Алексея I, в категорической и внушительной победе, имевшей решающее значение для будущего как Византии, так и самой династии Комнинов².

Как отмечает профессор Иван Йорданов в одной из своих публикаций, в которой он вводит в научный оборот еще одну, открытую в Преславе, свинцовую печать Адриана Комнина в качестве частного лица, на нынешней территории Болгарии засвидетельствованы три группы печатей этого младшего брата византийского императора Алексея I Комнина [1, с. 22]. На первой из них, которая датируется периодом 1081–1105 гг., он указывает свой титул протосеаста, но не обозначает занимаемую должность, что подсказывает или вероятность датировки этой группы печатей хронологическим интервалом между получением им высокого почетного титула и выдвижением на пост доместика схол Запада (между 1081 и 1087 гг.), или ее отнесение к концу XI – началу XII в., когда отсутствуют точные сведения о том, продолжал ли Адриан занимать высокий пост главнокомандующего византийскими войсками на Балканах. Эта группа засвидетельствована экземпляром, найденным в крепости, находящейся в окрестностях деревни Злати-Войвода в Сливенской области [3, nr. 324; 4, nr. 541].

Вторая группа печатей показывает Адриана Комнина в должности протосеаста и великого доместика всего Запада. До сих пор были известны два подобных экземпляра

с территории нынешней Болгарии – один из района города Казанлыка (Старозагорской области), другой из окрестностей деревни Царева-Поляна (в Хасковской области), причем автор публикации датирует их периодом 1087–1105 гг. [3, nr. 325–326; 4, nr. 1015–1016]. Именно к этой группе относится и рассматриваемая нами новая находка печати Адриана, обнаруженная в средневековом селище возле современной деревни Суходол. Таким образом, теперь в этой группе мы имеем уже три экземпляра булл, найденных на территории нынешней Болгарии, но напомним, что последний оттиснут другой парой матриц.

Третья группа представлена моливдовулом Адриана Комнина в качестве частного лица. Эта печать обнаружена в Преславе и, по мнению автора публикации, ее появление там могло быть связано с военными действиями против печенегов и битвой у стен Дристра летом 1087 г. [1, с. 21–22].

Результаты. Представленный в этой статье новый византийский моливдовул не только увеличивает количество сфрагистических находок в районе Русокастро, которые относятся к достаточно широкому хронологическому диапазону – со второй половины VIII в. до рубежа XI/XII в.³, но и добавляет важные штрихи к нашему представлению о роли и значении крепости Русокастро и прилегающего к ней района в истории Болгарского средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди различий между этими двумя буллотириями можно, например, указать на то, что на матрице для реверса буллотирия, которым оттиснута рассматриваемая нами печать Адриана, в конце родового имени Комнин отсутствует *омега*, которая присутствует на матрице второго буллотирия.

² В случае если бы он там был, а это следовало бы ожидать, так как он все-таки занимал пост великого доместика Запада. О личности Адриана Комнина и его деятельности см.: [8, р. 5–8].

³ После введения в оборот новой печати Адриана количество свинцовых печатей из района Русокастро достигло шести: пять из них – византийские и одна болгарская – печать царя Петра I и Марии Лакапины. Подробнее о сфрагистических находках из района крепости Русокастро см.: [2; 4, nr. 385].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Йорданов, И. Печати деятелей из «Алексиады», найденные в Велики-Преславе / И. Йорданов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 19–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.2>.
2. Кънев, Н. Непубликувани ранносредновековни оловни печати от крепостта Русокастро и прилежащият ѝ район / Н. Кънев, М. Николов // Плиска – Преслав. Издание на Националния археологически институт с музей при Българска академия на науките. Т. 13. В памет на професор Тотю Тотев (1930–2015) / под ред. на П. Георгиев и Я. Димитров. – София : [б. и.], 2018. – С. 407–414.
3. Jordanov, I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names / I. Jordanov. – Sofia : Agato Publ., 2006. – 546 p.
4. Jordanov, I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3 / I. Jordanov. – Sofia : Bulgarian Academy of Sciences : National Institute of Archaeology with Museum, 2009. – 1274 p.
5. Laurent, V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. Vol. II : L'administration central / V. Laurent. – Paris : Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. – XX, 740 p.
6. Nesbitt, J. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1 / J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991. – XX, 253 p.
7. Schlumberger, G. Sigillographie de l'Empire byzantin / G. Schlumberger. – Paris : E. Leroux, 1884. – VII, 749 p.
8. Skoulatos, B. Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse / B. Skoulatos. – Louvain-la-Neuve : Bureau du recueil, Collège Erasme, 1980. – XXX, 374 p.
9. Stavrakos, Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen / Chr. Stavrakos. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2000. – 449 S.
10. Zacos, G. Byzantine Lead Seals. Vol. I, pt. 3 / G. Zacos, A. Vegleri. – Basel : J.J. Augustin, 1972. – P. 1440–1965.
11. Κωνσταντόπουλος, Κ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου / Κ. Κωνσταντόπουλος. – Ἀθήναι : [s. n.], 1917. – ιθ', 432 σ.

REFERENCES

1. Yordanov I. Seals of the Personages from the Alexiad Found in Veliki Preslav. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 5, pp. 19-31. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.2>.
2. Kanev N., Nikolov M. Nepublikuvani rannosrednovekovni olovni pechati ot krepostta Rusokastro i prilezhashtiyat i rayon [Unpublished Early Medieval Lead Seals from the Fortress of Rusokastro and Its Vicinity]. Georgiev P., Dimitrov Ya., eds. *Pliska – Preslav. Izdanie na Natsionalniya arheologicheski institut s muzey pri Balgarska akademiya na naukite. T. 13. V pamet na professor Totyu Totev (1930–2015)* [Pliska – Preslav. Edition of the Bulgarian Academy of Science. Vol. 13. In Memory of Prof. Totyu Totev (1930–2015)]. Sofia, s.n., 2018, pp. 407-414.
3. Jordanov I. *Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names*. Sofia, Agato Publ., 2006. 546 p.
4. Jordanov I. *Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3*. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences, National Institute of Archaeology with Museum, 2009. 1274 p.
5. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. Vol. II: L'administration centrale*. Paris, Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. XX, 740 p.
6. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1*. Washington, D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991. XX, 253 p.
7. Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantin*. Paris, E. Leroux, 1884. VII, 749 p.
8. Skoulatos B. *Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse*. Louvain-la-Neuve, Bureau du recueil, Collège Erasme, 1980. XXX, 374 p.
9. Stavrakos Chr. *Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2000. 449 S.
10. Zacos G., Vegleri V. *Byzantine Lead Seals. Vol. I, Pt. 3*. Basel, J.J. Augustin, 1972, pp. 1440-1965.
11. Kōnstantopoulos K. *Byzantiaka molybdoboulla tou en Athēnais Ethnikou Nomismatikon Mouseiou* [The Byzantine Lead Seals of the National Numismatic Museum in Athens]. Athens, s.n., 1917. XIX, 432 p.

Information About the Author

Nikolay Kanev, PhD, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo, Feodosiya Tarnovskogo St, 2, 5003 Veliko Tarnovo, Bulgaria, kan-nikolay@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0570-8078>

Информация об авторе

Николай Кънев, PhD, доцент, декан исторического факультета, Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия, ул. им. Феодосия Тырновского, 2, 5003 г. Велико-Тырново, Болгария, kan-nikolay@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0570-8078>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.8>

UDC 902(653):736.3

LBC 63.444-428

Submitted: 08.06.2021

Accepted: 25.06.2021

THE XYLINITAI ON THE SERVICE TO BYZANTINE EMPERORS: A SEAL OF NIKETAS XYLINITES, PROTOSPATHARIOS AND EPI TOU KOITONOS

Nikolay A. Alekseienco

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Among the most ancient and noble Byzantine families there were the Xylinitai, who belonged to the first rank of “pure” civil nobility. Nevertheless, only restricted information of this family members survived. Therefore, any new account is of importance not only for the Byzantine prosopography but also for the Byzantine history in general. In this connection, interesting is one sigillographic find which uncovers a new page in the life of one of this family members. According to the seal legend, its owner Niketas Xylinites held the second-class rank of *protospatharios* and was engaged in the court service at the emperor’s bedchamber, the *koiton*. There is no doubt that the stylistic features date the *molybdoboullon* in question to the eleventh century. *Analysis and Results.* The sources in possession supply information on a few persons bearing this name and belonging to the family in question, who left their footprint in the annals of history in this or that way. All of them were high-ranked courtiers and persons of importance, whose career stages were reflected in different periods of Byzantine history. The comparison of the seal data with other sources allows us to suppose that the owner of the seal was Niketas Xylinites, a member of the milieu of Empress Theodora, related to her ascension to the Byzantine throne following the death of Constantine IX. The sources only inform of his career that he got from the Empress of one of the highest civil offices (*logothetes tou dromou*) and a high court title of *proedros*. According to the seal under study, it reflects the earliest stage in Niketas’ career at the court, when he was selected to serve at the emperor’s bedchamber and got the rank of *protospatharios*. The Seal of Niketas Xylinites probably dates to the late 1030s – very early 1040s, the period before he got the title of *patrikios*, his works in the Iveron monastery, and Theodora’s ascension to the throne.

Key words: Byzantine history, Byzantine aristocracy, the Xylinitai family, prosopography, sigillography, *molybdoboulla*, seals.

Citation. Alekseienco N.A. The Xylinitai on the Service to Byzantine Emperors: A Seal of Niketas Xylinites, Protospatharios and epi tou koitonos. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 102-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.8>

УДК 902(653):736.3

ББК 63.444-428

Дата поступления статьи: 08.06.2021

Дата принятия статьи: 25.06.2021

КСИЛИНИТЫ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРАТОРОВ ВИЗАНТИИ: ПЕЧАТЬ ПРОТОСПАФАРΙΑ И ΕΠΙ ΤΟΥ ΚΟΙΤΩΝΟΣ ΝΙΚΙΤΗΣ ΚΣΙΛΙΝΙΤΑ

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Нередко данные памятников сфрагистики позволяют существенно дополнить свидетельства письменных и нарративных источников и открыть новые неизвестные страницы из жизни владельцев печатей. Среди наиболее древних и знатных византийских аристократических семейств известен род Ксилинитов, который принадлежал к первой категории «чистой» гражданской знати. Однако о ее представителях сохранилось совсем не много информации. В этой связи любые новые сведения об этой фамилии ценны и важны не только для византийской просопографии, но и истории империи в целом. Поэтому одна из сфрагистических находок вызвала особый интерес, поскольку открывает новую страницу из жизни одного из представителей этого семейства. Согласно легенды владелец рассматриваемой печати Никита Ксилинит носил ранг чиновника второго класса – протоспафария и состоял на дворцовой службе при императорской Платате – китоне. По стилистическим особенностям рассматриваемый моливдовул,

вне всякого сомнения, относится именно к памятникам XI столетия. В источниках сохранились сведения о нескольких одноименных персонажах, выходцах из этого рода, так или иначе оставивших след в анналах истории. Все они были высокопоставленными придворными и влиятельными личностями, этапы карьеры которых нашли отражение каждый в свой период истории Византийского государства. Сопоставляя данные моливдовула со сведениями других источников, мы полагаем, что владельцем печати являлся Никита Ксилинит из окружения императрицы Феодоры, активный участник событий, связанных с ее восхождением на византийский престол после смерти Константина IX. Кроме полученной от императрицы одной из самых высоких гражданских должностей (логофет дрома) и высокого придворного титула проедра, источники ничего не говорят о его карьере. Согласно нашей печати, она отражает наиболее ранний этап дворцовой карьеры Никиты, видимо, когда он был выбран для службы при Палате императора и был удостоен лишь звания протоспафария. Датировать печать Никиты Ксилинита необходимо концом 1030-х – самым началом 1040-х гг., то есть периодом до получения им титула патрикия, его деятельности в монастыре Ивиرون и восшествия Феодоры на престол.

Ключевые слова: история Византии, византийская аристократия, Ксилиниты, просопография, сфрагистика, моливдовулы, печати.

Цитирование. Алексеенко Н. А. Ксилиниты на службе императоров Византии: печать протоспафария и ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος Никиты Ксилинита // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 102–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.8>

Введение. Сегодня уже ни для кого не секрет, что данные памятников сфрагистики нередко позволяют существенно дополнить свидетельства письменных и нарративных источников и открыть новые неизвестные страницы из жизни владельцев печатей.

Исследования в области византийской просопографии с каждым годом ширятся и многие аристократические семьи стали предметом многочисленных исследований (см., например: [32; 8; 22; 25; и др.]). Однако в большинстве своем просопографические штудии отдают предпочтение семьям с богатыми военными традициями; в меньшей же степени это касается семей, члены которых в основном исполняли гражданские функции. Исключение здесь составляют лишь те случаи, когда последние приобретали связи с императорской семьей соответствующего времени, например, семейство Каматиров.

В то же время порой даже для выходцев из родов, входивших в основную группу византийской элиты, представители которых, как правило, имели родственные связи с императорским домом или состояли на дворцовой службе, связанной с личным служением василевсу, и в силу чего нередко так или иначе не были обделены вниманием византийских хронистов, именно памятники сфрагистики дают немало ценной и важной информации.

Методы. К примеру, среди византийских аристократических семейств известен

род Ксилинитов, который принадлежал к первой категории «чистой» гражданской знати и входил в шестерку наиболее древних и знатных фамилий империи. По наблюдениям А.П. Каждана, эта аристократическая фамилия просуществовала как минимум 4 столетия – с начала VIII по середину XI в. [1, с. 124].

Наличие родового имени Ксилинитов на печатях свидетельствует о том, что семьи с военными традициями в Византии были далеко не единственными, кто ценил славу своих предков, хотя представители военной аристократии значительно чаще использовали родовое имя на своих печатях. В силу того, что о представителях рода Ксилинитов сохранилось совсем не много информации, любые новые сведения об этой фамилии, на наш взгляд, безусловно, очень важны и ценны и для истории империи в целом, и для византийской просопографии в частности.

Анализ. Род Ксилинитов – одна из старейших семей средневековой аристократии. Судя по всему, ее представителей можно проследить еще от династии Ираклия, и, как в свое время отметил В. Зайбт [26, р. 123–124], они были одними из самых первых, кто в империи получил или выбрал свое родовое имя. В своем исследовании о фамилии Ксилинитов профессор Ж.-Кл. Шене называет основных представителей этого знатного византийского семейства [4]. Часть из них являются владельцами печатей, хранящихся в собраниях Париж-

ской Национальной библиотеки, Французского института византийских исследований, византийского центра Dumbarton Oaks и других коллекциях. Среди них:

Никита Ксилинит, протоспафарий (первая половина IX в.) [4, р. 192, pl. XIX, 1 (Zacos (BnF) 759)]; *Михаил Ксилинит*, императорский протоспафарий (первая половина IX в.) [4, р. 192, 193, pl. XIX, 2 (Zacos (BnF) 760)]; *Никита Ксилинит*, императорский протоспафарий и ἐπὶ τῆς τραπέζης Θεοστέρτου Αὐτοῦστης (вторая половина IX в.) [16, р. 40, нг. 13; 23, р. 600, нг. 2]; *Никита Ксилинит*, проедр и логофет дрома (середина XI в.) [15, р. 211, 212, нг. 435]; *Никита Ксилинит*, проедр (середина XI в.) [4, р. 195, pl. XIX, 4–5 (Zacos (BnF) 625)]; *Лев Ксилинит*, спафарокандидат и протонотарий Пафлагонии (первая половина XI в.) [4, р. 196–197, pl. XIX, 7 (IFEB 726)]; *Михаил Ксилинит*, протоспафарий (первая половина XI в.) [4, р. 197, pl. XIX, 8 (Fogg 3137)]; *Василий Ксилинит*, проедр (вторая половина XI в.) [4, р. 197, 198, pl. XIX, 10 (DO.58.106.5636)]; *Никифор Ксилинит*, протопроедр (вторая половина XI в.) [4, р. 198, (ANS 1994.51.23)]; *Георгий Ксилинит*, магистр (конец XI в.) [4, р. 197, pl. XIX, 9 (DO.47.2.278); 7, р. 229, нг. 218]; *Лев Ксилинит* (конец XI в.) [4, р. 198, (ANS 33)]; *Никита Ксилинит*, проедр, стратиг Самоса и логофет дрома (XI в.) [3, р. 133, 134, нг. 44.9]; *Никита «Нео» Ксилинит*, севастофор и стратиг Самоса (XI в.) [3, р. 133, нг. 44.8]; *Феодор Ксилинит*, монах (вторая половина XI в. или начало XII в.) [4, р. 198, pl. XIX, 11 (Zacos (BnF) 624)].

Как показывают приведенные выше печати, многие из представителей фамилии в различные хронологические периоды носят имя Никиты, надо полагать, связанное с одним из самых знаменитых предков или основателем семейства.

На основе свидетельств источников нет оснований сомневаться, что самым именитым и почитаемым в роду следует считать Никиту Ксилинита, который был одной из важных и значительных фигур империи в начале VIII столетия.

Старейший из рода Никита, по прозвищу Ксилинит, по данным источников, был очень богатым и властным царедворцем. Участие в 718/719 гг. в неудачном заговоре высокопоставленных придворных, направленном на свержение с престола императора Льва III

Исавра и возвращение на византийский трон одного из его предшественников – Артемия (Анастасия II) [13, р. 256_{15–18}; 17, р. 62_{18–19}; 29, р. 400_{18–25}], прервало его успешную придворную карьеру. По свидетельству источников, он вместе с другими заговорщиками был схвачен и казнен, а его имущество было конфисковано. Тем не менее византийские авторы единодушно отмечают, что Никита был на видном месте в византийском обществе. Он действительно был одной из самых важных фигур империи того времени (доверенное лицо Анастасия II / Артемия, корреспондент Тервела, высокопоставленный придворный и богач). Надо полагать, что Феофан, используя выражение «его магистр», по-видимому, указывает на то, что Никита был назначен на должность *magister officiorum* при Анастасии. Несмотря на то что более поздняя традиция называет его только патрикием [27, р. 185.14], несомненно, что Никита имел оба этих ранга. Заметим, что в тот период этих достоинств, как правило, удостоивались лишь весьма высокопоставленные представители византийской элиты и родственники императора.

Ему приписывается несколько моливдовулов, несущих звания патрикия и магистра, хотя родовое имя на них и не указано [31, р. 1764, нг. 3157a–b; 6, р. 41, нг. 36, здесь же отмечен и параллельный экземпляр из коллекции Shaw, нг. 690 (не издана)].

В *Patriae* ему приписывается основание семейного монастыря в византийской столице [24, р. 276.195]. Однако исследования Р. Жанэ-на показали, что этот монастырь, известный как монастырь Ксилинитов, был основан его более поздним опальным тезкой, который в конце своей карьеры при Льве VI, вернувшись из ссылки, занял пост эконома Святой Софии [11, р. 379, 380].

Как представляется, несмотря на неудачный финал, но, видимо, благодаря выдающимся личным заслугам имя прославленного предка оставалось почитаемым среди потомков и стало весьма популярным среди представителей фамилии. Как показывают источники, в его честь Никитами называли многих отпрысков рода на протяжении более чем трех столетий.

Следует отметить, что, несмотря на конфискацию личного имущества, его фиаско, видимо, не стало фатальным и роковым для

оставшейся ветви семейства. Судя по всему, оно даже не попало в опалу и сохранило свое привилегированное положение.

В третьей четверти VIII столетия еще один представитель фамилии – Константин Ксилинит на своей печати по-прежнему указывает родовое имя [31, р. 1047, нр. 1839]. Продолжение рода гарантируется также двумя печатями других Ксилинитов, датируемых первой половиной IX в. – протоспафария Никиты (BnF/Zacos 759) и императорского протоспафария Михаила (BnF/Zacos 760). Ж.-Кл. Шене позволяет себе заметить, что Ксилиниты по-прежнему сохраняли свой высокий социальный статус, поскольку протоспафариат в этот период оставался высоким достоинством; им обладали главы важных ведомств империи [4, р. 193].

К сожалению, нарративные источники умалчивают о Ксилинитах до правления Василия I (867–886). Еще один Ксилинит, и опять-таки по имени Никита, был препозитом стола, жены Василия I Августы Евдокии [28, р. 691₁–692₇]. На приписываемой ему А. Морданом печати значится, что она принадлежала βασιλικῇ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ ἐπὶ τῆς τραπέζης Θεοστέπτου Αὐγούστης – императорскому протоспафарию и препозиту стола венценосной Августы [16, р. 40, нр. 13; 23, р. 600, нр. 2]. В 877 г. он был обвинен в преступных отношениях с императрицей, отлучен от двора, изгнан из столицы и сослан в монастырь. Но позже, при Льве VI, он стал экономом Святой Софии

[9, р. 843_{10–14}]. Согласно Р. Женэну он-то и является основателем монастыря Ксилинитов в византийской столице, где, по свидетельству Льва Грамматика, он и был потом похоронен [11, р. 380].

По некоторым данным, мы можем судить, что фамилия и в дальнейшем оставалась достаточно зажиточной, так как согласно рукописи Патмоса известно, что и в X в. у них сохранялся магазин (мастерская *batalarikon*) при семейных банях в столице [20, р. 346]. Более того, Ж.-Кл. Шене подчеркивает, что семейство, несомненно, обладало гораздо большей собственностью в Константинополе: какой-то период времени семейству принадлежал один из столичных дворцов. И даже в XII в. засвидетельствовано имущество (*oikos*) Ксилинитов, располагавшееся на краю метохи монастыря Ксерохорафиу (Χέροchoraphiou), недалеко от ворот Кинегос (Κυνέγος), Влахерн и ворот, включенных в приморскую стену (см.: [4, р. 194]).

В то же время о самих представителях фамилии, их жизни и карьере известно ничтожно мало. В этой связи появление новых данных всякий раз ставит их в разряд важных и ценных источников.

Недавно наш интерес привлек один из патронимических сфрагистических памятников, который, как оказалось, не только имеет отношение к этому семейству, но и владеец печати также был назван в честь одного из самых прославленных предков рода (см. рисунок).

Моливдовул Никиты Ксилинита, протоспафария и ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος (1030–1040-е гг.)
Seal of Niketas Xylinites, protospatharios and ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος (1030s–1040s)

1. Никита Ксилинит, протоспафарий и ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος¹.

D – ок. 25 мм; толщина пластинки – 2,5–3,0 мм; вес – 12,5 г.

Сохранность печати удовлетворительная; с одного края утраты поля заготовки по линии канала; оборотная сторона децентрирована вверх.

Происхождение находки не известно.

Аналогий не известно.

Аверс. Погрудное изображение Богоматери Никопеи, держащей перед грудью медальон с образом младенца Христа: в поле по сторонам титлы: слева – ΠΡ (в лигатуре); справа – ΘV (не сохранились) – Μή(τη)ρ Θ(εο)ῦ. По краю ободок из зерни.

Реверс. В ободке из зерни семистрочная греческая надпись с инвокативным обращением к Богородице (последняя строка украшена двумя лепестками):

[+]ΘΚ Ε[R]	Θ(εοτό)κε [β(οή)θει]
ΝΙΚΗΤΑ	Νικήτα
[Α·C]ΠΑΘΑΡ[S]	[(πρωτο)σ]παθαρί(ω) [(καί)]
[ΕΠ]ΤΗΚΟ[Ι]	[ἐπ]τὶ τοῦ κοι
[ΤΩ]ΝΟCΤΩ	τῶνος τῷ
[Ξ]ΥΛΙΝΙ	[Ξ]υλινί
-ΤΗ-	τη.

– Θεοτόκε βοήθει Νικήτα πρωτοσπαθαρίω καὶ ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος τῷ Ξυλινίτη – Богородица, помоги Никите, протоспафарию и «распорядителю» Палаты (императорских апартаментов) из рода Ксилинитов.

Стилистически и эпиграфически печать имеет все характерные признаки памятника сфрагистики XI столетия. Аналогичное изображение Богородицы Никопеи можно встретить, к примеру, на моливдовулах XI в. – Михаила, протоспафария и императорского нотариуса, Никифора, патрикия и стратига фемы Киберитов, куропалатисы Марии Макремболитисы или протоспафария Никифора Аргира [2, р. 84, 152, 190, 215, нг. 65, 130, 167, 190] и ряде других. Несмотря на то что оборотная сторона печати немного децентрирована вверх и первая строка сохранилась лишь частично (видны лишь нижние части букв), характерные начертания отдельных литер, например, *альфы* и дифтонга *о микрон / и псилона* (Ϡ), также свидетельствуют об использовании шрифта, присущего печатям XI столетия [21, р. 166 (α), 169 (ου)].

Но кто же из известных одноименных представителей фамилии мог являться владельцем этого моливдовула?

Кроме названных выше знаменитого предка – патрикия и магистра VIII в., препозита стола императрицы Евдокии (супруги Василия I) и двух протоспафариюв IX в. в источниках сохранились сведения и об одноименных представителях рода, принадлежавших и к интересующей нас эпохе. Все они были высокопоставленными придворными и влиятельными личностями, некоторые этапы карьеры которых на нашу удачу нашли отражение истории Византийского государства.

Очередного влиятельного Ксилинита с традиционным именем Никита мы встречаем в ближайшем окружении императрицы Феодоры и Михаила VI Стратиотика. Он был одним из тех, кто в январе 1055 г. после смерти императора Константина IX Мономаха возвел на престол порфирогенету Феодору. В награду Никита (статус которого при дворе источник нам не называет) получил пост логофета дрома, а около 1056 г. – был удостоен и звания проедра [12, р. 478–480]. Он все еще занимал этот пост летом 1057 г. во время притязаний на престол Исаака I Комнина [12, р. 490; 10, р. 623₂₁]. На его моливдовулах отмечены как полная титулатура [15, р. 211, 212, нг. 435], так и только один титул проедра [4, р. 195, pl. XIX, 4–5].

Следует отметить, что к рассматриваемому персонажу исследователи относят и буллу без упоминания родового имени, где к упомянутым гражданским чинам одноименный владелец добавил военно-административный пост стратига Самоса [3, р. 133, 134, нг. 44.9]. Впрочем, здесь профессор Ж.-Кл. Шене не усматривает большой неожиданности, поскольку в середине XI столетия определенное количество военно-административных должностей уже не имело военного значения, как, например, катепаны Кипра или Мелитены, должности которых вверялись гражданским лицам [4, р. 195, note 14].

И наконец еще один моливдовул, который издатели также относят к XI в. [3, р. 133, нг. 44.8]. Однако его владелец, также Никита, не только занимает пост стратига Самоса, но и удостоен высокого придворного звания сефастофора [19, р. 263₁₁] и называет себя «новым» Ксилинитом. Издатели моливдовула,

оговаривая термин $\nu\epsilon\omicron\varsigma$ (в значении – другой, второй), видят в его владельце логофета дрома Никиту Ксилинита из окружения императрицы Феодоры. Печати действительно очень близки по стилю и, очевидно, хронологически. Однако профессор Ж.-Кл. Шене, на наш взгляд, выдвигает более убедительную гипотезу относительно возможного владельца буллы и предлагает увидеть в севастофоре Никиту, племянника логофета дрома, и считает, что включение в легенду термина $\nu\epsilon\omicron\varsigma$ и разворот изображения Богоматери влево использованы намеренно, чтобы различать омонимы двух близких родственников [4, p. 196].

Но вернемся к нашей находке и попытаемся определить, кто же из названных выше представителей рода может являться владельцем нашего моливдовула.

Согласно легенды владелец рассматриваемой печати носил ранг чиновника второго класса – протоспафария и состоял на дворцовой службе при императорской Платате ($\kappa\omicron\iota\tau\omicron\nu\varsigma$), служащие которой – китониты ($\kappa\omicron\iota\tau\omicron\nu\iota\tau\alpha\iota$) во главе с паракимоменом обеспечивали безопасность василевса, отвечали за его гардероб и сохранность личных сокровищ, а также несли ночную стражу в императорских покоях [19, p. 301, 305]. Надо полагать, что по аналогии с другими службами и ведомствами термином $\epsilon\pi\iota$ $\tau\omicron\upsilon$ $\kappa\omicron\iota\tau\omicron\nu\varsigma$ все-таки обозначался глава этой группы дворцовых слуг. Известно, что служащие различных дворцовых ведомств, как правило, принадлежали к разряду евнухов. Однако здесь следует напомнить, что, согласно сообщению Никифора Вриенния, во второй половине XI в. уже становится привычной дворцовой практикой обычай набирать слуг для личного прислуживания василевсу из сыновей знатных и состоятельных семейств [18, p. 18₁₇₋₁₉].

Еще раз отметим, что по стилистическим особенностям рассматриваемая печать протоспафария и китонита Никифора Ксилинита, вне всякого сомнения, относится к памятникам именно XI столетия.

Моливдовулы китонитов в византийской сфрагистике известны, но не столь многочисленны. Причем в основном это буллы достаточно высокопоставленных сановников. Впрочем, многие из них имели ранг именно протоспафариев или императорских прото-

спафариев (см.: [15, p. 92, 98, 99, 154, 155, 240, 313, 314, 406–408, 429, 430, 587, 626, nr. 199, 214, 323, 484, 615, 777, 780, 820, 1064, 1126]).

При сопоставлении данных рассматриваемого моливдовула со сведениями других источников напрашивается вывод о его принадлежности Никите Ксилиниту из окружения императрицы Феодоры.

Как отмечалось выше, кроме полученной от императрицы одной из самых значимых гражданских должностей (логофет дрома) и высокого придворного титула проедра источник ничего не говорит о дворцовой карьере Никиты.

Понятно лишь то, что он был одним из приближенных к императору Константину IX Мономаху или его свояченице и соправительнице Феодоре. Но его роль при дворе не известна.

В этой связи хочется напомнить еще один хорошо известный сфрагистический источник. Это моливдовул, известный в двух экземплярах, еще одного Никиты, который, будучи примикирием $\epsilon\pi\iota$ $\tau\omicron\upsilon$ $\kappa\omicron\iota\tau\omicron\nu\varsigma$, занимал должность эпарха византийской столицы [15, p. 560, nr. 1022; 30, S. 35, 36, nr. 9; 5, p. 48, nr. 2.22]. К сожалению, моливдовулы в легенде не содержат указания на родовое имя владельца. В свое время В. Лоран высказал предположение, что владельцем печати может быть патрикий и препозит императорского китона, который 14 февраля 1042 г. закончил копирование 16-го Кодекса монастыря Ивирон. Источник называет Никиту не только патрикием и распорядителем богохранимого китона, но и *антросом* василевса, то есть доверенным лицом императора (... $\text{Νικίτηα τὸν πανευφύμιου καὶ περιβλέπτου πατρικίου καὶ θεοφυλάκτου ἐπὶ τοῦ κίτωνος καὶ ἀνθρώπου τῶν κραταίων καὶ θεοστέπτων καὶ ὀρθοδόξων ἡμῶν βασιλέων Μιχαήλ...}$) [14, p. 2, 3, nr. 4136]. Французский исследователь полагал, что Никита после свержения 20 апреля 1042 г. Михаила V должен был остаться на службе у Константина IX Мономаха и заслужить его доверие для того, чтобы получить власть над столицей в то время, когда безопасность василевса, за которым постоянно следили городские массы, совсем не была гарантирована [15, p. 560]. По нашему мнению, в рассматриваемом персонаже, скорее всего, мы должны действительно ви-

деть Никиту Ксилинита, который продолжил служить Константину IX, правившему вместе с соправителями – супругой Зоей и ее сестрой Феодорой.

Что касается рассматриваемой печати, но она, очевидно, отражает наиболее ранний этап дворцовой карьеры Никиты, когда он только был выбран для службы при Палате императора и имел лишь звание протоспафария. Следовательно, датировать эту печать Никиты Ксилинита необходимо концом 1030-х – самым началом 1040-х гг., соответственно, до получения титула патрикия и его деятельности в монастыре Ивирон.

Выводы. Таким образом, если наши предположения о принадлежности этого моливдовула и некоторых других печатей известному царедворцу из окружения императрицы Феодоры верны, то мы имеем возможность представить этапы его служебной карьеры, по крайней мере, на протяжении целой четверти века (около середины XI столетия) при нескольких византийских правителях.

Надо полагать, что дворцовая карьера Никиты Ксилинита началась еще в конце правления Михаила IV Пафлагонца (1034–1041), когда он, согласно нашему моливдовулу, в ранге протоспафария попал на службу в Палату василевса. Очевидно, Никита достаточно преуспел в своей деятельности, поскольку уже при следующем императоре Михаиле V Калафате (1041–1042) источник в феврале 1042 г. называет его все тем же распорядителем богохранимой Палаты, но уже патрикием, и доверенным человеком (антропосом) василевса. Далее мы продолжаем наблюдать вполне определенный карьерный рост нашего персонажа – надо полагать, он, продолжая иметь отношение к службе в личных покоях императора, получает пост столичного эпарха. Однако здесь не совсем понятно, почему на печати этого этапа его карьеры опущено высокое звание патрикия. Кроме того, следует отметить, что здесь нет и патронима владельца. Не исключено, что этот моливдовул может относиться к более раннему времени или же ее отнесение к данному Никите Ксилиниту и вовсе ошибочно...

О службе Ксилинита при Константине IX Мономахе (1042–1055), к сожалению, ничего не известно. Профессор Ж.-Кл. Шене называет

его одним из слуг императрицы Феодоры и отмечает, что «соправительница василевса и ее верный Ксилинит были отстранены во время правления Мономаха» [4, р. 194]. Участие Никиты после смерти Константина IX в борьбе против претендовавшего на византийский престол Феодора Протевоны и провозглашении Феодоры императрицей-самодержицей (1055–1056) принесли ему одну из самых значимых гражданских должностей логофета дрома (главы ведомства внешних сношений и государственной почты), а затем и высокий придворный титул проедра. Надо полагать, он поддержал выбор Михаила Вринги, бывшего в ту пору логофетом стратиотиков, на смену умирающей Феодоре, хотя в источниках и нет информации об этом. Михаил VI Стратиотик (1056–1057), взошед на византийский трон, сохранил за Никитой пост логофета дрома. Однако его роль в событиях, связанных с приходом к власти Исаака I Комнина, до конца не ясна. Судя по письму Катакалона Кекомноса, Никита не оправдал надежд группы офицеров, которые собирались восстать, поддержав Исаака Комнина против Михаила VI [12, р. 490], в то же время он не был и среди участников посольства к Исааку после поражения императорской армии [12, р. 497]. Очевидно, эта «нерешительность» логофета дрома внесла серьезные коррективы в его карьеру, если не положила ей конец.

Пост стратига Самоса, указанный на приписываемой Никите печати из собрания Dumbarton Oaks, к сожалению, также не сопровождается патронимом владельца, однако ее принадлежность нашему персонажу у исследователей не вызывает сомнения. Очевидно, он мог получить ее уже из рук Михаила VI. По мнению профессора Ж.-Кл. Шене, эта новая должность Никиты не использовалась на самом деле, но, судя по всему, должна была иметь свою финансовую привлекательность [4, р. 196]. Сохранил ли Никита Ксилинит какую-либо часть своих привилегий при Исааке I Комнине, неизвестно. Возможно, новые находки сфрагистических памятников позволят когда-нибудь ответить и на этот вопрос.

Так или иначе, введение в оборот печати Никиты Ксилинита в ранге протоспафария и «распорядителя» Палаты императора дополняет просопографические данные об одном

из древнейших византийских семейств и показывает, что, судя по всему, дворцовая карьера этого известного византийского царедворца началась еще в конце 1030-х годов.

В отношении самого семейства в целом следует отметить, что, хотя представители рода достаточно редко появляются в нарративных источниках, Ксилиниты, очевидно, продолжали находиться во властных кругах империи, по крайней мере, до начала второй половины XI века. Можно констатировать, что в истории фамилии ее представители несколько раз участвовали в политических баталиях своего времени и иногда выбирали проигравшую сторону. Но тем не менее этот выбор не приводил к длительному позору рода. Однако вторая половина XI столетия, как кажется, знаменует собой поворотный момент в истории рода. Как показывают памятники сфрагистики, представители семейства все еще получают некоторые придворные звания и достоинства, но, заметим, отнюдь не заметные и важные должности. Ксилиниты, ясно демонстрирующие свою поддержку Михаилу VI, очевидно, должны рассматриваться как политические противники Комнинов и Дук, которые возглавили оппозицию правящему императору. Отсутствие каких-либо сведений о социальном статусе выходцев фамилии на завершающем ее этапе, очевидно, свидетельствует о том, что с приходом к власти Исаака Комнина последние не знали, как восстановить свою репутацию в течение очень тревожной последней четверти XI в., и так и не могли интегрироваться во фракцию Комнинов, захвативших власть в 1081 году.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В настоящее время печать находится в одной из московских частных коллекций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. / А. П. Каждан. – М. : Наука, 1974. – 293 с.
2. Campagnolo-Pothitou, M. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève / M. Campagnolo-Pothitou, J.-Cl. Cheynet. – Genève : Musée d'art et d'histoire, 2016. – 521 p.
3. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2 : South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor / ed. J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington D. C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994. – 234 p.
4. Cheynet, J.-Cl. Les Xylinitai / J.-Cl. Cheynet // Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. – 2009. – Т. 5 (Studia in honorem professoris Ivan Jordanov). – С. 191–200.
5. Cheynet, J.-Cl. Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatiş / J.-Cl. Cheynet. – İzmir : [s. n.], 2019. – 462 p.
6. Cheynet, J.-Cl. Les seaux byzantins de la collection Henri Serig / J.-Cl. Cheynet, C. Morisson, W. Seibt. – Paris : Bibliothèque Nationale, 1991. – 300 p.
7. Cheynet, J.-Cl. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques / J.-Cl. Cheynet, D. Theodoridis. – Paris : Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance (ACHCByz), 2010. – 276 p.
8. Cheynet, J.-Cl. Études prosopographiques / J.-Cl. Cheynet, J.-Fr. Vannier. – Paris : Publications de la Sorbonne, 1986. – 206 p. – (Byzantina Sorbonensia ; vol. 5).
9. Georgii Monachi vitae imperatorum regentiorum // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1838. – P. 761–924.
10. Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae ope. Vol.2 / ed. I. Bekkerus. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1839. – 1008 p. – (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae ; vol. 9).
11. Janin, R. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantine. Pt. I. Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. T. III. Les églises et monasteries / R. Janin. – Paris : Centre National de la Recherches Scientifique, 1969. – 607 p.
12. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / ed. H.-G. Beck [et al.]. – Berolini et Novi Eboraci : A. W. de Gruyter et Socios, 1973. – 580 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 5).
13. Ioannis Zonarae Epitomae Historiarum. Libri XIII–XVIII / ed. Th. Büttner-Wobst. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1897. – 934 p.
14. Lampros, S. P. Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos. Vol. II / S. P. Lampros. – Cambridge : University Press, 1900. – 598 p.
15. Laurent, V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. II : L'administration central / V. Laurent. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. – 744 p.
16. Mordtmann, A. Sur les sceaux et plombs byzantins, conference tenue dans la Société Littéraire grecque / A. Mordtmann. – Constantinople : Impr. du Phare du Bosphore, 1873. – P. 1–63, 1 pl.
17. Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica / ed. C. de Boor. – Lipsiae : In aed. B.G. Teubneri, 1880. – 282 p.

18. Nicephori Bryennii Commentarii / rec. A. Meineke // Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1836. – 244 p.
19. Oikonomidès, N. Les listes préséance byzantines des IXe et Xe siècle / N. Oikonomidès. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. – 404 p.
20. Oikonomidès, N. Quelques boutiques de Constantinople au Xe s. : Prix, Loyers, Imposition (Cod. Patmiaticus 171) / N. Oikonomidès // Dumbarton Oaks Papers. – 1972. – Vol. 26. – P. 345–356.
21. Oikonomidès, N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals / N. Oikonomidès. – Washington D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. – 176 p.
22. Polemis, D. I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography / D. I. Polemis. – London : The Athlone Press, 1968. – 218 p.
23. Schlumberger, G. Sigillographie de l'Empire byzantin / G. Schlumberger. – Paris : Ernest Leroux, éd., 1884. – 748 p.
24. Scriptores originum Constantinopolitanarum. Fasc. II: Ps.-Codini Origines continens / ed. Th. Preger. – Lipsiae : In aed. B. G. Teubneri, 1907. – 376 p.
25. Seibt, W. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie / W. Seibt. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. – 128 S.
26. Seibt, W. Bienamen, "Spitznamen", Herkunftsnamen, Familiennamen bis ins 10. Jahrhundert : Der Beitrag der Sigillographie zu einem prosopographischen Problem / W. Seibt // Studies in Byzantine Sigillography. Vol. 7. – Washington D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – P. 119–136.
27. Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / ed. St. Wahlgren. – Berolini ; Novi Eboraci : W. de Gruyter, 2006. – 414 S. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; Vol. XLIV/1).
28. Symeonis Magistri ac Logothetae Annales a Leone Armenio ad Nicephorum Phocam // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1838. – P. 601–760.
29. Theophanis chronographia. Vol. I / rec. C. de Boor. – Leipzig : B.G. Teubneri, 1883. – VIII, 503 p.
30. Wassiliu, A.-K. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. T. / A.-K. Wassiliu, W. Seibt. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. – 404 S.
31. Zacos, G. Byzantine Lead Seals. Vol. I, Pts. I–III / G. Zacos, A. Vegliery. – Basel : [J.J. Augustin], 1972. – 1965 p.
32. Βαρζός, Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν / Κ. Βαρζός. Θεσσαλονίκη : Κέντρον Βυζαντινῶν Ερευνῶν, 1984. – Τ. Α'. – 756 σ. – (Βυζαντινά κείμενα καὶ μελέται ; Τ. 20α'); Τ. Β'. – 896 σ. – (Βυζαντινά κείμενα καὶ μελέται ; Τ. 20β').

REFERENCES

1. Kazhdan A.P. *Sotsialnyy sostav gosподst-vuyushchego klassa v Vizantii XI–XII vv.* [The Social Structure of the Ruling Class in Byzantium of the 11th–12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 293 p.
2. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève.* Genève, Musée d'art et d'histoire, 2016. 521 p.
3. Nesbitt J., Oikonomides N., eds. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2: South of the Balkans, The Islands, South of Asia Minor.* Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994. 234 p.
4. Cheynet J.-Cl. Les Xylinitai. *Numizmatika, sfragistika i epigrafika* [Numismatics, Sigillography and Epigraphy], 2009, vol. 5 (Studia in honorem professoris Ivan Jordanov), pp. 191–200.
5. Cheynet J.-Cl. *Les sceaux byzantins de la collection Yavuz Tatiş.* İzmir, s.n., 2019. 462 p.
6. Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W. *Les sceaux byzantins de la collection Henri Serig.* Paris, Bibliothèque Nationale, 1991. 300 p.
7. Cheynet J.-Cl., Theodoridis D. *Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques.* Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance (ACHCByz), 2010. 276 p.
8. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr. *Études prosopographiques.* Paris, Publications de la Sorbonne, 1986. 206 p. (Byzantina Sorbonensia; vol. 5).
9. Georgii Monachi vitae imperatorum regentiorum. Bekkerus I., ed. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus.* Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1838, pp. 761–924.
10. Bekker I., ed. *Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae ope. Vol. 2.* Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1839. 1008 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; vol. 9).
11. Janin R. *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantine. Pt. I. Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. T. III. Les églises et monasteries.* Paris, Centre National de la Recherches Scientifique, 1969. 607 p.
12. Beck H.-G. et al., eds. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum.* Berolini et Novi Eboraci, A. W. de Gruyter et Socios, 1973. 580 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 5).
13. Büttner-Wobst Th., ed. *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum. Libri XIII–XVIII.* Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1897. 934 p.
14. Lampros S.P. *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Vol. II.* Cambridge, University Press, 1900. 598 p.

15. Laurent V. *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. II: L'administration central*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. 744 p.
16. Mordtmann A. *Sur les sceaux et plombs byzantins, conference tenue dans la Societe Litteraire grecque*. Constantinople, Impr. du Phare du Bosphore, 1873, pp. 1-63, 1 pl.
17. de Boor C., ed. *Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica*. Lipsiae, In aed. B.G. Teubneri, 1880. 282 p.
18. Meineke A., ed. *Nicephori Bryennii commentarii*. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1836. 244 p.
19. Oikonomidès N. *Les listes préséance byzantines des IXe et Xe siècle*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 404 p.
20. Oikonomidès N. Quelques boutiques de Constantinople au X^es.: Prix, Loyers, Imposition (*Cod. Patmiaticus 171*). *Dumbarton Oaks Papers*, 1972, vol. 26, pp. 345-356.
21. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. 176 p.
22. Polemis D.I. *The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography*. London, The Athlone Press, 1968. 218 p.
23. Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantin*. Paris, Ernest Leroix, éd., 1884. 748 p.
24. Preger Th., ed. *Scriptores originum Constantinopolitanarum. Fasc. 2: Ps.-Codini Origines continens*. Lipsiae, In aed. B. G. Teubneri, 1907. 376 p.
25. Seibt W. *Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 128 S.
26. Seibt W. Bienamen, "Spitznamen", Herkunftsnamen, Familiennamen bis ins 10. Jahrhundert: Der Beitrag der Sigillographie zu einem prosopographischen Problem. *Studies in Byzantine Sigillography. Vol. 7*. Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 119-136.
27. Wahlgren St., ed. *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 2006. 414 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 44/1).
28. Symeonis Magistri ac Logothetae Annales a Leone Armenio ad Nicephorum Phocam. Bekkerus I., ed. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1838, pp. 601-760.
29. de Boor C., ed. *Theophanis chronographia. Vol. I*. Leipzig, B.G. Teubneri, 1883. VIII, 503 p.
30. Wassiliu A.-K., Seibt W. *Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Vol. 2*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. 404 S.
31. Zacos G., Vegler A. *Byzantine Lead Seals. Vol. I, Pts. 1-3*. Basel, J.J. Augustin, 1972. 1965 p.
32. Barzos K. *Ἐ genealogia ton Komnēnōn [The Genealogy of the Komnenoi]*. Thessaloniki : Kentron Byzantinōn Ereunōn Publ., 1984. Vol. 1. 756 p. (Byzantina keimena kai meletai [Byzantine Texts and Studies]; vol. 20/1); Vol. 2. 896 p. (Byzantina keimena kai meletai [Byzantine Texts and Studies]; vol. 20/2).

Information About the Author

Nikolay A. Alekseenko, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

Информация об авторе

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.9>

UDC 902(653):929.651

LBC 63.444-428

Submitted: 03.06.2021

Accepted: 14.09.2021

ECCLESIASTICAL CONNECTIONS OF MEDIEVAL MATARCHA: NEW FINDS OF BYZANTINE LEAD SEALS

Viktor N. Chkhaidze

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Matarcha was the cathedral city of the Diocese of Zichia of the Patriarchate of Constantinople. It was a major religious and missionary center in the Northwestern Pre-Caucasus. The priests of this autocephalous archdiocese took an active part in the church life of the Byzantine Empire. In this context, among the most important sources on the history of the Byzantine Matarcha, a special place is occupied by the monuments of Byzantine sphragistics. *Methods.* The paper examines three Byzantine church seals of the 11th–12th centuries, discovered during the research of the Taman settlement (medieval Matarcha was the center of the diocese of Zichia of the Patriarchate of Constantinople). The owners of the seals were: deacon Michael, monk Ignatius and nun Euphemia. *Analysis.* The article provides information about the previously known 19 seals belonging to the church hierarchs of Zichia and other representatives of the clergy. Similar finds of seals in the Crimean urban centers (Cherson and Sughdea) are indicated. *Results.* The few details that relate to the ecclesiastical history of the diocese of Zichia emphasize the exceptional value of each new find of seals, and the evidence of direct contacts and established correspondence between the Orthodox clergy once again shows that, in addition to the cleric – deacon, the monastic brotherhood also played a significant role in the development of relations between the church and society. To a certain extent, this could also be facilitated by the trips of the city's residents to pilgrimage sites, as evidenced by the brought relics, the finds of which are known.

Key words: history of Byzantium, sphragistics, Byzantine seals, Patriarchate of Constantinople, inter-church relations.

Citation. Chkhaidze V.N. Ecclesiastical Connections of Medieval Matarcha: New Finds of Byzantine Lead Seals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 112–118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.9>

УДК 902(653):929.651

ББК 63.444-428

Дата поступления статьи: 03.06.2021

Дата принятия статьи: 14.09.2021

ЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАТАРХИ: НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ

Виктор Николаевич Чхайдзе

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются три византийские церковные печати XI–XII вв., обнаруженные при исследованиях Таманского городища (средневековая Матарха – центр епархии Зихии Константинопольского патриархата). Владельцами печатей являлись: диакон Михаил, монах Игнатий и монахиня Евфимия. Приводятся сведения об известных ранее 19 печатях, принадлежащих церковным иерархам Зихии и иным представителям клира. Указывается на аналогичные находки печатей в крымских городских центрах (Херсон, Сугдея). Немногочисленность сведений, касающихся церковной истории Зихской епархии, особенно подчеркивает исключительную ценность каждой новой печати, а свидетельства прямых контактов и налаженной корреспонденции между православным духовенством лишний раз показывают, что, помимо клирика – диакона, заметную роль в развитии взаимоотношений между церковью и обществом играла и монашествующая братия.

Ключевые слова: история Византии, сфрагистика, византийские печати, константинопольский патриархат, межцерковные связи.

Цитирование. Чхаидзе В. Н. Церковные связи средневековой Матархи: новые находки византийских печатей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 112–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.9>

Введение. Матарха – кафедральный город епархии Зихии Константинопольского патриархата, являлась крупным религиозным и миссионерским центром в Северо-Западном Предкавказье. Предстоятели этой автокефальной архиепископии принимали активное участие в церковной жизни Византийского государства [11]. В этом контексте в ряду важнейших источников по истории византийской Матархи X–XII вв. особое место занимают памятники византийской сфрагистики. Именно благодаря введению в научный оборот новых моливдовулов становятся известными сведения, недоступные по другим источникам. Помимо административной и частной корреспонденции, сфрагистические находки освещают и переписку представителей клира этой архиепископии, немногочисленные моливдовулы которых показывают связи не только с патриаршим престолом, центральными церковными управлениями, но и с провинциальными епархиями.

Методы. Памятники сфрагистики, как объекты церковной археологии, позволяют раскрыть новые данные по средневековой истории Северо-Восточного Причерноморья. К настоящему времени обнаружено 19 моливдовулов X–XII вв., принадлежащих отцам церкви.

Нам известны печати собственно иерархов Зихии: архиепископа Антония (40–50-е гг. XI в.) – шесть параллельных экземпляров [8, с. 95–98, № 54.1–5; 11], а также не названного по имени *проэдра* (архиепископа) (XI в.) – четыре параллельных экземпляра [8, с. 98–99, № 55.1–2; 17, р. 166–167, no. 1825; 18, р. 194–195, no. 87.1].

Новые данные сфрагистики позволили осветить контакты епархии с функционерами других провинциальных кафедр из разных регионов империи – близлежащего крымского и трех малоазийских: Иоанна, епископа Готии (X–XI вв.) [8, с. 94–95, № 52; 9, с. 169–171, рис. 2], Иоанна (?), митрополита Айноса (Фракия) (XI в.) [8, с. 92–93, № 51], Никифора, митрополита Иераполя (Фригия Пактиана или Манбидж) (2-я четверть – конец XI в.) [8, с. 94, № 53], Иоанна, митрополита

Трапезунда и *синкелла* (середина XI в.) [12, с. 291–292, рис. 1]. Подобную ситуацию в X–XII вв. можно наблюдать в Херсонесе, где встречены печати архиепископов Боспора, Сугдеи, Анхиала (Болгария) и без указания центра [1, с. 132–134; 2, с. 26–27, рис. 2–3; 3, с. 353, рис. 1; 6, с. 94, рис. 3].

О непосредственной связи архиепископии Зихии с Константинополем свидетельствует, к примеру, печать Георгия, монаха, *кувуклисия* и *экзарха* (X в.) [8, с. 99–100, № 56], который мог представлять в Матархе константинопольского патриарха. Крайне редкой в Северном Причерноморье¹ является находка печати столичного монастыря – в данном случае Христа Всевидающего (*Παντελόπτου*) (конец XI – начало XII в.) [8, с. 103–104, № 60].

Наконец, следует указать на моливдовулы представителей духовенства: Константина, *пресвитера*, *императорского клирика* (XI в.) [8, с. 102, № 59], Василия, диакона и *хартулария* (XI в.) [8, с. 100–101, № 57; 13, с. 424–425, рис. 2]. Отметим также найденную в Херсонесе печать *клирика* Льва Тсапарина (XI в.) [14, р. 150, no. 13].

Отдельно отметим печать Афанасия, монаха (2-я половина XI в.) [8, с. 101, № 58; 13, с. 423–424, рис. 1]. Печати XI–XII вв., принадлежащие монахам, известны в Сугдее (Николай и Феодул) [7, с. 88–89, № 13, табл. LXI, 13; 19, р. 128–129, no. 11] и Херсонесе (Каллиник) [4, с. 20, рис. 1].

Анализ. В настоящее время к перечню корреспондентов, осуществлявших традиционные межцерковные контакты, можно добавить троих представителей церкви, чьи печати были обнаружены в 2015 г. в море под Таманским городищем. В настоящее время моливдовулы находятся на хранении в Таманском археологическом музее.

1. Печать Михаила, диакона (XI–XII вв.) (рис. 1).

Печать плохой сохранности, значительно затерта. Диаметр – 15–13 мм, толщина – 1,5 мм, вес – 1,93 г.

Аверс: нечеткая фигура Архангела Михаила погрудно. Титла по обеим сторонам не

сохранились: [M || X = Μιχαήλ].

Реверс: надпись в пять строк: .СФР. | .ΙCΜΙΧΑ | .ΛΕΥΤΕ | .ΟΥCΔ. | ...ΝΟ. = [†] Σφρ[α-] | [γ]ις Μιχα- | [ή]λ εὐτε- | [λ]οῦς δ[ι-] | [ακό] νο[υ].

Прочтение: † Σφραγίς Μιχαήλ εὐτελοῦς διακόνου – «† Печать Михаила, худого диакона».

Надпись на печати додекасиллабическая. Известны три параллельных экземпляра, исполненные одной парой матриц – из Афинского музея [15, S. 168, no. 1898; 21, σ. 71, № 247; 16, p. 18, no. 1044; 20, S. 571, no. 2595a], собрания Fogg Museum of Art (BZS.1951.31.5.812) и Dumbarton Oaks (BZS.1958.106.379).

Еще на двух моливдовулах XI в. – из Американского Нумизматического общества (Нью-Йорк) [16, p. 18, no. 1045; 20, S. 571, no. 2595b] и собрания Dumbarton Oaks (BZS.1955.1.5013) – присутствует аналогичная легенда, однако представленная в четырех строках. На аверсе также изображен погрудно Архангел Михаил.

Следует указать и на печать XI в. из собрания Fogg Museum of Art (BZS.1951.31.5.450): эта же легенда в четыре строки, но на лицевой стороне изображен латинский крест на двух ступенях [20, S. 571, no. 2595c].

2. Печать Игнатия, монаха (XI в.) (рис. 2).

Диаметр – 22–20 мм, толщина – 1,5 мм, вес – 4,18 г. Греческая легенда представлена с обеих сторон – подобный тип широко известен в XI веке.

Аверс: трехстрочная надпись, заключенная в ободок: +СФРА | ΓΙCΙΓΝΑ | ΤΙΟΥ = † Σφρα- | γίς Ἰγνα- | τίου.

Реверс: трехстрочная надпись, заключенная в ободок: ΕΥΤΕ | ΛΥCΜΟΝΟ | ΤΡΟΠΘ = εὐτε- | λοῦς μονο- | τρόπου.

Прочтение: † Σφραγίς Ἰγνατίου εὐτελοῦς μονοτρόπου – «† Печать Игнатия, худого обожителя» (то есть монаха).

Надпись на печати додекасиллабическая, в издании «Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden» отсутствует. Аналогии печати неизвестны.

3. Печать Евфимии, монахини (XI–XII вв.) (рис. 3).

Диаметр – 15–13 мм, толщина – 2,5 мм, вес – 3,84 г.

Аверс: в ободке – Богородица Оранта в

нимбе, погрудно, перед нею – изображение младенца Христа в медальоне. По сторонам от фигуры Богородицы титла: ...ΙΘ = [M(ητήρ)] Θ(εοῦ).

Реверс: оттиск смещен влево. Надпись в пять строк, заключенная в ободок: .ΘΚΕ | .ΟΗΘ...Η | .ΗΔΘΕΥ | .ΗΜΙΑ | .ΟΝΑΧΗ = [†] Θ(εοτό)κε | β]οήθ[ει τ]ῇ | [σ]ῇ δοῦ(λ)ῃ Ἐὐ- | [φ]ημία | [μ]οναχῇ.

Прочтение: † Θεοτόκε βοήθει τῇ σῇ δούλῃ Ἐὐφημία μοναχῇ – «† Богородица, помоги Своей рабе Евфимии, монахине».

Аналогии печати неизвестны.

Два моливдовула XII в., близкие рассматриваемому по композиции (на аверсе – Богородица) и надписи: † Θεοτόκε βοήθει Ἐὐφημία μοναχῇ, хранятся в собраниях Dumbarton Oaks (BZS.1958.106.384) [17, p. 278, no. 2007, pl. 49, 2007] и Fogg Museum of Art (BZS.1951.31.5.3653) [16, p. 296, no. 1466, pl. 180, 1466].

Результаты. Таким образом, представленные свидетельства о прямых контактах и налаженной корреспонденции между православным духовенством показывают, что, помимо клирика – диакона, заметную роль в развитии взаимоотношений между церковью и обществом играла и монашествующая братия. Этому в известной мере также могли способствовать не только контакты клириков и монахов, но и путешествия жителей города по паломническим местам, свидетельством чему являются привозимые реликвии (см.: [10, с. 267–269, рис. 1]).

Немногочисленность сведений, касающихся церковной истории Зихской епархии, особенно подчеркивает исключительную ценность каждой новой печати, поскольку это позволяет ввести в оборот дополнительную информацию в более широком контексте – касающемся в целом всего северо-причерноморского региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О связях таких клирических институтов, как византийские монастыри, с еще одним церковным центром, находящимся на окраине греческой ойкумены, на границе северных владений византийской державы – Херсоном, также свидетельствуют находки в нем моливдовулов монашеских обитателей XI–XII вв. [5, с. 228–234, рис. 2–4].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Печать Михаила, диакона (XI–XII вв.)
Fig. 1. Seal of Michael, deacon (11th–12th centuries)

Рис. 2. Печать Игнатия, монаха (XI в.)
Fig. 2. Seal of Ignatios, monk (11th century)

Рис. 3. Печать Евфимии, монахини (XI–XII вв.)
Fig. 3. Seal of Euphemia, nun (11th–12th centuries)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко, Н. А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона / Н. А. Алексеенко // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Т. II. – Севастополь ; Краков : Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2001. – С. 131–138.
2. Алексеенко, Н. А. Церковная сфрагистика : *Sacrum et Profanum* Константинопольского патриархата / Н. А. Алексеенко // *Sacrum et Profanum*. Вып. IV : Религия в жизни человека и общества. – Севастополь : Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2009. – С. 25–29.
3. Алексеенко, Н. А. Памятники археологии в ряду источников по популяризации и развитию современного туризма : Несколько новых моливдовулов болгарского происхождения / Н. А. Алексеенко // Оттука започва България. Материали от втората национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България». – Шумен : Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2011. – С. 352–359.
4. Алексеенко, Н. А. «Тебя, хранителя моей души и моих писаний, вырезаю на моей печати...» / Н. А. Алексеенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 3 (33). – С. 19–29. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.3.2>.
5. Алексеенко, Н. А. Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки византийских моливдовулов в Херсоне и его округе) / Н. А. Алексеенко // Боспорские исследования. – 2019. – Вып. XXXVIII. – С. 225–241.
6. Алексеенко, Н. А. Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива : Новые находки / Н. А. Алексеенко, Ю. Н. Самойленко // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. – Варна : Книгоиздателство ЗОГРАФ, 2008. – С. 91–99. – (*Acta Musei Variaensis* ; VII–2).
7. Лихачев, Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Н. П. Лихачев. – М. : Наука, 1991. – 359 с. – (Научное наследство ; т. 19).
8. Чхаидзе, В. Н. Византийские печати из Тамани / В. Н. Чхаидзе. – М. : Ин-т археологии РАН, 2015. – 202 с.
9. Чхаидзе, В. Н. Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.) / В. Н. Чхаидзе // Российская археология. – 2016. – № 2. – С. 169–174.
10. Чхаидзе, В. Н. Паломническая ампула-евлогия с Таманского городища / В. Н. Чхаидзе // Мир Православия. Вып. 10. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019. – С. 266–271.

11. Чхаидзе, В. Н. Антоний, архиепископ Зи-хии (30–50-е гг. XI в.) / В. Н. Чхаидзе // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. – М. : ИВИ РАН, 2021. – С. 308–311.
12. Чхаидзе, В. Н. Печати Иоанна, митрополита Трапезунда (середина XI в.) / В. Н. Чхаидзе // XIII Международный византийский семинар *Χερσῶνος θέματα* : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 291–296.
13. Чхаидзе, В. Н. К церковной археологии Таманского полуострова : Новые находки византийских печатей / В. Н. Чхаидзе, Д. В. Каштанов // Пятая Кубанская археологическая конференция : материалы конф. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2009. – С. 423–426.
14. Alexeenko, N. Die neuen Funde an Bleisiegen aus Cherson / N. Alexeenko, A. Romančuk, I. Sokolova // *Studies in Byzantine Sigillography*. – 1995. – Vol. 4. – S. 139–151.
15. Feind, R. Verse auf byzantinischen Bleisiegeln. Teil 2 : P–Ω / R. Feind. – Battenberg : Münzen & Sammlen, 2013. – 664 S.
16. Laurent, V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. V, 2 : L'Église / V. Laurent. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. – 538 p.
17. Laurent, V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. V, 3 : L'Église. Supplément / V. Laurent. – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. – 343 p.
18. Nesbitt, J. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collections, 1991. – 253 p.
19. Stepanova, E. New Finds from Sudak / E. Stepanova // *Studies in Byzantine Sigillography*. – 2003. – Vol. 8. – P. 123–130.
20. Wassiliou-Seibt, A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. T. 2. Einleitung, Siegellegenden von Ny bis inklusive Sphragis / A.-K. Wassiliou-Seibt. – Wien : Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2016. – 767 S.
21. Κωνσταντόπουλος, Κ. Μ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθῆναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου / Κ. Μ. Κωνσταντόπουλος. – Ἀθῆναι : [s. n.], 1917. – 433 σ.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Molivdovuly bosporskikh episkopov iz Khersona [Lead Seals of Bosphorus Bishops from Kherson]. *Problemy religiy stran chernomorsko-*

sredizemnomorskogo regiona [Problems of Religions of the Countries of the Black Sea-Mediterranean Region]. Sevastopol, Krakov, Natsionalnyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 2001, vol. 2, pp. 131-138.

2. Alekseenko N.A. Tserkovnaya sfragistika: Sacrum et Profanum Konstantinopolskogo patriarkhata [Ecclesiastical Sphragistics: Sacred and Profane of the Patriarchate of Constantinople]. *Sacrum et Profanum. Vyp. 4. Religiya v zhizni cheloveka i obshchestva* [Sacrum et Profanum. Iss. 4. Religion in the Life of a Person and Society]. Sevastopol, Natsionalnyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 2009, pp. 25-29.

3. Alekseenko N.A. Pamyatniki arkheologii v ryadu istochnikov po populyarizatsii i razvitiyu sovremennogo turizma: Neskolko novykh molivdovulov bolgarskogo proiskhozhdeniya [Archaeological Monuments in a Number of Sources for the Popularization and Development of Modern Tourism: Several New Molybdoboulla of Bulgarian Origin]. *Ottuka zapochva Balgariya. Materiali ot vtorata natsionalna konferentsiya po istoriya, arheologiya i kulturen turizm «Patuvane kam Balgariya»* [This is Where Bulgaria Begins. Materials of the Second Annual Conference on History, Archaeology and Cultural Tourism “Journey to Bulgaria”]. Shumen, Universitetsko izdatelstvo «Episkop Konstantin Preslavski», 2011, pp. 352-359.

4. Alekseenko N.A. «Tebya, khranitelya moey dushi i moikh pisaniy, vyrezyvayu na moey pechaty...» [“I Carve You, Keeper of My Soul and My Writings, on My Seal...”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, no. 3 (33), pp. 19-29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.3.2>.

5. Alekseenko N.A. Mezhtserkovnye svyazi vizantiyskoy Tavriki: traditsii i novatsii (nakhodka vizantiyskikh molivdovulov v Khersone i ego okruge) [Inter-Church Relations of Byzantine Taurica: Traditions and Innovations (Finds of Byzantine Molybdoboulla in Kherson and Its District)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies]. Simferopol, Kerch, Bosporskie issledovaniya, 2019, iss. 38, pp. 225-241.

6. Alekseenko N.A., Samoylenko Yu.N. Molivdovuly deyatelye tserkvi iz khersonskogo arkhiva: novye nakhodka [Seals of the Church Leaders from the Kherson Archive: New Findings]. *Numizmatichni, sfragistichni i epigrafski prinosi kam istoriyata na Chernomorskoto krayberezhe* [Numismatic, Sphragistic and Epigraphic Contributions to the History of the Black Sea Coast]. Varna, Knigoizdatelstvo ZOGRAF Publ., 2008, pp. 91-99. (Acta Musei Variaensis; 7–2).

7. Likhachev N.P. *Molivdovuly grecheskogo Vostoka* [Molybdoboulla of the Greek East]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 359 p. (Nauchnoe nasledstvo [Scientific Heritage]; vol. 19).

8. Chkhaidze V.N. *Vizantiyskie pechati iz Tamani* [Byzantine Lead Seals from Taman]. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2015. 202 p.

9. Chkhaidze V.N. Pechati Ioanna, arkhiepiskopa Gotii (X–XI vv.) [Seals of John, Archbishop of Gothia (10th–11th CC.)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 2, pp. 169-174.

10. Chkhaidze V.N. Palomnicheskaya ampulavlogiya s Tamanskogo gorodishcha [Pilgrimage Ampoule-Eulogy from the Taman Settlement]. *Mir Pravoslaviya* [World of Orthodoxy]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2019, iss. 10, pp. 266-271.

11. Chkhaidze V.N. Antoni, arkhiepiskop Zikhii (30–50-e gg. XI v.) [Antony, Archbishop of Zichia (The 1030s–1050s)]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye. Vyp. XXXIII. Rol religii v formirovani sotsiokulturnykh praktik i predstavleniy* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Iss. 33. The Role of Religion in the Formation of Socio-Cultural Practices and Ideas]. Moscow, IVI RAN, 2021, pp. 308-311.

12. Chkhaidze V.N. Pechati Ioanna, mitropolita Trapezunda (seredina XI v.) [Seals of John, the Metropolitan of Trebizond (Mid-11th Century)]. *XIII Mezhdunarodnyy vizantiyskiy seminar Chersōnos themata: «Imperiya» i «polis»: materialy nauch. konf.* [Proceedings of the 13th International Scientific Conference Byzantine Seminar Chersonos themata: “Empire” and “Polis”]. Simferopol, IT “ARIAL” Publ., 2021, pp. 291-296.

13. Chkhaidze V.N., Kashtanov D.V. K tserkovnoy arkheologii Tamanskogo poluostrova: novye nakhodka vizantiyskikh pechaty [On the Church Archaeology of the Taman Peninsula: New Finds of Byzantine Lead Seals]. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konf.* [Proceedings of the Fifth Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, Izd-vo KubGU, 2009, pp. 423-426.

14. Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegen aus Cherson. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1995, vol. 4, S. 139-151.

15. Feind R. *Verse auf byzantinischen Bleisiegeln. Teil. 2: R–Ö*. Battenberg, Münzen & Sammeln, 2013. 664 S.

16. Laurent V. *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. 5, 2: L'Église*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. 538 p.

17. Laurent V. *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. 5, 3: L'Église. Supplément*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 343 p.

18. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collections, 1991. 253 p.

19. Stepanova E. New Finds from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2003, vol. 8, pp. 123-130.

20. Wassiliou-Seibt A.-K. *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. T. 2. Einleitung, Siegellegenden von Ny bis inclusive Sphragis*. Wien, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2016. 767 S.

21. Kōnstantopoulos K.M. *Byzantiaka molybdoboulla tou en Athēnais Ethnikou Nomismatikou Mouseiou* [Byzantine Lead Seals from the Numismatic Museum of Athens]. Athens, s. n., 1917. 433 p.

Information About the Author

Viktor N. Chkhaidze, Candidate of Sciences (History), Head of the Centre for Byzantine-Caucasian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

Информация об авторе

Виктор Николаевич Чхаидзе, кандидат исторических наук, заведующий Центром византийско-кавказских исследований, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, chkhaidze@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0806-6218>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.10>

UDC 94“04/14”:929.651

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 05.06.2021

Accepted: 04.10.2021

**SYNODIA. A RARE TYPE OF RELIGIOUS COMMUNITY
IN INSCRIPTIONS FROM THE EARLY BYZANTINE PILGRIMAGE BASILICA
OF THE MACHKHOMERI FORTRESS IN LAZICA¹**

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The process of Christianization of the Lazica, poorly presented in written sources, received an important source in the recently found inscriptions from the Machkhomeri fortress near Khobi. *Analysis.* The inscriptions were discovered during the excavations of a three-nave basilica, built in the 6th c. by a certain Gorgonios in honour of Holy Forty Martyrs of Sebaste. The next benefactor of the church was a certain Theonas, his wife and family. In the northern part of the basilica, there were also found fragments of two inscriptions, which contain the list of benefactors with their *synodiai*. The dedicants of the inscriptions were among others the carpenters/builders of the church and their colleagues, who probably also formed a *synodia*. *Results.* Thus, we see in the 6th-c. Lazica a rare kind of religious community around a mighty person or institution – a *synodia* consisting mainly of lay people. The competition for the right to own objects inside the Machkhomeri Basilica shows that this church was the centre of attraction and pilgrimage in the region, perhaps thanks to the relics of the Martyrs of Sebaste.

Key words: Lazica, Byzantine epigraphy, religious communities, Byzantine architecture, pilgrimages.

Citation. Vinogradov A. Yu. Synodia. A Rare Type of Religious Community in Inscriptions from the Early Byzantine Pilgrimage Basilica of the Machkhomeri Fortress in Lazica. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 119-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.10>

УДК 94“04/14”929.651

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 05.06.2021

Дата принятия статьи: 04.10.2021

**ΣΥΝΟΔΙΑ. РЕДКИЙ ТИП РЕЛИГИОЗНОГО СООБЩЕСТВА
В НАДПИСЯХ ИЗ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ БАЗИЛИКИ
КРЕПОСТИ МАЧХОМЕРИ В ЛАЗИКЕ¹**

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Скучно освещенный в письменных источниках процесс христианизации Лазского царства получил важный источник в лице недавно найденных надписей из крепости Мачхомери близ Хоби. Они были открыты при раскопках трехнефной базилики, построенной в VI в. неким Горгонием во имя св. Сорока мучеников Севастийских. Следующим ктиторм церкви был Феона, его жена и семья. В северной части базилики найдены также фрагменты двух надписей, которые содержат списки ктиторов храма с их синодиями. Дедикантами надписей были среди прочего плотники/строители храма и их коллеги, которые,

вероятно, также образовывали синодию. Таким образом, мы видим в Лазике VI в. редкий вид религиозного сообщества, образованного вокруг могущественного лица или институции, – синодию, состоящую преимущественно из мирян. Конкуренция за право владения объектами внутри Мачхомерской базилики показывает, что эта церковь была центром притяжения и паломничества в регионе, возможно, благодаря реликвиям мучеников Севастийских.

Ключевые слова: Лазика, византийская эпиграфика, религиозные сообщества, византийская архитектура, паломничество.

Цитирование. Виноградов А. Ю. Συνοδία. Редкий тип религиозного сообщества в надписях из ранне-византийской паломнической базилики крепости Мачхомери в Лазике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 119–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.10>

Введение. Из-за скудости письменных источников мы мало что знаем о процессе христианизации Лазского царства, находившегося в сфере влияния Византии (подробно см.: [1]). Согласно «Церковной Истории» Псевдо-Геласия Кизичского (3, 10, 1) Лазика была обращена во времена Константина, одновременно с Иверией – при всей легендарности этого известия очевидно, что к 3-й четверти V в. она воспринималась уже как христианская страна. Действительно, в 465–466 гг. лазский царь Губаз демонстрировал в Константинополе свою приверженность христианству и даже особо почитал св. Даниила Столпника, согласно житию этого святого. Однако точно датированные христианские памятники IV–V вв. на территории собственно Лазики отсутствуют, что говорит против ее полной христианизации к VI в. и, тем более, провозглашения христианства здесь государственной религией. В 523 г. царь Цафий, видимо, после недолгого сближения с зороастрийским Ираном, возвращается к христианству. Время возникновения епископских кафедр Лазики, по большей части располагавшихся в прибрежных греческих колониях, не известно: первым «лазских епископов» упоминает Прокопий Кесарийский («О войнах» 8, 17, 2). До 608 г. кафедры греческих колоний в Лазике, возможно, входили в состав митрополии Полемонова Понта с центром в Неокесарии. Не позднее середины VII в., согласно *Notitiae episcopatum* 1–6, Лазика стала митрополией Константинопольского патриархата с центром в Фасисе (около совр. Поты) и 4 епископами-суффраганами: в Родополе (совр. Варцixe), Петре (совр. Цихисдзири), Зигании (совр. Гудава) и Саисине (совр. Цаиши).

Методы. В такой ситуации особое значение приобретает анализ эпиграфических источников, дающих достоверную и современную

событиям информацию и позволяющих скорректировать данные письменных и археологических памятников. Впрочем, лапидарная эпиграфика собственно Лазики, известная только на греческом языке, до недавнего времени ограничивалась двумя посвятительно-инвокативными надписями из базилики в Сепиети и фрагментом надписи из Вашнари (ныне в музее Озургети [3, S. 121–122, 135, Nr. 77–78, 97]).

Анализ. Тем важнее оказалась неожиданная находка целого комплекса надписей при раскопках базилики в Мачхомери [6, p. 34–35]. Храм находится в Мегрелии (Западная Грузия), в Хобском муниципалитете, около деревни Пирвели Маиси, на природном холме, который и называется Мачхомери («рыбачий»), на высоте 103 м над уровнем моря и в 22 км от побережья Черного моря². На поверхности земли видны разрушенные стены с башней и воротами и остатки других зданий в центральной части. В 2015 г. холм был очищен от густого растительного покрова, а в 2018–2021 гг. Р. Папуашвили, Г. Читая, Д. Наскидашвили и Э. Инталята раскопали центральное здание, построенное из камня и кирпича на известковом растворе и перекрытое черепицей [7]. Оно оказалось ориентировано на восток трехнефной базиликой на столпах, с нартексом, размерами 20 × 12 м. Позднее, но, вероятно, весьма вскоре базилика была богато украшена и частично переделана: южных неф упразднен, построены стилобаты между северными столпами, а также между центральным нефом и его западной ячейкой, восточные торцы боковых нефов превращены в мавзолей (на севере) и мартирий (на юге), к столпам со стороны центрального нефа приложены пилястры для сводчатого перекрытия и, возможно, купола, пол украшен мозаикой в технике *opus sectile*, алтарная часть, вероятно,

приподнята. В Средневековье пространство между столпами было окончательно заложено для устройства зальной церкви. Внутри здания были обнаружены фрагменты плит с процарапанными на них фигурами: крестом, христограммой в круге, шестилепестковой розеткой в круге, птицами (одна на другой и две на арке), животным (лежащий лев?), сценой Умножения хлебов (?) и др. Найдены были также фрагменты литургической утвари: металлический процветший крест (накладка?) и застежка от кодекса.

Внутри базилики было найдено шесть лапидарных надписей и две плитки с граффити, часть из которых, найденная в 2018–2019 гг., опубликована [2]. У порога двери, ведущей из нартекса в центральный неф, был обнаружен полностью сохранившийся блок песчаника, скорее всего, некогда вмурованный в стену рядом с дверью или над ней, со строительной надписью 1 (по общему счету надписей), датируемой по палеографии серединой VI в.: «Господи, помилуй раба Твоего Горгония, построившего этот святой мартирий. И, святые мученики, помогите ему. А после его смерти имейте в залоге его душу, святые мученики. Святые мученики, помогите написавшему это». В восточной части северного нефа, между тремя погребениями, были найдены два фрагмента известнякового столбика, который может быть подставкой креста и на каждой из четырех сторон которого высечена надпись 2: «Господи, помилуй раба Твоего Феону со всем его домом. Господи, помилуй раба Твоего Горгония. Если кто меня разрушит, вы, святые, сами судите». Там же был обнаружен еще один фрагмент тонкой плитки из черного сланца, с рельефной рамкой, где на обратной стороне были процарапаны две фигуры (в том числе крест) и упражнения в написании греческого алфавита (надпись 4). Еще одна подобная плитка с фигурой Даниила во рву львином или св. Феклы с тюленями (?) была найдена рядом в 2020 г. и несет на обороте посвячительно-благодарственное граффито в две строки: «Феона, молясь Богу. ...а наслаждается здоровьем» (надпись 8).

Однако наиболее неожиданными оказались две надписи, чьи фрагменты были разбросаны по всей северной и восточной части храма. Два куска надписи 3 были обнаружены

в северной части нартекса и в западной части северного нефа, а в 2021 г. в апсиде был найден ее правый нижний угол (рис. 1). В 2020 г. в северном нефе базилики были найдены два соединяющиеся вместе обломка левого верхнего угла надписи 5 и еще один ее фрагмент, а в 2021 г. в апсиде – правый верхний угол (рис. 2). Находка новых фрагментов заставляет скорректировать наше первоначальное чтение надписи 3. Обе надписи сохранились фрагментарно и могут быть предварительно реконструированы следующим образом.

3:

[παρὰ... μετὰ τῆς συνoδίας] καὶ παρ' ἐκκλησίας e.g. τῶν]

[...τεσ]σεράκον[τα] μετὰ τῆς συνoδίας]

[καὶ παρὰ... μετὰ τῆς συνoδίας καὶ παρὰ [...]

[...μετὰ τῆς συνoδίας καὶ παρὰ τοῦ εὐσ[ε-]

[β... μετὰ τῆς συνoδίας...] κατοίκησιν.

[...τοῦ φιλ]οχρίστου Εὐλο-

[γίου..., οἱ ἔδει]ξαν (?) ἡμῖν τοὺς

[ἀγίους e.g. ...ῆ]δε κατοικήσεις.

5: +

καὶ παρὰ τοῦ ἀγιοτά[τ]ου ἐπισκ[όπου Σ]ατάλων Ἀνυσίου

μετὰ τῆς συνoδίας καὶ παρὰ...]χήρου μετὰ

[τῆς συνoδίας] καὶ [παρὰ] τοῦ α[...].οὔτου

[...μετὰ τῆς συνoδίας καὶ [παρὰ...]

[μετὰ τῆς συνoδίας ...].

1: «...таким-то с синодией, и церковью (?) Сорока с синодией, и таким-то с синодией, и таким-то с синодией, и благочест... с синодией. ...поселение... христолюбивого Евлогия..., которые показали (?) нам святых (?)... поселение».

2: «И святейшим епископом Саталы Анисием с синодией, и таким-то с синодией, и таким-то с синодией, и таким-то с синодией...».

Хотя надпись 5 представляет собой отдельный памятник, на что указывает крест наверху, синтаксически она продолжает текст надписи 3. Текст обеих надписей состоит из ряда однородных членов, соединенных союзом καί, вводимых предлогом παρὰ и дополненных словами μετὰ τῆς συνoδίας. Первоначально мы предполагали, что речь идет о перечне тех, кому запрещено нарушать целостность отмеченного ею объекта, как в вышеупомянутой надписи на столбике, воспрещающей его удалять. Однако находка надписи 5, выполненной отдельно и немного другим дуктом (см. ниже), показывает, что перед нами скорее список жертвователей, дополненный последо-

вательно двумя надписями. В этом списке, где точно фигурирует епископ Анисий из Саталы (совр. Садак в Турции) в провинции Армения I³, слово [тес]сера́ков[та] вряд ли может относиться к чему-то другому, как к Сорока мученикам Севастийским: строитель церкви в Мачхомери – Горгоний, носил имя одного из этих мучеников, а упоминание «святых мучеников»/«святых» в двух других лапидарных надписях из базилики говорит о том, что она была посвящена именно им.

Палеография данных надписей несколько отличается от остальных лапидарных надписей Мачхомери: при сходстве форм альфы и ро омикрон здесь ромбовидный, но в общем и целом она вписывается в рамки византийской эпиграфической традиции VI в. (см.: [2]). При этом в надписи 5 отличаются формы пи и тау, с наклоненной влево переключиной, что могло бы указывать на разных резчиков. Однако в конце строк 2 и 3 форма тау обычная, что говорит в пользу одного резчика, который несколько варьировал формы букв во второй по счету надписи.

Наконец, в 2020 г. были найдены еще сильно фрагментированные лапидарные надписи 6 и 7. В первой упоминаются τέκτορες, то есть плотники (или, шире, строители), которые «из собственных средств» соорудили некую постройку, возможно, часть здания храма. Здесь мы видим еще одних жертвователей храма в Мачхомери, возможно, эпохи его масштабной перестройки.

Все фигуранты данных списков, как отдельные лица (епископ Саталы), так и институции (церковь Св. Сорока мучеников), упомянуты – уникальным для Византии образом – вместе с некоей συνодία. Данный термин обозначал первоначально группу спутников, а затем приобретает техническое значение «караван» [5, p. 1720, s.v.], в каком-то значении оно часто встречается в надписях Пальмиры (SEG 15, 849). В христианском словоупотреблении значение группы спутников сохраняется, в том числе в эпиграфике (SEG 32, 1302) (Антиохия Писидийская, IV–V вв.), однако появляются и новые: «дружина мучеников», «собрание верующих, в том числе богослужбное» и «монашеская община» [4, p. 1334], которое встречается и в надписях (SEG 37, 1498) (Хирбет эль-Махрум в Палестине).

Но в нашем случае такая συνодία имеется не только у храма, но и у епископа и других лиц без указания церковного статуса, то есть мирян, что трудно связать исключительно с монахами и даже клириками. Не может означать она и семью или родню [5, p. 1720, s.v., III], так как те обозначаются терминами οἶκος в надписи на столбике или πάντες οἱ διαφέροντες в надписях из Сепиети. По сути, единственную параллель такой συνодία дают две ранневизантийские надписи из Селевкии Сидиры в Писидии, где упоминается четко организованная (с двумя предстоятелями) синодия, возможно, связанная с храмом Св. Георгия и состоящая из мирян: в одном случае в ее составе назван также мастер (τεχνίτης) и в одном – пресвитер (см.: [8, S. 351, 354, Nr. 12, 18]), который мог быть упомянут и в начале первой нашей надписи (πρεσ...). Подобное объединение мирян мы видим, вероятно, и в надписи из Эфеса (SEG 37, 915), где призывается помощь архангела Михаила «этой синодии и кавикларию» (то есть кувикуларию). Поэтому в Мачхомери речь также идет, скорее всего, о некоем объединении мирян вокруг храма, епископа или других влиятельных лиц.

Но что же заставляло множество жертвователей, включая епископа далекой Саталы и синодию самого храма присоединиться к деятельности группы плотников/строителей и их товарищей? Тут следует отметить, что в других надписях Мачхомери также можно увидеть некую конкуренцию ктиторов храма. Его строителем был Горгоний, который упомянут не только в собственном прошении, но и в надписи на столбике (от votивного креста?). Там он помещен, однако, на втором месте, а первое занимает Феона «с его домом», который, вероятно, и был дедикантом этого объекта и который здесь использует авторитет строителя базилики. Тот же Феона, вероятно, вместе с супругой, упомянут и в граффито на украшенной рельефом плитке, что указывает на него как на возможного ктитора декорации церкви. При этом надпись на столбике прямо говорит, что этот предмет может быть кем-то уничтожен, и призывает на такового «суд святых».

Такая конкуренция ктиторов, как индивидуальных, так и коллективных, за право постановки и владения некими объектами внутри мачхомерской базилики может быть

объяснена только очень высоким статусом храма в окрестном регионе. Популярный на Кавказе культ св. Сорока мучеников Севастийских [9, S00103] делал посвященный им храм в Мачхомери центром притяжения и паломничества, который был известен даже в удаленной на сотни километров Сатале, расположенной на территории империи. Прямое обращение к «святым мученикам» в надписях из базилики и особенно именование ее «мартирием» в строительной надписи может указывать на нахождение в ней их реликвий. Они могли быть принесены Горгонием после посещения мартирия своего небесного покровителя в ликаонийской Севастии: подобные паломничества из Восточного Причерноморья к святыням внутренней Анатолии упоминает уже в IV в. св. Григорий Нисский в «Житии св. Макрины» (гл. 36). С другой стороны, возможно, что появление раки для мощей в Мачхомери, связанное с перестройкой базилики, обозначено в надписи 3 термином κατοίκησις («поселение, управление» [4, р. 734]). Тогда инициатором принесения мощей могли быть Евлогий (?) и другой аноним, упомянутые в надписи 3 в связи с этим κατοίκησις. Более того, уточнение ἦδε («эта вот») при κατοίκησις может указывать на то, что под последним подразумевается рака с мощами, а сами надписи 3 и 5 происходят из мартирия или даже с раки, основание которой сохранилось у его восточной стены.

Итак, и на первом, и на втором этапе существования храма в Мачхомери мы видим, что различные институты и частные лица Лазики и даже соседних областей старались получить контроль, полный или частичный, над почитаемой церковью, которая была построена, однако, частным лицом в рамках персонального почитания своего небесного патрона. Этим обстоятельством, судя по всему, и вызвано появление коллективных списков всех ктиторов храма. По всей видимости, объединение местных мастеров, которое было, возможно, аналогичной синодией вокруг некоего авторитетного лица (он мог быть упомянут в начале надписи), также воспринимало мачхомерскую базилику как коллективную собственность и отстаивало свое право на строительство в ней.

Результаты. Новый комплекс греческих надписей из Мачхомери представляет собой уникальное свидетельство христианизации

Лазики в VI веке. Это первые, после надписей из Сепиети и Вашнари, памятники лапидарной эпиграфики Лазики и самый большой известный там комплекс надписей. Три лапидарные надписи имеют разный характер: одна – инвокативно-строительный, другая – инвокативно-запретительный, еще две – посвятельный. Все эти надписи выполнены в эпиграфическом стиле середины VI – первой половины VII в., но разными резчиками, что говорит о знакомстве Лазики с разновидностями эпиграфического дукта. Свидетельством распространения в Лазики греческого письма следует считать и граффити на плите, возможно, учебные.

Следует обратить внимание также на имена дедикантов: Горгоний и Феона, которые, как и в случае Сепиети, имеют не локальное, а христианское происхождение. Вероятно, строитель базилики-мартирия Горгоний посвятил ее святым сорока мученикам Севастийским, имя одного из которых он сам носил. Немаловажны также параллели формулам надписей Мачхомери в эпиграфических традициях Малой Азии и Востока (Аравии и Сирии), которые могут указывать на происхождение ктиторов и резчиков. Наконец, две мачхомерские надписи дают уникальное свидетельство существования в Лазике синодий – религиозных объединений мирян, которые объединялись вокруг епископа, храма или по профессиональному признаку и активно участвовали в церковной жизни региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНФ в рамках научного проекта № 21-59-14005 «Хожения и эпиграфика: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)».

Благодарю Р. Папуашвили, Г. Читаю и Д. Наскидашвили за помощь в подготовке работы.

This study was carried out within the framework of the research project “Epigraphies of Pious Travel: Pilgrims’ Inscriptions, Movement, and Devotion between Byzantium and Rus’ in the 5th–15th Centuries C.E.” funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR no. 21-59-14005 АНФ_a).

I thank R. Papuashvili, G. Chitaia and D. Naskidashvili for their help in preparing this article.

² GPS координаты: N42 20.595 E41 52.564.

³ По другим источникам неизвестен. Примечательно, что наши надписи по палеографии близки надгробию Кандия из Саталы [10].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Надпись 3. Фото И. Шонии
Fig. 1. The inscription 3. Photo by I. Shonia

Рис. 2. Надпись 5. Фото И. Шонии
Fig. 2. The inscription 5. Photo by I. Shonia

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, А. Ю. Очерк истории Абхазского католикосата. Ч. 1. VIII–X вв. / А. Ю. Виноградов, Ш. Гугушвили // Богословские труды. – 2015. – № 46. – С. 77–116.
2. Chitaia, G. A New Complex of Greek Inscriptions from Machkhomeri Fortress in Lazica / G. Chitaia, R. Papuashvili, A. Vinogradov // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. – 2020. – Bd. 214. – S. 169–178.
3. Kauchtschischwili, T. Korpus der griechischen Inschriften in Georgien / T. Kauchtschischwili; bearb. von L. Gordeziani. – 3. Aufl. – Tbilisi: Logos Publ., 2009. – 421 S.
4. Lampe, G. W. H. A Patristic Greek Lexicon / G. W. H. Lampe. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – 1568 p.
5. Liddell, H. G. A Greek-English Lexicon / H. G. Liddell [et al.]. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 2042 p.
6. Murghulia, N. FaRiG Project: The Fortification system of Lazika (Egrisi) Kingdom in the 4th–6th Centuries (Research into West Georgian Castles). Final Report / N. Murghulia. – Tbilisi: [s. n.], 2010. – 93 p.
7. Report of the 2020 excavations at Machkhomeri (Khobi Municipality) / R. Papuashvili, E. Intagliata, D. Naskidashvili, A. Vinogradov // *Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies*. – 2021. – Vol. 31. – (In print).
8. Rott, H. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien / H. Rott. – Leipzig: Dieterich Publ., 1908. – 393 S.
9. The Cult of Saints in Late Antiquity from Its Origins to circa AD 700, across the Entire Christian World. – Electronic text data. – Mode of access: <http://csa.history.ox.ac.uk> (date of access: 01.10.2021). – Title from screen.
10. Trafoyu Yenilerken Bin 600 Yıllık Lahit Buldular // *Haberler.com*. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.haberler.com/trafoyu-yenilerken-bin-600-yillik-lahit-buldular-10200674-haber/> (date of access: 01.10.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Vinogradov A. Yu., Gugushvili Sh. Ocherk istorii Abkhazskogo katolikosata. Ch. 1. VIII–X vv. [An Essay on the History of the Catholicosate of Abkhazia. Part 1. The 8th to 10th CC.]. *Bogoslovskie trudy* [Theological Studies], 2015, no. 46, pp. 77–116.
2. Chitaia G., Papuashvili R., Vinogradov A. A New Complex of Greek Inscriptions from Machkhomeri Fortress in Lazica. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2020, Bd. 214, S. 169–178.
3. Kauchtschischwili T. *Korpus der griechischen Inschriften in Georgien*. Tbilisi, Logos Publ., 2009. 421 S.
4. Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1961. 1568 p.
5. Liddell H.G. et al. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 2042 p.
6. Murghulia N. *FaRiG Project: The Fortification System of Lazika (Egrisi) Kingdom in the 4th–6th Centuries (Research into West Georgian Castles). Final Report*. Tbilisi, s. n., 2010. 93 p.
7. Papuashvili R., Intagliata E., Naskidashvili D., Vinogradov A. Report of the 2020 Excavations at Machkhomeri (Khobi Municipality). *Pro Georgia. Journal of Kartvelological Studies*, 2021, vol. 31. (In print).
8. Rott H. *Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien*. Leipzig, Dieterich Publ., 1908. 393 S.
9. *The Cult of Saints in Late Antiquity from Its Origins to Circa AD 700, Across the Entire Christian World*. URL: <http://csa.history.ox.ac.uk> (accessed 1 October 2021).
10. Trafoyu Yenilerken Bin 600 Yıllık Lahit Buldular. *Haberler.com*. URL: <https://www.haberler.com/trafoyu-yenilerken-bin-600-yillik-lahit-buldular-10200674-haber/> (accessed 1 October 2021).

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmanaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.11>

UDC 902(653):726.829

LBC 63.444(5Туз)-427

Submitted: 30.06.2021

Accepted: 29.10.2021

THE SARCOPHAGUS OF A NICAEAN EMPEROR IN IZMIR

Ergün Laflı

Dokuz Eylül Üniversitesi, İzmir, Turkey

Maurizio Buora

Società Friulana di Archeologia odv, Udine, Italy

Abstract. In this brief paper a marble slab fragment from İzmir in Western Turkey is presented. Originally its description was published by Ch. Texier in 1844 and later deemed missing. We believe that it is an imperial sarcophagus and that it may belong to the emperor of Nicaea, Theodore II Lascaris.

Key words: Imperial sarcophagus, Nymphaeum, Kemalpaşa, İzmir, Western Asia Minor, Middle Byzantine period, Late Byzantine period, Byzantine sarcophagi, Byzantine relief sculpture, Byzantine epigraphy, Byzantine history, Theodore II Lascaris, John III Ducas Vatatzes, Nicaean Empire.

Citation. Laflı E., Buora M. The Sarcophagus of a Nicaean Emperor in İzmir. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 126–135. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.11>

УДК 902(653):726.829

ББК 63.444(5Туз)-427

Дата поступления статьи: 30.06.2021

Дата принятия статьи: 29.10.2021

САРКОФАГ НИКЕЙСКОГО ИМПЕРАТОРА В ИЗМИРЕ

Эргюн Лафлы

Университет Докуз Эйлюль, г. Измир, Турция

Маурицио Буора

Фриульское археологическое общество, г. Удине, Италия

Аннотация. В статье представлен фрагмент мраморной плиты из Измира, Западная Турция. Его описание было впервые опубликовано Ш. Тексье в 1844 г., и позже он считался утерянным. Мы полагаем, что этот фрагмент являлся частью императорского саркофага, в котором, возможно, покоились останки никейского императора Феодора II Ласкариса. *Вклад авторов.* Эргюн Лафлы дал подробное описание саркофага, а Маурицио Буора исследовал надпись на плите и провел ее эпиграфический анализ.

Ключевые слова: императорский саркофаг, Нимфей, Кемальпаша, Измир, Западная Малая Азия, средне-византийский период, поздне-византийский период, византийские саркофаги, византийские скульптурные рельефы, византийская эпиграфика, византийская история, Феодор II Ласкарис, Иоанн III Дука Ватац, Никейская империя.

Цитирование. Лафлы Э., Буора М. Саркофаг никейского императора в Измире // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 126–135. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.11>

Introduction. On 15 October 1844 Charles Texier published in the second issue of the “Revue archéologique” a reused slab in a fountain in the

suburb of “Nymphi” (modern Kemalpaşa) 32 km east of İzmir (fig. 1) [28, pp. 320–325, pls. 5–8]. He gave an illustration of it and transcribed the

inscription of the upper frame (fig. 2). This slab reappeared in 2017 and is today displayed in the backyard of the Archaeological Museum of Izmir (figs. 3–4). Currently it bears no accession number.

The same author repeated the description in 1849 in the second volume of his *Description de l'Asie Mineure* [29, pp. 302–304] from which Adolf Kirchoff drew it for his *Corpus inscriptionum graecarum* [8, p. 468], in which it takes place as no. 9283. It was later published by Henry Grégoire [9, no. 83]. In 2014 it was considered missing by Andreas Rhoby [22, p. 713]. This piece first appeared in the collection of the museum in 2017; its fragments are missing today. The measurements of the whole object are follows: length 200.0 cm, width 65.6 cm, thickness 9.0 cm; letter-height 5.6 cm, that is, two unciae. The dimensions therefore correspond to 6×3 feet, calculating the measurement of a Byzantine foot at 33.5 cm.

As can be seen from Texier's drawing at fig. 2, it was a rectangular relief plaque with a moulding at the top and framed by architectural elements, upon which the various animal figures as well as geometric and plant ornamentations were carved in low relief: the central face as divided into figured panels on the sides (two superimposed figures separated by a band) and a central panel, with the figure of an animal at the bottom. The figurative parts were inset in rectangular frames and separated by other ornamental panels. Texier considers them as “animaux plus ou moins barbares” [29, p. 303] and interprets some images as cats (“chats”) [28, p. 325].

Texier's representation and the extant piece. The comparison between the drawing published by Texier and reality of the extant piece shows some decorative differences. For example, in the rendering of the central tondo, the four flowers between the arms of the cross are in turn inserted within a semicircular cord and the corner rosettes have a very different shape. In addition, the animals of the lower left panel have legs and tails placed lower than the interwoven panels. The decoration is manifested by the intertwining of two-ply ribbons. This type of tape appears in the early 11th century in the Byzantine world and also in Smyrna [5, fig. 27].

First panel, left. In the first pattern, at the top, there are not cats, but two lions seated facing each other, with their bushy tails pointing upwards. The type recalls similar depictions, e.g. an older one

in the iconostasis of the Torcello cathedral, i.e. the church of Santa Maria Assunta on the island of Torcello, Venice, for which a Constantinopolitan origin was supposed [21, pp. 116–121, nos. 75–76].

In the median range the opposite fleur-de-lis dividing the two representations of animals have a particular meaning. They were very popular in the Middle Byzantine period. They figure among the motifs that decorate the garments of Constantine and Justinian in the southwest vestibule mosaic with the Virgin and Child of St Sofia in Constantinople, made at the time of Basil II in the early tenth century. They also become a symbol of the Lascaris family and appear both in the internal decoration of the Nymphaeum palace and on their coinage. The triangular termination of the stem that is found in our slab recalls the shape of the flower that appears e.g. in a tetarteron (“quarter coin”) of Theodore II Lascaris ([20, fig. 48]: type 13b, undated, for which [11, p. 526, pl. 36]).

In the lower panel there are two opposing birds, the one with a wide tail. Noteworthy is the series of three ribs that follow the design of the wings on the body.

Second, third and fourth panels. Panels with decorative motifs are common in several examples of Middle Byzantine sculpture in Anatolia.

The second panel features eight superimposed rows of four hollowed squares. Each row is surrounded by a smaller, equally hollow, frame.

A vertical band follows, formed by a branch and two flowers. The addition of this intermediate band means that the central part, with the cross in the tondo, is not placed exactly in the center of the face, but is slightly eccentric. A band with a plant motif is also found on the tombstone of John Comnenus Vatatzes († on 16 May 1182) preserved in the Byzantine Museum of Veroia [20, fig. 190].

The fourth panel is decorated by a series of small circles filled with rhombuses. The motif is quite common and appears on a relief in the Museum of Yalvaç, ancient Pisidian Antioch [24, fig. 4] and on other plates of the same museum, which have received an identical dating (tenth–11th centuries) [24, pp. 275–276, no. 8, fig. 9 and pp. 279–280, no. 11, figs. 12–12a].

In the central panel there is a cross with expanded arms in the centre of the composition. Texier's drawing is not wrong, but only highlights the marginal elements and therefore does not

allow us to grasp clearly the presence of the Greek cross. Above each arm there is a fleur-de-lis, to emphasize the union of the imperial dynasty and the Christian faith. At the corners there are four rosettes each with 12 curved and folded petals. The rendering of these rosettes by Texier is very inaccurate. The cross has a comparison with a fragment from the Museum of Yalvaç in Pisidia [24, no. 4, fig. 14].

Again, in the drawing of 1844 which is the only known image of the sarcophagus up to the present day, there is an animal in the lower part with a long tail stretched upwards.

In the extant remains we see that the front of this animal is that of a lion, whose pose and front legs are rendered in a very different way. The depiction of the lion itself indicates strength and ability to overcome opponents. The animal's attitude recalls that of other lions that appear on the edge of a marble slab from the Agora Museum of Izmir, acc. no. 119, which is dated to the seventh or eighth century A.D. [17, fig. 4]. This animal therefore presents itself well as a heraldic expression of synthesis of nobility and strength. Even in the later Palaeologan dynasty between 1253 and 1453, in their palace, Tekfur Sarayı, i. e. the Palace of the Porphyrogenitus in Istanbul, there were shelves that ended in the shape of lion heads [14, p. 155; 20, p. 240].

On the right, the sixth panel is perfectly identical, also in size, to the one on the other side of the panel with the cross inside the circle.

This is followed by a decoration with ribbons that cross to form right angles. Similar decoration exists in Tekfur Sarayı. In our sarcophagus the ribbons are double-headed, as is normally the case in the Byzantine world beginning from the 11th century.

In perfect symmetry with the other end we find a panel made up of three parts: above a lion in heraldic position on the left and a fleur-de-lis on the right below. Then, below, a band with rhombuses within other rhombuses.

Finally, lower down is a pair of peacocks (?) with long necks intertwined with each other. These peacocks seem to be indicated by the crests and the body is decorated with semicircular holes, alluding to a very varied plumage. Next to each there is a fleur-de-lis. Texier reproduces the pair of animals differently and therefore the detail of the intertwined hills escapes him completely, which

is a typical element of the 13th-century Byzantine art. The motif of the birds with their necks twisted together is also found in the so-called Venetian-Byzantine paterae of the 13th century, which was popular in the Venetian area after the capture of Constantinople in A.D. 1204. Several are located in Venice, in the portal of the St Mark's Basilica; another with two waders (?) is located in the Campo di Santa Maria Mater Domini, Santa Croce 2173 [27], a third in the Campo dei Carmini, former Convent, Dorsoduro 2612 [26; see also 12, p. 195], and in the Fondamenta Widmann, Cannaregio 5409 [25]. They are not unknown even in the Venetian provinces, such as in the Civic Museum of Treviso, in the National Museum of Concordia, but also in the National Museum of Ravenna. In this panel it seems that each animal is juxtaposed or contrasted by a fleur-de-lis. This type of flower appears nine times on the face of the sarcophagus which has been preserved and therefore appears to reaffirm a message strongly. We believe it alludes to the imperial dignity of the deceased.

The choice of intertwining decorative motifs echoes a widespread production also in Europe from the iconoclasm period onwards. The penultimate panel with right-angled interlacing finds a comparison in one of the external decorations of the Palaeologan Tekfur Sarayı.

The rendering of the frontal face, of the lions, whose body is in profile in the upper right panel recalls certain Italian pre-Romanesque sculptures of Byzantine influence, for example in the cathedral of Torcello and in other churches of the upper Adriatic area (Jader etc.).

The type of stone used. Neither the provenance of marbles used in Byzantine period in Izmir collections nor marbleworking in western Asia Minor are yet studied in detail. However, the majority of Byzantine architectural elements seem, especially Early Byzantine ones, to be products of Phrygian marble which has distinctive characteristics visible to the naked eye. But this slab from the Byzantine period does seem to be from a source of marble other than Phrygia.

To determine the marble's provenance, stable isotopic ratio analysis, petrofabric analysis, trace element analysis and electron spin resonance spectroscopy should be conducted for the Byzantine material both in the Archaeological Museum of Izmir and marbles used to construct the buildings in western Asia Minor.

Iconography and artistic style. As said above, the peacock is a characteristic sign in funerary art [2, p. 231]. Opposing peacocks were popular on Early Byzantine sarcophagi associating the deceased with the heaven: the peacocks lived in the garden par excellence, that is Paradise, to which the deceased would arrive after death. More frequent seems to be the arrangement of peacocks on the sides of a cross, as it the case on other slabs in the Archaeological Museum of Izmir (e.g. acc. nos. 7948 and 1331).

Inscription (figs. 5–6). The inscription in a single line was already published by Texier. The complete text on the slab from Kemalpaşa which is poetical reads:

ΝΥΝ ΚΟΣΜΟΣ ΗΔΥΣ ΣΧΗΜΑ ΣΟΙ ΘΕΙΟΝ ΜΕΓΑ
ΝΥΝ ΟΥΝ ΒΑΔΙΖΕ ΠΡΟΣ ΘΕΟΝ ΣΤΕΦΗΦΟΡΟΣ

Namely:

Νῦν κόσμος ἡδὺς σχῆμά σοι θεῖον μέγα·
Νῦν οὖν βαδίξει πρὸς θεὸν στεφηφόρος.¹

Compared to the mid-19th century state of conservation today some parts of the inscription are damaged, but, in any case, the text is perfectly legible. The first translation offered by Texier was criticized and corrected by an Italian archaeologist, Melchiade Fossati [16, p. 296], a young lawyer who was passionate about archaeology, made some excavations in Tarquinia [6, p. 303 and 313] and died in 1849 for the defence of the Roman Republic.

Our translation is: “Now you are dressed in a beautiful adornment, in a great and divine garment; and so now go to God with the crown on the head”.

Epigraphical comments. The text, in two lines of twelve syllables each, separated by colons, is comparable to another inscription with the same characteristics in the Archaeological Museums of Istanbul, acc. no. 6144, dated by Cyril A. Mango to the 14th century [15, pp. 14–15, no. 18]. Twelve syllables already appear in an inscription from Ankara to exalt the victories of Michael III in the year A.D. 859 [30, p. 85].

The shape of our letters finds comparisons with another text from the same museum, acc. no. 6049, attributed doubtfully to the 13th century [15, pp. 9–10, no. 12]. Identical are the shapes of the mu, nu, beta and above all the alpha and delta. The form of the beta also appears in an anonymous

tetarteron issued by Theodore I Lascaris [10, p. 376, pl. 69, no. 1155] which was common not only in numismatics, but also in Byzantine epigraphy and sigillography. It reappears later in the coat of arms of the Palaeologus dynasty. In our text the letter nu has two forms. The one with the wavy oblique line is identical to what appears in the church of the Forty Martyrs of Sebaste, now Şahinefendi (ancient Sobesos), to the south of Ürgüp in Cappadocia, dated to the year 1216/7 [18, p. 238]. Epsilon as well as rho have also a specific form.

For some letters, such as alpha, useful comparisons can be made with the inscription of Theodore I Lascaris on the tower 106 at Nicaea [20, fig. 19].

The term “κόσμος” used here already appears in the epitaph written by Niketas Eugenianos for the poet Theodoros Prodromus in the 12th century (“they also had your verses as a perfect adornment” [23, p. 267]).

The inscription belonged to an extensive sarcophagus, designed for a notable personality. The fact that at least in the mid-19th century this sarcophagus was located near the Laskarids’ palace in Nymphaeum, suggests that the deceased was related to the court. This is also confirmed by the richness of the decoration. Taking the occurrence of the epithet στεφηφόρος as a basis, Grégoire argues that the first inscription was a part of an imperial sarcophagus, and adds that two Byzantine emperors were buried near Smyrna, i.e. John III Ducas Vatatzes and Theodore II Lascaris [9, no. 83]. In fact, the term στεφηφόρος, already used for the winners of sports competitions², here seems to belong to the emperors. We find it in an inscription from Ankara from the year of 859 remembering the victory of Michael III [30, p. 85]. The emperor Manuel Comnenus defined himself with this term in the cross of Notre Dame which was already owned by him [13, p. 771].

Therefore, the sarcophagus must belong to one of these dignitaries. The insistent presence of fleurs-de-lis and, perhaps, also that of the lion (symbol of imperial authority?) would seem to confirm this hypothesis.

Although Texier firmly affirms that the letters can be dated to the second half of the 13th century, comparisons with paleography cannot be so accurate and it is perhaps not correct

to rely on dating of the abovementioned monuments and draw conclusions about the dating of the inscription on our sarcophagus; however, letters' form is not incompatible with a dating to the 13th century.

The deceased. The slab appears to belong to the sarcophagus of a Nicaean emperor buried in (the church?) of the monastery of Sosandra (modern Yoğurtçu Kale) in Manisa near Izmir. George Acropolites (1217 or 1220–1282) writes that when he felt death approaching, the emperor John III Ducas Vatatzes went to his beloved residence in Nymphaeum which was located few kilometers inland from the city of Smyrna [7, p. 60]: “The most prestigious monastic foundation of the Nicaean period was unquestionably the imperial monastery of Sosandra” [19, p. 665]. John III Ducas Vatatzes had founded it to accommodate his and his family's burial. Elena Asenina and Bulgaria, the wife of Theodore II Lascaris, who died perhaps in 1151 or 1152, was probably buried here as well [3, p. 240]. In 1922 Grégoire believed that the sarcophagus had belonged to Theodore II Lascaris [9, pp. 24–25]. In his work that has appeared in 2019 Dimitar G. Angelov assumes that the sarcophagus belonged to Theodore II Lascaris, the son of John III Ducas Vatatzes, who wanted to be buried dressed as a monk. In this way he comments the inscription as a reference to the garments and also recalls that not only the emperors wore the crown, but also other dignitaries of the imperial court, e.g. despots and *sebastokratores* [4, p. 392].

On the other hand, in 1965 Helène Ahrweiler believed that the sarcophagus belonged to John III Ducas Vatatzes [1, p. 43].

Conclusions. “A rediscovery of the sarcophagus could perhaps shed new light on the character of this monument” wrote Angelov [4, p. 392]. The main face of the sarcophagus from Nymphaeum has not disappeared, as many authors have written, but it is today curated in the Archaeological Museum of Izmir.

Therefore, we are now able to compare the representation offered to us by Charles Texier with reality. We are dealing with an artefact that certainly dates back to the mid-13th century. Our interpretation enables a fixed point for the dating of the Late Byzantine sculpture, which incorporates a diversification of tradition that already existed. We do not have enough securely-interpreted elements to distinguish whether it is the sarcophagus of John III Ducas Vatatzes or his son Theodore II. Based on a single word of the inscription (*kosmos*), we take the view that the text alludes to the habit of the deceased: in the case of Theodore II, it was that of a monk. Therefore, together with other authors, we believe that our sarcophagus belongs to Theodore II Lascaris, rather than to his father, John III Ducas Vatatzes.

In any case it is a monument of extreme importance, which deserves to be known and valued. In the 2022 issue of this journal we intend to publish a second slab from the same context.

ACKNOWLEDGEMENTS

For the study of this object at the Archaeological Museum of Izmir three authorisations have been issued to E. Laflı by the Directorate of the Museum of Izmir on 11 January 2012, 18 January 2012 and 23 February 2012 and numbered as B.16.4.KTM.0.35.14.00-155.99/150, 233 and 604. Documentation was done in 2012 and all the photos were taken by E. Laflı in 2021. Fig. 1 was arranged by Dr Sami Patacı (Ardahan) in 2021 for which we would like to express Dr Patacı our gratitude.

We also would like to thank Professor Peter Liddel (Manchester) for his kind revision of our text.

NOTES

¹ The form βαδειζε should be corrected to βάδιζε.

² It appears already in Roman times, e.g. on a marble stele in Cyrene: *Inscriptions of Roman Cyrenaica*, no. C 152.

APPENDIX

Fig. 1. Places referred to in Western Asia Minor (by S. Patacı, 2021)

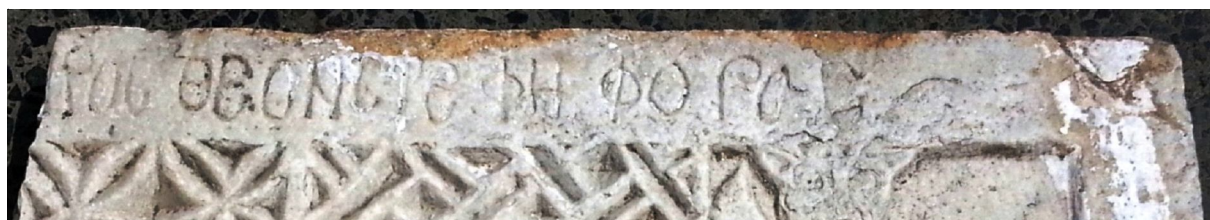
Fig. 2. Illustration of the sarcophagus of a Nicaean emperor from Kemalpaşa by Charles Texier in 1844 (after [28, pl. 7])

Figs. 3, a–b. The sarcophagus of a Nicaean emperor in the Archaeological Museum of Izmir (photo E. Laflı, 2021)

Fig. 4. Upper edge (photo E. Laflı, 2021)

Figs. 5–6. Inscription (photo E. Laflı, 2021)

REFERENCES

1. Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle. *Travaux et mémoires*, 1965, vol. 1, pp. 1-204.
2. Anđelković J., Rogić D., Nikolić E. Peacock As a Sign in the Late Antique and Early Christian Art. *Archaeology and Science*, 2010 (2011), vol. 6, pp. 231-248.
3. Angelov D. The “Moral Pieces” by Theodore II Laskaris. *Dumbarton Oaks Papers*, 2011–2012, vol. 65/66, pp. 237-269.
4. Angelov D. *The Byzantine Hellene: the Life of Emperor Theodore Laskaris and Byzantium in the Thirteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. xx, 441 p.
5. Barsanti C. La scultura mediobizantina fra tradizione e innovazione. Conca F., Fiacadori G., eds. *Bisanzio nell'età dei Macedoni. Forme della produzione letteraria e artistica. Atti dell'VIII Giornata di Studi Bizantini (Milano, 15–16 marzo 2005)*. Milan, Cisalpino, 2007, pp. 5-50. (Quaderni di Acme; vol. 87).
6. Bottacin A. Stendhal ‘archeologo’ nell’antica Etruria meridionale. La nascita di una grande passione (1831–1835). *Studi francesi*, 2008, vol. 155 (LII/II), pp. 286-323.
7. Ciolfi L.M. From Byzantium to the Web: The Endurance of John III Doukas Vatatzes’ Legacy. *Revue des études sud-est européennes*, 2017, vol. 55, pp. 59-71.
8. Curtius E., Kirchhoff A. *Corpus inscriptionum graecarum. Pars 4*. Berlin, Officina Acad., 1877. XX, 595, 167, XVII pl.
9. Grégoire H. *Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Asie Mineure. Fasc. 1*. Paris, E. Leroux, 1922. III, 128 p.
10. Grierson Ph. *Byzantine Coins*. London, Methuen & Co. Ltd., 1982. xiii, 411 p., 95 pl. (Library of Numismatics).
11. Hendy M.F. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 4: Alexius I to Michael VIII, 1081–1261. Pt. 2: The Emperors of Nicea and Their Contemporaries (1204–1261)*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1999. vi, pp. 443-736, LIV pl. URL: https://archive.org/details/docoins-4/DOCoins_4-2_WEB/page/n5/mode/2up (accessed 1 October 2021).
12. Zorzi N., Berger A., Lazzarini L., eds. *Itondi di Venezia e Dumbarton Oaks: arte e ideologia imperiale tra Bisanzio e Venezia = The Tondi in Venice and Dumbarton Oaks: Art and Imperial Ideology Between Byzantium and Venice*. Rome, Viella, 2019. 258 p.
13. Maiorov A.V. The Emperor Manuel’s Cross in Notre Dame: On Its Origin and Path. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 2017, vol. 57, pp. 771-791. URL: <https://grbs.library.duke.edu/article/viewFile/15940/7036> (accessed 1 October 2021).
14. Mango C.A. *Byzantine Architecture*. Milan, Electa Editrice; New York, Rizzoli, 1985. 215 p. (History of World Architecture).
15. Mango C., Ševčenko I. Some Recently Acquired Byzantine Inscriptions at the Istanbul Archaeological Museum. *Dumbarton Oaks Papers*, 1978, vol. 32, pp. 1-27.
16. Melchiade Fossati A. Sulla rivista archeologica di Parigi. *Giornale arcadico di scienze, lettere e arti*, 1846, vol. 107, pp. 286-306.
17. Mercangöz Z. Réflexions sur le décor sculpté byzantine d’Anatolie occidentale. Pennas Ch., Vanderheyde C., eds. *La sculpture byzantine VIIe–XIe siècles. Actes du colloque international organisé par la 2e Éphorie des antiquités byzantines et l’École française d’Athènes (6–8 septembre 2000)*. Athens, École française d’Athènes; Paris, De Boccard Édition-Diffusion 2008, pp. 81-103. (Bulletin de correspondance hellénique, supplément; vol. 49). URL: <https://www.academia.edu/36129133/> (accessed 1 October 2021).
18. Metivier S. Byzantium in Question in 13th-Century Seljuk Anatolia. Saint-Guillain G., Stathakopoulos D., eds. *Liquid & Multiple: Individuals & Identities in the Thirteenth-Century Aegean*. Paris, Association des amis du Centre d’histoire et civilisation de Byzance, 2012, pp. 235-258. (Centre de Recherche d’Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies; vol. 35).
19. Mitsiou E. The Monastery of Sosandra: A Contribution to Its History, Dedication and Localisation. *Bulgaria Mediaevalis*, 2011, vol. 2, pp. 665-683.
20. Pitamber N.R. *Replacing Byzantium: Laskarid Urban Environments and the Landscape of Loss (1204–1261): Unpub. Doctoral Thesis*. Los Angeles, CA, 2015. xxvii, 478 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/973684fr> (accessed 1 October 2021).
21. Polacco R. *Sculture paleocristiane e altomedievali di Torcello*. Treviso, Marton, 1976. 201 p.
22. Rhoby A. *Byzantinische Epigramme in inschriftlicher Überlieferung. Vol. 3: Byzantinische Epigramme auf Stein nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2*. Vienna, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2014. 1047 p. (Denkschriften der Philosophisch-Historischen Klasse Ser.; vol. 474; Veröffentlichungen zur Byzanzforschung; vol. 35). URL: <http://austriaca.at/7601-5inhalt?frames=yes> (accessed 1 October 2021).
23. Rhoby A. Text As Art? Byzantine Inscriptions and Their Display. Berti I., Bolle K., Opdenhoff F., Stroth F., eds. *Writing Matters, Presenting and Perceiving Monumental Inscriptions in Antiquity and*

the Middle Ages. Berlin, Boston, MA, De Gruyter, 2017, pp. 265-284. (Materiale Textkulturen; vol. 14). URL: <https://doi.org/10.1515/9783110534597-011>.

24. Ruggieri V. La scultura bizantina nel territorio di Antiochia di Pisidia. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 2006, vol. 56, pp. 267-296.

25. Scultura Esterna – Cannaregio 2. *Venicewiki*. – URL: https://venicewiki.org/wiki/Scultura_Esterna_-_Cannaregio_2 (accessed 1 October 2021).

26. Scultura Esterna – Dorsoduro 2. *Venicewiki*. – URL: https://venicewiki.org/wiki/Scultura_Esterna_-_Dorsoduro_2 (accessed 1 October 2021).

27. Scultura Esterna – Santa Croce 2. *Venicewiki*. – URL: https://venicewiki.org/wiki/Scultura_Esterna_-_Santa_Croce_2 (accessed 1 October 2021).

28. Texier Ch. Tombeaux du Moyen Age à Kutayah et à Nymphi (Asie Mineure). *Revue archéologique*, 1844, no. 2, pp. 320-325, pls. 5-8.

29. Texier Ch. Nymphaeum. Texier Ch. *Description de l'Asie Mineure: faite par ordre du gouvernement français en 1833-1837; beaux-arts, monuments historiques, plans et topographie des cités antiques*. Vol. 2. Paris, Firmin-Didot, 1849, pp. 302-304.

30. Mitchell S., French D., eds. *The Greek and Latin Inscriptions of Ankara (Ancyra)*. Vol. 2: *Late Roman, Byzantine and Other Texts*. Munich, Verlag C.H. Beck, 2019. (Vestigia; vol. 72). URL: <https://www.beck-elibrary.de/10.17104/9783406736254/the-greek-and-latin-inscriptions-of-ankara-ancyra> (accessed 1 October 2021).

Information About the Authors

Ergün Laflı, Doctor, Professor, Edebiyat Fakültesi, Arkeoloji Bölümü, Dokuz Eylül Üniversitesi, Oda No A-418, Tınaztepe/Kaynaklar Yerleşkesi, Buca, TR-35160 Izmir, Turkey, elaflı@yahoo.ca, <http://deu.academia.edu/ErgunLAFLI>, <https://orcid.org/0000-0002-4722-5018>

Maurizio Buora, Doctor, Società Friulana di Archeologia odv, Via Micesio 2, Torre di Porta Vialta, I-33100 Udine, Italy, mbuora@libero.it, <https://independent.academia.edu/mauriziobuora>, <https://orcid.org/0000-0002-5746-8312>

Информация об авторах

Dr Эргюн Лафлы, профессор классической археологии, факультет литературы, кафедра археологии, Университет Докуз Эйлюль, Oda No A-418, Tınaztepe/Kaynaklar Yerleşkesi, Buca, TR-35160 г. Измир, Турция, elaflı@yahoo.ca, <http://deu.academia.edu/ErgunLAFLI>, <https://orcid.org/0000-0002-4722-5018>

Dr Маурицио Буора, Фриульское археологическое общество, Via Micesio 2, Torre di Porta Vialta, I-33100 г. Удине, Италия, mbuora@libero.it, <https://independent.academia.edu/mauriziobuora>, <https://orcid.org/0000-0002-5746-8312>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.12>

UDC 94

LBC 63.3(0)4-99

Submitted: 04.05.2021

Accepted: 01.10.2021

FINANCIAL POLICY OF TIBERIUS CONSTANTINUS THE AUGUSTUS

Vadim V. Serov

Barnaul Orthodox Seminary, Barnaul, Russian Federation

Abstract. Introduction. The historical sources did not give the detail description of all the policies of the Byzantine government in the rule of Tiberius Constantinus the August (578–582). Modern historiography usually follows their data without attracting of opportunities, which could be offered by the interdisciplinary methods. As a result, the full-length picture of the reign of Tiberius II has not been made yet. This statement is correct regarding different sectors of the emperor's policies and his financial policy as well. **Methods.** Special method of study for such object was approved in earlier author's publications. It bases on definition of a financial policy in the modern economics and, as consequence, on the use of data which are not mentioned by literary tradition and not noticed by the traditional historiography. As a result, the studying subject gets prodigious volume and versatility. **Analysis and results.** The analysis of the Tiberius II's multi-aspect activity through prism of the imperial finance has allowed to see the results of his financial policy in those state life spheres that were not connected with the public finances immediately. In this connection the axiomatic facts and then events have received revaluation; some comparison of expenses and empire incomes was spent; the conclusion on quality of emperor's political management was drawn. Besides, existence in head of this August of an original conception of the financial policy was ascertained. Its feature was the provision of payments balance in the sphere of foreign policy in every way. This emperor showed his organizing ability through the innovation in redistribution of resources between different state departments. Regular and extraordinary imperial budgets lost former precise frames of their functional activity. But moreover, Tiberius II has not gone into extremes of the private-owner attitude to the state finances. The moderation and rationalism of his financial policy did allow to avoid the full devastation of treasury in the period of his individual reign.

Key words: Tiberius Constantinus as the Augustus, written sources, problem of research methods, extraordinary expenses, additional income, evaluation of imperial financial policies.

Citation. Serov V.V. Financial Policy of Tiberius Constantinus the Augustus. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 136-151. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.12>

УДК 94

ББК 63.3(0)4-99

Дата поступления статьи: 04.05.2021

Дата принятия статьи: 01.10.2021

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА ТИБЕРИЯ КОНСТАНТИНА

Вадим Валентинович Серов

Барнаульская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Данные источников о правлении августа Тиберия Константина (578–582 гг.) фрагментарны и противоречивы в деталях, а традиция их использования в исторических реконструкциях опирается на метод прямого пересказа, в связи с чем всеобъемлющая подробная картина этого периода византийской истории

еще не написана. Специальные исследования касались его отдельных сюжетов, и многие существенные проблемы эпохи Тиберия Константина до сих пор не сформулированы. Это утверждение относится и к проблеме финансовой политики императора. Для ее изучения в статье применяется ранее апробированный автором метод, который основывается на понимании феномена финансовой политики современной экономической наукой и, как следствие, на привлечении в исследование данных, которые не замечает традиционная историография. В результате такого подхода предмет изучения приобретает разнообразные черты, не упомянутые литературной традицией. Анализ деятельности Тиберия Константина сквозь призму имперских финансов позволил увидеть результаты его финансовой политики в тех сферах государственной жизни, которые связаны с финансами опосредованно и обычно не привлекаются для характеристики публичной финансовой сферы. Получили переоценку хрестоматийные факты, проведено сравнение расходов и доходов империи, сделан вывод о качестве императорского управления вообще и финансовой сферой в частности. Констатируется наличие у него оригинальной концепции финансовой политики. Особенностью таковой являлась сосредоточенность на внешней политике. Управленческие таланты августа проявились в новаторстве в системе перераспределения ресурсов разных ведомств. Регулярный и экстраординарный «бюджеты» утратили четкую направленность. При этом Тиберий II не впал в крайность частноправового отношения к финансам. Умеренность и рационализм финансовой политики августа Тиберия Константина позволили ему избежать опустошения казны, которое ему иногда приписывают.

Ключевые слова: Август Тиберий Константин, нарративные источники, проблема методики исследования, экстраординарные государственные расходы, дополнительные доходы, итоги императорской финансовой политики.

Цитирование. Серов В. В. Финансовая политика Августа Тиберия Константина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 136–151. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.12>

Введение. Современные сведения о жизни и политической деятельности императора Тиберия Константина черпаются из нескольких источников, достаточно обширных, но весьма тенденциозных и освещающих лишь немногие стороны исторического процесса, притом зачастую противоречиво. В целом данные письменных памятников не позволяют сами по себе воссоздать целостную и детальную картину финансовой жизни общества и государства в период единоличного правления Тиберия II¹. Вспомогательные источники (археология, нумизматика, сигиллография, эпиграфика) также дают отрывочные сведения, не способные закрыть информационные лакуны на изучаемом поле.

Такая ситуация с историческими источниками сохраняется на протяжении столетий изучения истории Византии. Обзорные и обобщающие труды историков XVIII–XX вв. традиционно реконструировали время правления Тиберия Константина близко к тексту основных источников, благодаря чему «белые пятна» истории, сформированные ими, сохраняются до настоящего времени. Новейшая историография не выходит за рамки тематики, заданной в источниках. В конкретно-исторических исследованиях последнего столетия рассмат-

ривались проблемы внешней политики Византии при Тиберии Константине (например: [32; 21; 31, р. 394–528, 894–921]), его религиозная политика (например: [30; 37]), а также межличностные отношения в окружении Тиберия, прежде всего, – взаимоотношения императора и августы Софии (см., например: [16; 20, р. 50–57; 9]). Изученность таких не явно обозначенных в источниках тем, как имперские финансы в правление Тиберия Константина, а также его финансовая политика, остается на уровне вековой давности. Проблематика современных исследований в этом направлении так же не выступает за рамки данных нарративных источников, в связи с чем количество соответствующих публикаций незначительно, а круг затрагиваемых в них вопросов узок, как и сами эти вопросы. Историографическая традиция, с одной стороны, опирается на скудные сведения о военных расходах Тиберия II, его пожертвованиях нуждающимся и о налоговых послаблениях податному населению, а также о неких полумифических чрезвычайных поступлениях в казну – с другой стороны.

При этом в историографии эпохи Тиберия Константина имеется несколько работ, в которых более или менее предметно, а главное –

аналитически рассматривается материал, непосредственно соприкасающийся с финансовой сферой императорской политики. Таковой включает в себя знаменитую новеллу 163 (например: [36, р. 28–29; 13, с. 269–271; 8]), а также реорганизацию управления фискальными имуществами [25; 19; 28, р. 168]. Таким образом, следует констатировать отсутствие в византийской всеобъемлющей реконструкции финансовой политики Тиберия II, что придает данной теме актуальность, одновременно заставляя задуматься о разработке эффективных методов интерпретации столь малочисленных источников данных о ней.

Методы. Получить детальную картину интересующего нас явления можно следующим образом. Данные всех известных исторических источников исследуются комплексно по схеме, содержащейся в понятии «финансовая политика», которое предложено современной унифицированной экономической теорией. Данный метод прошел апробацию на материале периодов правления нескольких императоров ранней Византии. Он предполагает отказ от принятого в историографии подхода с его неотступным следованием за нарративным источником.

В историографии финансовой деятельности императора Тиберия Константина присутствуют два противоположных методологических подхода. Один, более ранний, опирается на традицию, в которой Тиберий Константин как распорядитель имперских финансов представлен преимущественно позитивно². Второй подход, разработанный в пору господства в исторической науке критического ревизионизма, применялся крайне редко, так как опровергает укоренившееся стереотипное представление о рациональном и человеколюбивом правителе [15, р. 81]³. Несмотря на отсутствие среди исследователей принципиальных последователей критического метода интерпретации источниковых данных, сама возможность его применения спровоцировала в историографии постепенный отказ от безусловно положительной оценки финансовой политики Тиберия II, так что с начала XX столетия историография рассматриваемой темы развивается по описанному выше сценарию, основной характеристикой которого являются альтернативные оценки

известных экономических событий, а также привлечение дополнительных данных для анализа финансовой политики императора, что предполагает выявление и сравнение всех известных или гипотетически возможных статей экстраординарных расходов и доходов при учете такого корректирующего фактора, как личность субъекта финансовой политики, в данном случае – августа Тиберия.

В специальной литературе перечисляются следующие расходные финансовые мероприятия, приписываемые источниками Тиберию Константину: выдачи донатива воинам и представителям некоторых профессий; уменьшение нормы налоговых сборов по всей стране на четверть на период 575–579 гг.; отмена пошлин на ряд товаров, ввозимых в Константинополь; возврат держателям продуктовых тессер платы за право пользования ими; отмена так называемого суффрагия; затраты на торжества по случаю консульства Тиберия; наконец, расходы на подготовку войны с Ираном, выразившиеся главным образом в комплектовании отрядов наемников-варваров и поиске новых стратегических союзников. О величине всех этих затрат в сравнении с объемом располагаемых финансовых ресурсов императорского правительства речи не идет, как не уточняется и хронологическая последовательность названных мероприятий⁴. В довершение всего общая картина явления осложняется смешением исторически различных периодов – кесарства Тиберия и времени его правления в ранге августа. Между тем их следует жестко отграничивать друг от друга на том основании, что Тиберий в качестве кесаря не имел возможности распоряжаться финансами полностью.

О мерах правительства по извлечению дохода в правление августа Тиберия II сведений весьма немного. Некоторые из древних авторов сообщают лишь о случаях чудесного обретения благочестивым императором спрятанных некогда драгоценностей. Среди современных авторов преобладает представление о нежелании Тиберия нивелировать свою чрезмерную щедрость поиском релевантных доходов. И литературные исторические источники, и исследователи-византисты решительно отказывают Тиберию II в рациональном отношении к государственным фи-

нансам. Возможно, он обладал разумным обоснованием и реальными возможностями для осуществления известных затрат. Чтобы это выяснить, необходимо проанализировать в комплексе источники данные об экстраординарных расходах и доходах Тиберия Константина как Августа⁵, а также расширить и уточнить его характеристику как политика.

Анализ. Несмотря на наличие нескольких разнородных источников, которые повествуют о финансовой политике Тиберия Константина, их сведения в целом однообразны и затрагивают преимущественно военную сферу или вообще сферу международных отношений. Данные о невоенных затратах или мерах так называемой экономии августа Тиберия встречаются у единственного литературного источника, близкого по времени создания к периоду правления Тиберия Константина, – «Церковной истории» Иоанна Эфесского⁶. Из дошедшего до нас рассказа Иоанна Эфесского следует, что все известные дополнительные «гражданские» расходы Тиберия II были сделаны им вскоре после смерти Юстина II [35, III.11]⁷, продолжались не более года [35, III.11]⁸ и адресовались (за исключением походной армии префектуры Восток, получившей донатив ввиду предстоящего похода на Иран) исключительно обитателям Константинополя⁹, так или иначе связанным с придворной жизнью [35, III.14]¹⁰. В целом все названные виды расходов вполне традиционны для всходящего на трон императора, и потому они могли показаться современникам курьезными только по причине необычно большой своей величины в сравнении с аналогичными примерами из прошлого. Поверить эмоциональным оценкам единственного свидетеля описываемых событий – неравнодушного к Тиберию Иоанна Эфесского [3, с. 347]¹¹ – допустимо, но лишь после проверки достоверности его уникальных свидетельств.

Сравнивая таковые с имеющимися в нашем распоряжении данными о финансовом сопровождении интронизаций нескольких предшественников Тиберия II, можно прийти к определенным выводам о размерах традиционных денежных раздач, которые наверняка были известны и в последней четверти VI века. Так, Анастасий I и Юстин I в момент

провозглашения их на ипподроме торжественно обещали выдать «каждому по пять золотых монет и одному фунту серебра» [17, р. 417 f.]. Сколько в итоге императорская казна издержала в том и другом случаях, остается доподлинно неизвестно, однако порядок приведенных в источнике числительных (а фунт серебра равнялся по цене приблизительно пяти солидам) отчетливо характеризует первое самостоятельное финансовое мероприятие августа Тиберия как более затратное в сравнении с традицией, но не выдающееся. Иоанн Эфесский говорит о сумме в 7 200 фунтов золота, истраченных «на эти цели, не считая серебра и... других вещей» [35, III.14]. Подсчет таких же по форме расходов при интронизации Анастасия I, Юстина I, а также Юстина II показывает [10, с. 138–140], что у двух первых они были, вероятно, в полтора-два раза меньшими, чем у Тиберия II, а у Юстина Младшего, который перенес полагающуюся при интронизации раздачу денег и ценных предметов на 1 января следующего года, тем самым объединив торжества в связи с провозглашением его августом и назначением самого себя консулом, – столь же крупными или даже большими [10, с. 521–527]. При этом Тиберий Константин нарушил позднеантичную традицию проявлять щедрость по отношению к трем так называемым конституционным силам империи – сенату, армии и народу, так как сенаторы при получении денег и ценностей источником не упоминаются, а о гвардейских подразделениях, которые в процедуре интронизации символизировали армию, в случае Тиберия имеется лишь слабый намек [35, III.11]¹².

Таким образом, в сообщении Иоанна Эфесского о затратах Тиберия II по случаю обретения им единоличной императорской власти не наблюдается явного искажения фактов, и на него можно вполне полагаться при производстве некоторых выводов. Главный из них состоит в том, что август Тиберий, не порывая с традицией проведения соответствующих финансовых мероприятий, действовал в значительной степени на основании личных предпочтений и представлений о необходимом. Так, при раздаче «милостей» он сосредоточился на придворных невысокого звания, а также на тех, кто так или иначе обслуживали

двор и зажиточную часть населения Константинополя, рассчитывая, что именно эти социальные группы будут лучшей и более широкой опорой его власти, нежели сенаторы, гвардейские схолы и старшины димов. Подобная демонстрация разумного подхода к финансовой политике примечательна и вполне характеристична. Дальнейшее рассмотрение материала уточняет данный тезис.

Тиберий Константин позволил себе сравнительно высокие расходы в связи с интронизацией, полагаясь на наличные финансовые запасы [35, III.11]¹³. После Юстина II в существовавших тогда публичных финансовых фондах остался некий неизрасходованный совокупный ресурс, точная величина которого неизвестна¹⁴. Можно надеяться на то, что Тиберий не ставил себе задачи опустошить доставшиеся ему казенные запасы, только чтобы досадить вдовствующей императрице Софии, которая некогда запрещала ему – тогда кесарю – пользоваться этими накоплениями свободно. Израсходовав большую часть финансового резерва в течение первого года своего правления, Тиберий II, по-видимому, отказался от практики форсированных экстраординарных расходов [35, III.11]¹⁵. В этом случае в государственной сокровищнице должна была остаться некоторая сумма денег «про запас», что также свидетельствует о рациональности нового василевса, умевшего провести грань между желаемым и необходимым. Имелся ли этот «остаток» в действительности, и каковы были его размеры, – показывает финансовая политика Тиберия Константина после 579 года.

Перечень дополнительных публичных расходов в 580–582 гг. невелик. Он сопровождается преимущественно внешнеполитической деятельностью правительства, тогда как затраты на внутренние цели лишь предполагаются. Из последних следует выделить материальное обеспечение василиссы Софии. Вполне нормальные в ранней Византии казенные траты на членов императорского семейства, имевших притом частное имущество и долю в фискальных доходах, в данном случае оказались завышенными из-за особенного значения царицы Софии в жизни Тиберия Константина. Вплоть до момента, когда он узнал о ее заговоре против него, она, вероятно, пользо-

валась неограниченным финансовым кредитом для удовлетворения личных амбиций и потребительских пожеланий. Заговор, инициированный Софией, положил этому кредиту конец, и расходы на двор императрицы-матери уменьшились до размера обычных. Полной картины быта Софии еще не написано, и в отсутствие подробностей возможно только догадываться об объеме ее амбициозного потребления. В распоряжении исследователей имеется пара источниковых свидетельств уровня материальных претензий этой женщины. Одно из них, помеченное автором, Иоанном Эфесским, как не доказанное, но вполне достоверное [35, III.10]¹⁶, показывает царицу Софию в неприглядной роли мелочной обывательницы, которая в связи со смертью мужа опасалась лишиться привычных средств существования. Источник допускает, что приватизированного царицей государственного золота могло быть несколько кентинариев, и данный сюжет, предшествующий рассказу о суммах, истраченных августом Тиберием в связи с интронизацией, словно предлагает сопоставить то, что было украдено Софией, с тем, что было передано воинам восточной армии в виде донатива, который составил восемь кентинариев.

Второй сюжет характеризует готовность Тиберия II отпускать дополнительные средства на императрицу Софию до ее пресловутого заговора и несмотря на кражу ею казенных денег. В сообщениях источников говорится о месте жительства вдовой царицы. Тиберий сохранил за ней во дворце покои, которые предназначались супруге правящего императора [35, III.7], и дополнительно оплатил строительство для нее дворца, получившего ее же имя [33, АМ 6072].

Таким образом, в финансовой политике августа Тиберия фактор «василиссы Софии» занимал заметное место, увеличивая дополнительные расходы государства в продолжение первых двух лет его единоличного правления. Об этом косвенно свидетельствует пресловутый «заговор» Софии, действительный или мнимый, который позволил василевсу секвестрировать эту расходную статью экстраординарного бюджета и направить высвободившиеся деньги в сферы дипломатии и войны.

Отношения Византии и Ирана в то время сохраняли давно сложившийся формат. Столкновения двух держав сводились к очередному проникновению на территорию противника с целью захвата добычи. Для иранской стороны эта цель, по-видимому, являлась основной; императорское правительство, кроме того, преследовало и стратегическую цель – принудить противника к заключению постоянного («вечного») мира, который обеспечивал бы более спокойное экономическое развитие.

Когда Тиберий стал августом, империя по условиям перемирия 576 г. [27, fr. 42] уже дважды заплатила иранскому шаху по 30 000 золотых монет, и весной 579 г. должна была передать третий взнос. Однако смерть Хосрова I в феврале того года и приход к власти в Персии его сына Гормизда IV подвигли Тиберия II к отказу отдать персам условленную сумму и разорвать перемирие. Последующие события 579–582 гг. подтвердили правильность императорского решения, поскольку государственная казна не только сохранила последний взнос в размере более 4 кентинариев золота, но и приобрела в виде добычи от последовавших за возобновлением войны успешных походов дополнительные материальные ресурсы, величина которых не поддается точному расчету¹⁷. Оба эти фактора с лихвой компенсировали дополнительные расходы императора на восточном направлении внешней политики и, вероятно, способствовали сокращению предполагаемого дефицита экстраординарного бюджета на западном направлении. Так как Иран в правление шаха Гормизда IV заметно ослабел в военном отношении, то в окружении Тиберия II всерьез рассматривалась возможность переброски победоносных византийских войск с Востока на наиболее проблемные участки северо-западных рубежей, в частности, – на Средний Дунай, против аваров, угрожавших захватом Сирмия [27, fr. 66]¹⁸. Впрочем, это не более чем предположение. Никакого императорского войска из восточных походных сил защитники осажденного Сирмия не дождались. Захваченные в походах на Иран ценности также не были направлены на укрепление вооруженных сил Фракии и Иллирика. Они, как, вероятно, и не отданные персам в 579 г. золото, едва ли отложились в

государственной сокровищнице на долгий срок. Восток требовал новых дополнительных расходов. Как известно, Тиберий Константин в конце 70-х гг. деятельно восстанавливал прежние военно-политические союзы и стремился создавать новые, не жалея имперского золота и шелка. Так, окрепли ослабевшие было при Юстине II договоренности с племенным объединением гасанидов [10, с. 492]; на свою сторону в противоборстве с Ираном Тиберию удалось привлечь некоторые прежде лояльные шахиншахам этносы Северного Кавказа [27, fr. 44]. Впрочем, дополнительные расходы подобного рода никогда не считались в Византии чрезвычайными. Восточная дипломатия ранней Византии была затратной всегда, однако в правление августа Тиберия Константина перечисленные выше обстоятельства сократили эти, традиционно небольшие расходы¹⁹. Необходимо указать и на участие в поддержании баланса дополнительных доходов и расходов персональных качеств самого Тиберия II, явно добавлявшего рациональности в работу старого финансового механизма государства и стремившегося если не к существенному его обновлению, то, во всяком случае, к более осмысленному, чем при его предшественниках, отношению к известным статьям экстраординарного имперского бюджета²⁰.

Тем не менее на западном и северном внешнеполитических направлениях Ранневизантийское государство в рассматриваемый период теряло в финансовом и экономическом плане больше, чем получало выгоды. Для характеристики финансовой политики Тиберия II здесь показательны взаимоотношения с аварами. Еще в качестве кесаря Тиберий, на которого возложили ответственность за исход переговоров и командование армейскими контингентами, пытался в связи с аварской угрозой воплощать в жизнь ту же организационную модель, которая небезуспешно реализовывалась на Востоке. Он подыскивал союзников против кагана, вербовал среди других варварских народов отряды профессиональных наемников, с аварским правителем затеял эстафету затяжных переговоров и обмена посольствами, уклоняясь от крупных денежных выдач²¹. Но, в отличие от «персидской» практики, опиравшейся на вполне боеспособ-

ную походную армию, на балканском направлении не имелось столь же крупных военных сил и в целом отсутствовала традиционная позднеантичная система их формирования [2, с. 204–206]²². Вместо более удобного и дешевого для государства рекрутирования императорская власть задолго до Тиберия II должна была обратиться здесь к прототипии и привлечению уже готовых боеспособных контингентов извне. Но и прототипия на Балканах не работала фактически с середины VI в., так что деньги для найма вооруженных формирований для Фракии и Иллирии нужно было привлекать из других регионов. Эти инвестиции в оборону балканских провинций, и прежде бывшие в немалой степени экстраординарными, в последней трети VI столетия превысили все регулярные расходы государства на те же цели (к слову, неуклонно уменьшавшиеся по объективным причинам) и, тем не менее, остались относительно невысокими.

Литературные исторические источники приводят данные о несколько более интенсивном, чем на востоке, финансировании переговорного процесса с аварами и другими субъектами политического действия, располагавшимися к северо-западу от Константинополя [35, VI.30–31; 27, fr. 66; 29, III.13]. Эти переговоры были более частыми и продолжительными, так что требовали непрерывного внимания и участия со стороны императора. Однако дипломатия здесь почти полностью заменила остальные виды обеспечения безопасности государства. Поэтому возросшие в правление Тиберия Константина дополнительные затраты такого рода остались незначительными в сравнении с тем, что потребовали бы другие способы разрешения внешнеполитических проблем. Утрируя, можно сказать, что империя сэкономила на традиционных формах оборонного строительства на Балканах и на правила полученные в результате этого дополнительные средства на усиление дипломатии. Август Тиберий не считал такую политику правильной, так как совсем недавно, в конце 60-х гг., был руководителем оборонных мероприятий на Балканах, включавших пополнение походной армии каталогами [27, fr. 33]. Но вернуться в прошлое, когда врага на Дунае останавливало не золото, а вооруженные силы, он не смог ни тогда, ни после. Не имел он так-

же возможности и желания тратить на «варварскую» дипломатию дополнительные средства намного большие, чем это было при его предшественниках на троне. Отсюда и пролонгированные с помощью подарков аварским посланникам переговоры с каганом, и обещания выгод всем участникам внешнеполитических событий от франков и лангобардов до тюрков Северного Причерноморья.

О величине дополнительных расходов на западную и северную дипломатию можно судить по некоторым дошедшим до нас сведениям. Так, послы короля франков Хильперика I получили от Тиберия II во время своего визита в Константинополь «много золотых украшений» и золотые монеты весом в фунт [29, III.13]. Франкские посольства того времени были немногочисленными, вследствие чего подаренное Тиберием золото, которое отчасти адресовалось и королю франков, не превышало по весу символического кентинария, тем более что от союза с этим отдаленным народом трудно было ожидать реальной помощи, за которую надлежало платить по известным тарифам (в среднем два-три кентинария в год).

Следовательно, основной финансовой потерей Тиберия на условном Западе следует признать ту сумму денег, которую у него потребовали авары на переговорах 581/582 г. [34, I.3.7]²³. Названное в источнике в связи с этим число кажется внушительным в силу его уникальности: во-первых, количественно оно весьма необычно для практики ранневизантийских субсидий варварским народам, во-вторых, оно являлось всего лишь денежной оценкой неких желаемых аварами вещей. Все это, а также и то обстоятельство, что Феофилакт Симокатта не был ни свидетелем, ни даже современником описанных им событий 581–582 гг., и аваро-византийских переговоров в том числе, позволяет предполагать у него фантазию там, где сюжет повествования требовал определенности и точности фактического материала. Но такого материала, необходимого Феофилакту Симокатте для придания колоритности сюжетной линии и пушей правдоподобности рассказу, могло не существовать в природе, поскольку ранневизантийские дипломатические отношения с аварами к началу 80-х гг. еще не обрели известных традиций, облеченных в четкие литеральные

и нумеральные формы. Прежние известные договоры между каганом и императорами предполагали нерегулярные и не обязательно денежные выплаты [10, с. 477]. Единственным известным и правдоподобным числом, которое характеризует финансовую сторону византийско-аварских отношений, является 800 монет [27, fr. 28]²⁴, предположительно золотых, переданных «эпархом Иллирика» кагану Баяну через посланника. Зная византийскую хитрость, можно увидеть в упомянутых монетах как солиды, так и специально подготовленные казной для подобных случаев облегченные солиды или их фракции [11]. Важно, однако, другое: упомянутое Менандром Протиктором число 800, как и названное им же гипотетическое число 80 000 [27, fr. 65]²⁵, явно заимствованы Феофилактом Симокаттой. Учитывая особенности литературного произведения этого автора, можно вполне уверенно предположить, что он превратил приведенные Менандром в целом случайные числа в окончательную и якобы официально утвержденную сумму регулярного взноса императора аварам. Сумма представляется не вполне правдоподобной не только из-за своей огромности, но также и потому, что не традиционна для аналогичных сюжетов, излагавшихся ранневизантийскими источниками. Кроме того, такая сумма золота физически невозможна в качестве материальной оценки предметов, которые оговаривались аварской стороной, в условиях сжатия товарно-денежных отношений на Балканах в последней четверти VI века.

Очень может быть, что кагану нравилась цифра 8 (передаваемая по-гречески буквой «эта», по форме напоминающей трон), и он затребовал у Константинополя ценностей на сумму, выраженную комбинацией этой цифры и некоторого количества сотен или тысяч. Для византийцев озвученное аварами число, каким бы оно ни было в действительности, не имело особенного значения в силу того, что они должны были предоставлять врагу не золото, а вещи, оцениваемые в солидах. И тут у правительства Тиберия открывался простор для манипуляций уже не с цифрами, а со стоимостями, что существенно уменьшало сумму ежегодного «аварского» взноса. Являлось ли названное условие замирения результатом

специальных усилий посланников Тиберия, или же балканский рынок не предполагал потребности в золоте как таковом, — остается вопросом. Несомненно одно: самой большой потерей августа Тиберия в той сложной международной ситуации были не ежегодные субсидии аварам, а утрата города Сирмия, угрожавшая в будущем новыми потерями. При отсутствии в Иллирии регулярного и не маленького войска стратиотов уступка важной стратегической позиции являлась более значительным событием в финансовой политике, отложенным на неопределенное время, нежели передача весового серебра и шелковых тканей даже на маловероятную сумму 80 000 номисм. К счастью для Тиберия II, авары, усилившиеся после получения Сирмия, довольствовались оговоренными выплатами, которые в максимальном выражении в пересчете на золото составили к концу жизни императора чуть более 22 кентинариев²⁶. В эту сумму следует включать оплату не только мира с опасным противником в отсутствие сильного и дорогостоящего византийского войска в Правобережном Подунавье, но и военных услуг союзника при отражении нападений других варваров. Тем самым, стечение обстоятельств и, безусловно, политические таланты самого Тиберия Константина или членов его правительства, сумевших этими обстоятельствами воспользоваться, обеспечили государству на западном и северном направлениях в общем сравнительно небольшие экстраординарные финансовые затраты.

Для полноты картины финансовой политики в правление августа Тиберия II необходимо рассмотреть и так называемые варварские грабежи византийской территории, конкретно — в префектуре Италия [27, fr. 64]²⁷ и в диоцезе Македония [35, VI.25]²⁸.

В случае с Италией византийское правительство, не имевшее сил противостоять варварской оккупации, попросту отказалось от большей части расходов, которых требовало обладание италийской префектурой. Оно, кажется, предоставило равеннской администрации значительную свободу как в организации обороны, так и экономической и финансовой деятельности, оставив за собой внешнеполитическую стратегию, главным образом — сферу дипломатических сношений с лангобардскими

герцогами и франкскими королями. Основным видом расходов при этом являлся подкуп вождей нескольких наиболее крупных племен лангобардов в Италии, которые после того не переставали грабить местное население, но становились союзниками ромейского режима и участвовали в боевых действиях на стороне императора [27, fr. 64]²⁹. Небольшие по византийским меркам субсидии в несколько сот фунтов не ежегодно, но по необходимости, избавляли Тиберия от дополнительных государственных расходов, так как большая часть «лангобардской» дипломатии оплачивалась из доходов православной церкви и местных землевладельцев³⁰.

Во втором случае имеется в виду более определенное событие – набег склавинов 577/578 г., участники которого, подобно многим до них, отчасти остались в византийских пределах вплоть до конца правления Тиберия II. В ходе упомянутого славянского набега грабежу подверглись, как считается в историографии (например, [14, S. 88]), провинции Македония, Фессалия, Фракия, Нижняя Мёзия и Ахайя; при этом «опустошалась» не только сельская местность, но и «города», не могущие долго выдерживать активную осаду [23, а. 576.4]³¹. Трудно утверждать, присматривали ли славяне себе новые места для расселения³², – независимо от этого их интересовала добыча обычного для полусоседнего варвара ценностного ассортимента, который можно было отнять у византийцев: золото и серебро³³, украшения, железные изделия, скот [35, VI.3.25]³⁴ и, наконец, самих подданных императора в качестве пленников [35, VI.3.25]³⁵.

К сожалению, для точного определения размеров произведенного славянами разорения недостаточно тех косвенных данных, что приводят имеющиеся нарративные источники. Все они пользуются словами «опустошили» (что означает, строго говоря, действия, ведущие к исчезновению где-либо людей и домашних животных) и «ограбили» (то есть отняли движимое имущество), которые создают впечатление полного хозяйственного упадка в районах, глубоко затронутых вторжением. При всем том подробностей не сообщает ни один из древних авторов, а сделанные в последние десятилетия археологические находки не поддаются точной датировке, позво-

ляющей охарактеризовать именно данное вторжение; дошедшие до нас законодательные и эпиграфические памятники вовсе молчат о рассматриваемом событии³⁶. Остается домысливать за них, и наиболее разумным объяснением отсутствующих в источниках подробностей славянского нашествия кажется версия об оставленной добыче. Отряды славян, бродившие по Балканам в поисках поживы, были оповещены о нападении на территорию их расселения большой аварской силы в связи с договоренностями с императором; Менандр Протиктор повествует о бедствиях, постигших славянские земли³⁷. Варвары должны были торопиться домой, чтобы остановить аваров, а добыча препятствовала быстрому передвижению. Логично предположить, что от наиболее громоздкой ее части – пленников, рогатого скота и повозок с малочисленными пожитками – славяне отказались, устремившись на родину налегке. Какая-то часть материальных ценностей и людей все же исчезла или была уничтожена, однако многое осталось невредимым. Расчет Тиберия на помощь аваров оказался верным.

Кроме внешнеполитических удач, еще одно событие балканской истории, как представляется, существенно сократило дополнительные расходы Тиберия II. Речь идет об имевшем место в действительности эпизоде [35, VI.30–31]³⁸, который, пройдя обработку фантазией в отдаленных по времени или расстоянию литературных исторических источниках, породил в раннесредневековой традиции тоpos о чудесном обретении василевсом Тиберием кладов, которые помогли ему справиться с финансовыми трудностями и не отказаться от присущей ему щедрости. Между тем Иоанн Эфесский насытил свое краткое сообщение о неудавшемся посольстве Нарсеса большим объемом скрытой информации, которая, будучи корректно истолкованной, способна выступить квинтэссенцией всей финансовой политики Тиберия Константина.

Формально миссия Нарсеса осенью 581 г. [26, р. 930] направлялась для заключения мира с аварским каганом, стоявшим под городом Сирмием. В действительности Нарсес важностью своей фигуры («великий спатарий государства»), многочисленностью вооруженной ойкии («с немалым войском») и

подарками должен был отвлечь кагана Баяна от начатого императором формирования балканской армии из византийских войсковых вексиляций и разного рода наемников, которых предполагалось набирать из западных варваров, пока Нарсес плыл до ставки кагана. Там, возле Сирмия, во время затянувшихся переговоров, против аваров должна была, по замыслу Тиберия, вступить в действие антиаварская походная группировка; каган оказывался перед угрозой войны с более сильным, чем он предполагал, противником и тем самым вынуждался отказаться от своих непомерных требований. Византийско-аварские отношения возвращались к образцу 570 г., который не требовал крупных денежных субсидий и перманентного содержания во Фракии и Иллирике крупных военных сил, то есть – к экспондии авар.

В свете названных истинных намерений имперского правительства в отношении аваров поездка Нарсеса носила характер отвлекающего маневра. Соответственно, при спафарии не было ни крупных боевых сил, ни значительных денежных средств из государственной казны. Имитировать готовность Тиберия к передаче аварам требуемого ими за мир золота должны были сокровища самого Нарсеса³⁹. И вопрос, возникающий в связи с упоминанием Иоанном Эфесским личного имущества спафария Нарсеса, состоит не в том, с какой целью они оказались на кораблях посольства, а в том, сколько их было и, особенно, – сколько их осталось после гибели в море одного из экспедиционных судов. Точный ответ на него невозможен, однако замечание автора о возвращении «оставшегося после него имущества» дает основание полагать, что государственная казна в лице императора унаследовала после смерти, кажется, одинокого Нарсеса немалую имущественную массу, в том числе – золото, серебро и дорогостоящие одежды, то есть все то, что требовали для себя авары. Поэтому полученная каганом плата за мир 581 или 582 г. включала и финансовые средства покойного великого спафария, что тем самым уменьшило соответствующие дополнительные расходы Византийского государства.

Изложенные в сюжете с сокровищами Нарсеса факты наилучшим образом характеризуют финансовую политику Тиберия II, ко-

торая, как водится, выстраивалась во многом под влиянием личных качеств императора. В нем отчетливо просматриваются рациональность и целеустремленность, владение информацией и практичность, способность жертвовать и одновременно экономность; и, наконец, его главное качество – умение видеть и оценивать реальность, что позволяло этому императору предпринимать такие действия, которые исключали часто приписываемый ему полный неуспех.

Результаты. Итак, анализ финансовой политики августа Тиберия Константина, осуществленный на основе имеющихся источниковых данных, выявил ее особенности, которые позволяют говорить о ней как о вполне самостоятельном явлении в истории ранней Византии, несмотря на краткость единоличного правления Тиберия II.

Важной отличительной особенностью финансовой политики августа Тиберия следует признать сосредоточенность на внешнеполитической сфере. И в этом нельзя винить нарративные источники, освещавшие по давней традиции преимущественно войны и дипломатию императоров. Позднеантичная историографическая традиция к числу главных тем относилась и так называемый народ империи, – политическую активность димов и религиозных партий. И эта «народная» тематика в соображениях авторов времени правления Тиберия Константина освещена очень бледно, в самых общих чертах. Объяснением этому интересному факту служит, на наш взгляд, не отсутствие событий во внутренней жизни страны, достойных внимания и пера историков, а то, что Тиберий, став августом, продолжил проявлять активность в тех областях финансовой политики, к которым был допущен в годы кесарства. Дополнительно сыграла свою роль и карьера Тиберия до интронизации: он, как известно, никогда не обращался к делам, которые выходили за круг военных и придворных.

Став единоличным правителем, Тиберий Константин проявил себя грамотным и расчетливым политиком в сфере экстраординарных финансов, которыми в большей мере и обслуживалась внешняя политика Византии. Вероятно, ординарными финансами император интересовался мало. Более того, есть

основания предполагать, что часть обычных финансовых поступлений в казну перенаправлялись им на нерегулярные расходы в сфере внешней политики и на нужды придворной жизни. К чести Тиберия, он не злоупотреблял нарушениями сложившейся веками финансовой дисциплины государства, всемерно ограничивая неизбежные дополнительные расходы. Благодаря самоконтролю в реализации собственных политических предпочтений и рациональному подходу к расходованию финансовых средств Тиберий II не допустил опустошения казны, что являлось тогда важной характеристикой итогов императорского правления.

К слову, внешние и внутривластные обстоятельства благоприятствовали финансовой политике августа Тиберия. Следует отметить, что и сам император умел увидеть выгоды в самой неблагоприятной обстановке и не упустить имевшиеся благоприятные возможности, укрепляя образ мудрого правителя.

Таким образом, финансовая политика августа Тиберия II представляется сплавом традиционных подходов и неожиданных решений, обусловленных своеобразием личности Тиберия. Этот император заложил основы нового для ранневизантийской финансовой практики подхода, который отрицал четкое разделение ординарного и экстраординарного бюджетов. Такой подход вполне укладывается в русло изменений, которые с недавних пор иногда называют медиевализацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таково одно из распространенных, хотя и не вполне корректных титулований этого императора. По числу носителей имени Тиберий он, конечно, является Вторым после Тиберия I (14–37 гг.), хотя в действительности, будучи наречен Тиберием Константином, был первым и единственным, то есть не претендующим на особый порядковый номер.

² Например, у Эдварда Гиббона: «Всякий раз, когда его подданные страдали от ...общественных бедствий или от неприятельских нашествий, он спешил сложить с них недоимки или уменьшить размер налогов; ...Все в Константинополе были уверены, что император нашел сокровище, однако настоящее его сокровище состояло в благородной бережливости...» [1, с. 134].

³ «Следствием такого безрассудства стало то, что когда на трон взошел Маврикий, он обнаружил

казну пустой, а государство — обанкротившимся. ...Поэтому у нас имеются веские основания сместить Тиберия с его пьедестала».

⁴ Более того, относительно времени проведения некоторых из них встречаются разногласия. Например, такую точно датируемую в источнике меру, как снижение налоговой нормы, А. Джонс отнес не к 575, а к 578 г., увязав ее с обретением Тиберием ранга Августа [24, р. 307].

⁵ Расходы, приписываемые кесарю Тиберию, следует рассматривать в контексте финансовой политики императора Юстина II. См.: [7].

⁶ По традиции мы пользуемся не оригинальным текстом «Церковной истории» Иоанна, написанным на сирийском языке в 80-е гг. VI в., а английским переводом дошедшего до нас списка конца VII в. [35], сознавая возможные нежелательные для объективного суждения последствия такого использования и учитывая невозможность иного подхода.

⁷ «Когда он стал царем, и власть оказалась у него одного, он, как гласит предание, увидел своими глазами груды денег, которые собрали Юстин и София, и начал вновь тратить и раздавать их широко и во множестве».

⁸ «...но, наконец, он взял себя в руки и прекратил и дарения, и доступ к нему всякого желающего получить что-либо подобное»; [35, III.14]: «...в первый год после того, как он стал единоличным правителем, он потратил на эти цели не менее 7 200 фунтов золота, кроме серебра, шелковых одежд и других вещей».

⁹ В указанных выше фрагментах «Церковной истории» упоминаются «схоластики, или юристы», «врачи», «серебряных дел мастера», «менялы», «придворные служащие, и деканы, и войска вообще» [35, III.11]; см. также: [35, III.14]: «став василевсом, он отменил налог в 4 дарика, которые царь Юстин наложил на каждое право на получение хлеба при общественной раздаче...».

¹⁰ «Впрочем, он сосредоточил свои благодеяния на богатых...»; об этом же говорит приведенный выше перечень получателей денег.

¹¹ «Любимый император у ИЕ — Тиберий».

¹² «И затем были придворные чины, и деканы, и войска вообще».

¹³ «...груды денег, которые собрали Юстин и София...».

¹⁴ Общую оценку финансовой политики Юстина Младшего см.: [10, с. 541–544].

¹⁵ «...наконец, он взял себя в руки и прекратил как дарения, так и доступ к нему всякого желающего получить что-либо подобное».

¹⁶ «Кроме того, говорят, что... она унесла из дворца несколько сот фунтов золота и поместила его в своем доме; сколько его было, мы не будем

пытаться описывать, так как не знаем правду относительно этого дела, но его количество было весьма велико; и с ним она взяла иное царское имущество».

¹⁷ См., например: [35, VI.27]: «Ромейские войска... бросились в область Арзун, опустошали... и брали в плен по всей области... Все пленные, которые были приведены оттуда, по приказу императора были посланы на остров Кипр...»; [34, III.17.3–4]: «...с наступлением лета, собрав войско, Маврикий предпринял вторжение в Персию..., чтобы разграбить мидийскую землю. Они... опустошили... все плодородные и самые цветущие области Персии...»; [22, V.30]: «Войско Тиберия разбило персов, вернулось победителем и привезло с собой столько добычи, что полагали, что она могла удовлетворить любую человеческую жадность».

¹⁸ «Он отправил для охранения Сирмия полководцев и других военачальников одних через иллирийские области, других – через Далмацию». (Здесь и далее для цитирования использован русскоязычный перевод и ссылка на соответствующие фрагменты из издания: [4]).

¹⁹ О видах и размерах дополнительных затрат ранней Византии «на дипломатию» см.: [12, с. 45–51].

²⁰ О чем свидетельствует, например, упомянутое выше расселение пленных подданных шаха на острове Кипр, где они пополнили податное население и включились в процесс материального производства. Это, как и практика частых грабительских рейдов в Иран, было своеобразным заимствованием у того же Ирана, которое оказалось новым источником дополнительного дохода именно при Тиберии II.

²¹ Например: [35, VI.30].

²² Войска переводились с балканского театра на Восток еще в годы правления Юстина II в связи с тем, что Персидская война расценивалась Константинополем в качестве безусловного приоритета внешней политики вплоть до заключения мирного договора с Ираном в 591 году.

²³ «80 000 золотых ...серебром и разноцветными одеждами».

²⁴ *voúισματα... ὀκτακόσια*.

²⁵ «...до восьмидесяти тысяч золотых». Данный фрагмент чрезвычайно противоречив в информационном плане. В нем перемешана хронология и последовательность событий; вероятно, фраза из этого фрагмента о том, что субсидии аварам «доходили ежегодно до 80 000 золотых, в действительности обращена не в прошлое, где для нее не найдется подтверждений, а в будущее, наступившее после заключения договора 580/581 года. В таком случае названное число тоже выглядит гипотетическим, явившись, тем не менее, первоисточником для Феофилакта Симокатты.

²⁶ Считая, что первый взнос такого рода произвели уже в 581 г., за два года должны были отдать 160 тыс. солидов, что составляло 2 222,22 фунта золота.

²⁷ «Италия почти вся была опустошена лонгивардами». Это, по всей видимости, общая оценка всех предыдущих лет нахождения лангобардов в Италии до интронизации Тиберия Константина.

²⁸ «В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиберия, вышел проклятый народ славяне и прошли всю Элладу, области Фессалоникии и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область, и поселились в ней... как в своей собственной»; см. также [27, fr. 50]: «Эллада была опустошаема склавинами...».

²⁹ «Многие из самых могущественных перешли к римлянам, получив от императора выгоды».

³⁰ Именно так следует интерпретировать следующий фрагмент, датированный периодом кесарства Тиберия Константина [27, fr. 51]: «Кесарь послал в Италию много золота – до тридцати кентинариев, привезенных царским патриkiem Памфронием из Древнего Рима в Царьград».

³¹ «Славяне захватывают во Фракии многие римские города и, разорив, оставляют опустевшими»; см. также [35, VI.3.25]: «Они захватили много городов и крепостей...».

³² Такая версия существовала в советской историографии. См., например: [6, с. 136].

³³ Иоанн Эфесский прямо говорит о наличии их у славян, задержавшихся во Фракии [35, VI.3], а Менандр предполагает, что в славянской земле скопилось «много денег» [27, fr. 50].

³⁴ «...табуны лошадей и другого скота».

³⁵ См. также [27, fr. 65]: «Каган отвечал... что он и прежде в угоду ромейскому василевсу... возвратил свободу многим мириадам римских подданных, бывших в неволе у склавинов» (имеется в виду набег Баяна на славянские земли в 578 г.).

³⁶ Хотя кесарь Тиберий, вскоре ставший августом, прослыл великодушным императором, не оставившим подданных в беде, и потому должен был как-то отреагировать на разорение балканских провинций, если бы таковое действительно было масштабным. Ср.: [18, no. 163.Π], где перечисляются регионы, получившие освобождение от налогов, и среди них особо – провинции Скифия и Нижняя Мёзия.

³⁷ Кстати, об этом он сообщает более подробно, чем о бедствиях, постигших Элладу и Фракию из-за славян [27, fr. 50].

³⁸ «...он послал к ним Нарсеса, великого спарфария государства, чтобы... задержать их. Нарсес взял с собой много золота, своего и государственного...

Славный спафарий Нарсес выехал... с изобилием золота и различными одеждами. Много кораблей было наполнено всяким добром... Один корабль со множеством золота и всего прочего... потонул в первый же день пути. Нарсес узнал об этом, ...впал в мучительную болезнь... и умер. ...Все остальное множество оставшегося после него имущества вернули с трудом».

³⁹ В специальной литературе высказывалось мнение о том, что Нарсес планировал устроить на свои деньги выгодную торговлю с аварами [5, с. 35], что кажется маловероятным в силу отсутствия у варваров коммерчески привлекательных товаров и, вообще, вследствие слабой интенсивности товарно-денежных отношений в таком регионе, как Подунавье последней четверти VI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиббон, Э. Закат и падение Римской империи / Э. Гиббон. – М. : Терра, 1997. – Т. V. – 482 с.
2. Глушанин, Е. П. Военная знать Ранней Византии / Е. П. Глушанин. – Барнаул : День, 1991. – 246 с.
3. Дьяконов, А. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды / А. Дьяконов. – СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1908. – V, 417 с., ил.
4. Менандр Византиец // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с гр. С. Дестунис. – Рязань : Александрия, 2003. – С. 229–348.
5. Пигулевская, Н. В. Авары и славяне в сирийской историографии / Н. В. Пигулевская // Советское востоковедение. – 1941. – Т. II. – С. 27–36.
6. Пигулевская, Н. В. Византия и славяне / Н. В. Пигулевская // Пигулевская, Н. В. Ближний Восток, Византия, славяне / Н. В. Пигулевская. – Л. : Наука, 1976. – С. 131–148.
7. Серов, В. В. Личная жизнь Юстина Младшего в свете данных нумизматики / В. В. Серов // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества / отв. ред. и сост. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир ; Волгоград : [б. и.], 2011. – С. 179–189.
8. Серов, В. В. Новелла Тиберия Константина об уменьшении налогового бремени / В. В. Серов // Иресиона. Античный мир и его наследие. – 2015. – Вып. IV. – С. 219–226.
9. Серов, В. В. О властных полномочиях кесаря Тиберия Константина / В. В. Серов // Античная древность и средние века. – 2015. – Вып. 43. – С. 103–116.
10. Серов, В. В. Финансовая политика императоров Ранней Византии в VI веке : дис. ... д-ра ист. наук / Серов Вадим Валентинович. – Тюмень, 2010. – 610 с.
11. Серов, В. В. Фракции ранневизантийского легковесного солида / В. В. Серов // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург – Репино, 18–23 апреля 2011 г.) : тез. докл. и сообщений. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – С. 35–36.
12. Серов, В. В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке (опыт историко-политико-экономического исследования) / В. В. Серов. – Барнаул : Азбука, 2010. – 256 с.
13. Сорочан, С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.) : Очерки истории и культуры / С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2005. – 1643 с.
14. Avenarius, A. Die Awaren in Europa / A. Avenarius. – Amsterdam : A.M. Hakkert ; Bratislava : Veda, 1974. – 285 S.
15. Bury, J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Vol. II / J. B. Bury. – London : Macmillan and Co., 1889. – xxiv, 579 p.
16. Cameron, A. The Empress Sophia / A. Cameron // Byzantion. – 1975. – Vol. 45. – P. 5–21.
17. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 / rec. I. Reiske. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1829. – LXII, 807 p.; Vol. 2. – Bonnae : Imp. Ed. Weberi, 1830. – 903 p.
18. Corpus Juris Civilis. T. III. Novellae Justiniani / ed. R. Schöll, G. Kroll. – Berolini : Apud Weidmannos, 1959. – 900 p.
19. Feissel, D. Magnus, Mégas et les curateurs des “maisons divines” de Justin II à Maurice / D. Feissel // Travaux et mémoires. – 1985. – T. 9. – P. 465–476.
20. Garland, L. Byzantine Empresses : Women and Power in Byzantium, AD 527–1204 / L. Garland. – London ; New York : Routledge, 1999. – 330 p.
21. Goffart, W. Byzantine Policy in the West under Tiberius II and Maurice : The Pretenders Hermenegild and Gundovald / W. Goffart // Traditio. – 1957. – Vol. 13. – P. 73–118.
22. Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X / ed. B. Krusch, W. Levison. – Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1951. – 566 p. – (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum ; T. I, Pars 1).
23. Iohannis Abbatus Biclarensis Chronica. A. DLXVII–DXC / ed. Th. Mommsen // Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. – Berolini : Weidmann, 1894. – P. 207–220. – (Monumenta Germaniae Historica : Auctores antiquissimi ; T. XI).
24. Jones, A. H. M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey / A. H. M. Jones. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1986. – 1518 p.
25. Kaplan, M. Nouvelle de Tibère II sur les “maisons divines” / M. Kaplan // Travaux et mémoires. – 1981. – T. 8. – P. 237–245.

26. Martindale, J. R. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. III : A.D. 527–641 / J. Martindale. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – XLIII, 1575 p.
27. Menandri Protectoris Fragmenta / ed. L. Dindorf // *Historici Graeci minores*. T. II. – Lipsiae : B.G. Teubneri, 1871. – P. 1–131.
28. Métivier, S. *La Cappadoce aux premiers siècles de l'Empire byzantin : Recherche d'histoire provinciale*. Thèse / Sophie Métivier. – Paris, 2001. – 300 p.
29. Pauli Historia Langobardorum / ed. G. Waitz. – Hannover : Hahniani, 1878. – 268 p. – (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi).
30. Rochow, I. *Die Heidenprozesse unter den Kaisern Tiberios II. Konstantinos und Maurikios* / I. Rochow // *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus* / hrsg. von H. Köpstein, F. Winkelmann. – Berlin : Akademie Verlag, 1976. – S. 120–130.
31. Shahîd, I. *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century*. Vol. I / I. Shahîd. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. – 1145 p.
32. Stein, E. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus* / E. Stein. – Stuttgart : J.B. Metzler, 1919. – 170 S.
33. Theophanis Chronographia. Vol. 1 : *Textum graecum continens* / rec. C. de Boor. – Hildesheim : G. Olms, 1980. – VIII, 503 p.
34. Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo / rec. I. Bekker. – Bonn : Ed. Weber, 1834. – 354 p.
35. *The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus* / transl. by R. P. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 1860. – xiv, 463 p.
36. Trombley, F. R. *The Operational Methods of the Late Roman Army in the Persian War of 572–591* / F. R. Trombley // *The Late Roman Army in the East from Diocletian to the Arab Conquest : Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005)* / ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. – Oxford : Archaeopress, 2007. – P. 1–36. – (BAR International Series ; 1717).
37. Turtledove, H. N. *Samaritans, Jews and Pagans during the Reign of Justin II and Tiberius II Constantine* / N. H. Turtledove // *Byzantine Studies / Etudes Byzantines*. New Series. – 1996–1997. – Vol. 1–2. – P. 162–178.
2. Glushanin E.P. *Voennaya znat Ranney Vizantii* [Military Nobility of the Early Byzantium]. Barnaul, Den Publ., 1991. 246 p.
3. Dyakonov A. *Ioann Efesskiy i ego tserkovno-istoricheskie trudy* [John of Ephesus and His Ecclesiastical History]. Saint Petersburg, Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1908. V, 422 p., ill.
4. Menandr Vizantiets [Menander the Byzantine]. *Vizantiyskie istoriki Deksipp, Evnapiy, Olimpiodor, Malkh, Petr Patritsiy, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiets* [The Byzantine Historians Dexippus, Eunapius, Olympiodorus, Malchus, Peter the Patrician, Menander, Candidus, Nonnosus and Theophanes the Byzantine]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2003, pp. 229–348.
5. Pigulevskaya N.V. *Avary i slavyane v siriyskoy istoriografii* [The Avars and the Slavs in the Syrian Historiography]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], 1941, vol. 2, pp. 27–36.
6. Pigulevskaya N.V. *Vizantiya i slavyane* [Byzantium and the Slavs]. Pigulevskaya N.V. *Blizhniy Vostok, Vizantiya, slavyane* [Near East, Byzantium, the Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 131–148.
7. Serov V.V. *Lichnaya zhizn Yustina Mladshego v svete dannykh numizmatiki* [Private Life of Justin the Second by the Numismatic Data]. Balabanov N.D., Malahov S.N., eds. *Mir Vizantii. Problemy istorii Tserkvi, armii i obshestva* [World of Byzantium. Problems of the History of Church, Army, and Society]. Armavir, Volgograd, s.n., 2011, pp. 179–189.
8. Serov V.V. *Novella Tiberiya Konstantina ob umenshenii nalogovogo bremeni* [The Novel of Tiberius Constantinus About the Tax-Reduction]. *Iresiona. Antichnyy mir i ego nasledie* [Iresiona. Ancient World and Its Heritage], 2015, iss. 4, pp. 219–226.
9. Serov V.V. *O vlastnykh polnomochiyakh kesarya Tiberiya Konstantina* [On the Powers of Tiberius Constantine the Caesar]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages], 2015, iss. 43, pp. 103–116.
10. Serov V.V. *Finansovaya politika imperatorov Ranney Vizantii v VI veke: dis. ... d-ra ist. nauk* [Financial Policies of the Byzantine Emperors in the 6th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Tyumen, s.n., 2010. 610 p.
11. Serov V.V. *Fraktsii rannevizantiyskogo legkovesnogo solida* [Coin Fractions of the Early-Byzantine Light-Weight Solidi]. *XVI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Sankt-Peterburg – Repino, 18–23 aprelya 2011 g.): tez. dokl. i soobsheniya* [Proceedings of the 16th All-Russian Numismatic Conference (Saint Petersburg, April 18–23, 2011). Abstracts of Reports and Statements]. Saint Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitazha, 2011, pp. 35–36.
12. Serov V.V. *Chrezvychaynyy byudzhets Vizantii v VI veke (opyt istoriko-politiko-ekonomicheskogo*

REFERENCES

1. Gibbon E. *Zakat i padenie Rimskoy imperii* [History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow, Terra Publ., 1997, vol. 5. 482 p.

issledovaniya) [Extraordinary Budget of Byzantium in the 6th Century. (Experience of Historical, Political, and Economic Research)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2010. 256 p.

13. Sorochan S.B. *Vizantiyskiy Cherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X v.: Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Cherson from the Second Half of the 6th Century to the First Half of the 10th Century. Essays on History and Culture]. Kharkov, Maydan Publ., 2005. 1643 p.

14. Avenarius A. *Die Awaren in Europa*. Amsterdam, A.M. Hakkert, Bratislava, Veda, 1974. 285 S.

15. Bury J.B. *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.)*. Vol. 2. London, Macmillan and Co., 1889. xxiv, 579 p.

16. Cameron A. The Empress Sophia. *Byzantion*, 1975, vol. 45, pp. 5-21.

17. Reiske I., ed. *Constantini Porphyrogeniti imperatori De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo*. Vol. 1. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1829. LXII, 807 p.; Vol. 2. Bonnae, Imp. Ed. Weberi, 1830. 903 p.

18. Schöll R., Kroll G., eds. *Corpus Juris Civilis*. Vol. 3. *Novellae Justiniani*. Berolini, Apud Weidmannos, 1959. 900 p.

19. Feissel D. Magnus, Mégas et les curateurs des “maisons divines” de Justin II à Maurice. *Travaux et mémoires*, 1985, vol. 9, pp. 465-476.

20. Garland L. *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, AD 527–1204*. London, New York, Routledge, 1999. 330 p.

21. Goffart W. Byzantine Policy in the West Under Tiberius II and Maurice: The Pretenders Hermenegild and Gundovald. *Traditio*, 1957, vol. 13, pp. 73-118.

22. Krusch B., Levison W., eds. *Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X*. Hannover, Impensis bibliopolii Hahniani, 1951. 566 p. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum; vol. 1, pt. 1).

23. Mommsen Th., ed. Iohannis Abbatus Biclarenensis Chronica. A. DLXVII–DXC. *Chronica minora saec. IV. V. VI. VII*. Berolini, Weidmann, 1894, pp. 207-220. (Monumenta Germaniae Historica: Auctores antiquissimi; vol. 11).

24. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1986. 1518 p.

25. Kaplan M. Nouvelle de Tibère II sur les “maisons divines”. *Travaux et mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 237-245.

26. Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. III: A.D. 527–641. Cambridge, University Press, 1992. XLIII, 1575 p.

27. Dindorf L., ed. Menandri Protectoris Fragmenta. *Historici Graeci minores*. Vol. II. Lipsiae, B.G. Teubneri, 1871, pp. 1-131.

28. Métivier S. *La Cappadoce aux premiers siècles de l'Empire byzantin: Recherche d'histoire provinciale*. Thuse. Paris, s.n., 2001. 300 p.

29. Waitz G., ed. *Pauli Historia Langobardorum*. Hannover, Hahniani, 1878. 268 p. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi).

30. Rochow I. Die Heidenprozesse unter den Kaisern Tiberios II. Konstantinos und Maurikios. Köpstein H., Winkelmann F., hrsg. *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus*. Berlin, Akademie Verlag, 1976, S. 120-130.

31. Shahîd I. *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century*. Vol. I. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. 1145 p.

32. Stein E. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus*. Stuttgart, J.B. Metzler, 1919. 170 S.

33. Boor C. de, ed. *Theophanis Chronographia*. Vol. 1: *Textum graecum continens*. Hildesheim, G. Olms, 1980. 503 p.

34. Bekker I., ed. *Theophylacti Simocatae Historiarum libri octo*. Bonn, Ed. Weber, 1834. 354 p.

35. *The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus*. Oxford, Oxford University Press, 1860. xiv, 463 p.

36. Trombley F.R. The Operational Methods of the Late Roman Army in the Persian War of 572–591. Lewin A.S., Pellegrini P., eds. *The Late Roman Army in the East from Diocletian to the Arab Conquest: Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005)*. Oxford, Archaeopress, 2007, pp. 1-36. (BAR International Series; 1717).

37. Turtledove H.N. Samaritans, Jews and Pagans During the Reign of Justin II and Tiberius II Constantine. *Byzantine Studies / Etudes Byzantines. New Series*, 1996–1997, vols. 1–2, pp. 162-178.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Sector of History and Culture, Barnaul Orthodox Seminary, Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, доцент, заведующий сектором истории и культуры Византии, Барнаульская православная духовная семинария, пер. им. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.13>

UDC 94(393)

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 22.02.2021

Accepted: 13.05.2021

THE WILL OF EUSTATHIOS BOILAS IN THE CONTEXT OF BYZANTINE-GEORGIAN POLITICAL RELATIONS IN THE 11th CENTURY ¹

Dmitry A. Kosourov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article considers the data of the Will of the Byzantine nobleman Eustathios Boilas about his possessions in the Byzantine theme Iberia and Great Armenia in the context of political relations between Byzantium and the Georgian Kingdom in the 1040s and 1050s. **Methods.** The comparison of the texts of different written traditions is carried out. The data of the Will of Eustathios Boilas is analyzed in the context of “Chronicle of Kartli” from the corpus of the Kartlis Tskhovreba and the other sources. **Analysis.** The comparison of information from all the texts indicates that Boilas’ possessions even reached beyond the theme of Iberia, in particular, to the Northern Tao and part of Klarjeti. From the late 30s of the 11th century this territory became the arena of a cruel Georgian civil conflict between the Georgian king Bagrat IV and the Byzantium ally, the Duke of Kldekari Liparit IV Baghuashi. The defeat of Liparit in this conflict between 1053 and 1057 forced Byzantium to abandon its new acquisitions in Northern Tao, as a result of which, among other things, Eustathios Boilas lost several of his lands, which were transferred to Bagrat IV and his allies. **Results.** As the study shows, the borders of the theme Iberia and Great Armenia in the period from 1047 to 1053/1057 expanded to the north, including the territory of the Northern Tao and possibly part of Klarjeti, which was ruled by the Byzantine ally Liparit. The combination of data from both Byzantine and Georgian texts assumes to revise the generally accepted point of view about the administrative boundaries of the Iberia and Great Armenia theme.

Key words: Byzantine Empire, Kingdom of Georgia, Eustathios Boilas, Chronicle of Kartli, Tao-Klarjeti, Theme of Iberia and Great Armenia.

Citation. Kosourov D.A. The Will of Eustathios Boilas in the Context of Byzantine-Georgian Political Relations in the 11th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 152-160. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.13>

УДК 94(393)

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 22.02.2021

Дата принятия статьи: 13.05.2021

ЗАВЕЩАНИЕ ЕВСТАФИЯ ВОИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XI ВЕКЕ ¹

Дмитрий Алексеевич Косоуров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются данные завещания византийского вельможи Евстафия Воилы о его владениях в восточной провинции империи в контексте политических отношений между Византией и Грузинским царством в 1040-е и 1050-е годы. По наиболее распространенной точке зрения земли Воилы находились в феме Иверия и Великая Армения, которая на протяжении большей части XI в. подвергалась непрерывным посягательствам со стороны Грузии. Сопоставление данных «Завещания» с описанной в грузинской «Летописи Картли» историей гражданского конфликта грузинского царя Баграта IV с союзником Византии, клдекарским эриставом Липаритом Багваши, позволяет уточнить несколько положений о византийской восточной политике и территориально-административном устройстве фемы Иверия и

Великая Армения в середине XI века. Ключевой вывод заключается в факте увеличения территории фемы за счет включения в ее состав земель Северного Тао и, вероятно, части территории Кларджети в период с 1047 по 1053/1057 годы. Помимо этого, сведения «Завещания» о потере Воилой части своих владений дают возможность конкретизировать датировки событий заключительного этапа внутригрузинской войны, окончившейся поражением Липарита Багваши, в результате чего территориальная экспансия Византии в картвельские земли окончательно завершилась.

Ключевые слова: Византийская империя, Грузинское царство, Евстафий Воила, Летопись Картли, Тао-Кларджети, фема Иверия и Великая Армения.

Цитирование. Косоуров Д. А. Завещание Евстафия Воилы в контексте византийско-грузинских политических отношений в XI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 152–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.13>

Введение. Завещание Евстафия Воилы – уникальный памятник византийской литературы второй половины XI в., дающий ценную информацию о структуре и жизни поместья крупного землевладельца на востоке империи. Впервые греческий текст был издан В.Н. Бенешевичем [5, с. 221–231]. В 1911 г. пересказ основного содержания и комментариев к нему, в особенности касающийся упомянутых материальных предметов, был сделан П.В. Безобразовым [4]. В 1957 г. С. Врионис внес ряд изменений в изданный Бенешевичем текст в соответствии с оригиналом рукописи из Парижской Национальной библиотеки и перевел завещание на английский язык [19, р. 264–272]. Позднее, в 1961 г., Р.М. Бартикян внес дополнительные коррективы в издание греческого текста и выполнил его подробный критический источниковедческий анализ [3, с. 26–37]. В 1977 г. П. Лемерль выполнил новое издание греческого текста «Завещания» на основе той же парижской рукописи [17, р. 20–29].

Текст завещания датируется по упоминанию в нем году (апрель 1059 г.) и посвящен различным распоряжениям византийского вельможи ипата и протоспафария Евстафия Воилы относительно его собственности в некой восточной провинции. Несмотря на первоначальное отождествление упомянутых в завещании земель в таких фемах, как Антиохия, Месопотамия или Эдесса [17, р. 46–47], авторы важнейших исследований памятника, С. Врионис и Р.М. Бартикян, убедительно показали, что Евстафий Воила обладал собственностью в феме Иверия [19, р. 274–276; 3, с. 32–34]. Эта точка зрения позднее была принята и развита другими отечественными византинистами [1; 2; 10; 13]. Более того, С. Врионис

первым идентифицировал два упомянутых в завещании топонима, а именно Καλμουχῆ («Калмухи» – местность в Северном Тао) и Κοπτερίου («Коптерион», то есть Капетра, место битвы византийцев с сельджуками в сентябре 1048 г. к югу от Феодосиополя) [19, р. 275]. Р.М. Бартикян же развил гипотезу С. Вриониса, предложив идентификацию еще для трех топонимов завещания, вероятно расположенных вблизи Аргануджи: Ταντζούτην («Тандзут») = Тандзот; Βαρτᾶ («Варта») = Вартхел или Вартасхеви; Ὀφιδούβουνι («Офидовуни») = Описа или Описчала [3, с. 32] ².

Если мы принимаем гипотезу об отождествлении владений Евстафия Воилы с землями в бывших княжествах Тао-Кларджети, то перед нами встает вопрос о принадлежности этих территорий империи. Обычно считается, что в состав фемы Иверия входила лишь территория Южного Тао (бывшие земли Давида III Куропалата), но никак не территория Кларджети, которая принадлежала другой линии династии тао-кларджетских Багратидов, а при Баграте III, в 1012 г., и вовсе вошла в состав Грузинского царства [6, с. 228]. В то же время вопрос о точных границах фемы Иверия до сих пор остается открытым: еще при описании событий в период правления императора Константина VIII (1025–1028), в первые годы существования фемы, Аристокс Ластивертци сообщает, что местные тао-кларджетские феодалы обменивали свою земельную собственность на владения в малоазийской части империи, без уточнения локализации переданных участков [9, с. 70]. В этой связи целесообразно рассмотреть данные «Завещания» в совокупности с грузинскими письменными источниками, содержащими информацию о положении фемы

Иверия и прилегающих к ней картвельских территорий по состоянию на 1050-е годы.

Методы. Для реконструкции истории и судьбы земельных владений Евстафия Воилы в феме Иверия и Великая Армения в исследовании используется метод сравнения текстов различных письменных традиций. Данные «Завещания Евстафия Воилы» анализируются в контексте сведений «Летописи Картли» («მაცთბე ქართლის», далее – «ЛК») из грузинского летописного свода «Картлис цховреба», а также фрагментов из «Обозрения истории» византийского писателя Иоанна Скилицы и «Хронографии» армянского хрониста Маттеоса Урхайеци. Это позволяет уточнить хронологию и дополнительные факты описанных в «Завещании» событий, их роль и значение для политических отношений между Византийской империей и Грузинским царством в 40–50-х гг. XI в., а также административное устройство и границы византийской фемы Иверия и Великая Армения в этот период. Изучение источников основано на применении историко-критического метода с параллельным привлечением и критической оценкой имеющейся исследовательской литературы как по этой теме, так и по смежным с ней темам внутренней и внешней политики Византии на Востоке в XI веке.

Анализ. В исследовательской литературе мнения византинистов, исследовавших административный состав фемы Иверии в 40–50-х гг. XI в., разделились. Так, В.А. Арутюнова-Фиданян на основании лишь данных завещания предположила, что Кларджети вошла в состав империи в 40–50-х гг. XI в. [1, с. 95; 2, с. 63]. Данную точку зрения без дополнительных аргументов поддержал К.Н. Юзбашян, предложивший более детально изучить и пересмотреть вопрос об общепринятой в историографии границе византийской фемы Иверии с Грузинским царством по реке Чорох [13, с. 73–74]. Это предположение вызвало резкое возражение В.П. Степаненко, справедливо заметившего, что упомянутые в тексте завещания дуки Михаил и Василий, которым подчинялся Евстафий Воила, неизвестны по другим источникам как дуки Иверии или Кларджети. Более того, существование отдельного дуката Кларджети (по гипотезе В.А. Арутюновой-Фиданян) в составе катепаната (Иверия до захвата империей Анийского

царства в 1045 г.) или другого дуката (Иверия после 1045 г.) невозможно ³ [10, с. 182–183].

Дополнительные трудности связаны с определением точного времени прибытия Евстафия Воилы в Иверию и идентификацией вышеупомянутых дук Михаила и его сына Василия, к которым отошли часть владений Воилы. Последняя проблема не решена однозначно образом до сих пор. Дело в том, что еще С. Врионис на основании сходства имен и данных записи монаха Феодула (писца завещания), предшествующей в той же рукописи тексту завещания [5, с. 220], отождествил дуку Михаила и его сыновей магистра Василия и вестарха Фаресмана с представителями семьи Апокапов, широко известной по событиям византийской истории второй половины XI в. в греческих и армянских текстах [19, р. 274–275]. Более того, казалось бы, становится понятной и причина их правления в Иверии, так как по данным Маттеоса Урхайеци Апокап (отождествляемый с дукой Михаилом) был стражем шатра Давида III Куропалата, то есть представителем местной знатной фамилии и уроженцем Тао-Кларджети [15, р. 45]. Однако такое отождествление было оспорено Р.М. Бартияном и К.Н. Юзбашяном, которые на основании сопоставления данных из византийских текстов и сведений Маттеоса Урхайеци обнаружили ряд хронологических и фактических нестыковок, не позволяющих отождествить семью дуки Михаила «Завещания» с Апокапами ⁴ [3, с. 34–36; 13, с. 81–82]. Более того, К.Н. Юзбашян, исследовав обозначение Василия в тексте «Завещания» как διὰδοχος его отца Михаила по аналогичным документам византийского права, посчитал, что Василий отмечен в «Завещании» только как наследник имущества Михаила, а не его преемник в управлении фемой [13, с. 78–80]. В то же время, на сегодняшний день, точка зрения о принадлежности этой семьи к Апокапам получила новые аргументы в свою пользу, но без окончательного решения вопроса. Так, В.П. Степаненко указал на обнаруженную в районе Силистры на Дунае печать магистра Василия Апокапа (он назван дукой Парадунависа в записи Феодула 1059 г. и архонтом придунайских областей по состоянию на 1064 г. у Продолжателя Скилицы), а также на традиционное повторение имен через поколе-

ние в семьях выходцев из Тао-Кларджети [11, с. 107–111]. Кроме того, П. Лемерль попытался оспорить сообщение Маттеоса Урхайеци о том, что Апокап был жив в 1065 г., выдвинув тезис о его глубоко старческом возрасте к этому времени, если именно этот Апокап был стражем шатра Давида III Куропалата († 1000 г.) [17, р. 52–53]. Однако идентификация этих двух Апокапов друг с другом является лишь предположением. К тому же, сведения местного жителя и хрониста Эдессы Маттеоса о властях его родного города явно должны обладать большей достоверностью, чем все позднейшие реконструкции. В связи с этим следует согласиться с мнением В.П. Степаненко, что лишь введение в научный оборот новых сигиллографических источников, вероятно, сможет лучше прояснить этот запутанный вопрос⁵ [11, с. 110].

Что касается времени прибытия Евстафия Воилы в Иверию, то здесь ситуация выглядит более отчетливой. Еще С. Врионис связал вынужденный отъезд Воилы с семьей из Каппадокии с неудачным заговором его родственника, Романа Воилы, против императора Константина IX Мономаха в 1051–1052 гг., о котором известно из «Обозрения истории» Иоанна Скилицы [16, р. 473–474.44–84; 19, р. 273–274]. К.Н. Юзбашян уточнил версию С. Вриониса, и, разобрав хронологические сведения о членах семьи Воилы по тексту «Завещания», датировал переселение протоспафария в Иверию 1051/52–1053 гг. [13, с. 76–77]. Такая датировка совпадает с временем возвращения грузинского царя Баграта IV из его второго трехлетнего посольства в Византию (1050–1052/1053) и, на наш взгляд, данные «Завещания» позволяют уточнить ряд важнейших деталей византийско-грузинских отношений в 1050-е годы. В этой связи необходимо сопоставить данные «Завещания» Воилы со сведениями грузинской «ЛК».

В «Завещании» Евстафий Воила сообщает, что несколько его владений, а именно Офидовуни, Куснерии и Калмухи, были переданы им дуге Михаилу по его просьбе в период до 1059 г.⁶ [17, р. 22]. Еще С. Врионисом была отмечена схожесть топонима «Калмухи» с одноименной местностью в регионе Тао-Кларджети [19, р. 275–276]. Эта крепость находилась в Северном Тао (местность к северу от совр. города Шенкая в иле Эрзурум Турции) и неоднократно упомянута в «ЛК» [20, гл. 281–282]. Грузин-

ский историк Ш.А. Бадридзе, специально занимавшийся идентификацией топонимов «Завещания» Воилы, усомнился, что в нем речь идет именно о таойской крепости, так как, с его точки зрения, византийцы ей никогда не владели [14, р. 175]. Стоит отметить, что в своем единственном доказательстве о наличии хронологических нестыковок Ш.А. Бадридзе полностью опирается на сильно устаревшую хронологию текста «ЛК», предложенную И.А. Джавахивили [14, р. 175–176], которая требует полного пересмотра. Так, И.А. Джавахивили, опираясь на неверное указание рукописи Sin. 38 об освобождении Липарита из сельджукского плена под 1051 г., датировал последнее посольство Баграта IV в Константинополь, состоявшееся после возвращения Липарита, под 1054–1057 гг. [22, гл. 136–137]. В действительности же Липарит, согласно колофону рукописи Q-1376 из лекционария иерусалимской традиции, вернулся из плена в 1049 г., и, таким образом, посольство Баграта IV в Византию после освобождения Липарита состоялось в 1050–1052/53 гг. [8, с. 48–49; 21, гл. 316–318]. В результате этой указанной ошибки, в работах И.А. Джавахивили, посвященных «ЛК», как и практически во всей последующей грузинской историографической традиции, опирающейся на его труды, оказалась нарушена хронологическая связь между всеми описанными событиями после 1050-х гг. [8, с. 48–49]. Именно по причине опоры на неверную датировку фрагментов «ЛК» исследователи ранее часто отрицали возможность соотнесения информации «Завещания» с данными грузинского текста [10, с. 182–183].

Что касается принадлежности крепости Калмахи, то, согласно тексту «ЛК», около 1047 г. ее эристав Сула вместе с эриставом Артануджи Григолом попали в плен к Липариту Багваши после сражения у Аркисцихе и были подвергнуты суровым пыткам [6, с. 156]. По словам летописца, Сула не отдал Липариту свою крепость, в отличие от Григола. Далее Сула появляется на страницах «ЛК» после возвращения Баграта IV из второго византийского посольства, датируемого 1052/1053 г. [21, гл. 318]. Недовольные усилением Липарита после коронации Георгия II, Сула и все другие месхские дидебулы захватили Липарита вместе с его сыном Иване [6, с. 157]. При этом летописец подчеркивает, что

пленники были уведены Сулой именно в его вотчину – Калмахи. За это пленение Липарита на встрече в джавахетской Султе Баграт IV лично одарил Сулу несколькими месхетскими крепостями (Цихис-Джвари, Одзрхе, Бодоклде) и множеством богатств; Сула же передал царю все крупнейшие владения Липарита, среди которых «ЛК» называет Артануджи, Квели, Уплисхихе и Биртвиси [6, с. 158]. Именно этот захват Сулой Калмахели стал роковым для всей власти Липарита: увенчанный вместе с сыном в Триалети, Липарит под суровыми пытками отдал Баграту даже свою родовую вотчину, крепость Клдекари, после чего постригся в монахи и, вероятно, ушел в Византию [6, с. 177]. Что касается сына Липарита, Иване, то он перешел на службу к Баграту, за что получил под управление Аргвети, однако вскоре сбежал на несколько лет в Византию, чем вызвал гнев грузинского царя. Вскоре, однако, после ходатайств своего отца, Иване был возвращен Багратом в Грузию, получив на этот раз, помимо Аргвети, под управление и Картли, за что тогда, по словам летописца, начал предано служить царю [6, с. 158].

Эти описанные в «ЛК» важнейшие события не имеют точных датировок и определяются лишь по косвенным свидетельствам. Так, например, Аристокс Ластивертци сообщает несколько подробностей о судьбе Иване, сына Липарита, при описании противостояния императора Михаила VI Стратиотика и военачальника Исаака Комнина, произошедшего летом 1057 г. [9, с. 110–111]. Так, Иване, которому была пожалована от империи малоазийская территория вблизи Иверии ⁷, воспользовавшись начавшимися смутами, разорил и захватил крепости вблизи Феодосополя, и даже попытался взять сам город, выдавая себя за посланника императора. Однако горожане и наместник города вызвали против сына Липарита войско магистра фемы из Ани, и Иване вынужден был обратиться за помощью к сельджукам, которые, по драматичному рассказу армянского писателя, ужасно разорили окрестные армянские области [9, с. 111–113]. Что касается даты возвращения Иване в Грузию, то оно точно датируется по рукописям монастыря Кацхи 1059 г. [22, 83. 138].

Таким образом, описанное в «ЛК» падение Липарита приходится на годы между

1052/1053 (возвращение Баграта IV из Византии) и 1057 (бегство Иване Липаритиды в империю). Как было отмечено ранее, переселение Евстафия Воилы также приходится на близкое к этим событиям время 1051/52–1053 годов. Судя по всему, Воила действительно обосновался в феме Иверия: это соответствует как византийской практике ссылки политических преступников знатного происхождения на самые дальние окраины империи, так и описанным самим протоспафарием условиям на новом месте жительства с упоминанием крайне скудной пустынной земли, множества диких зверей и местных жителей армян ⁸ [17, р. 22].

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о возможном расширении границы фемы Иверия на север. Как мы видели, союзник империи Липарит еще в 1047 г. захватил владетелей крепостей Калмахи и Артануджи, Сулу и Григола Абусеридзе соответственно. Стоит отметить, что Артануджи являлся предметом посягательств Византии еще со времен Романа I Лакапина (920–944): в 46-й главе *De Administrando Imperio* Константин VII Багрянородный подробно описывает стратегическую значимость крепости. Империя считала Артануджи ключом ко всем картвельским землям, куда также стекались товары со всего востока [7, с. 207–211]. Мы видели, что после своего пленения Липарит вернул Артануджи Баграту IV, то есть в период как минимум с 1047 по 1053 ⁹ / 1057 гг. центр Кларджети контролировал верный вассал Византии. Вероятно, это произошло точно ранее 1057 г., так как по состоянию на 1057 г. Иване Липаритид уже основательно закрепился в Византии, то есть расправа над его родом должна была произойти гораздо ранее, однако это лишь предположение. На наш взгляд, Калмахи также отошла Липариту и, соответственно, империи, несмотря на маловероятное сообщение «ЛК» о несломленном под пытками Суле Калмахели, что, скорее всего, было внесено летописцем для подчеркивания незаконности занятия его вотчины. Таким образом, на наш взгляд, «Калмухи» «Завещания Воилы» и «Калмахи» «ЛК» представляют собой один и тот же топоним, и вся картина в таком случае может выглядеть следующим образом: административный центр Кларджети, Артануджи, контролировал союзник империи Липарит, тогда как окру-

жающие Артануджи крепости, в том числе и Калмахи, перешли под контроль византийских военных гарнизонов, что вытекает из текста «Завещания». Из этого становится понятной и разгадка «конфискации» Калмахи и других соседних с Артануджи крепостей (в частности, Офидовуни/Опизы) у Воилы дукой Михаилом: вероятно, империя не могла защитить захваченного Сулой Липарита и пошла на уступки недавно вернувшемуся из византийского посольства Баграту IV и его союзникам. Кроме того, на 1052 и 1054 гг. приходятся крупные вторжения сельджуков Тогрул-бека в Иверию (в 1054 г. даже был осажден Манцикерт) [16, р. 462.51–54], что также не позволяло империи полностью погрузиться во внутригрузинские сумятицы. Летописец также подчеркивает, что Сула сначала доставил пленников именно в потерянную им вотчину, дабы, вероятно, гарантированно оформить себе ее возврат [6, с. 157].

Результаты. Таким образом, в период как минимум с 1047 по 1053/1057 гг. граница фемы Иверия действительно расширилась на север, по меньшей мере включив в себя земли Северного Тао с районом Калмахи, а возможно, даже и территорию Кларджети, включая ее административный центр – крепость Артануджи. Однако столь краткое по времени расширение территории фемы (очевидно, на менее чем десять лет) не позволило закрепиться на новом месте какой-либо значительной византийской администрации, в связи с чем мы обладаем крайне скудной информацией и источниками по этому вопросу. Весьма вероятно, что сам Артануджи и вся Кларджети и вовсе управлялись какими-либо представителями из числа сторонников грузинского вассала империи, Липарита Багваши, а сами же византийцы обеспечивали лишь военное подкрепление на этой территории, в частности, например, в наиболее известной из пограничных с Кларджети крепости Калмахи в Северном Тао. Одним из представителей этой скоро созданной военной администрации и мог быть дука Михаил: мы склонны согласиться с мнением Р.М. Бартияна и К.Н. Юзбашяна, что он вряд ли идентичен «Апокапу, наместнику Эдессы», так как для этого нужно опровергнуть сообщение Маттеоса Урхайеци о том, что этот Апокап был жив по состоянию на 1065 год. На наш взгляд, причиной встречающегося в

историографии пренебрежения данными «Завещания Евстафия Воилы» об истории жизни этого протоспафария именно в феме Иверия и, как следствие, факта недолгого включения в состав фемы области как минимум Северного Тао, является опора на крайне некритичную грузинскую историографию, посвященную источниковедческому анализу текстов из летописного свода «Картлис цховреба». Как видно, устаревшие хронологические выводы И.А. Джавахишвили, выдвинутые им при комментировании «ЛК», и повторенные практически во всей дальнейшей историографии, запутали всю последовательность событий 1050-х гг. и на долгое время не позволяли соотнести данные «ЛК» со столь ценным византийским юридическим документом XI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 20-04-028) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2021 (grant № 20-04-028) and by the Russian Academic Excellence Project «5-100».

² Предложенная локализация вызвала возражение Ш.А. Бадридзе, заявившего о фонетических ошибках у своего оппонента и, со ссылкой на исследования Н.Я. Марра, о факте наличия нескольких схожих по названию топонимов в южной Грузии, без привязки именно к окрестностям Артануджи [14, р. 175–176].

³ На невозможность существования двух дук в одной феме (то есть магистра Василия и Иоанна Монастириота по состоянию на 1059 г.) в противовес гипотезе Р.М. Бартияна, предложившего альтернативное прочтение колофона Феодула, указывали и Ш.А. Бадридзе, и К.Н. Юзбашян [14, р. 170–171; 13, с. 74–75].

⁴ По тексту «Завещания» известно, что по состоянию на 1059 г. дука Михаил уже скончался, тогда как в «Хронике» Маттеоса Урхайеци дука Эдессы (не Иверии!) «Апокап, отец Василия» в 1065 г. с радостью встречал своего сына Василия, архонта придунайских городов (по Продолжателю Скилицы), вернувшегося из плена от турок-узлов [15, р. 127].

⁵ В то же время в другой своей статье В.П. Степаненко замечает противоречия в титу-

латуре упомянутых «Апокапов»: так, например, Фаресман в «Завещании» по состоянию на 1059 г. назван вестархом, тогда как в нарративных источниках у Михаила Атталиата и Продолжателя Скилицы в событиях 1068–1069 гг. – вестом, что исключено, так как за прошедшие десять лет титул Фаресмана не мог понизиться [12, с. 221].

⁶ Еще одну территорию, проастиий Варту, Воила передал сыну дуки Михаила, Василию, однако так и не получил положенную оплату за всю отданную собственность. Важно отметить, что Воила не сообщает, в какое время после его переезда произошли эти передачи, очевидно лишь, что до 1059 г., так как на момент составления завещания дука Михаил уже скончался [17, р. 20].

⁷ Аристахэс Ластивертци говорит об аване Ерээ в гаваре Хаштеанк (совр. ил Бингель) [9, с. 110]. Печати обосновавшихся в империи потомков Липарита опубликованы В. Зайбтом [18].

⁸ По остроумной гипотезе Р.М. Бартияна, Евстафий Воила поселился в окружении представителей армянской гностической секты тондракитов, широко распространенной на востоке Малой Азии в IX–XI вв.: схожее метафорическое описание этих еретиков как «диких ужасных зверей» многократно приведено в армянской литературе указанного периода, в частности, у того же Аристахэса Ластивертци [3, с. 33–34].

⁹ 1053 г. кажется нам предпочтительнее 1052 г., так как если Воила переселился в Иверию в 1051 г., то ему явно было необходимо какое-то значительное время для совершенного им благоустройства всех приобретенных «диких» земель, как он сам об этом сообщает [17, р. 22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, В. А. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи / В. А. Арутюнова // Историко-филологический журнал. – 1972. – № 1 (56). – С. 91–102.
2. Арутюнова-Фиданян, В. А. Византийские правители фемы «Иверия» / В. А. Арутюнова-Фиданян // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. – 1973. – № 2 (362). – С. 63–78.
3. Бартиян, Р. М. Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.) / Р. М. Бартиян // Византийский временник. – 1961. – Т. 19. – С. 26–37.
4. Безобразов, П. В. Завещание Воилы / П. В. Безобразов // Византийский временник. – 1911. – Т. XVIII. – С. 107–115.
5. Бенешевич, В. Н. Завещание византийского боярина XI века / В. Н. Бенешевич // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. – Май. – С. 219–231.
6. Картлис Цховреба. История Грузии / под ред. Р. Метревели. – Тбилиси : Артануджи, 2008. – 456 с.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1991. – 497 с.
8. Косоуров, Д. А. Два посольства Баграта IV в Константинополь: датировка, причины и последствия / Д. А. Косоуров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 40–54. – DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.003>.
9. Повествование вардапета Аристахэса Ластивертци / введение, пер. и коммент. К. Н. Юзбашяна. – М. : Наука, 1968. – 194 с. – (Памятники письменности Востока ; т. XV).
10. Степаненко, В. П. Михаил Катафлор, императорский куратор Манцикерта и Внутренней Иверии / В. П. Степаненко // Античная древность и средние века. – 1998. – Вып. 29. – С. 176–192.
11. Степаненко, В. П. Из истории византийской провинциальной администрации XI в. / В. П. Степаненко // Античная древность и средние века. – 2008. – Вып. 38. – С. 96–113.
12. Степаненко, В. П. Армяне в Византии XI в.: Фаресман Апокап / В. П. Степаненко // Античная древность и средние века. – 2011. – Вып. 40. – С. 219–225.
13. Юзбашян, К. Н. Завещание Евстафия Воилы и вопросы фемной администрации «Иверии» / К. Н. Юзбашян // Византийский временник. – 1974. – Т. 36. – С. 73–82.
14. Badridzé, Ch. Deux études pour servir à l'histoire du Tao / Ch. Badridzé // Bedi Kartlisa. – 1973. – № 31. – P. 167–186.
15. Chronique de Matthieu d'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162 / trad. par E. Dulaurier. – Paris : A. Durand, 1858. – 546 p.
16. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / rec. I. Thurn. – Berolini : Walter de Gruyter, 1973. – LVI, 580 p. – (Corpus fontium historiae byzantinae ; vol. 5).
17. Lemerle, P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin / P. Lemerle. – Paris : Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1977. – 331 p.
18. Seibt, W. Liparites als “byzantinischer” Familienname in der Komnenenzeit / W. Seibt // Dedicatio. ისტორიულ–ფილოლოგიური ძეგლები (= Festschrift Mariam Lortkipanidze). – თბილისი : თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 2001. – გვ. 123–131.
19. Vryonis, S. The Will of a Provincial Magnate, Eustathius Boilas (1059) / S. Vryonis // Dumbarton Oaks Papers. – 1957. – Vol. 11. – P. 263–277.
20. გამყრელიძე, გ. ქართლის ცხოვრების ტოპოარქეოლოგიური ლექსიკონი /

გ. გამყრელიძე, დ. მინდორაშვილი, ზ. ბრაგვაძე, მ. კვაჭაძე. – თბილისი : ბაკურ სულაკაურის გამომცემლობა, 2013. – 789 გვ.

21. კარანაძე, მ. ახალი ქრონოლოგიური ცნობა ბაღვაშთა ფეოდალური სახლის შესახებ / მ. კარანაძე // მრავალთავი : ფილოლოგიურ-ისტორიული მიგზანი. – 2007. – ტ. XXII. – გვ. 315–319.

22. ჯავახიშვილი, ი. თხზულებანი თორმეტ ტომად. ტ. II: ქართველი ერის ისტორიის / ი. ჯავახიშვილი. – თბილისი : თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 1983. – 394 გვ.

REFERENCES

1. Arutyunova V.A. Iz istorii severo-vostochnykh pogranichnykh oblastey Vizantiyskoi imperii [From the History of the Northeastern Border Regions of the Byzantine Empire]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal], 1972, no. 1 (56), pp. 91-102.

2. Arutyunova-Fidanyan V.A. Vizantiyskie praviteli femy «Iveriya» [Byzantine Rulers of the Theme «Iberia»]. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armyanskoy SSR* [Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1973, no. 2 (362), pp. 63-78.

3. Bartikyan R.M. Kriticheskie zametki o zaveshchaniy Evstafiya Voily (1059 g.) [Critical Notes on the Will of Eustathios Boilas (1059)]. *Vizantiiskii vremennik*, 1961, vol. 19, pp. 26-37.

4. Bezobrazov P.V. Zaveshchaniy Voily [The Will of Boilas]. *Vizantiiskii vremennik*, 1911, vol. 18, pp. 107-115.

5. Beneshevich V.N. Zaveshchaniy vizantiyskogo boyarina XI veka [The Will of the Byzantine boyar of the 11th century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1907, May, pp. 219-231.

6. Metreveli R., ed. *Kartlis Tskhovreba. Istoriya Gruzii* [Kartlis Tskhovreba. History of Georgia]. Tbilisi, Artanudzhi Publ., 2008. 456 p.

7. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P., eds. *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiei* [Constantine VII. The De administrando imperio]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 497 p.

8. Kosourov D.A. Dva posolstva Bagrata IV v Konstantinopol: datirovka, prichiny i posledstviya [Two Embassies of Bagrat IV to Constantinople: Dating, Causes, and Aftermath]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2021, vol. 23, no. 1, pp. 40-54. DOI: <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.003>.

9. *Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastivertzi* [Narrative by Vardapet Aristakes Lastivertzi]. Moscow,

Nauka Publ., 1968. 194 p. (Pamyatniki pismennosti Vostoka [Written Sources of the East]; vol. 15).

10. Stepanenko V.P. Mikhail Kataflor, imperatorskiy kurator Mantsikerta i Vnutrenney Iverii [Michael Kataphloron, the Imperial Curator of Manzikert and Inner Iberia]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1998, iss. 29, pp. 176-192.

11. Stepanenko V.P. Iz istorii vizantiyskoy provincialnoy administratsii XI v. [From the History of the Byzantine Provincial Administration in the 11th Century]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2008, iss. 38, pp. 96-113.

12. Stepanenko V.P. Armyane v Vizantii XI v.: Faresman Apokap [Armenians in Byzantium in the 11th Century: Pharesmanes Apokapes]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2011, iss. 40, pp. 219-225.

13. Iuzbashian K.N. Zaveshchaniy Evstafiya Voily i voprosy femnoi administratsii «Iverii» [The Will of Eustathios Boilas and the Issues of the Theme Administration of «Iberia»]. *Vizantiiskii vremennik*, 1974, vol. 36, pp. 73-82.

14. Badridzé Ch. Deux études pour servir à l'histoire du Tao. *Bedi Kartlisa*, 1973, no. 31, pp. 167-186.

15. Dulaury E., ed. *Chronique de Matthieu d'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162*. Paris, A. Durand, 1858. 546 p.

16. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Berolini, Walter de Gruyter, 1973. LVI, 580 p. (Corpus fontium historiae byzantinae; vol. 5).

17. Lemerle P. *Cinq études sur le XIe siècle byzantin*. Paris, Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1977. 331 p.

18. Seibt W. Liparites als «byzantinischer» Familienname in der Komnenenzeit. *Dedicatio. Ist'oriul-pilologiuri dziebani (Festschrift Mariam Lortkipanidze)*. Tbilisi, Tbilisis universitetis gamomtsemloba, 2001, pp. 123-131.

19. Vryonis S. The Will of a Provincial Magnate, Eustathios Boilas (1059). *Dumbarton Oaks Papers*, 1957, vol. 11, pp. 263-277.

20. Gamkrelidze G., Mindorashvili D., Bragvadze Z., Kvachadze M. *Kartlis tskhovrebis topoarkeologiuri leksikoni* [Topoarchaeological Dictionary of Kartlis Tskhovreba]. Tbilisi, Bakur sulakauris gamomtsemloba, 2013. 789 p.

21. Karanadze M. Akhali kronologiuri tsnoba bagvashta feodaluri sakhli shesakheb [New Chronological Information on the Feudal House of Baghvashi]. *Mravaltavi: Philological and Historical Researches*, 2007, vol. 22, pp. 315-319.

22. Javakhishvili I. *Tkhzulebani tormet tomad. T. II: Kartveli eris istoriis* [Essays in Twelve Volumes. Vol. 2. History of the Georgian Nation]. Tbilisi, Tbilisis universitetis gamomtsemloba, 1983. 394 p.

Information About the Author

Dmitry A. Kosourov, Master in History, Postgraduate Student, Doctoral School of History, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, kosourovdm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4453-8710>

Информация об авторе

Дмитрий Алексеевич Косоуров, магистр истории, аспирант Аспирантской школы по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, kosourovdm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4453-8710>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>

UDK 94“13”:27-526.7

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 07.06.2021

Accepted: 25.10.2021

THE TUNIC OF CHRIST AND THE CROWN JEWELS: RELICS IN THE BYZANTINE DIPLOMACY OF THE FOURTEENTH CENTURY

Tatiana V. Kushch

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation;
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article discusses the “reliquary diplomacy” introduced by Emperor Manuel II Palaiologos during the Ottoman siege of Constantinople (1394–1402). The emperor widely used the relics in the creation of the anti-Ottoman alliance. This article addresses a specific case of this diplomatic practice, Manuel II Palaiologos’ request to Venice for a loan for the deposit on the Tunic of Christ and other relics. **Methods.** From the juxtaposition of sources and the comparative analysis of the fourteenth-century relations between Byzantium and Venice there are good reasons to discover the motives behind the Venetians’ denial of the emperors’ proposal. **Analysis.** After 1261 Constantinople kept numerous relics, particularly the Seamless Tunic of Christ and the Purple Robe. The sources in possession do not allow an unequivocal conclusion if the artifact offered to the Venetians was the Seamless Tunic or another one. In the author’s interpretation, the reason of Venice’s withdrawal from the deal was the empire’s bad “credit history.” In August 1343, the Senate of Venice gave credit of 30,000 gold ducats to the Empress Anna of Savoy for the deposit of the jewels of the crown. The Venetians permanently reminded Byzantium about the repayment of the debt and the ransom for the jewels, and, moreover, offered to take the island of Tenedos as a compensation. Therefore, the unsolved problem of the old debt made the new deal with the emperor hopeless in the Venetians’ eyes. **Results.** The case under analysis sheds light on the state of the Empire in the late fourteenth century. Manuel II Palaiologos put into the “diplomatic circulation” the relics which were convertible in the Christian West. The failure of his negotiations with Venice turned him to active search for other allies, whom he sent parts of the Tunic of Christ in order to gain their military and financial support.

Key words: Late Byzantium, Venice, Manuel II Palaiologos, relics, reliquary diplomacy.

Citation. Kushch T. V. The Tunic of Christ and the Crown Jewels: Relics in the Byzantine Diplomacy of the Fourteenth Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 161–170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>

УДК 94“13”:27-526.7

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 07.06.2021

Дата принятия статьи: 25.10.2021

ТУНИКА ХРИСТА И ДРАГОЦЕННОСТИ КОРОНЫ: РЕЛИКВИИ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ XIV ВЕКА

Татьяна Викторовна Куш

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация;
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению «реликварной дипломатии» византийского императора Мануила II Палеолога в условиях османской осады Константинополя (1394–1402). Император широко использовал святые реликвии для создания антитурецкого союза. В статье рассматривается один из примеров подобной дипломатической практики – просьба Мануила Палеолога о предоставлении Венецией займа под залог туники Христа и других реликвий. Сопоставление источников и анализ отношений Византии и Венеции в XIV в. позволяют выявить мотивы отказа венецианцев от предложения императора. Отмечается, что в Константинополе после 1261 г. хранились многие реликвии, среди которых были нешвенная туника и багряница Христа. Источники не позволяют сделать однозначный вывод, была ли предложенная венецианцам

туника идентична нешвенной тунике или речь шла о какой-то другой тунике. Причина же отказа Венеции от сделки крылась, по мнению автора статьи, в плохой «кредитной истории» империи. В августе 1343 г. венецианский Сенат выделил императрице Анне Савойской заем в размере 30 тыс. золотых дукатов под залог драгоценностей императорской короны. О возврате долга и выкупе драгоценностей венецианцы постоянно напоминали Византии и даже предлагали передать их в качестве компенсации за о. Тенедос. Нерешенная проблема старого долга делала в глазах венецианцев новую сделку с императором безнадежной. Рассмотренный случай иллюстрирует состояние империи в конце XIV века. Мануил II Палеолог пустил в «дипломатический оборот» те реликвии, которые конвертировались на христианском Западе. Неудача на переговорах с Венецией вынудила его активнее искать других союзников, которым он раздавал по частям тунику Христа, рассчитывая на их военную и финансовую помощь.

Ключевые слова: Поздняя Византия, Венеция, Мануил II Палеолог, реликвии, реликварная дипломатия.

Цитирование. Куш Т. В. Туника Христа и драгоценности короны: реликвии в византийской дипломатии XIV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 161–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.14>

Введение. Весной 1394 г. турки осадили Константинополь¹. Это был серьезный вызов Византийской империи, чьи владения к тому времени ограничивались землями вокруг Константинополя, несколькими эгейскими островами и Морейским деспотатом на Пелопоннесе. Осада обещала быть долгой – турки блокировали город только с суши, время от времени пытаясь атаковать его крепостные стены [9, р. 128]. И хотя турецкие суда курсировали в прибрежных водах, константинопольцы сохраняли по морю связь с внешним миром и могли получать помощь извне. Ситуация вынуждала византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425) к решительным действиям. Прежде всего нужно было позаботиться об обеспечении продовольствием населения осажденного города: отрезанное от сельскохозяйственной округи, оно нуждалось в поставках хлеба и других товаров первой необходимости.

Еще более масштабная проблема, которую предстояло решать императору, – это поиск финансовой и военной поддержки извне, без которой Константинополь бы не смог долго продержаться. В ход пошла дипломатия, с помощью которой империя пыталась создать антиосманский альянс или, по крайней мере, добиться финансового и военного участия европейских правителей в борьбе с турками. Очевиден был и выбор потенциального союзника – это, прежде всего, Венеция, с которой империю связывали тесные, прежде всего, экономические отношения и которая сама была кровно заинтересована в стабильности восточно-средиземноморского региона.

К Республике Св. Марка византийцы в первую очередь и обратились за помощью. Уже 21 мая 1394 г. ее Совет, обсуждая дела на Востоке, поручил своим резидентам в Константинополе выразить Мануилу слова поддержки, убедить его не покидать город, чтобы не усугубить ситуацию, а также рекомендовать ему обратиться к папе римскому, императору Германии, правителям Франции и Англии с просьбой о помощи. Республика заявила о своей готовности выступить посредником и доставить письма указанным адресатам [29, № 851; 9, р. 124]. Очевидно, Венеция уклонялась от оказания реальной помощи империи, ограничиваясь выражением беспокойства и общими заявлениями о поддержке. Спустя два месяца, 24 июля 1394 г., Сенат, отвечая на очередное обращение Мануила II Палеолога, призвал его не терять мужества и заверил, что в случае ухудшения ситуации в византийской столице Республика предоставит императору галеры для бегства в Венецию или на о. Лемнос [29, № 860]. Лишь в конце 1394 г. (23 декабря), когда даже венецианцы признали, что положение в осажденном Константинополе стало крайне тяжелым, Сенат известил византийского посла об отправке 1,5 тыс. модиев пшеницы, о чем так давно и настоятельно просил император. Однако на просьбу войти в антитурецкую коалицию республика отреагировала уклончиво, сославшись на отсутствие в данный момент послов, которые могли бы обсуждать этот вопрос [29, № 871]. Только спустя год, 9 декабря 1395 г., республика, прежде уходившая от обсуждения антитурецкого альянса, наконец дала внят-

ный ответ: она отказалась от вступления в союз под предлогом того, что считала такой шаг малоэффективным из-за отсутствия у нее сухопутных войск; сохранение же нейтралитета должно было позволить ей беспрепятственно направлять в византийскую столицу корабли с продовольствием, в чем были так заинтересованы и сами греки [29, № 892].

Не рассчитывая более на военный союз с Венецией, Византия продолжала уповать на ее экономическую и финансовую поддержку. Республика действительно снабжала осажденный город зерном, о чем свидетельствуют и постановления Сената. Так, по его решению от 9 декабря 1395 г. планировалось направить в Константинополь галеры, груженные от 7 до 8 тыс. стариев пшеницы [29, № 892].

К осени 1395 г. ситуация в столице стала крайне тяжелой, что заставило императора предпринять новые отчаянные шаги. Отсутствие собственных средств и слабая надежда на реальную помощь европейцев побуждали его прибегнуть к нестандартным решениям, а именно к тому, что позднее американский историк Дж. Баркер назовет «реликварной дипломатией (reliquary diplomacy)» [9, р. 408]. В конце осени 1395 г. Мануил Палеолог обратился с просьбой к Венеции о выделении займа, сумма которого нам неизвестна. В качестве же обеспечения кредита он предложил тунику Христа и другие реликвии. Сенат, рассмотрев предложение, ответил крайне уклончиво, пообещав направить своего представителя для обсуждения данного вопроса [29, № 892]. То ли представитель не доехал до Константинополя, то ли переговоры не дали результата, но в начале 1396 г. император через своего посланника вновь обратился к венецианскому Сенату с просьбой о финансовой помощи и напомнил о предложении передать республике в качестве залога тунику Христа и другие реликвии. В инструкции послам Никколо Валарессо и Микеле Контарини, направлявшимся к Баязиду, упоминалось о предложении императора «*in pignore dare vestem Yhesu Christi et alias certas reliquias*» [12, р. 46–47]. Настойчивость, с которой Мануил Палеолог заявлял о готовности заложить святыни, лучше всяких слов характеризует бедственное положение империи.

Византия в силу своей финансовой несостоятельности, граничившей с банкротством, по сути в завуалированной форме предлагала Венеции выкупить у нее реликвии.

В итоге 15 февраля 1396 г. Сенат принял окончательное решение отказаться от сделки, заявив, что передача реликвий приведет к серьезным беспорядкам в Константинополе, чего не следует допускать [29, № 896; 9, р. 130–131; 7, р. 204]. Ответ, данный республикой торговцев, прежде не слишком радевшей об общественном благополучии византийской столицы, выглядел слишком надуманным, чтобы его можно было принять за чистую монету.

Методы. Греческая исследовательница С. Мергиали-Захас, в своих работах рассматривавшая тему использования в дипломатии Мануила II Палеолога реликвий, выразила удивление по поводу того, что Венеция не соблазнилась заманчивым предложением василевса, но не объяснила мотивы ее отказа, заметив лишь, что за этим мог скрываться прагматизм венецианцев [22, р. 268–269]. Действительно, решение Республики, которая после Четвертого крестового похода не только собрала собственную коллекцию святынь, но и неплохо нажилась на торговле вывезенными из разграбленного Константинополя сокровищами [25, р. 184–185, 410–411], выглядит довольно неожиданным. Ведь каждая такая реликвия могла бы стать для нее хорошим финансовым активом и сулила бы немалые барыши в случае ее перепродажи в отдаленной перспективе. То, что империя не смогла бы ее в дальнейшем выкупить, кажется, ни у кого не вызывало сомнения. В данной статье я попытаюсь выявить причину отказа Венеции от возможности стать обладателем столь значимой святыни. Сопоставление данных византийских и западноевропейских источников и компаративный анализ событий, отражавших характер отношений Византии и Венеции в XIV в., помогут обнаружить истинные мотивы, вынудившие расчетливых венецианцев, никогда не упускавших выгоды, принять столь непростое для них решение.

Анализ. В средневековом христианском мире Константинополь имел славу сокровищницы бесценных реликвий [14]. До Четвертого крестового похода город обладал одной из

самых больших коллекций христианских святынь, игравших чрезвычайно важную роль как в религиозной, так и политической жизни имперской столицы. Их использовали в императорских церемониях, военных триумфах, дипломатических сношениях, религиозных практиках как подтверждение величия василевса, христианской церкви и самой империи [21, р. 46–49]. После падения Константинополя многие святыни, будучи одними из самых ценных трофеев латинян, оказались на Западе. Но даже после 1261 г. в городе осталось достаточно реликвий, часть которых, как иронично заметил Дж. Мажеска, странным образом вновь появились в Константинополе [19, с. 390]. К числу почитаемых реликвий, переживших латинское господство и в палеологовское время составлявших сокровища столицы, были одеяния Христа.

Среди реликвий, хранившихся до 1204 г. в церкви Богоматери Фаросской, источники называют две туники: нешвенную тунику (хитон) и багряницу, о которых имеются упоминания в Новом Завете [30, р. 62]. В Евангелиях повествуется о том, как стражники сняли с Христа его одеяние, надели на него багряницу, а затем, насмеявшись над ним, «сняли с него багряницу и одели его в одежды его, и повели его на распятие» (Мк 15:17–20; Мф 27:28–31), а позже «распявшие Его делили одежды его, бросая жребий» (Мк 15:24). Хитон Спасителя, который по жребию делили стражники, согласно евангельскому повествованию, был «не сшитый, а весь тканый сверху» (Ин 19:23).

Не только византийские, но и русские и западноевропейские источники, описывая святыни Фаросской церкви, упоминали тунику Христа и багряницу, в насмешку наброшенную стражниками на плечи Иисуса [8; 19]. Николай Месарит, подробно перечисливший в 1201 г. хранившиеся в церкви реликвии, называет среди них лишь багряницу (τὸ πορφύρεον ἱμάτιον) [26, S. 31. 3]. В свою очередь, Антоний Новгородец, побывавший в византийской столице около 1200 г., упомянул и багряницу, и «срачицу (сорочку) Господню» [3, с. 19]. Участвовавший в разграблении Константинополя в 1204 г. пикардийский рыцарь Робер де Клари среди реликвий Страстей Господних, составлявших основу коллекции дан-

ной церкви, упомянул только тунику, «в которую он был одет и которую с него сняли, когда его вели на гору Голгофу» [2, с. 59]. Часть реликвий Фаросской церкви (терновый венец, гвозди, кровь Христова, часть губки и пр.) были вывезены на Запад, но туника и багряница остались в Константинополе, правда, изменив место хранения. Они вместе с другими уцелевшими реликвиями Страстей Господних сперва находились в монастыре св. Георгия в Манганах, а затем, на рубеже XIV–XV вв., перемещены в монастырь св. Иоанна Продрома в Петре [19, с. 393]. В последнем среди прочих реликвий видели тунику испанские путешественники Руи Гонсалес де Клавихо, проездом посетивший в 1403 г. Константинополь [1, с. 43], и Перо Тафур, побывавший там в 1436 г. [5, с. 172].

В современной научной литературе нет однозначного ответа, была ли предложенная венецианцам туника Христа тем самым нешвенным хитоном Спасителя, входившим в императорскую коллекцию святых реликвий, или речь шла о какой-то другой, о которой нет более ранних упоминаний. Эта неопределенность вызвана противоречивостью данных источников, имеющихся в нашем распоряжении. В императорских документах, подтверждавших аутентичность туники, указано, что реликвия была связана с чудом исцеления женщины, страдавшей от кровотечения (Лк 8:43–48; Мк 5:25–34) [28, № 3256; 12, р. 46–47], но они не называют ее нешвенной. В этих же документах уточняется, что реликвия была синего цвета (ῥώπερ χρῶμα ἡ οὐράνεον) [11, р. 400], что еще более запутывает ее идентификацию, поскольку о подобной тунике другие источники не упоминают ни до, ни после 1204 г. [22, р. 269–270]. Руи Гонсалес де Клавихо, видевший нешвенную тунику, описал ее как одежду «темно-красного цвета с розовым оттенком» [1, с. 43]. Тафур же упомянул «несшитый хитон нашего Господа, который, как было заметно, некогда был пурпурным, но за долгое время стал каким-то бурым» [5, с. 172]. Дж. Мажеска, говоря о реликвиях византийской столицы, предпочел не обсуждать, какую конкретно «рубашку» Христа видел испанский путешественник, сославшись на сложность ее атрибуции [20, р. 188]. С. Мергиали-Захас, задавшись вопро-

сом о том, была ли предложенная венецианцам в качестве залога туника идентична нешвенной, высказала предположение, что речь, скорее всего, шла об иной тунике, и это заставило ее усомниться в подлинности «выставленной на торги» реликвии [22, р. 270–271]. Приведенные ею аргументы не выглядят бесспорными, что оставляет данный вопрос до конца неразрешенным. Но каково бы ни было происхождение данной святыни, она была достаточно ценной, чтобы стать предметом дипломатических переговоров.

Именно Мануил II Палеолог положил начало беспрецедентной практике активного привлечения реликвий для решения острых внешнеполитических задач [22, р. 268]. Ранние Палеологи (и Михаил VIII, и Андроник II) не использовали реликвии в дипломатических делах, да и в церемониальной жизни эти святыни, в отличие от более раннего времени, не играли сколько-нибудь заметной роли. Однако по мере истощения материальных ресурсов империи, резко сократившихся в середине XIV в., в реликвиях вновь увидели средство дипломатии и, более того, финансовый инструмент.

Внешнеполитические проблемы и финансовая несостоятельность Византии, которая в условиях осады достигла критического уровня, вынудили Мануила Палеолога обратиться к «неприкосновенному запасу» – реликвиям, являвшимся, по выражению Дж. Шепарда, последними «ценными бумагами» империи [30, р. 63]. Мануил Палеолог использовал реликвии не только как дипломатические подношения, но и предлагал их в качестве залога или платы за присланную или обещанную военную и финансовую помощь. Так, в 1397 г. в благодарность за полученную с Руси милостыню, собранную великим князем Василием I Дмитриевичем и русскими князьями, которая, по сообщениям летописей, составляла 20 тыс. руб. серебром, Мануил Палеолог вместе с патриархом отправил в Москву святые мощи и иконы. Среди даров особенно выделялась «икона чудна», преподнесенная великому князю. Софийская вторая летопись сообщает об этом следующее: «Царь Турский Баязь, Амуратовъ сынъ, пришедъ оступи Царьградъ со многими силами, и по морю и по суку, и стоя 7 лѣтъ², но не взя его; а прочая грады Гре-

ческія поплѣни. Тогда же князь великій Дмитрей Ивановичъ³ и съ братьею послаша во Царьградъ много милостыни, оскудѣнія ихъ ради...; царь же и патриархъ благодариша ихъ повелику, и прислаша къ великому князю икону чудну, на нейже есть написанъ Спасъ въ ризицѣ бѣлой; стоитъ же та икона во церкви его Благовѣщенія, на его дворѣ, и до сего дни, на лѣвой сторонѣ на поклонной» [4, с. 130].

Однако началом этой «реликварной дипломатии» стало предложение в 1395 г. туники Христа венецианцам. Соблазн принять это предложение императора и выделить займ под залог христианских святынь, вероятно, был для венецианцев велик, раз им потребовалось два месяца для принятия окончательного решения. Тем не менее Сенат, как мы видели, ответил отказом. Причина же, по которой он отклонил сделку, состояла, на мой взгляд, в плохой «кредитной истории» Византийской империи – за ней числился полувековой долг, который так и не был покрыт и о котором венецианцы не забывали ни на минуту.

Речь идет о займе в 30 тыс. золотых дукатов, который 21 августа 1343 г. венецианский Сенат выделил Анне Савойской, регентше при малолетнем сыне Иоанне V Палеологе, остро нуждавшейся в деньгах в условиях гражданской войны с Иоанном Кантакузином [28, № 2891]. В качестве залога вдовствующая императрица передала Республике драгоценности императорской короны (если и не все, то, вероятно, большую их часть) [9, р. 443]. Эти драгоценности находились в залоге у венецианцев до тех пор, пока византийское правительство не погасит первоначальный займ вместе с набегавшими процентами. И хотя исходные условия предоставления займа предполагали, что Венеция сможет распоряжаться залогом, если долг не будет выплачен в течение трех лет [29, № 153; 28, № 2891], по факту закладные предметы так и оставались неприкосновенными, поскольку договор постоянно продлевался.

Что скрывалось под столь общей формулировкой как «драгоценности империи»? В греческих источниках предметы, переданные в качестве залога, обозначены как «регаллии империи (κόσμια τῆς βασιλείας)» [6, р. 140], в латинских же – как «драгоценности империи (jocalia imperii)» [9, р. 443]. По мнению

Т. Бертеле, это были драгоценности, которые украшали императорскую корону (ἡ στέμνα), используемую в инаугурационных ритуалах [10, p. 157–169]. О том, что императорские инсигнии после 1343 г. отсутствовали в империи, свидетельствует ряд фактов. Согласно сообщению Иоанна Кантакузина, для его коронации в Адрианополе 21 мая 1346 г. ювелиром была специально «изготовлена стемма и другие вещи, необходимые для обряда» [16, p. 564]. Во время его повторной коронации уже в Константинополе в 1347 г., как сообщает Никифор Григора, драгоценные украшения в диадемах его и императрицы были в действительности сделаны из стекла [23, p. 788–789], что еще раз подтверждает идентификацию находившихся в залоге у Венеции «регалий империи» с драгоценностями, прежде украшавшими царскую стемму.

О возврате долга и выкупе коронационных драгоценностей венецианцы неоднократно напоминали Византии. При каждом продлении мирного договора, что происходило с периодичностью примерно раз в пять лет, в нем появлялась строчка о необходимости заплатить по счетам и выкупить драгоценности. В договорах начиная с 1357 и вплоть до 1450 г.⁴ неизменно подтверждалось обязательство Византии погасить долг перед Республикой. За 110 лет набегали солидные проценты, которые к 1453 г. составили 165 тыс. дукатов: таким образом, общий долг за драгоценности короны составлял 195 тыс. дукатов [10, p. 135; 25, p. 410]. Видя неспособность империи расплатиться по своим долгам, Венеция на протяжении второй половины XIV в. неоднократно пыталась использовать ее существующие финансовые обязательства для решения текущих политических проблем. Так, желая обладать стратегически важным о. Тенедос, лежавшим у входа в Дарданеллы, венецианцы пытались выторговать его у Византии. В 1362 г. они предложили Иоанну V Палеологу (1341–1391) обменять на этот остров драгоценности короны и еще 20 тыс. дукатов наличными сверху [29, № 355, 358]. В 1370 г. Венеции даже удалось убедить императора подписать договор об уступке Тенедоса в обмен на 25 тыс. дукатов, шесть галер и заложенные его матерью драгоценности [18, p. 221–222], однако сделка сорвалась. В ито-

ге коронационные драгоценности так и остались в сокровищнице собора Св. Марка вплоть до конца империи [9, p. 443].

Эта давняя история непогашенного долга удерживала венецианцев от заключения новой сделки, сулившей стать столь же безнадежной. Усугубляло ситуацию и то, что залоговыми вещами Республика, связанная договором, заключенным при оформлении займа, не могла распоряжаться по своему усмотрению. Эти обстоятельства, на мой взгляд, и стали настоящей причиной отказа Венеции от столь, казалось бы, выгодной сделки. Холодный расчет и прагматизм венецианцев одержали верх и уберегли их от принятия сомнительного с точки зрения финансовой выгоды предложения.

История же туники Христа, от которой отказались венецианцы, на этом не закончилась. Ее продолжали использовать как средство достижения внешнеполитических целей, по сути торгуя ею в «розницу». Отправляясь в свою знаменитую поездку на Запад, Мануил Палеолог прихватил с собой различные реликвии, в том числе и эту драгоценную вещь [24, p. 210; 9, p. 162]. В период своего путешествия он щедро одаривал своих потенциальных союзников частицами туники Спасителя. Один ее фрагмент император отправил римскому папе Бонифацию IX (1389–1404), документально (*litterae patentes imperiales*) подтвердив аутентичность реликвии (июль 1401 г.) [11, p. 402–403]. Еще один фрагмент был подарен королеве Маргарите Датской (1387–1412); документ, свидетельствующий об его аутентичности, также прилагался (ноябрь 1402 г.) [11, p. 398–401]. В обоих документах реликвия названа как «частица святой туники самого икупителя нашего Иисуса Христа»⁵. Подобный фрагмент туники был отправлен через византийского посланника Алексея Врану авиньонскому папе Бенедикту XIII (июнь или июль 1400 г.) [28, № 3285]. Преподнесена была часть реликвии и английскому королю Генриху IV (1399–1413) во время пребывания императора в резиденции Элтем в период рождественских торжеств [22, p. 271, note 47]. Такой же дар достался и истовому собирателю христианских святынь арагонскому королю Мартину I (1396–1410), который в обмен обещал отправить шесть галер в Константинополь [22, p. 273].

Спустя годы после завершения первой осады столицы и вскоре после неудачного штурма города османами летом 1421 г. малую частицу реликвии получил фламандский рыцарь и дипломат Жильбер де Ланнуа, побывавший в Константинополе по поручению английского короля Генриха V (1413–1422) и бургундского герцога Филиппа III Доброго (1419–1467). Престарелый Мануил II Палеолог даровал ему ставротеку, в которую были помещены фрагменты «от одежды нашего Господа (*de la robe Nostre Seigneur Irrisoria*), от плащаницы нашего Господа, от рубахи Богоматери, от мощей святого Стефана и святого Феодора, на каждой части по-гречески написано имя каждой реликвии» [27, р. 65]. Таким образом, туника Христа, все еще находившаяся в столице, продолжала «работать» в качестве ценного дипломатического дара.

Совершенно неожиданно некая «туника Христа» появится в Венеции уже после падения империи: в 1457 г. неизвестный грек предложит Республике купить ее за 10 тыс. дукатов. В этот раз Сенат не будет тянуть с ответом и быстро примет положительное решение [17, р. 103, № 1].

Результаты. Рассмотренный сюжет из поздневизантийской дипломатической практики наглядно иллюстрирует состояние империи, оказавшейся в критической внешнеполитической ситуации. В условиях османской осады столицы и при отсутствии военных и финансовых ресурсов византийский император Мануил II Палеолог был вынужден прибегнуть к крайней мере, пустив в «дипломатический оборот» ту единственную ценность, которой еще располагал и которую можно было конвертировать на христианском Западе. Реликвии, эти свидетельства прежнего величия империи и «мистики византийского прошлого» [22, р. 275], стали предметом дипломатического торга. Происхождение святынь из императорской сокровищницы было достаточным основанием для того, чтобы получатели не испытывали сомнений в их подлинности. Особая роль в подобной дипломатии Мануила Палеолога оказалась отведена тунике Христа, которую император столь настойчиво пытался обменять на деньги и союзническую помощь. Именно ее предложили венецианцам в обеспечение займа, в котором осажденная

империя катастрофически нуждалась. Однако прагматичные венецианцы, отказавшись, хотя и не без раздумий, принять ее в качестве залога, ясно дали понять, что не намерены кредитовать империю, финансовое состояние которой было близко к банкротству. Высказанное нами предположение о том, что возможной причиной (или одной из причин) отказа послужил непогашенный Византией займ полувекковой давности, кажется вполне убедительным, поскольку тема возврата средств, полученных под залог драгоценностей царской короны, не уходила с повестки дипломатических переговоров между Византией и Венецией до самого конца империи.

Неудача, постигшая императора на переговорах с Венецией, вынудила его еще активнее искать внешнюю поддержку, для чего, в частности, и было предпринято беспрецедентное путешествие Мануила Палеолога по европейским дворам, в которое тот отправился, прихватив с собой святые реликвии. Раздача реликвий в обмен на реальную поддержку или лишь словесные обещания была криком о помощи и мольбой о спасении империи, боровшейся за выживание. Туника Христа, которую император во время поездки щедро раздавал по частям своим потенциальным союзникам, стала зримым выражением «надежды ненадеющихся»⁶, а «реликварная дипломатия», к которой вынужден был прибегнуть Мануил II Палеолог, – его последним отчаянным шагом спасти империю и заинтересовать Запад в ее судьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об осаде Константинополя подробнее см.: [9, р. 123–199; 15].

² Осада длилась более 8 лет.

³ Ошибка летописца.

⁴ Договоры 1357, 1390, 1406, 1418, 1423, 1431, 1442, 1447/1448 гг. в греческой версии [6, р. 125, 140, 149, 158, 168, 191, 212, 220] и договоры 1362, 1363, 1370, 1390, 1406, 1418, 1423, 1431, 1442, 1450 гг. в латинской версии [13, р. 85, 90, 154, 227, 301, 317, 341, 346, 372, 380].

⁵ В латинском варианте документа реликвия названа: «*parvam particulam sancte tunice ipsius Redemptoris nostri Jhesu Christi*», в греческом: «*μικρὰν μερίδα τοῦ ἁγίου ρούχου τοῦ Λυτρωτοῦ ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ*» [11, р. 400].

⁶ Такая надпись была помещена на икону Богоматери Агиосоритиссы, которую Мануил II Палеолог захватил в поездку на Запад. Он подарил ее герцогу миланскому Джан-Галлеаццо Висконти, а в середине XV в. икона оказалась во Фрайзинге, где ныне и хранится [31, p. 266].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Руи Гонсалес де Клавихо ; пер. со староисп., предисл. и коммент. И. М. Мироковой. – М. : Наука, 1990. – 211 с.
2. Клари де, Р. Завоевание Константинополя / Р. Клари де. – М. : Наука, 1986. – 175 с.
3. Книга Паломник : Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. / под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. – 1899. – Вып. 51. – С. 1–111.
4. Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1853. – С. 119–276.
5. Тафур, П. Странствия и путешествия / П. Тафур ; предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. – М. : Индрик, 2006. – 296 с.
6. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. 3 / ed. Fr. Miklosich, I. Müller. – Vindobonae : Carolus Gerold, 1865. – 393 p.
7. Andriopoulou, St. Diplomatic Communication between Byzantium and the West under the Late Palaiologoi (1354–1453) : PhD Thesis / St. Andriopoulou. – Birmingham, 2010. – 433 p.
8. Bacci, M. Relics of the Pharos Chapel : A View from the Latin West / M. Bacci // Восточнохристианские реликвии / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 234–248.
9. Barker, J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425) : A Study in Late Byzantine Statesmanship / J. W. Barker. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1969. – 614 p.
10. Bertelè, T. I gioielli della corona bizantina dati in pegno alla Repubblica veneta nel sec. XIV e Mastino II della Scala / T. Bertelè // Studi in onore di Amintore Fanfani. Vol. 2 : Medioevo. – Milan : A. Guiffirè, 1962. – P. 90–177.
11. Dennis, G. Two Unknown Documents of Manuel Palaeologus / G. Dennis // Travaux et mémoires. – 1968. – Vol. 3. – P. 397–404.
12. Dennis, G. Official Documents of Manuel II Palaeologus / G. Dennis // Byzantion. – 1971. – T. 41. – P. 45–58.
13. Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. Pars 2, a. 1351–1454 / ed. C. M. Thomas, R. Predelli. – Venetiis : Sumptibus Societatis, 1899. – 451 p.
14. Ebersolt, J. Les sanctuaries de Byzance / J. Ebersolt. – Paris : Editions Ernest Leroux, 1921. – 159 p.
15. Hatzopoulos, D. Le premier siège de Constantinople par les Ottomans (1394–1402) / D. Hatzopoulos. – Montréal : [s. n.], 1995. – 168 p.
16. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. 2 / ed. L. Schopen, E. Bekker. – Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1831. – 615 p.
17. Jorga, N. Notes et extraits pur servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. IV. Documents politique / N. Jorga // Revue de l'Orient Latin. T. 8. – Paris : Ernest Leroux Editeur, 1900–1901. – P. 1–115.
18. Loenertz, R.-J. Jean V Paléologue à Venise (1370–1371) / R.-J. Loenertz // Revue des études byzantines. – 1958. – T. 16. – P. 217–232.
19. Majeska, G. Russian Pilgrims and the Relics of Constantinople / G. Majeska // Восточнохристианские реликвии / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 387–397.
20. Majeska, G. P. The Relics of Constantinople After 1204 / G. P. Majeska // Byzance et les reliques du Christ / ed. J. Durand, B. Flusin. – Paris : Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, 2004. – P. 183–190.
21. Mergiali-Sahas, S. Byzantine Emperors and Holy Relics. Use, and Misuse of Sanctity and Authority / S. Mergiali-Sahas // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. – 2001. – Bd. 51. – P. 41–60.
22. Mergiali-Sahas, S. An Ultimate Wealth for Inauspicious Times : Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign / S. Mergiali-Sahas // Byzantion. – 2006. – T. 86. – P. 264–275.
23. Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. 2 / ed. L. Schopen, I. Bekker. – Bonn : Impensis Ed. Weberi, 1830. – 1385 p.
24. Nicol, D. A Byzantine Emperor in England : Manuel II's Visit to London in 1400–1401 / D. Nicol // University of Birmingham Historical Journal. – 1970. – Vol. 12. – P. 204–225.
25. Nicol, D. Byzantium and Venice : A Study in Diplomatic and Cultural Relations / D. Nicol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 425 p.
26. Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos / ed. A. Heisenberg. – Würzburg : K. Universitäts-Druckerei von H. Stürtz, 1907. – 77 p.
27. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / rec. et publ. par Ch. Potvin. – Louvain : Impr. de P. et J. Lefever, 1878. – 551 p.
28. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. 5 / bearb. von F. Dölger. – München ; Berlin : Verlag C. H. Beck, 1965. – 138 S.
29. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. Vol. 1 / éd. par F. Thiriet. – Paris ; La Haye : Mouton, 1958. – 247 p.

30. Shepard, J. *Imperial Constantinople : Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the Exemplary Centre* / J. Shepard // *Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World after 1150* / ed. J. Harris, C. Holmes, E. Russell. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 61–92.

31. Vassilaki, M. *Praying for the Salvation of the Empire?* / M. Vassilaki // *Images of the Mother of God. Perceptions of the Theotokos in Byzantium* / ed. M. Vassilaki. – Ashgate : Routledge, 2005. – P. 263–276.

REFERENCES

1. Klavikho R.G. de. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406)* [Diary of a Journey to Samarkand to the Court of Timur (1403–1406)]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 211 p.

2. Klari R. de. *Zavoevanie Konstantinopolya* [Conquest of Constantinople]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 175 p.

3. Loparev Kh.M., ed. *Kniga Palomnik: Skazanie mest svyatykh vo Tsaregrade Antoniia, arkhiepiskopa Novgorodskogo v 1200 g.* [Book of the Pilgrim: The Legend of the Places of the Saints in Tsargrad by Anthony, Archbishop of Novgorod in 1200]. *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik*, 1899, iss. 51, pp. 1–111.

4. Sofiyskaya vtoraya letopis [The Sofia Second Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Saint Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 1853, pp. 119–276.

5. Tafur P. *Stranstviya i puteshestviya* [Wanderings and Journeys]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 296 p.

6. Miklosich Fr., Müller I., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. 3.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1865. 393 p.

7. Andriopoulou St. *Diplomatic Communication Between Byzantium and the West Under the Late Palaiologoi (1354–1453): PhD Thesis.* Birmingham, s.n., 2010. 433 p.

8. Bacci M. *Relics of the Pharos Chapel: A View from the Latin West.* Lidov A. M., ed. *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian Relics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 234–248.

9. Barker J.W. *Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship.* New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press, 1969. 614 p.

10. Bertelè T. *I gioielli della corona bizantina dati in pegno alla Repubblica veneta nel sec. XIV e Mastino II della Scala. Studi in onore di Amintore Fanfani. Vol. 2: Medioevo.* Milan, A. Guiffirè, 1962, pp. 90–177.

11. Dennis G. *Two Unknown Documents of Manuel Palaeologus. Travaux et mémoires*, 1968, vol. 3, pp. 397–404.

12. Dennis G. *Official Documents of Manuel II Palaeologus. Byzantion*, 1971, vol. 41, pp. 45–58.

13. Thomas C. M., Predelli R., eds. *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. Pars 2, a. 1351–1454.* Venetiis, Sumptibus Societatis, 1899. 451 p.

14. Ebersolt J. *Les sanctuaries de Byzance.* Paris, Editions Ernest Leroux, 1921. 159 p.

15. Hatzopoulos D. *Le premier siège de Constantinople par les Ottomans (1394–1402).* Montréal, s.n., 1995. 168 p.

16. Schopen L., Bekker E., eds. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. 2.* Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1831. 615 p.

17. Jorga N. *Notes et extraits pur servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. IV. Documents politique. Revue de l'Orient Latin. T. 8.* Paris, Ernest Leroux Editeur, 1900–1901, pp. 1–115.

18. Loenertz R.-J. *Jean V Paléologue à Venise (1370–1371). Revue des études byzantines*, 1958, vol. 16, pp. 217–232.

19. Majeska G. *Russian Pilgrims and the Relics of Constantinople.* Lidov A. M., ed. *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian Relics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003, pp. 387–397.

20. Majeska G.P. *The Relics of Constantinople After 1204.* Durand J., Flusin B., eds. *Byzance et les reliques du Christ.* Paris, Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, 2004, pp. 183–190.

21. Mergiali-Sahas S. *Byzantine Emperors and Holy Relics. Use, and Misuse of Sanctity and Authority. Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 2001, Bd. 51, S. 41–60.

22. Mergiali-Sahas S. *An Ultimate Wealth for Inauspicious Times: Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign.* *Byzantion*, 2006, vol. 86, pp. 264–275.

23. Schopen L., Bekker E., eds. *Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. 2.* Bonn, Impensis Ed. Weberi, 1830. 1385 p.

24. Nicol D. *A Byzantine Emperor in England: Manuel II's Visit to London in 1400–1401.* *University of Birmingham Historical Journal*, 1970, vol. 12, pp. 204–225.

25. Nicol D. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations.* Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 425 p.

26. Heisenberg A., ed. *Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos.* Würzburg, K. Universitäts-Druckerei von H. Stürtz, 1907. 77 p.

27. Potvin Ch., ed. *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste.* Louvain, Impr. de P. et J. Lefever, 1878. 551 p.

28. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. 5.* München, Berlin, Verlag C.H. Beck, 1965. 138 S.

29. Thiriet F., ed. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Vol. 1.* Paris, La Haye, Mouton, 1958. 247 p.

30. Shepard J. Imperial Constantinople: Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the

Exemplary Centre. Harris J., Holmes C., Russell E., eds. *Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World After 1150.* Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 61-92.

31. Vassilaki M. Praying for the Salvation of the Empire? Vassilaki M., ed. *Images of the Mother of God. Perceptions of the Theotokos in Byzantium.* Ashgate, Routledge, 2005, pp. 263-276.

Information About the Author

Tatiana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation; Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Куш, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Российская Федерация; главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский просп., 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.15>

UDC 94“04/14”:330.8

LBC 63.3(0)42-2

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 12.10.2021

BESSARION ON ECONOMICS AND GEOPOLITICS¹**Christos P. Baloglou**

Hellenic Telecommunications Organization, Amaroussion Attikis, Hellas/Greece

Abstract. This paper deals with those aspects of Byzantine intellectual heritage, which belong to the Bessarion's thought and writing. Bessarion, Cardinal of the Roman-Catholic Church, proposed specific, systematic and analytical measures for a re-organization and recovery of the Despotate of Mistra, while, as it is known, he lived there from the end of 1431 until the end of 1436. Then Bessarion, in his capacity as cardinal, showed his continual and undiminished interest to the advancement of Greek nation, as proven by three famous memoranda of scholar. These are appeals to Constantine Palaiologos, Despot of Mistra, as well as to the doge of Venice. Dated July 13, 1453 the letter to the doge informed him on the Fall of Constantinople and the sufferings of Greek nation! Especially noteworthy is the third (and only surviving) letter of Bessarion, addressed to his friend, Despot Constantine Palaiologos in the spring of 1444. Here Bessarion proposes a specific, specialized program for the economic restructure, social reorganization and military strengthening of the Despotate. The intellectual associates education with economy. Sharing the economic philosophy of ancient Greeks on self-sufficiency and utilization of local means, Bessarion became a forerunner of mercantilism, while also acknowledging the productive contribution of education. The proposal of Bessarion for the transfer of the Despotate's capital closer to the Isthmus was of great geopolitical importance since, when the guarding of the Hexamilion Wall would be reconstructed and constant and properly updated. These proposals, having been so important for the evolution of Byzantine economic thought, took an appropriate place in its development.

Key words: Bessarion, Despotate of Mistra, Palaeologean Renaissance, Byzantine Economic Thought, economics and education, Isthmus of Corinth.

Citation. Baloglou Ch.P. Bessarion on Economics and Geopolitics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 171-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.15>

УДК 94“04/14”:330.8

ББК 63.3(0)42-2

Дата поступления статьи: 01.07.2021

Дата принятия статьи: 12.10.2021

ВИССАРИОН ОБ ЭКОНОМИКЕ И ГЕОПОЛИТИКЕ¹**Христос П. Балоглу**

Греческая телекоммуникационная организация, Амаруссион Атикис, Греция

Аннотация. Настоящая статья имеет прямое отношение к тем аспектам византийского интеллектуального наследия, которые неотъемлемо принадлежат творческой мысли и трудам Виссариона. Виссарион, кардинал Римско-католической церкви, предлагал специфичные, систематические и аналитические меры для реорганизации и восстановления Деспотата Мистры в тот период, когда, как известно, он жил там с конца 1431 г. до конца 1436 года. Тогда Виссарион, в его полномочии кардинала, выказал постоянный и неумняющийся интерес к прогрессу греческой нации, как доказывают три известных меморандума ученого. Они обращены к Константину Палеологу, деспоту Мистры, а также к дожу Венеции. Датированное 13 июля 1453 г. послание дожу информировало его о падении Константинополя и страданиях греческой нации! Особенно заслуживает внимания третье (и единственно сохранившееся) послание Виссариона, направленное к его другу, деспоту Константину Палеологу, весной 1444 года. Здесь Виссарион предлагает специфичную, специальную программу экономической реконструкции, социальной реорганизации и военного усиления деспотата. Интеллектуал соединяет образование с экономикой. Разделяя экономическую философию древних гре-

ков о самодостаточности и использовании местных ресурсов, Виссарион становится предвозвестником меркантилизма, одновременно признавая роль образования для производства. Предложение Виссариона о переносе столицы деспотата ближе к Истмийскому (Коринфскому) перешейку обладало великой геополитической значимостью с того времени, когда оборонительная стена Гексамилия была бы восстановлена и постоянно надлежащим образом обновлялась. Эти предложения, столь важные с точки зрения эволюции византийской экономической мысли, заняли надлежащее место в ее развитии.

Ключевые слова: Виссарион, Морейский деспотат (Мистра), Палеологовский Ренессанс, византийская экономическая мысль, экономика и образование, Коринфский перешийек (Истм).

Цитирование. Балоглу Х. П. Виссарион об экономике и геополитике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 171–180. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.15>

Introduction. Bessarion (Trebizond, 2.I.1403 – Ravenna 18.XI.1472) was undoubtedly a distinguished personality that left its mark on its time. He had an excellent education, both secular and ecclesiastical, but distinguished himself mainly as author of philosophical works. Bessarion descended from a pious family with fifteen children of which, however, he was the only one to survive. His secular name was Basileios and he was raised in a manner according to his family's social class. Bessarion studied in his place of birth, for which he later wrote a special encomium. In it Bessarion praised the progressive attitude of the inhabitants and prominent geographical location of Trebizond that contributed to its wealth. Subsequently, Bessarion continued his studies in Constantinople, eventually settling in Mistra, in southern Peloponnese, among the circle of George Gemistos Plethon (Constantinople 1355? – Mistras 24.VI.1452). Being a friend of Constantine Palaiologos (with whom he was approximately the same age), Bessarion joined the circle of scholars active in the period of the emperors Manuel II and John VIII. Byzantine intellectual became a monk under the name Bessarion and reinforced the clergy as deacon and later priest. He was eventually arised to status of Bishop of Nicaea (1437) on the eve of the Council of Ferrara-Florence. Confronted with the crucial issue of his time, that is, how to avert the danger from the East, Bessarion followed the pattern of Demetrios Kydones. He sided with the unionist party and became its unquestionable leader during the Council of Ferrara-Florence (1438–1439). After the return to the Queen of Cities (1440) and the division in the ranks of both clergy and laymen, Bessarion was forced to return to Italy where he was ordained cardinal. His flight and settlement to Italy may be explained by certain

facts. Hellenic education continued to be alive in some Italian cities and, mainly, in the Greek monasteries of Apulia and Calabria throughout the Middle Ages. Greeks were a dynamic element of population in the Italian Peninsula, preserving their language, morals and customs. Also, prominent Byzantine scholars, visited Italy, had acquainted with its history. They were fascinated with the history and glory of ancient Rome. It was not by chance that Byzantine scholars tried to associate ancient Rome with the Byzantine Empire. Bessarion's theological works are excessively verbose and full of repetitions. Having a certain aim in mind, Bessarion would often distort the truth. There is no denying of his efforts to unite Christian powers against the imminent Ottoman danger. However, he was confronted with papal tepidity. The indifference towards behalf of rulers was involved in their own conflicting interests and petty ambitions. In conclusion there are insurmountable difficulties in finding the necessary financial means. Bessarion believed that money could be collected by the petition for an anti-Christian measure applied by Venice in consequence of behalf of the Pope in 1463. It means the selling of indulgentia, a phenomenon that subsequently became a stepping stone for the Reformation started by Luther and his following.

Since modern economics is generally considered to have begun with the publication of Adam Smith's *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* in 1776, a survey and investigation of the pre-Smithian economic thought requires some justification. Such an effort must offer both historical and methodological support of its contribution to the study of the history of modern economics.

Most of the histories of economics that give attention to the pre-Smithian background ignore

the economic thought of Hellenistic and Byzantine Times, as well as Islamic economic ideas, although the Mediterranean crucible was the parent of the Renaissance while Muslim learning in the Spanish universities was a major source of light for non-Mediterranean Europe. Another motivation, and a bit more fundamental, has to do with the “gap” in the evolution of economic thought alleged by J.A. Schumpeter (1883–1950) in his classic, *History of Economic Analysis*: “The Eastern Empire survived the Western for another thousand years, kept going by the most interesting and most successful bureaucracy the world has ever seen. Many of the men who shaped policies in the offices of the Byzantine emperors were of the intellectual cream of their times. They dealt with a host of legal, monetary, commercial, agrarian and fiscal problems. We cannot help feeling that they must have philosophized about them. If they did, however, the results have been lost. No piece of reasoning that would have to be mentioned here has been preserved. So far as our subject is concerned we may safely leap over 500 years to the epoch of St. Thomas Aquinas (1225–1274), whose *Summa Theologica* is in the history of thought what the southwestern spire of the Cathedral of Chartres is in the history of architecture” [46, pp. 73–74]. J.A. Schumpeter classified several pre-Latin European scholastic centuries as “blank”, suggesting that nothing in relevance to economics, or for that matter to any other intellectual endeavor, was said or written anywhere else. Such a claim of “discontinuity” is patently untenable. A substantial body of contemporary social thought, including economics, is traceable to Hellenistic, Arab-Islamic and Byzantine “giants”.

Our purpose in this article is to explore and present the economic philosophy of a distinguished scholar of the post-Byzantine Period, Bessarion of Trapezous (Trebizond 2.1.1403 – Ravenna 18.11.1472)². Following upon this general introduction, the essay deals with the “Great Gap” Thesis (Section 1) and in the subsequent section and sub-sections there will be discussed Bessarion’s economic philosophy, his proposals for the social and economic recovery of the Despotate and his proposal in the field of geopolitics. The Conclusions summarize the results of the present research.

The “Great Gap” Thesis. The *History of Economic Analysis* upon which J.A. Schumpeter worked during the last nine years of his life (1941–1950) [46, p. XL] and which he had not quite finished, makes up a real achievement and is a product of a long preparation and tiring and systematic research. The work is even today impressive in its bibliographic completeness and its detailed range of description. He writes a History of Economic Analysis and not a History of Economic Doctrines or Social and Economic Theories. Despite of this fact he refers to the Ancient Egyptians, Babylonians and Assyrians and to the Chinese political thinkers [46, p. 52]. J.A. Schumpeter recalls the distinction between “Economic Thought” and “Economic Analysis” and emphasizes that the “history of economic analysis begins with the Greeks” [46, p. 52]. He does not refer to the Hellenistic Times and he does not refer to the Hellenistic Times and he does not mention the Byzantine and Islamic ideas. The fact that he does not make any reference to the Byzantine and Islamic economic ideas is the result, as Frank Knight (7.11.1885–15.4.1972) had assumed, that Schumpeter’s *History of Economic Analysis* was limited to Western economic thinking [27]. This view justifies the fact that J. A. Schumpeter did make a brief reference to the contribution of the Byzantine world. One author identifies him as a pragmatist in his economic philosophy, an “objective scientific investigator with no particular axe to grind” [41, p. 746]. His *History of Economic Analysis*, edited after his death by his wife and published in 1950, is a monument to his gigantic achievements and it remains the *locus classicus* of almost all works in this area.

In Chapter two of Part II, J.A. Schumpeter begins with a discussion of the “Great Gap”. The implication here is that for over five hundred years prior to the writings to the Scholastics, nothing of any significance to economics particularly said or written anywhere else, as the though the period of Europe’s Dark Ages was a universal phenomenon and there was a complete lacuna over intellectual evolution throughout the rest of the world [22; 6, p. 399].

However, the critical question is this: if economic analysis began with the Latin Scholastics, how were they able to develop and assimilate such a voluminous body of thought on

economic issues (not to speak of other matters of human intellectual evolution) during the thirteenth, fourteenth and early fifteenth centuries? George O' Brien, writing on medieval economics in the 1920s, quotes a contemporary French scholar named Jourdain as saying:

"That he carefully examined the work of Alcuin, Rabanas Mauras, Scotus Erigenus, Hincmar, Gerbert, St. Anselm, and Abelard-the greatest lights of theology and philosophy in the early Middle Ages-without finding a single passage to suggest any of these authors suspected that the pursuit of riches, which they despised, occupied a sufficiently large place in national as individual life to offer the philosopher a subject fruitful in reflections and in results" [40, p. 14].

That is, these pre-Aquinas Latin Scholastics had nothing to say on economic matters so they can be eliminated as sources of influence on Thomistic economic thought.

Such "irrelevance" of economics in early Christian thought is clearly acknowledged even by J.A. Schumpeter. Lamenting on this situation, J.A. Schumpeter says: "Whatever our sociological diagnosis of the mundance aspects of early Christianity may be it is clear that the Christian church did not aim at social reform in any sense other than that of moral reform of individual behavior... The How and Why of economic mechanisms were then of no interest either to its leaders or to its writers" [46, p. 72].

However, J.A. Schumpeter argues that the thirteenth century is distinguished from the previous era due to the theological-philosophical revolution, which was caused by the resurrection of "Aristotelian thought". But he dismisses Aristotelian influence as the chief cause of Aquinas's "towering achievement". He insists, "I do not assign to the recovery of Aristotle's writings he role of chief cause of thirteenth century developments. Such developments are never induced by an influence from outside" [46, p. 88].

Now, what was true in J.A. Schumpeter's time, and what has since become even more so is something amply manifested through research in Medieval History. In other words, Scholasticism was ecclesiasticism made up of Patristic, Aristotelian, Neoplatonist, and Arab-Islamic thought. Schumpeter acknowledges all except the last as the major sources of influence. He seems aware of such an influence, as evident from his

brief statement and a footnote concerning "Semite mediation" through Avicenna (Ibn Sina, 980–1033), Averroes (Ibn Rushd, 1126–1198) and the Hebrew Maimonides (Ibn Maimon, 1141–1204) [46, p. 87].

Beyond, this, however, Schumpeter chose not to explore. In Bernadelli's words, who, incidentally, points out a similar, but historically minor "mishap" in Schumpeter's *History*, such an attitude is "all the more disappointing", as Schumpeter "must have been well aware of the fascinating process of cultural diffusion" between the Arab world and the West; and by restricting himself to Europe, J.A. Schumpeter "grossly underestimated the richness in analytical content of the Mesopotamian contributions" [15, p. 320].

Whatever might have been Schumpeter's motivation for disregarding the influence of Byzantine scholars, the results have been most unfortunate for the history of economic thought. Even when one's focus is on the history of Western economic thought, surely the influence of Byzantine contribution is very much part of the western tradition. The fact that this book became a classic, helped to perpetuate the "blind spot" in economics. Any attempt at extracting the economic thought of Thomas Aquinas, as J.A. Schumpeter did, must lead one to consult his *Opera Omnia*, *Summa Theologica*, and *Summa contra Gentiles*, and one cannot do so without seeing some references to Byzantine scholars.

While encounters with Medieval economic thought and Byzantine thought are unavoidable when consulting the works of Latin Scholastics and exploring the writings of early European scholars, invariably such encounters failed to arouse scholarly curiosity on the part of J.A. Schumpeter and others who preceded and succeeded him – especially in reference to medieval economic thought. There is a list of significance textbooks, written by prominent scholars, who are influenced by Schumpeter's "Gap" and who ignore the Byzantine economic thought (for an extensive analysis, see: [6, pp. 402–410]).

The occupation of the Intellectuals and Scholars of the Post-Byzantine Period with economic and social matters. The Byzantine Thought and Literature has not shown a tradition of economic thought, similar to that of the West, and specific contributions which would make up a creative renovation or a systematic elaboration of

the economic ideas and doctrines of the authors and intellectuals of the Classical Antiquity. From this point of view, a Gap seems to be present in the historical evolution of the economic doctrines and theories, which cannot be covered only by the economic ideas of the Fathers or by the estimation of the Byzantine authors and scholars which are rather rare to find according to the nature or the causes of specific economic developments [24, pp. 15–50; 35, pp. 43–73]. Moreover, these ideas are functioning as empirical observations of the economic phenomena or as dutiful suggestions of intervention in the function of the economic process.

From this point of view, it is interesting to explore how the scholars of the Palaiologean period focused to solving the economic and social problems.

The period of the two or three last centuries of the Byzantine Empire, which is directly connected with the name of Palaiologoi, is justified by the fact of the simultaneous appearance of a politically, economically and socially shrunk and weakened state on the one hand and of a significant cultural production which had its influence on and left indelibly its spiritual presence in the Western renaissance on the other hand. This period, known as Post-Byzantine Period or the “Last Byzantine Renaissance”, as St. Runciman (7.VII.1903–1.XI.2000) called it [45], begins from the capture of Constantinople by the Greeks (15.VIII.1261) and ends to the capture of the “Basileusa”, as it called by the Ottomans (29.V.1453), and is characterized by several economic and political events³.

In strange contrast with the political and economic decline, the intellectual life of Byzantium never shone so brilliantly as in those two sad centuries. It was an age of eager and erudite philosophers, culminating in its later years in the most original of all Byzantine thinkers, George Gemistos – Plethon. At no other epoch was Byzantine society so highly educated and so deeply interested in things of the intellect and the spirit [45, pp. 1–2].

Another phenomenon of this period, which we have to mention, is the influence on the West. In those two centuries the connection with the Latin West grew closer: not only did Byzantine art influence the early painters of Italy, but Byzantine scholarship also began to move to the West and kindle the fire of the Italian Renaissance

[14, p. 49]. From the 14th century onward the Byzantine scholars were carrying their books and their scholarship to Italy. An example of this influence was the establishment of the Platonic Academy of Florence by Cosimo de Medici, who was inspired by Plethon, who visited Italy and was honored there⁴. Without the Greek educator and diplomat Manuel Chrysoloras coming to teach Greek in Florence in 1397, the history of the Renaissance would have been very different. Without Chrysoloras, Florence would not have claimed the unequivocal leadership in humanist studies at the start of the 15th century as in fact she did. Several generations later, the arrival of John Argyropoulos at the University of Florence, in 1457, restored Florentine leadership in Greek studies and prepared the way for the Platonic Academy [38]. An additional element that characterized the scholars of the period under discussion was the return to the classical patterns, especially to Ancient Sparta and Ancient Athens; they derived their arguments from Classical Greece for a provision of their ideas [43, pp. 130–138]. They often used the term Hellene to describe themselves. The use of this term was not an originality of this period, but from the 14th century onward, a general use of this term was observed [18, pp. 273–299].

The intellectuals and scholars of these two centuries did know the problems of the State and tried to provide consistent and systematic solutions. They were influenced by the Classical Patterns, but also by the texts of the Early Christian Fathers. It is evident by Cabasilas’s and Magister’s proposals, who do refer to Solon, Plato and the Cappadocians [10; 7, pp. 61–68].

Thomas Magister (1275?–1350/51), Alexios Makrembolites (1310/1312?–1360)⁵ and Constantine the Philosopher of Nicaea (12th century) [42] accused the riches and especially they develop the idea for a better division of wealth between the citizens. Magister suggested that extra taxation without a specific reason should not be imposed because it revolted citizens and perpetuated social injustice [52, col. 480 A]. For this reason, he pleaded to the Emperor to rearrange the system of tax collection and not to sell them [52, col. 480 C]. As a consequence of a good and right tax policy there came the correct handling of public money. The Emperor himself should show interest and

improve the situation. Under these circumstances the State will be able to get armed regularly and be ready in case of war. "These who practice arts and crafts", wrote Magister, "should be of good repute on other grounds also [as well as on the ground of their skill]". They should not be half-servants of the State: their citizenship should not be limited to the works of peace; "they should also have in their minds a spirit of gallantry and readiness for war" [53, col. 545 D]. Magister's main concern was that all alike – the working class of artisans as well as the rich and leisured – should have access to a liberal education which would be a training of character as well as of intelligence and would enable all to fulfill "the whole duty of a Christian man" [53, col. 548 B].

Georgios Gemistos – Plethon as a "theoretical philosopher of Neoplatonism" [34, p. 87] and hellenocentric and progressive philosopher [13, pp. 30–31]. His creative doctrine was the main factor of the Neoplatonism in the West [12, p. 104]. Plethon analyzed and delivered specific proposals for the recovery of the Despotate in two treatises. The first one is entitled *Advice to the Despot Theodore concerning the Affairs of Peloponnese*, presented in 1416 [20; 33, pp. 113–135]. The second treatise is entitled *Georgios Gemistos to Manuel Palaeologus concerned the Affairs of the Peloponnes*, presented in 1428 [21; 32, pp. 246–265]. These treatises belong to a long tradition of the "mirror for princes" [16, pp. 30–59; 9, pp. 110–114; 54]. Both of these treatises or memoranda contain a specific program, which would reform the socioeconomic and military structure of Peloponnese [44; 48]. The proposals aim at the best confronting of the Ottoman threat, which ultimately was to sweep away the Byzantine Empire in the decade after Plethon's death. The central theme of these reforms is the mobilization of all socio-economic and political factors in order to create a centralized, self-sufficient and defensibly territory.

Plethon considered monarchy to be the best – suited system of government. He claimed that monarchy is the "the safest and most beneficial" [33, p. 199]. For Plethon, the monarch would be surrounded by a council: the number of advisors must certainly be restricted, yet it must be sufficient, the members being of moderate financial status and having an excellent education

[33, pp. 118–199]. However, Plethon was well aware of the various human weaknesses of the statesman and of his civil advisors. Plethon stressed that the selection of civil servants and advisors must be based mainly upon their special knowledge and their non-self-interested behaviour. So, Plethon suggested, that the "best" citizens should be chosen for civil servants by using objective criteria, namely that of meritocracy [33, p. 119]. And their corruption, as T. Nikolaou emphasizes, following to claims of Plethon, must be severely punished (see: [39, pp. 20–52]).

The successful application of the division of labour, which will contribute both to the improvement of the politeia and the achievement of happiness [33, p. 132.7–12], the tripartite division of population [33, pp. 119.23–120.5], the abolishment of the many taxes and the establishment of a unique tax [33, p. 122.18]. Besides, according to Plethon, the reformed tax system must be based upon the four principles of taxation. And by considering agricultural income as the basis of taxation, Plethon proposed the property reform [32, p. 260.1–18], the control of imports and exports [32, pp. 263.3–264.12; 33, p. 264.11–16], constitute the main content of Gemistos's proposals ⁶. Thus, Plethon became an ideological predecessor of the main principles of taxation, developed later in the 18th century literature, primarily by Adam Smith (1723–1790) and a forerunner of the relevant Physiocratic theory [48, pp. 122–123; 11, pp. 120–134].

According Plethon's proposals, the agriculture and the security forces (the army) are of paramount importance and interdependent. It is very interesting, this is an idea that imbues Xenophon's *Oeconomicus* and reappears in Byzantine texts, such as the *Taktika* of Leo the Wise. Plethon's economic recommendations were based on the presupposition that the Peloponnese, a rich producer of raw materials, could be rendered economically self-sufficient. Plethon argued that the main function of government is the protection of individuals' property rights and peoples' freedom. Thus, it seems that he regarded sovereignty as a kind of "social contract" – a theory more fully explicated during the 17th century by Thomas Hobbes and John Locke [49, p. 691].

Bessarion's place in the Byzantine economic thought. Striding the boundary

between East and West, Greek and Latin, the Cardinal Bessarion was a major figure in the transmission of Greek learning to the Latin West. Living up 1440, after the end of Ferrara-Florence Council, in Italy, as Cardinal of the Roman-Catholic Church, Bessarion is interested in the problems in the East, and he is looking for the best solutions to save the State.

One of Manuel's sons, Constantine XI (rd. 6.I.1449–29.V.1453), was the last ruler of Byzantium. When he was only the Despot of the Peloponnese, his panegyrists compared him to that other Constantine who had founded the capital of the Empire. From this identity of names the panegyrists drew most favorable inferences as to the future of Constantinople in whose defense Constantine XI was to fall in 1453 (Joh. Dokeianos, *Laudatio of Constantine Palaeologus* [31, p. 225.4–7]).

In 1444, these future prospects were spelled out in some detail by Constantine's friend Bessarion. It is worth that he sent to Constantine three epistles. These letters prove Bessarion's interest in the themes and problems of the Despotate, but only the third letter has been survived [33, pp. 32–45], and it confirms, that Bessarion was connected with Constantine by friendly relation⁷. Once the Despot had carried out the reforms advocated by Bessarion of the Peloponnese, that is ancient Sparta: the Despot would be able to reconquer the European part of the Empire; next he would cross over to Asia at the head of his regenerated Spartans; thus this new Agesilaus would restore the whole Empire to its ancient greatness [33, p. 36.25–30]. Bessarion expressed the wish that the Greek nation might rule over the whole of mankind [33, p. 44.29–30].

For the achievement of these targets Bessarion proposed a specific reform program:

a. A discretion of the population of the Despotate in taxpayers and soldiers, and in non-tax-payers and soldiers [33, p. 35.9–12]. This is the establishment of the division of labour.

b. The reorganization of army [33, p. 36.10–12].

c. The recognition of the bad effects of the wealth and especially of the conspicuous consumption of the inhabitants [33, p. 38.24–30].

d. The control of imports and exports through selective duties. No import duties should

be charged on necessary goods, but both the export of goods needed for domestic consumption and the import of luxuries should be hindered by heavy tariffs [33, p. 41.22–29].

e. The culture of the Byzantines, so high in the past, had sunk so low that there were considered ignorant by foreigners. The wisdom and the technological knowhow of the Byzantines had disappeared, but it survived to a great extent among the Latins. In order to raise the level of culture, education and technology in Peloponnese, Constantine should invite Latin specialists there and send a small group of Greek students in Italy [33, p. 42.22–32]. (Cf. [47, p. 177; 55, p. 293]). These half dozen students, as Bessarion specifies four to eight [33, p. 44.7–10], should not be too young, nor should they be too old, for otherwise it would be difficult for them to learn a foreign language. Their program of study should be technological: metallurgy, mechanics, armaments, shipbuilding [33, p. 44.1–4]. The manufacture of that, we would today call consumer goods, might be looked into also, but this was less important [33, p. 44.10–14].

f. The establishment of the capital town of the Despotate in the Isthmus of Corinth. It would better, for geopolitical reasons, the capital town would be in Isthmus.

All of Bessarion's proposals have sounded strange to some members of the Byzantine upper class. When *they* were young, they had to memorize the elegant periods of Aelius Aristeides and Libanius, not a manual on shipbuilding, in order to qualify for important positions [47, p. 177]. Therefore, Bessarion had to temper his advice. He explained that no loss of face was involved in learning from the Latins. First of all, the Byzantines would only be receiving back what they had given to the West in the Antiquity. Secondly, it was silly to be ashamed for acquiring wisdom. If the Latins had ashamed of receiving culture from the Byzantines long before, they would never have reached the cultural eminence, which they were now enjoying [33, p. 42.29–34].

Bessarion's proposals have been influenced by Georgios Gemistos's program and by the ancient Greek tradition, especially the Spartan legacy. Bessarion's program had more a practical spirit, than the proposals delivered by Gemistos. It is also to worth noting, that Bessarion connected the technical education with the economic

improvement. He recognized the economic significance of education, and in a matter of fact, he could be seen as a forerunner of the economics of education.

Some of Bessarion's proposals seem to have a great relation and similarity to the corresponding of the mercantilists, like the improvement of the technical education and the improvement of manufacture. Bessarion lived in Italy, when he wrote the letter: it is probably in April 1444, before the battle of Varna (10.XI.1444). And Bessarion did know all the improvements and the technical progress of the Italian cities during the Renaissance. He urged that his reforms be adopted, if the Byzantines were to escape final ruin [33, p. 38.23].

Conclusions. It is obvious that Byzantium had many and difficult problems, both economic and social, financial and religious, existed in the last two centuries of Byzantine history. The scholars did know these serious problems and provided consistent and systematic solutions for the economic recovery of the State.

The scholars of the Despotate of Mistra, especially Gemistos and Bessarion, provided a radical program for recovery. A feature of their programs and analytical proposals is the effective intervention of the State, and especially the Despot. The successful application of the proposed measures depends on his intervention.

Bessarion recognizes the geopolitical significance of Peloponnese for the recovery of the State. And the proposal of scholar to establish the capital in Isthmus, near Corinth, leads to a new perspective. The relation between technical education and economic progress is quite original. This contribution of Bessarion gives him an appropriate place in the evolution of Byzantine economic thought as well as in the history of economic ideas.

NOTES

¹ The scientific editing of the article is realized by Yuri Vin.

² For the standard scholarly biographies mention [56; 37; 30, pp. 686–696]. For the Bessarion's life of up to 1458, the work is superior [36, pp. 11–215]. For recent biographies, see: [17; 8]. For a re-examination of Bessarion's birthdate, see: [26, pp. 641–658]. For a brief outline of his life [57, pp. 1–19].

³ For an extensive analysis, see: [3, pp. 406–413] and the mentioned there literature.

⁴ For the causes and consequences of this cultural phenomenon, see: [23; 28, pp. 50–68, 225–226, 252–257; 29, pp. 101–114, 270; 19, pp. 315–372]. For the existence of the phenomenon see the standard work, composed by I. Medvedev [1].

⁵ For the economic thought and analysis on economic matters of Alexios Makrembolites the basic reference work is remained the article of I. Sevcenko [47] and dissertation, written by C. Polatof [44].

⁶ For an evaluation of Gemistos's economic ideas and their evolution in the history of economic thought, see: [50, pp. 393–416; 51, pp. 279–297; 48; 5; 4, pp. 12–19; 25; 2].

⁷ As we conclude from the beginning of the Bessarion's third letter to the Despot Constantine; cf. [33, p. 32.1].

REFERENCES

1. Medvedev I.P. *Vizantiyskiy gumanizm XIV–XV vv.* [The Byzantine Humanism 14th–15th Centuries]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1997. 341 p. (in Russian).
2. Medvedev I.P. Politicheskaya ekonomiya Georgiya Gemista Plifona [The Political Economy of George Gemistos Plethon]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1973, vol. 34, pp. 88–96. (in Russian).
3. Baloglou C.P. Economic Thought in the Last Byzantine Period. Lowry S T., Gordon B., eds. *Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice*. Leiden; New York; Köln, Brill, 1998, pp. 405–438.
4. Baloglou C.P. The Economic Thought of Ibn Khaldoun and Georgios Gemistos Plethon. Some Comparative Parallels and Skills. *Medioevo Greco*, 2002, vol. 2, pp. 1–20.
5. Schefold B., ed. Baloglou C.P. *Georgios Gemistos-Plethon: ökonomisches Denken in der spätbyzantinischen Geisteswelt*. Athens, Historical Publications St. D. Basilopoulos, 1998. 155 p.
6. Baloglou C.P. History of Economic Thought. The Schumpeterian “Great Gap”, the “Lost” Byzantine Legacy, and the Literature Gap. Liacopoulos G., ed. *Church and Society: Orthodox Christian Perspectives, Past Experiences, and Modern Challenges. Studies in Honor of Rev. Dr. Demetrios J. Constantelos*. Boston, Mass., Somerset Hall Press, 2007, pp. 395–428.
7. Baloglou C.P. Thomas Magistros' Vorchläge zur Wirtschafts- und Sozialpolitik. *Byzantinoslavica*, 1999, vol. 40, pp. 60–70.
8. Baloglou C.P. *Bēssariōnos erga kai ēmeres* [The Bessarion's Works and Days]. Thessaloniki, Ant. Stamoulis Publ., 2017. 190 p.

9. Baloglou C.P. *Geōrgiou Gemistou Plēthōnos Peri tōn peloponnēsiakōn pragmatōn* [Georgios Gemistos Plethon on the Peloponnesian Affairs]. Athens, Eleutherē Skepsis Publ., 2002. 295 p.
10. Baloglou C.P. *Ē oikonomikē skepsē tou Nikolaou Kabasila* [Nicholas Cabasilas Economic Thought]. *Byzantiaka*, 1996, vol. 16, pp. 191-214.
11. Baloglou C.P. *Plēthōneia oikonomika meletēmata* [Plethonic Economic Studies]. Athens, Eleutherē Skepsis Publ., 2001. 215 p.
12. Bargiliotes L. *Ē antiparathesis neōterikēs epistēmēs kai suntērētismou ston Boreio Ellēnismo* [The Juxtaposing of Innovative Science and Conservatism in Northern Hellenism]. *Parnassos*, 1993, vol. 35, pp. 101-126.
13. Bargiliotes L. *O ellēnokentrismos kai oi koinōnikopolitikes ideas tou Plēthōnos* [The Hellenocentrism and Plethon's Sociopolitical Ideas]. Athens, s.n., 1989. 96 p.
14. Barker E. *Social and Political Thought in Byzantium. From Justinian I to the Last Palaeologus. Passages from Byzantine Writers and Documents*. Oxford, At the Clarendon Press, 1957. XVI, 239 p.
15. Bernadelli H. The Origins of Modern Economic Theory. *Economic Record*, 1961, vol. 37, pp. 320-328.
16. Blum W. *Byzantinische Fürstenspiegel. Agapetos, Theophylakt von Ochrid, Thomas Magister*. Stuttgart, A. Hiersemann, 1981. V, 205 p.
17. Coluccia G. L. *Basilio Bessarione: lo spirito Greco e l'Occidente*, Firenze, Leo S. Olschki, 2009. VII, 443 p.
18. Dieten L., van. Barbaroi, Ellenes und Romaioi bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern, *Actes du XIIe Congres international d'études byzantines*. Belgrade, SANU, 1964, vol. I, pp. 273-299.
19. Fouyas, M. *Ellēnes kai Latinoi. Ē ekklesiastikē antiparathesis Ellēnōn kai Latinōn apo tēs epochēs tou Megalou Phōtiou mechri tēs Sunodou tēs Flōrentias* [The Ecclesiastical Diversification of the Greeks and the Latins from the Time of St. Photius to the Council of Florence 858-1439]. The 2nd ed. Athens, Apostolikē Diakonia Publ., 1996. 506 p.
20. Georgios Gemistos Plethon. De rebus Peloponnesiacis. Oratio I [To the Despot Theodore Concerning the Affairs of Peloponnese]. Migne J.-P., ed. *Gennadii, Constantinopolitani patriarchae, qui et Georgius Scholarius, opera omnia*. Parisiis, Apud J.-P. Migne ed., 1860, cols. 841-866. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 160).
21. Georgios Gemistos Plethon. De rebus Peloponnesiacis. Oratio II [To Manuel Palaeologus concerned the Affairs of the Peloponnes]. Migne J.-P., ed. *Gennadii, Constantinopolitani patriarchae, qui et Georgius Scholarius, opera omnia*. Parisiis, Apud J.-P. Migne ed., 1860, cols. 821-840. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 160).
22. Todd Lowry S., ed. Ghazanfar S. *Medieval Islamic Economic Thought. Filling the "Great Gap" in European Economics*. London and New York, Routledge, 2003. XVI, 284 p.
23. Gill J. *The Council of Florence*. Cambridge, At the University Press, 1959. XVIII, 454 p., 2 pl.
24. Gotsis G. *Problēmata oikonomikēs kai politikēs ēthikēs stēn paterikē kai byzantinē skepsē* [The Problems of Economic and Political Ethics in the Byzantine-Patristic Thought]. Athens, Sakkoulas Publ., 1997. 164 p.
25. Karayiannis A. Georgios Plethon-Gemistos on Economic Policy. Benakis L., Baloglou C., eds. *Proceedings of the International Conference: Plethon and His Time (Mystras, 26-29 June 2002)*. Athens; Mystras, Society of Byzantine and Plethonic Studies, 2003, pp. 305-310.
26. Kennedy S. Bessarion's Date of Birth: a New Assessment of the Evidence. *Byzantinische Zeitschrift*, 2018, vol. 111, pp. 641-658.
27. Knight F. Schumpeter's History of Economics. *Southern Journal of Economics*, 1954, vol. 21, pp. 261-272.
28. Schweyen-Ott R., ed. Kristeller P.O. *Humanismus und Renaissance*. Vol. 1. *Die antiken und mittelalterlichen Quellen*. München, W. Fink Verl., 1974. 259 p.
29. Schweyen-Ott R., ed. Kristeller P.O. *Humanismus und Renaissance*. Vol. 2. *Philosophie, Bildung und Kunst*. München, W. Fink Verl., 1976. 346 p.
30. Labowsky L. Bessarione. *Dizionario Biografico degli Italiani*, 1967, vol. 9, cols. 686-696.
31. Lampros Sp. *Palaiologeia kai Peloponnesiaka*. Vol. 1. Athēnes, B.N. Grégoriadēs, 1972. [69], 358 p.
32. Lampros Sp. *Palaiologeia kai Peloponnesiaka*. Vol. 3. Athēnes, B. N. Grégoriadēs, 1972. [37], 371 p.
33. Lampros Sp. *Palaiologeia kai Peloponnesiaka*. Vol. 4. Athēnes, B. N. Grégoriadēs, 1972. [31], 328 p.
34. Masai Fr. *Plethon et le platonisme de Mistra*. Paris, Les Belles Lettres, 1956. V, 419 p.
35. Merianos G., Gotsis G. *Managing Financial Resources in Late Antiquity. Greek Fathers' Views on Hoarding and Saving*. London, Palgrave-Macmillan, 2017. XII, 257 p.
36. Mioni E. Vita del cardinal Bessarione. *Miscellanea Marciana*. Venezia, Bibliotheca Nazionale Marciana, 1991, vol. 6, pp. 11-219.
37. Mohler L. *Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann*. Vol. 1: *Dastellung*. Paderborn, F. Schöningh, 1923. VIII, 432 p.
38. Monfasani J. Greek Renaissance Migrations. Monfasani J. *Greeks and Latins in Renaissance Italy. Studies on Humanism and Philosophy in the 15th Century*. Aldershot, Ashgate Variorum, 2004, pp. 1-14.
39. Nikolaou T. *Ai peri politeias kai dikaious ideai tou G. Gemistou Plēthōnos* [Georgios Gemistos

Plethon's Ideas on State and Justice]. The 2nd ed. Thessaloniki, Centre of Byzantine Studies, 1989. 153 p.

40. O'Brien G. *An Essay on Medieval Economic Teaching*. London, Longmans, Green & Co, 1920. VIII, 242 p.

41. Newman P., Gayer A., Spencer M., eds. *Source Readings in Economic Thought*. New York, Norton, 1954. XII, 762 p.

42. Panayotou A. *Anekdotos logos Kōnstantinou tou Philosophou* [The Inedited Speech of Constantine the Philosopher]. *Athena*, 2006, vol. 83, pp. 75-82.

43. Pantazopoulos H. *Rōmaïkon dikaion, en dialektikē synartēsei pros to Ellēnikon* [Roman Law, in Dialectical Function to the Greek Law]. Vol. 3. Thessaloniki, Sakkoulas Publ., 1979. 450 p.

44. Polatof C. *Aleksios Makrembolitēs. O bios kai to ergon* [Alexios Makrembolites. The Life and Work]. The augm. ed. Thessaloniki, Stamoulis, 2009. 244 p.

45. Runciman S. *The Last Byzantine Renaissance*. Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 1970. 112 p.

46. Schumpeter E.B., Perlman M., eds. Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. Repr. ed. London, Routledge, 1994. XLVIII, 1260 p.

47. Sevčenko I. The Decline of Byzantium Seen through the Eyes of Its Intellectuals. *Dumbarton Oaks Papers*, 1961, vol. 15, pp. 167-186.

48. Woodhouse C.M., ed. Spentzas S. *Ai oikonomikai kai dēmosionomikai: apopseis tou Geōrgiou Gemistou-Plēthōnos* [The Economic and Financial Conceptions of Georgios Gemistos Plethon]. Athens, Kardamitsa Publ., 1996. 190 p.

49. Spiegel H. *The Growth of Economic Thought*, The 3rd ed. Durham, N. C., Duke Univ. Pr., 1991. 901 p.

50. Stephanidis D. O G. Gemistos – Plēthōn kai ē thesis tou en tē Koinōnikē Oikonomikē [G. Gemistos-

Plethon and His Place in the Evolution of Social Economics]. *Epitheōrēsis koinōnikēs and dēmosias oikonomikēs* [Revue des sciences économiques et financières], 1940, vol. 9, pp. 393-416.

51. Stephanidis D. *Ē koinōnikē oikonomikē en tē istorikē tēs ekseliklesei* [The Social Economy in Its Historical Evolution]. Vol. I. Athens, Eleutherē Skepsis Publ., 1948. 372 p.

52. Thomas Magister. *Peri basileias* [On the Empire]. Migne J.-P., ed. *Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticae historiae libri XVIII*. Parisiis, Apud J.-P. Migne ed., 1865, cols. 447-496. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 145).

53. Thomas Magister. *Peri politeias* [On the State]. *Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticae historiae libri XVIII*. Parisiis, Apud J.-P. Migne ed., 1865, cols. 495-548. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; vol. 145).

54. Triantare-Mara S. *Oi politikes antilēpseis tōn Byzantinōn dianoētōn apo ton 10on eōs ton 13on m.Ch. aiōna* [The Political Ideas of the Byzantine Scholars from the 10th to the 13th Century]. Thessaloniki, Ērodotos, 2002. 256 p.

55. Vacalopoulos Ap. *Istoria tou Neou Ellēnismou* [The History of the New Hellenism]. Vol. I. Thessaloniki, s. n., 1974. [16], 481 p.

56. Vast H. *Le cardinal Bessarion (1403–1472). Étude sur le chretienne et la renaissance vers le milieu du XVe siècle*. Paris, Hachette, 1878. XV, 472 p.

57. Zorzi M. Cenni sulla vita e la figura del cardinal Bessarione. Fiaccadore G. et al. eds. *Bessarione e l'umanesimo: catalogo della mostra*. Venezia, Biblioteca Marciana, 27 aprile – 31 maggio, 1994. Napli, Vivarium, 1994, pp. 1-19.

Information About the Author

Christos P. Baloglou, Ph.D., University of Frankfurt am Main, Economist, Hellenic Telecommunications Organization, Chomatianou, 30, 151 23 Amaroussion Attikis, Hellas/Greece, chrisbaloglou62@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2640-5896>

Информация об авторе

Христос П. Балоглу, доктор философских наук Университета Франкфурта-на-Майне, экономист, Греческая телекоммуникационная организация, Хоматиану, 30, 151 23 Амаруссион Аттис-кис, Греция, chrisbaloglou62@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2640-5896>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.16>

UDC 94«13/15»:341.321.3

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 21.12.2021

THE BYZANTINE MILITARY STRATEGY IN ASIA MINOR DURING THE EARLY PALAIOLOGAN PERIOD (1259–1328)

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of the article is to determine the specifics of the Byzantine war strategy in Asia Minor. A qualitative military and political characteristics of the main military expeditions to the eastern borders are crucial for the disclosure of this problem. From this aspect, the study addresses the following issues: defining of the role of the eastern military campaigns in the complex of military-strategic measures on the state scale; characteristics of the features the armed forces used, as well as the tasks solved during military expeditions to Asia Minor; disclosure of the features of military-technical measures to ensure the security of Byzantium eastern borders. *Methods.* Critical use of elements of civilizational, formational and systemic approaches is the methodological basis of this study. It should be noted that the use of a systematic approach in the analysis of the Byzantine troops combat practice in east direction, allows to determine the strategic objectives of military expeditions in Asia Minor, to reveal the logic of warfare in the eastern theater, to determine the functional purpose of military-technical measures. *Analysis and Results.* The study reveals the strategic concept of Byzantium armed forces military operations during the reign of the first Palaeologus on the Asia Minor territory. Analysis of combat practice allows us to conclude that the strategic priority of the western and northwestern directions, which required the use of the most combat-ready troops consisting of mercenaries during the reign of Michael VIII, determined the need to use the Byzantine troops at the eastern borders of the empire. The Byzantine army was episodically involved in major defensive expeditions to the borders of the empire. We determined that the purpose of these campaigns is to stop the advance of enemy armies and their subsequent expulsion from the empire. This logic of military operations does not mean the loss of strategic initiative at the eastern direction. The strategy of passive defense which determined the nature of the military confrontation in the Asia Minor region was ensured by the creation of a garrison system, or a line of fortresses, on the eastern borders of the empire. Fortification activities of Michael VIII and Andronikos II in 1280–1282 temporarily stopped the advance of the Turkish troops. However, natural factors and the intensification of the economic crisis at the end of the 13th century made it impossible to preserve the defensive line located along the banks of the rivers that served as the borders of the Byzantine state. In addition, the strengthening of the military-political power of the emirates of Menteşe, Aydinoglu and Osman led to the loss of the initiative by the Byzantine troops and, as a result, the reduction of the Asia Minor territories of the empire. In an effort to change the situation, Andronicus II proceeded to implement an active defense strategy.

Key words: military history of Byzantium, the early Palaeologan period, military organization, war strategy, Asia Minor.

Citation. Zolotovskiy V.A. The Byzantine Military Strategy in Asia Minor During the Early Palaiologan Period (1259–1328). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 181–193. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.16>

УДК 94«13/15»:341.321.3

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 01.07.2021

Дата принятия статьи: 21.12.2021

ВИЗАНТИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В МАЛОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ПАЛЕОЛОГОВ

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования раскрыта стратегическая концепция военных действий вооруженных сил Византии в период правления первых Палеологов на территории Малой Азии. Анализ практики

боевого применения византийских войск в правление Михаила VIII показал, что особое стратегическое значение западного направления, обеспеченное ударными силами наемного контингента, определило использование ромейских войск на восточных территориях империи. В ходе исследования нами было установлено, что восточное направление военной политики Византии раннепалеологовского периода определялось эффективностью дипломатии. В начале правления Михаил Палеолог состоял в союзнических отношениях с Иконийским султанатом. Однако в процессе усиления политической дезинтеграции в султанате договоренности теряли силу, а грабежи приграничных византийских земель отрядами полунезависимых эмиратов становились основным дестабилизирующим фактором. Используемые на западном направлении ромейские войска лишь эпизодически привлекались в крупномасштабные оборонительные походы на Восток. Основной задачей восточных экспедиций, предпринимаемых после вторжения отрядов противника на византийские земли, была остановка продвижения вражеских войск и их последующее выдворение за пределы империи. Избранная василевсами логика боевой практики соответствует стратегии пассивной обороны, обеспеченной формированием на восточных рубежах Византии сети гарнизонов, или же линии крепостей. Таким образом, для обеспечения обороноспособности императорам было достаточно лишь эпизодически привлекать вооруженные силы для организации походов. Сформированная фортификационная система позволила в 1280–1282 гг. временно остановить продвижение турецких войск. Однако экономический кризис и естественные факторы привели к фактическому уничтожению в конце XIII в. оборонительной линии, расположенной по берегам рек, исполнявших роль границ империи. Рост военного и политического могущества мощи эмиратов (Ментеше, Айдыноглу и Осман) предопределил потерю ромейской армией инициативы. В стремлении исправить ситуацию Андроник II перешел к реализации стратегии активной обороны, мероприятия которой обеспечивались принятыми на службу наемными отрядами алан и латинян-каталонцев.

Ключевые слова: военная история Византии, раннепалеологовский период, военная организация, стратегия военных действий, Малая Азия.

Цитирование. Золотовский В. А. Византийская стратегия военных действий в Малой Азии в период правления первых Палеологов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 181–193. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.16>

Введение. После отвоевания Константинополя и начала восстановления империи возникла необходимость усиления обороноспособности Византии и, как следствие, распределения людских и военных ресурсов Византии в нескольких направлениях.

Основное внимание было объективно уделено западному направлению. Войны балканского и пелопоннеского театров были направлены на нейтрализацию угрозы безопасности столицы. Интенсивность и масштабность военных кампаний были определены особой стратегической концепцией империи, направленной на расширение западных пределов Византии. Такой подход был обеспечен военно-стратегическими решениями в Малой Азии.

Военные организационно-институциональные мероприятия, а также, собственно, военная политика первых Палеологов на восточном направлении, учеными, посвятившими свои исследования системному обобщению политического и военно-политического опыта империи, оцениваются как поверхностные, ошибочные и вторичные в сравнении с западной политикой [1, с. 285, 295, 299; 34,

р. 223; 33, р. 25, 27; 36, р. 452, 478–479, 491]. Такая негативная оценка основана на ставшем «общим местом» отрицательном восприятии западных устремлений Михаила VIII. Так, Георгий Пахимер, в ряде пассажей акцентировал внимание на том, что потери владений на востоке империи связаны расширением территории государства на западе [25, vol. I, р. 317^{10–14}, vol. II, р. 403^{19–20}]. Высказанная мысль современника, видевшего в начале XIV в. из окон Константинополя убитых турками людей на другом берегу пролива [25, vol. IV, р. 453^{17–24}], массу мигрировавших из Малой Азии ромеев, заплывавших столицу [25, vol. IV, р. 369^{2–11}], приобретает несколько искаженный смысл относительно периода правления Михаила VIII.

После возвращения столицы и начала восстановления империи Михаил Палеолог столкнулся с необходимостью усиления обороноспособности государства. Самое очевидное средство решения проблемы – укрепление имперской армии – требовало много времени и средств. В этих условиях возросшая в связи с агрессивными действиям латинян угроза без-

опасности западных рубежей предопределила необходимость концентрации вооруженных сил на европейском направлении. При этом и восточные владения империи не остались без системы сил и средств обеспечения стратегической безопасности.

Цель статьи – определить специфику содержания стратегии военных действий византийской армии в Малой Азии. В достижении цели определяющее значение имеет качественная военно-политическая характеристика основных военных экспедиций к восточным рубежам. В этой связи в исследовании последовательно будут раскрыты следующие вопросы: выделение места восточных военных кампаний в комплексе военно-стратегических мероприятий в общеимперском масштабе; характеристика особенностей применения вооруженных сил, а также задач, решаемых в ходе военных экспедиций в Малую Азию; выделение особенностей военно-технических мероприятий, обеспечивающих безопасность восточных границ Византии.

Методы. Методологическим началом исследования является критическое применение формационного и цивилизационного подходов. Использование системного подхода в совокупности исследовательского инструментария, используемого при анализе практики применения византийских войск на восточном направлении, позволяет определить стратегические задачи военных экспедиций в Малой Азии, выявить логику ведения боевых действий на восточном театре, а также определить функциональное назначение военно-технических мероприятий. Отметим, что обобщение этих вопросов в контексте использования системного анализа позволяет понять стратегическую концепцию первых Палеологов, определяющую их военную политику.

Анализ. Положение на востоке Византии определялось состоянием отношений с турками. В этой сфере военная политика периода правления Михаила Палеолога базировалась на союзнических договорах никейского периода [9, с. 91–94]. В этой связи надо отметить, что, П. И. Жаворонков связывает активную политику на западном направлении с установлением многолетней стабильности на восточных рубежах после заключения договора между Иконийским султанатом и Никеей в

1216 г. [3, с. 60]. Продолжавшиеся после этого боестолкновения между гази и акритами не влияли на отношения между государствами [3, с. 60, примеч. 99]¹. Кроме того, по мнению Х. Иналджика и Д.А. Коробейникова, гибкая имперская дипломатия, реализуемая на фоне многолетней вражды за власть в султанате, позволяла формировать военные союзы, использовать против турок сельджукских наемников, а также сохранить малоазийские имперские владения вплоть до 1320 гг. [6, с. 457, примеч. 162; 28, р. 78].

Состояние дел на восточных рубежах Византии осложнилась после захвата Ирана Хулагу и начавшейся экспансии во владения Сельджукского султаната. Произошедшее позднее подчинение сельджуков монгольскому Ирану² привело к разрушению властных отношений в султанате. В результате начались катастрофические для всего региона процессы: султанат фактически распался на эмирства – малые политические образования [2, с. 37–38; 20, р. 11–16], вышедшие из-под контроля султана боевые отряды эмиров регулярно предпринимали грабительские рейды в соседние земли [16, с. 4–6]; началась турецкая миграция на Запад [15, с. 148]. Кроме того, военная экспансия Хулагу вынудила Изз аль-Дина Кайкавуса II бежать в Константинополь [25, vol. I, p. 235⁵⁻¹⁰; 15, с. 149].

Михаил VIII оставил султана в империи [25, vol. I, p. 183²⁰⁻²⁵, 185⁴⁻²¹; 11, с. 18]. Однако при этом, учитывая иранский фактор и ущерб от бандитских вылазок турок сельджуков василевс заключил союз с Хулагу [25, vol. I, p. 235³⁻⁵, 235¹⁰⁻¹⁸]. После его смерти союзнические отношения между Византией и Ираном были скреплены браком Марии, дочери Михаила Палеолога, и хана Абаги, вошедшего на престол в 1265 г. [13, т. III, с. 65; 25, vol. I, p. 235¹⁸⁻²¹].

После фактического установления Хулагуидского контроля над сельджукским султанатом определенную угрозу империи представляли отряды неподвластных Руму эмиров (Ментеше, Айдина, Карамана и Гермияна) [26, р. 157]. Их действия носили характер бандитских грабительских вылазок, не угрожавших целостности византийских территорий. Следует согласиться с мнением К. П. Хопвуд о том, что установление союза

с султанатом не гарантировало мир с турками [26, р. 156]. Именно в этой связи принципы оборонительной военно-стратегической концепции Византии на Востоке обладали своей спецификой.

Обеспечивая безопасность Малой Азии, Михаил VIII перевел воинов пограничников – акритов на более профессиональную основу. Изменения коснулись не только базы материального обеспечения акритов. Для расширения тактических характеристик византийской армии, противостоявшей многочисленным латинским противникам, акриты были включены в состав имперской армии. Это позволило усиливать полевую армию на время западных кампаний за счет мобилизованных отрядов пограничников.

Модернизация военно-тактических функций акритов определялась объективными условиями боя с латинянами. По сообщению Георгия Пахимера, эффективность боеспособности повышалась при использовании латинских контингентов против восточных и восточных воинских формирований против латинян [25, vol. I, р. 273¹⁻⁵]. По завершению крупномасштабных западных кампаний малоазийские корпуса возвращались на территорию формирования. Отряды фракийцев и македонцев распределялись по гарнизонам или распускались по домам [25, vol. I, р. 121²¹⁻²², 151⁹⁻¹⁴, 285³⁻⁴, 295¹³⁻¹⁵, vol. III, р. 83²⁰⁻²⁸]³.

После возвращения восточные формирования восстанавливали порядок на временно оставшихся без контроля византийских владениях. Как сообщает Пахимер [25, vol. I, р. 285¹⁹⁻²¹], Иоанн Палеолог организовал экспедицию малоазийского корпуса своей армии в восточные земли империи в 1263 г. [23, р. 92], после успешного завершения военной кампании против Михаила II [24, р. 149, 154].

Военные походы ромеев к восточным рубежам государства стратегически были связаны активизацией конфликта между Египтом и Румским султанатом. В частности, участвовавшие грабительские набеги турецких отрядов были отражением вынужденной под воздействием экспансии мамлюкской армии миграции турецкого населения Рума в более безопасные земли на восточных рубежах Вифинии и Анатолии. Очевидно, что продвижение египетского войска ускорило процесс

оттока турок султана в западном направлении – на территорию Византию. Именно их и должны были остановить в 1260-х гг. военные формирования Иоанна Палеолога.

В период с весны по осень 1264 г. армия Иоанна отбросила турецкие отряды, освободив от них земли долины Меандра, города Траллы и Магедон [25, vol. I, р. 289²⁰⁻²¹, 291¹⁻⁹]. Можно предположить, что войска Иоанна Палеолога предпринимали регулярные рейды против турецких банд, находясь в восточных владениях империи вплоть до следующего западного похода, организованного в 1267 г. [25, vol. I, р. 317⁸⁻¹⁷; 23, р. 92]. По окончании новой западной кампании Иоанн предпринял вторую восточную экспедицию, ставшую не менее успешной чем в 1263–64 гг. Как сообщает Георгий Пахимер турецкие банды покинули Византию только узнав о возвращении Иоанна Палеолога [25, vol. I, р. 317¹⁵⁻¹⁷].

Последующее вторжение турок в Малую Азию, завершившееся разрушением Тралл⁴, разорением долины Меандра [25, vol. II, р. 591³⁰–593¹⁻⁴], было обусловлено стабилизацией внутривосточной политической ситуации в Руме, нашедшей выражением в усилении власти эмиров, имевших собственные внешнеполитические интересы⁵.

Организованные после смерти Иоанна Палеолога восточные военные кампании основывались на ином принципе. Не имея возможности заменить умершего брата на столь же талантливого и чтимого солдатами полководца, император перешел от активной к пассивной обороне в стратегии обеспечения безопасности от разбойных вылазок турок. Ее основным средством должна была стать линейная фортификационная система, представленная крепостными стенами и засеками, рвами и валами.

Создание такой оборонительной системы в 1280 г. было возглавлено лично Михаилом Палеологом⁶. Очевидно с целью поднятия морального духа населения имперская армия торжественным шествием армии во главе с василевсом появилась на территории бассейна р. Сангарий. Об особой миссии первого этапа восточной кампании Михаила VIII свидетельствует непродолжительность присутствия василевса, который провел в этом районе осень 1280 г., после чего отправился на зимовку в Никею [25, vol. II, р. 623¹³⁻¹⁵].

Второй этап кампании начался весной следующего года [25, vol. II, p. 633¹³⁻¹⁷] ⁷. По сообщению Пахимера, императорским войском была проделана масштабная фортификационная работа: по приказу василевса в местах перехода через реку установили засеки [25, vol. II, p. 635²³⁻³³–637¹⁻³]; постройкой оборонительных стен и их дополнительным усилением малыми крепостями был укреплен берег р. Сангарий [25, vol. II, p. 637⁴⁻⁶].

Аналогичные мероприятия одновременно с отцом проводили Андроник II и Константин Палеологи [25, vol. II, p. 593⁴⁻¹¹]. Продвигаясь по р. Меандр экспедиционные силы молодого императора восстанавливали действующие оборонительные укрепления и создавали новые ⁸. С учетом масштабов предпринимаемых мероприятий, определенно требующих привлечения значительных людских сил и колоссальных материальных ресурсов, были завершены лишь в 1282 году ⁹.

Успешная реализация стратегических задач указанных оборонительных кампаний позволила на продолжительное время оставить малоазийские владения империи на самообеспечение. Однако усилившаяся со временем экспансия турок, вызванная прогрессирующей раздробленностью в султанате ¹⁰, а также стабилизация положения Византии на Западе обратили внимание василевса к восточным рубежам империи. Здесь важно отметить, что, по мнению Х. Иналджика, военные действия турецких армий в «старой приграничной Сельджукидской зоне» носили исключительно разбойный характер вплоть до 20-х гг. XIV века. Исследователь отмечает, что экспансионный стратегический характер в пределах территорий соседних эмиров и Византии действия армий Айядинов и Османов приобретают лишь в конце двадцатых и в тридцатые годы XIV в., [27, p. 228].

Первые самостоятельные мероприятия на востоке империи Андроника II (1289–93 гг.), по содержанию и задачам были отражением действий его отца. Однако предпринятые фортификационные усилия и стремление поднять воинский дух личным присутствием [29, p. 76–79] ¹¹, не помогли императору остановить миграцию из восточных владений, а также не остановили продвижение турок ¹². Ухудшение положения было обусловлено объективной по-

терей функциональной пригодности большей части линейной фортификационной системы. Сообщения Георгия Пахимера об изменении во второй половине 90-х гг. XIII в., береговой линии рек [25, vol. IV, p. 363⁹⁻²⁵, 365¹⁻²; 7, с. 291], несущих в себе в качестве фортификационных укреплений засеки или же сплошные крепостные стены, перемежающиеся валами и рвами, позволяют предположить, что именно природные условия определили неэффективность элементов пассивной обороны, совокупность которых с 1280 г. составляла основу функционирования оборонительной стратегической концепции Византии на восточном фронте. По мнению Пахимера, полная беззащитность границ империи перед вторжением турецких отрядов, укрепивших собственную власть эмиров, была обусловлена окончательным уничтожением стихией оборонительных сооружений [25, vol. IV, p. 365²⁻⁸; 7, с. 291].

По возвращении с востока в Константинополь в 1293 г. [29, p. 76, note 82] василевс назначил Алексея Филанфропина управителем (ἡγεμῶν) Малой Азии и командующим армией [25, vol. III, p. 237¹²⁻¹⁷] ¹³. Молодой полководец сполна оправдал надежды императора. Как сообщает Пахимер, отеческая щедрость и воинский талант пинкерна позволили ему не только одержать несколько блистательных побед над турками в долине р. Меандра в течение 1294–1295 гг. [25, vol. III, p. 239⁸⁻¹⁰] ¹⁴, но и побудили отдельные турецкие отряды перейти к нему на службу [25, vol. III, p. 241³⁵⁻³⁶, 243¹⁻²] (также см.: [31, vol. I, p. 196⁸⁻¹⁴; 12, с. 101–102]. Отметим, что помимо турок, ударная часть войска Алексея Филанфропина была укомплектована критской кавалерией [25, vol. III, p. 237¹⁹; 29, p. 82–83; 18, p. 26; 38, σ. 64].

Успех пинкерна был прерван так называемым «заговором» ¹⁵. По мнению Д. Найкола, после осуждения Филанфропина как предводителя заговорщиков, наемники, служившие ему, были переведены в статус землевладельцев и поселены в Малой Азии [32, p. 131]. Вместе с тем, часть боеспособного войска пинкерна, представленная отрядами турок, продолжала действовать в регионе, но выступая уже против империи [25, vol. III, p. 253³⁻²²].

После роспуска восточной армии, земли малоазийских территорий остались под защитой пограничных формирований, потерявших

боеспособность из-за разрушения системы материального обеспечения от разорения территорий бандитскими вылазками турецких отрядов. Осознавая необходимость сохранения за анатолийскими войсками роли основной оборонительной силы на восточном направлении, император направил на восток Иоанна Тарханиота. С целью усиления обороноспособности восточных границ [25, vol. III, p. 285²²⁻²⁶] посредством установления административного порядка, а также реорганизации податной системы и системы материального обеспечения, в сентябре 1298 г. ¹⁶ Тарханиот во главе немногочисленного войска прибыл в Малую Азию [25, vol. III, p. 285¹⁹⁻²⁰] ¹⁷. В результате предпринятых мероприятий Тарханиот улучшил материальное положение пограничников и смог построить флот [25, vol. III, p. 285³¹⁻³³].

Последующие значимые события на востоке империи произошли в рамках неудачного похода Михаила IX и принятого автократом на службу в 1301 г. аланского корпуса ¹⁸. Точную численность аланского отряда установить невозможно. Опираясь на данные источников, можно предположить, что воинов среди прибывших в Византию алан насчитывалось от восьми [25, vol. IV, p. 337²⁷⁻²⁹] до десяти тысяч [31, vol. 1, p. 204¹⁴⁻²¹]. Не менее неопределенным остается вопрос об их этнической и конфессиональной принадлежности.

Подчеркнем, что гипотеза М. Бартусиса о том, что большая часть алан была представлена крещеными турками, видится обосновательной [19, p. 76]. Вместе с тем заслуживает внимания неоднократно упомянутый в историографии тезис о том, что этот отряд воинов, обозначенный в источниках общим этнонимом – аланы, являлся одним из многочисленных отрядов, составлявших армию Ногая, находившегося после его смерти под командованием Джеки. После его убийства воины были вынуждены искать нового «покровителя», которым стал Андроник II.

Определенно можно сказать, что этнический состав «аланского корпуса» был крайне неоднородным. При этом следует указать, что фрагмент «Истории» Пахимера, в котором автор определенно сообщал о руссах, аланах, турках и проч. в составе армии Ногая [25, vol. II, p. 445¹⁵⁻¹⁸], явно свидетельствует о том, что историк имел четкое представление

об этническом различии, и в случае полиэтничности прибывшего войска, не упустил бы возможности это отметить.

Аланское войско было разделена на два отряда ¹⁹: один – передан под командованием этериарха Музалона и направлен в район Никомидии, против турецких войск Османа [25, vol. IV, p. 339²⁶⁻²⁹], второй – под управлением Михаила IX отправился в поход к югу от Магнезии против Ментеше [25, vol. IV, p. 339²⁹⁻³⁰].

Отряд Музалона, потерпев сокрушительное поражение в первом же столкновении у Бафии 27 июля 1302 г. [25, vol. IV, p. 358, note 40; 29, p. 90–91 note 14] ²⁰, был вынужден отойти к Никомидии [25, vol. IV, p. 359⁴⁻⁷, 365⁸⁻³², 367¹⁻¹⁹] ²¹. Основываясь на данных османской литературы, Х. Иналджик датировал это сражение, произошедшее у крепости Койан-Хисари [28, p. 93–94] летом (вероятно, 27 июля) 1301 г. [28, p. 97]. Объясняя действия армии Османа у Бафии, историк акцентировал внимание на экономическом и военном приоритете Никеи, находящейся на стратегически важном пути передвижения военных сил и торговых караванов по Малой Азии. Именно в этой связи по приказу Османа вблизи от Никеи была построена крепость, ставшая турецким опорным пунктом в рейдах к хорошо укрепленному городу [28, p. 83–84].

Провалом закончился и поход Михаила IX против эмира Ментеше. Находившись продолжительное время в расположении лагеря, после первых же грабительских вылазок турок Михаил Палеолог принял решение об отступлении и укрытии в Магнезии. Начавшееся отступление ромеев, после непродолжительной атаки противников, превратилось в бегство без вступления в бой [25, vol. IV, p. 343²⁹⁻³⁶, 345¹⁻²]. Укрывшись в Магнезии, Михаил IX Палеолог [25, vol. IV, p. 345⁸⁻⁹] сохранил на службе аланский отряд, планируя направить его против турок. Однако, не получив довольствия за три месяца, аланы покинули расположение молодого василевса и переправились на Галлиполи [25, vol. IV, p. 347¹⁵⁻¹⁶, 351³⁻⁶]. Сам же Михаил IX с небольшим отрядом охраны бежал в укрепленный Пергам [25, vol. IV, p. 347¹⁶⁻²², 349⁷⁻¹⁰] ²².

Понесенные империей поражения от войск Ментеше и Османа означали окончательное разрушение действовавшей ранее

системы обороны и открыли противниками Византии во все малоазийские владения. Как следствие, уже в 1304 г. армии Саса-бея и Айдиноглу захватили Эфес [30, p. 20–25; 37, S. 39–41], а к 1305 г. турецкие формирования захватили западное малоазийское побережье, за исключением Фокеи и Адрамития [30, p. 24, 50].

Ситуация на восточных рубежах Византии была временно стабилизирована наемным каталонским войском²³. Весной 1304 г. наемники Рожера де Флора сокрушили войска Айдиноглу (отряды (габеллы) «Сеза и Тию») у Филадельфии [21, ch. CCV, p. 423; 25, vol. IV, p. 469^{15–30}, 471^{1–6}]. После освобождения пригорода отряды каталонцев выдвинулись на юг и отвоевали у турок Тиру [21, ch. CCVI, p. 424], Анию [21, ch. CCVI, p. 424]²⁴ и Эфес [21, ch. CCVII, p. 425–426; 25, vol. IV, p. 479^{23–24}]²⁵. По сообщению Рамона Мунтанера, кампания прошла по территории Малой Азии вплоть до «железных врат» гор Тавра в Армении²⁶. После завершения успешного похода наемное войско де Флора развернулось к г. Магнезии²⁷, захваченному Атталиатом [25, vol. IV, p. 471^{13–27}]. Атталиат, возглавив городское восстание, организованное жителями против каталонцев – грабителей и разбойников, обращавшихся с «населением как с рабами» [25, vol. IV, p. 471^{27–30}]. По возвращении каталонцы подавили восстание, с частью участников жестоко расправившись, а другую наказав материальными взысканиями [25, vol. IV, p. 527^{20–25}]²⁸.

Итак, несмотря на последствия для местного населения, пятимесячная «восточная кампания» наемников закончилась не только возвращением империи земель в пределах зоны Меандр – Сангарий, но и вынудила турецкие отряды отступить глубоко на территорию Малой Азии.

Отметим, что не все исследователи военной истории поздней Византии положительно оценивают действия каталонцев. В частности, М. Бартусис подчеркнул, что немногочисленность каталонского контингента предопределила действия наемников в отношении отвоеванных городов. По мнению исследователя, после освобождения городов каталонцы их покидали, не оставляя и не усиливая в них гарнизонов. Как следствие оставшиеся незащищенными после отбытия наемников территории

вскоре вновь были захвачены турками. Таким образом историк обосновывал свой тезис о нерезультативности действий каталонцев для Византии [19, p. 79].

Точка зрения, высказанная М. Бартусисом, представляется ошибочной. Вполне очевидно, что опытная армия профессиональных воинов знала обо всех формах и средствах укрепления обороноспособности и сохранения захваченных территорий. Об этом, в частности, свидетельствуют факты удержания крепостей, в том числе многочисленными гарнизонами, в течение длительного времени.

Кроме того, по данным Георгия Пахимера каталонские гарнизоны были сформированы в отвоеванных наемниками в Анатолии и Вифинии крепостях. В частности, в сообщении о предательстве каталонцев в Кудукее, историк упоминает о том, что «кесарь (Рожер де Флор – В.З.) оставил здесь для охраны незначительное количество воинов» [25, vol. IV, p. 635^{18–20}]. Детали повествования о последовавших событиях определенно указывают на то, что гарнизон крепости был усилен сто двадцатью альмугаварами [25, vol. IV, p. 635^{23–24}].

По вопросу о потерях территорий после передислокации наемных отрядов необходимо обратить внимание на выражения Рамона Мунтанера, указавшего, что к концу 1304 г. Рожер де Флор фактически был владельцем всей Анатолии, захваченной его армией [21, ch. CCIX, p. 427]. Аналогичное сообщение мы встречаем и у Пахимера, отметившего, что Рожер оставлял стражу в восточных владениях поскольку считал «землю своей, по воле василевса» [25, vol. IV, p. 635^{19–21}].

В завершении следует заметить, что экспансия турок в восточных землях Византии по ряду внутривосточных причин прекратилась²⁹ вплоть до периода фактического правления Андроника III [27, p. 228], установленного еще в разгар гражданской войны³⁰.

Результаты. Подводя итоги исследования, необходимо остановиться на следующих положениях. Постоянный характер боестолкновений с отрядами турок был обусловлен начавшейся в Румском султанате политической раздробленностью.

Независимо от политики султана малые турецкие отряды, выступавшие ударной силой эмиров, совершали регулярные разорительные

набеги на приграничные земли империи. Наносимый ими ущерб хозяйству и экономики византийских территорий существенно ослаблял боеспособность восточных формирований провинциальной армии. В таких условиях единственным средством сдерживания угрозы безопасности в период правления Михаила VIII стала оборонительная система, представленная фортификационными линиями и сетью гарнизонов. В особых случаях обороноспособность системы усиливалась организацией крупномасштабных военных экспедиций, направленных на выдворение противника за рубеж государства.

Существенное изменение внешнеполитической ситуации на восточном направлении произошло в результате обретения турецкими эмиратами большей самостоятельности. Стремление к установлению контроля над Малоазийским полуостровом подкрепленное формирование многочисленных армий позволило некоторым эмирам начать территориальную экспансию. В результате уже в конце XIII – начале XIV в. Византия потеряла часть восточных земель.

Изменение стратегической ситуации, безусловно, делало необходимым пересмотр структуры и содержания имперской оборонительной системы. Однако византийская фортификационная линия так и не была восстановлена после ущерба, нанесенного ей природной стихией. Таким образом, только система укрепленных поселений и крепостей позволяла обеспечивать контроль над путями передвижения по владениям империи на полуострове. Усиление ее боеспособности при масштабной военной угрозе обеспечивалось организацией крупных военных походов полевой армии Византии. В соответствии со стратегией активной обороны в правление Андроника II к службе привлекались крупные воинские формирования наемников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О столкновениях акритов и гази (данышмедов) см.: [37, S. 5–6].

² По мнению К. Казн, именно после Хулагу хана в истории сельджуков начинается эпоха подданничества [20, p. 275–278].

³ Об использовании восточных формирований на западном направлении прямо сообщается в сочинении Георгия Пахимера [25, vol. II, p. 403^{9–16}].

⁴ В частности, Георгий Пахимер сообщает о разрушенном городе на берегу Меандра [25, vol. II, p. 593^{11–14}].

⁵ Георгий Пахимер связывает продвижение турок в глубь Анатолии со смертью Иоанна Палеолога [25, vol. II, p. 591^{27–29}].

⁶ По мнению А. Файе Михаил Палеолог организовал три отдельных похода: первый был предпринят осенью 1280 г., второй – весной 1281 г., третий – осенью 1281 г. [24, p. 242–247].

⁷ Учитывая известные нам данные об автократоре в проведении Елосвящения, полагаем, что второй этап восточной кампании был начат после возвращения Михаила VIII из столицы и пришелся период не ранее конца апреля – начала мая 1281 г.

⁸ О восстановлении г. Траллы сообщает Пахимер [25, vol. II, p. 593^{14–23}–595^{1–11}]. Необходимость периодического обновления объектов линейной фортификационной системы подтверждается данными Георгия Пахимера о разрушении засек и крепостей в периоды разливов рек. Перевод соответствующего фрагмента «Истории» с подробным комментарием, см. в работе Д.А. Коробейникова [7, с. 288, примеч. 6].

⁹ О роли созданных Михаилом VIII и Андроником II укреплений в оборонительной стратегии свидетельствуют данные современника, определенно подчеркнувшего связь разрушения укреплений по р. Меандр и р. Сангарий с вторжением турецких отрядов в империю. Перевод соответствующего фрагмента «Истории» Пахимера, см. в работе Д. А. Коробейникова [7, с. 291].

¹⁰ По мнению Э. Арвейлер возвращение Константинополя в 1261 г. послужило отправной точкой в череде событий, определивших потерю империей восточных земель [17, p. 230]. Историк полагает, что вынужденная с целью обеспечения безопасности Константинополя переориентация военной политики на западное направление, обеспеченная в правление Михаила Палеолога концентрацией военных и невоенных ресурсов, позволила укрепить позиции отдельных эмиров и расширить их присутствие на восточных землях Византии. Как следствие уже в первое двадцатилетие XIV в. эмиром Саруханом были практически полностью завоеваны Лидия и Эгейское побережье. В то же время к Айдыноглу отошли Ионическое побережье с большей частью Смирны и г. Эфес [17, p. 210].

¹¹ На анализе письменного наследия Феодора Метохита исследователь реконструировала идеологическое основание, причины и ход этой экспедиции императора [29, p. 78–79, note 87–93].

¹² О большом количестве беженцев с восточных территорий в столице в начале XIV в. сообщил Георгий Пахимер [25, vol. IV, p. 369^{2–11}, 453^{17–24}; 18, p. 28; 19, p. 73].

¹³ Эти земли и фема Неокастрон контролировал протовестиарий Ливадарий [25, vol. III, p. 237^{17–18}].

¹⁴ Косвенным подтверждением успеха византийских войск является снижение цены на рабов – плененных турок, в результате из многочисленности [19, p. 74; 29, p. 82, note 99; 14, с. 170].

¹⁵ По данным Георгия Пахимера, инициатива установления суверенной власти Алексея Филанфропина исходила от недовольных малым жалованьем критян [25, vol. III, p. 235^{27–29}–237^{1–2}]. Подробнее о военной кампании под руководством Филанфропина, в контексте текстологического анализа эпистолярного наследия, см.: [10].

¹⁶ На основе датировки писем патриарха Афанасия, А. Лайу определила начало экспедиции Тарханиота сентябрем 1298 г. [29, p. 87, note 4].

¹⁷ Авторы PLP в статье посвященной Тарханиоту предположили, что главной целью его похода было выступление против армии Османа. Этот тезис представляется сомнительным не только исходя из вполне определенных целей похода, обоснованных исключительно финансовыми интересами Византии, но и, объективно, более поздним появлением турецких отрядов под командованием Османа.

¹⁸ Ю. Кулаковский полагал, что прибывшее в 1300 г. после смерти Джеки в империю десяти тысячное войско алан, составляло часть населения улуса, расселенная к северу от нижнего Дуная [8, с. 66–67]. Предположение историка частично подтверждается сообщением Рукн-ад-дина Бейбарса: «Он (Джека) отправился в страну Асов, в которой находился предводитель и 10 000 войска его» [5, с. 116].

¹⁹ Мнение М. Бартусиса о разделении аланского корпуса на три группы противоречит данным источников и представляется необоснованным [19, p. 76].

²⁰ Обвинение М. Бартусисом алан в дезертирстве с момента прибытия в Вифинию не подтверждается источниками [19, p. 76]. Опираясь на данные источников, можно сделать о том, что отряд наемников-алан обладал большей силой воинского духа и преданностью делу, нежели ромеи. В частности, согласно сообщению Георгия Пахимера, именно аланы защищали Никомидию, прикрывая войско Музалона, вступившего в столкновение с многотысячной армией эмира Вифинии Османа [25, vol. IV, p. 367^{3–29}].

²¹ По мнению А. Лайу, захват турками малоазийских территорий империи стал следствием неудачной политики Андроника II и Андроника III обусловили переход малоазийских территорий Византии под полный контроль турок. При этом захват в 1390 г. Филадельфии воспринят истори-

ком как победоносное окончание турецкой экспансии [29, p. 25].

²² Учитывая данные о последующем участии алан в военных действиях можно согласиться с мнением М. Бартусиса о том, что после непродолжительной службы большая часть алан, сдавших вооружение и вернувших *украденных* (? – В. З.) лошадей, были выселены из империи [19, p. 77].

²³ История каталонской кампании в Византии представляет особый интерес в научной литературе и не входит в предметное поле нашего изыскания.

²⁴ Важно отметить, что сообщения Георгия Пахимера об освобожденных каталонцами городах включены в описание зверств наемников по отношению к ромеям [25, vol. IV, p. 479^{7–27}]. Можно предположить, что таким образом историк пытался подчеркнуть отрицательное отношение к военным успехам каталонцев, заслуги которых меркнут перед ущербом, нанесенным византийскому населению.

²⁵ Согласно хронологии Энвери, можно сделать вывод о том, что отвоеванный в 1304 г. каталонцами Эфес позднее был вновь захвачен турками Айдыноглу. Некоторое время спустя византийцы совместно с латинянами (очевидно, генуэзцами), аланами, турками и сербами попытались отвоевать города [22, p. 46²³–47³⁶]. Как полагает К.А. Жуков, уход каталонцев с восточных территорий позднее был воспет в поэме Энвери как победа [4, с. 26].

²⁶ По данным каталонского хрониста битва с турками у гор Тавра произошла «в день святой Марии в августе» [21, ch. CCVII, p. 426].

²⁷ Рамон Мунтанер упоминает о Магнезии единожды, в сообщении о передвижении наемников после освобождения Филадельфии [21, ch. CCV, p. 423]. Вместе с тем Георгий Пахимер сообщает о Магнезии как городе – казне каталонцев на время «анатолийской кампании» [25, vol. IV, p. 483^{7–11}].

²⁸ В августе-сентябре каталонцы подавили восстание в Магнезии. После этого они отправились в Галлиполи, вделав его на последующие 2–3 года своим опорным пунктом [25, vol. IV, p. 527^{25–26}; 21, ch. CCXIV, p. 433; 29, p. 135–137; 32, p. 136–138].

²⁹ Известные захваты Эфеса в 1304 г. войсками Айдыноглу, а после ухода из Малой Азии каталонцев – войсками Саса-бея, в 1313 г. Магнезии (Магниси) – войсками Сарухан-бея, зимой 1315–1316 гг. войсками Али-паши Нимфея не означали полного захвата малоазийских территорий Византии, а лишь свидетельствовали о продвижении турецких отрядов по Эгейскому побережью Малой Азии.

³⁰ По мнению Н. Икономидиса, противостояние эмиров Саса-бея и Айдыноглу началось задолго до 1312–1313 гг. [35, p. 167].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, А. А. История Византийской империи : От начала Крестовых походов до падения Константинополя / А. А. Васильев / вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. яз. и имен. указ. А. Г. Грушевого. – СПб. : Алетей, 2000. – 581 с.
2. Гордлевский, В. А. Государство сельджуков Малой Азии / В. А. Гордлевский. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 200 с.
3. Жаворонков, П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. / П. И. Жаворонков // Византийский временник. – 1976. – Т. 37. – С. 48–61.
4. Жуков, К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. / К. А. Жуков. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
5. Из летописи Рукн-ад-Дина Бейбарса / Рукн-ад-Дин Бейбарс // Тизенгаузен, В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 : Извлечения из сочинений арабских / В. Тизенгаузен. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1884. – С. 82–123.
6. Коробейников, Д. А. Византия и государство Ильханов в XIII–начале XIV вв. : Система внешней политики империи / Д. А. Коробейников // Византия между Западом и Востоком : Опыт исторической характеристики. – СПб. : Алетей, 1999. – С. 428–473.
7. Коробейников, Д. А. Из Συγγραφικῶν ἱστοριῶν Георгия Пахимера / Д. А. Коробейников // Византийский временник. – 2000. – Т. 59 (84). – С. 288–292.
8. Кулаковский, Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей / Ю. А. Кулаковский. – Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1899. – IV, 73 с.
9. Лебедев, Н. Византия и Монголы в XIII в. : (По известиям Георгия Пахимера) / Н. Лебедев // Исторический журнал. – 1944. – Кн. 1. – С. 91–94.
10. Лысков, П. И. Письма Максима Плануда к Алексею Филантропину и Мелхиседеку Акрополиту : Проблемы источниковедения в контексте военно-политической ситуации в Византии в конце XIII века / П. И. Лысков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 5. – С. 271–287. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.25>.
11. Павлов, П. България, Византия и Мамлюки Египет през 60-те–70-те години на XIII в. / П. Павлов // Исторически преглед. – 1989. – Кн. 3. – С. 15–24.
12. Радић, Р. Византијски војсковођа Алексије Филантропин / Р. Радић // Зборник радова византолошког института. – 1998. – Кн. XXXVII. – С. 97–109.
13. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. В 3 т. Т. 3 / отв. ред. С. П. Толстов. – М. : Ладомир, 2002. – 340 с.
14. Шамгунова, Т. А. Восприятие войны с варварами византийским монахом / Т. А. Шамгунова // Мир Православия. – 2006. – Вып. 6. – С. 167–173.
15. Шукуров, Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461) / Р. М. Шукуров. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2017. – 631 с.
16. Эмеджен, Ф. От создания Османского государства до Кючук-Кайнарджийского договора / Ф. Эмеджен // История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 т. Т. 1 : История Османского государства и общества / под ред. Э. Ихсаноглу ; пер. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. – М. : Вост. лит., 2006. – С. 3–50.
17. Ahrweiler, H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient / H. Ahrweiler // Actes du XIVe Congrès international des études byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. Vol. 1. – Bucureşti : Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1974. – P. 209–230.
18. Ahrweiler, H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle / H. Ahrweiler // Ahrweiler, H. Byzance : Les pays et les territoires / H. Ahrweiler. – London : Variorum Reprints, 1976. – P. 1–204.
19. Bartusis, M. C. The Late Byzantine Army : Arms and Society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992. – XVII, 438 p.
20. Cahen, C. Pre-Ottoman Turkey : A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330 / transl. by J. Jones-Williams / C. Cahen. – New York : Taplinger Pub. Co., 1968. – XX, 458 p.
21. Chronique du très magnifique seigneur Ramon Muntaner // Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle / publ., éclud. et trad. par J. A. C. Buchon. – Paris : A. Desrez, 1840. – P. 217–564.
22. Düstürnâme-i Enverî. Le Destân d'Umûr Pacha Osmanlı tarihi kısmı, 1299–1465 / texte, trad. et notes par I. Mélikoff-Sayar. – Paris : Presses Universitaires de France, 1954. – 155 p.
23. Failler, A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère / A. Failler // Revue des études byzantines. – 1980. – Т. 38. – P. 5–103.
24. Failler, A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère / A. Failler // Revue des études byzantines. – 1981. – Т. 39. – P. 145–249.
25. Georges Pachymérès. Relations historiques / éd. par A. Failler, V. Laurent. – Vol. I : Liv. I–III. – Paris : Les belles lettres, 1984. – 325 p. ; Vol. II : Liv. IV–VI. – Paris : Les belles lettres, 1984. – P. 328–

667; Vol. III: Liv. VII–IX. – Paris: Inst. fr. d'ét. byz., 1999. – 305 p.; Vol. IV: Liv. X–XIII. – Paris: Inst. fr. d'ét. byz., 1999. – P. 306–727.

26. Hopwood, K. R. The Byzantine – Turkish Frontier, c. 1250–1300 / K. R. Hopwood // *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. – Wien: Selbstverlag des Instituts für Orientalistik, 1999. – P. 153–161.

27. Inalcik, H. The Ottoman Turks and the Crusades, 1329–1522 / H. Inalcik // *A History of the Crusades*. Vol. VI / ed. K. M. Setton. – Madison: University of Wisconsin Press, 1989. – P. 222–275.

28. Inalcik, H. Osman Ghazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus / H. Inalcik // *The Ottoman Emirate: 1300–1389* / ed. E.A. Zachariadou. – Rethymnon: Crete University Press, 1993. – P. 77–99.

29. Laiou, A. Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328 / A. Laiou. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1972. – XII, 390 p.

30. Lemerle, P. L'Emirat d'Aydin: Byzance et l'Occident / P. Lemerle. – Paris: Presses universitaires de France, 1957. – 276 p.

31. Nicephori Gregorae Byzantina historia: in 3 vols. Vol. 1. – Bonn: Weber, 1829. – C, 568 p.

32. Nicol, D. M. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453 / D. M. Nicol. – London: Hart-Davis, 1972. – P. XII, 482.

33. Nicol, D. M. The End of the Byzantine Empire / D. M. Nicol. – London: E. Arnold, 1979. – 109 p.

34. Nicol, D. M. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations / D. M. Nicol. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. – X, 465 p.

35. Oikonomidès, N. The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313) / N. Oikonomidès // *The Ottoman Emirate: 1300–1389* / ed. E. A. Zachariadou. – Rethymnon: Crete University Press, 1993. – P. 159–168.

36. Ostrogorsky, G. History of the Byzantine State / G. Ostrogorsky; transl. from the German by Joan Hussey; with a foreword by Peter Charanis. – New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1969. – XL, 624 p.

37. Wittek, P. Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13–15. Jahrhundert / P. Wittek. – Istanbul: Universum Druckerei, 1934. – XIV, 192 S.

38. Ζαχαριάδου, Ε. Cortazzi καὶ ὁχι corsari / Ε. Ζαχαριάδου // *Θησαυρίσματα*. – 1978. – Τ. 15. – Σ. 62–65.

REFERENCES

1. Grushevoy A.G., ed. Vasilev A.A. *Istoriya Vizantiyskoy imperii: Ot nachala Krestovyykh pokhodov*

do padeniya Konstantinopolya [History of the Byzantine Empire: From the Beginning of the Crusades to the Fall of Constantinople]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2000. 581 p.

2. Gordlevskij V.A. *Gosudarstvo seldzhukov Maloy Azii* [The Seljuk State of Asia Minor]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1941. 200 p.

3. Zhavoronkov P.I. Nikeysko-latinskies i nikeysko-seldzhukskie otnosheniya v 1211–1216 gg. [Nicene-Latin and Nicene-Seljuk Relations in 1211–1216]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1976, vol. 37, pp. 48–61.

4. Zhukov K.A. *Egeyskie emiraty v XIV–XV vv.* [Aegean Emirates in the 14th–15th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.

5. Iz letopisi Rukn-ad-Dina Beybarsa [From the Annals of Rukn al-Din Baibars]. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. T. 1: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1: Extracts from Arabic Papers]. Saint Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1884, pp. 82–123.

6. Korobeynikov D.A. Vizantiya i gosudarstvo Ilkhanov v XIII – nachale XIV vv.: Sistema vneshney politiki imperii [Byzantium and the Ilkhan State in the 13th – Early 14th Centuries: The System of the Empire Foreign Policy]. *Vizantiya mezhdum Zapadom i Vostokom: Opyt istoricheskoy kharakteristiki* [Byzantium Between West and East: An Experience of Historical Characteristics]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1999, pp. 428–473.

7. Korobeynikov D.A. *Iz Syngraphikon istorion Georgiya Pakhimera* [From Syngraphikon istorion of George Pachymeres]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2000, vol. 59 (84), pp. 288–292.

8. Kulakovskiy Yu.A. Alany po svedeniyam klassicheskikh i vizantiyskikh pisateley [Alans According to the Information of Classical and Byzantine Writers]. Kiev, Tip. Imp. universiteta of sv. Vladimira N.T. Korchak-Novitskogo, 1899. 73 p.

9. Lebedev N. Vizantiya i Mongoly v XIII v. (Po izvestiyam Georgiya Pakhimera) [Byzantium and Mongols in the XIII Century (According to George Pachymeres)]. *Istoricheskiy zhurnal* [Historical Journal], 1944, vol. 1, pp. 91–94.

10. Lysikov P.I. Pisma Maksima Planuda k Aleseyu Filanropinu i Melkhisedeku Akropolitu: Problemy istochnikovedeniya v kontekste voennopoliticheskoy situatsii v Vizantii v kontse XIII veka [The letters of Maximos Planudes to Alexios Philanthropenos and Melchisedek Akropolites: The Problems of Source Studies in the Context of the Politico-Military Situation in Byzantium in the Late 13th C.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie*.

Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 271-287. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.25>.

11. Pavlov P. Bulgariya, Vizantiya i Mamlyukski Egipt prez 60-te–70-te godini na XIII v. [Bulgaria, Byzantium and the Mamluk Egypt in the 60s–70s of the 13th Century]. *Istoricheski pregled* [Historical Review], 1989, vol. 3, pp. 15-24.

12. Radih R. Vizantijski vojskovoča Aleksije Filantropin [Byzantine Military Leader Alexius Philanthropin]. *Zbornik radova vizantološkog instituta*, 1998, vol. 37, pp. 97-109.

13. Tolstov S.P., ed. *Rashid-ad-Din. Sbornik Letopisey* [Rashid al-Din. Collection of Chronicles]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow, Ladomir Publ., 2002. 340 p.

14. Shamgunova T.A. Vospriyatie voyny s varvarami vizantiyskim monakhom [Perception of War against the Barbarians by a Byzantine Monk]. *Mir Pravoslaviya* [The World of Orthodoxy], 2006, vol. 6, pp. 167-173.

15. Shukurov R.M. *Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461)* [The Byzantine Turks, 1204–1461]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2017. 631 p.

16. Emedzhen F. Ot sozdaniya Osmanskogo gosudarstva do Kyuchuk-Kaynardzhiyskogo dogovora [From the Creation of the Ottoman State to the Treaty of Küçük Kaynarca]. Ikhsanoglu E., Feonova V.B., Meyer M.S., eds. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii: v 2 t. T. 1: Istoriya Osmanskogo gosudarstva i obshchestva* [History of the Ottoman State, Society and Civilization. In 2 vols. Vol. 1: History of the Ottoman State and Society]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2006, pp. 3-50.

17. Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient. *Actes du XIVe Congrès international des études Byzantines, Bucarest, 6–12 septembre 1971. Vol. 1.* București, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1974, pp. 209-230.

18. Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle. Ahrweiler H. *Byzance: les pays et les territoires*. London, Variorum Reprints, 1976, pp. 1-204.

19. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.

20. Jones-Williams J., ed. Cahen C. *Pre-Ottoman Turkey: a General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330*. New York, Taplinger Pub. Co., 1968. XX, 458 p.

21. Chronique du très magnifique seigneur Ramon Muntaner. Buchon J.A.C., ed. *Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle*. Paris, A. Desrez, 1840, pp. 217-564.

22. Mélikoff-Sayar I., ed. *Düstürnâme-i Enverî. Le Destân d'Umûr Pacha Osmanlı tarihi kısmı, 1299–1465*. Paris, Presses Universitaires de France, 1954. 155 p.

23. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1980, vol. 38, pp. 5-103.

24. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1981, vol. 39, pp. 145-249.

25. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymères. Relationes historiquae*. Vol. I: Liv. I–III. Paris, Les belles lettres, 1984. 325 p.; Vol. II: Liv. IV–VI. Paris, Les belles lettres, 1984, pp. 328–667; Vol. III: Liv. VII–IX. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. 305 p.; Vol. IV: Liv. X–XIII. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306-727.

26. Hopwood K.R. The Byzantine – Turkish Frontier, c. 1250–1300. *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. Wien, Selbstverlag des Instituts für Orientalistik, 1999, pp. 153-161.

27. Inalcik H. The Ottoman Turks and the Crusades, 1329–1522. Setton K.M., ed. *A History of the Crusades. Vol. VI*. Madison, University of Wisconsin Press, 1989, pp. 222-275.

28. Zachariadou E.A., ed. Inalcik H. Osman Ghazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus. *The Ottoman Emirate: 1300–1389*. Rethymnon, Crete University Press, 1993, pp. 77-99.

29. Laiou A. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1972. XII, 390 p.

30. Lemerle P. *L'Emirat d'Aydin Byzance et l'Occident*. Paris, Presses universitaires de France, 1957. 276 p.

31. *Nicephori Gregorae Byzantina historia. In 3 vols. Vol. 1.* Bonn, Weber, 1829. C, 568 p.

32. Nicol D.M. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. London, Hart-Davis, 1972. XII, 482 p.

33. Nicol D.M. *The End of the Byzantine Empire*. London, E. Arnold, 1979. 109 p.

34. Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1988. X, 465 p.

35. Oikonomidès N. The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313). Zachariadou E.A., ed. *The Ottoman Emirate: 1300–1389*. Rethymnon, Crete University Press, 1993, pp. 159-168.

36. Hussey J., Charanis P., eds. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State*. New Brunswick, N.J., Rutgers University Press, 1969. XL, 624 p.

37. Wittek P. *Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13–15 Jahrhundert*. Istanbul, Universum Druckerei, 1934. XIV, 192 p.

38. Zachariadou E. Cortazzi kai ochi corsari [Cortazzi But Not Corsari]. *Thēsaúristmata* [Thesaurismata], 1978, vol. 15, pp. 62-65.

Information About the Author

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.17>

UDC 94«04/14»:911.373

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 01.06.2021

Accepted: 22.11.2021

FORTIFIED VILLAGES OF MEDIAEVAL BYZANTIUM: TOWN OR VILLAGE?

Yury Ya. Vin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The search for a model rural settlement – “village” is the common position in interpretation of the problem on the “fortified villages” of Mediaeval Byzantium. On the one hand, the multiformity of the settlement’s types in the Byzantine Middle Ages is conditioned by climatic and local natural specificities. On the other hand, the patterns of rural settlement are predetermined by the social and economic structure and development of all the other sides of life of habitants of the village, including a dwelling. The tasks of the defence of population foreordain a necessary of construction of fortresses (“kastra”) and their deployment into defensive system. It quite corresponds to the processes, developed in many south regions of Mediaeval Europe, where the building of fortifications, transmuting the village into the fortress – “castrum”, becomes as rule. The building of the fortresses and other fortifications in towns and rural settlements of Mediaeval Byzantium creates a trend, designating the degree of necessary defence of its habitants. This tendency makes itself felt in Late Byzantium. The guarded by walls rural settlements here were not unique. The “pyrgoi” and so named “dwelling towers” were built everywhere, these served as refuges for villagers in the ordeals of the war years. The appellation “pyrgos” turned into synonym of the designation of the rural settlement, as a landlord’s state, and a substitute of term “chorion”. The “pyrgoi” appeared practically as “keypoints” of every description of the territories of large landownings, the passed ways and the households arranged there. The system of fortifications as a defence of whole region was deployed in Byzantine country, where the rural settlement has significant position. The article consists of the Introduction (“Introduction. The Village and key Problems of its Studying”), three parts (“The fortified Settlement”, “The rural Fortifications”, “The Pyrgos”) and the part “The Results and Conclusion. The Common Trends”, where the main problems are examined, touching the study of the Mediaeval Byzantine village, pyrgoi and common regularities of fortification of Late Byzantine village.

Key words: the mediaeval Byzantine village, rural fortification, fortress, pyrgos, dwelling tower.

Citation. Vin Yu. Ya. Fortified Villages of Mediaeval Byzantium: Town or Village? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 194-223. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.17>

УДК 94«04/14»:911.373

Дата поступления статьи: 01.06.2021

ББК 63.3(0)4-9

Дата принятия статьи: 22.11.2021

УКРЕПЛЕННЫЕ СЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ: ГОРОД ИЛИ ДЕРЕВНЯ?

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Общим положением в освещении проблемы укрепленных сел Средневековой Византии является поиск истоков типового сельского поселения – «села». С одной стороны, византийское Средневековье отличало многообразие типов селений, обусловленное климатическими и другими местными природными особенностями, с другой – типологические черты сельского селения предопределяли общественный уклад и закономерности развития всех сторон жизни обитателей сел, включая жилище. Задачи защиты населения диктовали необходимость сооружения крепостей («кастра») и их развертывание в оборонительную систему. Это вполне отвечает процессам, происходившим в Раннее и Развитое Средневековье во многих южных регионах Европы, где возведение укреплений, по сути, превращающих село в крепость – «ка-

струм», становится правилом. Строительство крепостей и иных укреплений в городах и сельских селениях Средневековой Византии становится тенденцией, обозначившей собою степень необходимой защиты для их жителей. Эта тенденция легко ощутима и в поздней Византии. Здесь огражденные оборонительными сооружениями сельские селения уже не были единичны. Повсеместно возводятся пирги или так называемые жилые башни – оборонительные постройки, служившие убежищем селянам во дни военных испытаний. Само название «пирг» становится синонимом обозначения сельского поселения, как господского имения, и, по существу, замещает термин «хорион». Пирги выступали «ключевыми точками» практически всех описаний территорий крупных землевладений и сельских населенных пунктов с ведущими к ним дорогами и расположенными там хозяйствами. В сельских местностях Византии разворачивается система укреплений в качестве оборонительного рубежа целого региона, в которой могло занимать значимое положение сельское поселение. Статья состоит из Введения («Введение. Село и ключевые проблемы его изучения»), трех разделов («Укрепленные селения», «Сельские укрепления», «Пирг»), а также раздела «Результаты и Заключение. Общие закономерности», где рассматриваются основные проблемы изучения средневекового византийского села, укрепленного селения, сельских укреплений, пиргов и общие закономерности укрепления поздневизантийского села.

Ключевые слова: средневековое византийское село, сельское укрепление, крепость, пирг, жилая башня.

Цитирование. Вин Ю. Я. Укрепленные села средневековой Византии: город или деревня? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 194–223. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.17>

Светлой памяти Бориса Львовича Фонкича, с самой искренней благодарностью...

...the differentiation [which], scholars have made between cities and villages, or between these two and castles, is unclear and certainly not self-evident

(...разница [которую], ученые проводят между городами и селами, или между этими двумя и замками, неясна и, конечно, не самоочевидна).

Ronnie Ellenblum

Введение. Село и ключевые проблемы его изучения. Восстановить облик средневекового села в Византии – задача нелегкая. Ведь «село», по меткому высказыванию М. Энголда, принадлежит к саморегулирующимся социальным институтам [52, р. 74]. Исследование «села» требует комплексного и дифференцированного подхода к рассмотрению отдельных сторон жизни многоликого сельского поселения. Решение этой задачи усугубляется тем, что речь идет о сельском поселении эпохи Средневековья. Сведения о нем рассеяны в огромном диапазоне разного рода источников – от актов до археологических раскопов и затрагивают самые различные аналитические аспекты, начиная с изучения жилища, служившего селянину убежищем от многих жизненных невзгод, природных и социальных факторов развития села. В центре внимания надлежит ставить проблемы типологии селения, включая способы обозначения

села и его функции в системе управления и сельскохозяйственного производства. Они раскрываются в ходе анализа структуры села и складывающихся на его территории хозяйственных комплексов в их развитии и эволюции. Одновременно требуют особого освещения неразрывно связанные с указанной проблематикой оборонительные функции села, поелику вопрос защиты от вражеских нападений напрямую касается и сельских поселений, что выдвигает на передний план задачу различения городских центров и сел.

Сразу же надо подчеркнуть, что проблема дифференциации города и села – ключевая проблема всего Средневековья. Она усугубляется строительством крепостей и иных оборонительных сооружений. Феномен укрепления средневековых населенных пунктов, обусловленных защитными их функциями, захватывает и город, и деревню. Эта проблема вызывала непрестанный научный интерес многих поколений медиевистов и целого ряда ведущих византинистов, что ярко продемонстрировала предпринятая начиная с 1982 г. серия научных мероприятий, объединяемых под названием «Каструм» («Castrum») [65]. В последние десятилетия публикации результатов исследований различных аспектов развития средневекового города и деревни, как того, что их соединяет, так и их размежевания, в том числе возникновения и там, и тут долговременных оборонительных систем,

превратились в бурный нескончаемый поток, направляющий современную медиевистику и византинистику в единое научное русло (напр., см.: [143; 90]). На общем фоне, с точки зрения автора этих строк, выделяется представленное Н. Кристи и Х. Херолд, инициаторами издания материалов двух масштабных международных научных форумов 2013 г., которые раскрывают современные научные достижения в изучении защищенных поселений раннесредневековой Европы [77]. Всесторонне изучая совокупность сопряженных с указанной темой фундаментальных научных проблем археологии и истории, их социальных и гуманитарных аспектов, названные ученые суммируют и обобщают в своем введении к опубликованному труду обнародованные авторами коллективного труда взгляды на развитие общинных структур. Они, как это ни странно может показаться на первый взгляд, занимают важнейшее место в интегрально представленных трудах, что позволяет Н. Кристи и Х. Херолд показать общие закономерности и региональную специфику не только городской, но и сельской, крестьянской общины. Касаясь различных сторон существования средневекового общинного института, начиная с первой и до последней страницы, в конечном итоге названные ученые освещают сопряженность церкви и общины под углом духовного и религиозного развития ее членов [67, p. I etc., XXXVII].

Общим положением в освещении указанных проблем является поиск истоков типового сельского поселения – «села» – в Средневековье [74, p. 26, 29–31]. Сказанное касается, в частности, и предпринятой в свое время попытки Ж. Лефора, прибегая к довольно пространному, если речь идет об определении, описанию типологических сторон жизни византийского села, определить его суть через воссоздание социокультурной альтернативы «села» (village) с присущей ему изначально «коммунальной» экономикой, с одной стороны, и «поместья» (estate), с другой стороны [107]. Между тем при рассмотрении проблемы сельского поселения Византии крайне важно учитывать широкое разнообразие природно-климатических и социально-экономических условий существования и форм жизнедеятельности селян, что непременно сказывалось на огромных различиях типологических черт

сельского поселения и планов его застройки (подробнее см.: [81, esp. p. 10–15 etc.]). Одним из принципиальных различий между городом и деревней, которые равным образом касаются средневекового западноевропейского и византийского обществ, признается жилище [134, S. 278]. Правда, обстоятельному изучению поставленных проблем препятствуют трудности их разрешения применительно к Средиземноморью. Византийские исторические источники изучаемого периода, в том числе актовые и археологические материалы, содержат сведения преимущественно о домах и их утвари, которые принадлежали в основном зажиточным горожанам [97, S. 69, 191–198 и. а.; 124, p. 205–214, esp. p. 207–208]. Неказистые и бедные постройки сельских поселков средиземноморского региона время быстро уничтожало, независимо от того, были ли это дома тех, кто побогаче, или утлые хижинки бедняков [50, p. 137–139]. Предохранить средневековые крестьянские жилища от разрушения не могло даже сравнительно широкое использование в Южной Европе для их постройки камня, который применялся для сооружения сельских жилых и хозяйственных построек и в материковой Греции, и на средиземноморских островах [9]. К тому же крестьянский дом обычно характеризует сравнительная простота внутреннего убранства, главным элементом которого служил скромный очаг [64, p. 34–38]. Однако скоротечность существования сельского жилища не должна стать непреодолимой препоной для выяснения статуса, структуры и разнообразных функций сельского селения. С одной стороны, византийское Средневековье отличало многообразие типов селений, обусловленное климатическими и другими местными природными особенностями, с другой – типологические черты сельского селения предопределяли общественный уклад и закономерности развития всех сторон жизни обитателей сел [21, с. 157 и дал.; 81, p. 17 etc.].

Действительно, средневековое сельское жилище в Византии, как правило, отвечало социальному положению его хозяина. В лучшем случае местом проживания сельских жителей становились выложенные из камня приземистые домики с плоской глиняной или черепичной кровлей [155, σ. 272–273]. Относящихся к ним археологических находок, сколь бы они

не были многочисленны, в течение долгих десятилетий оказывалось все-таки недостаточно для создания полных и ясных представлений об устройстве поздневизантийского села (напр., см.: [62, S. 651–653]). Преимущественно в ход шли отдельные примеры, дававшие повод для разрозненных наблюдений и обобщений¹. Сейчас это положение заметно изменилось и материалы раскопок, производимых в сельских местностях, уже позволяют судить об условиях жизни в средневековых византийских селениях с большей уверенностью в отношении скромных по своим размерам сельских жилищ, отличительной чертой которых нередко служил утрамбованный земляной пол (подробнее см.: [81, esp. p. 37–40]). Археологические данные существенно дополняют и помогают объяснять скудные описания письменных источников, тогда как для археологов на передний план выходит умение связать результаты ежегодных раскопок с документальными свидетельствами (подробнее см., напр.: [146, S. 171–193, bes. S. 185]). Последние же подтверждают, что речь идет обыкновенно об одноэтажных строениях прямоугольной формы. И даже если их стены сложены из камня или кирпича, перекрыть их черепичной крышей могли позволить себе только крупные земельные собственники, в поместьях которых строили подобные дома наряду с жильем для зависимых от них крестьян. Предназначенные для них дома крыли камышовой или соломенной кровлей [134, S. 280 ff., bes. 287–288]. Если верить посвященной строительству сельского жилища единственной строке фольклорно-поэтического календаря, возможно несколько утрировавшего повседневные реалии, в рассматриваемую эпоху для сооружения хижины бедного крестьянина – каливы, сезонного приюта пастухов и сельскохозяйственных работников [81, p. 14], – требовались лишь прутья и трава. На сопровождавшем этот рассказ рисунке калива изображена в виде укрепленного на тонких столбах легкого навеса, который, очевидно, затем обносили плетеными из хворостин стенами ([75, σ. 383.41–42]. Ср.: [75, σ. 392]. Также см.: Константинополь. Серальская б-ка. Рукоп. гр. 35 [83]). Для беднейших крестьян это было, видимо, вполне приемлемое жилье, тогда как на Лемносе в заключительный период византийской исто-

рии даже у зажиточных дворохозяев наряду с привычными для них домами упоминаются, принимая во внимание особенности местного народного диалекта, если не землянки, то приземистые домики («ὀσπῆτι... χαμῶγι», «ὀσπῆτια... χαμαίγεια»). Они, согласно позднейшей копии практика рубежа XIV–XV вв. монастыря Пантократора, находились в крепости [38, Append. 49–50, 64]. Столь низкий уровень жилых построек более чем показателен. Подобные лачуги местных крестьян становились, предположительно, лишь временным местом жительства при нападениях врагов, допустим, пиратов. На этот случай было введено, как можно думать, и самое укрепление. Впрочем, более типичным жильем для зажиточных хозяйств в сельских местностях, как и в небольших городских пунктах, наверное, следует признать своего рода двухэтажные строения, где первый этаж или полуподвальное помещение отводилось под хозяйственные нужды, а сами обитатели таких домов занимали верхний этаж. Такие дома средневековые византийцы называли «ἀνωγεικατώγειον» или подобным образом. В частности, такие дома были построены для присельников на том же Лемносе и в крепости Коцину, и в метохе Ватопедского монастыря рядом с его «пиргом» [36, № 164.4–5; 42, № 128.41–43, 44–46], «укрепленным строением», как определяет этот термин Ж. Лефор [105, p. 100].

Укрепленные селения. Современные археологические находки свидетельствуют о том, что сельские селения поздневизантийского времени действительно бывали укреплены, что полностью соответствует общей тенденции усиления оборонительных функций населенных пунктов Балкан и Малой Азии указанного времени [99, p. 157–170, esp. p. 157–159 etc.]. По мнению М. Деккера, средневековая византийская крепость обычно была цитаделью (stronghold), откуда осуществлялось управление небольшим округом, который мог включать не только городские центры или даже большие города, но окрестные села. В этом плане, судя по наблюдениям ученого, средневековый укрепленный район схож с ранневизантийскими крепостями [73, p. 78, 92]. Их ведущую роль и в управлении, и в обороне прямо или косвенно отображает ранневизантийское законодательство, унаследованное

Средневековьем (напр., см.: D.XLII.22.001.Pr. [68] – B.A.LX.32.001.Pr. [60]). Средневековые византийцы, надо сказать, заимствовали греческие рецепции понятия «крепость» («τὸ κάστρον», «τὰ κάστρα» и другие формы) из латыни ли, или романских языков, где соответствующая терминология обрела региональную специфику (подробнее см.: [67, P. XXVII–XXIX]; также см.: [146, S. 185 u. a.]). Для Византии, судя по некоторым высказанным учеными суждениям, специфику рецептированного понятия «τὸ κάστρον» выражало, прежде всего, подчинение крепостей мощи государственной власти, с одной стороны [109, p. 202–204], с другой – их экономические функции, которые реализовывались благодаря тому, что под защиту крепостных стен стекались земледельцы, и византийские крепости нередко обрастали посадами [122, p. 133 etc.].

С точки зрения Ж. Лефора и его коллег, средневековые византийские города и села, включая укрепленные населенные пункты, с X–XI вв. образовывали «сети» («reseau») в виде небольших агломераций [110, p. 15; 106, p. 68–69; 115, p. 87–88]. По мнению Ж. Лефора, термин «кастрон» применим исключительно для обозначения городских укреплений, что вполне согласуется с общепринятым взглядом на средневековый византийский город, и указанный термин не приложим к описаниям наподобие выражения «укрепленное село» ([105, p. 100]; также см.: [72, p. 393]). Вместе с тем ведущие специалисты, как это видно на примере труда Ш. Джерстел, говорят об укрепленных селах («fortified villages»), которые получали обозначение «кастра», иначе говоря, «кастрон» или «кастро» ([81, p. 20]; также см.: [81, p. 34, 36, 37 etc., 40]). И в данном рассказе о средневековой Греции, который продолжает Ш. Джерстел, речь идет уже не о сохранных временем останках укреплений селений, нередко городских центров позднеантичного или ранневизантийского происхождения, – они также не остаются без внимания специалиста (напр., см.: [81, p. 15–16]), – а о вновь возводимых оборонительных сооружениях [81, p. 36]. Важно, что подобные «крепости», которые многие исследователи идентифицируют не иначе, как городские центры (the fortified cities) (напр., см.: [99, p. 157, esp. p. 163 etc.]), Ш. Джерстел называет «укрепленное поселе-

ние» («fortified settlement») и подчеркивает, что в поздневизантийский период истории такие селения превращались в хорошо населенные опорные пункты [81, p. 33–34]. Показательно, что применительно к ним И. Кодер, отождествляя «кастрон» и «бург», использует обозначение «обнесенные каменной стеной бургоселами» («ummauerte Burgdorfer») [97, S. 66–67]. Правда, при этом возникает двусмысленность в том, всякое ли «укрепленное поселение» допустимо отождествлять с сельским, даже если условия жизни в нем сопоставимы с условиями, как пишет Ш. Джерстел, «сравниваемых общин» («comparable communities») [81, p. 21–22 etc.].

В этой связи необходимо пояснить, что поставленная проблема уходит вглубь веков истории империи и неотъемлемо сопрягается с проблемой развития в Византии средневекового города. Очевидно, следует упомянуть о том, что его история начинается после «темного» периода истории империи в VII в., когда в соответствии с концепцией, которую в последние десятилетия развивает М. Хэлдон, разворачивается «культурная трансформация» Византии (подробнее см.: [84]). В последующие столетия происходит возрождение городских центров, преимущественно мелких, небольшой площади и численности населения. В условиях того времени, постоянных войн и периодических набегов неприятелей, требовалось их укрепление. Это были чаще всего укрепления нового типа: они охватывали населенный пункт стенами со всех сторон, чтобы защищать жителей города, иногда вместе с предместьями. Их население и обитатели окрестных сел во дни нападений врагов искали спасения за стенами сооруженных тогда крепостей («кастра»), как отныне обозначались средневековые городские центры [86, esp. p. 247–252, 255–256; 85, p. 11–12]. Иначе их историки называют, так это делает, например, Дж. Хэлдон, «укрепленными городами», «городами-крепостями» («fortified town», «fortress towns») и т. п. [86, p. 60, 113, 114, 176, 180, 241, 255]. Как заявляет Дж. Хэлдон, термин «кастрон», получая широкое распространение в IX–X вв., прилагается к византийским городским поселениям безотносительно их физического типа [85, p. 16 etc.]. Говоря иными словами, Дж. Хэлдон подчерки-

вает, что в период VII–X вв. слово «кастрон» входит в повседневный язык как обозначение укрепления, воплощавшего чаяния членов общества на безопасность и спасение. В новых условиях существования термин «кастрон» противопоставлен античному «полису», как выражение новых общественных ценностей и реалий [85, р. 17–18]. В этот, если можно так сказать, «центральный» период византийской истории неразрывной частью местной оборонительной системы, как отмечает ученый, наряду с городскими поселениями, бывали, по сути, и села [86, р. 180, 255]. Население таковых агломераций, проживавшее, говоря словами историка, в отдельных общинах (in separate communities) или селах «в пределах стен» (within the walls), ощущало свою принадлежность к «полису» как таковому! [86, р. 250] Опосредованно это показывает, обращаясь к «власти предержащей», Иоанн Апокавк: и на рубеже поздневизантийского периода истории его современникам не были чужды представления предшествующих эпох о «полисе» как «оплоте». В одном из своих посланий просвещенный церковный иерарх, словно бы воспроизводя мысль своих предшественников, протестует против разрушения старинных городов: «Полисы же, каковые сами сооружены для вашей крепости, ты превращаешь в могильные курганы и срываешь их до основания...» («Πόλεις δέ, ὅσας αὐτοὶ ἐπολίσαντο πρὸς τὴν σφετέραν ἀσφάλειαν, τίθεις (sic! – Ю. В.) εἰς χῶμα καὶ ἀναμοχλεύεις αὐτῶν τὰ θεμέλια...») [152, 4. № 33. σ. 116]. Как бы то ни было, в конечном счете термин «кастрон», олицетворяя, по мысли Дж. Хэлдона, социокультурную трансформацию средневекового византийского социума, прилагается к поселениям любого типа, включая крупные города и близлежащие малые населенные пункты, к которым, в надежде найти там убежище, тяготеют местные сельские общины [85, р. 21].

В самом деле, системный характер преобразований, в ходе которых на рубеже Раннего и Развитого Средневековья византийские городские центры и окружавшие их сельские селения формировали единый административный, экономический и оборонительный комплекс, косвенно подтверждает формуляр актов, где используется заключающее в себе идею некой неразрывности выражение «все

крепости и села» («πάντα τὰ κάστρα καὶ χωρία») (напр., см.: [40, № 3.2–4]). В этой связи нельзя не упомянуть об одной из схолий Феодора Вальсамона к «Номоканону», приписываемого патриарху Фотию. Составитель схолии в своем атипичном виде указал на «крепости и хорионы» богомилов («κάστρα τε καὶ χωρία Βωγομλικά») (PhN.Schol.X.08.02) [159, σ. 246]. Со всей определенностью допустимо говорить о том, что богомилы расселились в окрестностях этих укреплений в целях обезопасить себя от противодействия местных властей. В свете проявлявших себя интенций укрепление сельских селений в Поздней Византии является закономерным шагом ее исторического развития, уходящего своими корнями к истокам византийского Средневековья, когда в системе административного управления ставились в один ряд «крепости» с примыкавшими к ним «областями» («τὰ κάστρα καὶ χώρα» и тому подобные варианты этой формулы, включая многочисленные инверсии типа «ἡ ἀπασα χώρα καὶ τὰ κάστρα», как и самые разнообразные другие инварианты, подразумевающие не только военную, но и административную значимость крепостей, подкрепляемую время от времени прямыми ссылками на ранее обнародованные указы и распоряжения верховной и местной власти) ([40, № 3.2–4; 30, № 12.3; № 45.24; № 46.22; № 47.22–23; 42, № 79.2; № 81.А.2; № 82.2; 45, № 18.13; 43, № 23.1–2; № 25.1–2; 32, № 19.1–2; № 22.1–2]; также см., напр.: [42, № 110.12–13, 23–24; № 125.5–6 etc.]). К сожалению, этот факт специалисты отмечают подчас лишь мимоходом (напр., см.: [6, с. 190, 233]). Между тем, практически восприняв силу византийской традиции администрирования, прямо на единство системы управления города и деревни в поздневизантийский период согласно стереотипной формуле сопоставления «крепостей и областей» («τῶν δηλωθέντων κάστρων καὶ χωρίων») намекает, к примеру, и греческий хрисовул Стефана Душана 1346 г. [44, № 25.43–45 etc.]. Словом, строительство защитных укреплений неразрывно сопряжено со стародавней проблемой основных обозначений сельских селений в византийских источниках, таких как «коме» и «хорион», которые противопоставлялись обозначениям городских центров, и «полису», и «кастра»². К тому же

красноречиво отождествление «Хроники» Псевдо-Франдзи «коме» и поселков городского типа («астиев»), сопровождающееся пояснением, что албанцы называют такие селения «крепостями» (κάστρας) [131, р. 530.36–38].

Так или иначе, противоречивые сведения документов подчас побуждают исследователей поднимать вопрос о критериях разграничения города и деревни, когда внешние различия между небольшими местечками и крупными селами оказывались минимальными [88, р. 200–201; 106, р. 69; 94, р. 101–104 etc., 219]. В этой связи, конечно, можно было бы напомнить о крайне упрощенном понимании вопроса со стороны Ж. Лефора и его последователей, которые в свое время пытались ранжировать провинциальные населенные пункты, город и села, опираясь на сведения о числе их жителей, занимаемой площади и торговых функциях города (подробнее см.: [126, р. 63 etc.]). В наши дни нельзя не сослаться на методологически важные размышления и замечания М. Вейку относительно роли междисциплинарного подхода к изучению различий средневекового византийского города и деревни, который бы охватывал данные исторических источников и результаты археологических раскопок. Их интегрированная оценка, как показывает в своих исследованиях названный специалист, как правило, опирается на известные интерпретационные модели. В их ряду фигурируют, в частности, такие, как определение типологической структуры и размеров селения («ядерный» и «разбросанный» тип поселения, «крупное» и «малое» селение), дихотомия «город» и «село» (или в более широком плане «город» и «деревня», «сельская местность»), дуализм природы «урбанизации» и «натурализации» («ruralisation»), соответственно «укрепленное» и «неукрепленное» селение и т. д. Хотя многие из этих общепризнанных положений, как и мнение М. Вейку о том, что в каждом отдельном случае убедительных критериев анализа отдельных сторон селений может оказаться явно недостаточно, в большой мере «тонут», к сожалению, в мишуре постмодернизма, это не становится помехой для выдвижения на передний план концепции многовековой «трансформации» селений, точнее говоря, концепции «перехода» («transition») как всеобъемлющего феномена комплексного видоизменения се-

лений, которое охватывало помимо предшествующих и XI–XV столетия (подробнее см.: [145, р. 43–54, esp. р. 47–48; 147, р. 160–164, 165, 203]). При этом эмоциональные оценки исследовательницы не препятствуют весьма определенному выводу о том, что Южный Эпир VII–XI вв. демонстрирует чрезвычайно высокую гибкость организации селений, что вполне интерполируется и в отношении остальной территории Византии (подробнее см.: [145, р. 51 etc.; 147, р. 200–205]). Собственно говоря, рассматривая средневековые греческие хорионы с точки зрения уровня их экономического развития, М. Вейку высказывает со всей определенностью мысль о том, что в образованной сельскими селениями IV–IX вв. «сети» (network) с VI–VII вв. и впоследствии широко распространенную характерную особенность составляли «укрепленные села» [148, р. 131 etc.]. Равным образом археолог говорит о натурализации городской экономики Византии IX–X вв., что уже тогда поставило в один ряд не только обозначения городских центров с сельскими населенными пунктами, но и их обустройство, оборонительное значение и возведение там крепостных стен, как показывают последующие наблюдения М. Вейку над различиями крепостей в странах средневековой Европы и Византии. Здесь, по убеждению специалиста, роль крепостей определялась не столько административными и социополитическими функциями, сколько развитием аграрной экономики [146, р. 184 u.a., bes. р. 188]. Итак, М. Вейку, отыскивая новые аргументы и способы выражения своей главной идеи, стремится к признанию средневековых «кастра», то есть обозначения, по мнению археолога, выходящего за пределы дуалистического понимания противопоставления «город» – «деревня», новым, «отличным» от прежнего, типом средневекового селения [147, р. 168–176, 180, 200–201, 201–202, 203–204]. Однако необходимо иметь в виду, что эта мысль сама по себе сквозит, как было показано, и в суждениях Дж. Хэлдона, развившего в своих публикациях инновационную идею предшественников и коллег о преобразовании античного и ранневизантийского полиса в средневековый «кастрон» («Von der Polis zum Kastron») ([87, S. 12 u.a.]; также см.: [85, р. 12; 84, esp. р. 104, 459–461]; там же указана ос-

новная литература). И в исследованиях других специалистов вполне ясно выражена научная позиция, согласно которой главный результат социокультурной трансформации средневекового селения заключался в обновлении его статуса, когда идентификацию «город» или «село» определяли не размеры агломерации или иные факторы, а прежде всего существование укреплений (напр., см.: [117, p. 154–155 etc., 158; 95, p. 144–145]).

В определенном смысле способы обозначения статуса средневековых византийских селений весьма показательны: их самообозначения далеко не всегда оставались идентичны, а порой постоянно варьировали. Таковым предстает статус Иериссо ([139, p. 929–930]; там же указана основная литература; также см.: [126, p. 157–158; 125, p. 373–396; 113, S. 56, 58–59]). В постановлении 1239–1240 гг. местного епископа Феофила о пресечении противоправных действий жителей этого населенного пункта он последовательно назван сначала «полисом» (ἐν τῇ τῆς Ἱερισσοῦ πόλει), затем «городком» (τῆς πόλεως τῆς Ἱερισσοῦ), и наконец, — неоднократно — «хорионом» ([41, № 14.1, 14, 37; Delimit.4–5]; также см.: [113, S. 55, 56]). При этом, конечно же, необходимо принимать во внимание тот факт, что в X в. в Иериссо существовала населенная местными жителями «крепость» [107, p. 264]. Ее неоднократно называет, рассказывая о противостоянии монастыря Колобу с афонскими насельниками из-за класмированной земли, используемой иериссиотами, в своем сообщении 942–943 гг. эпопт Фома ([39, № 5.11, 17, 25, 55–56, 62–63]; также см.: [39, № 5.18–19, 26–28, 53–54]). Крепость Иериссо не просто упоминается в целом ряде актов на протяжении более столетия, в том числе акте протопафария Симеона, утвердившего предположительно в 974 г. налоговые эземпции для париков-димосиариев, переданных Лавре Афанасия [34, № 6.8–9 etc., 13 etc.], а также договоренностей 982 г., когда жители крепости стали одной из сторон в урегулировании вопросов землепользования в ближайших окрестностях ([46, № 4, esp. № 4.19; № 5, esp. № 4.8–19]; также см.: [46, № 1.1; № 2.12–13; № 7.27–28 etc.; № 8.4–5, 6–7; № 27.8–9, 11 etc.; № 29.5, 9, 11, 71, 75, 76, 89, 91, 94; № 31.51; № 41.65 etc.]) и некоторых иных актов конца X – XI в.

(напр., см.: [34, № 8.9–10; № 18.25–26; № 39.4 etc.]). Но уже «крепость» («ἀσφαλεία»), в данном случае имеется в виду тип документа, епископа Иериссо Николая 1032 г. говорит о «палеокастроне» Иериссо и о стоявшей, судя по всему, неподалеку «крепости» [44, № 4.5–6, 11–12]. А в начале XII в. акт произведенного высокопоставленным чиновником, проедром и логариастом имений Сгуром, уточнения границ земельных владений в районе Иериссо, при описании границ проастия св. Святого Павла в Агиасме содержит прямое указание на топоним «Палеокастрон», тогда как далее это поземельное описание отмечает размещение в названной местности «новой крепости» (τοῦ νέου κάστρου) ([47, № 50.49–53, esp. № 50.50]; также см.: [47, № 53.193, 200]). Ее подразумевает, по всей вероятности, и ссылка на крепость Иериссо в практике Радоливо 1104 г., которую хотелось бы сопоставить с упоминанием топонима «Палеокастрон» в так называемом кадастре того же села, составленном в последующее время ([47, № 52.571 etc.]; о хорионе Радоливо и указанных документах подробнее см.: [13, с. 67–84; 106, p. 66–71; 104, p. 269–313]). В числе других документов по указанному поводу оправданно выделить также хрисовул Стефана Душана 1346 г., в котором сербский правитель отмечает париков, поселенных в «крепости» Иериссо [44, № 25.6]. В любом случае, даже если речь идет о топографически различных участках территории Иериссо, документы поздневизантийского времени, которые, как показано ранее, упоминают топоним «Палеокастрон», относящийся к названному селу, не оставляют сомнений в достоверности древнейших сведений о его крепостных укреплениях [48, № 70.192–193, 195–196; № 75.308–309; № 79.289, 290–291; 49, № 86.142–143, 144–145]. Это, в свою очередь, позволяет некоторым ведущим византистам, в том числе издателям афонских актов, идентифицировать Иериссо, даже при отсутствии какой-либо атрибуции топонима в акте, заведомо и однозначно как «город», тем самым упрощая картину реального состояния известного поселения в поздневизантийский период его истории, когда Иериссо по своему статусу признано «хорионом» (напр., см.: [34, p. 401; 30, p. 327]; ср.: [37, p. 271; 42, p. 475]; также см.: [125, p. 373–396, esp. p. 374 etc.]).

Впрочем, отдавая должное исследовательскому мастерству издателей афонских актов, хотелось бы выделить пример акта прота Саввы. Он, урегулировав в 1368 г. споры монахов Лавры и Ватопеда из-за владений «монастырька» рядом с Сидерокавсием, упоминает некую неназванную «крепость», которую издатели этого акта идентифицируют с укреплениями именно Иериссо! ([42, № 127.7–8]; см.: [42, р. 332])

В методологическом плане, однако, важнее признать, что еще ранее, на рубеже Раннего и Развитого Средневековья, в Византии определилось системное соотношение различных категорий городских и сельских поселений, где постепенно, на протяжении всего Средневековья, развертывалась система укреплений. Как это ни странно, что может показаться на первый взгляд, одно из очевидных проявлений системного деления населенных пунктов на типы можно обнаружить в «Типике» Григория Пакуриана, иначе называемого «Устав Петрицонского монастыря», то есть монастыря Св. Богородицы Петрициотисы (конец XI в.) (подробнее см.: [26]; там же указана основная литература). Его составитель, – предположительно, им стал сам Григорий Пакуриан ([144, р. 252.22–254.3; р. 256.4–6]; подробнее см.: [26, с. 135, 234]), – невольно указывает на ключевое значение укрепленных городских центров, к которым тяготели в экономическом, социально-политическом и административном плане окрестные села и сельские местности. В данном случае имеется в виду не только, и не столько тот факт, что составитель типика определяет местоположение вновь основанного им Петроцонского монастыря в «топотесии крепости» Петридзу («ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ κάστρου») ([144, р. 98.17–18]; подробнее см.: [26, с. 122]). А ведь этот населенный пункт, как выясняется далее, был ничем иным, а, собственно говоря, «хорионом» с прилегающими к нему господскими имениями [144, р. 120.9–11 etc.]. И дело заключается вовсе не в том, что затем, характеризуя жизнь монахов в обители, составитель типика прибегает к довольно распространенному со времен Античности и Раннего Средневековья термину «комополис» (буквально – «κωμὸπόλις») [144, р. 100.29–32]. Как бы ни пытались исследователи интерпретировать это понятие, представляя его словно бы нечто «среднее»

между городом и деревней, – в частности, так высказывается вслед за своими предшественниками В. А. Арутюнова-Фиданян (подробнее см.: [26, с. 140–141]), – речь должна идти об единой агломерации городского центра и его предместьев, а не просто «большой (sizable) деревне» ([140, р. 1692]; также см.: [85, р. 1, 10; 120, р. 179]) или «подобном маленькому городу селению» (a small town-like settlement) (напр., см.: [95, р. 144; 141, р. 282]). И к сказанному остается лишь прибавить, что «комополис», по словам одного из исследователей, в рамках разрабатываемой им концепции «урбанизации» ранневизантийских сел, кою также нельзя обойти молчанием, обладал «характеристиками и села, и города» («a settlement with characteristics of both a kome and a polis») [93, р. 16]. Недаром Иоанн Апокавк в своих посланиях сопоставлял «комополисы» и с «полисами», и с «комами», то есть «поселками» [152, 4. № 42, р. 138; № 79, р. 230].

На самом деле, «Типик» Григория Пакуриана, проясняя, согласно проведенному описанию границ, местоположение хориона Стенимаху, уточняет, что он вместе с другими монастырскими имениями прилегал к двум возведенным здесь крепостям [144, р. 120.21–23 etc.]. В то же самое время Петроцонскому монастырю была передана крепость Ваниска вместе с водным источником, «остальными его всеми хорионами», агридиями и прочими держаниями ([144, р. 120.32–122.2]; также см.: [144, р. 248.25–26]). Что же касается хориона Прилонкий, то он принадлежал названной обители вместе «со старыми крепостями его» («μετὰ τῶν παλαιῶν κάστρων αὐτοῦ»), агридиями и иным имениями ([144, р. 126.4–7]; о хорионе Прилонкий см.: [144, р. 124.13–16]; также см.: [26, с. 24, 157]). Это упоминание «старых крепостей», коих всего во владениях Пакуриана византинисты насчитывают до шести, свидетельствует об общей тенденции к укреплению средневекового византийского села, а вновь возводимые «крепости», иначе говоря, «укрепленные поселения», как отметила А. В. Арутюнова-Фиданян, несомненно служили обороне владений Григория Пакуриана ([26, с. 29, 122]; также см.: [66, р. 202]). Бесспорным свидетельством тому служит «хрисовул об улучшениях в моих имениях, строительстве крепостей, и хорионов, и мо-

настырей» (Χρυσοβούλλιον περὶ τῶν ἐν τοῖς κτήμασί μου βελτιώσεων, οἰκοδομῆς κάστρον, χωρίων τε καὶ μοναστηρίων), который пожаловал Григорию Пакуриану Алексей I Комнин ([144, р. 248.27–28]; о характере «строительной деятельности» Григория Пакуриана, а также об атрибуции данного хрисовула подробнее см.: [26, с. 221]). Построенные военачальником крепости, вероятно, наравне с самими пожалованными ему хорионами, где воздвигались новые укрепления, не были крупномасштабными населенными пунктами, но они оказались вплетены в систему владений крупного собственника, став ее неразрывной частью наравне с землями, хозяйственными сооружениями и даже зависимыми крестьянами-париками [144, р. 128.18–29]. В конечном итоге составитель названного типика употребил родившуюся под его пером своего рода шаблонную градацию принадлежащих ему имений, расположенных преимущественно в селах и их окрестностях, наподобие ряда схожих формул, где выделяется особое место близлежащему укреплению: «τὸ εἰρημένον κάστρον τε καὶ χωρίον...», «τῶν δὲ προεἰρημένων κάστρον τε καὶ χωρίων καὶ προαστείων ἀπάντων...», «εἴτε τοῖς ὑπ' αὐτὸ χωρίοις, εἴτε τοῖς κάστροις καὶ ἀγριδίοις...», «τῶν ἐν τοῖς χωρίοις καὶ προαστέίοις καὶ κάστροις...» [144, р. 126.20–21, 25–26; р. 198.27–28; р. 208.19; р. 248.27–28]. Иначе говоря, населенные пункты условно подразделялись на три категории, а именно крепости, хорионы и проастии, агридии и прочие имения.

Саму по себе отмеченную градацию нельзя считать простой фигурой речи, поскольку вырисовывающаяся из приводимых слов картина отображала реальный мир средневекового византийца, в рамках которой сельские селения оказывались соединены в единое целое с укрепленными пунктами. Достаточно сослаться на акт землеотвода 1008 г. монастырю Св. Акиндина на территории села Радохоста. Его жители, подтверждая продажу земельного участка и отказываясь от дальнейших претензий на него, удостоверили, что отводимый названному монастырю участок расположен «вблизи крепости» («τὸν πλίσσειον τοῦ κάστροῦ» – sic!) [34, № 14.6–7 etc.]. Описанному примеру не противоречит также уре-

гулирование в 1076–1077 гг. спора о земельном участке между жителями стоявшей неподалеку от Фессалоники крепости Адрамери и монахами лаврского метоха Перистеры. Решая вопрос о принадлежности спорного участка, представители проживавших в названной крепости эпиков, можно думать, не самого большого в этой округе поселения, признали, что парикам метоха был передан для возделывания земельный надел. Он, по всей вероятности, находился по соседству с неким упомянутым жителями крепости хорионом, атрибутировать который более точно не позволяют утраты текста составленного тогда акта ([34, № 37.4–7 etc., esp. ll.17–18 etc.]; см.: [108, р. 295]). Аналогичная ситуация предстает впоследствии, скажем, в акте 1162 г. дуки Фессалоник Иоанна Контостефана, который произвел непростое урегулирование между Лаврой Афанасия и держателем пронии Панкратием Анемы [56, р. 37–40 etc.]. Не останавливаясь на всех обстоятельствах этого урегулирования, которое затрагивало интересы поселенных в округе крепости, носившей данное местными жителями название «Весельцы» («Βεσελτζοῦ»), стратиотов и крестьян, сейчас хотелось бы отметить, что оно касалось проаствия Архонтохориона, периорисм (описание границ) которого начинался у этой крепости ([34, № 64.34–36]; также см.: [56, р. 56–57, 545]). Тем самым косвенно засвидетельствованно, что «проаствий», как и прежде, относится к разряду пригородных поселков, а вокруг крепости концентрировались имения различных прослоек и групп господствующего класса, что содействовало обострению их противоборства за земли, расположенные под защитой оборонительных укреплений.

И главное – строительство крепостей в сельских местностях продолжалось. Сказанное подтверждают не только рассмотренные ссылки акта описания границ землевладений в округе Иериссо, составленного в 1103 г. Сгуром, на «новую крепость» [47, № 50.49–53, esp. № 50.50] в сочетании с упоминанием крепости Иериссо в практике Радоливо 1104 г. [47, № 52.571 etc.], но и весь ход дальнейшего развития византийского села. Может быть, с точки зрения проблемы «укрепления» села не самым типичным, но довольно выразительным примером могут служить сообщения ряда

актов из архива Кутлумушского монастыря, прежде всего акта 1369 г. Иоанна Владислава, валашского воеводы, и завещаний Харитона, игумена названной афонской обители. Эти документы показывают, с какой тщательностью в середине – второй половине XIV в. разрабатывались планы и осуществлялись работы по фундаментальному укреплению монастыря. Их инициатором выступали высшие представители господствующего класса, а строили по сути «крепость», как называют составители документов эти укрепления («*τιγυρώματα*»), включая крепостные стены и «великий пирг», насельники монастыря [33, № 26.1–5 etc., 13–20, 53–57 etc.; № 29.15–16, 21–25, 52–59 etc.; № 30.34–38, 40–41, 44–51 etc., 107–117 etc., 124–126 etc.]. И хотя сказанное в данном случае касается в первую очередь самого афонского монастыря, без всякого сомнения следует утверждать, что подобные немалые заботы обращались и на удаленные периферийные поселения.

Сельские укрепления. Многочисленные свидетельства византийских актов засвидетельствовали также укрепления, которые бывали обозначены с помощью понятия «*φρούριον*». Однако ж это понятие, будучи практически синонимом понятия «каструм», что подчеркнул в свое время Ж. Дагрон, имело весьма обширный смысл и значение ([73, р. 401]; также см.: [146, р. 186]). Современники эпохи Средневековья иногда использовали слово «*φρούριον*» риторически в качестве иносказания, подразумевавшего аллегорическое значение «оплот» или «крепость». В некоторых случаях указанная коннотация ощутима и при обозначении реально существовавших укреплений, воздвигаемых для защиты монастырями непосредственно в их черте или рядом с обителью (напр., см.: [33, № 23.11–13 etc.; № 31.20–21; 31, № 4.25–29 etc.]; также см.: [32, Append. VI.6–7]). В частности, может быть отмечена крепость-«*φρούριον*» в XI в., сооруженная при строительстве Ксенофонтского монастыря на Афоне [43, № 1.28–29 etc.]. Но особенно часты документальные упоминания «*φρούριον*», как и «*κάστρον*», поздневизантийского времени, на которые нужно обратить внимание, даже если они относятся к укреплениям городских центров, как крупных, так и малых, и прилегающих к ним

окрестностей (напр., см.: [42, № 126.10–11, 28; № 141.8; 38, № 9.7; 36, № 123.25–26]). Безусловно, укрепления крупных городов обладали сложной инженерно-строительной структурой, на что указывает применительно к оборонительной системе Константинополя термин «*μεσοκάστρον*» [36, № 123.115–116, 147].

В то же время некоторые документы середины – второй половины XIV в., в том числе поземельные описи, удостоверяют расположение укреплений «*φρούριον*» в сельской местности, в частности, в Скордихи [44, № 28.26–27; 36, № 159.34–35]. А судебное постановление Стефана Радина, кефалы Фессалоники, вынесенное в 1358 г., упоминает о проскафименах «в такого рода крепостях» («*ἐν τοιούτοις φρουρίοις*») [42, № 111.11–12]. Особого внимания требуют к себе сведения документов, относящихся к истории хориона Комитисса (о хорионе Комитисса и воздвигнутых там укреплениях подробнее см.: [15, с. 221–256, особ. с. 227–228]), которые исходят от афонского прота Исаака. В первом из них, 1325 г., прот сообщает о том, что в названном хорионе, где располагался ивирский метох, была сооружена «крепость» («*κάστρον*») [48, № 82, esp. ll. 3–5, 8–9, 12–13, 13–16 etc., 26–27, 42–43, 48–49, 51–52 etc.]. В последующем акте, 1326 г., афонский прот Исаак для обозначения этого оборонительного сооружения в хорионе Комитисса, сообщая о планируемом поселении там людей «извне», использует как обозначение «*κάστρον*» [48, № 83, esp. ll. 25–26, 27–28], так и «*φρούριον*», указав, что эта крепость населена епиками [48, № 83.8, 14–15, 23–24, 28–29, 28]. Построение этого сооружения отмечено и в других документах, упоминающих о крепости-«*φρούριον*» в Комитисса [41, № 63.87–89, 106–108].

Среди прочих документов, касающихся крепостей-«*φρούριον*», выделяется соглашение о возведении в Семалту, метохе Ватопедского монастыря, одним из монахов, – документ сохранил лишь его мирское имя Петр, – такой крепости, где обозначение «*φρούριον*» представлено как первая часть градации различных видов укреплений, включая «пирг» и «кастеллион» (буквально «*καστὲλλίου*») [42, № 100, esp. ll. 4 etc.], которое оказалось в поле зрения К. Смирлиса [135, р. 189–205, bes. S. 190 u. a.]. В данной градации прежде всего обращает на

себя внимание рецепция латинского термина «castellum», известного в странах средневековой Западной Европы в качестве обозначения малых по своим размерам крепостей (о термине «кастеллион» и распространении данного вида укреплений подробнее см.: [150, p. 59 etc., 71–72]). Они, будучи проявлением общей закономерности развития аграрного социума в условиях дефрагментации власти и управления, способствовали локальной концентрации производительных сил поместного крестьянства и служили для защиты местных сельских общин. К слову сказать, приводимая концепция стала предметом широкого обсуждения еще в 80-х гг. прошлого столетия (подробнее см., напр.: [61, p. 170–171 etc.; 82, p. 177–189 etc.; 109, p. 197–204 etc., esp. p. 201–202]; также см.: [71, p. 75–76]; там же см. основную литературу). А упомянутая градация наглядно свидетельствует: Средневековая Византия следовала той же тенденции, о чем прямо заявляет П. Туберт [142, p. 382]. Тому не противоречат и изыскания, которые проделал названный К. Смирлис, выявив сопоставления «кастеллион» с «пиргами» [135, p. 193 etc.]. И хотя подобные сочетания в актах крайне редки, такие описания, скажем, «τὸν καστέλλιον... σὺν τοῦ ἐκείσαι πύργου», «τὸν... καστέλλιον... μετὰ τοῦ ἐκείσαι πύργου» [32, № 25.6–7, 12–13] или «μετὰ τοῦ καστέλλου καὶ πύργου» [35, Append. XI.33–34], позволяют говорить о неоднозначности использованных в них обозначений укреплений (французские интерпретаторы для обозначение термина «кастеллион» прибегают к понятиям «châtelet», а также «fortin» и тому подобной терминологии, напр., см.: [32, p. 183; 47, p. 216; 42, p. 151, 245, 253]). Это отмечает и сам К. Смирлис, говоря о том, что речь идет о «башне с укрепленной окружностью» («a tower with a fortified circuit») [135, S. 193].

Автору этих строк остается непонятным, почему греческий исследователь упустил из виду подробное сообщение Прокопия Кесарийского, который в своем известном трактате «О строениях» описал реконструкцию городского укрепления. Тогда верхние ярусы его башен («пиргов») были защищены дополнительной куполообразной каменной кладкой, своего рода «аркадами» («λίθων ἐπιβολαῖς τεκτηνῶμενος курτώμασι γεγонуῖαις

θόλων»). Для обозначения вновь воссозданных укреплений историк Юстиниана использовал термин «πυργόκαστέλλον» («пиргокастеллон»), пояснив, что «кастеллами» («καστέλλους») называются укрепления («τὰ φρούρια») на латинском языке» (Procopii Caesariensis De Aedificiis Libri VI. II. 5.6–9) [130, p. 62.16–25]. Объяснение содержания этого термина, безусловно, создает предлог к последующему осмыслению содержания средневековых византийских описаний. Они, помимо всего сказанного, ведут современного ученого к пониманию того, что во многих случаях, наверное, пирг воздвигался не изолированно, а предполагалось его соединение с примыкающими к нему иными оборонительными сооружениями, как показал Прокопий, посредством крепостных стен ([103, p. 32]; также см.: [128, p. XXIX]). На славянском языке, как известно, подобная «окружность» называлась «ограда», «оградь», иначе «городь» или «градь»! Значения этих понятий не ограничивались экивоками на «забор» с греческими лексическими прототипами «περίβολος» или «φραγμόν», а обозначали также «загороженное место», «город», «град», то есть «τείχος» и даже «крепость» ([24, ст. 608–610]; ср.: [22, ст. 555–557, 575–576; 23, ст. 1351–1352; 4, с. 125; 11, с. 122 и дал.]; также см.: [28, с. 13–14]).

Косвенно такое понимание изучаемого термина подтверждает описание тропы, которая «кружит внутри кастеллиона» (букв. «περιλαμβάνει ἐντὸς τὸν κάστέλλον») [38, № 20.36; № 21.19, 38; № 22.26; № 25.12–13]. Кроме того, нельзя не принять во внимание также еще один документ, так или иначе приписываемый Иоанну VII Палеологу, согласно которому предусматривается натуральное и денежное обложение «ради охраны кастеллия и остальных пиргов» («ἕνεκεν τῆς φυλάξεως τοῦ καστέλλου καὶ τῶν λοιπῶν πύργων») [53, № 45/6-II.13–14]. Исходя из сказанного оправданно толковать изолированные упоминания названного укрепления в документах XII–XV вв., относящихся как к материковой части страны [47, № 52.184–185; 42, № 81.A.81; № 81.B.76; № 105.20–21; № 107.7–8], так и к Лемносу, где упоминается «заброшенный кастеллион» («τὸ ἡμελημένον... καστέλλιον») [35, № 126.12–13; № 136.62; № 139.60] и «палеокастеллон» («παλαιόκαστέλλον») [35, № 126.3;

№ 127.7, 12, 18] и касающиеся их краткие реплики [35, Append. XVI.1–2]. Это понимание оправданно распространить и на инвариант термина «κάστρος», употребляемый на Лемносе [38, № 20.35–36; № 21.18–19, 37–38; № 22.25–26; № 25.12–13]. Реалистичность этих наблюдений над «кастеллион» отчасти удостоверяет византийская периферия, в частности, поземельные описания в венецианских владениях на Крите, где встречаются упоминания «castello», которые, надо подчеркнуть, не отождествляются непосредственно с региональными крепостными сооружениями ([153, № 1.1, с. 302, 304, 307]; о системе средневековых крепостных укреплений на Крите подробнее см.: [136, р. 101–114]). Показательно, что подобного рода укрепления, будучи построены в монастырских имениях, несмотря на их, вероятно, ветхое состояние, что можно предполагать при использовании обозначения «палеокастеллон», продолжали использоваться и в целях защиты, и для проживания зависимых работников ([35, № 127.5–8, 17–19 etc.]; также см.: [34, Append. II.66–67, 68–69; Append. XI.33–35; Append. XVI.1–2]). Что же касается собственно византийских пределов, то характерно завещание великого примикирия Иоанна 1384 г., сообщающего о построении военачальником на острове Тасос пирга и крепости-«φρούριον», населенных местными жителями, что подтверждает своим актом патриарх Нил [38, № 10.16, 20–21, 45–46; № 11.5–7].

Установить разницу между названными видами укреплений довольно трудно, так же как и различия между укреплениями «φρούριον» и «κάστρον»: указанные обозначения взаимозаменяемы по определению (напр., см.: [141, р. 282]). По всей видимости, приводимые понятия прилагались к различного типа оборонительным сооружениям без строгой терминологической точности, сами же защитные укрепления, в свою очередь, обладали какими-то отличиями, обусловленными замыслами их заказчиков и строителей, качественными особенностями строительства, складками местности, в которой они возводились, и тому подобными обстоятельствами. По совершенно справедливому замечанию одного из современных медиевистов, каждое общеизвестное из «обозначений места»

(«place-names») типа «castrum», «castellum» и других обретает свое содержание в качестве отсылки на город или деревню в зависимости от локальных условий использования данных понятий [76, р. 86 etc.]. Именно к такому пониманию проблемы фактически склонялись, надо признать, именитые соавторы и оппоненты Ж. Лефора, когда они в стремлении выявить различия между городами средневековой Южной Италии и Византии на рубеже 80–90-х гг. вернулись к ранее прошедшей дискуссии о сути византийских городов и укрепленных сел, известных под обозначениями «кастра» [116, р. 30–31 etc., 33–37]. И хотя выводы французских специалистов на этот счет не обрели отчетливых очертаний [116, р. 60–62; 115, р. 83–88 etc.], продолжение обсуждения вопроса о «кастра» и тому подобных обозначений укрепленных городских центров выводят ученых к вполне ясно сформулированным методологически принципиальным положениям о функциях и исторической роли средневекового города в его сравнении с селом [116, р. 37–41 etc., 46 etc.]. Но даже хрестоматийные методологические выкладки, в свою очередь, не позволяют ответить на вопрос о том, какое из названных видов византийских укреплений в наибольшей степени соответствовало западноевропейским «замкам», укрепленным строениям, которые совмещали в себе оборонительные функции и служили для проживания (подробнее см.: [10, с. 68–72]). Надо сказать, что в последние десятилетия византинисты достаточно часто прибегают к названному «западноевропейскому», если так уместно говорить, термину, обозначая, как правило, без каких-либо пояснений, крепостные сооружения как «замки» (напр., см.: [89]; также см.: [80, р. 116; 63, р. 504, 506, n. 72, 507–509, 513, n. 174; 79, р. 604; 78, р. 617; 133, р. 624–627; 96, р. 639–640]). К слову сказать, так сделал еще Г. А. Острогорский [15, с. 227]. Однако современному специалисту надлежит понимать, что за подобной метонимией стоит вся многостолетняя история влияния византийской фортификационной архитектуры на западноевропейские замки, которое приняло особенно наглядный вид в эпоху крестоносцев (подробнее см., напр.: [76, р. 62 etc.; 51, р. 21, 27–28; 103, р. 25–34]; также см.: [128, р. XXIII etc., esp. р. XXVIII etc.]). С точки зрения же

решения проблемы укрепленного средневекового византийского селения, необходимо помнить о том, что именно на территории таких «замков», за стенами прочих крепостей, будь-то «φρούριον», или «кастра», окрестные поздневизантийские селяне искали приюта во времена участвовавших военных угроз и вражеских нападений [63, p. 508].

Вероятно, некая подобная ситуация, возникшая «из-за нападения врагов», дала толчок конфликту Ватопедского монастыря с «императорскими париками» («οἱ τοιοῦτοι βασιλικοὶ πάροικοι») из хориона Св. Мамы, как указывают издатели уже упоминавшегося судебного постановления 1358 г. Стефана Радина. Названный фессалоникский кефала урегулировал спор крестьян, причиной которого стала стоимость компенсации, как допустимо, предположительно, понимать, за снос их домов и строительные материалы, которые, возможно, были даже использованы для сооружения на подступах к указанному селу укреплений, а именно строительства стены («τοῦ τείχους») с целью организации на выбранном монахами для того месте сторожевого поста («ὕπερ τῆς βίγλας») (подробнее см.: [42, № 111.1–26, esp. ll. 5 etc., 16–20]; о значении термина «вигла» см.: [140, p. 2167]). В результате крестьяне, более 60-ти дворохозяев, получили свою компенсацию [42, № 112], что косвенно говорит о весьма значительном размахе произведенных тогда строительных работ по сооружению фактически новой крепости. В любом случае приводимые данные о крепостных укреплениях в Поздней Византии не оставляют сомнений в том, что расположенные на незначительном удалении друг от друга мелкие крепости, испытывавшие натурализацию экономики, и несмотря на это сохранявшие наименование «κάστρον» [63, p. 501], и близлежащие села образовывали единую долговременную систему.

Пирг. Столь же несомненно, что в Поздней Византии уже не были единичны сельские селения, огражденные стенами и защищаемые иными оборонительными сооружениями. Непрерывные набеги неприятеля – участников феодальных усобиц, нападения пиратов, рейды турок и тому подобное – вызывали настоятельную потребность в защите мирного населения сельских местностей. И как уже показано, там повсеместно возводятся уже

упоминавшиеся «пирги» или так называемые жилые башни – оборонительные постройки, служившие убежищем селянам во дни военных испытаний [101, p. 226]. Собственно говоря, «пирг» (πύργος) [140, p. 1760–1761], как своего рода системный компонент фортификаций населенных пунктов, прежде всего, конечно, городских центров, альтернативный башне-«τὸ ῥῆς» (turtis) или «τὸ ῥσις» наряду с крепостными стенами, известен издревле [114, p. 907–909, esp. p. 907]. Со всей определенностью можно говорить о том, что башни, как и прочие виды укреплений малых форм, – общеевропейское явление, получившее яркое развитие в различных странах эпохи Средневековья [127, p. 7–9]. Это касается и Византии, что подтверждают, помимо всех прочих, свидетельства раннесредневекового византийского законодательства (напр., см.: CJ.I.04.026.Pr. [69]; CJ.VIII.11(12).018.Pr. [69]; NJ.103.Praef.Pr. [70]; B.A.LVIII.12.018 [59]; PT.LVIII.12.018 [158]; SBM.Kappa.035 [137]). Согласно мнению М. Уиттоу, в X–XI вв. пирги, сельские фортификации, которые ученый уподобляет средневековым замкам, были крайне редки, и они, по убеждению специалиста, не образовывали единой «сети» [150, p. 61–62]. В свою очередь, Ж. Лефор, раскрывая оборонные функции пиргов, относит их к особому виду укреплений, число которых заметно возрастает в период XII–XIV вв., в особенности во вторую половину XIV столетия [105, p. 100 etc., 102–103]. В настоящее время системное исследование пиргов проделал, как уже было представлено, К. Смирлис. Ученый выявил не только конструктивные особенности известных афонских пиргов, но и систематизировал данные о них [135, S. 189–205, bes. S. 190–194, 197–203]. Поэтому нет необходимости долго рассуждать об описаниях пиргов в фальсификатах раннесредневековых византийских документов, что само по себе лишь оттеняет значение подобного вида оборонительных сооружений в последующую эпоху, простиравшуюся вплоть до Поздней Византии, поскольку одна из подложных грамот соотносится со временем правления Андроника II Палеолога и указывает на местоположение пиргов в окрестностях Иериссо и в других сельских и городских местностях [44, Append. α).13–14; β).20–21; γ).13–14, 19–20, 41].

По свидетельству современных знатоков региональных достопримечательностей Греции, история сельских селений и сохранившихся там строений восходит к Средневековью. В частности, туристам предлагается посетить такие села на Южном Родосе [12, с. 187]. Конечно, множество древних по происхождению селений известно и в материковой Греции. Но даже там на самом деле, помимо храмов, лишь пирги, пожалуй, единственные гражданские сооружения села, сохранные временем от рассматриваемой эпохи [9, с. 136, 138; 62, р. 652–653; 118, S. 80; 55, р. 314]. Руины пирга можно найти на раскопе почти любого средневекового села [101, р. 181]. В середине XIII в. отмечен покосившийся из-за большого безвременья остов сложенного из камня глинобитного «маленького пирга» («λιθοπηλοκτίστου πυργίσκιου») на побережье Афонского полуострова, который принадлежал заброшенной к тому времени святогорской обители [33, № 2.25]. В подобных случаях нередко ветшали и сами пирги, о чем говорят, к примеру, упоминания в поздневизантийских актах и поземельных описях сельского «разрушенного пирга» («πύργος κεχάλασμένος») [30, № 9.48] или просто сельского «старого пирга» (букв. «τὸν παλαιόπυργον») [35, № 108.739].

Разумеется, из-за угрозы вражеских нападений пирги в сельских селениях сооружались и в предшествующие столетия византийской истории, в особенности, если указанное обозначение дополняет атрибутив «старый», предполагающий сохранение останков не просто старого, а заброшенного укрепления (напр., см.: [46, № 4.49, 54–55; № 29.11]; также см.: [47, № 39.19; № 52.434–435]). В то же время возводились и новые башни. Достаточно указать на образное свидетельство «Типика» Григория Пакуриана. Здесь рассказывается о необходимости сооружения пирга на холме вблизи странноприимного дома (ξενοδοχείου) названного монастыря. По всей видимости, имеется в виду монастырская богадельня в хорионе Стенимаху, описание которой приведено в предшествующих разделах типика. Тут же однозначно объясняется предназначение намеченного к постройке пирга: «...если случится здесь некий страх, в пирге сторожить, когда бы пришел некто из чинящих насилие

(«τὸν βιάων»)), не настигла б его длань» ([144, р. 230.1–3]; см.: [144, р. 228.5–22 etc.]; также см.: [26, с. 200–201]). В поздневизантийский период пирги возводили как дополнительные к крепостям оборонительные сооружения. В частности, при создании оборонительного рубежа на полуострове Кассандра в начале XV в. один из пиргов был восстановлен вместе с крепостной стеной на старом фундаменте к тому времени разрушенного укрепления [44, № 28.12–14].

В этой связи уместно напомнить о том, что последнюю осаду Константинополя, завершившуюся в мае 1453 г. его окончательным падением, турки начали со взятия отчасти штурмом, отчасти измором размещавшихся в столичной «хоре» пиргов, где искали спасения занятые своими «делами» «деревенские мужики» ([102, р. 149.8–11]. Об оборонительной системе средневекового Босфора и сооруженных там «башнях» подробнее см.: [54, р. 91–100]). По всей видимости, описанная ситуация сама по себе отнюдь не являлась из ряда вон выходящей. По крайней мере, некоторые сведения о пиргах, допустим, Дохиарского монастыря, позволяют предполагать о размещении там именно крестьян, как это подтверждается сообщением о «крепостице» Равеникии с расположенным там пиргом, париками и «элеветрами» [32, № 25.5–7 etc.]. Равным образом в 1338 г. Ксенофонов монастырь населил зависимыми крестьянами один такой пирг в Псалидофурна [43, № 25.96 etc.]. Эти сведения подтверждаются хрисовулом 1352 г. Стефана Душана, согласно которому в монастырском пирге нашлось место для чужих (ксенопариков) и собственных париков (ἰπαροίκων), а также так называемых проскафименов [43, № 29.11–12].

Подчас подобные укрепления в некоторых документах, в частности, типике Менекейского монастыря Иоанна Продрома в Серрах, получают обозначение «кула», заимствованное из турецкого языка: «κουλάς» ([111, Append. I.22, р. 176.32–35]; также см. вкладную запись XIV в.: [111, Append. VIII, р. 193]). Как это укрепление характеризует Р. Фолк применительно к актам названного монастыря – «Art Bastion» [149, S. 254, Anm. 983]. По всей видимости, приведенное турецкое обозначение получило заметное распро-

странение на Балканах поздневизантийского времени, что подметил Г. А. Острогорский [15, с. 227]. Прямым подтверждением тому служит «Законник» Стефана Душана, где в статье о «градозидании» упоминание «кулы» сочеталось с обозначением «град» (ст. 127) ([5, с. 196]; там же см. комментарий; также см.: [25, с. 54–55, 126–127]). Кула приравнивается и западноевропейскому «донжону», и греческому «пиргу», и прочим укреплениям подобного типа ([20, с. 340–342]; также см.: [19, с. 164; 7, с. 513; 16, с. 62–63]). Однако турецкое по происхождению заимствование даже в последний период существования Византии не могло вытеснить греческого термина, что наглядно подтверждают документы названного монастыря, включая его типик. Там встречается используемое для обозначения укрепления, где монастырский игумен собирался возвести церковь, также понятие «пирг» [111, Append. I.22, р. 176.41–43, 47–48]. Точнее говоря, в документах Менекейского монастыря первой четверти XIV в. сообщается о «великой башне» (τοῦ μεγάλου πύργου), рядом с которой на близ протекавшей реке была сооружена мельница. Это позволяет предполагать, что «великий пирг» Серр, который А. Гийу, издатель актов, идентифицирует как «крепость», стал средоточием хозяйственной жизни в окрестностях города [111, № 9.22; № 10.24]. В свою очередь, акт 1339–1342 гг. упоминает «пирг» св. Николая с рядом расположенным садом. В то же время локализация этого пирга свидетельствует, что он неразрывно связан с «крепостью» Серр, составляя неотъемлемую его часть как один из компонентов обширного городского социально-экономического комплекса [111, № 35.7–19 etc., esp. ll. 12–13]. Одновременно в том же акте имеется ссылка на еще один «пирг», по всей видимости, в одном из пригородных метохов Менекейского монастыря, который был сложен, как уточняется, из плинфы (τοῦ πλινθοκτίσθου πύργου) рядом с жилыми домами и другими хозяйственными объектами [111, № 35.54–61 etc.]. Здесь можно сразу же повторить, что нередко пирги возводились в ближайшей округе городов, как это подтверждает практик 1338 г. Константина Макрина, зафиксировавшего пирг, который, по всей вероятности, служил для защиты мельницы в метохе Ватопедского монастыря

под Христуполем [42, № 82.9–10, 13–14, 60]. В указанной связи обращает на себя особое внимание дар монаха Арсения Цамплакона Ватопедскому монастырю, сделанный в 1356 г., когда этот представитель достаточно знатного рода завещает афонской обители наследственные имущества, в том числе родовое имение («τοῦ κτῆμας μου κτήμα») в одном из пригородов Фессалоники [42, № 107]. Притом завещатель сообщает о том, что им и его родными высокопоставленными братьями там на паях был отстроен пирг, половина которого, как и всего имения, в дальнейшем принадлежала Арсению [42, № 107.11–24, esp. ll. 21 etc.].

В конечном счете само слово «пирг» в последние столетия существования Византии становится синонимом обозначения сельских и пригородных «имений», возникающих там поселений или поселков и используется в качестве их собственных названий. При этом было бы недостаточно указать на пирг Лавры Афанасия в Иериссо, который с конца XIII в. поставлен в один ряд с другими землевладениями и хорионами монастыря «вместе со его правами» ([35, 89.101–102; 36, № 118.94–95]; также см.: [30, № 9.46–48 etc.]). Показательны сведения документов рубежа XIII–XIV вв., в которых упоминается «эконом пирга». Иначе говоря, идет речь о своего рода хозяйственных усадьбах, находящихся под эгидой монастырских управляющих, которые занимались скупкой земли. В одной из таких усадеб хозяйственную активность проявил «эконом пирга» («ὁ κωνόμος τοῦ πύργου» – sic!) монастыря (метоха) Ксеропотаму (напр., см.: [41, № 42.1, 3–4]). Другая усадьба, принадлежавшая Лавре Афанасия, выступала под названием «Пирг». В этом имении, ставшим местом средоточия экономической деятельности названного монастыря, приобретающего близлежащие земельные участки, как выясняется из купчей, отмечена причастность к тому «эконома Пирга» («ὁ κωνόμος τοῦ Πύργου») (напр., см.: [35, № 87.7–10; № 88.7–9]). Наряду с тем в поземельной описи Лавры Афанасия 1321 г. выделяется отдельно землевладение «Пирг» [35, № 108.697–714], а также известен земельный клин («τμήμα») в местности «Пирг», описанный в 1324 г. апографевсом Георгием Фарисеем в Ермилее [35, № 114.5–32]. И типик монастыря Богородицы «Твердой Надежды

(τῆς Βεβαίας Ἑλπίδος)» первой половины XIV в. в ряду владений, полученных монахинями от основателей и вкладчиков этого монастыря (подробнее см.: [149, S. 255–265]), называет половину «имения» (κτῆματος), которое идентифицируется, будучи «прозванным» (τοῦ οὕτω πῶς ἐπικεκλημένου) «Пирг» (ἡ Πύργος), тогда как прочие «имения» и имущества атрибутированы по их расположению на территориях окрестных хорионов [42, № 79.15–16].

В то же время один из актов Ватопедского монастыря, не идентифицируя по названию некий пирг на полуострове Кассандра, позволяет утверждать, что это укрепление находилось на границах землевладений афонских монастырей [42, № 79.15–16]. Но само по себе отмеченное обстоятельство вовсе не означает того, что примыкающая к «жилой башне» территория, как бы ее не обозначали, будь то «периохи», «топотесия» «пирга» или иным образом, согласно документальным свидетельствам, при хозяйственном ее использовании не уподоблена неким имениям или усадьбам, где налаживается сельскохозяйственное производство, например, возделываются виноградники (напр., см.: [42, № 84.1–2 etc., 9 etc.]). Сообразно тому, скажем, в хрисовулах 1346 и 1348 гг. Стефана Душана сопоставлено в одном ряду «все принадлежавшее» Ватопедскому монастырю, а именно в том или другом варианте «имения» («κτῆματα»), «метохи» и «пирги», равно как вслед за ними описаны и расположенные там «хорионы» [42, № 93.11 etc.; № 97.6 etc.]. При этом сербский правитель добавляет к их общему перечню и построенный названным монастырем пирг в хорионе метоха Св. Георгия, очевидно, с целью подтвердить права монастыря на село, которое ранее принадлежало стратиотам Варваринам ([42, № 97.8–9]; также см.: [42, Append. VI.7–11 etc.]; о Варваринах подробнее см.: [123, p. 360–363]). В свой черед, в акте 1409 г. приводятся указания на пирги, воздвигнутые на принадлежавших Дохиарскому монастырю территориях сел Халкидики, а именно Перигардикей, Ермилия и Калокампу (Диаболокампу). Там обозначение «пирг» по существу замещают термин «хорион», который прилагался к селу Мариана (Амариана) [32, № 53.2–5]. И соответственно перечни поселенных в «жилых

башнях» монастырских крестьян вместе с членами их семейств и подсчетами уплачиваемых налогов и податей фактически ставят пирги в один ряд с собственно господскими имениями и хорионами, куда власти разрешали дохиарским монахам привлекать новых поселенцев из соседних областей [32, № 53.5 etc., 31–33].

Не потому ли иногда «меж афонских монастырей», как показывает акт прота Иоанна 1288 г., возникали целые «баталии» за право обладать пиргом и обустривать рядом с ним свои подсобные хозяйства? [30, № 11.10–17 etc.] Так, в конце первой четверти XIV в. монахи Ксенофонтского монастыря, стремясь получить равноценное возмещение за утраченный ими ранее свой метох, выдвинули соответствующие требования афонскому проту Исааку со ссылкой на акт 1089 года. Здесь стоявший тогда во главе Святой горы прот Павел отметил, в частности, изъятие у ксенофонтов их метоха вместе с пиргом, который некогда построил там настоятель и прот Герасим в соответствии с постановлением василевса Никифора III Вотаниата ([43, № 18.11–16]; ср.: [43, № 1.136–141]). Как и в те далекие времена, в поздней Византии пирги строили по решению будь то центральных или местных властей и крупных земельных собственников, в особенности монастырей [99, p. 162–163]. Именно они в первую очередь бывали озабочены защитой своих владений и хорошо налаженных хозяйств. В этой связи, наверное, нет нужды описывать подробно возведение во второй половине XIV в. «большого пирга» Кутлумушского монастыря на средства правителей Угровлахии [33, № 29.16–18 etc.; № 30.35–38 etc.]. Ведь они наряду с «жилой башней» по политическим соображениям поддерживали и построение целой крепости [33, № 26.3–5, 15–16, 53–57; № 29.15–16 etc., 21–22, 22–25, 55–56, 59–60; № 30.39–41 etc., 44–50 etc., 112–116 etc., 125–126].

Если же рассказывать не о столь масштабных сооружениях, то оправданно указать на строительство пирга в монастырском метохе, расположенном в хорионе Св. Маманта на Халкидике [126, p. 156], который был возведен, по всей видимости, в первые десятилетия XIV в. париками метоха («ἀντιγέρθη παρ' αὐτῶν») [41, № 68.43–45]. Впоследствии этот факт не только был подтвержден в 1338 г. сведе-

ниями практика Константина Макрина, но и дополнен данными о построении «сызнова» («νῆστί») силами Ватопедского монастыря еще одного пирга в метохе Св. Димитрия [126, р. 155–156], который был заселен проскафименами, тогда как поселенные к тому времени в хорионе Св. Маманта названы париками [42, № 81.А.7–9 etc., 53–65 etc.; № 68.В.43–45 etc.]. Здесь, неподалеку от пирга Св. Маманта, как выясняется позже, находились земельные владения и светских представителей господствующего класса, которые со временем перешли Ватопедскому монастырю [42, № 130.6–9 etc.]. С точки зрения принципов обустройства внимание заслуживает пирг Ксенофонтского монастыря, воздвигнутый его насельниками «на большой укорененной (ριζημέαν – sic!) скале» [45, № 24.21–22]. Несомненно, даже если документы не говорят об этом прямо, афонские отшельники стремились разбить свой виноградник и построить скит «вблизи», то есть под прикрытием пирга ([31, № 7.3–5]; также см.: [33, № 15.93]).

Без сомнения, сооружение даже самых простых по своим конструктивным особенностям «жилых башен» являлось довольно сложной технической и весьма дорогостоящей задачей, вероятно, почти всегда требовавшей привлечения профессиональных строителей. Это следует из предъявленного в середине XIV в. заказчику, по всей видимости, Ватопедскому монастырю, счета со стороны уже упоминавшегося в связи с возведением крепости-«φρούριον» в Семалту монаха Петра, за расходы по сооружению там пирга. Основу расходов составляли выплаты остающимся неназванными в платежном документе строителям – «мастерам» и «протомастеру» («πρωτομάστορα») (подробнее см.: [42, № 99.1–3 etc.]; ср.: [42, № 100]). Независимо от того, подразумевается ли в указанном документе под «пиргом» действительно «жилая башня», или все же крепость-«φρούριον», удорожанию строительства в данном случае способствовала необходимость обращения мастеров-строителей в железоделательные мастерские, где изготавливались металлические ворота и гвозди в количестве 900 шт. «больших» и 700 шт. «сферических» [42, № 99.4–6]. Потребность в них вызывало, судя по всему, сооружение деревянных конструкций, на-

верное, внутреннего интерьера и чердачных помещений, что в их совокупности, очевидно, нельзя считать неквалифицированной работой.

Тем не менее, зачастую возникавшие угрозы пробуждали инициативу местных монастырей в их имениях возводить или обновлять пирги на собственные средства – «ради сторожи и крепости», как говорят документы Дохиарского архива ([32, № 21.20–21 etc.; № 43.7–10; № 44.7–8]; также см.: [33, № 9.23–26, 28–29, 30–36; 43, № 27.10–11 etc.]). С той же целью, скажем, монахи монастыря Дионисия в начале XV в., задумав возобновить на полуострове Кассандра палеохорион Мариский, планировали начать с возведения там пирга, который, будучи построен по побуждению василевса за счет собственных расходов, служил бы для защиты и поселения там земледельцев [31, № 13.3–6, 10–16; № 17.3–5, 6–8 etc.]. Строительство этого пирга, по всей видимости, было сопряжено или, по крайней мере, совпадало по времени с восстановлением в указанный период, что уже отмечено, укреплений на полуострове Кассандра. Во всяком случае возведенная там крепость упоминается в акте 1421 г., касающемся землевладений названного села [31, № 20.13–14, 19, 29, 34–37]. Порою сооружения такого рода устраивали на морском побережье, откуда его жителям нередко угрожали нападения пиратов. Готовясь к отражению врага, возведенные пирги использовали, как сообщает в 1362 г. дарственная Михаила Иераки, в качестве складских помещений, по всей видимости, для хранения товаров или запасов продовольствия [33, № 24.14]. В частности, заключенное в 1422 г. соглашение между монахами Алипийского и афонского Пантелеймонова монастыря о совместном использовании гавани и причала для монастырских судов, предусматривает хранение товаров на складе и остановку в жилых постройках под прикрытием близ возведенного пирга, который служил защитой торгового подворья от возможного нападения турецкого флота [40, № 19.8–15].

В то время жилые башни стремились размещать вдоль важнейших путей сообщения ([55, р. 317, 318]; также см.: [122, р. 133]). Благодаря этому пирги становились «ключевыми точками» практически всех описаний территорий крупных землевладений и сель-

ских населенных пунктов с ведущими к ним дорогами и расположенными там хозяйствами (напр., см.: [29, p. 148; 41, № 14.51–53; № 14. Delimit.20–23; 42, № 81.A.23–24, 37–38; № 81.B.10–11; № 97.8–9; 3, № 18.26–28; 48, № 62.5–6, 7–8; № 70.204–205, 256; № 75.323–324, 386–387; № 79.304–305, 375–376; 49, № 86.210–211; 45, № 14.217–218; 32, № 27.4–5; № 28.20–21; 43, № 12.26; № 13.89–90; № 25.15, 24, 31–32; Append. I.9; Append. II.46]). Скажем, в хорионе Иериссо, где, вероятно, за столетия был построен далеко не один такой пирг, в начале XIV в. выделялась «жилая башня» Лавры Афанасия (см.: [45, № 10.24]), позднее – пирг, который размещался в метохе Ивирского монастыря [49, № 88.17–18]. К числу важнейших поместных укреплений, наверное, следует отнести и пирг в переданном во владение Мануилу Тарханиоту и его сыну Иоанну хорионе Лоротон [36, № 149.2, 10–11, 18]. А строительство «жилых башен» во владениях Ватопедского монастыря, как это было показано, к середине XIV в. сделало большую часть его многочисленных метохов, где отмечены семь пиргов, своего рода узловыми элементами системы оборонительных укреплений (см.: [42, № 108.13–17, 18–21]). Обладание ими для Ватопедского монастыря, безусловно, было настолько значимо, что монахи названной обители воспользовались подложным хрисовулом Иоанна V Палеолога для того, чтобы закрепить свои права на метох Просфорион вместе с выстроенным ими здесь пиргом (см.: [42, Append. IV.3–7 etc., 21–23 etc.]).

В то же время, как и на материковой части страны, нарастают практически сопоставимые тенденции на островных территориях Византии. Так, видимо, развивались сельские селения на Лемносе, где еще в середине XIV в. Ватопедский монастырь сооружает на собственные средства пирг в селе Мудру, как сказано в акте 1359 г. великого стратопедарха Георгия Астра, «во крепость» («εἰς ἀσφάλειαν») здешнего хориона» [42, № 114.17 etc., 25]. Получив поддержку со стороны власти, монастырь был объявлен полным собственником названного хориона, а строительство пирга там компенсирует предоставление налоговых изъятий и права селить здесь местных островитян и проскафименов [42, № 114.34–43 etc.]. Спустя несколько лет,

в 1366 г., принятые решения подтверждает своим актом преемник названного выше савонника, Михаил Астра Синадин. Он сразу же отмечает сопряженность построенного ранее на Лемносе пирга Ватопедского монастыря с прочими «топосами и крепостями» на острове. А далее, опираясь на ранее жалованные простагмы и другие документы, Михаил Астра подкрепляет право монастыря на земельные владения на Лемносе, включая земельный клин, примыкающий к пиргу в хорионе Мудру, а также поименно указанных в грамотах париков [42, № 125.4–9 etc.]. Сообразно тому через два года составитель практика Ватопедского монастыря, касающегося его владений на Лемносе, отмечает уже отстроенный пирг монастырского метоха Мудру. Прежде всего внимание обращено на проживавших здесь, в построенных рядом с пиргом домах, проскафименов: они перечислены подворно, и предусматривается возможность привлечения монастырем новых крестьян различных категорий [42, № 128.4–5 etc., 44–46 etc.].

Равным образом на Лемносе в конце XIV в. монастырь Пантократора возводит пирг, куда по решению властей надлежало селить как «собственных людей» обители, так и чужаков-«ксенов» и «неизвестных казне»-«анепигнотов». Как следует думать, укрепление, получившее название Ано Хорион, размещалось на побережье в окрестностях села Еписперагос (Песпирагос) [38, № 20.5–9, 32–33, 51; № 21.2–3 etc., 12–13, 17, 31–32, 36; № 22.19–21, 24]. Согласно составленной позднее копии поземельной описи рубежа XIV–XV вв., пирг Ано Хорион фактически превращается в небольшой поселок [38, Pant. Append. Passim.]. Этот пирг был известен, по крайней мере, вплоть до последних десятилетий существования византийской власти [38, № 25.6–7 etc., 10]. Аналогичная ситуация, по всей видимости, прослеживается в хорионе Контовраки во второй четверти XV в., где существовал «старый пирг» (παλαιόπυργον), куда его владелец, Ивирский монастырь, получил разрешение заселить париков, перевезенных из континентальной Греции [49, № 99.5–10, 12 etc.].

В свою очередь, составленное в последней четверти XIV в. завещание великого примикирия Иоанна и относящиеся к тому

свидетельства других документов, касающихся пирга, построенного названным военачальником в прибрежной зоне («περὶ λεγόμενον Μαρμαρολίμνα») острова Тасос из-за угрозы повторявшихся турецких нападений, показывают, что этот пирг стал дополнительным укреплением наряду со стоящей там же крепостью, буквально, выражаясь языком воинского командира, «τὸ φρούριον». Она предназначалась защищать воздвигнутый поблизости храм, прочие жилые и хозяйственные строения и окрестные селения, связанные между собой локальной дорожной сетью, которая превращала описанные «фортификации» в единую оборонительную систему [38, № 10.16, 20 etc., 33, 34, 45–46; № 16.20 etc.; № 17.45–46].

Одновременно в поздневизантийской деревне происходит воссоздание прежних, разрушенных врагами, или даже закладка новых более сложных фортификационных сооружений [40, № 13.1–8]. Скажем, известно, что с предшествующего времени доселе хорион Гомату был окружен крепостными стенами, в черте которых находились дома части жителей [156, σ. 223]. Помимо этого факта вызывает интерес предыстория строительства крепости в хорионе Комитиссы (подробнее см.: [55, p. 316–317]). В конце первой четверти XIV в. афонские монахи просили выделить им земельный участок на территории названного села, чтобы заложить крепость для охраны окрестностей. Подходящее место было выбрано неподалеку от монастырского метоха на неудобьях – каменистых, остававшихся по сию пору непаханными землями – в стороне от хорафиев и виноградников париков Ивирского монастыря, проживавших в том селении. В конечном счете прошение монахов было удовлетворено сполна и им отвели два надела. Один из них предназначался для строительства крепости, где резервировалось место для усадьбы Ивирского монастыря и его крестьян, а на другом – был размещен поселок с обслуживающим оборонительное сооружение людом [48, № 82.1–13, 42–53; № 83.1–10, 14–18, 23–29]. С указанного времени крепостные стены могли защищать даже относительно небольшие селения, а наличие в них укреплений, как говорилось, уже не всегда вызывало специальное внимание. Допустим, Иоанн V Палеолог, утвердивший в хрисовуле

1353 г. передачу хорионов Анциста и Веникия Пантелеймонову монастырю, умолчал о воздвигнутых здесь оборонительных строениях, тогда как через двадцать два года наследник прежнего владельца этих сел, признав свершившийся факт, характеризует второй из названных населенных пунктов как «старую крепость» (παλαιόκαστρον) ([40, № 15.4–5]; ср.: [40, № 11.11–14]).

В результате в сельских местностях разветвляется система укреплений в качестве оборонительного рубежа целого региона, в которой сельское поселение могло занимать соподчиненное, но, вместе с тем, иногда немаловажное положение. В связи с этим уместно вспомнить эпизод из «Истории» Иоанна Кантакузина, где описан рейд турок 1343 г. в районе Фессалоник. Тогда ими были уничтожены два села-«комы», обнесенные крепостными стенами и с сооруженными там пиргами [92, p. 392.19–20]. Ту же самую картину рисует «Хроника» Псевдо-Франдзи применительно к Пелопоннесу накануне его падения под ударами турок. Столицу полуострова окружали пирги, возведенные как в близлежащих «комах», так и непосредственно в сельской местности, о чем хронист сообщает, прибегая к буквальному выражению «в полях» (ἐν ἀγροῖς) [131, p. 382.2–4].

Именно значимость пиргов в качестве оборонительных укреплений была, по всей видимости, хорошо ясна для современников их сооружения, и потому, как в отношении крепостей, обозначения «Пирг» или «Старый пирг» («Παλιόπυργος»), – это было уже не один раз отмечено, – с давних пор быстро превращались в названия прилегающих местностей и селений, где еще сохранялись, наверное, остовы прежних укреплений. В таких случаях фактически речь идет о местности окрест Иериссо ([41, № 14.37–38 etc.; № 14.Delim.3–6 etc.; 44, № 18D.I.7–8]; также см.: [41, № 34.5–6; № 37.2–4; № 43.2, 10–11, 25–26, 36]) или каком-то еще поселке (напр., см.: [41, № 14.52–53; № 14.Delim.22–23; 44, № 16.138]), или его части, скажем, «периихи Филантропу, что нарицаем Палеопиргу (τὸ λεγόμενον Παλιόπυργου)» на Кефалинии [160, II. 182–183]. Равным образом следует вспомнить и о «топотесии Пирга» в предместье Фессалоники Калокаиридов, как его

обозначил составитель документа 1341 г., тогда как за пару лет до этого в аналогичном акте речь шла всего лишь о «периохи» и «топотесии» заурядно обозначенного пирга (напр., см.: [41, № 87.1, 4–5]; ср.: [42, № 84.1–2, 9]). Сообразно тому, на полуострове Кассандра топоним «Пирг» естественным образом возник, вероятно, не без оглядки на древние укрепления, что зафиксировал акт, содержание которого возводится ко временам эпопта и анаграфевса Фессалоник, императорского протоспафария Фомы (X в.) [34, Appen. V.8–9]. Впоследствии, логично предположить, так же стали именовать «зимник» («χειμαδεῖον») – временное убежище пастухов [45, № 22.14–15]. А во владениях Вазелонского монастыря в Трапезунде название, весьма похожее на обозначение пирга, получил хорафий, то есть пахотное поле («ὀνόματι τὸ Πυρρήν»), которое было расположено, по всей видимости, на каком-то участке местности ([27, № 104.35]; ср. [27, № 16.7]).

Здесь проявляется принцип преемственности, своего рода ретроспективы человеческого сознания. Он действует не только в отношении топонимов, воспроизводящих обозначение пиргов, но и связанных с ними укреплений «кастеллион». Достаточно сослаться на аллюзию указанного укрепления, которая возникает в изысканно утонченной риторической фигуре речи афонского прота Иоанна, воплощенной в акте 1169 г., посвященном восстановлению одного из монастырей: «кастеллоειδῶς περικλυσθῆναι» [40, № 8.16–17 etc.]. Самое же обозначение «кастеллион» в том или ином виде становится названием местностей и размещающихся там местечек («Καστέλλιον» и их производные) (напр., см.: [41, № 15.229–230, 232]). Так, на Имбросе схожим образом назван монастырский метох («Καστελινόν»), который находился рядом с местной крепостью [36, № 138.6–7 etc.]. Благодаря раннесредневековой традиции придерживающийся ее составитель одного из документов с описанием лаврского метоха Гомату на Лемносе отмечает вкуче выразительные сами по себе топонимы, подразумевающие существование на острове оборонительных укреплений «Кастелион» и «Пирг» («τοῦ Καστελίου καὶ τοῦ Πύργου»), а затем еще и «Кастри» («Καστρί») [34, Appen. II.66–67

etc., 70]. Более того, если название «Пирг», согласно тому же документу, могли присвоить монашеской келье в Карее, в Протате (см.: [34, Appen. II.77–78]), то сразу же нужно отметить, что ранее здесь действительно был сооружен «пирг кельи» («τὸν πύργον τοῦ κελλίου»), который вскоре объявлен афонскими монахами неколебимым оплотом «не только» Протата, а даже «всей Святой Горы», «фрурион» («φρούριον»), когда приводимое понятие, по всей вероятности, обретало переносное значение и символический смысл наравне с использованным тут же понятием «крепость» («ἀσφάλεια») [42, № 132.4 etc.; № 153.12–13, 19–21 etc.].

И нельзя умолчать о том, что указанная топонимика была воспринята славянами, как доказывает средневековый перевод хрисовула Андроника II Палеолога 1308 г. о пожаловании хиландарскому монастырю «места» Хрусии «εἰς τὸν Πύργον», что подкрепляет даже название этого документа ([8, № 109.19, 23, 24–25]; ср.: [8, с. 405]; также см.: [30, Append. III]; там же указана атрибуция и основная литература). Поистине, градостроительная деятельность Хиландаря по сооружению пиргов, выделяющаяся даже на фоне других афонских обителей, обладала не только оборонительной, но и культурной значимостью (подробнее см.: [6, с. 111 и дал., 141 и дал., 145 и дал., 184 и дал., 210 и дал., 231 и дал.; 1, с. 65, 243, 273]; также см.: [25, с. 134, 546–547]). Безусловно, сведения о том касаются, прежде всего, строительства хиландарского пирга «на море», предназначенного для защиты от пиратов храма Спаса [8, № 99.25–37 и дал.]. Отмеченный факт, в частности, подтверждают три из четырех заметно различающихся рукописных версий хрисовула Стефана Уроша II Милутина 1303–1304 гг. и грамоты последующих лет (ср.: [8, № 104.А.163–164, 166–167 и дал., 172–173 и дал., 186–188, 204–206, 209–210, 212–216, 117 и дал., 229–230 и дал., 241–243; № 104.В.64–64, 67–68 и дал., 72–73 и дал., 85–86, 101–103, 106–107, 109–114, 114–115 и дал., 125–126 и дал., 136–137; № 104.Г.97–98, 99–100 и дал., 103 и дал.]; также см.: [8, № 121.А.25–26, 35, 36–39, 55–56, 60 и дал., 62–64 и дал., 66–67 и дал., 73–74 и дал.; № 121.Б.18–19, 28–29 и дал., 37 и дал.; № 122.А.5–6; № 122.Б.6; № 131.69–70;

№ 143.16–17, 30–31 и дал.)). Объяснение тому, в общем-то говоря, лежит на поверхности: «пирги», «жилые башни» и тому подобные оборонительные сооружения в Средневековые становятся не просто общевизантийским архитектурно-строительным компонентом, а, как показывает названный хиландарский пирг, социокультурным явлением. Именно это подчеркивает характеристика названного пирга: «*σтол'п велик и тверд*»! [8, № 121.А.25; № 121.В.18–19] В пользу сказанного неоспоримым аргументом служат и прочие многократные свидетельства славянских актов, где там и здесь упоминаются «пирги» (напр., см.: [8, № 73.22–23; № 90.А.40; № 90.В.39]). Более того, сведения о них достаточны для внесения коррективов в проделанные наблюдения над византийскими актами ([8, № 23.В.46–48]; ср.: [8, № 23.А.В.39–42; 30, № 6.В.39–42]) и выявление аналогий³.

Результаты и Заключение. Общие закономерности. Таким образом, еще задолго до палеологовского периода сельские поселки в Византии начали обрастать башнями, стенами и уподоблялись крепостям, что вполне отвечает процессам, происходившим в Раннее и Развитое Средневековье во многих южных регионах Европы, где возведение укреплений, по сути превращающих село в крепость-«каструм», становится правилом [64, р. 71, 180–181; 132, р. 105 etc.]. Обращаясь к ранее поднятой проблеме укрепления сельского поселения в Поздней Византии, необходимо принять во внимание более широкий взгляд на судьбы сельского селения в странах средневековой Европы, нежели простые заявления о встававших перед жителями сел оборонительных задачах. Достаточно вспомнить, что и в Средиземноморье Раннего Средневековья сельские поселения нередко окружали крепостные стены. По этому поводу Хр. Уикхэм, изучая сельские селения Западно-Римской империи раннесредневекового периода, подметил, что само сооружение вокруг них крепостных стен не означает превращения сел в городские центры, когда укрепления обладают только защитными, а не иными «публичными» функциями [151, р. 59]. И дело не в том, что в «центральный» период византийской истории, как бы скептически не относился к роли средневекового государства в организации

оборонительной системы страны М. Уиттоу, большая часть крепостей-«каструм» принадлежала земельным магнатам и служила целям защиты их «домов» [150, р. 66 etc.]. Даже в таких условиях оборона поселков – вполне публичная задача. В конце концов, это подкрепляют многократные ссылки византийского законодательства на «кастра», которые, правда преимущественно сопоставлены «полису» или иным видам укреплений (напр., см.: NJ.128.C20 [70]; D.XLVII.22.001.Pr. [68] – B.A.LX.32.001.Pr. [60]; CJ.VI.23.031.01 [69] – B.A.XXXV.02.027.Pr. [57]; PT.XXXV.02.025.Pr. [157]; SB.Delta.13.030 [138]; PA.22.023 [129]). В любом случае средневековое византийское право, в сравнении с его древними прототипами, иногда с большей ясностью регламентирует размещение в крепостях воинов-«стратиотов» (напр., см.: D.XLVII.22.001.Pr. [68] – B.A.LX.32.001.Pr. [60]; D.XLI.03.004.Pr. [68] – B.A.L.03.004.Pr. [58]; D.XLVIII.05.016(15).03 [68] – B.A.LX.37.016.03 [60]). Однако оборонительные функции сами по себе не видоизменяют статуса селения. При обсуждении проблем села в Средневековье прежде всего речь должна идти о возрастании ценности земли и обострении соперничества за нее между различными группами населения [74, р. 172 etc.].

А. Е. Лаиу в своем обобщении проблем развития византийского села, отмечая когерентность задач, решаемых медиевистами и византинистами в деле изучения строительства крепостей и укрепления селений в странах Западной Европы и Византии, в конечном итоге считает нужным подчеркнуть отличия этого процесса в Византии на протяжении от Раннего Средневековья к Поздней Византии. Независимо от того, насколько справедливы по существу суждения ученого о выявленных различиях, а именно небольших размерах большинства городских центров в раннесредневековой Византии и малого их влияния на село в условиях ведущей роли государства и правящих кругов господствующего класса, А. Е. Лаиу приходит к заключению о том, что и византийский город, и село видоизменялись (подробнее см.: [100, р. 36 etc., 53]). Нет сомнения в том, что в средневековой Византии и сопредельных с ней балканских странах, как показывает В. Кравари, строительство крепо-

стей и даже простых укреплений в городах и сельских селениях становится тенденцией, обозначившей собою степень необходимой защиты для их жителей на примере развития северо-западного региона Македонии [98, р. 57 etc.]. Действительно, в ту эпоху каждая башня, судя по аргументам Ш. Джерстел, которая указывает на «турму» Китирион (Κητύριον – sic!) на Крите, становилась оплотом для всех прилегающих к ней хорионов ([119, р. 435–436, № 7]; см.: [81, р. 25]). В любом случае, руины оборонительной башни в средневековом населенном пункте предполагают существование там в прошлом серьезного укрепленного поселения [81, р. 15–16, 20]. А само по себе воздвижение оборонительной башни и иных укреплений в сельском селении позволяет сопоставлять его в этом отношении с городским центром [81, р. 21–23]. Такого рода предположение может оказаться вполне оправданным, скажем, в отношении даже какой-либо «старой крепости» («τὸ παλαιόκαστρον»), которую местные жители в округе, предположительно, Рентины [126, р. 235] обозначали по-славянски «Неволани» (Νεβόλανι) ([42, № 122.11]. Ср.: [126, р. 216]).

И потому вовсе не случайны примеры некоторых поздневизантийских сельских местностей и населенных пунктов, в том числе хорионов, для которых обозначение «кастрон» и его производные становятся названием. Ж. Лефор предполагает, что возникновение подобных топонимов обусловлено распространенностью лежащей в основе «реальности» (une realite frequente) [105, р. 100]. Так это было в катепаникии Ермилея, где известен соименный хорион «Кастрон» (напр., см.: [35, № 108.581–582, 585–587; № 109.489–496]; также см.: [35, Append. X.25–26, 28–29; 32, № 10.57]). Сходные проявления обнаруживали себя и в славянской топонимике, о чем можно судить на примере многократно упоминаемого в византийских документах хориона Кастрион («Καστρίον») (напр., см.: [30, № 8.8–9 etc., 13–15; № 10.15–17; № 19.3–5 etc., 11–14; № 20.3–6 etc., 14–15 etc.; № 35.21–22]). У славян это село издавна известно ученым под названием Градец («Градѣцъ») (напр., см.: [14, с. 54; 6, с. 117–118, 217]). Без сомнения, оно восходит к топониму «Градац», который выступал фактически калькой греческого прототипа (о значении топонима «Градац» как

указания на останки позднеантичных или раннесредневековых укреплений см.: [17, с. 124]). Славянский инвариант этого названия вошел в научный обиход вместе с переведенной на славянский язык поземельной описью рубежа XIII–XIV в. ([8, № 91]; ср.: [30, Append. II; 8, № 90.А.5–6, Б.5]), а также благодаря ряду ссылок на подобные тому славянские топонимы других населенных пунктов, включая города и села (напр., см.: [8, № 52.3, 18; № 54.31; № 64.47–48, 59, 63–64; № 125.31b, 33a]; также см.: [98, р. 38, 39, n. 52, 114, 189])⁴.

Наряду с ним нельзя выпустить из поля зрения и топонимы, включающие обозначение «кастрон» в названии, образованном из словосочетания, или в наименовании сложного состава. Такого, скажем, название топотесии «Аидарокастрон» («Ἰδάρόκαστρον»), где находилось имение Лавры Афанасия, расположенное близ хориона Принарион, которое в конце XIII в. было населено проскафименами ([35, № 79.12; № 89.97–101; № 105.4–5; № 112.36–37; 37, № 118.92–94]; также см.: [36, Append. XI.38–39]). И уж не счесть упоминаний в актах топонимов «Палеокастрон» (Παλαιόκαστρον) или даже «Палеон Кастрон» (Παλαῖον Κάστρον). Конечно, это могло быть наименование какой-либо «старой» крепости, древней цитадели городского центра, где под тенью старых стен селились жители и заново теплилась жизнь (напр., см.: [36, № 139.45; 40, № 17.16; 31, № 21.93–94; № 25.22]). Но во многих случаях оно указывало не просто на заброшенное оборонительное сооружение. Скажем, в последней четверти XIV в. великий примикирий Иоанн, составляя свое завещание, описывает на острове Тасос дорогу, ведущую из «Верхней Крепости» («τῶν Ἐπάνω Κάστρον»). Одновременно завещатель упоминает и о пролежавшей тут же дороге в Мега Брахос (Μέγα Βράχος), которая пересекала «Палеокастрон» [38, № 10.23–24]. Так обозначали, по всей вероятности, местности, названия коих сохраняли в веках память о разбросанных повсюду разрушенных крепостных укреплениях (напр., см.: [47, № 50.11, 50; № 53.193, 200; 48, № 70.192–193, 195–196; № 75.308–309; № 79.289, 290–291; 48, № 86.142–143, 144–145; 43, № 25.21–22; 38, № 10.23–24]). С ними допустимо сравнивать названия сельских поселков, в частности, «Па-

леокастрон» близ Струмицы, который характеризуется как хорион (напр., см.: [48, № 56.6–8, 245–247; № 77.2–3, 7–8, 12, 14, 18, 23, 27, 29–30, 34, 37–38, 41, 43, 46–47, 50, 53–54, 55–56, 63, 67–68, 79–80, 83–84, 88, 91, 93–94, 96–97, 107, 110–111, 111–112, 123, 135, 141–142, 146, 147–148, esp. 169–170, 189, 203–204]).

Словом, в Поздней Византии отсутствие пирга или крепостной стены вокруг села, будь то «коме» или «хорион», в рассматриваемый период воспринимается как отличительная, а не типичная черта (ср.: [91, р. 166.16–17]). И все-таки главное – не внешние перемены, а вопрос о структуре и особенностях сельского поселения средневековой Византии, составе его населения, административных функциях и экономике. Наконец, не могут быть сброшены со счетов вопросы о статусе сельских общин, социально-экономической и социокультурной роли общинного уклада в пригородных районах сельской местности, которые время от времени специалисты затрагивают напрямую в связи с укреплением как городов, так и сел. И хотя эти аспекты научных изысканий остались за рамками настоящего исследования, именно здесь находится ключ к решению проблемы различий между поздневизантийским городом и селом, даже если оно обрастало укреплениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, см.: [154, ст. 187–189; 88, р. 192; 101, р. 181]. Там же указана основная литература. Аналогичные выводы позволяли сделать раскопки средневековых поселений на территории, скажем, Румынии. Например, см.: [121, р. 1355–1356].

² Проблема обозначений сельских поселений Византии требует отдельного освещения вне рамок настоящего исследования, поскольку она затрагивает целый ряд специальных аспектов, нуждающихся в обстоятельном обсуждении. Общая концепция и принципиальные суждения автора этих строк по поводу обозначения сельского поселения кратко изложены в тезисах выступления на конференции «Ранние этапы урбанизации». См.: [2, с. 47–51, особ. с. 47–49].

³ То же самое, что говорилось относительно византийских актов, можно повторить и относительно частично отличных друг от друга версий грамоты 1300 г. названного краля монастырю Св. Георгия в Скопье [8, № 92.Б.31–32, 34–35; № 92.В.10–11, 12, 35–36, 109–110]. Помимо про-

чего, один из фрагментов этого документа касается укреплений в местечке Водене: здесь дважды наряду с одноименным «пиргом» приведены ссылки на «кулу», о которой говорится так, словно это два разных строения; причем «кула» охарактеризована как «градни коула», то есть она примыкает к какой-то «ограде», иначе – крепостной стене [8, № 92.В.90–91]. Избегая «домысливать» указанные отнюдь не технические детали, решение вопроса об укреплениях Водене автор этих строк оставляет специалистам. В то же время будет упущением не сопоставить славянскую версию указа кралицы Елены с его латинской копией (1276–1308 гг.), где упоминанию «кулы», стоявшей на поле села Заторцы под Катором соответствует латинское обозначение «in castelo», тем самым подкрепляя прежде сделанные на этот счет наблюдения над византийскими аналогиями (ср.: [8, № 110.А.12; № 110.Б.20]).

⁴ Некоторые из славянских топонимов, допустим, название села «Градица» («Градище») (подробнее см.: [18, с. 124–125]), были рецепированы и воспроизводились в греческой транслитерации («Градѣста» и т. п.) (напр., см.: [35, № 72.41, 58; № 89.105; № 91.78–79, 212–241; № 109.697–737; 36, № 118.99; Append. XI.47]; также см.: [46, № 4.26, 38; 47, № 53.512; № 5.29–30; № 12.12; № 13.7–8; 42, № 97.21; № 108.32; Append. VI.25]).

REFERENCES

1. Bubalo Đ. *Pisana reč u Srpskom Srednjem veku: značaj i upotreba pisanih dokumenata u srednjovekovnom srpskom društvu* [The Written Language in Serbian Moyen Age: The Significance and Use of Documents in the Mediaeval Serbian Society]. Belgrade, Stubi Kulture Publ. 2009. 358 p.
2. Vin Yu. Ya. *Gorod ili derevnya? Ukreplennye sela srednevekovoy Vizantii* [The Town or Country? The Fortified Village of the Mediaeval Byzantium]. *Rannie etapy urbanizatsii. Vostochnaya Evropa v Drevnosti i Srednevekove, XXXI Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto. Moskva, 17–19 aprelya 2019 g.: materialy conf.* [Early Stages of Urbanization. East Europe in the Ancient Mediaeval History. XXXI Proceeding in Memoriam of Acad. AN SSSR V. T. Pashuto. Moscow, 17th–19th April 2019. Mat. of Conf.]. Moscow, IVI RAS Publ., 2019, pp. 47–51.
3. Solovjev A., Mošin V., eds. *Grchke povelje srpskih vladara* [The Greek Acts of Serbian Rulers]. Belgrade, Publ. of Nikole Krotić, 1936. CXXXII, 537 p.
4. Daskalova A., Rajkova M., eds. *Gramoti na balgarskite tsare* [The Acts of Bulgarian Tsars]. Sofia, Marin Drinov Publ., 2005. 448 p.
5. Bubalo Đ., ed. *Dushanov zakonik* [The Dušan's Law Code]. Belgrade, Zavod za učenike, Službeni glasnik Publ., 2010. 243 p.

6. Živojinović M. *Istorija Khilandara: Od osnivanja manastira 1198. do 1335. godine* [The History of Chilandar: From Foundation of the Monastery 1198 till 1335]. Belgrade, Prosveta Publ., 1998. 306 p.
7. Živojinović M. Pirg [Pyrgos]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999. 513 p.
8. Mošin V., Ćirković S., Sindik D., eds. *Zbornik srednjovekovnih ćirilichkikh povelja i pisma Srbije, Bosne i Dubrovnika. Vol. 1. 1186–1321* [The Collection of Mediaeval Cyrillic Charters and Letters of Serbia, Bosnia and Dubrovnik. Vol. 1. 1186–1321]. Belgrade, Istorijski institut Publ., 2011. 652 p.
9. Ivanova Yu.V. Narodnoe zhlishe Gretsii [The Folk Dwelling of Greece]. *Tipy selskogo zhlischa v stranakh zarubezhnoy Evropy* [The Types of Rural Dwelling in Countries of Foreign Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 120–138.
10. Kilimnik E.V. Funktsii i sushchnost feodalnogo zamka v Evrope [The Functions and Essence of the Feudal Castle in Europe]. *Istoricheskie, filiosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturovedenie i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Juridical Studies, Cultural Sciences and Art History. Question of the Theory and Practice], 2014, № 7–1 (45), pp. 68–72.
11. Maksimović Lj. Grad [Town]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999, pp. 122–124.
12. Moskvina A.G., Burygin S.M. *Ostrova Gretsii: ot Rodosa do Korfu. Istoricheskiy putevoditel* [The islands of Greece: From Rhodos to Korfu. Historical Guide]. Moscow, Veche Publ., 2013. 304 p.
13. Ostrogorsky G. Radolivo: selo svetogorskogo manastira Ivirona [Radolivo: The Village of St. Mountain Monastery Iviron]. *Zbornik radova Vizantološkog Instituta* [The Collection of Works of Byzantine Institute], 1961, vol. 7, pp. 67–84.
14. Ostrogorsky G. *Serska oblast posle Dušanove smrti* [Serska Country after Dušanov's Death]. Beograd, Nauchno delo Publ., 1965. XII, 171 p.
15. Ostrogorsky G. *Komitisa i svetogorski manastiri* [Komitisa and the St. Mountain Monasteries]. *Zbornik radova Vizantološkog Instituta* [The Collection of Works of Byzantine Institute], 1971, vol. 13, pp. 221–256.
16. Popović M. Branić-kula [Branich-Kula]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999, pp. 62–63.
17. Popović M. Gradats [Township]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999. 124 p.
18. Popović M. Gradište [The Site of Ancient Settlement]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999, pp. 124–125.
19. Popović M. Donžon [Donjon]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999. 164 p.
20. Popović M. Kula [The Kula]. Ćirković S., Mihaljčić R., eds. *Leksikon srpskog srednjeg veka* [The Lexicon of Serbian Middle Ages]. Belgrade, Knowledge Publ., 1999, pp. 350–352.
21. Radić R. *Drugo lice Vizantije: nekoliko sporednih tema* [Another Face of Byzantium: Some Additional Themes]. Belgrade, Evoluta Publ., 2014. 352 p.
22. Sreznevskiy I.I. *Slovar drevnerusskogo yazyka* [The Dictionary of Old Russian]. Moscow, Kniga Publ., 1989, vol. 1, pt. 1. IX p., 804 col.
23. Sreznevskiy I.I. *Slovar drevnerusskogo yazyka* [The Dictionary of Old Russian]. Moscow, Kniga Publ., 1989, vol. 1, pt. 2. 805–1420 col., 49 p.
24. Sreznevskiy I.I. *Slovar drevnerusskogo yazyka* [The Dictionary of Old Russian]. Moscow, Kniga Publ., 1989, vol. 2, pt. 1. XV p., 852 col.
25. Taranovski T. *Istorija srpskog prava u Nemanjičkoj državi* [The History of Serbian Law in Nemanjić's State]. Belgrade, Službeni list SR Publ., 1996. 805 p.
26. Arutyunova-Fidanyan V.A., ed. *Tipik Grigoriya Pakuriana* [The Typicon of Gregory Pakurian]. Erevan, AN ArmSSR Publ., 1978. 249 p.
27. Uspenskiy F.I., Beneshevich V.N. *Vazelonskie acty. Materialy dlya istorii krestyanskogo i monastyrskogo zemlevladieniya v Vizantii XIII–XV vekov* [The Acts of Vazelon. The Materials of the Peasant and Monastic Landownership in Byzantium 13th–15th C.]. Leningrad, GPB Publ., 1927. 124, CLII p.
28. Kharkhordin O.V. *Respublika. Polnaya versiya* [Respublica. The Full Version]. Saint Petersburg, EU in SPb. Publ., 2021. 208 p.
29. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. IV, T. 1.* Vindobonae, Carolus Gerold, 1871. XIV, 441 p.
30. Živojinović M., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Chilandar. Texte. Vol. 1.* Paris, P. Lethiellieux, 1998. XX, 363 p.
31. Oikonomidès N., ed. *Actes de Dionysiou. Texte.* Paris, P. Lethiellieux, 1968. XI, 251 p.
32. Oikonomidès N., ed. *Actes de Docheiariou. Texte.* Paris, P. Lethiellieux, 1984. XIV, 397 p.
33. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumuş. Texte.* Paris, P. Lethiellieux, 1988. X, 478 p.

34. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1970. X, 447 p.
35. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1977. XVI, 316 p.
36. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Texte. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1979. XX, 230 p.
37. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D., eds. *Actes de Lavra. Études historiques; Actes Serbes complements et index. Vol. IV.* Paris, P. Lethielleux, 1982. XIV, 413 p.
38. Kravari V., ed. *Actes de Pantocrator. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1991. XVI, 232 p.
39. Papachryssanthou D., ed. *Actes de Protaton. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1986. XIV, 320 p.
40. Lemerle P., Dagron G., Cirkovic S., eds. *Actes de Saint-Panteleémôn. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1982. XII, 238 p.
41. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopedi. Texte. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 2001. XX, 475 p.
42. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopedi. Texte. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 2006. XVIII, 525 p.
43. Papachryssanthou D., ed. *Actes de Xenophon. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1986. XVI, 399 p.
44. Bompaire J., ed. *Actes de Xeropotamou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1964. XIV, 298 p.
45. Lefort J., ed. *Actes d'Esphigménou. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1973. XIV, 250 p.
46. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1985. XIV, 318 p.
47. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 1990. XIV, 368 p.
48. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1994. XIV, 412 p.
49. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., Metreveli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. Vol. 4.* Paris, P. Lethielleux, 1995. XII, 260 p.
50. Amouretti M.-C., Comet G. *Hommes et techniques de l'Antiquité à la Renaissance.* Paris, Armand Colin, 1993. 186 p.
51. Anderson W., Swaan W. *Castles of Europe from Charlemagne to the Renaissance.* New York, Random Nourse, 1970. 304 p.
52. Angold M. *The Byzantine Empire: 1025–1204. A Political History.* London, New York, 1984. X, 334 p.
53. Dölger F., ed. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges.* Textband. München, Verl. Bisch. F. Bruckmann, 1948. 363 p.
54. Aydemir I. *Les Defensis du Bosphore. Towers and Small Castles,* 2009, vol. 63, pp. 91–100.
55. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453,* Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Pr., 1992. XVIII, 438 p.
56. Bartusis M.C. *The Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia.* Cambridge, Cambridge Univ. Pr., 2012. XLIV, 697 p.
57. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum Libri LX. Series A. Text. Vol. 5.* Groningen, H.D. Tjeenk Willink B.V., Martinus Nijhoff B.V., 1967, pp. XIV, 1559–1944, III.
58. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum Libri LX. Series A. Text. Vol. 6.* Groningen, H.D. Tjeenk Willink B.V., Martinus Nijhoff B.V., 1969, pp. XXVII, 1945–2430, III.
59. Scheltema H.J., Wal N. van der, eds. *Basilicorum Libri LX. Series A. Text. Vol. 7.* Groningen, H.D. Tjeenk Willink B.V.; Martinus Nijhoff B.V., 1974, pp. XXVII, 2435–2733, VII.
60. Scheltema H. J., Holwerda D., Wal N. van der, eds. *Basilicorum Libri LX. Series A. Text. Vol. 8.* Groningen, Bouma's Boekhus; Wolters Noordhoff, 1988, pp. XXV, 2435–3131, II.
61. Bazzana A. *Les Structures: Fortification et Habitat. Castrum I. Habitats fortifiés et organization de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Vol. 1.* Lyon, Maison de L'Orient et Méditerranée Jean Pouilloux, 1983, pp. 161–175.
62. Bouras Ch. *City and Village. Urban Design and Architecture. Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik,* 1981, vol. 31/2, pp. 611–653.
63. Bouras Ch. *Aspects Byzantine City, Eighth–Fifteenth Centuries.* Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 2.* Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 497–528.
64. Bourin M., Durand R. *Vivre au village au Moyen Âge. Les solidarités paysannes du 11e au 13e siècles.* Paris, Messidor, Temps actuels, 1984. 258 p.
65. Castrum I. *Habitats fortifiés et organization de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Vol. 1.* Lyon, Maison de L'Orient et Méditerranée Jean Pouilloux, 1983. V, 219 p.
66. Cheynet J.Cl. *Fortune et puissance de l'aristocratie (X^e–XIIe siècle).* Kravari V., Lefort J., Morrison C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Vol. 2. VIIIe–XVe siècle.* Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 199–213.
67. Christie N., Herold H. *Introduction. Defining and Understanding Defended Settlements in Early Medieval Europe. Structures, Roles, Landscapes und Communités.* Christie N., Herold H., eds. *Fortified Settlements in Early Medieval Europe. Defended*

Communities of the 8th–10th Centuries. Oxford, Philadelphia, Oxbow books, 2016, pp. XXIV–XXXVIII.

68. Krueger P., Mommsen Th., Schoell R., Kroll G., eds. *Corpus Iuris Civilis. Vol. 1. Digesta; Instituta*. Berolini, Weidmann, 1954. XVIII, 957 p.

69. Krueger P., Mommsen Th., Schoell R., Kroll G., eds. *Corpus Iuris Civilis. Vol. 2. Codex Iustinianus*. Berolini, Weidmann, 1954. XXVIII, 513 p.

70. Krueger P., Mommsen Th., Schoell R., Kroll G., eds. *Corpus Iuris Civilis. Vol. 3. Novellae*. Berolini, Weidmann, 1954. XX, 813 p.

71. Cursente B. Les villages dans l'Occident médiéval (IXe–XIVe siècle). Lefort J., Morrison C., Sodini J. P. eds. *Les villages dans l'Empire byzantin (IVe–XIVe siècle)*. Paris, Lethielleux, 2005, pp. 71–88.

72. Dagron G. The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh Through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 393–461.

73. Decker M.J. *The Byzantine Art of War*. Yardley, Pennsylvania, Westholme Publishing, 2013. 230 p.

74. Contamine Ph., Bompaigne M., Lebecq S., Sarrazin J.-L. *L'économie médiévale*. Paris, Armand Colin, 2004. 448 p.

75. Eideneier H. Ein byzantinisches Kalendergedicht in der Volkssprache. *Ēllēnika*, 1979, vol. 31, no. 2, pp. 368–419.

76. Ellenblum R. *Crusader Castles and Modern Histories*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2007. XII, 362 p.

77. Christie N., Herold H., eds. *Fortified Settlements in Early Medieval Europe. Defended Communities of the 8th–10th Centuries*. Oxford, Philadelphia, Oxbow Books, 2016. XXVIII, 339 p.

78. Foss C., Scott J.A. Sardis. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 615–622.

79. François V., Spieser J.M. Pottery and Glass in Byzantium. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh Through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 593–609.

80. Frankopan P. Land and Power in the Middle and Later Period. Haldon J., ed. *The Social History of Byzantium*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009, pp. 112–142.

81. Gerstel Sh.E.J. *Rural Lives and Landscapes in Late Byzantium. Art, Archaeology, and Ethnography*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2015. XVIII, 207 p.

82. Guichard P. Orient et Occident. Peuplement et Société. Castrum I. *Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Vol. 1*. Lyon, Maison

de l'Orient et Méditerranée Jean Pouilloux, 1983, pp. 177–196.

83. Guillou A. *La civilisation byzantine*. Paris, Arthaud, 1974. 620 p.

84. Haldon J.F. *Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1997. XXVIII, 492 p.

85. Haldon J.F. The Idea of the Town in Byzantine Empire. Brogiolo G.P., Ward-Perkins Br., eds. *The Idea and the Ideal of the Town Between the Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Leiden, Brill, 1999, pp. 1–23.

86. Haldon J. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 560–1204*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 1999. X, 389 p.

87. Haldon J.F. Die byzantinische Stadt – Verfall und Wiederaufleben vom 6. bis zum ausgehenden 11. Jahrhundert. Daim F., Drauschke J., eds. Haldon J. et al. *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land. Leben im Byzantinischen Reich*. Mainz, Verl. d. Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, pp. 9–21.

88. Harvey A. *Economic Expansion in Byzantine Empire, 900–1200*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 1989. XX, 298 p.

89. Hetherington P. *Byzantine and Medieval Greece. Churches, Castles, and Art of the Mainland and Peloponnese*. London, J. Murray, 1991. XVIII, 238 p., 16 pl.

90. Daim F., Drauschke J., eds. *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land, Leben im Byzantinischen Reich*. Mainz, Verl. d. Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 239 p.

91. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni, eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. 1*. Bonnae, Ed. Weberi, 1828. XXVI, 560 p.

92. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni, eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. 2*. Bonnae, Ed. Weberi, 1831. VIII, 615 p.

93. Jacobs I. “Urbanised” Villages in Early Byzantium. An Overview. Böhlenddorf-Arslan B., Schick R., eds. *Transformation of City and Countryside in the Byzantine Period*. Mainz, Verl. d. Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2020, pp. 13–23.

94. Kaplan P. *Les hommes et terre à Byzance du VIe au XIe siècle. Propriété et exploitation du sol*. Paris, Publ. de la Sorbonne, 1992. XL, 630 p.

95. Kaplan P. The Producing Population. Haldon J., ed. *The Social History of Byzantium*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009, pp. 143–167.

96. Kazanaki-Lappa M. Medieval Athens. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh Through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 639–646.

97. Koder J. *The Byzantiner. Kultur und Alltag im Mittelalter*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verl., 2016. 291 p.

98. Kravari V. *Villes et villages de Macédoine occidentale*. Paris, P. Lethielleux, 1989. 409 p., 10 cart.
99. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Leiden, Boston, Brill, 2011. XXII, 254 p.
100. Laiou A.E. The Byzantine Village (5th–14th Century). Lefort J. et al., eds. *Les villages dans l'Empire byzantin. IVe–XVe siècle*. Paris, Lethielleux, 2005, pp. 31–54.
101. Laiou A.E., Morrisson C. *The Byzantine Economy*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2007. 270 p.
102. Darko E., ed. *Laonici Chalcocandylae Historiarum Demonstrationes. Vol. 2*. Budapestini, Sumptibus Acad. Litterarum Hungaricae, 1927. 364 p.
103. Lawrence T.E. *Crusader Castles. A New Edition with Introduction and Notes by D. Pringle*. Oxford, Clarendon Pr., 1988. XL, 154 p.
104. Lefort J. Le cadastre de Radolibos (1103). Les géomètres et leurs mathématiques. *Travaux et mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 269–313.
105. Lefort J. Habitat fortifiés en Macédoine orientale au Moyen Âge, Castrum I. *Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Vol. 1*. Lyon, Maison de l'Orient et Méditerranée Jean Pouilloux, 1983, pp. 99–103.
106. Lefort J. Population et peuplement en Macédoine orientale, XIe–XVe siècle. Kravari V., Lefort J., Morrison C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 63–82.
107. Lefort J. The Rural Economy, Seventh–Twelfth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh Through the Fifteenth Century. Vol. 1*. Washington, DOC, 2002, pp. 231–310.
108. Lefort J. Les villages de Macédoine orientale en Moyen Âge (X^e–XIVe siècle). Lefort J., Morrison C., Sodini J. P., eds. *Les villages dans l'Empire byzantin (IVe–XIVe siècle)*. Paris, Lethielleux, 2005, pp. 290–299.
109. Lefort J., Martin J. M. Fortifications et Pouvoirs en Méditerranée (Xème–XIIème siècles). Castrum I. *Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Vol. 1*. Lyon, Maison de l'Orient et Méditerranée Jean Pouilloux, 1983, pp. 197–207.
110. Lefort J., Martin J.M. L'organisation de l'espace rural: Macédoine et Italie du Sud (X^e–XIIIe siècle). Kravari V., Lefort J., Morrisson C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 11–62.
111. Guillou A., ed. *Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée*. Paris, Press universitaires de France, 1955. 220 p.
112. Le typicon du monastère de Notre-Dame tes Bebaïas Elpidos. Delehay H., ed. *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues*. Bruxelles, M. Hayez, Imprimeur de l'Académie Royale de Belgique, 1921, pp. 18–105.
113. Lilie R.J. Die ökonomische Bedeutung der Byzantinischen Provinzstadt (8.–12. Jahrhundert) im Spiegel der literarischen Quellen. Daim F., Drauschke J., eds. *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land. Leben im Byzantinischen Reich*. Mainz, Verl. d. Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, pp. 55–62.
114. Marrindin G.E. Turris. Smith W., Wayte W., Marindin G.E., eds. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. Vol. 2*. London, John Murray, 1891, pp. 907–909.
115. Martin J.M. Rapport. Kravari V., Lefort J., Morrison C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 83–89.
116. Martin J.M., Noye Gh. Les villes de l'Italie byzantine (IXe–XIe siècle). Kravari V., Lefort J., Morrison C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 27–62.
117. Martin J.M., Noye Gh. Les villages de l'Italie méridionale byzantine. Lefort J., Morrison C., Sodini J. P., eds. *Les Villages dans l'Empire byzantin (IVe–XIVe siècle)*. Paris, Lethielleux, 2005, pp. 148–164.
118. Matschke K.P. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354*. Berlin, Akad. Verl., 1971. 264 p.
119. Gerola G., ed. *Monumenti veneti nell'isola di Creta. Vol. 4*. Venice, Istituto Veneto di Scienze, 1932. XII, 626 p.
120. Morrison C., Sodini J. P. The Sixth-Century Economy. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 1*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 171–220.
121. Neagu N. Colocviul. Arheologia așezărilor rurale din secolele XII–XIV pe teritoriul României. *Revista de Istorie*, 1979, vol. 32, no. 7, pp. 1355–1356.
122. Noye Gh. Types et typologie de habitat fortifiés. Castrum I. *Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Vol. 1*. Lyon, Maison de l'Orient et Méditerranée Jean Pouilloux, 1983, pp. 121–143.
123. Oikonomidès N. À propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de Soldats. *Travaux et mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 353–371.
124. Oikonomides N. The Contents of the Byzantine House from the Eleventh to the Fifteenth Century. Oikonomides N. *Social and Economic Life in Byzantium*. Aldershot, Ashgate, 2004, pp. 205–214.
125. Papachryssanthou D. Histoire d'un évêché byzantin. Hierissos en Chalcidique. *Travaux et mémoires*, 1981, vol. 1, pp. 373–396.
126. Bellier P., Bondoux R.-C., Cheynet J.C., Lefort J. eds. *Paysages de Macédoine, leurs caractères*,

leur évolution à travers les documents et les récits des voyageurs. Paris, De Boccard, 1986. XIV, 315 p.

127. Perbellini G. The Polysemic Meaning of the Tower. From Defence to Symbol. *Towers and Small Castles*, 2009, vol. 63, pp. 7-18.

128. Pringle D. Introduction. Lawrence T.E. *Crusader Castles. A New Edition with Introduction and Notes by D. Pringle*. Oxford, Clarendon Pr., 1988, pp. XXI-XL.

129. Prochiron auctum. Zachariae a Lingenthal C.E., ed. *Jus graeco-romanum. Pars VI*. Lipsiae, Typ. J.B. Hirschfeld, 1870. VII, 439 p.

130. Wirth G., ed. Procopii Caesariensis De Aedificiis Libri VI. Haury J., ed. *Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. IV*. Lipsiae, Teubneri, 1964. XII, 409 p.

131. Grecu V., ed. Pseudo-Phrantzes. Macarie Melissenos. *Chronica (1258–1481)*. Grecu V., ed. *Georgios Sphrantzes, Memorii 1401–1477*. București, Editura Acad., 1966, pp. 149-590.

132. Reynolds S. *Kingdoms and Communities in Western Europe. 900–1300*. Oxford, Clarendon Press, 1984. IX, 387 p.

133. Rheidt K. The Urban Economy of Pergamon. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh Through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 623-629.

134. Schreiner P. Das Haus in Byzanz nach den schriftlichen Quellen. Mit einem Exkurs über Häuserpreise. Beck H., Steuer H., eds. *Haus und Hof in ur- und frühgeschichtlicher Zeit*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1997, pp. 277-320.

135. Smyrlis K. Estate Fortification in Late Byzantine Macedonia. The Athonite Evidence. Daim F., Drauschke J., eds. *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land. Leben im Byzantinischen Reich*. Mainz, Verl. d. Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, pp. 189-205.

136. Steriotou I. The Small «Regional» Castles in the Countryside of the Island of Crete During the Venetian Dominion. *Towers and Small Castles*, 2009, vol. 63, pp. 101-114.

137. Synopsis Basilicorum minor. Zachariae a Lingenthal C.E., ed. *Jus graeco-romanum. Pars II*. Lipsiae, Typ. T.O. Wegel, 1856, pp. 9-264.

138. Synopsis Basilicorum. Zachariae a Lingenthal C.E., ed. *Jus graeco-romanum. Pars V*. Lipsiae, Typ. J.B. Hirschfeld, 1870, pp. 3-705.

139. Kazhdan A.P., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. XXXIII, 729-1474 p.

140. Kazhdan A.P., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3*. New York, Oxford, Oxford Univ. Pr., 1991. XXXIII, 1475-2232 p.

141. Haldon J., ed. *The Social History of Byzantium*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009. XXVII, 300 p.

142. Toubert P. Byzantium and the Mediterranean Agrarian Civilization. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium. From the Seventh Through the Fifteenth Century. Vol. 1*. Washington, Dumbarton Oaks Center, 2002, pp. 377-391.

143. Böhlendorff-Arslan B., Schick R., eds. *Transformation of City and Countryside in the Byzantine Period*. Mainz, Verl. d. Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2020. 148 p.

144. Typicon Gregorii Pacuriani. Kaukhchishvili S.G., ed. *Svedeniya vizantiyskikh pisateley o Gruzii* [Information of Byzantine Writers About Georgia]. Vol. 5. Tbilisi, Izd-vo AN GruzSSR Publ., 1963, pp. 97-301.

145. Veikou M. “Rural Towns” and “In-Between” or “Third” Spaces: Settlement Patterns in Byzantine Epirus (7th–11th Centuries) from an Interdisciplinary Approach. *Archeologia Medievale*, 2009, vol. 36, pp. 43-54.

146. Veikou M. Urban or Rural? Theoretical Remarks on the Settlement Patterns in Byzantine Epirus (7th–11th Centuries). *Byzantinische Zeitschrift*, 2010, vol. 103, no. 1, pp. 171-193.

147. Veikou M. Byzantine Histories, Settlement Stories. Kastrá, “Isles of Refuge”, and “Unspecified Settlements” As In-Between or Third Spaces. Preliminary Remarks on Aspects of Byzantine Settlement in Greece (6th–10th C.). Kioussopoulou T., ed. *Oi Byzantines poles, 8os–15os aiōnas. Prooptikēs tēs ereunas kai nees ermēneutikes proseggineis* [Byzantine Cities, 8th–15th Centuries. Prospects of Research and New Interpretative Approaches]. Rethymno, Ekd. Philosophikēs Scholēs Panepist. Kritēs Publ., 2012, pp. 159-206.

148. Veikou M. Settlement in Greek Countryside from the 4th to 9th Centuries. Forms et Patterns. *Antiquite Tardive, Revue intern. d’histoire et archeologie (IVe–VIIIe s.)*, 2014, vol. 21, pp. 127-133.

149. Volk R. *Gesundheitswesen und Wohltätigkeit im Spiegel der Byzantinischen klostertypika*. München, Institut für Byzantinistik und neugriechische Philologie der Universität, 1983. LXXX, 326 p.

150. Whittow M. Rural Fortification in Western Europe and Byzantium, Tenth to Twelfth Century. Efthymiadis S., Rapp C., Tsougarakis D., ed. *Bosporos – Court, City and Country in Byzantium. Essay in Honour of Cyril Mango*. Amsterdam, A.M. Hakkert, 1995, pp. 59-74.

151. Wickham Chr. The Development of Villages in the West, 300–900. Lefort J. et al., eds. *Les Villages dans L’Empire Byzantin, IVe–XVe siècle*. Paris, Lethielleux, 2005, pp. 55-69.

152. Archim. Ierōnymos Delēmarēs, ed. *Apanta Iōannou Apokaukou. Syllogē tōn mechri sēmera diasōthentōn keimenōn tou epiphanous kai logiou Mētropolitou Naupaktou kai Artēs Iōannou Apokaukou*

(*arches 13ou aiōnos*) [Complete Works of John Apokaukos. Collection of the Surviving Texts of the Eminent and Learned Metropolitan of Nafpaktos and Arta John Apokaukos (Early 13th Century)]. Nafpaktos, Adelphotes Metamorphōseōs tou Sōtēros Naupaktou Publ., 2000. 497 p.

153. Gasparēs Ch. *Ē gē kai oi agrotēs stē Mesaionikē Krētē, 13os–14os ai.* [Land and Peasants in Medieval Crete, 13th–14th C.]. Athens, EIE, Institouto Byzantinōn Ereunōn Publ., 1997. 463 p.

154. Guillou A., Mavromatis L. *Mesaionike archaiologia, Epistemonike synastese sto Palermo* (Septembrios 1974) [Mediaeval Archaeology, the Scientific Meeting in Palermo (September 1974)]. *Byzantina*, 1976, vol. 8, pp. 185–189.

155. Koukoules Ph. *Byzantinōn bios kai politismos* [The Life and Civilization of the Byzantines]. Vol. 4. Athens, Institut Francais d'Athènes, 1951. 499 p.

156. Laiou-Thomadakis A.E. *Koinōnia kai oikonomia (1204–1453)* [Society and Economy (1204–1453)]. *Istoria tou Ellēnikou Ethnous* [History

of the Greek Nation]. Vol. 9. Athens, Ekdolikē Athenōn Publ., 1979, pp. 214–243.

157. Hoermann S., Stepski-Doliwa N., de, Seidl E., eds. *M. Kritou tou Patze Tipoukeitos, sive Librorum LX Basilicorum Summarium. In 5 Vols. Vol. 3.* Roma, Città del Vaticano, Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1983. XLIV, 338 p.

158. Hoermann S., Stepski-Doliwa N., de, Seidl E., eds. *M. Kritou tou Patze Tipoukeitos, sive Librorum LX Basilicorum Summarium. In 5 Vols. Vol. 4.* Roma, Città del Vaticano, Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1987. XXIV, 287 p.

159. Rallēs G.A., Potlēs M., eds. *Syntagma tōn Theiōn kai Ierōn Kanonōn* [Syntagma of the Divine and Sacred Canons]. In 6 Vols. Vol. 1. Athens, Ek tēs typograph. G. Chartophylakos Publ., 1852. 20, 403 p.

160. Tzannetatos Th.S. *To praktikon tēs Latinikēs episkopēs Kefallēnias tou 1264 kai ē epitomē autou: Kritikē ekdosis autōn* [Praktikon of the Latin Diocese of Kephallenia of 1264 and Its Epitome: Critical Edition]. Athens, Dōdōnē Publ., 1965. 183 p.

Information About the Author

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

Информация об авторе

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский просп., 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-4123>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.18>

UDC 1(100)(091)“0”

LBC 87.3(0)44

Submitted: 06.07.2020

Accepted: 24.08.2021

THE CONCEPTS OF JUSTICE AND PIETY
IN THE BYZANTINE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT
OF THE 4th CENTURY

Evgeniy V. Karchagin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dmitriy R. Yavorskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the transformations of the concept of justice in early Byzantine thought. The purpose of the article is to test the hypothesis that the semantic shifts in the meaning of the concept of justice in the philosophical and theological literature were due to political processes and events. *Methods.* The article analyzes the political philosophical and political theological texts of the fourth century: “Oration in Honor of Constantine on the Thirtieth Anniversary of His Reign” by Eusebius of Caesarea; “Panegyric in Honour of Constantius” and “The Heroic Deeds of Constantius” by emperor Julian (“The Apostate”); “On Kingship” by Synesius of Cyrene. In the course of the analysis, the methodological tools of the history of concepts were used. *Analysis.* The analysis revealed a conflict between the concepts of “justice” and “piety”. It was found that the analyzed texts violate the ancient political and philosophical correlation of these concepts in which piety is considered as a form of justice. In the texts of Eusebius of Caesarea, piety is presented as a particular virtue without any connection with justice. Moreover, the frequency of using the concept of “piety” in the sense of the ruler’s virtue significantly exceeds the frequency of using the concept of “justice” in the sense of political virtue. In the texts of the Emperor Justinian, the discursive status of “justice” is restored. However, in the political philosophy of Synesius of Cyrene, the correlation of the concepts of “justice” and “piety” prescribed by Eusebius of Caesarea is fixed. *Results.* These processes are due to the influence of religious discourse on political one which is quite understandable in the works of theologians, on the one hand, and the crisis of polis and republican political technologies and discourses in the situation of increasing complexity of administrative tasks faced by the Roman emperors of the 4th century, on the other hand which subsequently led to the formation of a specific Byzantine “taxis” – a socio-cultural order. In this regard, the texts of Emperor Julian can be considered as an unsuccessful attempt to restore the previous discourse, an attempt to restore justice to a dominant place among the virtues of the ruler. The failure of this attempt is attested from the texts of Synesius of Cyrene. All the above allows us to conclude that a new Christian-imperial political discourse is being generated in the corpus of philosophical and theological texts in which the concept of justice is given a relatively modest place.

Key words: justice, piety, history of concepts, the Byzantine Empire, the Byzantine emperor, Eusebius of Caesarea, Julian the Apostate, Synesius of Cyrene.

Citation. Karchagin E.V., Tokareva S.B., Yavorskiy D.R. The Concepts of Justice and Piety in the Byzantine Political and Philosophical Thought of the 4th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 224-235. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.18>

ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И БЛАГОЧЕСТИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ IV ВЕКА

Евгений Владимирович Карчагин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Дмитрий Ромуальдович Яворский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу смысловых трансформаций понятия справедливости в ранневизантийской мысли. Цель исследования – проверка гипотезы, объясняющей семантические сдвиги в значении понятия справедливости в философской и теологической литературе политическими процессами и событиями. *Методы.* В рамках анализа политико-философских и политико-богословских текстов IV в. («Слово царю Константину по случаю тридцатилетия его царствования» Евсевия, епископа Кесарийского; «Похвальная речь Констанцию» и «О деяниях самодержца и о царстве» императора Юлиана Отступника; «О царстве» Синезия Киренского) использовался методологический инструментарий истории понятий. *Анализ.* В ходе анализа была выявлена коллизия понятий «справедливость» и «благочестие». Обнаружено, что в анализируемых текстах нарушается свойственное античной политико-философской традиции соотношение этих понятий, при котором благочестие рассматривается как форма проявления справедливости. В текстах Евсевия Кесарийского благочестие предстает как особая добродетель, не связанная со справедливостью. При этом частотность употребления понятия «благочестие» в значении добродетели правителя значительно превосходит частотность употребления понятия «справедливость» в значении политической добродетели. В трудах императора Юстиниана дискурсивный статус «справедливости» восстанавливается. Однако в политической философии Синезия Киренского закрепляется соотношение понятий справедливости и благочестия, прописанное Евсевием Кесарийским. *Результаты.* Выявленные семантические сдвиги в значении понятия справедливости объясняются, с одной стороны, влиянием религиозного дискурса на политический, вполне оправданным в трудах богословов, с другой – кризисом полисных и республиканских политических технологий и дискурсов в ситуации усложнения управленческих задач, стоявших перед римскими императорами IV столетия, что впоследствии привело к формированию специфического византийского «таксиса» – социокультурного порядка. В связи с этим тексты императора Юлиана можно рассматривать как неудачную попытку реставрации прежнего дискурса, попытку вернуть справедливости главенствующее место среди добродетелей правителя. О неудачности этой попытки свидетельствуют тексты Синезия Киренского. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в корпусе философско-богословских текстов генерируется новый христианско-имперский политический дискурс, в котором понятию справедливости отведено сравнительно скромное место. *Вклад авторов.* Е.В. Карчагин разработал концепцию статьи, осуществил ее общую научную редакцию, проанализировал трактат «О царстве» Синезия Киренского и соотношение добродетелей справедливости и благочестия применительно к византийским императорам V–VII вв. С.Б. Токарева проанализировала формирование древнегреческой интеллектуальной традиции осмысления справедливости и тексты императора Юлиана («Отступника»). Д.Р. Яворский проанализировал эллинистический период осмысления справедливости и тексты Евсевия, епископа Кесарийского.

Ключевые слова: справедливость, благочестие, история понятий, Византийская империя, византийский император, Евсевий Кесарийский, Юлиан Отступник, Синезий Киренский.

Цитирование. Карчагин Е. В., Токарева С. Б., Яворский Д. Р. Понятия справедливости и благочестия в византийской политико-философской мысли IV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 224–235. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.18>

Введение. Ранневизантийские философские и теологические тексты IV–VII вв. свидетельствуют о существенных изменениях лексических значений и общепризнанных словоупотреблений понятия «справедливость» (δικαιοσύνη) [5]. В «языческой» неоплатонической литературе интерес к справедливости заметно снижается, она мыслится теперь укорененной не в высших онтологических сферах Единого и Ума, а в Душе, что, вероятно, было вызвано оттеснением «языческого» неоплатонизма от политической практики вследствие христианизации политической и интеллектуальной элиты империи. В христианской литературе, в свою очередь, происходила трансформация семантических значений понятия δικαιοσύνη, которые все больше отклонялись от широкого понимания справедливости как общеэтической и политической добродетели и сводились к «праведности», понимаемой как должное отношение к Богу. В связи с этим справедливость как политическая добродетель ушла в тень, однако не исчезла с интеллектуального горизонта эпохи. Для объяснения указанных изменений, корнящихся в политическом контексте периода, требуется перейти от онтологии и теологии к политической философии.

Византийская политическая рефлексия императорской власти и императорских добродетелей уже неоднократно привлекала внимание исследователей. По мнению Ж. Дагрона, проблема «царя-священника» [14, р. 3], или «священнического царствования» [14, р. 5], есть «политическая апория» и «одна из фундаментальных проблем человечества» [14, р. 318]. В качестве персонификации этого образа предстает фигура Мельхиседека (чье имя дословно означает «мой царь – справедливость»), который «правит в Салеме (“мире”», обычно отождествляемом с Иерусалимом, и называется священником истинного Бога Израиля, но при этом не принадлежит к богоизбранному народу» [14, р. 173]. Филон Александрийский усматривал в Мельхиседеке «аллегория basileus dikaios (“справедливого царя”), ведомого orthos logos (“правильным словом”), чье вечное священство было не функцией, а качеством, внутренне присущим его справедливости» (цит. по: [14, р. 175]). Дагрон также упоминает византийский афоризм с античными корнями: «Каждый справедливый царь имеет сан священника» [14, р. 304].

Э. Калделлис, не соглашаясь с Дагроном в том, что правитель в Византии есть всецело «религиозная фигура», аргументирует свою позицию указанием на характер церемонии коронации, утверждающей василевса как «разновидность высшего гражданского служащего» [22, р. 61]. Исследователь указывает на ограниченность редукции справедливости к религиозному благочестию и утверждает значимость политической составляющей справедливости, вытекающую из взгляда на Византию как на «комплексную политическую культуру, в которой накладывались различные идеологические системы: одна римская, республиканская и светская, а другая позднеримская, метафизическая и в конечном счете христианская, и они занимали различные места в политической сфере» [22, р. XII]. С его точки зрения, не следует анализировать византийскую политику исключительно или в основном через религию, так как в ней присутствует более значимая римская республиканская традиция. Византийцы «верили, что император был назначен Богом править и что они сами имели право низложить его без всякого нечестия» [22, р. 182].

В классическом двухтомнике Ф. Дворника, содержащем анализ эллинистических корней византийской политической мысли, показано неоднозначное отношение христиан к римскому эллинизму: отрицая приверженность римского государственного строя «языческому монотеизму», заключавшемуся в признании Зевса верховным правителем и утверждавшему «божественность» власти императора, христианские авторы вместе с тем положительно оценивают стремление стоиков подкрепить свою политическую теорию высокими моральными принципами и солидарны с ними в том, что подражать Богу должны все люди, а в особенности правители [16, р. 556–557]. Детали этой обширной дискуссии заслуживают специального исследования. Мы же видим цель данного исследования в том, чтобы уточнить, как изменились место и трактовка понятия справедливости в общественно-политическом дискурсе ранневизантийской эпохи.

Методы. В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к ранневизантийской политической мысли IV в., поскольку именно в это столетие происходили главные идеологи-

ческие изменения, связанные с христианизацией имперского политического дискурса. Учитывая, что в фокусе политической жизни той эпохи были, прежде всего, добродетели императорской власти, мы отобрали для анализа следующие тексты: «Слово царю Константину по случаю тридцатилетия его царствования» Евсевия, епископа Кесарийского; «Похвальную речь Констанцию» и «О деяниях самодержца и о царстве» императора Юлиана («Отступника»); «О царстве» Синезия Киренского. Знакомство с этими текстами и с трактовкой справедливости в них обнаруживает не только общую коллизию между справедливостью и благочестием (εὐσεβεία), но и частные коллизии между разными дискурсами справедливости¹.

Для работы с этими источниками использовались как общенаучные методы работы с текстовым материалом, так и специфические приемы истории идей и понятий [6]. Исследование проходило в три этапа: сначала был осуществлен поиск мест в источниках, где встречается слово δικαιοσύνη (использовалась база TLG – Taurus Linguae Graecae), затем реконструировалось смысловое наполнение этой лексемы в обнаруженных фрагментах и, наконец, формировалась концептуальная модель, объясняющая семантические сдвиги в значении понятия справедливости.

Анализ. Исследование понятий справедливости и благочестия применительно к фигуре императора требует небольшого экскурса в древнегреческую интеллектуальную традицию, продолжением которой выступает общественно-политическая мысль ранней Византии.

В архаический период развития древнегреческой культуры, когда еще только намечалось размежевание человеческой и космической справедливости, слабо персонифицированная богиня «правды» Дикэ воспринималась как сила, уравнивающая всех – родовитых и безродных, сильных и слабых – перед лицом неотвратимой судьбы. Попытки ранних греческих философов рационализировать слепые силы судьбы и показать их разумную логику не были ориентированы на поиски критериев для различения справедливости как принципа межчеловеческих отношений, с одной стороны, и благочестия как отдания справедливости высшим силам – с другой. В этом

отношении показательно утверждение Анаксимандра о том, что все вещи «платят за свою несправедливость» [15, S. 89], совмещающее этический и натурфилософский смыслы.

Более глубокая и последовательная рационализация понятий благочестия и справедливости была осуществлена в классической греческой философии. Платон связывает эти понятия не только по смыслу, но и аналитически, утверждая их тождество: «Справедливость благочестива, благочестие справедливо. <...> Справедливость и благочестие либо одно и то же, либо они весьма подобны друг другу: справедливость как ничто другое бывает подобна благочестию, а благочестие – справедливости» [10, с. 441]. Совпадение божественного и справедливого принимается в качестве исходного допущения, на котором строятся последующие оценки человека: «Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог, гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых» [10, с. 168]; «В силу этого, кто из нас рассудителен, тот и любезен богу, ибо подобен ему, а кто нерассудителен, тот ему не подобен и, наоборот, отличен от него и несправедлив» [10, с. 169].

В трактате псевдо-Аристотеля «О добродетелях и пороках» благочестие рассматривается как обязанность перед богами, духовными силами, отечеством, родителями. При этом признается безусловная связь между благочестием и справедливостью: благочестие полагается либо как часть справедливости, либо как ее следствие [9, с. 233]. В самом деле, если справедливость – это способность или искусство распределения согласно достоинству и «отдача взятого в долг» [10, с. 83], то человек, не осознающий того, что он своей жизнью, своими способностями и своим благополучием обязан богам, отечеству и предкам, просто несправедлив. При этом важно, что боги, отечество, родители и предки выведены из отношений обмена, подразумевающих справедливость как «отдачу взятого в долг». Это означает, что их доля не подлежит пересмотру в сторону понижения, в то время как справедливость, регулирующая отношения между согражданами, может потребовать не только предоставления благ, но и их лишения. Таким образом, области применения

справедливости (в узком смысле слова) и благочестия четко разграничены.

В эллинистический период в греческой политической мысли утверждается образ царя как правителя, находящегося в особых отношениях со сверхъестественными силами, а значит священной фигуры, к которой не вполне приложимы мерки человеческой добродетели. В результате наложения на этот образ республиканских принципов Рима статус византийского императора (от лат. *imperator* – военачальник, по-гречески – αὐτοκράτωρ) соединяет в себе две традиции в качестве равноценных источников. Первая традиция ведет свое начало из Римской империи, где император – это «должностное лицо, избираемое сенатом и армией» [17, р. 58] и где отсутствует узаконенная практика наследования власти, поскольку последняя следует из «закона империи». Под влиянием этой традиции византийские императоры избираются, невзирая на то что их власть имеет божественный источник: «Божественное происхождение власти понимается в том смысле, что Бог вдохновляет народ, что народ – это инструмент Бога в вопросе об избранности носителя власти; политическая власть опосредованно исходит от Бога, но непосредственно – от граждан государства» [8, с. 48]. Это прослеживается и в поздневизантийский период, когда высказываются и проникают в официальные законодательные своды идеи, близкие к новоевропейской концепции общественного договора [8, с. 40–42].

Альтернативная традиция восходит к эллинистической эпохе, где император (автократор) был божественной фигурой и представлял собой «воплощенный закон». В позднеримский период это эллинистическое представление о монархии послужило основой понимания мирских царств по образу божественного (христианского) царствования [17, р. 58].

В эпоху формирования ортодоксального тринитарного и христологического учения фигура императора особенно привлекает внимание христианских богословов в связи с тем, что, устанавливая границы ортодоксии, Церковь остро нуждалась в поддержке государства для продвижения религиозной политики. Обращение к личности и деяниям императора имеет целью продемонстрировать близость

позиций Церкви и государства. Получает распространение практика заключения политических союзов даже с императорами-язычниками, лояльность которых к Церкви нередко доходит до принятия антиязыческих (а позднее антиеретических) законов.

Утверждение Церкви в качестве нового игрока на интеллектуальном и политическом поле Восточной Римской империи повлекло за собой переосмысление понятий справедливости и благочестия в политической мысли. В этом плане особенно интересен IV в., когда в столкновении между остатками полисных и республиканских традиций и имперскими новациями рождался новый порядок «христианской империи».

Изменение статуса справедливости в ряду политически значимых добродетелей в ранневизантийской мысли демонстрируют тексты церковного деятеля, писателя, историка и богослова Евсевия Кесарийского (Памфила) (между 258 и 265 – 339/340). В «Слове царю Константину по случаю тридцатилетия его царствования» он выделяет в качестве главной заслуги императора Константина создание условий для победы Церкви. При этом ученый подчеркивает, что император поступил так, поскольку действовал в согласии с волей Бога [2, с. 346]. Для Евсевия Константин – пример правильного отношения правителя с Вышним Царем. Утверждая, что Бог уже вел Римскую империю к сближению с Церковью, он широко пользуется христианским дискурсом о мистическом соответствии истории Империи божественному промыслу. Богослов также упоминает, что основатель Церкви Христос и основатель империи Октавиан Август жили в одно время. Он буквально настаивает на аналогии между всевластием Бога и единовластием Константина, упразднившего тетрархию. Евсевий вообще видит альтернативу монархической власти только в анархии или полиархии («многовластии»), которые приводят к социальному хаосу взаимной вражды местных властей: «Закон царского права именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие (πολυαρχία) же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то, один Бог (не два, не три, не более, ибо, многобожие есть тоже без-

божие), один Царь, одно Его Слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним» [2, с. 353–354]. Все это выводит на первый план среди качеств правителя религиозное благочестие.

Справедливость как добродетель оказывается целиком зависимой от последнего и приобретает черты сугубо божественного качества. Бог – «родитель справедливости» (γεννήτωρ μὲν αὐτῆς δικαιοσύνης) [18, S. 202] и «лицо справедливости» (δικαιοσύνης ἐνεῖδε πρόσωπον) [18, S. 202]. От него у греков и варваров – «семена разумности и справедливости» (φρονήσεως καὶ δικαιοσύνης σπέρματα) [18, S. 203]. Василевс как Друг Божий «от общения с этой справедливостью справедлив» [18, S. 203], поскольку он одержал победу над страстями, воплощает в себе добродетели и, познав источник истинного блага, отражает свет божественной идеи [2, с. 360]. Знание Бога «облекает свою душу истинно царскими украшениями: воздержанием и правдой (δικαιοσύνη. – Е. К., С. Т., Д. Я.), благочестием и прочими добродетелями» [2, с. 362]. Жизнь в Небесном Царстве озарена Солнцем правды, мудрости, справедливости (δικαιοσύνη. – Е. К., С. Т., Д. Я.), и этим светилом – Богом-Словом – озарены души, воспитанные благочестием [2, с. 372].

При этом нельзя сказать, что Евсевий не понимал или умалял значимость справедливости для политической мысли. Будучи представителем интеллектуальной элиты и высокообразованным мыслителем, он был прекрасно знаком с описаниями несправедливости как порока у античных моралистов. Известна была Евсевию и пифагорейская интерпретация числовой символики справедливости, о чем свидетельствует обращение к символике тридцатки в речи, приуроченной к тридцатилетию правления Константина. В отношении триады в ней говорится: «Триада указала на справедливость, ибо привела к понятию о равенстве, потому что в ней начало, середина и конец – равны» [2, с. 369–370].

Однако на первый план Евсевий преднамеренно выводит благочестие; об этом свиде-

тельствует его собственное указание на то, что целью похвальной речи являются «боголюбивые добродетели и богоугодные деяния» императора, направленные на Бога, а не на людей, тогда как политические качества правителя, включая справедливость, отнесены к «второстепенным совершенствам» [2, с. 344]. Только единожды (в главе девятой «Слова царю Константину») Евсевий упоминает о «социальной» справедливости императора, однако в этом случае речь идет об оценке (весьма пристрастной) жестких мер Константина в отношении бывших гонителей христианства, а не о политической деонтологии [2, с. 386], ибо Константин не руководствовался добродетелью справедливости, когда подвергал гонениям гонителей, а действовал по обстоятельствам. Произошедшее, таким образом, стало выражением справедливости Бога, а не императора.

Таким образом, Евсевий считает основной задачей императора вовсе не должное распределение заслуг и тягот между людьми по достоинству (что и является справедливостью), а стяжание благочестия и несение света веры: «Спаситель всех, как до сотворения мира (κοσμοῦμενος) появившееся Слово, уверяет разумное и спасительное семя подвластным себе тварям и через то делает их тварями разумными и выдающими царство Отца, а друг Его (то есть император Константин. – Е. К., С. Т., Д. Я.), как бы истолкователь Бога-Слова, призывает к познанию Всеблагого весь человеческий род, взывая к слуху всех и громкогласно возвещая жителям земли законы благочестия и истины» [2, с. 350]. Константин заслуживает похвалы, поскольку правильно понимает свою миссию и «как добрый пастырь, не возлагает на жертвенник знаменитых гекатомб из перворожденных агнцев, но пасомых им словесных овец приводит к познанию Бога и благочестию души» [2, с. 351]. При этом благочестие христианского императора отличается от языческого благочестия: «Он не оскверняет царских чертогов, по примеру древних, кровью и возлияниями, курением, огнем и жертвенным всежжением животных, для умиловливания земных демонов, но приносит жертву возлюбленную и благоприятную, то есть, посвящает самому Всецарю царскую свою душу и преданный Богу ум, ибо такая только угодна Ему жертва, такой только,

чуждой огня и крови, совершаемой с чистыми помыслами души жертвой, василевс наш научился чествовать Его» [2, с. 351].

Метафорические образы, через которые раскрываются сущность и назначение благочестия, свидетельствуют о высокой степени дифференцированности концепта. Наряду с уподоблением благочестия светильнику, распространяющему лучи [2, с. 387], «броню» [2, с. 382] и «оружию» [2, с. 438], которыми император защищается, Евсевий привносит в его трактовку дополнительный эстетический контекст, называя благочестие (наряду с воздержанием, правдой и прочими добродетелями) «истинно царским украшением» [2, с. 360] и говоря, что император (как и священники) благочестием «украшается» [2, с. 366].

Несмотря на то что политическим идеалом ученого было правление христианского императора, которое могло бы обеспечить свободу вероисповедания для церкви, в реальности императоры-нехристиане не были столь уж злонамеренны и несправедливы по отношению к единоверцам Евсевия. В начальный период сближения христианства с императорской властью нередко были примеры, когда языческие императоры (например, Аврелиан), вмешиваясь в противостояние христианской ортодоксии и ереси, принимали решения в пользу христиан [7, с. 14], поскольку, независимо от личных религиозных взглядов, осознавали консолидирующую роль распространения единого богопочитания на территории империи. Тесное взаимодействие между государством и Церковью было выгодно обеим сторонам, так что даже после IV в., когда христианство стало привилегированной религией, от императора не требовалось ни строгого следования ортодоксии, ни знания богословских тонкостей, ни тем более доктринального фанатизма. Достаточно было того, что императорская власть оказывала помощь Церкви в принятии организационно-управленческих решений против ересиархов. Процесс интеграции религиозных и политических институтов происходил естественным образом, так что изменение конфессионального курса императоров не привело к радикальной смене типа взаимодействия императорской и церковной власти. Интересно, что религиозная политика христианских императоров в отношении еретиков

была не более репрессивной, чем политика их языческих предшественников, так что существует «больше сходства, чем различий между языческими императорами II и III вв. и их христианскими преемниками» [7, с. 26].

В ситуации идеологической неопределенности империи, где продолжали соседствовать традиционные и новые религии [19], справедливость сохраняла статус востребованной политической добродетели. Это видно на примере корпуса текстов, оставленных императором Юлианом (331–363), предпринявшим попытку провести религиозную реформу, направленную на реставрацию культа традиционных богов и лишение христианства привилегированного статуса. Эта реформа требовала глубокого осмысления соотношения справедливости и благочестия и соответствующей герменевтической работы с текстами.

Проанализируем интерпретацию этих понятий с опорой на два текста из Юлианова корпуса: «Похвальная речь самодержцу Констанцию» (Ἐγκώμιον εἰς τὸν αὐτοκράτορα Κωνσταντῖνον) и «О деяниях самодержца и о царстве» (Περὶ τῶν τοῦ αὐτοκράτορος πράξεων ἢ περὶ βασιλείας). Здесь важны два момента: во-первых, признание Юлианом водительства человека богом; во-вторых, заимствование (в силу полученного образования) от греков интеллектуализма и морализма в рассуждениях о добродетелях. Юлиан разграничивает естественную справедливость и более развитые ее формы, к которым он относит справедливость как плод воспитания [4, с. 26] и связанные друг с другом справедливость и благочестие как принадлежность божественной души [4, с. 88] (где «благочестие – дитя справедливости» [4, с. 88]).

О естественной (природной) справедливости Юлиан невысокого мнения, поскольку она слишком зависима от человеческой натуры и легко нарушается под влиянием как чрезмерного гнева, так и чрезмерной мягкости [4, с. 111]. В качестве же плода воспитания справедливость имеет большую устойчивость за счет соединения с другими добродетелями – доблестью, храбростью, благоразумием, рассудительностью [4, с. 98]. Аналогичным образом и несправедливость порицается как позорная наряду с подкрепляющими ее пороками (удовольствиями, роскошью, распущенностью, наглостью, беззаконием, стяжатель-

ством) [4, с. 104, 108]. Воспитание справедливости чрезвычайно важно, поскольку ее недостаток является причиной мятежей и раздоров в обществе [4, с. 108]. Справедливость рядоположена с правосудием и является основой закона: «...ведь закон – сын справедливости» [4, с. 109].

Таким образом, если в сочинениях Евсевия мы находим попытку воспеть фигуру императора прежде всего как благочестивого правителя, то для Юлиана справедливость по своему значению превосходит благочестие. Так, можно зафиксировать сосуществование в одну эпоху разных этических моделей, что свидетельствует о вариативности и нелинейности смысловой трансформации понятий благочестия и справедливости.

Тема воспитания добродетелей в душе правителя была продолжена Синезием Киренским (370–413) в сочинении «Περὶ βασιλείας, εἰς τὸν αὐτοκράτορα Ἀρκάδιον» («О царской власти»), написанном во время визита в Константинополь (397–400) и обращенном к императору Аркадию. Синезий делает акцент на благочестии (εὐσεβεία) как основе рассуждения о добродетелях правителя: «Благочестие прежде всего пусть будет составлять прочное основание, на котором статуя будет стоять твердо и непоколебимо, так как при нем никакая сильная буря не может ее потрясти... государь первый из всех при божьей помощи должен научиться управлять самим собою, должен устроить монархию в своей душе» [12, с. 342]. Благочестие здесь понимается как добродетель душевного самоконтроля, полученная от Бога.

Однако религиозное основание оказывается в рассуждении Синезия не единственным. Большую роль играют и античные этические категории. В частности, благоразумие (φρόνησις, точнее – рассудительность) позволяет не впадать правителю в крайности и избегать недостатков в управлении. Синезий задает двойной ориентир (γυμνάσιον) для правителя: на одном полюсе – добродетельная императорская власть, на другом – тирания как ее противоположность. «Тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено

никакого вреда, тот – пастух для овец, государь для людей. Но кто пользуется властью неумеренно, употребляет ее на удовольствия и забавы, думая, что она должна служить к удовлетворению всех его страстей, кто считает выгодным начальствовать над многими, если они служат его прихотям, кто, коротко говоря, хочет не стадо кормить, но самому от стада кормиться, того я назову мясником для скота, того я назову тираном, если он начальствует над разумными людьми. Вот тебе единственная возможная норма царственного поведения» [12, с. 340]. Тирания при этом образует противоположный (отрицательный с точки зрения оценки) полюс хорошей власти (подобно, например, расточительности и щедрости). Здесь Синезий воспроизводит принципы этического учения Аристотеля. «Не страшись никакого другого порока для царской добродетели, кроме тирании, и различай (эти понятия. – Е. К., С. Т., Д. Я.)... император свои склонности подчиняет законам, а для тирана его склонности служат законом» [12, с. 340]. Тем самым император должен в обязательном порядке следовать законам и не нарушать их.

Помимо рассудительности и этических ориентиров правитель должен брать пример с божественных совершенств и качеств. «Кто почтителен к Богу, тот будет также расположен к людям и будет являть себя им таким, каким сам познает Царя (то есть Бога. – Е. К., С. Т., Д. Я.). ...Признаком государя мы считаем его благодеяния, благотворительность в раздаче благ и милостей и другие присущие также и Богу качества» [12, с. 355]. Благочестивый правитель, по Синезию, правильно служит Богу и находится с ним в общении посредством таинств. В результате, научившись у Бога добродетели и совершенствам, он становится справедливым государем. «Основное же заключается в том, что, как раздаватель благ, он должен быть неутомимым в выполнении этого, так же как неутомимо солнце, изливающее лучи на животных и растения. Оно делает это без всякого труда, так как содержит в своей сущности свет и источник света. Итак, внедряясь естественно во все проявления жизни, пусть (государь. – Е. К., С. Т., Д. Я.) сам управляет всем, куда только взор его проникает» [12, с. 355]. Отметим, что глаголом «управляет» в данном фрагменте переведен глагол κοσμίσει,

то есть «упорядочивать», «космизировать», а «настроение души» (βασιλικὴς τῆς ψυχῆς κόσμος) буквально означает «порядок-космос царской души». Так, император венчает своей «божественной солнечной» фигурой хорошо организованный иерархический миропорядок. В этом смысле справедливость становится подчиненной добродетели, поскольку именно благочестие императора приводит к истинному Богу и дает возможность Ему подражать и осуществлять справедливое управление своим народом по аналогии с Богом. В свою очередь государственные чиновники как соправители должны подражать благочестию императора и сами должны быть справедливыми.

В последующие столетия такой основывающийся на христианском благочестии порядок продолжал закрепляться. Как писал И.П. Медведев, Византия как особый социокультурный порядок, особый «таксис», представляла собой единство трех составляющих: «эллинизма как духовной преемственности с культурой античной Греции, романизма как системы государственно-правовых и политических доктрин и христианства как сложного комплекса верований, идущих с Востока» [8, с. 22]. В рамках этого порядка окончательно оформились и закрепились смыслы, определяющие фигуру императора. Заложенная еще Константином тенденция абсолютизировать императорскую власть, «сделать царство земное как бы подобием царства небесного» [1, с. 20], нашла свою окончательную «официальную» реализацию в правление императора Ираклия. В 629 г. Ираклий принял новый титул – πῶτος ἐν Χριστῷ βασιλεὺς (буквально «верный во Христе василевс»). Это событие стало результатом совмещения двух тенденций. Первая имеет истоком эллинистическую традицию, согласно которой царская власть (воплощенная для грекоязычных византийцев в фигуре персидского царя) обретается путем завоевания, свержения в результате военно-политической победы ее носителя и присвоения победителем титула царя и «повелителя ойкумены» [11]. Вторая тенденция явилась итогом глубокой христианизации Византийской империи, введения веры во Христа в официальную титулатуру, благодаря которому религиозные феномены получили политическую «прописку» и закрепились в политико-правовом поле.

Император обязан сам быть благочестивым человеком и руководствоваться благочестивыми законами в своей деятельности, а также обязан обеспечивать справедливость и благочестие во вверенных ему границах. Так, молитвы при инаугурации императора в византийском Евхологии содержат отсылку и к справедливости («правде»), и к благочестию как признаку богоугодного правления: «...тебе молимся, Владыка всяческих, сохрани его под твоей защитой, укрепи его царство, удостой его всегда творить угодное тебе, да в дни его возрастет правда и обилие мира, дабы в мире его проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» [3, с. 196]. У. Тредголд отмечает, что, в отличие от римского общества, в христианской империи проявление терпимости к плохому правлению было возможно при условии личной порядочности императора. Сила общественного мнения выступала, с одной стороны, гарантом недопущения к власти тиранов и нечестивцев, с другой – служила ограждением от посягательств для самой власти [24, р. 135–136]. С течением времени идея о том, что характер правления и личные качества императора выступают индикаторами Божией милости или гнева, все более укреплялась в общественном сознании. Важным ее следствием было допущение критики и даже свержения императорской власти в случае, если император вел неподобающий образ жизни: «Связь между Небесами и императорской должностью была золотой нитью, которая связывала подданных императора в верности ему, и эта нить могла быть ослаблена или даже порвана. Концептуальный дрейф начался в царствование Юстиниана и стал более заметным при его преемниках, когда народ все больше обращал свое внимание на верность Деве Марии и святым как своим истинным защитникам, которые не разделяли ошибочности императоров» [17, р. 65]. Наконец, в «Исагоге» Фотия (Титул 2 «О василевсе») окончательно фиксируется, что император «должен отличаться приверженностью православию, благочестием и другими христианскими добродетелями (параграф 5)» (цит. по: [8, с. 62]). Из этого, в частности, следует, что благочестие в Византии входит во взаимодействие с понятием ортодоксии. При этом ортодоксия

императора имела не столько религиозный смысл, сколько политический. «Борьба с ересями и еретиками, казалось бы, дело церкви, велась в Византии всегда императорскими войсками и императорским судом» [8, с. 75]. Власть императора при этом не была абсолютной, и решающее значение имело представление о взаимоотношениях правителя с высшими силами, а состояние дел в государстве оказывалось следствием не столько качества решений правителя (хотя и это принимается в расчет), сколько того, насколько правитель угоден Богу, а значит, насколько он благочестив. В случае императорского неблагочестия оправдано неподчинение. Федорит Кирский в толковании на известный стих из Послания к Римлянам (Рим.13:1) утверждает: «Иерей ли кто, или архиерей, или давший обет иноческой жизни, да покоряется тем, кому вверено начальство, если только, как очевидно, согласно сие с благочестием. Ибо противление заповедям Божиим не позволяет покоряться начальствующим» [13, с. 160].

Результаты. Анализ выбранных текстов показал, что в византийской политико-философской мысли IV в. н. э. справедливость в качестве политической добродетели вытеснялась благочестием как религиозной добродетелью, определяющей политические решения в пользу одной из противоборствующих сторон. Это хорошо видно при сравнении трудов Евсевия Кесарийского с текстами дохристианской политической мысли. В связи с этим император Юлиан предстает как инициатор неудавшегося реставрационного проекта, призванного вернуть справедливости ее политическое звучание. Текстом, закрепившим окончательное вытеснение справедливости с главенствующего места в политико-идеологическом поле, является речь «О царстве» Синезия Киренского. В то же время греческая культура продолжала оказывать существенное влияние на интеллектуальную атмосферу Византии, а потому классические политические добродетели, систематизированные еще Платоном и Аристотелем, сохраняли свою актуальность для политического и этического дискурсов. Однако их последующее переосмысление в религиозном ключе привело к тому, что в эпоху правления Юстиниана и Ираклия (VI–VII вв.) в иерархии добродетелей императора как центральной фигу-

ры византийского социокультурного порядка (таксиса) окончательно закрепляется приоритет благочестия над справедливостью.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выбранные тексты мы цитируем в основном (кроме нескольких фрагментов из Евсевия Кесарийского, которые приводятся в нашем переводе) по доступным изданиям на русском языке. При этом все цитируемые фрагменты были сверены с греческими оригиналами в следующих изданиях: [18; 20; 21; 23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диль, Ш. История византийской империи / Ш. Диль. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – 160 с.
2. Евсевий Памфил. Слово царю Константину по случаю тридцатилетия его царствования / Евсевий Памфил // Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб.: Тип. К. Фишера, 1850. – С. 343–442.
3. Евхологий Барберини гр. 336 / изд., предисл. и примеч. Е. Велковской, С. Паренти; пер. с итал. С. Голованова; ред. рус. пер. Е. Велковской, М. Живовой. – Омск: Голованов, 2011. – 512 с.
4. Император Юлиан. Полное собрание творений / Император Юлиан; пер. Т. Г. Сидаша. – СПб.: Квадриум, 2016. – 1083 с.
5. Карчагин, Е. В. Понятие справедливости в истории ранневизантийской мысли (IV–VII вв.) / Е. В. Карчагин, С. Б. Токарева, Д. Р. Яворский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 5. – С. 214–226. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.20>.
6. Козеллек, Р. Социальная история и история понятий / Р. Козеллек // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2006. – С. 33–53.
7. Лёр, В. Изменчивый образ инакомыслия: ересь в раннехристианский период / В. Лёр // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. Серия 2, История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 4 (59). – С. 9–27.
8. Медведев, И. П. Правовая культура Византийской Империи / И. П. Медведев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 576 с.
9. О добродетелях и пороках / пер., коммент. и предисл. Е. В. Карчагина и Д. Р. Яворского // «Никомахова этика» в истории европейской мысли.

Альманах / под ред. О. Э. Душина, К. А. Шморана. – СПб. ; Псков : Псков. гос. ун-т, 2017. – С. 227–237.

10. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1990–1994. – Т. 1. – 1990. – 860 с. ; Т. 3. – 1994. – 654 с. ; Т. 4. – 1994. – 830 с.

11. Попов, И. Н. Ираклий / И. Н. Попов, П. В. Кузенков // Православная энциклопедия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/673855.html> (дата обращения: 10.05.2020). – Загл. с экрана.

12. Синезий Киренский. О царстве / Синезий Киренский ; пер. М. В. Левченко // Византийский временник. – 1953. – Т. 6 (31). – С. 327–357.

13. Феодорит Кирский, блж. Толкование на четырнадцать Посланий святого апостола Павла / Феодорит Кирский, блж. – М. : Сиб. Благовонница, 2013. – 650 с.

14. Dagron, G. Emperor and Priest : The Imperial Office in Byzantium / G. Dagron. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 326 p.

15. Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. 1 / hrsg. von H. Diels, W. Kranz. – Berlin : Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1960. – 504 S.

16. Dvornik, F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy : Origins and Background / F. Dvornik. – Washington : Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1966. – 975 p.

17. Evans, J. A. S. The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power / J. A. S. Evans. – L. ; N. Y. : Routledge, 2000. – 360 p.

18. Eusebius. De laudibus Constantini // Eusebius Werke. Bd. 1 / hrsg. von I. A. Heikel. – Leipzig : Hinrichs, 1902. – S. 195–259.

19. Hamphries, M. Christianity and Paganism in the Roman Empire, 250–450 CE / M. Hamphries // A Companion to Religion in Late Antiquity / ed. by J. Loessel, N. J. Baker-Brian. – Hoboken : Wiley Blackwell, 2018. – P. 61–80.

20. Julien (L'Empereur). Ἐγκώμιον εἰς τὸν αὐτοκράτορα Κωνσταντῖνον // L'Empereur Julien. Oeuvres complètes. T. 1, 1re partie. Discours de Julien César / texte établi et traduit par J. Bidez. – Paris : Les Belles Lettres, 1932. – P. 10–68.

21. Julien (L'Empereur). Περὶ τῶν τοῦ αὐτοκράτορος πράξεων ἢ περὶ βασιλείας // L'Empereur Julien. Oeuvres complètes. T. 1. 1re partie. Discours de Julien César / texte établi et trad. par J. Bidez. – Paris : Les Belles Lettres, 1932. – P. 116–180.

22. Kaldellis, A. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome / A. Kaldellis. – Cambridge ; L. : Harvard University Press, 2015. – XVI, 290 p.

23. Synesius Cyrenensis. Oratio de regno // Synesii Cyrenensis hymni et opuscula / ed. N. Terzaghi. – Rome : Polygraphica, 1944. – P. 5–62.

24. Treadgold, W. A History of the Byzantine State and Society / W. Treadgold. – Stanford : Stanford University Press, 1997. – XXIII, 1020 p.

REFERENCES

1. Diehl Ch. *Istoriya vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannoy literatury, 1948. 160 p.

2. Evseviy Pamfil. Slovo tsaryu Konstantinu po sluchayu tridtsatiletiya ego tsarstvovaniya [Eusebius of Caesarea. Oration in Honor of the Tsar Constantine on the Thirtieth Anniversary of His Reign]. *Sochineniya Evseviya Pamfila, perevedennye s grecheskogo pri Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii* [Works of Eusebius of Caesarea Translated from Greek at the Saint Petersburg Theological Academy]. Saint Petersburg, Tipografiya K. Fishera, 1850, pp. 343–442.

3. Velkovskaya E., Parenti S., eds. *Evkhologiy Barberini gr. 336* [The Barberini Euchologion Gr. 336]. Omsk, Golovanov Publ., 2011. 512 p.

4. *Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvoreniy* [Emperor Julian. Complete Works]. Saint Petersburg, Kvadrivium Publ., 2016. 1083 p.

5. Karchagin E. V., Tokareva S. B., Yavorskiy D. R. Ponyatie spravedlivosti v istorii rannevizantiyskoy mysli (IV–VII vv.) [The Concept of Justice in the History of the Early Byzantine Thought (4th–7th Centuries)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 22, no. 5, pp. 214–226. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.20>.

6. Kozellek R. Social'naya istoriya i istoriya ponjatij [Social History and History of Concepts]. *Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia in the 16th–20th Centuries]. Saint Petersburg, Aletejia Publ., 2006, pp. 33–53.

7. Ler V. Izmenchivyy obraz inakomysliya: eres v rannekhristsianskiy period [The Changing Image of Dissent: Heresy in the Early Christian Period]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History], 2014, iss. 4 (59), pp. 9–27.

8. Medvedev I. P. *Pravovaya kultura Vizantiyskoy imperii* [Legal Culture of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Aletejia Publ., 2001. 576 p.

9. O dobrodetelyakh i porokakh [About Virtues and Vices]. Dushin O. E., Shmoraga K. A., eds. «*Nikomahova etika*» v istorii evropeyskoy mysli. *Almanakh* [“Nicomachean Ethics” in the History of European Thought. Almanac]. Saint Petersburg, Pskov, Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, 2017, pp. 227–237.

10. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Works. In 4 Vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1990–1994. Vol. 1, 1990. 860 p.; vol. 3, 1994. 654 p.; vol. 4, 1994. 830 p.

11. Popov I. N., Kuzenkov P. V. Iraklii [Heraclius]. *Pravoslavnyaya enthiklopediya* [The Orthodox

Encyclopedia]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/673855.html> (accessed 10 May 2020).

12. Sineziy Kirenskiy. O tsarstve [Synesius of Cyrene. On Kingship]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1953, vol. 6 (31), pp. 327-357.

13. Feodorit Kirskiy, blazh. *Tolkovanie na chetyrnadtsat Poslaniy svyatogo apostola Pavla* [Theodoret of Cyrhus. Interpretation on the Fourteen Epistles of the Holy Apostle Paul]. Moscow, Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2013. 650 p.

14. Dagron G. *Emperor and Priest: The Imperial Office in Byzantium*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 326 p.

15. Diels H., Kranz W., hrsg. *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Bd. 1. Berlin, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1960. 504 S.

16. Dvornik F. *Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Background*. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1966. 975 p.

17. Evans J.A.S. *The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power*. London, New York, Routledge, 2000. 360 p.

18. Eusebius. De laudibus Constantini. Heikel I.A., hrsg. *Eusebius Werke*. Bd. 1. Leipzig, Hinrichs, 1902, S. 195-259.

19. Hamphries M. Christianity and Paganism in the Roman Empire, 250-450 CE. Loessel J., Baker-Brian N.J., eds. *A Companion to Religion in Late Antiquity*. Hoboken, Wiley Blackwell, 2018, pp. 61-80.

20. Julien (L'Empereur). Enkómion eis tón aytokrátora Konstántion. Bidez J., ed. *L'Empereur Julien. Oeuvres complètes*. Vol. 1. Pt. 1. Discours de Julien César. Paris, Les Belles Lettres, 1932, pp. 10-68.

21. Julien (L'Empereur). Perí tón toú aytokrátoros práxeon i perí vasiléias. Bidez J., ed. *L'Empereur Julien. Oeuvres complètes*. Vol. 1. Pt. 1. Discours de Julien César. Paris, Les Belles Lettres, 1932, pp. 116-180.

22. Kaldellis A. *The Byzantine Republic: People and Power in New Rome*. Cambridge, London, Harvard University Press, 2015. XVI, 290 p.

23. Synesius Cyrenensis. Oratio de regno. Terzaghi N., ed. *Synesii Cyrenensis hymni et opuscula*. Rome, Polygraphica, 1944, pp. 5-62.

24. Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, Stanford University Press, 1997. XXIII, 1020 p.

Information About the Authors

Evgeniy V. Karchagin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Akademicheskaya St 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Dmitriy R. Yavorskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, yavorsky@vistcom.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0465-0361>

Информация об авторах

Евгений Владимирович Карчагин, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Дмитрий Ромуальдович Яворский, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, yavorsky@vistcom.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0465-0361>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

UDC 94«04/14»:27-72

LBC 63.3(0)4-37

Submitted: 31.05.2021

Accepted: 22.09.2021

THE ELEVATION OF THE SEE OF CONSTANTINOPLE AT THE COUNCIL OF CHALCEDON: THE COURSE OF THE PROCEDURE

Mikhail V. Gratsianskiy

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Despite multiple references to the proposed topic in the scholarly literature, it still seems relevant to identify and consistently describe the entire set of measures taken at the Council of Chalcedon in order to raise the status of the see of Constantinople. *Methods.* The work is based on the application of the historical-critical method of analysing source data of the original text, compiled in Greek and Latin. *Analysis.* The article consistently describes and analyses the church-political steps and actions taken during the conciliar meetings, which paved the way for the elevation (“addition to honour”) of the see of Constantinople, which took place during the 17th conciliar act. These measures included the corroboration of the status of the Council of Constantinople in 381 as the Second Ecumenical Council, the use of the ecclesiastical and political actions of the see of Constantinople in the previous period as court of appeal and “superprovincial” instance as precedents, as well as a demonstration of the equal status of the Archbishop of Constantinople in relation to his Roman counterpart. The result was the adoption of the so-called 28th canon and its approval by the officials presiding at the council, and then by the emperor Marcian himself. *Results.* The author concludes that the actions taken by the officials, who were presiding at the council, and the representatives of the Church of Constantinople during the council were planned and consistently aimed at establishing the equal honour of the see of Constantinople in relation to the see of Rome and its second place in regard to the latter. He also points to certain similarities in the process of elevation of both sees.

Key words: Ecumenical Councils, the Council of Chalcedon, the 28th Canon of the Council of Chalcedon, the Second Council of Constantinople (381), the 3rd Canon of the Council of Constantinople, the See of Constantinople, Primacy of Honour.

Citation. Gratsianskiy M.V. The Elevation of the See of Constantinople at the Council of Chalcedon: The Course of the Procedure. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 236-251. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

УДК 94«04/14»:27-72

Дата поступления статьи: 31.05.2021

ББК 63.3(0)4-37

Дата принятия статьи: 22.09.2021

ПРОЦЕДУРА ВОЗВЫШЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ КАФЕДРЫ НА IV ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ В ХАЛКИДОНЕ

Михаил Вячеславович Грацианский

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Несмотря на многочисленные обращения исследователей к предложенной теме, до сих пор представляются актуальными выявление и последовательное описание всей совокупности мер, предпринятых на Халкидонском соборе с целью возвышения константинопольской кафедры. *Методы.* Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом и латинском языках. *Анализ.* В статье последовательно описываются и анализируются церковно-политические шаги и действия, предпринятые в ходе соборных заседаний, которые подготавливали почву для состоявшегося в ходе 17-го соборного деяния возвышения («прибавления к чести») константинопольской кафедры. Эти меры включали закрепление статуса Константинопольского собора 381 г. как Второго Вселенского, использование церковно-политических действий константинопольской кафедры в предшествующий период как апелляционной и «сверхпровинциальной» инстанции в качестве precedents, а также демонстрацию равного статуса константинопольского архиепископа по отношению к

римскому. Итогом было принятие так называемого 28-го соборного правила и его утверждение со стороны председательствующих на соборе чиновников, а затем и императора Маркиана. *Результаты.* Автором делается вывод о планомерности и последовательности действий, проводимых на соборе председательствующими чиновниками и представителями Константинопольской Церкви и направленных на утверждение равного по чести и второго по положению статуса столичной кафедры по отношению к кафедре римской, а также о сходстве процессов возвышения обеих кафедр.

Ключевые слова: Вселенские соборы, Халкидонский собор, 28-е правило Халкидонского собора, II Вселенский собор в Константинополе 381 г., 3-е правило II Вселенского собора, константинопольская кафедра, первенство чести.

Цитирование. Грацианский М. В. Процедура возвышения константинопольской кафедры на IV Вселенском соборе в Халкидоне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 236–251. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.19>

Введение. Одним из наиболее значительных свершений IV Вселенского собора, состоявшегося в Халкидоне осенью 451 г., было признание за константинопольской церковной кафедрой статуса равной по чести и второй по положению после кафедры римской – событие, сохраняющее свою актуальность вплоть до нынешнего времени. Несмотря на всеобщую известность этого факта, а также сравнительное изобилие литературы, посвященной этому событию, его предпосылкам и последствиям, согласно нашим наблюдениям, до сих пор не было предпринято попытки сведения воедино данных сохранившихся актов Халкидонского собора, относящихся к процедуре возвышения константинопольской кафедры. В своем большинстве исследователи концентрируют внимание на так называемом 17-м (согласно греческим актам) деянии Халкидонского собора, на котором, собственно, и было принято решение о «прибавлении к чести» константинопольского престола. Между тем это итоговое решение было результатом целого ряда отдельных шагов, отраженных в «деяниях» собора, которые были составлены в ходе его отдельных заседаний. Все они отражают определенную логику и выявляют тенденцию, позволяющую уверенно говорить о том, что возвышение константинопольской кафедры было заранее запланированным и последовательно проведенным мероприятием, которое можно реконструировать на основе целого ряда эпизодов, имевших место на протяжении практически всего хода соборных заседаний.

Таким образом, настоящая статья имеет целью показать, что возвышение константинопольской кафедры было последовательно осуществленным мероприятием, а задачами –

выявление и описание отдельных эпизодов этого мероприятия.

Методы. Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источника, используемого в оригинале на греческом и латинском языках.

Анализ. Следует обратить внимание на порядок упоминания участников Собора. Прежде всего приводится список светских чиновников, присутствовавших на соборе «по приказу» (κατὰ κέλευσιν) императора в качестве судей (ἄρχοντες, iudices). В этом списке первыми приводятся действующие чиновники высшего ранга, а затем отдельно сенаторы, в том числе и бывшие высокопоставленные сановники.

Далее указывается, что собрался созванный «по божественному повелению (θεσπισμα)», то есть по императорскому указу, «святая и вселенский собор». За этой фразой следует указание на группу первенствующих предстоятелей этого собора: легатов «архиепископа старшего Рима» Льва, «архиепископа Константинополя-Нового Рима» Анатолия и «архиепископа великого града Александрии» Диоскора [12, р. 56.4–8] (ср.: [15, р. 28.26]). Особый статус Льва и Анатолия Константинопольского как первенствующих или председательствующих на соборе не подчеркивается: они упомянуты наравне с Диоскором Александрийским в порядке «чести» их кафедр. Перечисление прочих участников собора предваряется словами «и остальных блаженнейших и благочестивейших епископов, а именно...» [12, р. 56.9]. Первыми в списке «остальных епископов» упоминаются Максим Антиохийский и Ювеналий Иерусалимский ¹.

Вопрос о первенстве константинопольского архиепископа возник по ходу чтения

актов Эфесского собора 449 г., в начале которых при перечислении участников собора столичный архиепископ упоминается на пятом месте после Диоскора Александрийского, папского легата Юлия, Ювеналия Иерусалимского и Домна Антиохийского, причем все перечисленные в актах Эфесского собора иерархи называются безразлично «боголюбнейшими и блаженнейшими епископами» [12, р. 77.17–26]. В связи с этим чтением между участниками Халкидонского собора происходит примечательный диалог. Восточные епископы выразили свое возмущение тем, что в Эфесе Флавиан Константинопольский «сидел не на своем месте» и был поставлен лишь пятым. Последовала реплика папского легата Пасхазина: «Вот у нас господин Анатолий первый; они же блаженного Флавиана поставили пятым (πέμπτον ἔταξαν)». И ответ на нее Диогена Кизического: «Потому что вы знаете каноны!» [12, р. 78.1–4]. Этот эпизод наглядно демонстрирует отсутствие разногласий между участниками собора касательно положения константинопольского предстоятеля как сопредседателя собора и одного из трех, а после осуждения Диоскора Александрийского двух «архиепископов»². Тем не менее реплика Диогена Кизического является примечательной, поскольку на данном этапе остается неясным, какой канон имеется в виду как регламентирующий положение константинопольской кафедры.

Другим важным с точки зрения последующего определения полномочий константинопольской кафедры эпизодом было обсуждение исповедания веры Евтиха, которое тот представил в ходе Эфесского собора. Приводя в своем послании к собору Символ веры, Евтих привел его в первоначальной никейской редакции, не включавшей после слова «воплотившегося» (σάρκα θέντα) слова «от Духа Свята и Марии Девы» (ἐκ πνεύματος ἁγίου καὶ Μαρίας τῆς παρθένου) [12, р. 90.30–35], включенные в Символ веры в позднейшее время [35, S. 52–69; 32, S. 132–208; 38, S. 213–214; 11, S. 357–362]. По мнению Диогена Кизического, данный факт свидетельствовал о приверженности Евтиха ереси Аполлинария Лаодикийского, однако такое заявление вызвало возмущение египетских епископов: «Никто не принимает прибавления (προσθήκη), – кричали они, – никто [не принимает] умаления (μείωσιν)! Да воз-

обладает [Символ] никейцев! Православный царь так повелел!» (12, р. 91.31–33). В ходе третьего деяния председательствующие сановники поставили собору задачу дать определение «истинной вере». В частности ими было заявлено: «Ибо хотим мы, чтобы вы знали, что божественнейший и благочестивейший владыка вселенной (δεσπότης τῆς οἰκουμένης) и мы храним православную веру, переданную тремястами восемнадцатью и ста пятьюдесятью (τὴν παρὰ τῶν τῆ καὶ παρὰ τῶν ρν'), а также и остальными святыми и славными отцами, и согласно с нею веруем» (13, р. 78 [274].12–14; 26, S. 217–219). Под «тремястами восемнадцатью» и «ста пятьюдесятью» отцами имелись в виду участники Вселенского собора 325 г. в Никее и, как выяснилось из дальнейшего, Собора 381 г. в Константинополе. Последний собор к тому времени не имел статуса, сравнимого с Никейским или Эфесским 431 г., и тем самым данное заявление императорских чиновников оказалось призывом признать за ним статус, равный Никейскому [32, S. 209–220; 28, S. 51–53]. Решающим аргументом здесь оказывается признание собора 381 г. вселенским со стороны императора, высших чиновников и столичных сенаторов.

И действительно, в ходе третьего деяния в качестве основы для выработки халкидонского вероопределения константинопольский («цареградский») Символ веры впервые официально объявляется «согласным» (συμφωνοῦσα) Никейскому [13, р. 80 [276].1–2]. В качестве основополагающего вероучительного документа Вселенского собора 431 г. в Эфесе объявляется послание Кирилла Александрийского к Несторию и его же послание к Иоанну Антиохийскому [13, р. 80 [276].19–81 [277].8.], а в качестве основы халкидонского ороса было предложено принять послание папы Льва к Флавиану [13, р. 81 [277].8–82 [278].3]. Последнее предложение вызвало возражения иллирийских и палестинских епископов, запросивших время для ознакомления с письмами Кирилла и Льва и их сравнения на предмет тождества веры в них изложенной. Председательствующие чиновники предоставили им 5 дней для обсуждения и согласования позиции с Анатолием Константинопольским [13, р. 82 [278].4–84 [280].6; 1, с. 82–83; 40, р. 29–37; 26, S. 241–258].

В результате обсуждения удалось прийти к единому мнению относительно статуса послания Льва к Флавиану. Оно было озвучено в ходе четвертого деяния легатами папы: «Святой и блаженнейший собор правилу веры, которое было установлено отцами в Никее, следует и придерживается, но также и собравшийся в Константинополе при святой памяти Феодосии Старшем собор ста пятидесяти [отцов] ту же самую веру утвердил³, какового Символа изложение, предложенное в Эфесе, когда за свое коварство был осужден Несторий, блаженной памяти муж Кирилл равным образом приемлет. В-третьих же, отправленные письма блаженнейшего и апостольского мужа, папы Вселенской Церкви (*uniuersalis ecclesiae papae*) Льва, осуждающего ересь Нестория и Евтиха, изложили, что есть истинная вера. Равно же и святой собор этой веры придерживается, ей следует, ничего сверх ни прибавить не может, ни убавить (*hanc fidem tenet, hanc sequitur; nihil amplius nec addere potest nec minuire*)» [16, р. 105 [364].17–26]⁴. Перед священным евангелием участники собора засвидетельствовали свое согласие с этим суждением. Епископы Иллирика и Палестины также присоединились к нему, подчеркнув, что тождество вероучения папы Льва и трех соборов было разъяснено им папскими легатами и Анатолием Константинопольским [13, р. 101 [297].40–103 [299].6; 40, р. 117–120; 26, S. 221–222]. Тем самым римские легаты согласились с общецерковным статусом Константинопольского собора 381 г. как необходимого этапа утверждения никейской веры.

20 октября 451 г. состоялось слушание по иску Фотия Тирского против епископа Евстафия Беритского⁵. Протоколы этого слушания представлены в виде последнего, девятнадцатого соборного деяния, причем в сохранившейся латинской версии актов оно отсутствует [14, р. 101 [460]–110 [469]]. Предметом спора было дарование императором Феодосием II (408–450) городу Бериту привилегий митрополии. Как явствует из показаний Фотия Тирского, Евстафий Беритский начал при этом совершать хиротонии в нескольких городах провинции Первой Финикии [14, р. 106 [465].5–6].

Фотий Тирский, поначалу согласившийся с новым церковно-административным

порядком в провинции, предпринял затем рукоположения в городах, присвоенных себе Евстафием Беритским. Последний же низложил их, низведя в сан пресвитера. Дело о поставлении Фотием епископов было доведено до патриарха Константинопольского и в 450 г. рассмотрено в столице «пребывающим собором» (*σύνδοχος ἐνδημοῦσα*). Собор подтвердил права Евстафия на рукоположения в шести городах и постановил подвергнуть Фотия отлучению от общения. Под решениями собора подписался и Максим Антиохийский, находившийся в Константинополе [14, р. 106 [465].5–31; 24, р. 74–75, 122].

На основании этих фактов заслушивающие дело чиновники обратились к Анатолию Константинопольскому за разъяснениями, имел ли право «пребывающий собор» Константинополя рассматривать подобное дело в отсутствие обвиняемого. Более того, сенаторы поставили вопрос, можно ли вообще считать собрание (*τὴν συνέλευσιν*) епископов, «пребывающих» (*ἐκδημοῦντων*) в «царском граде», собором [14, р. 106 [465].37–41]. Ответ Анатолия о том, что собрание епископов в столице традиционно рассматривает поступающие на рассмотрение дела и выносит по ним решения, был принят чиновниками без возражений. Тем не менее факт суда над Фотием в отсутствие последнего был признан не отвечающим правовым нормам, и дело было пересмотрено в его пользу. Что касается положения Константинополя, то важным представляется тот факт, что как статус «пребывающего собора», так и права его юрисдикции в принципе не были подвергнуты сомнению.

В ходе заседания 22 октября 451 г., отраженного в пятом соборном деянии, было озвучено и принято соборное вероопределение. В его тексте в нескольких местах было зафиксировано ключевое положение Константинопольского собора 381 г. как одного из вселенских соборов, заложивших основы православного вероопределения. Озвучивавший соборный орос архидиакон Константинопольской Церкви среди прочего зачитал следующее: «Что мы и сделали, единогласно изгнав догматы заблуждения, обновив незаблуждающуюся веру отцов, провозгласив для всех символ 318 [отцов] и записав в качестве своих 150 отцов, принявших это знамя

(σύνθημα) благочестия, которые позднее собрались в этом великом граде Константина и сами ту же веру запечатлели. Итак, храня ранг и все определения о вере встарь бывшего святого Собора в Эфесе, предводителями которого были святой памяти Целестин, [епископ] римлян, и Кирилл, [епископ] александрийцев, мы определяем, что изложение правой и безупречной веры 318 святых и блаженных отцов, собравшихся в Никее при благочестивой памяти бывшем императоре Константине, предсаяет [προλάμπει], но действует и [все] то, что определено (τὰ... ὁρισθέντα) 150-ю святыми отцами в Константинополе, во устранение явившихся тогда ересей и утверждение той же кафолической и апостольской нашей веры» [13, р. 126 [322].21–127 [323].8].

Несмотря на то что далее текст ороса воспроизводит последовательно никейский и цареградский символы веры, следует отметить, что приведенная нами выше часть ороса фактически заявляла о легализации на «все-ленском» уровне всех вообще определений (τὰ ὁρισθέντα) Константинопольского собора 381 г. [35, S. 47–51; 40, р. 191–194; 26, S. 222].

Озвученный константинопольским диаконом орос в ходе последующего деяния был одобрен лично императором Маркианом, обратившимся к собору с краткой речью на латинском («римском»), а затем на греческом языке ⁶. В связи с интересующей нас здесь темой отметим, что в качестве основы халкидонского вероисповедания император выделил никейские постановления и «Томос» папы Льва к Флавиану, однако не упомянул Константинопольского собора 381 года. По завершении речи императора был вновь зачитан соборный орос, и в присутствии Маркиана состоялось его торжественное подписание участниками собора [20, р. 130–132; 1, с. 84–85; 40, р. 183–194; 26, S. 264–270]. Затем император предложил собору обратиться к другим темам: «Есть несколько пунктов (κεφάλαια), которые ради чести вашей богобоязненности мы вам оставили, считая подобающим, чтобы они были [скорее] сформулированы канонически (κανονικῶς) на соборе, нежели постановлены нашими законами (νόμοις)» [13, р. 156 [352].31–33].

Когда эти пункты (соборные каноны) были зачитаны, текст был передан Мар-

кианом «боголюбнейшему архиепископу царственного Константинополя Нового Рима Анатолию» и одобрен посредством аккламаций [34]. Первыми озвучивают свое мнение легаты папы и Анатолий Константинопольский. Последующие епископы подчеркивают, что присоединяются к их решению [14, р. 10 [369].28–30, 38 [397].39–41, 40 [399].13–15, 41 [400].16, 41 [400].26–27]. Этим были продемонстрированы, с одной стороны, первенство предстоятелей Рима и Константинополя, а с другой – их равенство.

Вопрос об особых правах Константинопольского архиепископа был затронут 29–30 октября в ходе заседания, на котором разбирался иск низложенного митрополита Эфесского Вассиана, требовавшего вернуть ему кафедру [1, с. 91; 41, р. 1–3, 18–19; 26, S. 314–319]. Одним из главных доводов Вассиана в пользу законности занятия им эфесской кафедры было то, что в своем епископском достоинстве он был утвержден императором Феодосием II. Во время нахождения Вассиана в Константинополе император принял его и представил константинопольскому архиепископу Проклу (434–446), который в свою очередь направил в Эфес соборное послание (синодику), подтверждающее избрание Вассиана [14, р. 46 [405].36–47 [406].5]. Противники Вассиана, представлявшие сторону Стефана, занявшего эфесскую кафедру в результате смещения Вассиана, настаивали на недействительности его поставления, поскольку изначально он был рукоположен во епископа другого города, кафедру которого он в свое время отказался занять.

Между тем по ходу разбирательства Лукиан, епископ города Визы во Фракии, поддержал позицию Вассиана, озвучив следующий тезис: «Имеющий [право] утверждения (ὁ ἔχων τὸ κῆρος) блаженный Прокл принял его; принял его и блаженный Феодосий, благочестивейший император, и, призвав их, сделал их друзьями» [14, р. 48 [407].32–35]. В отличие от противников Вассиана, апеллировавших к 16-му и 17-му правилам Антиохийского собора [14, р. 48 [407].19–27], Лукиан заявил, что право константинопольского предстоятеля утверждать избрание эфесского епископа основано на 4-м правиле Никейского собора. Это правило включает следующее положение:

«утверждение (τὸ κῆρος) же происходящего дается в каждой провинции епископу митрополии» [22, р. 22]. Тем самым в высказывании Лукиана, заявившего, что константинопольскому архиепископу принадлежит право утверждения избрания митрополитов, легко усматривается натяжка, поскольку митрополичье право утверждения избрания епископов провинции он экстраполировал на более высокий уровень церковной организации.

По требованию императорских чиновников столичные клирики должны были засвидетельствовать факт признания Проклом епископского достоинства Вассиана. Клирики подтвердили факт отправки в Эфес синодики и включение имени Вассиана в диптихи Константинопольской Церкви [14, р. 49 [408].30–36]. Далее было выяснено, что соперник Вассиана Стефан был возведен в епископское достоинство Диоскором Александрийским якобы по приказу императора Феодосия [14, р. 50 [409].1–2]. После приведения дополнительных свидетельств в пользу Вассиана Лукиан Визский и Мелифтонг Юлиопольский заявили, что Вассиан, четыре года невозбранно бывший епископом в Эфесе и признанный в этом сане императором и Проклом Константинопольским, является законным епископом [14, р. 50 [409].30].

В итоге судьи огласили вердикт, согласно которому ни Вассиан, ни его соперник Стефан не имели законных прав занимать эфесскую кафедру. Судьи заявили, что необходимо избрать нового епископа и обратились к собору с предложением высказаться по поводу этого решения. От имени собора выступили римские легаты и Анатолий Константинопольский, выразившие согласие с решением судей. Анатолий также указал, что оба тяжущихся епископа должны оставить свою должность, а Эфесу будет дан (δοθήσεται) новый епископ. Отцы собора поддержали это решение.

Присутствующими епископами провинции Асия их реплики были восприняты как намерение немедленно приступить к рукоположению нового митрополита, против чего они стали решительно возражать [14, р. 52 [411].17–21]. Судьи обратились к собору с уточняющим вопросом о том, где согласно канонам должен быть рукоположен епископ Эфеса, и получили ответ, что это должно

произойти «в [самой] провинции». На это последовал ряд возражений. Диоген Кизический отметил: «В обычае [делать это] здесь. Если бы епископ был [поставлен] из Константинополя, такого бы не произошло. Там они рукополагают лавочников ⁷, и из-за этого происходит разброд (ἀνατροπή)» [14, р. 52 [411].29–31]. Несмотря на отдельные возражения асийцев константинопольские клирики стали заявлять о регулярности поставления асийских епископов в Константинополе, ставя в пример действия Иоанна Златоуста, а также приводя имена эфесских митрополитов, рукоположенных или утвержденных в столице.

На это некоторые епископы, очевидно в поддержку вынесенного решения, стали кричать: «Да имеют силу каноны! Голоса императору!» Столичные клирики на это заявили следующее: «[Дела] ста пятидесяти святых отцов да имеют силу! Привилегии Константинополя (τὰ προνόμια Κωνσταντινουπόλεως) да не погибнут! Рукоположение по обычаю происходит от здешнего архиепископа (ὕπὸ τοῦ ὧδε ἀρχιεπισκόπου)!» [14, р. 53 [412].5–7]. Данная реплика была подана как бы вопреки позиции Анатолия, заявившего о согласии с предложенным судьями постановлением, которое не признавало легитимности Вассиана Эфесского даже несмотря на признание за ним епископского достоинства со стороны императора и Прокла Константинопольского. Впрочем, вполне возможно, что аккламации клириков имели целью неофициально заявить позицию Константинопольской Церкви в ситуации, когда ее предстоятелю представлялось более уместным официально присоединиться к позиции императорских чиновников и папских легатов.

Но наиболее важной в политическом отношении частью реплики была увязка с обсуждаемой ситуацией постановлений 150 отцов Константинопольского собора 381 г., авторитет которого на предыдущих сессиях был поставлен наравне с Никейским собором и Эфесским собором 431 года. Константинопольские клирики открыто дали понять, что авторитетность постановлений этого собора выражается не только в формулировке «цареградского» Символа веры, но и в прочих определениях, из числа которых треть действительно касалось привилегий Константинополя: «Епископу же Константинополя иметь преимущества чести

(τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς) после епископа Рима в силу того, что он есть Новый Рим» [22, р. 66; 8, с. 201–207]. Тем самым столичные клирики представили факт утверждения Константинополем избрания асийского митрополита как «привилегию», основанную на определении II Вселенского собора.

Еще более любопытным представляется упоминание клириками «здешнего архиепископа». Его следует сопоставить с фразой Диогена Кизического, указавшего на обычай рукополагать «здесь», то есть в Константинополе. Между тем собор проходил в Халкидоне, в провинции Вифиния Понтийского диоцеза, а отнюдь не в Константинополе, и тем не менее, с точки зрения и клириков Константинополя, и Диогена, епископа города Кизика в провинции Геллеспонт, собор оказывается как бы на территории, подчиненной архиепископу Константинопольскому, в силу чего они и используют наречие «здесь».

В связи с возникшими разногласиями судьи перенесли на следующий день принятие соборного решения о том, следует ли рукоположить для Эфеса нового епископа, или же оставить кого-то из прежних – Вассиана или Стефана. Члены собора на этот раз высказались в пользу того, чтобы был рукоположен новый епископ, причем первым высказался Анатолий Константинопольский, а лишь затем легат папы Пасхазин. Так как даже среди представителей папы не оказалось единства по этому вопросу, судьи призвали участников на Евангелии заявить, следует ли оставить на эфесской кафедре одного из тяжущихся, или отвергнуть обоих [14, р. 54 [413].3–8]. Участники собора вновь заявили свои мнения, причем первым опять высказывался Анатолий Константинопольский, что выглядело как указание на его юрисдикцию в отношении провинции Асия. Возобладало мнение, высказанное им и легатом Пасхазин, и судьи утвердили его в качестве окончательного приговора. Так, в ходе обоих заседаний было озвучено и реализовано право константинопольского архиепископа принимать решения относительно эфесской кафедры.

В ходе следующего 14-го деяния 30 октября 451 г. рассматривался иск митрополита Никомидии Евномия, поданный уже в ходе собора императору против митрополита Ни-

кеи Анастасия [1, с. 91–92; 41, р. 23–24; 26, S. 310–312]. Последний, по словам Евномия, нарушил митрополичьи права никомидийского епископа в пределах провинции Вифиния, присвоив себе право рукоположения в городке Василинополе. По мнению Евномия, Анастасий нарушил одновременно «действующие в церквях императорские и церковные определения». По мнению же Анастасия, Евномий похитил у него древние права, о чем тот неоднократно докладывал Анатолию Константинопольскому [14, р. 57 [416].43–58 [417].37] ⁸. Согласно мнению Евномия, ему были подчинены церкви во всех городах Вифинии, в то время как Анастасий утверждал, что Василинополь, прежде бывший «районом» (ῥεγεῶν) Никеи, а при императоре Юлиане получивший статус полиса, в церковном и гражданском отношении всегда зависел от Никеи. Права никейского епископа в отношении рукоположения епископа в Василинополе подтверждались и грамотами константинопольских епископов Иоанна Златоуста и Прокла.

Между тем Евномий оспаривал факт рукоположений василинопольских епископов никейскими митрополитами, говоря, что если единичный подобный случай и имел место, это произошло «в похищение» (καθ' ὑφαρπαγήν) прав никомидийского митрополита [14, р. 59 [418]]. В свою очередь Анастасий в подкрепление прав решать дела церкви Василинополя вновь сослался на авторитет константинопольского архиепископа, который ранее в ходе спора, послужившего ныне поводом к иску со стороны Евномия, не занял однозначно сторону никомидийского епископа.

Судьи затребовали представить канон, который бы регулировал данную ситуацию. Был зачитан 4-й канон никейского собора, определявший право митрополита утверждать рукоположения в провинциях. Анастасий на это заявил, что митрополит – он. Судьи потребовали доказательств [14, р. 60 [419]], на что Анастасий предъявил им текст эдикта императоров Валентиниана I и Валента, подтверждающий за Никеей права митрополии [14, р. 61 [420].1–17]. В ответ на это Евномием Никомидийским был представлен аналогичный по смыслу эдикт Валентиниана I (364–375), предоставляющий права митрополии Никомидии [14, р. 61 [420].25–27].

Судьи замечают на это, что ни одна из «божественных грамот» не касается городско-го епископства, однако грамота, данная Никее, говорит, что достоинство прочих городов не умаляется в связи с возвышением Никее. Канон же предусматривает наличие в провинции одного митрополита. В ответ на это участники собора заявляют, что приоритет должен быть отдан канонам. Согласно выраженному мнению, в данном деле право рукоположения всех епископов провинции должно считаться принадлежащим Никомидии, «поскольку она митрополия с древности (ἐξ ἀρχαίου)» [14, р. 62 [421].4–5]. Это мнение было особо подтверждено епископами понтийского диоцеза, к которому относилась Вифиния. Относительно статуса Никее они заявили, что последняя – митрополия лишь по имени и «предпочитается (πρωτεύεται) прочим епископам провинции одной своей честью (τῇ τιμῇ μόνῃ)» [14, р. 62 [421].13–14].

Собор согласился с этим мнением, однако константинопольский диакон Аэтий заявил: «Мы ходатайствуем перед Вашим великолепием, испрашивая, чтобы в отношении святейшего престола Константинополя не вынесло никакого предварительного суждения⁹ ни то, что заявляется ныне (τὰ νῦν διαλαλούμενα) блаженнейшими епископами, ни то, что происходит (τὰ κινούμενα) между боголюбезнейшим епископом никомидийцев Евномием и боголюбезнейшим епископом никейцев Анастасием, ни то, что постановляется в отношении них (τὰ ἐπ’ αὐτοῖς τυπούμενα). Ибо святейший престол Константинополя либо сам осуществляет хиротонию (τὴν χειροτονίαν αὐτὸς ἐνεργεῖ) в Василинополе вместе с остальными, либо позволяет [ей] произойти (ἐπιτρέπει γενέσθαι), согласно тому, что смогут многократно засвидетельствовать исходящие и исходившие грамоты. Мы просим представить эти письма» [14, р. 62 [421].17–25].

Судьи, ссылаясь на высказанное мнение собора, выносят постановление удовлетворить иск Евномия Никомидийского, в отношении же заявления представителя Константинополя говорят следующее: «Что же подобает престолу святейшей церкви великоименитого Константинополя в отношении рукоположения в провинциях, это будет разобрано на святом соборе в свою очередь (κατὰ τάξιν)» [14, р. 62

[421].31–33]. О том, что вопрос о привилегиях константинопольского престола на Соборе будет поднят, стало известно от председательствующих сановников заранее и не составляло тайны для его участников.

На пятнадцатом деянии 31 октября 451 г. рассматривалось дело Савиниана, низложенного епископа Перрского, подавшего императорам иск против своего предшественника Афанасия, ранее низложенного, но вновь занявшего кафедру Перры по решению Эфесского собора 449 г. [14, р. 64 [423].40–65 [424].25; 1, с. 92; 41, р. 34–36; 19, р. 67–71; 26, S. 319–322]. Савиниан был низложен Диоскормом Александрийским «посредством» (διὰ) собственного митрополита Стефана, который восстановил на кафедре города Перры ранее низложенного антиохийским собором Афанасия [14, р. 65 [424].28–66 [425].6]. В своем ответном слове Афанасий заявил, что его дело уже давно было заслушано Кириллом Александрийским и Проклом Константинопольским, которые направили «однозначные определения» (φανεροὺς τύπους) Домну Антиохийскому. Последний согласился их исполнить, однако незадолго до смерти Кирилла призвал Афанасия на новый суд. Ссылаясь на то, что решение по его делу уже вынесено, Афанасий отказался на него явиться [14, р. 66 [425].10–19]. В результате состоявшийся в Антиохии в 445 г. собор его низложил, заявив, что Афанасий ввел в заблуждение Прокла Константинопольского и Кирилла Александрийского. На основании данного решения, подтвержденного присутствующими в Халкидоне участниками собора 445 г., судьи сохранили перрскую кафедру за Савинианом [14, р. 82 [441].36–83 [442].25]. С точки зрения роли Константинополя данное дело примечательно участием в нем Прокла Константинопольского, который в свое время счел возможным в почтительных выражениях рекомендовать антиохийскому архиепископу повторно рассмотреть дело, что в итоге и произошло¹⁰.

Тенденции к узаконению особого положения константинопольского престола, обозначенные в ходе предшествующих соборных заседаний, достигают кульминации 31 октября и 1 ноября в ходе последних деяний – 16-го и 17-го, и венчаются соборным приговором, сформулированным в 28-м халкидонском

правиле и интерпретированным в окончательном решении императорских чиновников¹¹.

Хотя эти события отражены в актах в виде 16-го и 17-го соборных деяний, следует отметить, что в данном случае акты не сохранили записей важного заседания, состоявшегося вечером 31 октября. 16-е соборное деяние относится к тому же заседанию, на котором было рассмотрено дело Савиниана, однако выглядит несколько странно¹². Греческие акты содержат лишь эпизод с зачитыванием папским легатом Бонифацием послания папы Льва к собору [14, Р. 83 [442].31–42], в то время как латинская версия отсутствует. Из событий, последовавших в ходе 17-го деяния, становится известно, что накануне, в завершающей части 16-го деяния, были приняты решения относительно константинопольской кафедры. Таким образом, выясняется, что и по-гречески 16-е деяние сохранилось лишь фрагментарно¹³.

Его акты содержат список участников и описывают процедуру зачитывания, по инициативе римских представителей, послания папы Льва к Собору, привезенное Юлианом Косским [14, р. 83 [443].28–85 [444].42; 42, S. 81–82]. Послание было составлено еще 26 июня и адресовано отцам собора. Необходимость озвучить его целиком (чего не было сделано в начале заседаний собора), выясняется лишь из обстоятельств, которые представлены в 17-м деянии и будут анализироваться нами ниже. На их основании можно сделать предположение о том, какие именно пассажи послания Льва имели значение в данном контексте.

По нашему мнению, важной является вступительная часть послания: «Ради любви к нашему сообществу желал я, любезнейшие, чтобы все священники Господа упорствовали в единой приверженности кафолической вере, и никто не отклонялся ради благоволения или страха перед светскими властями [так], чтобы сойти с пути истины. Но поскольку много происходит [такого], что может породить раскаяние, ... следует принять исполненный благочестия совет милосерднейшего принцепса, посредством которого он пожелал собрать святое Ваше братство для разрушения козней дьявола и восстановления церковного мира, соблюдая право и сан (*iure atque honore seruato*)

блаженнейшего апостола Петра тем, что своими письмами об этом деле пригласил и нас, дабы предоставили мы досточтимому собору наше присутствие» [14, р. 51.31–52.8]. Далее Лев объясняет, что обстоятельства времени и отсутствие «обычая» (*consuetudinem*) являться на собор лично вынудили его отправить легатов, посредством которых он намеревался «председательствовать» (*praesidere*) на соборе. Понтифик указывает на свое несомненное православие и предписывает не устраивать никаких диспутов о вере, которая «наиболее полным и ясным образом» уже была изложена в его «Томосе». Он призывает к возвращению на свои кафедры низложенных за веру епископов, чтобы «никто не был настолько лишен своего, чтобы другой пользовался чужим (*nec quisquam ita careat propriis, ut alter utatur alienis*)», поскольку «ни у кого не должен пропасть ранг (*nemini quidem perire honor debeat*)», и «тем, кто трудился ради веры, должно быть восстановлено их собственное право со всей его привилегией (*cum omni priuilegio suo oporteat ius proprium reformari*)» [18, р. 52.9–30].

По сути дела, в ситуации, когда в конце дня 31 октября сановники покинули заседание, чтение письма было призвано напомнить епископам, что заседание должно быть под председательством римских легатов. Пассажи о сохранении кафедрами своих достоинств и пресечении покушений на чужие права были призваны предотвратить рассмотрение дела о возвышении константинопольской кафедры, заявленное накануне сенаторами. Из дальнейшего становится ясно, что вечером 31 октября папские легаты покинули заседание вслед за чиновниками. Акты состоявшегося на следующий день 17-го деяния фиксируют реакцию римских легатов на решения, принятые собором в их отсутствие [41, р. 67–73]. В силу последнего обстоятельства, по мнению легатов, эти решения должны были противоречить «церковным канонам и дисциплине» (*praeter canones ecclesiasticos et disciplinam*), и потому они потребовали их публичного оглашения [17, р. 101 [540].15–19].

Текст 17-го деяния, сохранившегося на обоих языках, содержит следующее разъяснение константинопольского архидиакона Аэтия: «Признано (*ὁμολόγηται*), что относи-

тельно определения веры они приняли [то], что подобает. А на соборах есть обычай, чтобы после того, как будет определено самое важное, рассматривалось и определялось и иное необходимое. У нас, то есть у святейшей Константинопольской Церкви, было что публично (φανερά τινα) совершить. Мы пригласили господ епископов из Рима стать соучастниками совершаемого. Они отказались, говоря, что не получили таких инструкций (ἐντολάς). Мы доложили и Вашему великолепию. Вы приказали присутствующему святому собору это самое рассмотреть. Когда Ваше великолепие удалилось, святейшие епископы, поскольку [это] дело было здесь общим, приступив, запросили, чтобы это деяние (τὴν πράξιν) состоялось. Они присутствуют здесь, а [деяние] было совершено не тайно и не воровским образом, но является последовательным и каноническим (ἀκόλουθος καὶ κανονική)» [14, р. 88 [447].14–24].

Очевидно, что слова Аэтия о соборном обычае касались не только рассмотрения дела о возвышении константинопольской кафедры, но и всей совокупности дел, рассмотренных после утверждения вероучительного ороса: все эти дела не были предусмотрены изначальной повесткой, однако возникли благодаря тому, что многие участники уже в ходе собора подали иски на имя императора [26, S. 271–272]. Вопрос о «некоем прибавлении к чести» (προσθήκη τίς εἰς τιμὴν) константинопольской кафедре был инициирован императорами, клиром, сенатом и народом столицы, как это явствует из писем участников собора, направленных папе Льву после его завершения [13, р. 53 [249].28–32; 14, р. 118 [477].26–31]. Тем самым этот вопрос имеет то же происхождение, что и все прочие дела, касающиеся вопросов церковной юрисдикции и замещения престолов, которые представлены в 8–17 соборных деяниях.

Очевидно, что как раз необходимость рассмотреть не заявленный в изначальной повестке вопрос потребовала подтверждения полномочий папских легатов на основе данных им письменных инструкций. Инициаторами оглашения инструкций были либо сами папские легаты, пытавшиеся избежать участия в обсуждении неудобного вопроса, либо первенствующие члены собора, желавшие

исключить лидирующее участие римских. Требование представить свои полномочия могло быть обращено и к другим участникам собора, имевшим разрешение представлять другие Церкви, однако сведений об этом в актах нет.

Затем Аэтий зачитал постановление собора, известное впоследствии как его 28-е правило, за которым в актах следуют подписи 185 участников во главе с Анатолием Константинопольским, Максимом Антиохийским и Ювеналием Иерусалимским. Его важнейшим пунктом, помимо конкретизации территориальной юрисдикции столичного патриарха, было установление, со ссылкой на решение собора 381 г., ранга чести константинопольского престола: «Движимые той же целью, сто пятьдесят боголюбивых епископов уделили Новому Риму равные преимущества (τὰ ἴσα πρεσβεῖα), разумно сочтя, что град, почтенный царем и сенатом и наслаждающийся равными преимуществами (τῶν ἴσων ... πρεσβεῖων) со Старшим Римом, и в церковных делах величается как и тот, будучи вторым по нем (δευτέρων μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν)» [14, р. 89 [448].5–9].

Римские легаты попытались оспорить это решение. По их мнению, каноны I Вселенского собора в Никее (325 г.) имели приоритет над определениями Константинопольского собора 381 г. Епископ Лукенсий заявил следующее: «Более того (accedit ad cumulum): отставив постановления (constitutionibus postpositis) трехсот восемнадцати [отцов], они, оказывается, упомянули только [постановления] ста пятидесяти, которых среди соборных канонов не имеется! Это, они говорят, было установлено около восьмидесяти лет назад. Если, стало быть, они столько времени пользовались этой льготой (hoc beneficio), то чего сейчас добиваются (requirunt)? А если никогда не пользовались, почему добиваются?» [17, р. 109 [548].1–6]¹⁴.

Несмотря на то, что канон о преимуществах чести Константинополя безусловно являлся подлинным постановлением собора 381 г. [32, S. 85–96; 30, S. 523–525], затронутый пункт (κεφάλαιον), по-видимому, был болезненным для константинопольской стороны, и потому Аэтий потребовал у представителей папы подтвердить их полномо-

чия обсуждать его. Легаты предъявили свои инструкции, в которых значилось: «Также да не потерпите вы, чтобы представленное постановление святых отцов нарушалось каким-либо безрассудством, всеми способами храня в вас, кого мы послали вместо себя, наше достоинство (*dignitatem*). Так что если вдруг кто-то, полагаясь на величие своих городов (*ciuitatum suarum splendore*), попытается присвоить (*usurpare*) себе что-то, вы с достойным упорством давайте этому отпор (*retundatis*)» [17, р. 109 [548].13–16].

Упомянутое «постановление святых отцов» оказалось 6-м правилом Никейского собора в фальсифицированной римской редакции, включающей прибавление: *Ecclesia Romana semper habuit primum* [36]. В свою очередь, представителями Константинополя был предъявлен подлинный текст никейского канона, а также текст 3-го канона второго Вселенского собора [14, р. 96 [455].21–22].

Этот эпизод показателен по целому ряду причин. Прежде всего, пассаж из инструкции Льва своим легатам ясно свидетельствует о том, что он вполне осознавал проблему возвышения той или иной кафедры в ущерб римской. Можно только предполагать, что понтифик мог опасаться возвышения не только Константинополя, но, ввиду обстоятельств и итогов проведения Вселенского собора в Эфесе в 449 г., и Александрии. С другой стороны, этот эпизод демонстрирует готовность константинопольской стороны к тому, что представителями Рима в качестве аргумента будет представлено 6-е никейское правило, поскольку у них наготове был его подлинный текст.

Далее, после того, как митрополиты и епископы Азии и Понта подтвердили, что данное определение было подписано ими без принуждения, чиновники огласили свой вердикт, в главном повторяющий определение, принятое собором накануне [14, р. 98 [457].32–99 [458].9]. Впрочем, в нем имелось и принципиальное отличие от формулировок епископов. В оглашенном сановниками решении отсутствует намек на второе место константинопольской кафедры по отношению к римской: «На основе деяний (*πεπραγμένον*) и заявления (*καταθέσεως*) каждого мы, прежде всего, усматриваем (*συνωρῶμεν*), что первенство и исключительная честь (*τὰ πρωτεῖα καὶ τὴν ἐξαιρέτων*

τιμὴν), согласно канонам, сохраняется за боголюбезнейшим архиепископом Старшего Рима, и что блаженнейшему архиепископу царского Константинополя, Нового Рима, надлежит наслаждаться теми же преимуществами чести (*τῶν αὐτῶν πρεσβειῶν τῆς τιμῆς*), и ему же в силу авторитета (*ἐξ αὐθεντίας*)¹⁵ [надлежит] иметь власть (*ἐξουσίαν*) рукополагать митрополитов в асийском, понтийском и фракийском диоцезах...» [14, р. 98 [457].32–36]¹⁶.

Таким образом, приговор назначенных императором судей из числа высших сановников Империи, в отличие, как от определения, сформулированного епископами накануне 17-го деяния, так и от 3-го правила Константинопольского собора 381 г., отвергает подчиненное и вторичное по чести положение константинопольского архиепископа в сравнении с римским¹⁷. Говоря о тех же «преимуществах чести» столичного предстоятеля, судьи явно указывают на то, что последний обладает «первенством и исключительной честью» в той же мере, что и римский. С другой стороны, сенаторы не отвергли фальсифицированного римского чтения 6-го никейского правила, признав, что Рим имеет каноническое основание для своего первенства. Можно предположить, что это было неким компромиссом: за Римом признавалось право на свою версию 6-го никейского правила, но он не должен был протестовать против официального нового положения константинопольской кафедры¹⁸.

Результаты. Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд наблюдений и выводов, касающихся процедуры возвышения константинопольской кафедры в ходе IV Вселенского собора. Следует отметить, что как таковая процедура возвышения кафедры не была прописана в каких-либо канонических или государственно-правовых актах. В сущности, можно говорить лишь о практике, согласно которой та или иная кафедра меняла свой статус посредством императорского распоряжения. В этом отношении случай возвышения Константинополя является весьма важным прецедентом, показательным также с точки зрения задействованной процедуры.

После завершения Эфесского собора 449 г. Рим требовал проведения в Италии нового вселенского собора под председательством

римского епископа. Папа Лев был уверен, что его легаты будут председательствовать и на созываемом Халкидонском соборе, выступая там одновременно как председатели, обвинители и судьи. Легаты получили инструкции препятствовать возможному возвышению других кафедр и продвигать «вселенский» титул римского епископа [6, с. 259–264]. Тем самым можно сделать вывод, что возвышение Константинополя, по сути дела, осуществлялось в пику Риму и в значительной мере тем же путем, каким происходило церковное возвышение последнего. Посредством фальсифицированного 6-го правила Рим возводил свой первенствующий статус к Никейскому собору, в то время как Новый Рим возвышался на основе 3-го правила Константинопольского собора 381 г., утвердившего новую редакцию Символа веры¹⁹, принявшего уточняющие каноны касательно юрисдикции престолов и приравненного в Халкидоне к Никейскому. Декреты императоров Грациана и Валентиниана II 378 г., а также Валентиниана III 445 г. [3, с. 62–67], отчасти наделявшие Рим полномочиями, предусмотренными Сардикийским собором, послужили законодательной основой римской церковной юрисдикции, в то время как права юрисдикции Константинополя, выраженные в 9, 17 и 28-м халкидонских правилах, также получали теперь полную императорскую санкцию.

Главным препятствием на пути возвышения Константинополя являлось укоренившееся к тому времени представление о важности и неизменности постановлений Никейского собора. Поскольку статус Константинополя, в отличие от статуса других крупнейших кафедр, не был предметом регулирования 6-го правила Никейского собора, сторонники возвышения Нового Рима пошли по пути придания Константинопольскому собору 381 г. статуса II Вселенского, имевшего необходимые атрибуты для того, чтобы восприниматься в качестве необходимого продолжения Никейского собора 325 года. В силу этого была санкционирована прибавка в никейский Символ веры, по преданию связанная с собором 381 года²⁰. Помимо этого, правило Константинопольского собора 381 г., касающееся «преимуществ чести», было введено в оборот в качестве канонической основы позднейших

действий столичной кафедры как инстанции для рукоположений епископов и митрополитов на сверхпровинциальном уровне, прежде всего, в Малой Азии, а также инстанции, уполномоченной принимать апелляции. Ряд пересмотренных в ходе Халкидонского собора дел выявил глубокую вовлеченность столичной кафедры в церковные дела Малой Азии и Сирии и представил необходимые прецеденты для урегулирования ее статуса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О составе собора и председательстве на нем см.: [20, р. 115–120; 21, S. 9–12; 1, с. 76–77; 31, р. 247–248; 10, с. 33; 39, р. 41–42; 26, S. 154–167, 192–196].

² Тот факт, что на соборе выделенными оказываются три архиепископа, в то время как Максим Антиохийский и Ювеналий Иерусалимский, хотя и упоминаются непосредственно после архиепископов, однако входят в категорию «остальных епископов», не позволяет, по нашему мнению, говорить о выделении первой пятерки из списка в особую категорию – прообраз будущей «пентархии» – уже в Халкидоне. Ср.: [26, S. 193; 9, с. 24].

³ Этот пассаж также является первым случаем, когда «вера 150 отцов» однозначно связывается с Константинопольским собором 381 г. Ср.: [11, S. 351].

⁴ Греческий перевод: [13, р. 93 [289].22–31].

⁵ Подробно это дело анализируется нами в следующей работе: [5]. См. также: [29; 40, р. 169–171; 26, S. 305–310].

⁶ Обращение Маркиана в составе латинских актов сохранилось в двух вариантах, один из которых следует считать оригинальным латинским текстом речи, а второй – обратным переводом с греческого. См.: [27, р. 152–154]. На тему двуязычия соборных актов в целом см.: [37].

⁷ Слово *σαλγαμάριος* (от лат. *salgamaris*), которое мы переводим как «лавочник», дословно означает «торговец солениями».

⁸ О соперничестве Никоидии и Никеи за первенство и титул митрополии, восходящем к дохристианским временам см.: [33; 23, S. 282–288; 25, р. 291–297, 314–324].

⁹ Речь идет о понятии преюдиции (*praejudicium*, греч. *πρόκριμα*). См. о нем: [7].

¹⁰ Любопытным представляется тот нюанс, что участники антиохийского собора 445 г. при упоминании Прокла Константинопольского и Кирилла Антиохийского неизменно ставят первого на первом месте: [14, р. 74 [433]–75 [434], 77 [436].13, 79 [438].32].

¹¹ Основная литература, посвященная анализу обстоятельств принятия 28-го халкидонского правила и его содержания, приведена нами в: [2, с. 56, примеч. 54]. См. помимо этого: [26, S. 353–357].

¹² См. обсуждение проблемы 16-го деяния в: [41, р. 62–63].

¹³ Ср. в этой связи мнение Ев. Хрисоса, который считает акты 16-го деяния неподлинными: [43, с. 274–275]. См. тж.: [1, с. 93].

¹⁴ Греческий текст этого пассажа заметно отличается от латинского. Ср. [14, р. 95 [454].1–2]. Констатацию различий латинского и греческого текстов в данном деянии см. в: [37, S. 247–248].

¹⁵ В латинском переводе выражение «в силу авторитета» отсутствует.

¹⁶ Отметим, что в латинском переводе для двух греческих технических терминов *τῆ προτεῖα* и *τῆ πρεσβεῖα* используется один термин – *primatus*. Ср.: *primatum et honorem praescriptum* и *primatibus honoris* [17, р. 113 [552].8–13].

¹⁷ Отметим, что формулировка, предложенная епископами, более корректна, нежели формулировка сановников, поскольку ведет речь о преимуществах престолов, а не предстоятелей. Первенства связывались прежде всего с городами и престолами. Именно ранг города обуславливал ранг («преимущество») его предстоятеля, а не наоборот. Тем не менее как в итоговом послании участников собора папе Льву, так и в послании ему же императора Маркиана содержится четкое указание на второе место Константинопольского престола. Ср.: [13, р. 55 [251].28–32; 14, р. 118 [477].11–16].

¹⁸ Впрочем, если такой расчет и был, он не сработал. Обе Церкви погрузились в затяжной конфликт по этому поводу. См.: [4; 2, с. 56–65].

¹⁹ Как уже было сказано, связь «веры 150 отцов» с Константинопольским собором 381 г. впервые была заявлена именно в ходе Халкидонского собора: [11, S. 351–352].

²⁰ Ряд авторов связывают появление новой редакции Символа веры с Антиохийским собором 379 г. См.: [38; 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вселенские Соборы. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – 223 с.

2. Грацианский, М. В. Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных соборов и императорской церковной политики / М. В. Грацианский // Византийский временник. – 2018. – Т. 102. – С. 45–70.

3. Грацианский, М. В. Каноническая позиция папства в деле патриарха Акакия Константинополь-

ского / М. В. Грацианский // Античная древность и средние века. – 2015. – Вып. 43. – С. 53–72.

4. Грацианский, М. В. Папа Лев Великий и его толкование 6-го Никейского канона / М. В. Грацианский // Церковь в истории России: сб. 11. К 70-летию Н. Н. Лисового / отв. ред. А. В. Назаренко. – М.: Наука, 2016. – С. 159–175.

5. Грацианский, М. В. Упорядочение церковно-административного статуса митрополий на Халкидонском соборе на примере тяжбы митрополитов Тира и Берита / М. В. Грацианский // *Via in tempore*. История. Политология. – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 505–517.

6. Грацианский, М. В. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа / М. В. Грацианский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 255–271. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>.

7. Кофанов, Л. Л. К интерпретации понятия *praediciūm* в римском праве / Л. Л. Кофанов // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2012. – Т. 8, Вып. 1. – С. 5–14.

8. Л'Юилье, П. Правила первых четырех Вселенских Соборов / П. Л'Юилье. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2005. – 527 с.

9. Пашков, Д. В. Пентархия патриархов при императоре Юстиниане I: Предпосылки / Д. В. Пашков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2020. – Вып. 97. – С. 23–39.

10. Пашков, Д. В. Процедура Вселенских Соборов / Д. В. Пашков // Собор и соборность: к столетию начала новой эпохи: материалы Междунар. науч. конф., 13–16 ноября 2017 г. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – С. 27–39.

11. Abramowski, L. Was hat das Nicaeno-Constantinopolitanum (C) mit dem Konzil von Konstantinopel 381 zu tun? / L. Abramowski // *Neue christologische Untersuchungen* / hrsg. von V.H. Drecoll, H.Ch. Brennecke, Ch. Marksches. – Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2021. – S. 331–362.

12. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 1. Pars 1 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1933. – xvi, 196 p.

13. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 1. Pars 2 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1933. – xii, 163 p.

14. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 1. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1935. – xxx, 154 p.

15. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II. Vol. 3. Pars 1 / ed. E. Schwartz. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1935. – xviii, 259 p.

16. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 2 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1936. – vii, 180 p.
17. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 3 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1937. – xxiii, 162 p.
18. Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 4 / ed. E. Schwartz. – Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1932. – xxxvi, 192 p.
19. Bevan, G. A. Theodoret of Cyrrhus and Syrian Episcopal Elections / G. A. Bevan // Episcopal Elections in Late Antiquity / ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen, Sh.W. J. Keough, C. Nicolaye. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. – P. 61–87.
20. Camelot, P.-Th. Éphèse et Chalcédoine / P. Th. Camelot. – Paris : Éditions de l'Orante, 1962. – 257 p. – (Histoire des conciles oecuméniques ; 2).
21. Chrysos, E. Konzilspräsident und Konzilsvorstand / E. Chrysos // Annuario Historiae Conciliorum. – 1979. – Bd. 11. – S. 1–17.
22. Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. Vol. 1 / ed. G. Alberigo [et al.]. – Turnhout : Brepols Publishers, 2006. – 372 p.
23. Haensch, R. Capita Provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit / R. Haensch. – Mainz : P. von Zabern, 1997. – 861 S.
24. Hajjar, J. Le synode permanent (Synodos endemousa) de l'Eglise byzantine des origines jusqu'au XIe siècle / J. Hajjar. – Roma : Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1962. – 230 p. – (Orientalia Christiana Analecta ; 164).
25. Heller, A. "Les bêtises des grecs". Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.) / A. Heller. – Bordeaux : De Boccard, 2006. – 425 p.
26. Leuenberger-Wenger, S. Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert / S. Leuenberger-Wenger. – Leiden ; Boston : Brill, 2019. – 617 S. – (Supplements to Vigiliae Christianae ; 153).
27. Mari, T. The Latin Translations of the Acts of the Council of Chalcedon / T. Mari // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 2018. – Vol. 58. – P. 126–155.
28. Menze, V. Das Konzil als Instrument imperialer Politik. Die Reorganisation der Konziliengeschichte und der Kirchenordnung durch Chalkedon / V. Menze // Konzilien und kanonisches Recht in Spätantike und frühem Mittelalter. Aspekte konziliarer Entscheidungsfindung / hrsg. von W. Brandes, A. Hasse-Ungeheuer, H. Leppin. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2020. – S. 41–55.
29. Millar, F. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century : Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy / F. Millar // Scripta Classica Israelitica. – 2012. – Vol. 33. – P. 65–84.
30. Ohme, H. Kanon ekklesiastikos. Die Bedeutung des altkirchlichen Kanonbegriffs / H. Ohme. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1998. – xvii, 666 p.
31. Price, R. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils / R. Price // Annuario Historiae Conciliorum. – 2009. – Vol. 41. – P. 241–274.
32. Ritter, A. M. Das Konzil von Konstantinopel und sein Symbol. Studien zur Geschichte und Theologie des II. Ökumenischen Konzils / A. M. Ritter. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. – 316 S.
33. Robert, L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie : La Gloire et la haine / L. Robert // Harvard Studies in Classical Philology. – 1977. – Vol. 81. – P. 1–39.
34. Roueché, Ch. Acclamations at the Council of Chalcedon / Ch. Roueché // Chalcedon in Context. Church Councils 400–700 / ed. by R. Price, M. Whitby. – Liverpool : Liverpool University Press, 2011. – P. 169–177.
35. Schwartz, E. Das Nicaenum und das Constantinopolitanum auf der Synode von Chalkedon / E. Schwartz // Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche. – 1926. – Bd. 25. – S. 38–88.
36. Schwartz, E. Der sechste nicaenische Kanon auf der Synode von Chalcedon / E. Schwartz // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. – 1930. – Bd. 27. – S. 611–640.
37. Schwartz, E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten / E. Schwartz // Philologus. – 1933. – Bd. 88. – S. 245–253.
38. Staats, R. Die römische Tradition im Symbol von 381 (NC) und seine Entstehung auf der Synode von Antiochien 379 / R. Staats // Vigiliae Christianae. – 1990. – Vol. 44, № 3. – S. 209–221.
39. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 1 / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 365 p.
40. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 2 / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 312 p.
41. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 3. / transl. with introd. and notes by R. Price, M. Gaddis. – Liverpool : Liverpool University Press, 2005. – 312 p.
42. Wille, A. Bischof Julian von Kios, der Nunzius Leos des Großen in Konstantinopel / A. Wille. – Kempten ; München : Jos. Kösel'sche Buchhandlung, 1910. – xii, 159 S.
43. Χρυσός, Έ. Η διάταξις τῶν συνεδριῶν τῆς ἐν Χαλκηδόνι οἰκουμενικῆς συνόδου / Έ. Χρυσός // Κληρονομία. – 1971. – Τ. 3, Τεύχ. 2. – Σ. 259–284.

REFERENCES

1. *Vselenskie Sobory* [Universal Councils]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2005. 223 p.
2. Gratsianskiy M.V. Borba rimskogo papy Lva Velikogo za tserkovnoe pervenstvo v kontekste vos-tochnykh soborov i imperatorskoy tserkovnoy politiki [The Struggle of Pope Leo the Great for Primacy in the Context of the Eastern Councils and the Church Policy of the Emperors]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2018, vol. 102, pp. 45-70.
3. Gratsianskiy M.V. Kanonicheskaya pozitsiya papstva v dele patriarkha Akakiya Konstantinopolskogo [Canonical Position of the Papacy in the Case of the Patriarch of Constantinople Acacius]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2015, iss. 43, pp. 53-72.
4. Gratsianskiy M.V. Papa Lev Velikiy i ego tolkovanie 6-go Nikeyskogo kanona [Pope Leo the Great and His Interpretation of the Sixth Nicene Canon]. *Tserkov v istorii Rossii: sb. 11. K 70-letiyu N.N. Lisovogo* [Church in the History of Russia. Vol. 11. On the Occasion of the 70th Anniversary of N.N. Lisovoy]. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 159-175.
5. Gratsianskiy M.V. Uporyadochenie tserkovno-administrativnogo statusa mitropoliy na Khalkidonskom sobore na primere tyazhby mitropolitov Tira i Berita [Status Regulation of Metropoleis in Regard to the Ecclesiastical Administration during the Council of Chalcedon: The Case of the Litigation Between the Metropolitans of Tyre and Berytus]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History and Political Science], 2020, vol. 47, no. 3, pp. 505-517.
6. Gratsianskiy M.V. Chetvertyy Vselenskiy sobor i problema pervenstva rimskogo episkopa [The Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 255-271. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>.
7. Kofanov L.L. K interpretatsii ponyatiya praeiudicium v rimskom prave [About the Interpretation of 'Praeiudicium' Concept in Roman Law]. *Vestnik NGU. Seriya: Pravo* [NSU Vestnik. Series: Law], 2012, vol. 8, iss. 1, pp. 5-14.
8. L'Huillier P. *Pravila pervykh chetyrekh Vselenskikh Soborov* [The Rules of the First Four Ecumenical Councils]. Moscow, Izdanie Sretenskogo monastyrya Publ., 2005. 527 p.
9. Pashkov D.V. Pentarkhiya patriarkhatov pri imperatore Yustiniane I: Predposylki [Pentarchy of Patriarchates in the Time of Emperor Justinian I: Prerequisites]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History], 2020, vol. 97, pp. 23-39.
10. Pashkov D.V. Protsedura Vselenskikh Soborov [The Procedure of the Ecumenical Councils]. *Sobor i sobornost: k stoletiyu nachala novoy epokhi: materialy Mezhdunar. nauch. konf., 13-16 noyabrya 2017 g.* [Synod and Collegiality: The Centenary of the Beginning of a New Era. Proceedings of the International Scientific Conference, November 13-16, 2017]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2018, pp. 27-39.
11. Abramowski L. Was hat das Nicaeno-Constantinopolitanum (C) mit dem Konzil von Konstantinopel 381 zu tun? Drecoll V.H., Brennecke H.Ch., Marksches Ch., hrsg. *Neue christologische Untersuchungen*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2021, pp. 331-362.
12. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 1*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1933. xvi, 196 p.
13. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 2*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1933. xii, 163 p.
14. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 1. Pars 3*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xxx, 154 p.
15. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 1*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1935. xviii, 259 p.
16. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 2*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1936. vii, 180 p.
17. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 3. Pars 3*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1937. xxiii, 162 p.
18. Schwartz E., ed. *Acta conciliorum oecumenicorum. T. II. Vol. 4*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter, 1932. xxxvi, 192 p.
19. Bevan G.A. Theodoret of Cyrillus and Syrian Episcopal Elections. Leemans J., van Nuffelen P., Keough Sh.W.J., Nicolaye C., eds. *Episcopal Elections in Late Antiquity*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2011, pp. 61-87.
20. Camelot P.-Th. *Éphèse et Chalcédoine*. Paris, Éditions de l'Orante, 1962. 257 p. (Histoire des conciles oecuméniques; 2).
21. Chrysos E. Konzilspräsident und Konzils-vorstand. *Annuario Historiae Conciliorum*, 1979, Bd. 11, S. 1-17.
22. Alberigo G. et al., eds. *Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. Vol. 1*. Turnhout, Brepols Publishers, 2006. 372 p.
23. Haensch R. *Capita Provinciarum: Statthal-tersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz, P. von Zabern, 1997. 861 S.

24. Hajjar J. *Le synode permanent (Synodos endemousa) de l'Eglise byzantine des origines jusqu'au XIe siècle*. Rome, Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1962. 230 p. (Orientalia Christiana Analecta; 164).
25. Heller A. "Les bêtises des grecs". *Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.)*. Bordeaux, De Boccard, 2006. 425 p.
26. Leuenberger-Wenger S. *Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert*. Leiden; Boston, Brill, 2019. 617 S. (Supplements to Vigiliae Christianae; 153).
27. Mari T. The Latin Translations of the Acts of the Council of Chalcedon. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 2018, vol. 58, pp. 126-155.
28. Menze V. Das Konzil als Instrument imperialer Politik. Die Reorganisation der Konziliengeschichte und der Kirchenordnung durch Chalkedon. W. Brandes, A. Hasse-Ungeheuer, H. Leppin, hrsg. *Konzilien und kanonisches Recht in Spätantike und frühem Mittelalter. Aspekte konziliarer Entscheidungsfindung*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2020, S. 41-55.
29. Millar F. Tyre and Berytus in the Mid-Fifth Century: Metropolitan Status and Ecclesiastical Hierarchy. *Scripta Classica Israelitica*, 2012, vol. 33, pp. 65-84.
30. Ohme H. *Kanon ekklesiastikos. Die Bedeutung des altkirchlichen Kanonbegriffs*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1998. xvii, 666 p.
31. Price R. Presidency and Procedure at the Early Ecumenical Councils. *Annuario Historiae Conciliorum*, 2009, vol. 41, pp. 241-274.
32. Ritter A.M. *Das Konzil von Konstantinopel und sein Symbol. Studien zur Geschichte und Theologie des II. Ökumenischen Konzils*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. 316 S.
33. Robert L. La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *Harvard Studies in Classical Philology*, 1977, vol. 81, pp. 1-39.
34. Roueché Ch. Acclamations at the Council of Chalcedon. Price R., Whitby M. eds. *Chalcedon in Context. Church Councils 400–700*. Liverpool, Liverpool University Press, 2011, pp. 169-177.
35. Schwartz E. Das Nicaenum und das Constantinopolitanum auf der Synode von Chalkedon. *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche*, 1926, Bd. 25, S. 38-88.
36. Schwartz E. Der sechste nicaenische Kanon auf der Synode von Chalkedon. *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse*, 1930, Bd. 27, S. 611-640.
37. Schwartz E. Zweisprachigkeit in den Konzilsakten. *Philologus*, 1933, Bd. 88, S. 245-253.
38. Staats R. Die römische Tradition im Symbol von 381 (NC) und seine Entstehung auf der Synode von Antiochien 379. *Vigiliae Christianae*, 1990, vol. 44, no. 3, S. 209-221.
39. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 1*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 365 p.
40. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 2*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 312 p.
41. Price R., Gaddis M., eds. *The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 3*. Liverpool, Liverpool University Press, 2005. 312 p.
42. Wille A. *Bischof Julian von Kios, der Nunzius Leos des Großen in Konstantinopel*. Kempten, München, Jos. Kösel'sche Buchhandlung, 1910. xii, 159 S.
43. Chrysos E. Ἐ διαταξις τὸν synedrion tēs en Chalkēdoni oikoumenikēs synodou [The Order of the Sessions of the Council of Chalcedon]. *Klērnomia* [Kleronomia], 1971, vol. 3, pt. 2, pp. 259-284.

Information About the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Candidate of Sciences (History), PhD, Leading Researcher, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Likhov Lane, 6/1, Office 418, 127051 Moscow, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, кандидат исторических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Лаборатория исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов пер., 6/1, комната 418, 127051 г. Москва, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.20>

UDC 94“04/14”:82-243.5

LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 05.06.2021

Accepted: 15.11.2021

FIVE ANASTASIAE AND TWO FEBRONIAE: A GUIDED TOUR IN THE MAZE OF ANASTASIA LEGENDS

Part One. The Oriental Dossier

Basil Lourié

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The recent data related to the legend of St Anastasia in Byzantium require a fresh analysis of the mutually connected cults of Anastasia and Febronia in both the Christian East and West. Part One of the present study is focused on the East, whereas Part Two will be focused on the Latin West. In Part One, the cult of Anastasia is discussed especially in Constantinople from the mid-fifth to the fourteenth centuries, with special attention to the epoch when the Imperial Church was Monothelite (seventh century). In this epoch, a new avatar of St Anastasia was created, the Roman Virgin, whose *Passio* was written on the basis of Syriac hagiographic documents. The cult of this second Anastasia was backed by Monothelite Syrians, whereas the fifth-century cult of Anastasia in Constantinople was backed by the Goths. Transformations of Anastasia cults in the era of state Monothelitism were interwoven with a new Syriac cult of Febronia of Nisibis that appeared in the capital shortly after its creation in Syria in a Severian “Monophysite” milieu.

Key words: St Anastasia, St Febronia, monothelitism, Constantinople, hagiography.

Citation. Lourié B. Five Anastasiae and Two Febroniae: A Guided Tour in the Maze of Anastasia Legends. Part One. The Oriental Dossier. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 252-289. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.20>

УДК 94“04/14”:82-243.5

Дата поступления статьи: 05.06.2021

ББК 63.3(0)4-9

Дата принятия статьи: 15.11.2021

ПЯТЬ АНАСТАСИЙ И ДВЕ ФЕВРОНИИ: ЭКСКУРСИЯ ПО ЛАБИРИНТУ ЛЕГЕНД О СЯТОЙ АНАСТАСИИ

Часть первая. Восточное агиографическое досье

Вадим Миронович Лурье

Институт философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Полученные в последнее время новые данные относительно византийских легенд об Анастасии требуют нового подхода к анализу всего комплекса легенд об Анастасии и Февронии (поскольку культы этих святых исторически взаимосвязаны) на востоке и западе христианского мира. Первая часть настоящего исследования сосредоточена на восточной части агиографического досье, тогда как вторая будет сосредоточена на западной. В первой части культ Анастасии обсуждается по преимуществу в Константинополе начиная с середины V в. по XIV в., с особым вниманием к эпохе монофелитской унии (VII в.). В эпоху, когда государственная церковь Византии была монофелитской, появилась вторая Анастасия, римская дева-монахиня, *Мученичество* которой было написано на основе греческих переводов сирийских агиографических документов. Культ этой второй Анастасии поддерживался сирийцами-монофелитами, тогда как культ первой Анастасии создавался в Константинополе V в. при поддержке готов-ариан. Трансформация культа Анастасии в Константинополе в эпоху государственного монофелитства происходила в тесном переплетении с новым для столицы культом Февронии, который был перенесен в монофелитскую эпоху из Нисибина через короткое время после его институализации в среде сирийских «монофизитов».

Ключевые слова: св. Анастасия, св. Феврония, монофелитство, Константинополь, агиография.

Цитирование. Лурье В. М. Пять Анастасий и две Февронии: экскурсия по лабиринту легенд о святой Анастасии. Часть первая. Восточное агиографическое досье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 252–289. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.20>

1. Introduction

1.1. The Problem

It is tempting to begin this article with something like “Anastasia was one of the most popular saints...” However, Anastasia was not “one”: she was not a unique and definite saint but rather a common name of a network of cults with their own respective hagiographical legends – comparable and roughly contemporaneous to a similar network of legends of Cosmas and Damian, but much less studied while certainly no less important.

The Anastasia legends have been both understudied and overstudied. Some parts of her hagiographical dossier have been rarely mentioned and almost never read. Some other parts, the most widely known, fell victim to a rare accident. The most popular Byzantine legend of Anastasia, that of Anastasia the Widow *BHG* 81 (known also through its Metaphrastic reworking *BHG* 82), was translated from Latin. This fact made Hippolyte Delehaye (1859–1941) believe that the translated Latin text was an original Latin composition [44, pp. 155–156]. This conclusion by the father of modern critical hagiography has subsequently remained unchallenged. The legend is rich in Roman realia, which especially has pushed scholars to believe that it was composed in Rome¹. However, some recent data related to previously little explored parts of the dossier suggest that the real story of the Anastasia legends was much more complicated than that. The Latin original of *BHG* 81 itself turned out to be a recension of a Byzantine legend written in Greek. This Greek text, however, contained, in turn, a re-elaboration of a number of ancient Roman hagiographical legends.

Delehaye read, in the colophon of *BHG* 81, that it was a translation from Latin performed by a certain John for the well-known iconoclast leader Theodore Krithinos in 824, when the latter was staying in Rome as a member of a Byzantine iconoclast ecclesiastical mission to the Pope². Its Latin original (thereafter LLA = Latin Legend of Anastasia) is preserved in many manuscript

copies (“well over 200”³). *BHG* 81 did not exist in Greek before 824, whereas it later became the most popular version. Even though Delehaye knew most of the remaining Anastasia legends, he considered them as either unconnected to *BHG* 81 or (in the obvious case of legend *BHG* 83b ascribed in the manuscripts to either John of Damascus or John of Euboea) as being later than it. This caused him to believe that the contents of LLA had not been known in Constantinople before 824. Nevertheless, Delehaye had already noticed an apparent paradox of this Martyrdom: “Ce long récit, qui doit être rangé incontestablement parmi les Passions romaines, offert cette particularité qu’il n’y est fait mention d’aucun martyr romain” [44, p. 151].

This apparent paradox should be resolved in both possible ways that will be discussed below. On the one hand, LLA appeared in Rome as a borrowing from Constantinople. Theodore Krithinos took back to Byzantium a Byzantine legend that was then semi-forgotten in its homeland. On the other hand, the earlier Constantinopolitan legend used, in its core, hagiographical legends composed in Rome and dedicated to the martyrs of Rome.

The first part of the present study will be focused on the non-Roman elements of the cult(s) of Anastasia(e). The second part will be focused on the Roman cult(s).

1.2. The Martyrdom of Anastasia and Theodota

Before departing for the field, I summarise the data that became available after Delehaye, which were studied in detail in my previous article [84].

The legend *BHG* 83b (a panegyric ascribed to a certain John, either of Damascus or of Euboea) was edited, in 1988, by Bonifatius Kotter among the *spuria* of John of Damascus [79, S. 279–303]. It was both the *editio princeps* and a critical edition. From the manuscript tradition, Kotter concluded that the *terminus post quem non* for the common archetype of the available manuscripts of the panegyric is ca 800. In other words, this panegyric is older than *BHG* 81.

It is highly unlikely that a Byzantine panegyrist, the author of *BHG* 83b, used any sources in Latin, and, therefore, his panegyric is important evidence of the accessibility of the allegedly “Roman” legend in Byzantium before *ca* 800. The legend itself, being the main source of the panegyric, must have been even older.

This evidence is corroborated by the Georgian part of the hagiographical dossier of Anastasia. Besides the Georgian translation of *BHG* 83b (still unpublished and unstudied) and other pieces familiar from the Greek part of the dossier, the Georgian dossier contains a martyrdom very close to *BHG* 83b in the part of martyrdom properly (*BHG* 83b consists of two parts: a long original panegyric and a recension of the martyrdom, which is similar to this Georgian text). I have proved that this Georgian text was translated from Arabic (in Palestine between the eighth and tenth century), while the Arabic was translated from the lost Greek [86]. Quite recently, after the publication of my study, I found an Arabic recension almost identical to the lost Arabic original of this Georgian text ⁴.

The Martyrdom known to us from LLA and *BHG* 81 is, in this recension, reduced mostly to two plot lines, those of Anastasia and Theodota, whereas the line of the Thessalonian martyrs Irena and her companions is barely traceable, exclusively due to the negligence of the Byzantine editor. Thus, this recension could be called *Passio Anastasiae et Theodotae* (I will use this title but without forgetting that it is a modern label by Korneli Kekelidze, who introduced it for convenience only ⁵).

With this abbreviated but perfectly recognisable recension of the “Roman” Martyrdom LLA, we are, with the lost Greek original of the Martyrdom of Anastasia and Theodota, in the middle of the eighth century at the latest, if not in the seventh.

The relations between the mentioned texts, both preserved and lost (marked with the asterisk ⁶), are presented in Stem 1 (fig. 1).

We have to retain from *BHG* 83b and its Georgian translation the fact that the legend of the Roman dame Anastasia the Widow was quite well known in Greek long before 824. Therefore, the Latin original of *BHG* 81 (LLA) is an edited version of a Greek source.

We will exclude from the following dossier the Middle Byzantine apocalyptic traditions

related to Anastasia ⁷. These traditions are indirect evidence of the high status of her cult in the previous period, that is, before the ninth century, but not a significant source of earlier hagiographical material. The Middle Byzantine apocalypses were interested in Anastasia’s authoritative name but in hardly any of her legends.

1.3. The Programme of the Present Study

I will discuss the most known and most important legend of Anastasia, that of Anastasia the Widow, only after having exhausted lesser-known parts of two hagiographical dossiers, those of Anastasiae and Febroniae. I presume, however, that the plot of the legend of the Widow is already known to the reader, as well as the fact that her church in Constantinople (where her relics were moved from Sirmium) was constructed, in the fifth century, with the help of the Goths.

I will begin with a compact and not especially rich but somewhat interesting dossier of the “Monophysite” Anastasia, Anastasia the Patrician. It will be not without interest *per se*, whereas, in the present study, it will be mostly interesting as evidence of the great importance of the Anastasia cult – and precisely that of Anastasia the Widow – already in the sixth-century Constantinople.

Then, I will turn to a very important legend, that of Anastasia the Virgin. I hope to prove that this is a legend of the epoch when the official Church of Constantinople was Monothelite. It was catalysed by the cult of the martyr Febronia of Nisibis, then quite new but quite important for Constantinople. This legend of Anastasia the Virgin is exactly that which replaced, in Constantinople, the older legend of Anastasia the Widow, known to us through the Latin intermediary (LLA) and the abbreviated recension of the Martyrdom of Anastasia and Theodota.

Then, I will discuss the Constantinopolitan legend, whose appearance must have been motivated by the transport of the relics of the historical martyr Anastasia from Sirmium to Constantinople in *ca* 469. A decisive reconstruction of this legend, however, will become possible only after an analysis of the Roman traditions of the Anastasia cults in Part Two of the present study.

The outline of Part One of the present study is the following:

- The hagiographical dossier of Anastasia the Patrician (section 2).

- The hagiographical dossier of St Febronia and its connexion with Anastasia's dossier (section 3).

- The hagiographical dossier of Anastasia the Virgin, its dependence on Febronia's dossier and other Syriac sources, and its polemical function against the cult of Anastasia the Widow (section 4).

- A comparison between two major Constantinopolitan cults of Anastasiae, those of the Widow and of the Virgin (section 5).

- The Gothic background of Anastasia the Widow's cult in Constantinople (section 6).

- The role of the saints of Sirmium, Nicaea, and Thessalonica in the Constantinopolitan cult of St Anastasia the Widow (section 7).

Part Two of the present study will be dedicated to the Roman dossier. Definite conclusions on the origin of the cult of Anastasia will be postponed to the end of Part Two. However, many intermediary conclusions concerning the development of different cults in Constantinople and Rome will be reached throughout the two parts of the present study.

2. Anastasia the Patrician:

A "Monophysite" Legend of Another Widow

The legend of Anastasia the Patrician is preserved in Greek ⁸, Syriac ⁹, Arabic ¹⁰, Ethiopic ¹¹, and Syro-Palestinian (Palestinian Christian Aramaic) ¹² languages but remains understudied ¹³. The Syro-Palestinian version is preserved in a short fragment only but it is significant because of the early date of the manuscript, the seventh century. This is important for dating the legend in one of its recensions, namely, that included in the collection of stories ascribed to Daniel of Scete.

The present-day scholarly consensus does not acknowledge in this Anastasia any historicity. Her story is overtly anti-Justinianic: Justinian, according to the legend, tried to take the patrician lady Anastasia as his wife while his own wife was still alive, but Anastasia escaped to Egypt, where she established a women's monastery near Alexandria. After the death of his wife, Justinian tried to take Anastasia to himself despite her monastic status. Nevertheless, the legend is not hostile to Justinian's wife Theodora even in its Greek recensions; in the

"Monophysite" recensions, Empress Theodora is helping Anastasia to flee to Egypt. There is no doubt that the *Sitz im Leben* of the legend is to be found in the Severianist "Monophysite" milieu of the late sixth century, which had been previously protected by Empress Theodora. However, given that this milieu was split, in the second half of the sixth century, into a dozen factions, the exact *Sitz im Leben* remains obscure.

The story is focused on the events in Egypt, which still await identification. Anastasia established a monastery near Alexandria (at either Penton, according to the Greek recensions, or Ennaton, according to the Syriac; others versions do not specify the place) and remained there until the death of Empress Theodora (548), when she fled to the Scete and lived there under the guise of a eunuch for 28 years, that is, until 575/576 (depending on the method of counting implied, either inclusive or exclusive; the common method was inclusive). The latter date is probably connected to the re-establishing of the Severianist patriarchate in 575 (widowed since the death of Theodosius, the Severianist patriarch of Alexandria, in 567), when two patriarchs, Theodore and Peter IV, were consecrated by two rival factions almost immediately one after another; the faction of Peter IV (that eventually won) had been led by the monks of monasteries in Ennaton (a locality at the ninth milestone west of Alexandria, where "Monophysite" monasteries were abundant; the Penton was a nearby place at the fifth milestone occupied by Melkite monastics). All this would suggest that the legend was produced by the ecclesiastical party of Damian – a monk from Ennaton of Syrian origin, a "grey cardinal" under Peter IV (575–576/577), and himself the Severianist Jacobite patriarch of Alexandria from 577/578 to 605/606 ¹⁴.

Regardless of the *raison d'être* of this legend, a *conditio sine qua non* for its creation must have been a close connexion – well known to a large audience outside Constantinople – between the capital and the imperial cult of Anastasia; otherwise, the link between Anastasia and Justinian would have been pointless, and this element of anti-Justinianic satire would have lost its effect.

The Anastasia of this story is certainly a patrician lady (αὕτη πρώτη πατρικία οὖσα τοῦ βασιλέως [42, col. 523] "...she, being the first patrician of the emperor..."), even though it is

not explicitly said that she is a widow. One can understand the concern of the hagiographer, because he had to preserve both the high and independent social status of Anastasia – available to widows but not to unmarried girls – and her virginity. Justinian, in this legend, combines the roles played in the Byzantine and Latin legend of Anastasia the Widow by Diocletian and Dulcitius (the governor of Macedonia who appeared as the persecutor of Agape, Irene, and Chionia and went mad because of his passion for adultery). The late sixth-century “Monophysite” legend of Anastasia the Patrician is, therefore, an indirect but important witness of the cult of Anastasia the Widow in the sixth-century Constantinople.

As the Martyrdom of Anastasia and Theodota, the legend of Anastasia the Patrician is a product of the decomposition of the legend of Anastasia the Widow that will be in the centre of our interest.

We have to retain from the above analysis, moreover, that the legend of Anastasia the Patrician explains, among other things, why her relics are unavailable for veneration: they remained buried in a remote corner of the Egyptian desert.

3. Anastasia and Febronia in Monothelite Constantinople

The cult of Anastasia in Constantinople was initially dedicated to a unique saint. Its centre was the Anastasia church in the central part of the city, where her relics were deposited. However, this unique saint later acquired several competing biographies. Leaving aside the “monophysite” legend of Anastasia the Patrician (whose relics, according to her legend, must have disappeared in the Egyptian desert), we meet two competing Anastasiae among the Chalcedonians. One of them is Anastasia the Widow mentioned earlier, and another one is Anastasia the Virgin (BHG 76z¹⁵; Metaphrastic paraphrase BHG 77). This Virgin has little to do with the Widow, even though the Widow was also a virgin, due to her revulsion for her pagan husband.

Paul Devos demonstrated, in 1962, that, in its major part, the Greek text of the legend of the Virgin is copy-pasted verbatim from the Greek recension of the Martyrdom of Febronia of Nisibis (BHG 569) [49]. He did not explain, however, the *raison d'être* of such a “plagiarised” text, nor did

he explain the meaning of the details that were not borrowed from the Martyrdom of Febronia.

Fortunately, the reason for the connexion between the cults of Anastasia and Febronia becomes immediately clear after having examined the cult of Febronia in Constantinople.

The cult of Febronia appeared, in Constantinople, as a necessary supplement to the late sixth-century cult of St Artemius as the healer¹⁶. This cult was focused on the relics of St Artemius deposited (presumably, in the late sixth century) in the St John the Forerunner church in the Oxeia quarter. St Artemius’s specialisation as a healer was rather narrow: it was restricted to genital diseases and hernias¹⁷. For a treatment of these diseases of women, the help of a female healer would have been welcome, and this female healer became Febronia. At least, such an explanation was provided by the anonymous compiler of the *Miracles of St Artemius* (BHG 173), who worked between 658 and 668¹⁸. These *Miracles*, which preserve memories from the late sixth century up through the time of the compiler, contain the first mentions ever of Febronia in Byzantium. There was no trace of the cult of Febronia in Constantinople before these *Miracles*, which were composed by a Monothelite author (admirer of the Monothelite Emperors especially known by their religious zeal, Heraclius and Constans II), when the Patriarchate of Constantinople was Monothelite.

Febronia’s connexion with the cult of Anastasia was predefined by topography. Sacred topography is often an implicit but very important topic of the *Passions épiques*¹⁹. The church of St John the Forerunner containing both relics of St Artemius and an interior chapel (εὐκτήριον) of St Febronia (without any relics) was located somewhere near the crossroads adorned by the bronze Tetrastyle at the intersection of the Mesa (the principal street of Constantinople) and the perpendicular street lined by the colonnades of Domninos (τῶν Δομνίνου ἐμβόλων), between the Forum of Theodosius (about 300 m to the west) and the Forum of Constantine (less than 300 m to the east).

The church of Anastasia, where her relics were deposited, was located somewhere inside the colonnades of Domninos (ἐν τοῖς Δομνίνου ἐμβόλαις), so close to the church of St John the Forerunner that the regular procession (λειτουργία) from this church during the all-night vigil (παννυχίς)

reached the church of Anastasia. This implies a distance of several hundred metres. Such a procession is mentioned in Miracle 29 as something typical²⁰; I would presume that this was a part of the weekly Sunday service. This means that, liturgically, the church of St John with its cult of three saints, two males and one female, on the one hand, and the church of St Anastasia, on the other, formed a unique complex, where a diffusion between the cults of the two female martyrs became inevitable. However, this is still not an explanation of the meaning and composition of the Anastasia the Virgin legend, even if it is a necessary constituent of such an explanation (for the explanation, see below, section 4).

The location of the Anastasia church between the two *fora* is also worth noting, because it will be of importance for the Anastasia cult in Rome.

3.1. St Febronia, the First One

In our study, we meet two Febroniae. The first one is the renowned martyr of Nisibis venerated throughout the Christian world, alike in the East and in the West, among the Chalcedonians, “Monophysites”, and “Nestorians”²¹. It was this Febronia that was venerated in her chapel within the church of St John the Forerunner together with St Artemius. The second, a distinct Febronia, is an imaginary daughter of Emperor Heraclius, whose personality we will discuss later (section 3.3).

3.1.1. Date of the Febronia Legend: between 628 and 639

The recent study by Michel Kaplan [78] became a major step toward understanding the origins of the cult of St Febronia of Nisibis. Nevertheless, this step still does not reach the destination. Extremely helpful is Kaplan’s supposition that the cult has been “imported” to Constantinople from Nisibis, when the respective part of the Sassanid Empire was conquered by Emperor Heraclius, that is, between 628 (when Nisibis was reconquered from the Persians) and 639 (when Nisibis fell to the Arabs). It was a short period when Nisibis returned to the Roman Empire. Previously, in 363, this city fell to the Persians under Shapur II, who defeated the Roman army led by Julian the Apostate.

Kaplan rightly noticed that, for the author of the Martyrdom of Febronia, Nisibis is a part of the Roman Empire [78, p. 41]. Given that

this Martyrdom is a *Passion épique* according to the classification by Hippolyte Delehaye, its geography must represent the actual geography of the hagiographer. Because a pre-363 date is excluded, the remaining date falls within the interval from 628 to 639.

Some considerations would support this dating by Kaplan.

There is only indirect evidence of the existence of a cult of Febronia before the seventh century. In the eleventh-century²² metric *Life* of one of the fathers of “Nestorian” monasticism, Rabban Bar ‘Eta († 611 or 621) by Abraham Zabaya (*BHO* 137; *BHS* 771), it is said that, in 563, a sister of the saint, “...built her nunnery in the name of the martyr [*feminine*: ܦܡܒܪܢܝܐ] Pambrônîyâ / Who was martyred in Nisibis in the days of Diocletian”²³. There could be no doubt that Abraham Zabaya meant our Febronia of Nisibis as the patron saint of the monastery. By his time, however, the cult of this Febronia had been long established among the “Nestorians”. Even if this monastery initially was dedicated to some Febronia, there is no way to know what her accompanying hagiographical legend was. Regardless of whether Febronia had any historical prototype (which is itself an unresolvable question), the legend of Febronia as known to us might have been a new creation designed to replace an older legend, as it was customary to reshape the established cult of a saint within a new ideological framework. Therefore, the eleventh-century witness of Abraham Zabaya is not especially relevant to the Febronia whose legend we know²⁴. Finally, we will see (section 3.1.3), that “our” Febronia legend is “monophysite.” This fact alone is sufficient to exclude any relation of this legend to a sixth-century “Nestorian” monastery, even though Febronia might have been venerated there with another legend.

Kaplan’s dating is also reinforced by the absolute “epic” chronology chosen by the hagiographer. He placed the Martyrdom under Diocletian, which was normal for the Byzantine epic legends. A Syriac hagiographer working in the Sassanid Empire would have chosen, for the very same purpose, the persecution of Shapur II. I would add that the martyrdom of a nun in Nisibis under Shapur after 363 would have looked historically convincing, but the authors of epic martyrdoms do not care for such things.

In the “language” of the Syriac epic martyrdoms produced in Persia, the name of Shapur II has the same meaning as the name of Diocletian in the Byzantine “language” of epic hagiography. If the Roman “era of martyrs” began with Diocletian, then the Persian “era of martyrs” began with Shapur II. Speaking in terms of critical hagiography, we have to agree with Kaplan that the hagiographer of Febronia wrote in the Roman (Greek) hagiographical “language” and not the Persian (Syriac) one. However, a hagiographical “language” is not the same thing as a language in the ordinary sense of the word. Being written in a Greek hagiographical language does not preclude a hagiographical work from being written in Syriac. Kaplan hesitates on this point but tends to accept the alternative hypothesis – that the Martyrdom was written in Greek. Kaplan’s hypothesis on the *raison d’être* of the Martyrdom is not completely satisfying either, while my own resolution of this problem will be not extremely different from his.

3.1.2. Martyrdom of Febronia: Syriac, not Greek

After hesitation by earlier scholars, a study by Jean Simon [113] established, in 1924, a consensus that the Syriac text of the Martyrdom of Febronia *BHS* 147 (*BHO* 302)²⁵ is the original one, whereas the Greek recension *BHG* 569²⁶ is a translation from Syriac. Until recently, only Paul Devos dared to express his doubts about the priority of the Syriac: “Avant de reprendre l’examen de ce problème, il faudrait établir avec soin le texte des deux Passions, grecque et syriaque.” [48, p. 299, note 3]. There is no critical edition of the Syriac text even now, but the critical edition of the Greek recension was published in 1990 by Paolo Chiesa. He accompanied his publication with a paragraph reconsidering Simon’s study and concluding that the original text is the Greek [31, pp. 353–355]. This conclusion was supported by Kaplan as “une démonstration extrêmement convaincante”. Nevertheless, for Kaplan, “...la question de la tradition du texte n’est pas définitivement résolue”; he justly refers here to the bilingualism of the population of Nisibis and concludes that it is “...difficile de savoir si un original est en grec ou en syriaque”²⁷.

We have to acknowledge that the intuition by Paul Devos was justified: the critical edition

of the Greek text did affect Jean Simon’s argumentation. Chiesa demonstrated that two senseless Greek phrases pointed out by Simon resulted not from the translator’s errors, as Simon thought, but from errors accumulated in the Greek manuscript transmission; both are preserved in error-free forms in manuscripts unknown to Simon. Moreover, Chiesa annihilated three other arguments by Simon²⁸ and put forward a unique positive argument for the Greek original that seems to him decisive. This argument is related to the lament of abess Bryene over the corpse of Febronia, her spiritual daughter: it is in Syriac (even the Greek recension contains Syriac words transliterated with Greek letters) and is introduced by the hagiographer’s remark that the abess spoke “in the Syriac language”. This remark is present not only in the Greek text but in the Syriac as well. According to Chiesa, this would have been senseless if the hagiographer wrote in Syriac²⁹.

This argument is, in fact, not so strong and by no means decisive. The Martyrdom, anyway, was written in a Hellenised milieu; this fact is noticed by all scholars, including Simon. This milieu was bilingual, using both Greek and Syriac, but neither Chiesa nor Kaplan realised this fact properly. The disputed phrase about the Syriac language in the mouth of Bryene follows an account of the nuns’ negotiations with Roman officials and guards, where only Greek would have been applicable. Bryene’s lament begins when the nuns returned to their home, after an abrupt change of scenery accentuated by a language switch. If such an explanation of the disputed phrase is, at least, possible, then Chiesa’s “decisive” argument is no longer decisive. Therefore, we are now authorised to look at what remains of Simon’s argumentation.

I accept Chiesa’s negative arguments, thus acknowledging that Simon’s argumentation now becomes weakened. However, Chiesa did not exhaust Simon’s arguments; he did not even mention most of them except only the five that he managed to refute. Which of Simon’s arguments remain?

The first and most weighty portion of Simon’s arguments is based on the syntax: the frequency of constructions with either an absolute genitive followed with a personal form of the verb related to the same subject or, instead of an expected absolute genitive, a participial phrase with the subject in the nominative. “Il n’est pas

naturel qu'un Grec cultivé écrivant spontanément en sa langue commette coup sur coup tant d'anacoluthes vicieuses. L'explication qui vient d'abord à l'esprit, c'est que cet auteur a traduit un texte syriaque et qu'il s'est laissé influencer par le syntaxe syriaque : les propositions participiales introduites par la conjonction ܐܝܢ correspondent en grec à la fois aux propositions au génitif absolu et aux propositions à un mode personnel" ³⁰. The second series is based on the lexical "erreurs de 'polysémie'" (three of which remained unrefuted) and "les quiproquos purs et simples" (of which one remained unrefuted) ³¹. To sum up: the regular occurrence of Syriac syntactic features together with four errors of translation; this is certainly not too bad. Simon's argumentation, even if weakened, still holds water, and its refutation by Chiesa is too superficial to be accepted.

If there still could be any doubts whether the Martyrdom of Febronia was written in Syriac, they must dissipate after we have identified the confessional milieu of this work.

3.1.3. Febronia, a "Monophysite" Authority for Not Working on Friday

The Martyrdom of Febronia, in either Syriac or Greek (as well as in the two mediaeval Latin versions) contains very precise liturgical data which has so far been neglected by scholars. In the monastery of Febronia, Friday was the weekday dedicated to the study of the Holy Scriptures and kept free from any work.

According to the rule of the founder of the monastery, Platonias, whose disciple the actual abbess Bryene was, the sisters were not permitted "to do any work at all on Fridays; instead they used to gather in the place for prayer [*or* "chapel", ܡܕܝܢܬܐ / εὐκτήριον] and celebrate the Office of Matins (ܡܕܝܢܬܐ ܡܕܝܢܬܐ)" ³²; most of the day until Vespers (ܡܕܝܢܬܐ) ³², except the services of canonical hours, was dedicated to studying the Scriptures which were read aloud by one of the sisters ³³. Febronia became this reader of the Scriptures on Fridays, which is important for the plot of the legend ³⁴. In this way, the importance of this particular kind of Friday veneration is emphasised with special force. The symbolism of the sixth day, Friday, is reflected as well in the sixth year – the six-year period between the martyrdom of Febronia and the completion of her shrine (temple: ܡܕܝܢܬܐ, ναός) in Nisibis ³⁵.

This veneration of Friday in such a radical form was not a common feature in Syriac Christendom. It is quite well known, however, from sixth-century and later sources, all of them being originally written in Syriac ³⁶, while also partially preserved in Greek and Arabic. I would add now to this collection one late sixth-century piece in Arabic ³⁷; the whole dossier is still waiting for publication ³⁸.

The Arabic homily in which a prohibition of any work on Friday seems to be suppressed by a mediaeval editor while remaining discernible is preserved in a unique manuscript (*Parisinus arabicus* 281). This piece dedicated to the veneration of two exceptional weekdays, Friday and Sunday, contains one place where the text is corrupted. Michel van Esbroeck proposed a quasi-literal translation that does not make sense, but it could be ameliorated based on a slightly different restoration of the Arabic ³⁹. The manuscript is to be read, in the relevant place, as following ⁴⁰:

يا اخوه انصروا واحضوهم شغل يوم الاحد والصيام القدسة

Oh brothers, preserve and keep without work the first day [*of the week, Sunday*] and the holy fast...

The people who insisted on the abstention from work on Friday were Syrians and, more precisely, Severian "monophysites" ⁴¹. This is still not a sufficiently precise definition of their confession(s), given that the total number of the Severians in the sixth century was about a dozen, but, nevertheless, it is better than nothing.

It is extremely unlikely that any text insisting on the prohibition of work on Friday would have been produced, in the sixth or seventh centuries, by non-Severians and not in Syriac.

3.1.4. Commemoration Dates: Febronia and John the Forerunner

The conclusion about Febronia's Syriac and Severian "monophysite" origins is corroborated by her commemoration day. In the Byzantine tradition, as well as in the late "monophysite" documents, Febronia's day is June 25. Nevertheless, in the earliest manuscript of the Syriac Martyrdom (British Library, Add. 14647 dated to 688) the first cathedral vigil dedicated to Febronia fell on June 24, with the number written down in full: "the vigil on twenty-four June" (ܡܕܝܢܬܐ ܡܕܝܢܬܐ ܡܕܝܢܬܐ) ⁴² thus making unlikely a scribal error in the date.

However, the Martyrdom describes a two-day festival whose second day was June 25 (in Syriac, once again the number is written down) ⁴³.

A festival of Febronia on June 24 was unacceptable in any liturgical tradition where this day was occupied by the Nativity of John the Forerunner. In the seventh century, such at least was the situation in Constantinople but still not in the Syriac “monophysite” communities, which accepted this feast of John much later. The feast of John the Forerunner on June 24 was artificially constructed as an expansion of the Christmas celebration on December 25 and, therefore, the Annunciation on March 25 ⁴⁴. This Christmas date was categorically rejected by the Armenians. Unlike them, most Syrians accepted the date at an earlier period but were not so enthusiastic about its expansion into June. Therefore, in the “monophysite” calendar in a manuscript ascribed to Jacob of Edessa and datable to *ca* 675 or, at least, to the late seventh century, there is still no Nativity of John the Forerunner ⁴⁵. The date of June 24 for Febronia was, in the seventh century, still available for the “Monophysites” even if already occupied in Constantinople.

In Constantinople, however, the original date of Febronia’s feast seems to have predefined the choice of the main place of Febronia’s cult, a church of John the Forerunner, where Febronia’s day has been inserted within the frame of the liturgical cycle of the Nativity of John. Michel Kaplan has already noticed this result of the coincidence between the two commemorations ⁴⁶.

3.2. The Syriac Martyrdom of Febronia:

Its Sitz im Leben

and the Date of Anastasia the Virgin

The Martyrdom in the available recension was composed later than some venerated relics appeared in a monastery near Nisibis. Our text, as it was duly noted by Michel Kaplan, aimed at a practical goal: to explain why the relics of Febronia must remain in her monastery instead of being transferred into the church dedicated to Febronia in Nisibis, which was constructed by the bishop of this city. The Martyrdom elaborates at length on the bishop’s attempt to remove the relics, which was foiled by a miracle. The bishop was able to transfer to Nisibis only one tooth. As was normal and even normative for the *Passions épiques*, this Martyrdom was written

for reasons connected to ecclesiastical politics, namely, in the interests of the autonomy of the monastery from the episcopal power.

Kaplan thinks that such events (an attempt to remove the relics of Febronia to the cathedral in Nisibis, probably the famous St Jacob of Nisibis church) would have taken place when the Roman administration returned to Nisibis in 629. Here I agree with him. He, however, considers the possibility of a conflict with Byzantine officials as the first concern of the hagiographer (and, therefore, his reason for writing in Greek). A conflict with the Syriac “monophysite” bishop of Nisibis, Abraham, who arrived in the city no later than in 631 under the protection of the Byzantine administration ⁴⁷, would have been, according to Kaplan, a less urgent danger, and, therefore, the Martyrdom was translated into Syriac later [78, p. 47]. I agree with the dating of the available recension of the Martyrdom to the 630s. Nevertheless, Kaplan’s reconstruction of the events is untenable for several reasons, not only because the original of the Martyrdom was in Syriac.

The Martyrdom says nothing about a danger to the relics from any secular officials or some religious persecution but states clearly the danger from a bishop of the same faith, to whom the monastery was subordinated. A miraculous intervention of Febronia herself was needed precisely because there was no canonical way to prevent the bishop from removing the relics. In the eyes of the hagiographer, the formal ecclesiastical law was on the bishop’s side.

The hagiographer, moreover, did not miss an opportunity to pinpoint the bishop’s moral right to the relics with a wisecrack: before the arrival of the pagan persecutors, he said, “even the bishop of the city hid out of fear (ܡܚܝܬܐ)”. ⁴⁸ Similar was the situation of the “monophysites” in Nisibis under the Persian rule, when they did not have a bishop of their own.

We have to conclude that the Martyrdom of Febronia in its known recension was a response of the “monophysite” monastery which preserved her relics to the arrival of the first “monophysite” bishop of Nisibis Abraham between 629 and 631.

This conclusion provides us with a *terminus post quem* for the creation of the Martyrdom of Anastasia the Virgin, the 630s. The real date could be later but hardly by much, because the cult of Febronia lost its former popularity by the end of

the seventh century. Therefore, we have to date the Martyrdom of Anastasia the Virgin to the middle of the seventh century ⁴⁹.

3.3. The Second Febronia (Feuronia)

The Constantinopolitan Synaxarium mentions, on either 27 or 28 of October, another Febronia, an ascetic, who was a daughter of Emperor Heraclius. The name is the same as that of the first Febronia but the spelling is different: Φευρωνία instead of Φεβρωνία, with no other variant readings in the manuscripts. The latter spelling is an exact transliteration of the Syriac (ܦܝܪܘܢܝܐ), whereas the former is not. Perhaps this difference in spelling was established deliberately for avoiding confusion between two homonymous saints.

The entry is our unique source about her cult:

Καὶ μνήμη τῆς ὁσίας μητρὸς ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ Φευρωνίας ἣτις ἐγένετο θυγάτηρ Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως [42, cols. 170, 171].

And the commemoration of our venerable mother and wonderworker Feuronia that was a daughter of Emperor Heraclius.

This commemoration is absent from the *Typikon of the Great Church* ⁵⁰ (ca 900), whose calendar became the core of the mid-tenth century Synaxarium of Constantinople ⁵¹, but it certainly belongs to the earliest recension of the Synaxarium. This recension is accessible through the Armenian translation made in 991/992 by Joseph of Constantinople ⁵², which is earlier than the earliest Greek manuscripts of the Synaxarium. In Joseph's Armenian translation, an exact rendering of this entry is present ⁵³. The commemoration date is October 28, never 27, which is a weighty while not decisive argument for this date as the original one.

Some historians took this Synaxarium entry so seriously that they list Feuronia among the children of Emperor Heraclius. Feuronia, however, is not known outside the Synaxarium ⁵⁴. A virgin martyr who is the daughter of a pagan king or an emperor was an ancient hagiographic topos, but here we are in the presence of its modification: a legend where the imaginary daughter of a historical pious (in the eyes of the hagiographer) emperor becomes monastic and a symbolical figure important to her confession. The striking parallel is Hilaria, an (imaginary) daughter of Emperor Zeno ⁵⁵. Hilaria was “monophysite”,

whereas Feuronia was “monothelite”, a fruit of the union between the State Chalcedonism and the Severian “Monophysitism”. Perhaps an even closer relative of Feuronia is Constantia, also a sainted virgin, the imaginary daughter of Emperor Constantine the Great (not to be confused with his real daughter Constantina) ⁵⁶.

Being a purely symbolical figure, this daughter of Emperor Heraclius says a lot about Constantinopolitan piety in the monothelite epoch. Her commemoration date, especially October 28 that looks to be the original one, is close to one of the two commemoration dates of Anastasia the Virgin, October 29. Their cults are clearly interconnected, especially if considered against the background of the interwoven Constantinopolitan cults of Anastasia the Virgin and Febronia of Nisibis. The imaginary Feuronia was an echo of the no less imaginary but much more famous Anastasia the Virgin, which yielded to enforce the cult of Emperor Heraclius established in the monothelite tradition ⁵⁷. No wonder that, after the abrogation (in the State Church) of the cult of Emperor Heraclius, the cult of his symbolical daughter has had no brilliant prospects. The legend summarised in the Synaxarium seems to be irreparably lost.

4. Where Anastasia the Virgin Found Her Sophia

The Martyrdom of Anastasia the Virgin derives from the Martyrdom of Febronia mostly in the description of interrogations and tortures and, to a lesser extent, several other details. Some no less important background ⁵⁸ of this legend is related to the city of Edessa. Anastasia the Virgin was born as a Roman child from the marriage of Edessa and Nisibis. In this section, we explore her Edessian lineage.

4.1. Abbess Sophia of Edessa

Among a dozen or more known legends of different Sophiae related to Rome, either Old or New ⁵⁹, there is no other legend about a monastery of virgins headed by a Sophia and the martyrdom of a virgin from there. The *Passio* of Febronia is here of no help either. A legend mentioning such a monastery is known only from the Syrian Edessa, not Rome.

The text of the Martyrdom of the virgins from the monastery of Sophia in Edessa is preserved

only in an Arabic epitome of unknown date and its Ethiopic translation of the fourteenth century⁶⁰, without leaving any trace in either the original Syriac language or Greek. However, the legend is preserved in the oral tradition by the clergy of the Church of Virgins within the complex of rock-hewn churches in the famous Ethiopian site of Lalibāla. There, the story of these virgins has been told up to the present time along the same lines as it was first recorded by a European scholar in the 1520s, and as it is presented in the Arabic / Ethiopic epitome⁶¹.

The site of Lalibāla was created in about the twelfth century as a “copy” of the Syrian Edessa, and even its official name was Roha (from *Ruhā* “Edessa” in Arabic derived, in turn, from Syriac *Urhay*).

The Edessian “sacred topography” transplanted to this New Edessa in Ethiopia is difficult to date. However, in the case of these virgins led by Sophia, the lack of any mention in the preserved Syriac sources would suggest an earlier date. Moreover, elsewhere I tried to substantiate a hypothesis that this legend would have contributed to the cult underlying another church dedicated to some “Virgins,” which was one of the most important churches of Aksum, the ancient Ethiopian capital [4, pp. 177–178]. This would suggest a pre-seventh-century date for the Edessian legend. Finally, the fact that the persecutor of our virgins is Julian the Apostate on his way to Persia reveals the taste of Syrian hagiographers of the sixth century, when they produced a number of “sequels” to the Syriac *Romance of Julian*.

Be as it may, the Martyrdom of the Edessian monastery headed by abbess Sophia was an important legend in a large part of the “monophysite” world. In the field of hagiography, the “monophysite” world was never separated from the Chalcedonian until the Arab conquest (and even their later mutual isolation has never become absolute)⁶². Edessa in particular took an important role in the ecclesiastical policy of Justin I (517–527). A legend dedicated to another Sophia of Edessa (to be discussed in the next section) was also written in Syriac but by a hagiographer residing in Constantinople⁶³. Edessa was always a part of the Roman Empire: it never fell to the Persians except for a relatively short period from 610 to 628; indeed, it was eventually lost to the Arabs in 638.

The Edessian legend of Sophia and her nuns runs as follows. On his way to Persia, Julian the Apostate passed Edessa (a fictitious episode). There, he found a monastery with fifty virgins led by their abbess Sophia. The symbolical number of nuns, fifty (referring to the Pentecost and the gifts of the Holy Spirit distributed on this day), is the same as in the Martyrdom of Febronia, although this is a very common topos, known, e.g., from some recensions of the Armenian Martyrdom of the Rhipsimeans (virgins led by St Rhipsime) or some western legends, e.g., of St Sunniva. In the Roman monastery of our Anastasia the Virgin, there were only five nuns with their abbess Sophia. Although five is not fifty, these numbers are hardly unconnected. I would understand “five” in the legend of Anastasia the Virgin as a metonymy-like reference to “fifty”.

The legend of Anastasia the Virgin thus absorbed the “monophysite” legend of the Edessian abbess Sophia, which was preserved in the Egyptian “monophysite” milieu. The legend of Anastasia the Virgin itself was preserved in some Egyptian milieux. Its summary in the Synaxarium of the Coptic Church⁶⁴ is not a proof of this fact for the pre-Arab epoch, because this twelfth-century “monophysite” Synaxarium is heavily dependent on Melkite models, whereas the Greek recension *BHG* 76x contains Anastasia’s commemoration date according to the Egyptian calendar (μηνὶ κατ’ Αἰγυπτίου φαιωφὶ δωδεκάτῃ)⁶⁵. I am not sure whether we need, for explaining this Egyptian month name, to evoke, after Devos and Halkin, the Egyptian colony in Constantinople⁶⁶, because, in the sixth century, the communications between Constantinople and Alexandria were intensive, and the same competing Church groups were acting in both cities.

4.2. Mother Sophia in Edessa: The Anti-Gothic Background of Anastasia the Virgin

Our hagiographer’s interest in Syrian legends and especially in Edessa and a mother figure named Sophia becomes more understandable in the context of another Edessian legend – written in Constantinople, but in Syriac and by a Syrian closely related to Edessa. This is a legend of enormous popularity, both in Syriac and, even more, in the Greek version: *The Miracle* of the Edessian confessors Shmona, Guria, and Ḥabbib

(in the Byzantine tradition, Gurias, Samonas, and Abib) with the virgin Euphemia, married to “the Goth,” and her mother Sophia⁶⁷. The legend has remained a favourite in the popular piety of Orthodox countries up to the present day.

I have argued elsewhere that the legend of Euphemia and the Goth was composed, in the 520s, as an anti-Chalcedonian response to the earliest recension(s) of the Chalcedonian legend of the miracle of St Euphemia with the Chalcedonian *Horos*. The direct prototype of “the Goth” of the legend was the *enfant terrible* of the Chalcedonian party, the Byzantine general Vitalian, killed on the orders of Emperor Justin I, also a Chalcedonian, in 520; Vitalian was actually nicknamed “the Goth”⁶⁸. However, the original significance of the legend was forgotten almost immediately, and its popularity overcame all confessional barriers.

There is no need to summarise here a legend so widely known but I will note some features important to our study of the legend of Anastasia.

“The Goth” of the legend is the incarnation of evil. He has no other proper name but is always called simply “the Goth”. Sophia and her daughter Euphemia are pious and simple women living in Edessa who were, at first, deceived by the Goth, but then saved and avenged with the help of the Edessian confessors. Such sharply negative feelings towards the Goths were “traditional” for Edessa (at least, after 395, when the Goths arrived in Edessa as a part of the Roman army but plundered the city worse than the enemies had). This probably was not, in the 520s, a common attitude toward the Goths in Constantinople. However, after the beginning of the Gothic war in 536, the anti-Gothic rhetoric would certainly have been called for.

In the legend of Anastasia the Virgin created in a later epoch, Anastasia with her spiritual mother Sophia evoked in the audience’s memory the situation of Euphemia and her mother Sophia with the Goth. No Goth was explicitly mentioned in the legend of Anastasia, but the earlier Anastasia cult in the Anastasia church of Constantinople was in many respects “Gothic”, including such striking feature as liturgical readings of Scriptures in the Gothic language; it is already a well-known fact, and we will provide more evidence below (section 6). If the cult of Anastasia the Virgin was created for reshaping the earlier Anastasia cult in

order to make it free from any Gothic overtones, such a reference to mother Sophia and Edessa would have been extremely helpful.

The ecclesiastical topography of Constantinople would have certainly corroborated this mutual attraction between the Anastasia cult and the cult of Gurias, Samonas, and Abib. Their “martyrium” (a church dedicated to them, where, theoretically speaking, their relics must have been deposited⁶⁹) was located near the forum of Constantine⁷⁰, that is, just several hundred metres from the church of Anastasia.

An important conclusion imposes itself: the legend of Anastasia the Virgin was composed as anti-Gothic, with the purpose of replacing the earlier “pro-Gothic” legend that we will discuss below.

4.3. Where and When Anastasia Met Her Sophia

So far, one important motif in the legend of Anastasia the Virgin remains unexplained: why the name of Anastasia’s abbess is Sophia. In Byzantium, this name was always heavily loaded with symbolical references to liturgy and sacred topography and, therefore, in the seventh century, its meaning would have been easily recognisable.

Anastasia the Virgin, born in the seventh century, inherited her connexion with Sophia from her predecessor, Anastasia the Widow. This connexion goes back to the sixth-century liturgy of Constantinople, when the liturgical cycle of Christmas was reshaped with celebrations specific to the church of Saint Sophia constructed by Justinian. Both second and first consecrations of the Justinianic Saint Sophia are relevant for understanding the cult of St Anastasia in Constantinople.

The second dedication of Saint Sophia took place in 562, when the church was rebuilt after a series of earthquakes in the 550s, particularly after the collapse of the dome on May 7, 558. The commemoration of this event within the pre-Christmas stationary liturgy occupied two days, December 22 and 23. On December 22, the opening of the doors of Saint Sophia was commemorated (τὰ ἀνοίξια τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας) and, on December 23, the dedication (consecration, τὰ ἐγκαίνια)⁷¹. Since 562, St Anastasia (both martyr and church) and Saint Sophia (the church) shared the same commemoration date, December 22. Before this, they were interconnected even more closely, although not in the calendar.

The first dedication of the Justinianic Saint Sophia took place on the 27th of December in 537 (this date is preserved by historians but not by the liturgical calendar, where it was replaced by the dates of the second dedication). At that time, the church of St Anastasia was directly involved in the ceremony: καὶ ἐξ ἧλθεν ἡ λιτὴ ἀπὸ τῆς ἁγίας Ἀναστασίας, καθημένου Μηνᾶ τοῦ πατριάρχου ἐν τῷ βασιλικῷ ὀχήματι, καὶ τοῦ βασιλέως συλλιτανεύοντος τῷ λαῷ [120, p. 217 AM 6030] (“The procession set out from Saint Anastasia, with Menas the patriarch sitting in the imperial carriage and the emperor joining in the procession with the people”⁷²). The church of Anastasia initially figured in this ceremony as one of the principal churches of the capital, as Constantinople still was in the second half of the fifth century. By 562, the rank of this church would decrease. This change was natural in the course of the Gothic war waged by Justinian (535–554) because the highest rank of the church housing the relics of St Anastasia was backed by the Goths.

Nevertheless, the memory of St Anastasia became interwoven with Saint Sophia, and these mutual connexions became represented in the liturgical calendar.

4.4. The Two Anastasiae of Rome: the “Syrian” against the “Gothic”

Stem 2 (fig. 2) shows how the *Passio* of Anastasia the Virgin has been constructed.

The anti-Gothic plot line was assembled using Sophia and her virgin daughter; this pair was borrowed from the highly popular legend of Euphemia and the Goth. Then, to make the framework fitting for the Martyrdom of a virgin, another Edessian legend was used, the Martyrdom of Sophia and her virgin nuns. Finally, the resulting structure was filled *ad libitum* with the mounting foam – the “plagiarised” text of the legend of Febronia, which is Syrian as well.

To borrow plot elements from Syriac hagiography as from a construction set is certainly not a method yielding chefs d’oeuvre, but, for modest propagandist tasks, it works. Eventually, the new Anastasia became only a little less famous than the old. For the period between the mid-seventh century and the Iconoclastic epoch, however, it seems that Anastasia the Virgin was considered as the only legal owner of the body deposited in the Anastasia church.

We do not know what happened to the Anastasiae in the Iconoclastic times and later, up to the tenth century (see below, section 7).

Hippolyte Delehaye and, following him, Paul Devos thought that the legend of Anastasia the Virgin was created before the translation of LLA in 824 for filling an informational vacuum⁷³. I have tried to demonstrate that the purpose of creating a new legend was just the opposite: it consisted in concealing the old legend with a new one, severing all connexions with Sirmium and the Goths. As Michel van Esbroeck noticed, “Rien n’élimine mieux un document que la création d’un parallèle destiné à le remplacer” [53, p. 283]. The legend of Anastasia the Virgin has been created as such a “concealing” document with respect to the fifth-century Byzantine legend of Anastasia the Widow.

4.5. Anastasia the Virgin’s Burial in Rome

In the Martyrdom of Anastasia the Virgin, all the events take place in Rome. No Roman realities are mentioned, however. The only exception is the place of Anastasia’s burial, now barely recognisable in the manuscripts: the Forum⁷⁴. The hagiographer had Anastasia buried on the Forum – and this in the pagan epoch when any burials within city walls were strictly forbidden. Halkin argued that the hagiographer meant the *Forum Boarum* and the church of the *titulus Anastasiae* located nearby, at the foot of the Palatine Hill⁷⁵. I have argued that the Byzantine hagiographer implied the *Forum Romanum*, but this notion, for him, was a metonymy for a larger place, the whole centre of Rome and especially the Palatine Hill; therefore, Halkin was, nevertheless, right in identifying the reference to the *titulus Anastasiae*. In the mid-seventh century, the Palatine Hill became the centre of Byzantine Rome and of monothelete “orthodoxy”, when Constans II returned the Patriarchate of Rome to a union (interrupted from 649 to 654) with the monothelete patriarchates of the East [87, pp. 183–185].

Halkin considered the locating of the burial here as resulting from a mere confusion with Anastasia the Widow, to whom the church at the foot of the Palatine was dedicated [70, p. 171], but I would consider it as one of the techniques for replacing the previous cult of Anastasia with a new one. This was a historical period when Constantinopolitan authorities were operating in Rome, not without success.

In Greek legends, Rome was used as a substitute for Constantinople when the time of narrative action was pre-Constantine. Michel van Esbroeck wrote, commenting on the “Roman” martyrs Sophia with Pistis, Elpis, and Agape, who symbolised Constantinopolitan realities: “But why in Rome? At the time of the persecutions, Byzantium was not yet the capital of the empire. A legend arising in Greek lands had to validate its position by drawing the setting for its martyrdoms from the ancient capital. Why else could one set such a universal destiny?” [51, p. 135].

In the case of Anastasia, placing the saint and especially her relics in Rome served to legitimize the deposition of her relics in the New Rome, Constantinople. What belonged to ancient Rome in the pre-Constantine epoch now belongs to Constantinople. We will see (in Part Two of this study) that the previous Anastasia legend, that of the Widow, also provided Anastasia’s burial in Rome. Both legends, most likely, treated the *titulus Anastasiae* as the place of this burial in the past and a kind of a cenotaph of the saint in the present. Anastasia the Virgin’s burial on the Forum thus was projected on her actual burial in the New Rome, near the forum of Constantine and the forum of Theodosius, the two principal *fora* of the capital.

Halkin was right in considering the Anastasia church at the foot of the Palatine Hill as involved in the cult of Anastasia the Virgin. Moreover, together with the scholarly consensus, he thought that this church was dedicated even earlier to Anastasia the Widow. We will return to this church later (Part Two of the present study). Now it is important to notice that the competition between the cults of two Anastasiae was not limited to the New Rome but reached the Old Rome as well.

4.6. Two Anastasiae in Constantinople: the “Syrian” against the “Gothic”

The points of contact between the new and the old legends associated with the same relics and the same church are limited neither to those where the repulsive forces were at work (the anti-Gothic motifs of the later legend *vs* the implicitly Gothic of the earlier) nor those where the most obvious attractive forces acted (the uniformity of the name of Anastasia and her virginity). Paul Devos himself pointed out two moments in the Martyrdom of the Virgin which could be supposed to be borrowed in the Martyrdom of

the Widow. One of them, the name Probos of the Roman official who interrogated the Virgin and who interrogated the Widow in Sirmium, seemed even to Devos rather not accidental ⁷⁶. Indeed, I think that this Probos must be identified as a migrant from the earlier legend to the later (on him, see Part Two of the present study).

There is another important difference between the two competing Anastasia legends. The earlier is “Gothic”, while the later is “Syriac”. In the period of Monotheletism, the Syrians rose to power, especially in ecclesiastical matters, to an extent comparable with the secular power of the Goths in the third quarter of the fifth century.

5. Competing Anastasiae in the Liturgy of Constantinople

In our search for the early forms of the cult of Anastasia, we have to start from the later and proceed to the earlier. The later, however, are confused: too many Anastasiae and too many relics. In this section, we will try to bring order to the relevant data.

5.1. Commemorations in the Byzantine Rite *ca* 900

Let us begin from the hagiographical coordinates of time.

By the early second millennium, the two most renowned Anastasiae, the Virgin and the Widow, occupied their current positions in the liturgical year: in the Byzantine calendar, the Virgin was commemorated twice, on October 12 and 29 [42, cols. 133–134, 171–173], while the Widow once, on December 22 [42, cols. 333–338]; however, the Virgin was counted among the ordinary saints, whereas the Widow was commemorated with a significant solemnity.

The date of October 29 is relatively late. The commemoration of October 29 was celebrated in the otherwise unknown “monastery of Saint Anastasia” (ἐν τῇ μονῇ τῆς ἁγίας Ἀναστασίας) dedicated perhaps to another homonymous saint (obviously, the Widow) ⁷⁷. In the tenth century, Anastasia the Virgin was commemorated only once per year, on October 12 ⁷⁸. For this situation in the calendar of Constantinople, we have a *terminus ante quem* about 900.

We have just arrived at the situation that took place when *BHG* 81 (Greek translation of

LLA) already became the main legend of the most famous Anastasia. The Anastasia of this legend was commemorated on December 22 with a great feast, whereas Anastasia the Virgin was commemorated modestly on October 12.

5.2. Multiplication of the Relics of St Anastasia(e) in Constantinople

In this section, we turn to the multiple relics attributed to some Anastasiae. The places where these relics were venerated were the hagiographical coordinates for the respective cults.

5.2.1. The Life of St Andrew the Fool: The Relics Are Unique

By the tenth century, the relics of Anastasia translated from Sirmium remained in her church near to the colonnades of Domninos. Raymond Janin has expressed some doubt in this fact judging by a phrase in the *Life of St Andrew the Fool* (BHG 115z), ch. 2 [75, p. 25] (we will discuss this phrase in the next alinea). The cult of Andrew the Fool developed in a rather complicated way for becoming established by the early tenth century⁷⁹, but the hagiographical novel BHG 115z is certainly datable to the tenth century. The plot of the novel is inserted into the landscape of the tenth-century Constantinople.

This saint was prompted to his feat of foolishness by St Anastasia during “incubation” (curative sleeping) in the church of the martyr. The church is identified as following: εἰς τὸν σεβασμιον ναὸν τῆς ἁγίας ἐν δόξουμάρτυρος Ἀναστασίας, ὃν ἐδομήσατο ὁ εὐσεβῆς Λέων ὁ Μακέλλης “...to the venerable church of the Holy and Glorious Martyr Anastasia, which the pious Leo Makelles [Leo I] has built” [109, vol. 2, p. 18/19 (txt/tr.)]. This is an exact indication of the church near to the colonnades of Domninos: properly speaking, it was not “built” by Emperor Leo, but was seriously rebuilt under him for the deposition of Anastasia’s relics translated from Sirmium (s. below). In the manuscript D (11th–12th cent.) this phrase has a variant: instead of ὃν ἐδομήσατο ὁ εὐσεβῆς Λέων ὁ Μακέλλης, it contains εἰς τὰ δὴ Μακέλλους φημί “(that is), I said, in Makelles’ (building)”⁸⁰. The meaning of this reading is, therefore, the same. In the printed text of the *Life* known to scholars before the 1995 Rydén’s edition, however, the text of D was printed with an error: Μακέλλου instead

of Μακέλλους [103, col. 640 A]. This is why Janin supposed that this could be a genitive form of μάκελλον (“indoor market”) instead of Μακέλλης. In this case, the location would have been different. Albrecht Berger continued Janin’s line of thought insisting that the Anastasia church of the *Life of St Andrew* is a different one, located in the place called Leomakellon. He noticed his disagreement with Rydén but not Rydén’s observation concerning the erroneous reading of μακέλλου instead of μακέλλους⁸¹.

In the *Life of St Andrew*, we see St Anastasia who, as a holy healer, acquired a specialisation: her patients are those possessed by impure spirits. This conclusion is corroborated by two other tenth-century *Lives*, those of Irene of Chrysobalanton (BHG 952, written under Basil II, who reigned from 976 to 1025) and Basil the Younger (BHG 263). Both contain episodes with “incubation” of a possessed person in the church of St Anastasia. There is no doubt, among the scholars, that, in the three *Lives*, the described church is the same, even though only the *Life of St Andrew* provides an exact address⁸².

In the *Life of St Irene of Chrysobalanton*, ch. 15, the church is referred to with almost the same words as in the *Life of St Andrew the Fool*: εἰς τὸν τῆς μεγαλομάρτυρος Ἀναστασίας ναὸν “to the temple of Great Martyr Anastasia”⁸³.

The mention of this church in the *Life of St Basil the Younger* refers to the epithet *Pharmakolytria*, which is of special interest for us.

5.2.2. The Saint from Sirmium Became Pharmakolytria

In the *Life of St Basil the Younger*, ch. 33, the episode with the “incubation” of a possessed person in the church of Anastasia is similar to those in the *Lives* of St Andrew and St Irene. The scholars agree that this church is the same as in the *Life of St Andrew the Fool*. Therefore, we are still near the colonnades of Domninos.

This text is the earliest one where Anastasia deposited in this church is called Φαρμακολύτρια (“She who delivers from intoxication / spells”), while this epithet is paraphrased; otherwise, the wording of the reference to the church is very close to that in the *Lives* of St Andrew and St Irene: πρὸς τὸν σεβασμιον ναὸν τῆς πανευφήμου μάρτυρος Ἀναστασίας <...> τῆς τὰ φάρμακα λουούσης “... to the venerable church of the all-praiseworthy

martyr Anastasia, the deliverer from poisons”. The patient, in this case, became mad after having being poisoned by a sorcerer⁸⁴. This is the second episode, in this *Life*, related to the healing of someone possessed in the Anastasia church. The first one (ch. 29) is the healing of a possessed woman by St Basil. This woman escaped from the church of St Anastasia where she was brought by force for the incubation [117, pp. 322/323–324/325 (txt/tr.)].

After the eleventh century, the epithet *Pharmakolytria* appeared in the title of the entry on December 22 in several recensions of the Synaxarium of Constantinople⁸⁵. This means that, in the eleventh century, the epithet *Pharmakolytria* became semi-official for Anastasia the Widow, while, in the tenth century, it was widely known but remained more popular than official.

Finally, in the early fourteenth century, Nicephorus Callistus Xanthopoulos, in his mention of the translation of Anastasia’s relics from Sirmium, still called *Pharmakolytria* the saint whose relics are in this church⁸⁶.

In 1389, Ignatius of Smolensk “kissed the holy relics of Anastasia” on her feast day December 22. He did not indicate in what church he found them⁸⁷. Nevertheless, we know that December 22 was then the feast of Anastasia the Widow, and, therefore, Ignatius’ notice must be understood as a witness to the presence of her relics.

It is likely that, in the fourteenth century, the relics of Anastasia were unique and attributed to Anastasia the Widow. It is not to exclude the possibility that they were transferred to the church of Blachernae⁸⁸. On the eve of the Fourth Crusade, however, the situation was different.

5.2.3. Another *Pharmakolytria*?

There are two sources, however, that apparently refer to another St Anastasia as *Pharmakolytria*. One of them is Anthony of Novgorod; we will deal with his conundrum of three Anastasiae below. Another one is the late tenth-century *Patria Constantinopolitanae*.

The *Patria* contain two accounts of apparently different Anastasia churches. The first one, III.43, summarises the data of the *Life of St Marcian* concerning the translation of the relics of Anastasia from Sirmium and (re) building of her famous church⁸⁹. This account being “a distillation of the *Vita Marciiani*”⁹⁰ does

not mention *Pharmakolytria* because this word does not occur in its late fifth-century source. The second account, III.103, is an urban legend: “Anastasios Dikoros [Emperor from 491 to 518] built Anastasia *Pharmakolytria*. For previously the house of a patrician called Pharmakas (Φαρμακᾶ λεγομένου) had stood here”⁹¹. The scholars agree that the name of the fictitious Pharmakas was derived from *Pharmakolytria* and not *vice versa*, and “Anastasius was chosen because his name was etymologically related to the name of Anastasia”⁹². For Rydén, this legend was an alternative account of the creation of the same church, even though not recognised as such by the compiler of the *Patria*. For Berger, this was an account of another church.

Berger’s argumentation becomes weaker when we remove from it the references to the tenth-century *Lives* of Andrew the Fool, Basil the Younger, and Irene of Chrysobalanton. In the tenth century, it was Anastasia the Widow who delivered sufferers from impure spirits through incubation in the presence of her relics in the church near the colonnades of Domninos; it was she who was called *Pharmakolytria*. Nevertheless, there are later sources that introduce another church of Anastasia, also with Anastasia’s relics.

One such church is known from the so-called *Anonymus Mercati* and Anthony of Novgorod (one of the three Anastasia churches visited by him). Berger follows Janin in identifying these two churches⁹³. This identification is corroborated by the publication of an earlier and more complete manuscript of the *Anonymus Mercati*. Unlike the recension published by Mercati himself⁹⁴, this earlier recension states explicitly that this church of Anastasia, like that described by Anthony of Novgorod, contains the relics of the martyr: *Ibi [sc., cisterna Bona] prope est ecclesia sanctae Anastasiae virginis et martiris. In ipsa ecclesia in cripta iacet sancta Anastasia romana et martir*⁹⁵ (“Nearby [the cistern of Bona] is the church of Saint Anastasia the virgin and martyr. In the same church, in the crypt, is deposited Saint Anastasia the Roman and martyr”). According to Krijnie Ciggaar, this text is a very literal Latin translation of a Greek guide written after 1063 and translated into Latin by an Englishman approximately at the beginning of the twelfth century. This guide, as it is accessible to us, does not mention the earliest Anastasia church, but the available text

is certainly incomplete. It is important that the Anastasia deposited in this church is called virgin, martyr, and Roman, but without any epithet proper to Anastasia the Widow. It is worth noting that she is not called *Pharmakolytria*.

5.2.4. The Conundrum of Anthony of Novgorod

In the account of Anthony of Novgorod, in 1200, the Anastasia church of the *Anonymus Mercati* is recognisable but St Anastasia whose relics are deposited here was, in Anthony's mind, the *Pharmakolytria*. Near the monastery of Pantokrator, Anthony mentioned a church "of Anastasia the Virgin; she lies there; she delivers from any spells and poisons" (мученицы анастасии девицы. ту лежить всякое волхвованье и потворы открываетъ) ⁹⁶. It is clear that, for Anthony, this Anastasia is the *Pharmakolytria*.

To evaluate the veracity of Anthony's interpretation, we have to recall that, for the hagiographer of Basil the Younger, for the editors of eleventh-century recensions of the Synaxarium of Constantinople, and even for Albrecht Berger, *Pharmakolytria* is an epithet of the saint whose relics were translated from Sirmium and deposited, in the fifth century, in the church near the colonnades of Domninos. *Pharmakolytria* is Anastasia the Widow. Berger preserves this truth at the cost of postulating a never witnessed transferral of Anastasia's relics from her first church to the church of the *Anonymus Mercati* and Anthony of Novgorod [20, S. 515]. Anthony himself, however, did not share this opinion.

For Anthony, Anastasia the Widow was deposited in another church, probably never mentioned elsewhere; at least, locating it is a difficult task ⁹⁷. In his account, the Widow is still recognisable, even though his knowledge of BHG 81–82 was far from perfect: святая анастасия в теле лежить. та же замужем была. на <to read но> милостынею и добрым житьемъ спаслась есть [76, S. 330] ("...Saint Anastasia lies in the body. She was married but was saved by charity and good life").

Anna Jouravel, following Pavel Savvaitov, identifies this saint as Anastasia the Patrician ⁹⁸ but this is certainly untenable. The Patrician's *Life* explains why her relics remain unavailable (see above, section 2). Indeed, the *Life of St Andrew the Fool* explains the same thing as well, but

Andrew's relics were possibly available for veneration somewhere in Constantinople ⁹⁹. Most important, however, is the fact that Anastasia the Patrician was saved by monastic asceticism, which is something quite different from the good deeds of lay people such as charity and merely "a good life". This fact alone precludes such an identification. It is obvious that Anthony referred to the *Passio* of the Widow, but he was unaware of its contents, knowing only the marital status of this Anastasia.

As if this confusion was not enough for him, Anthony provides us with a third St Anastasia, also with relics and in a church whose location is unclear: святая анастасия девица в теле лежит ¹⁰⁰ ("Saint Anastasia the Virgin lies in the body").

Anthony's account is confused – probably because of his own activity: instead of humbly writing down the comments of his guide, he tried to pose questions to him and enter into dialogue ¹⁰¹. Nevertheless, it is not to exclude that the number of the relics of different Anastasiae was then three, as Anthony's account states.

There were five Anastasiae venerated in Constantinople (we will discuss all of them in the course of this study ¹⁰²) but only one of them, the Patrician, was forbidden, by her hagiographers, to leave relics. Of the remaining four saints, two were competing for the same relics deposited near the colonnades of Domninos. The two others had every chance to acquire their own relics as well. It is a rule that the relics of saints appear where people need them to appear, regardless of whether the respective saints were completely imaginary or whether their previous relics were stolen or removed.

From the confused account of Anthony, we can retain that there were some relics of a certain Anastasia (but hardly the *Pharmakolytria*) in the church described earlier by the *Anonymus Mercati*, and that the relics of Anastasia the Widow were available for veneration – but not necessarily in the church indicated by Anthony. According to the later recensions of the Synaxarium of Constantinople, they remained in the church near the colonnades of Domninos. Their location was perhaps changed (to Blachernae?) during or after the Latin occupation of the city (1204–1261). We cannot be sure that the relics venerated by Anthony as those of Anastasia the Widow

belonged to this saint. It is possible that he knew that these relics were venerated in Constantinople but mistook the place.

5.2.5. Two Anastasiae in Peaceful Coexistence

The *Life of St Irene of Chrysobalanton* contains a revealing scene (ch. 13). One of Irene's nuns, a native of Cappadocia like herself, became a victim of witchcraft. Irene prayed to her common compatriot Basil the Great. St Basil helped Irene to address the Theotokos, and the latter calls on St Anastasia – obviously as a specialist in such problems:

Again Irene heard her saying, 'Call for Anastasia!' At once two women appeared, one of whom was dressed in a monastic habit and was called (it seemed to her) 'the Roman'. Turning to the other (καὶ πάλιν ἀκοῦσαι λεγούσης «τὴν Ἀναστασίαν μοι καλέσατε» καὶ παραστῆναι δύο γυναικας αὐτίκα, ὧν τὴν μίαν, σχῆμα περικειμένην μοναχικόν, τὴν Ῥωμαίαν ᾤετο λέγεσθαι· πρὸς δὲ τὴν ἐτέραν ἐπιστραφεῖσα...) the Mother of God said, 'Hasten, with the help of St Basil <the Great>, to inquire carefully into the illness of Irene's disciple and let her be healed, for you have received the gift of effecting such ends from my Son and God.' Then Anastasia and Basil seemed to make obeisance together <...>¹⁰³

The appearance of the second Anastasia – easily recognisable as the Roman nun, Anastasia the Virgin¹⁰⁴, – is unmotivated by the plot; she is never mentioned again. This Anastasia is not a specialist in delivering from witchcraft but she also answered the call for Anastasia.

At the beginning of this scene, another saint appeared for a moment, equally unmotivated by the plot. After having seen the Theotokos, Irene "...fell at the feet of Our Lady in deep awe and trembling. Lying there she heard a cry from the all-holy Lady calling for Basil and John and saying to them, 'Why has Irene left her flock and come here?' (...ἀκούσαι τε κειμένην φωνῆς τῆς πανάγνου Βασίλειον καλούσης καὶ Ἰωάννην, φάναι τε πρὸς αὐτούς· «τίνος χάριν καταλιποῦσα τὸ ποίμνιον αὐτῆς ἐνταῦθα πάρεστιν ἡ Εἰρήνη»)). Out of the two Basil told her in detail about all that her daughter in the spirit had suffered <...>"¹⁰⁵. This John said no word and disappeared after this appearance for an instant.

Unlike fiction, hagiographical narrative is conditioned by the background of the actual sacred topography. Anastasia the Virgin and this John were not required by the plot, but this means

that they were required by the sacred topography that, in the late tenth or early eleventh century, still did not allow separating Anastasia the Widow from Anastasia the Virgin and this John. If we recall that Anastasia the Widow abode in the church near the colonnades of Domninos, it becomes clear that this John is the Forerunner, the "owner" of the nearby St John church. These two churches were liturgically interconnected in the seventh century (see above, section 3), and now we see that they continued to be interconnected three centuries later.

Anastasia the Virgin was not exiled by the return of Anastasia the Widow but the two Anastasiae cohabitated in a single church. The translation of LLA made in 824, *BHG* 81, served to re-establish Anastasia the Widow in her home but it was by no means aggressive toward the cult of Anastasia the Virgin – unlike the legend of Anastasia the Virgin that was created as the weapon of a competing and aggressive new cult.

The *Anonymus Mercati* described his Anastasia as "virgin" and *Anastasia romana*. This description is more fitting with Anastasia the Virgin. Let us notice that, in the *Life of St Irene*, this Anastasia is called "the Roman" to make a distinction between her and Anastasia the Widow. It seems, therefore, that, to some period after 1063 and before the twelfth century, Anastasia the Virgin acquired her own church with her own relics. The Anastasia of these new relics was erroneously taken for the *Pharmakolytria* by Anthony of Novgorod.

5.3. Commemorations in the Byzantine Rite before 900

The two commemoration dates for the two Anastasiae, the Widow and the Virgin (December 22 and October 12, respectively) were established after a period when Anastasia the Virgin must have been commemorated on the earlier date of Anastasia the Widow. The former occupied the church and the relics of the latter, and, therefore, she must have occupied her commemoration date as well. This situation, after having been established in the seventh century, must have never been challenged before the end of the Monothelite union, that is, before 681 if not 715. It is beyond doubt that this earliest commemoration date of St Anastasia fell in the last days of December, near December 25. It is *a priori* most probable that the

familiar date December 22 was used already in the sixth and the late fifth centuries. Moreover, the Martyrdom of Anastasia and Theodota provides us with an indirect proof that the 22nd day of December was the pre-Monothelite Anastasia's commemoration. Let us return to this text.

In the earliest copy of the Georgian version of the Martyrdom of Anastasia and Theodota, the commemoration date of these saints is October 22. It is written down in full (განეწესა დღესასწაოვლი საკსენებელის მისისა თ(უეს)ა ოკდომბერსა ოცდორსა "The feast day of their commemoration is established on the twenty second of the month October") in the last lines of the text of the earliest copy, the manuscript *Sinaiticus georgicus* 11¹⁰⁶. This manuscript is dated approximately to the tenth century, but its Arabic original was older, and the Greek original of this Arabic was older still. The date of October 22 (and sometimes its alteration, October 23) is preserved in several Georgian calendars and *menaia*¹⁰⁷ and in one thirteenth-century manuscript of the Melkite Synaxarium in Arabic (according to J.-M. Sauget, the other manuscripts of this Synaxarium do not know a commemoration of Anastasia on this day, October 23 [110, pp. 311–312]). The commemoration of Anastasia on October 23 was so widely known, among the Melkites, that it became the only commemoration of this saint reported by Abu Rayhan al-Biruni (973 – after 1050) in his description of the Melkite calendar [68, p. 11].

The number 22 is revealing. It is the same day in October as was the main Anastasia day in December. The days of the month tend to be invariant under deliberate substantial shifting of commemoration dates¹⁰⁸. The most natural explanation of October 22 as the commemoration date of Anastasia and Theodota is a deliberate shift of the earlier commemoration date of Anastasia, December 22. Such a shift must have become necessary when the "Syrian" Anastasia the Virgin replaced the "Gothic" Anastasia the Widow.

When Anastasia the Widow returned to December 22, the most honourable place for St Anastasia in the liturgical calendar, it was Anastasia the Virgin's turn to go into October exile. The 22nd day of October was, however already appropriated by Anastasia the Widow¹⁰⁹. Eventually, Anastasia the Virgin stayed at October 12.

6. Anastasia, a Saint of the Goths, and Her "Sister" St Irene

In this section, we will try to discuss the Constantinopolitan cult of St Anastasia as far as is possible without reading the legend of Anastasia the Widow and without taking into account the veneration of St Anastasia in the West.

Rochelle Snee already facilitated our task by her study on the transformation of a little Anastasia church dedicated to the Resurrection of Christ, where Gregory of Nazianzus served as the Nicaean bishop of Constantinople, into the church of St Anastasia renovated by St Marcian for receiving the relics translated from Sirmium. Although she is somewhat sceptical about such an exact dating of the translation as 468–470¹¹⁰, her own dating is very similar: before the assassination of Aspar and Ardabur in the middle of 471, when the tension between Aspar and Emperor Leo I had already become quite perceptible. This means roughly the same years [114, esp. pp. 161–162, 185–186]. For us, it is important that the translation took place when Sirmium had passed from the hands of the Huns to the Ostrogoths (454/455). Without the Ostrogoths' consent, the translation of the relics to Constantinople would have been impossible¹¹¹.

6.1. St Anastasia in Constantinople: The Patron of the Goths

St. Anastasia was especially venerated by the Ostrogoths. In the sixth century, there was an important Gothic Anastasia church in their capital Ravenna¹¹². Nevertheless, they consented to the translation. Indeed, the moment was rightly chosen: it was the time when either the future Theoderic the Great lived as a young hostage at the court of Constantinople (for about ten years until 469) or shortly thereafter.

Beside the scanty mentions of Byzantine historiographers, the translation is witnessed by the hagiographical dossier of St Marcian, the Economos and presbyter of the Great Church in Constantinople¹¹³; these hagiographical documents reveal the meaning of the translation of St Anastasia's relics. Marcian's most well-known pre-Metaphrastic *Vita BHG* 1032¹¹⁴ is already affected with anti-Arian and anti-Gothic censorship – sometimes to a lesser extent than his Metaphrastic *Vita BHG* 1034 [118]. However,

the most interesting to us is the lesser-known pre-Metaphrastic *Vita BHG* 1033¹¹⁵, which preserves intact the passage related to the Arian Goths.

One of the main accomplishments of Marcian's life was, according to all his biographies, the rebuilding of the St Anastasia church. This church, as it is emphasised by the hagiographers, had long ago served as the shelter of the Orthodox led by Gregory of Nazianzus in the Arian Constantinople. The dedication of this church under Gregory (probably after the Anastasis basilica in Jerusalem) had been forgotten by Marcian's times; everybody thought that it was dedicated to martyr Anastasia. Marcian, as his hagiographers said, reconstructed and decorated the former church of Gregory of Nazianzus having in mind Gregory's own hope or prophecy about this¹¹⁶.

This action, related to the church especially known by the staunch anti-Arianism of its famous founder, was overtly anti-Arian. At the end of the dedication ceremony, Marcian was slandered by some adversaries before the Patriarch Gennadios, but his innocence was revealed through a miracle. Then, continued the hagiographer, what happened became "a demonstration of the power of God and the triumph over Devil [*sc.*, *diabolus* "calumniator"] himself and the evil doctrine of Arius" (τὸ δὲ γενόμενον ἔδειξεν τὴν τοῦ Θεοῦ δύναμιν καὶ τρόποιον ὑπῆρχεν κατ' αὐτοῦ [τοῦ] Διαβόλου καὶ τῆς Ἀρείου κακοδοξίας), because the new church attracted crowds to Orthodoxy¹¹⁷. The *Vita BHG* 1032 unites this dedication and the deposition of the relics into a single event (ch. 5 [128, vol. 4, p. 262]), which is, of course, not necessarily historically true but, at least, explains why the date of the dedication, December 22, became the major commemoration date of St Anastasia in Constantinople.

The most interesting episode proper to *BHG* 1033 is the following. After having accomplished his magnificent architectural project, Marcian received expressions of gratitude from different social strata, including Emperor Leo (457–474) and even Aspar and his son Ardabur (who will be killed in 471) – those highest officials who made Leo the Emperor; both were Arians, being Goths, and therefore unsuitable for becoming emperors themselves. Aspar was the teacher of the future Theoderic the Great in the years of his staying in Constantinople.

The account of *BHG* 1033 (ch. 14)¹¹⁸ is the following:

οἱ γὰρ καὶ διάφοροι πρὸς ἡμᾶς περὶ τὴν ὀρθὴν ἐτύγχανον πίστιν, ἀλλ' ὁμως, αἰδοῖ τοῦ πατρὸς, πλεῖστα καὶ ἀξιοθέατα πολυτελῆ σκευὴ τῷ σεπτῷ καὶ παναγίῳ τῆς μάρτυρος Ἀναστασίας μαρτυρίῳ, οἷα πρὸς ἄρκτον αὐτῷ γεινιῶντες, προσήνεγκαν. Ὅθεν τοῦτους ἀμειβόμενος ὁ ὁσιος ἀντίωρον αὐτοῖς ἐχαρίσατο, διατυπώσας ἐφ' ᾧ τῇ πατρῷα αὐτῶν γλώττῃ τῶν γότθων ταῖς ἐπισήμοις ἡμέραις τὰς θεοπνεύστους Γραφὰς ἀναγινώσκεσθαι.

Even though they [Aspar and Ardabur] differed with us in the matter of right faith, nevertheless, out of respect to the Father [*sc.*, Marcian], they brought many different and worthy of admiration utensils for the esteemed and most holy martyrdom of the martyr Anastasia, because they were living in its vicinity, north of it¹¹⁹. Therefore, the holy man has shown them his gratitude reciprocally with a return gift; (namely,) he has established in the *typikon* [liturgical regulations specific to a given church] that, on the festal days, the divinely inspired Scriptures are to be read in their mother tongue of the Goths.

Let us notice that such act of gratitude would have hardly been possible without a number of Goths within the congregation of the church and even among the clergy (the lay people are not allowed to read the Scriptures at the liturgy, but these readings are distributed between the readers, the deacons, and the priests).

The church of St Anastasia became the centre of Gothic anti-Arian Orthodoxy, even though it was established with the collaboration of the Arian Goths – not only Aspar and Ardabur but also the Arian Ostrogothic authorities in Sirmium¹²⁰. The Arian St Anastasia church in Ravenna continued the tradition of this cult of St Anastasia as the holy patron of the Goths – but already within the Arian realm. Regardless of the internal differences between the Nicæan minority and the Arian majority, the Ostrogoths venerated St Anastasia as their common saint and, therefore, certainly venerated her relics deposited in her Constantinopolitan church.

The legend of St Anastasia produced by and for this pro-Gothic cult would have had little chance to survive undamaged in the sixth-century Constantinople.

6.2. St Anastasia in Constantinople: the "Sister" of St Irene

Another episode of Marcian's biographies is important for our future reconstruction of the early

Byzantine Anastasia legend: she was venerated together with a certain martyr Irene.

The great and beautiful church of St Irene, rebuilt on the site of a modest ancient church, was the last construction erected by Marcian – also because of some divine revelation. This church of Irene called “of Perama” was located at the seashore of the Golden Horn, near the pier of the boats plying their trade between Pera and Galata ¹²¹. Marcian died when the church had not yet been fully decorated, but Empress Verina accomplished the work. Looking at the beautiful church, the people have said: Ἰδοὺ καὶ ἄλλη θυγάτηρ τοῦ ὁσίου Μαρκιανοῦ, ἀδελφὴ τῆς ἁγίας [ἐνδόξου μάρτυρος] Ἀναστασίας ¹²² “Lo, this is another daughter of holy Marcian, a sister of the saint [glorious martyr] Anastasia!”

Modern scholars are unanimous that the St Irene venerated in this church was the central character of the mid-fourth century legend of Irene, whose initial pagan name was Penelope (preserved in Greek as *BHG* 953 ¹²³). Her martyrdom took place under a certain Licinius but (as is not infrequent in the temporary structure of the “epic” hagiographical legends) in apostolic times, when she became a follower and companion of Apostle Timotheus. The *raison d’être* of the legend was the translation of the relics of the Apostle from Ephesus to Constantinople in 356; the empty coffin of Timotheus in Ephesus was represented with the empty coffin of Irene, also in Ephesus, that she left behind her after her resurrection.

Strictly speaking, it needs to be proven whether the Irene of the church “of Perama” was this companion of Apostle Timotheus, because the available Constantinopolitan data are not explicit: they simply mention, on January 21, a synaxis “of Irene in her most holy church that is near the sea” (Εἰρήνης ἐν τῇ ἁγιωτάτῃ αὐτῆς ἐκκλησίᾳ τῇ οὐσῇ πρὸς θάλασσαν) ¹²⁴. In the *Vitae* of Marcian, the day of the dedication of the St Irene church is January 20 ¹²⁵. However, from this January date the identification of St Irene is perfectly clear. The commemoration of Apostle Timotheus was oscillating within the interval from January 20 to January 22 ¹²⁶. The commemoration of this Irene was inserted into the liturgical calendar as a part of a Timotheus’s liturgical cycle. No doubt, the Irene of our church was Irene-Penelope, even though the regular feast of this martyr was on May 4 or 5 [42, cols. 653, 660].

It is another matter, however, whether our Irene’s dependence on Apostle Timotheus was realised in Marcian’s times. The *Vitae* suggest that it was not: at least, they contain no trace of hagiographical traditions related to the Apostle. In this case, the date of the dedication, January 20, would have been retained from the tradition of the earlier Irene church that was replaced with the new one.

Instead of Timotheus’s hagiographical traditions, we see that Irene became a “sister” of Anastasia. Such relations between these two martyrs are known from the Constantinopolitan legend of St Anastasia, an abridged recension of which is the Martyrdom of Anastasia and Theodota, and another recension of which is LLA. There, St Irene appeared ¹²⁷ as a companion of St Anastasia. However, this St Irene is not an imaginary and symbolical companion of Apostle Timotheus but a historical martyr of Thessalonica.

7. The Major Blocks of Which the Anastasia Legend Was Built

The legend of Anastasia the Widow as it is represented by LLA and *BHG* 81, contains five major blocks, each of them (excluding the Preface) having an autonomous plot line:

1. Preface.
2. *Passio sancti Chrysogoni*.
3. *Passio sanctarum Agapae, Chioniae et Irenae*.
4. *Passio sanctae Theodotae*.
5. *Passio sanctae Anastasiae* proper.

Both the legend of Theodota with her three sons and the legend of Irene, Agape, and Chionia (points 3 and 4 of the list above) were known, in Byzantium, in forms unconnected to Anastasia. The situation with the legend of Chrysogonus is quite different. We will see (in Part Two of the present study) that, together with the Preface, it is a later addition proper to LLA and previously unknown in Byzantium.

In this section, we will focus ourselves on the two cults used for naturalising Anastasia as a Constantinople citizen. As a saint of Constantinople, Anastasia underwent, in the fifth century, a double assimilation. She was naturalised theologically as a Nicaean saint, and politically as a Thessalonian saint. For the former purpose, she was introduced in Constantinople

by the historical martyr of Nicaea Theodota, and for the latter purpose, by the historical martyrs of Thessalonica Irene, Agape, and Chionia.

7.1. Irene, Agape, and Chionia as Companions of Anastasia

The three historical martyrs of Thessalonica (they were martyred in Thessalonica during the same persecutions of Diocletian, when the historical prototype of Anastasia was martyred in Sirmium) had a Martyrdom of their own. Their *Passio BHG* 34 is now considered, despite its overall “epic” framework, as containing a genuine record of their interrogation ¹²⁸.

In the Constantinopolitan legend, these three martyrs became companions of Anastasia. In the fifth-century context, this would have meant a kind of appropriation of Anastasia by Thessalonica. Thessalonica has been for centuries a rival of Sirmium; the two cities were competing for the status of the capital of the Balkans. Until the end of the fourth century, if not later, the official capital of the “prefecture of Illyricum” was Sirmium, whereas Thessalonica was the second city of this province. In the fifth century, their competition increased to the international level, because Sirmium fell to the Huns in 441–442. By the second half of the fifth century, it was Gothic.

In the legend accompanying the translation of Anastasia’s relics from Sirmium, it was impossible to eliminate Sirmium at all. Nevertheless, it was possible to soften the sound of its name and to introduce a more “patriotic” intermediary, Thessalonica.

Were this legend of Anastasia composed in the early sixth century or later, Thessalonica would have been represented in its plot by St Demetrius ¹²⁹. However, in the fifth century, St Demetrius had not had time to become a saint warrior of Thessalonica and was still a modest martyr deacon of Sirmium. Sirmium’s modern and mediaeval name, Sremska Mitrovica, is an abbreviation of “Dimitrovica” – “city of Demetrius”.

The great basilica church dedicated to St Demetrius in Thessalonica was constructed in the first years of the sixth century (or the last years of the fifth century at the earliest) ¹³⁰, probably even in the 510s or 520s ¹³¹, thus proclaiming that Thessalonica henceforth is the city of St Demetrius. As Delehayé convincingly argued, the relics of

St Demetrius were in fact deposited in Sirmium and not in Thessalonica. What Thessalonica had were only “secondary relics” such as a piece of a cloth (orarium?) impregnated with the blood of the martyr ¹³². Demetrius became μυροβλήτης (“myrrh-gusher”) much later, most probably in the eleventh century ¹³³. By this time, of course, his “primary” relics (that is, the body or parts of it) had had to be “found” in Thessalonica. Therefore, the presence of Irene, Agape, and Chionia, but not of Demetrius is a strong proof that the Constantinopolitan legend of Anastasia belongs to the fifth century and not to the sixth.

7.2. Theodota as a Companion of Anastasia

The plot line of St Theodota of Nicaea within the legend of Anastasia is a straightforward expression, in the symbolical language of hagiography, of the Nicaean faith. We already know how important it was in the eyes of St Marcian, when Constantinople was *de facto* controlled by Arian Goths. This plot line is a recognisable hallmark of the time of the translation of Anastasia’s relics. Considered against the background of the plot line of Irene, Agape, and Chionia, this is a decisive argument for attributing the old Constantinopolitan legend of Anastasia to the cult of the saint established after the translation of her relics to the capital.

Theodota, with her three sons, was the most known historical martyr of Nicaea. Her hagiographical dossier contains two long *Passions épiques*, *BHG* 1780 and 1781, of which *BHG* 1781 is sober and has more historical value ¹³⁴.

7.3. The Historical Virgin Martyr of Sirmium

As is often the case, the historic martyr of Sirmium has escaped our search. She was known to neither the Latin *Depositio martyrum* (composed ca 336) ¹³⁵ nor the Syriac martyrologium of 411 (translation of the lost Greek document dated to ca 362 [101, pp. 7–26]), which are the earliest available lists of the martyrs for liturgical commemoration. A single fact is certain: in the first half of the fifth century, on the eve of the translation of her relics to Constantinople, she was already a venerated saint deposited in Sirmium. It is impossible to know with certainty whether she was martyred under Diocletian, although, of course, this supposition looks most likely.

Previous scholars believed that, at least, her name was Anastasia, and her commemoration day was December 25, the date preserved by the *Martyrologium Hieronymianum*. These two suppositions are merely guesses based on the presumption that the fifth-century Roman sources which name the martyr of Sirmium Anastasia and commemorate her on December 25 follow the tradition received from Sirmium. Any other possibilities were never considered, as if we can be sure that the Sirmium cult of Anastasia, from the very beginning in the early fourth century, presumed this name of the saint and this day of her commemoration. In fact, we have no direct witness of this cult in Sirmium in the fourth century, whereas our indirect data could be interpreted in different ways.

It is extremely unlikely that the martyr of Sirmium was called Anastasia. Before the late fourth century or even later, this Christian name was used in the family of Emperor Constantine the Great almost exclusively¹³⁶. This name belongs to the Roman core of the Anastasia legend and, therefore, is unrelated to the martyr of Sirmium.

It is certain, nevertheless, that there was some cult of this martyr in Sirmium, and, therefore, some legend of her. We will return to these problems in Part Two.

Nevertheless, the historicity of St Anastasia as she was created in about 468–470 in Constantinople was not limited to her connexion with the prototype martyr of Sirmium. Her other prototypes were Roman and no less historical.

7.4. The Roman Core of the Anastasia Legend(s)

The Nicaean and Thessalonican plot lines were interwoven, in the legend of Anastasia, with the main line of the martyrdom of Anastasia herself, a Roman dame. This part of the legend is the fruit of about a century of development of properly Roman hagiographical traditions. It was certainly borrowed from Rome. This has never been sufficiently analysed, and we will devote Part Two of this study to its investigation. We will call it the Roman core of the Anastasia legend.

8. Provisional Conclusions

In Part One, we considered the main lines of development of the Byzantine Anastasia cult(s) from the fifth century to about 1200, while

provisionally putting aside two minor Anastasia cults that arrived from Rome.

The Monothelete Union brought many changes in the liturgical life of Constantinople. One of the most remarkable was the popularity of Syrian saints, both previously known ones and such a newcomer to the capital as was St Febronia. The origins of the cult of St Febronia remain unknown, but, in its form available to us, it was created (or, probably, reshaped) in a “monophysite” (Severian) monastery near Nisibis during the short period when the Byzantine rule there was restored (from 628 to 639).

The cult of St Febronia, then extremely popular, together with other Syrian cults, contributed to creating a new “monothelete” St Anastasia, the Roman Virgin, with the purpose of replacing the previous one, the Roman Widow. The latter was, in the fifth century, the patron of the Goths, but now, in the seventh century, remained without any specific duty in ecclesiastical or secular politics. Her relics, deposited in her church in Constantinople, continued, nevertheless, to be much venerated. Therefore, she was forced to hand over her relics and her commemoration date December 22 to her young rival. However, the Monothelete Union was not too long-lived, since the Syrian influence in the Patriarchate of Constantinople decreased rapidly, and Anastasia the Widow managed to regain both her relics and her commemoration day.

Thus, Anastasia the Virgin became topographically homeless (there was no church with her relics) and calendrically vagabond (her commemoration day was shifted from December to October, where it was oscillating between different dates, especially October 22, 12, and 29). Anastasia the Widow eventually won. She allowed, however, the commemoration of her former rival, the Virgin, as the second St Anastasia of the capital. Therefore, in due time, Anastasia the Virgin provided herself with relics that were venerated by pilgrims starting in the eleventh century at the latest.

The early Byzantine legend of Anastasia the Widow was published (made known to everybody) at the occasion of the translation of her relics from Sirmium to Constantinople. This event is datable to the interval from 468 to 470. The appropriate legend contained the Roman core of Anastasia legends (that will be discussed in Part Two of the present study) and two important additions

from the legends of the Thessalonian martyrs Irene, Agape, and Chionia and of the Nicaean martyr Theodota with her three sons. In the fifth century, these martyrs were known as the holy patrons of the respective cities (St Demetrius did not become the patron of Thessalonica before the sixth century). Thus, the Constantinopolitan cult of St Anastasia was backed by the saints of Thessalonica and Nicaea. Both cities were important with respect to the Goths.

In these years, the Arian Goths headed by Aspar and Ardabur were *de facto* rulers of Constantinople and the whole Eastern Empire. The translation of the relics from the Gothic Sirmium to Constantinople and the establishment of the Anastasia church in the capital would have been impossible without their involvement, which was indeed very intensive. Nevertheless, this church was strictly Nicaean, even though very open to the Goths (including the reading of Scriptures in Gothic). In such a religious situation, the need of support from the patron saint of Nicaea was obvious. The support of the saints of Byzantine Thessalonica was needed with respect to politics. Thessalonica was then the Byzantine capital of Illyricum, because the former Roman capital of this province, Sirmium, already had passed to the Goths.

Now we are prepared to turn ourselves to the Roman core of the Anastasia legends. This will be the topic of Part Two of the present study.

To be continued...

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50179.

The author is very grateful for all those who helped him in different ways, and, in particular, Elizabeth Castelli, Alexandra Elbakyan, Habib Ibrahim, Kai Juntunen, Nicolai Markovich, Olga Mitrenina, Ugo Mondini, Asya Pereltsvayg, Oscar Santillino, Alexander Simonov, Pavel Turkin, Andrey Vinogradov, Antonello Vilella, and Nataliya Yanchevskaya.

NOTES

¹ Thus [44, p. 156], not to say of earlier less critical studies. For Lapidge, the very *raison d'être* of the legend was “curiosity about who were these martyrs”, Anastasia and Chrysogonus who gave their

names to the respective *tituli*-churches, whereas, in reality, they were not martyrs at all [80, pp. 56–57].

² This fact is known from Theodore’s colophon at the end of *BHG* 81 (catalogued separately as *BHG* 81a): critical edition by F. Halkin [70, p. 131]; he was identified by J. Gouillard with one of the leaders of the second Iconoclasm (anathematised by the 869 Council of Constantinople, where he was present in person; cf. [66, pp. 398–401] and a discussion by Halkin [70, pp. 86–87]).

³ As counted Lapidge [80, p. 63]. The modern critical edition by Paola Moretti [97] takes into account fifty-five; its translation with a commentary, including some textological notes, is provided by Michael Lapidge [80, pp. 54–87]. The previous scholarly edition by Hippolyte Delehaye was based on two manuscripts [44, pp. 221–249].

⁴ Preserved in the unique manuscript of the complete Arabic Melkite Menologion (under December 22) compiled in the very beginning of the eleventh century: *Sinaiticus arabicus* Nr 398, ff. 215^r-222^v. See Habib Ibrahim’s description of this unpublished manuscript [72, pp. 73–74]; for the date of this Menologion, see Alexander Treiger’s study [121, pp. 327–332]. The text, together with my notice on the mutual relations between this Arabic recension and the Georgian Martyrdom of Anastasia and Theodota, is under preparation by Habib Ibrahim.

⁵ Cf., however, the last paragraph of this Martyrdom in its earliest manuscript, where the title is repeated as following: ესე არს წამებდა წ(მი)დისა ანასთასიასი და თეოდ(ო)ტესა და სხუ(ა)თა მათ წ(მიდა)თად რ(ომე)ლნა მათ თანავე იწამნეს “This is the Martyrdom of saint Anastasia and Theodota and other saints who were martyred together with them”; this title is published only in Gérard Garitte’s description of the manuscript [60, p. 32].

⁶ In Stem I, the Arabic recension is still marked with the asterisk, because the preserved Arabic text is not identical to the lost original of the Georgian version. However, it is so close to it that the asterisk could be omitted.

⁷ Cf. a short discussion, with the most relevant references, by Jane Baun [18, pp. 114–115].

⁸ *BHG* 79 and 80; edited (unsatisfactorily) by Léon Clugnet [36, pp. 51–56; reprint 1901: vol. I, pp. 2–7]; see an evaluation of this edition by M. Bonnet [23]; a Synaxarium entry on March 10, *BHG* 80e: [42, cols. 523–528] ([36, pp. 57–59; reprint 1901: vol. I, pp. 8–10]). The Byzantine recension is also represented with Slavonic and Georgian versions, which are of no self-standing interest for us.

⁹ *BHS* 1019. Ed. by François Nau in [36, pp. 391–401; reprint 1901: pp. 68–78]; see translation by S. P. Brook and S. A. Harvey: [25, pp. 142–149].

¹⁰ Preserved only as a Synaxarium entry on January 21 (Ἰβη 26): ed. by R. Basset [17, pp. 669–

670]; as it seems to me, this entry is not a translation of a Byzantine Greek text – as it occurs with some entries of the Coptic Synaxarium in Arabic (cf. a discussion by R.-J. Coquin [41, p. 2172]), – but its history remains unknown. Most probably, this legend goes back to a legend written in Greek but by “Monophysites”.

¹¹ Beside the entry in the Ethiopian Synaxarium on January 21 (Terr 26), which is the fourteenth-century translation of the Arabic entry (ed. by G Colin [39, pp. 188/189–190/191 (txt/tr.)]), there is a longer recension within the Ethiopic version of the *Stories of Daniel of Scete*: ed. by L. Goldschmidt and F.M. Esteves Pereira [65, pp. 3–6/30–34 (txt/tr.)], which has been translated from a lost Arabic original.

¹² *BHS* 703. See the new edition and translation by Ch. Müller-Kessler and M. Sokoloff [99, p. 97–98].

¹³ See Garitte’s entry [62] for the main bibliography and the unresolved problems (even in our days, whereas the relevant *fascicule* has been published in 1957). The story of Anastasia is lacking from the preserved Coptic version; it is unknown in Armenian either. The Slavonic and Georgian versions represent the Byzantine tradition and therefore are of no particular interest.

¹⁴ Cf., for bibliography, Lourié [83].

¹⁵ Edited by Delehaye [44, pp. 250–258]; Halkin denoted recension 76z “the vulgate” and published other recensions: a similar recension *BHG* 76x called “hagioritique”, taking into account the “epitome” recension *BHG* 78e known from a single manuscript with a great lacuna [70, pp. 159–170], and an interesting “remaniement de Vénise” *BHG* 76zd (from a unique 16th-cent. manuscript), where the relics of Anastasia were deposited at the St Anastasia church in Rome dedicated to the Widow, and the two Anastasiae are therefore reunited within a common cult [70, pp. 170–178]. The so-called *Passio longior* *BHG* 76y known from a single eleventh-century manuscript remains unpublished.

¹⁶ There is a vast bibliography on the evolution of the cult of St Artemius from the fourth to the seventh century and later. Among the most important studies, I would mention those by S.N.C. Lieu [82] (on the early development of the cult), A. Busine [28] (on the Constantinopolitan late sixth- and seventh-century context), and V. Déroche [47] (decline of the cult in the iconoclastic epoch).

¹⁷ See, for the medicine aspect, A.P. Alwis’s study [11].

¹⁸ In his postscript to Miracle 24: [32, pp. 142/143–144/145 (txt/tr.)]. In this edition, the *editio princeps* by A. Papadopoulos-Kerameus (1909) is reprinted with an English translation (by V. S. Chrisafulli) *en regard*.

¹⁹ This aspect of historical value even of the most legendary hagiographical documents is often neglected, even by such great specialists as, e.g., François Halkin [69].

²⁰ See [32, p. 158/159 (txt/tr.)]. Cf. [32, p. 8], John W. Nesbitt’s topographical observations.

²¹ Cf. a notice by J.-M. Fiey [58, pp. 79–80], for earlier scholarship, partly outdated.

²² The date according to Fiey [56, pp. 14–15].

²³ Ed. and transl. by E. A. Wallis Budge [26, vol. 1, p. 136; English tr.: vol. 2, pt. 1, p. 203], the translation is slightly edited by myself. Fiey located the monastery on the route to Marga [55, pp. 278–279].

²⁴ Kaplan [78, pp. 38, 40, 44], as many others before him, refers to this witness uncritically, without mentioning its late date.

²⁵ The Syriac text edited by Paul Bedjan [19, pp. 573–615]; English translation by Brock and Harvey [25, pp. 150–176].

²⁶ Critical edition, together with two early Latin versions (*BHL* 2843 and 2844), by Paolo Chiesa [31, pp. 333–395].

²⁷ Kaplan focused his discussion of the bilingualism of local Christians on the moving of the “Nestorian” famous theological school from Edessa to Nisibis in the late fifth century [78, pp. 37, 45]. However, as David Taylor pointed out, the Christian population of Mesopotamia practiced Syriac-Greek bilingualism and diglossia quite widely, regardless of the school of Edessa / Nisibis [119].

²⁸ See [31, p. 354]. Of these three cases, two are related to the spectrum of meaning of Greek words: Chiesa argues, against Simon, that the respective words could have had, in the Byzantine Greek, the same meanings as their correspondents in the Syriac. The third case is a possible confusion between two words that look similar in Syriac spelling; this confusion, however, results anyway in acceptable readings. Chiesa is justified in noticing that such an error could be interpreted, with an equal likelihood, as committed by a Syriac scribe and not necessarily by the Greek translator.

²⁹ Chiesa [31, p. 355]: “Ma decisivo è il fatto, mi pare, che anche nel testo siriano l’invocazione sia introdotta dalle parole ‘cominciò a parlare in lingua siriana’, frase che, all’interno di un testo scritto interamente in lingua siriana, non ha alcun senso se non in quanto traduzione di una corrispondente espressione in una lingua diversa”.

³⁰ One kind of Semitisms in syntax is pointed out by Kaplan, who, however, prefers to explain it through the hypothesis of an educated author who wrote in Greek while his / her mother tongue was Syriac [78, p. 41].

³¹ See [113, pp. 72–75]. I do not quote Simon’s arguments because I agree with them and have nothing to add.

³² The word “office” (ܐܦܨܬܐ) is lacking here, and, therefore, “Vespers” could be understood as either “office of Vespers” or simply “evening”. In both cases, the general meaning is the same because the office of Vespers in the evening must have been implied.

³³ Syriac: ed. Bedjan [19, p. 576]; Greek: ed. Chiesa [31, p. 370]; English tr. by Brock, Harvey [25, p. 154].

³⁴ Syriac: [19, p. 577]; Greek: [31, p. 371]; English tr.: [25, p. 155].

³⁵ Syriac: [19, p. 610]; Greek: [31, p. 392]; English tr.: [25, p. 174].

³⁶ The Syriac *Story of the Holy Friday* (not in *BHS*) has been recently published by Sergey Minov [96], who is, however, hesitant concerning its date, but is certain that it belongs to the “monophysite” community and was written, most probably (while not for sure), in Syriac. The main character of this story, bishop John who had disguised himself as a slave of a pagan master, was consecrated in Alexandria but for an unnamed city (Minov translates correctly: “...bishop who was hiding from *his city* for twenty-seven years already (and) who was ordained (*i.e.* consecrated. – *B. L.*) in Alexandria” [96, p. 211]), not for Alexandria itself, as Minov understands ([96, p. 217]). I have once attributed this story, then known to me from the 1910 paraphrase by F. Nau, to the sixth-century Syriac “monophysite” hagiographical traditions: [84, pp. 163–165, 196–204]. The closest parallel in Syriac hagiography discussed there escaped Minov’s attention. This is another story about a hidden bishop who venerated Friday, the *Life* of Bishop Paul and Priest John, *BHS* 960 (fragmentary Greek version: *BHG* 1476) published by H. Arneson, E. Fiano, C. Luckritz Marquis, and K. Smith [13]. In this text, any work on Friday is not forbidden explicitly, but such a prohibition is implied: Paul dedicated Fridays to almsgiving to the people dwelling in remote places, which would have not left time for any other work; cf. my observations [87, p. 202]. Minov managed, however, to indicate two important texts written against the prohibition of working on Friday: one Syriac, a canon of Jacob of Edessa (ca 633–708, “monophysite”), and one Greek, an otherwise unknown and undated text ascribed to Basil the Great that is quoted (twice!) by Nikon of the Black Mountain near Antioch (ca 1025–1100, Melkite but West Syrian, not Byzantine) in his *Taktikon*.

³⁷ This is the first of the two Pseudo-Basilian homilies published by Michel van Esbroeck [54]. The editor did not discuss the original language of this piece but such an early date is hardly compatible with Arabic. It is most likely that the original language is Syriac.

³⁸ Two unpublished Arabic Pseudo-Basilian homilies dedicated to Friday veneration have been recently indicated to me by Alexander Treiger in a personal communication.

³⁹ Van Esbroeck [54, p. 62]: “Frères, observez et gardez le Dimanche, loin du travail, et le jeûne signe saint...”. If this sentence deals with Sunday, why any fast is mentioned? In fact, the sentence demands to abstain from work on both Sunday and this fast, which are of course two different days. Moreover, “signe” in van

Esbroeck translation implies a restoration of ايات to ايات. The manuscript (a digital copy of which was pointed to my attention by Alexander Treiger) contains here an abnormal spelling of والصياميات “and fasts” with the *mīm* in the final form instead of the medial (fig. 3). Thus, van Esbroeck read this as two different words mistakenly written without space between them, الصيام يات. Alexander Treiger provided me with a much more natural explanation: the scribe wrote الصيام “fasting” (in singular) but then added the ending of plural (thus producing والصياميات “and fasts” with the *mīm* written incorrectly). However, the following adjective “saint” remained in the singular. Therefore, we have to restore the reading of “fasting” in the singular and understand this word as referring to Friday.

⁴⁰ *Parisinus arabicus* 281, f. 304r; cf. van Esbroeck [54, p. 57]. As van Esbroeck, I preserve the spelling واحفظو instead of واحفظو, which is normal for many Christian Arabic manuscripts.

⁴¹ The conclusion about the “monophysite” origin of Febronia’s cult, without any further precision, has been already drawn by Brock and Harvey [25, p. 150, note 2] (against Simon’s opinion that the cult was “Nestorian”) but based exclusively on the early date of the earliest manuscript that belongs to the “monophysite” tradition.

⁴² Syriac: [19, p. 610] (with a variant reading of a late manuscript “twenty-five” (حفظه مسمحة); English tr.: [25, p. 174]; cf. Greek: [31, p. 393] (μηνὶ ἰουνίῳ κε’)).

⁴³ Syriac: [19, p. 614]; Greek: [31, p. 395]; English tr.: [25, p. 176].

⁴⁴ The following counting method is implied: March 25 becomes the first day of the sixth month of Elizabeth’s gestation, according to Luke 1:24, 26; therefore, the last day of the ninth month must be June 24. For the documents containing such calculation, the earliest of them being a homily by John Chrysostom delivered in 386 in Antioch, see esp. the references by Bernard Botte [24]; cf. a discussion in Daniel Stökl Ben Ezra [116, pp. 250–255].

⁴⁵ Edited by F. Nau [101, p. 33]; cf. [101, p. 29] for the date.

⁴⁶ Kaplan [78, p. 34]: “Nul doute que, par cette proximité, qui fournit d’ailleurs peut-être une raison pour l’installation d’une chapelle de Fébronie dans l’église de l’Oxeia, Fébronie récolte, le jour de sa fête, dont la vigile est une fête particulièrement illustre, le bénéfice de ce rapprochement”.

⁴⁷ Under the Persian rule, there was no “monophysite” bishop of Nisibis. There was only a “Nestorian” bishop of the city, whereas the local “Monophysites” formed a minority. For the details, see J.-M. Fiey [57, pp. 63–65].

⁴⁸ Syriac: [19, p. 581]; Greek: [31, p. 373]; English tr.: [25, p. 157] (with a minor change).

⁴⁹ This date that remains within the chronological limits of the Byzantine Rome would explain appearance

⁷⁴ On this word, corrupted in different ways in the manuscripts, see Delehaye [44, p. 257, fn. 19]. Anastasia is said to be buried ἐν τόπῳ καλουμένῳ Φόρῳ (§ 9); Delehaye wrote in the footnote to his edition of *BHG* 76z: “*legendum videtur φόρῳ. Versio latina in locum qui vocabatur Proforo*”. *BHG* 76x has the same readings with the initial Ψ (ed. Halkin [70, pp. 169–170, fn. 2]), but *BHG* 76zd actually contains the reading Φόρῳ [70, p. 178, fn. 4] restored by Delehaye. This place is localised in some Μεσοποταμία Ῥώμης “Mesopotamia of Rome”: Halkin [70, p. 178]. “Cette Mésopotamie de Rome, Halkin added, pourrait aussi, comme me le suggère le P. Devos, être une vague réminiscence de la patrie du Ste Fébronie, martyre à Nisibe à Mésopotamie” [70, p. 171, fn. 2].

⁷⁵ “Il s’agit apparemment de l’église Sainte-Anastasie au pied du Palatin, en face du Forum Boarium et entre les deux «vallées» qui séparent le Palatin du Capitole et de l’Aventin” [70, p. 171].

⁷⁶ See Devos [49, p. 47], where he wrote, in particular: “Il serait toutefois légitime de se demander si, dès avant 825, en plus du nom et de la renommée d’Anastasie, quelque chose de son histoire, telle que se le contaient les Romains, n’avait pas atteint les rives de Bosphore”.

⁷⁷ See Janin [75, p. 26] for a commentary to this location. Janin pointed out that, for the monastery dedicated to the commemorated saint, the Synaxarium uses the phrase ἐν τῇ μονῇ αὐτῆς. It is very possible that “the monastery of Anastasia” was an alternative name of the monastery of Anastasis (Resurrection) that existed in the unique complex of buildings with the church of St Anastasia near the colonnades of Domninos; cf. Janin [75, p. 23], and Magdalino [89, p. 62].

⁷⁸ The tenth-century recension of the Synaxarium of Constantinople is available through its Armenian translation. For October 12, we read here: Եւ Անաստասիա սրբուհոյ կուսին: “And <the commemoration> of Anastasia, the saint virgin” [130, vol. 10, p. 130; cf. pp. 130–131] for three more Armenian recensions of this entry, without any epitome of her *Passio* either). The title of this entry is an exact rendering of the preserved Greek original that, in turn, goes back to the *Typikon* of the Great Church: ἁθλησις τῆς ἁγίας Ἀναστασίας τῆς παρθένου “the contest of saint Anastasia the virgin” ([42, col. 133; 94, vol. 1, p. 68]). For December 22, there is here (in all Armenian recensions) a relatively long epitome of LLA [130, vol. 12, pp. 268–273]. This is the text preserved in the Synaxarium of Constantinople in Greek [42, cols. 333–338] but with a different title (without a mention of Φαρμακολυτρία “Deliverer from Potions”, a later Byzantine epithet of Anastasia the Widow, which is present in the title of the Synaxarium entry in some of its recensions [42, cols. 333–334]:

իշատակ է սրբուհու կուսին Անաստասիա “It is the commemoration of the saint virgin Anastasia” [130, vol. 12, p. 268]. This title is closer to that in the *Typikon* of the Great Church: ἁθλησις τῆς ἁγίας Ἀναστασίας καὶ σὺν αὐτῇ ἁγίων γυναικῶν [94, vol. 1, p. 142] “the contest of saint Anastasia and with her saint women”, but perhaps, for the Armenians, only a unique Anastasia existed, and, therefore, both Anastasiae, those commemorated on October 12 and December 22, are called “Virgin”.

⁷⁹ I tried to investigate this matter in [85, esp. pp. 284–287].

⁸⁰ See discussion of this variant by L. Rydén [108, p. 200]. Cf. Rydén’s commentary to the critical text [109, vol. 2, p. 306, note 5].

⁸¹ Cf. [20, S. 514]: “Die Andreas-Salos-Vita <...> lokalisiert sie z. B. *en tois Makellou* [sic!], also in die Nähe des Leomakellon”. In the footnote to this place (Anm. 27), Berger refers to Rydén 1974 noticing that Rydén “nevertheless” (*trotz*) identifies this church with that of the earlier sources (near to the colonnades of Domninos) but does not mention the error in the printed text that he repeated. In a later study, Berger provided an approximate map of the part of Constantinople where he located the respective Anastasia church: A. Berger [21, S. 44, 47–48], once again with a reference to Rydén [108] but quoting, once again, the erroneous reading *ta Makellu* [21, S. 47].

⁸² Rydén [108, pp. 200–201]; Berger [20, S. 514]. See also two next footnotes.

⁸³ Ed. and tr. by J.O. Rosenqvist [107, p. 68]; cf. [107, p. 69, note 3], identification of this church with the church of Anastasia in the *Life of St Andrew*.

⁸⁴ See new edition and translation by D.F. Sullivan, A.-M. Talbot, S. McGrath [117, pp. 326/327–328/329 (txt/tr.)]. The editors follow in identification of this church with that of St Andrew the Fool and, in turn, with that near the colonnades of Domninos [117, p. 323, notes 90, 91]. There is also an ancient Slavonic version of the *Life of Basil the Younger*, now published critically and studied [9].

⁸⁵ Ed. by Delehaye [42, cols. 333–334] (in *Synaxaria selecta*). This is an addition to the genuine recension, unknown to the Armenian and other ancient (11th-cent.) translations of the Synaxarium; the epithet is, of course, absent in the *Typikon* of the Great Church. Arne Effenger, taking Berger’s identification of the Pharmakolytria with the saint deposited in another church (that Berger located at Leomakellon), goes so far as saying that the Synaxarium of Constantinople made an error: “Nur das Synaxar zum 22. Dezember bezeichnet die in den Emboloi des Domninos verehrte Anastasia irrtümlich als Pharmakolytria” [50, esp. S. 49, Anm. 81]. The Synaxarium, unlike a pelerin account, could not contain “errors”: it consists of a written fixation of an actual liturgical practice; therefore, the

alleged error must be attributed not to the editor(s) of the Synaxarium but to the cult itself. If Effenberger is right, this would mean that the people who venerated St Anastasia in her church near the colonnades of Domninos on December 22 were wrong thinking that they venerated the *Pharmakolytria*. It is more likely that were wrong those who read μακέλλου instead of μακέλλους in the *Life of St Andrew* and Anthony of Novgorod whose testimony we will discuss below.

⁸⁶ As noticed by Rydén [108, p. 201]. For Nicephorus, see his *Historia ecclesiastica*, 14.10 [102, col. 1089 CD] (τὰ λείψανα τῆς ἁγίας Αναστασίας τῆς φαρμακολυτρίας ἀπὸ Σιρμίου ἠνέχθη).

⁸⁷ В 22 целовах мощи святѣя Анастасиѣ; ed. G.P. Majeska [90, p. 101]; cf. his English tr., [90, p. 100]. Before this, Ignatius mentioned his visit to St Sophia “on the Sunday before Christmas”. These episodes are unconnected: in 1389, December 22 fell on Wednesday, and the Sunday before Christmas was on December 19.

⁸⁸ Two other Russian fourteenth-century documents mention unique relics of Anastasia in Blachernae: Stephen of Novgorod (1348 or 1349) (ed. Majeska [90, p. 45]) and the Russian Anonymous (1390/1391) (ed. Majeska [90, p. 151]), whose indications are identical; cf. commentary by G.P. Majeska [90, p. 337]. Klaus-Dieter Seemann [112, pp. 333–336] and George Majeska [90, pp. 119–120] argue that the text of the Russian Anonymous is an adaptation of a Greek fourteenth-century guide. For the high importance of the Blachernae church in Constantinople since the 1070s, see, in particular, Ciggaar’s commentary in [34, p. 130].

⁸⁹ Critical edition by T. Preger [106, pp. 233–234]; bilingual popular edition with an English tr. by A. Berger [22, p. 164].

⁹⁰ As it is was called by R. Snee [114, esp. p. 169, note 83]. Cf. Berger [20, S. 445–447].

⁹¹ Preger [106, p. 250]; Berger [22, p. 186]; English tr.: Berger [22, p. 187] (slightly modified).

⁹² Rydén [108, p. 200]; cf. Berger [20, S. 514–515].

⁹³ Janin [75, p. 26]; Berger [20, S. 514–515]. Berger’s localisation of this church is valid, but Berger is hardly right in identification of this locality with Leomakellos. For the localisation of Leomakellos, in the light of recent data, see esp. the study by Victoria Gerhold [64, esp. pp. 77–90].

⁹⁴ See, in his edition, esp. [95, p. 485].

⁹⁵ Ed. by K.N. Ciggaar [33, p. 258] (the second sentence is lacking from the manuscript published by Mercati). Cf. [35, esp. p. 148].

⁹⁶ See the critical edition by Anna Jouravel [76, S. 318, 320]. Here and below, I simplify the Slavonic spelling. Jouravel follows Berger’s identification of this church as that of the *Pharmakolytria* [76, S. 319, Anm. 264; S. 321, Anm. 265, and *passim*].

⁹⁷ See, for localisation, Jouravel’s commentary [76, S. 218–220].

⁹⁸ Jouravel [76, S. 331, Anm. 329; cf. S. 219, Anm. 747]; Savvaitov [10, col. 161, note 257].

⁹⁹ Cf. Majeska [90, pp. 315–316, 384–385]; and Lourié [85, pp. 285–286, note 136]. I consider this question unresolved.

¹⁰⁰ Jouravel quoting Savvaitov: [76, S. 308]. Jouravel’s reference to Savvaitov’s opinion [76, S. 309, Anm. 217] is here misleading: Savvaitov, who, in turn, referred to J.S. Assemani [14, pp. 489–494] (Savvaitov [10, col. 127, note 167]; Jouravel’s reference contains a typo: “137” instead of “127”), did not mean that this saint is the *Pharmakolytria*, but he indicated the whole range of possibilities pointing to the considerations (“соображения”) of Assemani concerning identity or diversity between various Anastasiae venerated in Constantinople.

¹⁰¹ See Sergey A. Ivanov’s study [3]. Ivanov also disagrees with an identification of one of the Anastasiae of Anthony with the Patricia.

¹⁰² The fourth (with Petronilla) and the fifth (with Basilissa) Anastasiae will be discussed in Part Two.

¹⁰³ Ed. and transl. by Rosenqvist [107, p. 58/59 (txt/tr.)].

¹⁰⁴ Rosenqvist recognised the second as Anastasia the Virgin nun [107, p. 59, note 10].

¹⁰⁵ Ed. and tr. by Rosenqvist [107, p. 58/59 (txt/tr.)].

¹⁰⁶ The concluding paragraph containing this date is omitted in the publication by Ivane Imnaishvili [131, p. 31], but published in the description of the manuscript by Gérard Garitte [60, p. 32]. Obviously, Imnaishvili omitted this paragraph as a later addition, because the text of the Martyrdom *proprie* was concluded before it with the word “Amen”. Before the text, there is a subtitle also published by Garitte: ზეკითხავი თ(უ)ესა ოკტომბერსა კთ (“Lecture for the month October, 29”), who noticed that the number “29” is written by a later hand over the erased part of the text; Imnaishvili published this subtitle but omitted the number at all [131, p. 20].

¹⁰⁷ The tenth-century Georgian calendar of John Zosimas preserved both dates, October 22 and 23. See Garitte’s edition and commentary [61, pp. 98–99, 364–366].

¹⁰⁸ Compare the biblical model, the Second Passover on 14.II (Numb 9: 10–11). The documented cases of deliberate shifting of commemoration dates are, however, rare. In the 11th century, the commemoration day of Symeon the New Theologian was appointed on the 13th day of October instead of the 13th of March (because his death fell on the Lenten time unsuitable for high celebrations). This scanty evidence is, nevertheless, corroborated with the second law of Baumstark (the more important liturgical elements are, the less they are subject

to change), which makes, for any feast, a shift of the month together with a shift of the day of the month far less likely than a shift of the month alone.

¹⁰⁹ This additional and unnecessary commemoration day of Anastasia the Widow could have gradually fallen into oblivion but not deliberately transferred from one Anastasia to another. This situation was regulated by the first law of Baumstark (the law of organic development). The seventh-century situation, when Anastasia the Virgin was artificially created for replacing Anastasia the Widow, was not a situation of natural and organic development, thus allowing the replacement of the saint martyr commemorated on December 22.

¹¹⁰ Thus R. Janin [75, p. 27]. For a discussion of this dating among the scholars, see Snee's outline [114, esp. pp. 161–162, 185–186].

¹¹¹ See esp. H. Gračanin's and J. Škrkulja's study [67, p. 174]; cf. H. Wolfram [126, p. 321 *et passim*]. This circumstance remained unnoticed by Janin who collected the historical documents related to the translation [75, pp. 22–26].

¹¹² Cf. esp. the study by G. Kampers [77]. Cf. also considerations by Ivana Popović [104, pp. 11–13] and Popović and Ferjančić [105] related to Sirmium during the period when it has been regained by the Ostrogoths, 504–536; however, I am not sure that findings of Ostrogothic coins near the fundaments of ecclesiastical buildings (never identified with confidence) would testify to any specific devotion to St Anastasia by the Ostrogoths.

¹¹³ He is a somewhat understudied figure. Cf. Janin [74]; the year of his death is unknown, probably after 471. On September 1 and 2, 465, during the great fire of Constantinople (commemorated even in the Synaxarium on September 1), Marcian, according to all his biographies, saved with his prayer the newly rebuilt church of Anastasia; cf., for the sources and chronology, A. M. Schneider [111, S. 383–384].

¹¹⁴ Published by Athanasios Papadopoulos-Kerameus [128, vol. 4, pp. 258–270; vol. 5, pp. 402–404].

¹¹⁵ Not used by Janin [75]; published by Manuil Gedeon [127, pp. 271–277]. The dossier contains still unpublished elements: three recensions *BHG* 1033a, b, c (presumably, similar to *BHG* 1033) and another Metaphrastic recension *BHG* 1034b.

¹¹⁶ This pre-history of the Marcian's building has been recently studied by Rachelle Snee; cf. esp. [114, p. 169].

¹¹⁷ *BHG* 1032, ch. 6 [128, vol. 4, p. 263]; not in *BHG* 1033.

¹¹⁸ Ed. Gedeon [127, p. 277]; cf. the corresponding account in the Metaphrastic recension *BHG* 1034 [118, col. 456 A].

¹¹⁹ See, for Aspar and Ardabur living near the church to the north, Snee's observations [114, p. 176].

¹²⁰ P. Amory mistakenly called the church of Anastasia "the center of an Arian cult in Constantinople" [12, p. 272, cf. p. 359].

¹²¹ See, for the history of the church and its location, Janin [75, pp. 106–107] and Berger [20, S. 447–449].

¹²² *BHG* 1032, ch. 12 [128, vol. 4, p. 269]; *BHG* 1033, ch. 11 [127, p. 276]. The words in the brackets are proper to *BHG* 1033.

¹²³ The critical edition by A. Wirth [125, S. 116–148]. For the critical analysis and dating, see van Esbroeck [51, pp. 138–139].

¹²⁴ Mateos [94, vol. 1, p. 206/207 (txt/tr.)], repeated – sometimes verbatim – in the Synaxarium [42, cols. 409, 412]. This commemoration, however, is absent from the Patmos manuscript of the *Typikon* of the Great Church, even though the connected (see below) commemoration of Apostle Timotheus on January 22 is present [2, pp. 44–45].

¹²⁵ *BHG* 1032, ch. 12 [128, vol. 4, p. 269]; *BHG* 1033, ch. 11 [127, p. 276]; *BHG* 1034, ch. 16 [118, col. 448 D].

¹²⁶ See Garitte's commentary to the Georgian Jerusalem calendar of John Zosimos [61, pp. 137–138]; cf., on January 22, the *Typikon* of the Great Church: ed. Mateos [94, vol. 1, p. 206/207 (txt/tr.)], ed. Dmitrievsky [2, p. 45], repeated by the synaxaria [42, cols. 411–412].

¹²⁷ Strictly speaking, in the Martyrdom of Anastasia and Theodota, there appeared not Irene herself but several traces of her martyrdom, such as her persecutor Dulcitus (in this recension, the plot line related to the martyrdom of Irene, Agape, and Chionia is erased by the editor); see Lourié [86].

¹²⁸ Published by Franchi de' Cavalieri [59] according to the unique manuscript so far known; this text is reprinted in: Musurillo [98, pp. 280–293; cf. pp. xlii–xliii]. For the modern evaluation of the historical value, cf. Maraval [93, pp. 277–285].

¹²⁹ On the cult of St Demetrius in Thessalonica since the sixth century, see especially the studies by Janin [73] and Lemerle [81].

¹³⁰ Cf. an outline of the century-long discussion by Peter Tóth [122, S. 149–154].

¹³¹ This date has been proposed by Jean-Michel Spieser [115, pp. 165–214]. It seems to me especially attractive, because it implies the most plausible identification of the prefect Leontius who was pointed out (in the hagiographic sources) as the person who constructed the church [115, p. 214, note 315]; the mentions of Leontius by hagiographers could be of historical value, because it is pertinent to a relatively recent time and not to the "epic" antiquity of the *Passions épiques*.

¹³² Delehayé [43, pp. 107–108]. For further substantiation of his view in the modern scholarship, see especially Vickers [123] and Tóth [122, S. 151 *et passim*].

¹³³ For a brief history of St. Demetrius's cult, see Ch. Walter [124, pp. 67–93]; for a discussion of the date when the saint became a myrrh-gusher, see esp. [124, p. 93, note 54].

¹³⁴ Published, together with an ancient Latin version, by Delehayе [45, pp. 220–225].

¹³⁵ See Lapidge [80, pp. 633–636], with further bibliography.

¹³⁶ Cf. especially François Chausson's studies: [29, esp. p. 151; 30, p. 167 *et passim*]. However, Chausson does not take into account the funeral inscription in the

Catacombs of Priscilla *ICUR* 23082 (on the marble plate, now lost) *Anastasia / vivas in / aeternitatem* ("Anastasia, let you live in eternity") dated to the period from 275 to 325. Of course, nothing is known about her, but it looks *a priori* unlikely that she was a relative of Constantine the Great. The entire corpus of the Roman Christian Inscriptions, previously published in the series established by G. B. de Rossi in 1857 and continued until presently, *ICUR (Inscriptiones Christianae Urbis Romae)*, is now available as the database EDB.

APPENDIX

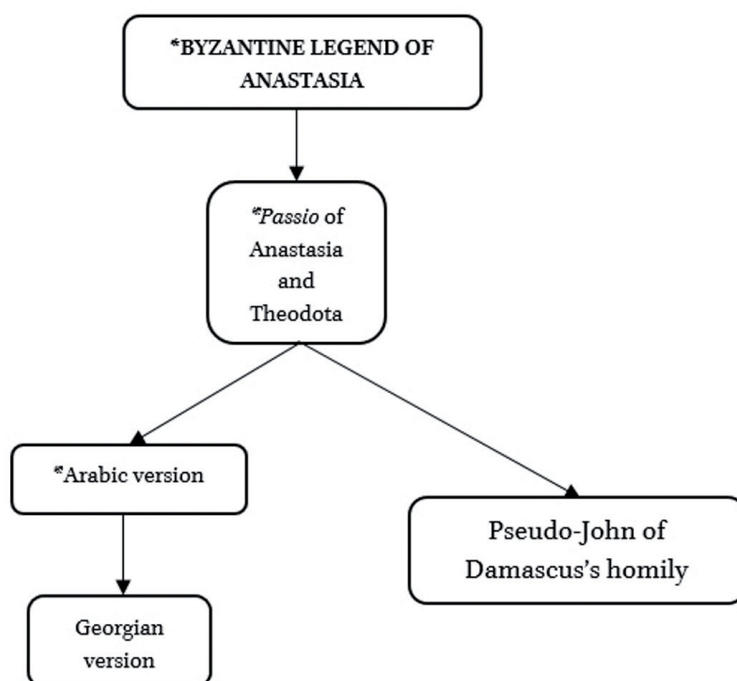

Fig. 1. The Martyrdom of Anastasia and Theodota

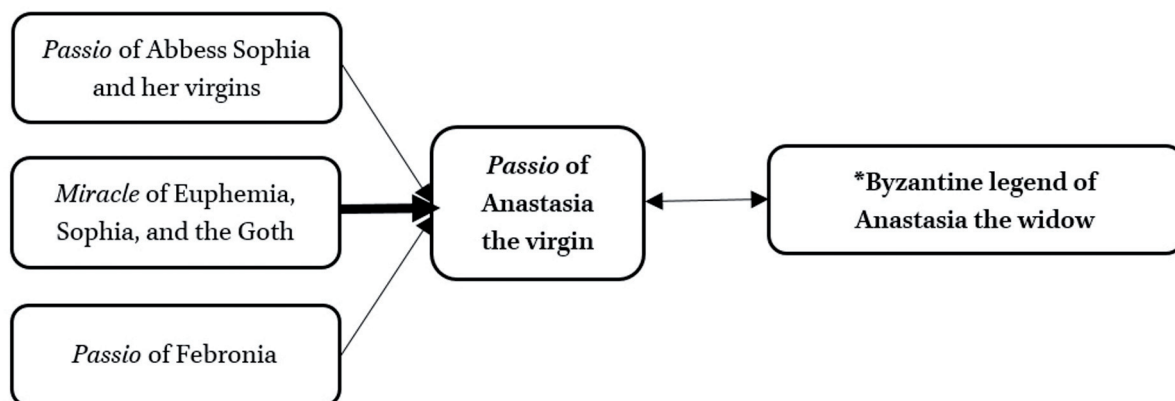

Fig. 2. The Hagiographical Substrate of the Legend of Anastasia the Virgin

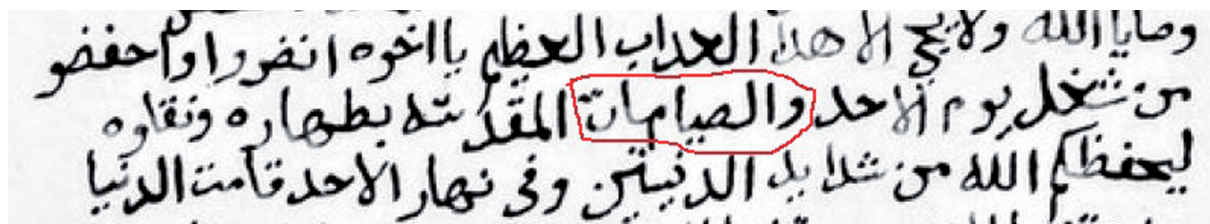

Fig. 3. Paris, Bibliothèque nationale de France, BnF arabe, Nr 281, f. 304^r

REFERENCES

1. Akentiev K.K. *Tipikon Velikoy Tserkvi Cod. Dresde A 104. Rekonstruktsiya teksta po materialam arkhiva A.A. Dmitrievskogo* [The Typikon of the Great Church Cod. Dresde A 104. A Reconstruction of the Text Based on the Materials from A. A. Dmitrievsky's Archive]. Saint Petersburg, Byzantinorossica Publ., 2009. 162 p. (Subsidia byzantinorossica; vol. 5).
2. Dmitrievskiy A. *Opisanie liturgicheskikh rukopisey, khranyashchikhsya v bibliotekakh pravoslavnogo Vostoka. T. 1. Typika. Ch. 1. Pamyatniki patriarshikh ustavov i ktitorskie monastyrskie Tipikony* [A Description of the Liturgical Manuscripts Preserved in the Library of the Orthodox East. Vol. 1. Typika. Part 1. Monuments of Patriarchs' Institutions and Ktitors' Monasterian Typika]. Kyiv, Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo, 1895. CXLVII, 912, XXV p.
3. Ivanov S.A. *Antoniyy Novgorodets i ego ekskursy v Konstantinopole* [Anthony of Novgorod and His Guide in Constantinople]. Vinogradov A. Yu., Ivanov S.A., eds. *Vizantiy i Vizantiya: provintsializm stolitsy i stolichnost imperii* [Byzantium and the Byzantine Empire: Provincialism of the Capital and Capitalness of Province]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2020, pp. 203-235.
4. Lourié B. *Iz Ierusalima v Aksum cherez Khram Solomona: arkhaichnye predaniya o Sione i Kovchege Zaveta v sostave Kebra Negest i ikh translyatsiya cherez Konstantinopol* [From Jerusalem to Aksum Through the Temple of Solomon: Archaic Traditions About Zion and the Ark of Covenant Within the Kəbrä Nägāšt and Their Translation Through Constantinople]. *Khristianskiy Vostok* [Christian Orient], 2000, vol. 2 (8), pp. 137-207.
5. Lourié B. Aleksandr Velikiy – “posledniy rimskiy tsar”. *K istorii eskhatologicheskikh kontseptsiy v epokhu Irakliya* [Alexander the Great – “The Last Roman Emperor”: Toward the History of Eschatological Concepts in the Epoch of Heraclius]. *Byzantinorossica*, 2003, vol. 2, pp. 121-149.
6. Lourié B. *Evfimiya v Edesse i Evfimiya v Khalkidone: dve agiograficheskie legendy na fone dogmaticheskikh sporov* [Euphemia in Edessa and Euphemia in Chalcedon: Two Hagiographical Legends Against the Background of Dogmatic Quarrels]. German (Metropolitan of Volgograd and Kamyshevskiy), ed. *Mir pravoslaviya: sb. st.* [The World of Orthodoxy. Collection of Articles]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, vol. 7, pp. 8-40.
7. Lourié B. *Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu* [An Introduction to Critical Hagiography]. Saint Petersburg, Axioma Publ., 2009. 238 p.
8. Paykova A.V. *Legendy i skazaniya v pamyatnikakh siriyskoy agiografii* [Legends and Tales in the Monuments of Syriac Hagiography]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 143 p. (Palestinskiy sbornik [Palestinian Collection]; vol. 30 (93)).
9. Pentkovskaya T.V., Shchegoleva L.I., Ivanov S.A. *Zhitie Vasiliya Novogo v drevneyshem slavyanskom perevode. T. 1. Issledovaniya. Teksty* [The Vita of Basil the Younger in the Oldest Slavonic Translation. Vol. 1. Studies. Texts]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2018. 776 p.
10. Savvaitov P. *Puteshestvie Novgorodskogo arkhiepiskopa Antoniya v Tsargrad v kontse 12-go stoletiya* [The Journey of the Archbishop of Novgorod Anthony to Constantinople in the Late Twelfth Century]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1872. 188 cols.
11. Alwis A.P. Men in Pain: Masculinity, Medicine and the Miracles of St. Artemios. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2012, vol. 36, pp. 1-19.
12. Amory P. *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. xxii, 525 p. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought. Fourth Series).
13. Arneson H. et al., eds. *The History of the Great Deeds of Bishop Paul of Qenṭos and Priest John of Edessa*. Piscataway, NJ, Gorgias Press, 2010. 100 p. (Texts from Christian Late Antiquity Series; vol. 29).
14. Assemani J.S. *Kalendaria Ecclesiae Universae. T. 5. Rome, Sumptibus Fausti Amidei, 1755. 10, 528 p.*
15. Basset R. *Le Synaxaire arabe jacobite (rédaction copte). Texte arabe publié, traduit et annoté. I. Mois de Tout et Babeh*. Paris, Firmin-Didot, 1904. 165 p. (Patrologia orientalis; t. 1, f. 3, Nr 3). (Repr. Turnhout, Brepols, 1993).
16. Basset R. *Le Synaxaire arabe jacobite (rédaction copte). Texte arabe publié, traduit et annoté. II. Les Mois de Hatour et de Kihak*. Paris, Firmin-Didot, 1907. 469 p. (Patrologia orientalis; t. 3, f. 3, Nr 13). (Repr.: Turnhout, Brepols, 2003).
17. Basset R. *Le Synaxaire arabe jacobite (rédaction copte). Texte arabe publié, traduit et annoté. III. Les Mois de Toubeh et Amchir*. Paris, Firmin-Didot, 1916. 825 p. (Patrologia orientalis; t. 11, f. 5, Nr 56). (Repr.: Turnhout, Brepols, 2003).
18. Baun J. *Tales from Another Byzantium: Celestial Journey and Local Community in the Medieval Greek Apocrypha*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. IX, 461 p.
19. Bedjan P., ed. *Acta martyrum et sanctorum. Vol. 5. Parisiis, Lipsiae, Harrassowitz, 1890. XII, 703 p.*
20. Berger A. *Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos*. Bonn, Dr. R. Habelt GmbH, 1988. 791 S. (Poikila byzantina; 8).
21. Berger A. *Vom Pantokrator Kloster zur Bonosisterne: einige topographische Überlegungen*. Belke K. et al., eds. *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*. Wien, Köln, Weimar, 2007, S. 43-56.

22. Berger A. *Accounts of Medieval Constantinople: The Patria*. Cambridge, MA; London, Harvard University Press, 2013. 357 p. (Dumbarton Oaks medieval library; 24).
23. Bonnet M. [Bespr.:] *Bibliothèque hagiographique Orientale* éditée par Leon Clugnet. Bios tou abba Daniel tou Sketiotou. Vie (et recits) de l'abbé Daniel le Scetiotte (VIe siècle). I Texte grec p. p. L. Clugnet. II Texte syriaque p. p. F. Nau. III Texte copte p. p. Ignazio Guidi. Paris, Picard et fils, 1901. *Byzantinische Zeitschrift*, 1904, vol. 13, pp. 166-171.
24. Botte B. *Les origines de la Noël et de l'Épiphanie: étude historique*. Louvain, Abbaye du Mont César, 1932. 106 p. (Textes et études liturgiques; 1).
25. Brock S.P., Harvey S.A. *Holy Women of the Syrian Orient*. Berkeley, CA, University of California Press, 1998. 215 p. (Transformation of the Classical Heritage; 13).
26. Budge E.A.W. *The histories of Rabban Hôrmizd the Persian and Rabban Bar-Idtâ*. In 2 Vols. In 3 Parts. London, Luzac & Co., 1902. Vol. 1. XV, 202 p. (Luzac's Semitic Text and Translation Series; 9); Vol. 2, Pt. 1. XXXIV, 304 p. (Luzac's Semitic Text and Translation Series; 10).
27. Burkitt F.C. *Euphemia and the Goth, with the Acts of Martyrdom of the Confessors of Edessa*. London, Oxford, s. n., 1913. XIII, 187, 91 (Syriac pagination) p.
28. Busine A. The Dux and the Nun: Hagiography and the Cult of Artemios and Febronia in Constantinople. *Dumbarton Oaks Papers*, 2018, vol. 72, pp. 93-111.
29. Chausson F. Une sœur de Constantin: Anastasia. Carrié J.-M., Lizzi Testa R., eds. *Humana sapit. Études d'Antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini*. Turnhout, Brepols, 2002, pp. 131-155. (Bibliothèque de l'Antiquité tardive; 3).
30. Chausson F. *Stemmata aurea. Constantin, Justine, Théodose. Revendications généalogiques et idéologie impériale au IVe s. ap. J.C.* Roma, L'Erma di Bretschneider, 2007. 304 p. (Centro ricerca e documentazione sull'antichità classica. Monografie; 26).
31. Chiesa P. *Le versione latine della "Passio Sanctae Febroniae". Storia, metodo, modelli di due traduzioni agiografiche altomedievali*. Spoleto, Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 1990. XVII, 400 p. (Biblioteca di Medioevo Latino; 2).
32. Chrisafulli V.S., Nesbitt J. W. *The Miracles of St. Artemios: A Collection of Miracle Stories by an Anonymous Author of Seventh Century Byzantium*. Leiden, Brill, 1997. XX, 319 p. (The Medieval Mediterranean; 13).
33. Ciggaar K.N. Une description de Constantinople traduite par un pèlerin anglais. *Revue des études byzantines*, 1976, vol. 34, pp. 211-268.
34. Ciggaar K.N. Une description de Constantinople dans le *Tarragonensis* 55. *Revue des études byzantines*, 1995, vol. 53, pp. 117-140.
35. Ciggaar K. N. *Western Travellers to Constantinople. The West and Byzantium, 962-1204: Cultural and Political Relations*. Leiden, Brill, 1996. X, 396 p. (The Medieval Mediterranean; 10).
36. Clugnet L., Nau F., Guidi I., Vie et récits de l'abbé Daniel, de Scété. *Revue de l'Orient Chrétien*, 1900, vol. 5, pp. 49-73, 251-271, 370-406, 535-564; 1901, vol. 6, pp. 51-87 (Repr.: Vie (et récits) de l'abbé Daniel le Scétiotte. VIe siècle. I. Texte grec, publié par L. Clugnet. II. Texte syriaque, publié par F. Nau. III. Texte copte, publié par I. Guidi. Paris, 1901. XXXII, 116 p. (Bibliothèque hagiographique orientale; 1)).
37. Colin G. *Le Synaxaire éthiopien. Mois de Ṭəqəmt*. Turnhout, Brepols, 1987. 168 p. (Patrologia orientalis; t. 44, f. 1, Nr 197).
38. Colin G. *Le Synaxaire éthiopien. Mois de Ḥedār*. Turnhout, Brepols, 1988. 181 p. (Patrologia orientalis; t. 44, f. 3, Nr 199).
39. Colin G. *Le Synaxaire éthiopien. Mois de Ṭerr*. Turnhout, Brepols, 1990. 252 p. (Patrologia orientalis; t. 45, f. 1, Nr 201).
40. Conti M., Burrus V. *The Lives of Saint Constantina: Introduction, Translations, and Commentaries*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 256 p. (Oxford Early Christian Texts).
41. Coquin R.-G. Synaxarion, Copto-Arabic. *The Coptic Encyclopedia*. In 8 Vols. Vol. 7. New York, Toronto, Macmillan Publ., 1991, pp. 2171-2173.
42. Delehaye H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, e codice Sirmondiano, nunc Berolinensi, adiectis synaxariis selectis*. Bruxellis, Apud Socios Bollandianos, 1902. 1180 cols. (Acta Sanctorum, Propylaeum Novembris).
43. Delehaye H. *Les légendes grecques des saints militaires*. Paris, A. Picard et fils, 1909. IX, 271 p.
44. Delehaye H. *Étude sur le légendier romain: les Saints de novembre et de décembre*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1936. 273 p. (Subsidia hagiographica; 23).
45. Delehaye H. Sainte Théodote de Nicée. *Analecta Bollandiana*, 1937, vol. 55, pp. 201-225 (signed H. D.).
46. Delehaye H. La Passion de Sainte Anastasie la Romaine. *Studi dedicati alla memoria di Paolo Ubaldi*. Milano, Vita e pensiero, 1937, pp. 17-26. (Publicazioni della Università cattolica del Sacro Cuore; 16) (Repr.: Delehaye H. *Mélanges d'hagiographie grecque et latine*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1966, pp. 394-402. (Subsidia hagiographica; 42)).
47. Déroche V. Pourquoi écrivait-on des recueils de miracles? L'exemple des miracles de saint Artémios. Jolivet-Lévy C., Kaplan M., Sodini J.-P., eds. *Les saints et leur sanctuaire à Byzance. Textes, images et monuments*. Paris, Publications de la Sorbonne, 1993, pp. 95-116. (Byzantina Sorbonensia; 11).
48. Devos P. La Passion grecque des saintes Libyè, Eutropie et Léonis, martyres à Nisibe. *Analecta Bollandiana*, 1958, 76, pp. 293-315.

49. Devos P. Sainte Anastasie la Vierge et la source de sa Passion. *BHG* 76z. *Analecta Bollandiana*, 1962, vol. 80, pp. 33-51.
50. Effenger A. Topographia corrigenda. Anakirche am Deuteron – columna virginea – Nikolaoskloster – Doppelkloster der Theotokos Kecharitomene und des Christos Philanthropos. *Jahrbuch der Österreichische Byzantinistik*, 2020, vol. 70, S. 39-66.
51. Esbroeck M. van. Le saint comme symbole. S. Hackel, ed. *The Byzantine Saint. University of Birmingham 14th Spring Symposium of Byzantine Studies*. London, Fellowship of Saint Alban and Saint Sergius, 1981, pp. 128-140. (Studies Supplementary to Sobornost; 5; special number of Sobornost and Eastern Church Review, Nr 3).
52. Esbroeck M. van. Le substrat hagiographique de la mission khazare de Constantin-Cyrille. *Analecta Bollandiana*, 1986, vol. 104, pp. 337-348.
53. Esbroeck M. van. La Lettre sur le Dimanche, descendue du ciel. *Analecta Bollandiana*, 1989, vol. 107, pp. 267-284.
54. Esbroeck M. van. Deux homélies pseudo-basiliennes sur le Dimanche et le Vendredi. *Parole de l'Orient*, 1990–1991, vol. 16, pp. 49-71.
55. Fiey J.-M. *L'Assyrie chrétienne. Contribution à l'étude de l'histoire et de la géographie ecclésiastique et monastique du nord de l'Iraq. Vol. I*. Beyrouth, Imprimerie catholique, 1965. 324 p. (Recherches publiées sous la direction de l'Institut de lettres orientales de Beyrouth; 22).
56. Fiey J.-M. Autour de la biographie de Rabban Bar 'Éta. *L'Orient Syrien*, 1966, vol. 11, pp. 1-16.
57. Fiey J.-M. *Nisibe, metropole syriaque orientale et ses suffragants des origines à nos jours*. Louvain, Secrétariat du Corpus SCO, 1977. XVI, 301 p., 1 map. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; vol. 388; Subsidia; t. 54).
58. Fiey J.-M.; Conrad L.I., ed. *Saints syriaques*. Princeton, NJ, The Darwin Press Inc., 2004. XXI, 224 p. (Studies in Late Antiquity and Early Islam; 6).
59. Franchi de' Cavalieri P. Il testo greco originale degli Atti delle SS. Agape, Irene e Chione. Franchi de' Cavalieri P. *Nuove note agiografiche*. Roma, Tipografia poliglotta vaticana, 1902, pp. 1-19. (Studi e testi; 9).
60. Garitte G. *Catalogue des manuscrits géorgiens littéraires du Mont Sinaï*. Louvain, Imprimerie orientaliste, 1956. XIII, 322 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; vol. 165; Subsidia; t. 9).
61. Garitte G. *Le calendrier palestino-géorgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle)*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1958. 487 p. (Subsidia hagiographica; 30).
62. Garitte G. *La prise de Jérusalem par les perses en 614. In 2 Vols*. Louvain, Secrétariat du Corpus SCO, 1960. Vol. 1. III, 90 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; vol. 202; Scriptores Iberici; t. 11); vol. 2. II, 67 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; vol. 203; Scriptores Iberici; t. 12).
63. Gebhardt O. von, Dobschütz E. von. *Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos*. Leipzig, Hinrichs, 1911. LXVIII, 264 S. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; 17.2).
64. Gerhold V. The Legend of Euphratas: Some Notes on Its Origins, Development, and Significance. *Dumbarton Oaks Papers*, 2020, vol. 74, pp. 67-124.
65. Goldschmidt L., Esteves Pereira F.M. *Vida do abba Daniel do mosteiro de Sceté. Versão ethiopica*. Lisboa, Imprensa nacional, 1897. XXII, 58 p. (Quarto centenario do descobrimento da India).
66. Gouillard J. Deux figures mal connues du second iconoclasme. *Byzantion*, 1961, vol. 31, pp. 371-401.
67. Gračanin H., Škrkulja J. The Ostrogoths in Late Antique Southern Pannonia. *Acta Archaeologica Carpathica*, 2014, vol. 49, pp. 165-205.
68. Griveau R. *Martyrologes et ménologes orientaux. XVI–XVIII*. Paris, Firmin-Didot et Cie, 1915. 70 p. (Patrologia orientalis; t. 10, fasc. 4, Nr 49). (Repr.: Turnout; Brepols, 2003).
69. Halkin F. *L'Hagiographie byzantine au service de l'histoire*. Oxford, s.n., 1966. 10 p. (Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Main Papers; 11).
70. Halkin F. *Légendes grecques de "Martyres romaines"*. Brussels, Société des Bollandistes, 1973. 240 p. (Subsidia hagiographica; 55).
71. Heldman M.E. Legends of Lalibala. The Development of an Ethiopian Pilgrimage Site. *Res: Anthropology and Aesthetics*, 1995, vol. 27, pp. 25-38.
72. Ibrahim H. Liste des Vies de Saints et des homélies conservées dans les Ms. Sinaï arabe 395–403, 405–407, 409 et 423. *Chronos. Revue d'histoire de l'Université de Balamand*, 2018, vol. 38, pp. 47-114.
73. Janin R. Demetrio di Tessalonica, santo, martire. *Bibliotheca Sanctorum. Vol. 4*. Roma, Città Nuova Editrice, 1964, pp. 556-564.
74. Janin R. Marciano, prete di Costantinopoli, santo. *Bibliotheca Sanctorum. Vol. 8*. Roma, Città Nuova Editrice, 1966, col. 689.
75. Janin R. *La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantine. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. T. III. Les églises et les monastères*. 2me éd. Paris, 1969. xxiii, 605 p.
76. Jouravel A. *Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod*. Wiesbaden, Reichert Verl., 2019. XVI, 399 S. (Imagines Medii Aevi; 47).
77. Kampers G. Anmerkungen zum lateinisch-gotischen Ravennater Papyrus von 551. *Historisches Jahrbuch*, 1981, vol. 101, pp. 141-151.
78. Kaplan M. Une hôtesse importante de l'Église Saint-Jean-Forerunnere de l'Oxeia à Constantinople : Fébronie. *Byzantine Religious Culture: Studies in Honor of Alice-Mary Talbot*, Sullivan D., Fisher E., Papaioannou S., eds. Leiden, Boston, Brill, 2012, pp. 31-52. (The Medieval Mediterranean; 92).

79. Kotter B. *Die Schriften des Johannes von Damaskos. Vol. 5. Opera homiletica et hagiographica.* Berlin, New York, W. de Gruyter, 1988. XX, 607 S. (Patristische Texte und Studien; 29).
80. Lapidge M. *The Roman Martyrs. Introduction, Translation, and Commentary.* Oxford, Oxford University Press, 2018. xv, 733 p. (Oxford Early Christian Studies).
81. Lemerle P. *Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. In 2 Vols.* Paris, CNRS, 1981. Vol. 1. 268 p.; Vol. 2. 262 p. (Le monde byzantin).
82. Lieu S.N.C. From Villain to Saint and Martyr: the Life and After-Life of Flavius Artemius. *Dux Aegypti. Byzantine and Modern Greek Studies*, 1996, vol. 20, pp. 56-76.
83. Lourié B. Damian of Alexandria. Uhlig S., ed. *Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 2.* Wiesbaden, O. Harrassowitz, 2005, pp. 77-78.
84. Lourié B. Friday Veneration in Sixth- and Seventh-Century Christianity and Christian Legends about the Conversion of Naḡrān. Segovia C.A., Lourié B., eds. *The Coming of the Comforter: When, Where, and to Whom? Studies on the Rise of Islam and Various Other Topics in Memory of John Wansbrough*, Piscataway, NJ, Gorgias Press, 2012, pp. 131-230. (Orientalia Judaica Christiana; 3).
85. Lourié B. The Feast of Pokrov, Its Byzantine Origin, and the Cult of Gregory the Illuminator and Isaac the Parthian (Sahak Part'ev) in Byzantium. *Scrinium*, 2012, vols. 7-8, pp. 231-331.
86. Lourié B. The Legend of Anastasia the Widow Translated into Georgian from Arabic and Its Byzantine Vorlage. Zheltov A.Yu., Frantsuzov S.A., resp. eds. *Peterburgskaya efiopistika. Pamyati Sevira Borisovicha Chernetsova. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Petersburg Ethiopistics. In Memory of Sevir Borisovich Chernetsov. On the Occasion of the 75th Birthday Anniversary]. Saint Petersburg, MAE RAN Publ., 2019, pp. 214-234.
87. Lourié B. A Monothelete Syriac Compilation of Pseudo-Apostolic Acts Preserved in Slavonic Only and the Entrance of Constans II into Rome in 663. Cioatǎ M., Miltenova A., Timotin E., eds. *Biblical Apocrypha in South-Eastern Europe and Related Areas. Proceedings of the Session Organised in the Framework of the 12th International Congress of South-East European Studies (Bucharest, 2–6 September 2019)*. Brăila, Istros, 2021, pp. 125-217. (Bibliothèque de l'Institut d'Études Sud-Est Européennes; 16).
88. Luzzi A. Synaxaria and the Synaxarion of Constantinople. Efthymiadis S., ed. *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. 2. Genres and Contexts.* Farnham; Burlington, VT, Ashgate, 2014, pp. 197-208.
89. Magdalino P. *Constantinople médiévale. Études sur l'évolution des structures urbaines.* Paris, De Boccard, 1996. 119 p. (Travaux et Mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies; 9).
90. Majeska G.P. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries.* Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. xviii, 463 p., 1 map (Dumbarton Oaks Studies; 19).
91. Mango C. On the History of the Templon and the Martyrium of St Artemios at Constantinople. *Zograf*, 1979, vol. 10, pp. 1-13. (Repr.: Mango C. *Studies on Constantinople*. Aldershot; Brookfield, Ashgate, 1997, ch. XV (Collected Studies Series CS394)).
92. Mango C., Scott R., Greatrex G. *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813.* Oxford, Clarendon Press, 1997. c, 744 p.
93. Maraval P. *Actes et passions des martyrs chrétiens des premiers siècles. Introduction, traduction et notes.* Paris, Les Éditions du Cerf, 2010. 392 p. (Sagesses chrétiennes).
94. Mateos J. *Le Typicon de la Grande Église. In 2 Vols.* Rome, PIO, 1962–1963. Vol. 1. 1962. XXVI, 389 p. (Orientalia Christiana Analecta; 165); vol. 2. 1963. 334 p. (Orientalia Christiana Analecta; 166).
95. Mercati S.G. Santuari e reliquie Costantinopolitane secondo il codice Ottobriano latino 169 prima della conquista latina (1204) (1936). Mercati S.G.; Acconcia Longo A., ed. *Collectanea byzantina. Vol. 2.* Bari, Dedalo libri, 1970, pp. 464-489.
96. Minov S. Friday Veneration Among the Syriac Christians: The Witness of the Story of the Holy Friday. *The Journal of the Royal Asiatic Society*, Series 3, 2020, vol. 30, pp. 195-222.
97. Moretti P.F. *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione.* Roma, Herder, 2006. 238 p. (Studi e Testi TardoAntichi; 3).
98. Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs. Introduction, Texts and Translations.* Oxford, Clarendon Press, 1972. LXXIII, 379 p. (Oxford Early Christian Texts).
99. Müller-Kessler Ch., Sokoloff M. *The Forty Martyrs of the Sinai Desert, Eulogios, the Stone-Cutter, and Anastasia.* Groningen, Styx Publications, 1996. 138 p. (A Corpus of Christian-Palestinian Aramaic; 3).
100. Nau F. Hagiographie syriaque. Saint Alexis. – Jean et Paul. – Daniel de Galaš. – Hannina. – Euphémie. – Sahda. – Récits de Méléce sur le vendredi, sur Marc et Gaspar, et sur un homme riche qui perdit tous ses enfants, etc. *Revue de l'Orient chrétien*, 1910, vol. 5 (15), pp. 50-72, 173-197.
101. Nau F. *Un martyrologe et douze ménologes syriaques. Édités et traduits.* Paris, Firmin-Didot, 1912. 163 p. (Patrologia orientalis; t. 10, fasc. 1, Nr 46). (Repr. Turnhout, Brepols, 1974).

102. *Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticae historiae libri XVIII. T. II. Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticae historiae libri VIII–XIV.* Parisiis, Apud J.-P. Migne, 1865, 1288 cols. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; t. 146).

103. Nicephorus, presbyter Cp. Vita S. Andreae Sali seu Stulti, ex Actis SS. Bolland. *Nicolai, Constantinopolitani archiepiscopi, epistolae.* Parisiis, Apud J.-P. Migne, 1863, cols. 621–888. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; t. 111).

104. Popović I. Sirmium au Ve et VIe siècle: les sources écrites et les données archéologiques. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević, eds. *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations.* Leuven, Paris, Bristol, Peeters, 2017, pp. 7–22. (Collège de France – CNRS. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies; 53; Institut archéologique Belgrade. Monographie; 60).

105. Popović I., Ferjančić S. A New Inscription from Sirmium and the Basilica of St. Anastasia. *Stari-nar*, 2013, vol. 63, pp. 101–114.

106. Preger T. *Scriptores originum Constantinopolitanarum.* Fasc. II. Lipsiae, Teubner, 1907, pp. I–XXV, 136–376. (Bibliotheca auctorum graecorum et romanorum Teubneriana).

107. Rosenqvist J.O. *The Life of St Irene Abbess of Chrysobalanton. A Critical Edition with Introduction, Translation, Notes and Indices.* Uppsala, University of Upsala, 1986. lxxvii, 153 p. (Acta Universitatis Upsaliensis; Studia Byzantina Upsaliensis; 1).

108. Rydén L. A Note on Some References to the Church of St. Anastasia in Constantinople in the 10th Century. *Byzantion*, 1974, vol. 44, pp. 198–201.

109. Rydén L. *The Life of Andrew the Fool. In 2 Vols.* Uppsala, Uppsala University, 1995. Vol. 1. 304 p. (Studia Byzantina Upsaliensis; 4:1); vol. 2. 437 p. (Studia Byzantina Upsaliensis; 4:2).

110. Sauget J.-M. *Premières recherches sur l'origine et les caractéristiques des synaxaires melkites.* Bruxelles, Société des Bollandistes, 1969. 456 p. (Subsidia hagiographica; 45).

111. Schneider A.M. Brände in Konstantinopel. *Byzantinische Zeitschrift*, 1941, vol. 41, S. 382–403.

112. Seemann K.-D. *Die altrussische Wallfahrts-literatur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres.* München, W. Fink Verl., 1974. 484 S. (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste; 24).

113. Simon J. Note sur l'original de la Passion de sainte Febronia. *Analecta Bollandiana*, 1924, vol. 42, pp. 69–76.

114. Snee R. Gregory Nazianzen's Anastasia Church: Arianism, the Goths, and Hagiography. *Dumbarton Oaks Papers*, 1998, vol. 52, pp. 157–186.

115. Spieser J.-M. *Thessalonique et ses monuments du IVe au VIe siècle. Contribution à l'étude d'une ville*

paléochrétienne. Athènes, École Française d'Athènes; Paris, Diffusion de Boccard, 1985. 299 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 254).

116. Stökl Ben Ezra D. *The Impact of Yom Kippur on Early Christianity: The Day of Atonement from Second Temple Judaism to the Fifth Century.* Tübingen, Mohr Siebeck, 2003. 445 p. (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament; 163).

117. Sullivan D.F., Talbot A.-M., McGrath S. *The Life of Saint Basil the Younger. Critical Edition and Annotated Translation of the Moscow Version.* Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2014. 828 p. (Dumbarton Oaks Studies; 45).

118. Symeon Metaphrastes. Vita et conversatio S. P. N. Marciani, presbyteri. *Symeonis Logothetae, cognomento Metaphrastae, opera omnia. T. I.* Parisiis, Apud J.-P. Migne, 1863, cols. 429–456. (Patrologiae cursus completus. Series graeca; t. 114).

119. Taylor D. Bilingualism and Diglossia in Late Antique Syria and Mesopotamia. Adams J.N., Janse M., Swain S., eds. *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text.* Oxford, Oxford University Press, 2002, pp. 298–332.

120. Boor C. de., ed. *Theophanis Chronographia. Vol. I.* Lipsiae, In aedibus B. G. Teubneri, 1883. VIII, 503 p. (Repr.: Hildesheim, G. Olms, 1963).

121. Treiger A. The Beginning of the Graeco-Syro-Arabic Melkite Translation Movement in Antioch. *Scrinium*, 2020, vol. 16, pp. 306–332.

122. Tóth P. Syrmian Martyrs in Exile: Pannonian Case-Studies and a Re-Evaluation of the St. Demetrius Problem. *Byzantinische Zeitschrift*, 2010, Bd. 103, S. 145–170.

123. Vickers M. Sirmium or Thessaloniki? A Critical Examination of the St. Demetrius Legend. *Byzantinische Zeitschrift*, 1974, Bd. 67, S. 337–350.

124. Walter Ch. *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition.* London, Farnham, 2003. 384 p.

125. Wirth A. *Danae in christlichen Legenden.* Prag, Wien, Leipzig, F. Tempsky, G. Freytag, 1892. VI, 160 S.

126. Dunlap Th.J., ed. Wolfram H. *History of the Goths.* New and Completely Revised from the Second German Edition. Berkeley, CA, 1988. 580 p. (Original publication in German in 1979).

127. Gedeon M.I. *Byzantinon Eortologion: Mnēmai tōn apo tou 4 mechri meson tou 15 aiōnos eortazomenōn agiōn en Kōnstantinoupolei* [Byzantine Heortologion: Commemorations of the Saints Celebrated in Constantinople from the Fourth to the Middle of the Fifteenth Century]. Constantinople, s. n., 1899. 324 p. (Offprint from O en Kōnstantinoupolei Ellēnikos Philologikos Syllogos [The Greek Philological Collection in Constantinople]; 25 (1893–1894) and 26 (1894–1895 (publ. in 1896)).

128. Papadopoulos-Kerameus A. *Analekta Ierosolymitikēs Stachyologias.* [Analekta of the

Jerusalem Spicilegium]. In 5 vols. Saint Petersburg, Ek tou typographeiou B. Kirsapoum Publ. Vol. 4. 1897. 11, 613 p.; vol. 5. 1898. 2, 448 p.

129. Akinean N. Yovsēp' Kostandnowpolesc'i, t'argmanič Yaysmawowrk'i (991) [Joseph of Constantinople, the Translator of the Synaxarium (991)]. *Handēs amsoreay* [Monthly Journal], 1957, Nr 1–2, pp. 1–12.

130. Apresyan M., ed. *Hamabarbaṛ yaysmawowrk'. Naxacerenc'yan 6 xmbagrowt'yownneri* [A Synopsis of the Synaxaria. 6 Pre-Cerenc' Recensions]. In 12 vols. Holy Etchmiadzin, s. n., 2010, vol. 10. 354 p.; vol. 12. 392 p.

131. imnaišvili i. *sakit'xavi cigni žvel k'art'ul enaši* [A Reading Book in the Old Georgian Language]. Vol. 2. Tbilisi, t'bilisis universitetis gamomc'emloba Publ., 1966. 239 p.

Information About the Author

Basil Lourié, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

Информация об авторе

Вадим Миронович Лурье, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, hieromonk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6618-2829>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.21>

UDC 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4

LBC 63.3(0) 4+ 86.37-3+86.375

Submitted: 28.06.2020

Accepted: 29.10.2020

POPE GREGORY THE GREAT'S ARGUMENTS AGAINST THE ECUMENICAL TITLE OF THE PATRIARCH OF CONSTANTINOPLE: ANALYSIS OF THE LETTERS FROM 595

Aleksei V. Migalnikov

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* At the end of the sixth century a dispute broke out between the popes and the patriarchs of Constantinople – first of all, between pope Gregory I the Great (590–604) and patriarch John IV the Faster (582–595) – over the epithet “Ecumenical”, which appeared in the title of John of Constantinople. This dispute is quite widely represented in the scientific literature, but since researchers almost always pay attention to this topic in general, their papers often miss many nuances contained in the texts of the letters of pope Gregory. *Methods.* This article attempts a detailed analysis of the first series of letters of pope Gregory dedicated to the dispute and related to 595. These are letters to emperor Maurice (582–602), empress Constantina, the patriarch John IV of Constantinople, and the papal apocrisiary in Constantinople, deacon Sabinianus. The purpose of this study is to reconstruct pope Gregory's argumentation system against the use of the Ecumenical title. *Analysis.* The author identifies several types of arguments that pope Gregory puts forward in his polemic against the title: canonical, biblical, dogmatic, ecclesiastical, political, pastoral and ascetic. *Results.* The article shows, on the one hand, what the letters have in common, and on the other, how the arguments of the pope vary depending on the recipient. Generally, pope Gregory expresses a sharply negative attitude to the title, and many researchers tend to see this fact as a contradiction to the concept of papal primacy, as it developed in a later period. Basing on the significant differences in argumentation between the letters to the emperor, the empress and the patriarch John – with the same purpose of all the messages – the article makes a conclusion about the care with which pope Gregory selects arguments. This can serve as one of the indirect indicators of the high importance of the dispute over the Ecumenical title for him, and also characterizes his perception of the idea of Church power in general.

Key words: the Ecumenical title, papal primacy, the Universal Church, pope Gregory the Great, patriarch of Constantinople John the Faster, emperor Maurice, empress Constantina, pope Sabinianus.

Citation. Migalnikov A.V. Pope Gregory the Great's Arguments Against the Ecumenical Title of the Patriarch of Constantinople: Analysis of the Letters from 595. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 290-303. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.21>

УДК 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4

ББК 63.3(0) 4+ 86.37-3+86.375

Дата поступления статьи: 28.06.2020

Дата принятия статьи: 29.10.2020

АРГУМЕНТАЦИЯ ПАПЫ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО ПРОТИВ ТИТУЛА «ВСЕЛЕНСКИЙ» КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ ПАТРИАРХОВ: АНАЛИЗ ПИСЕМ 595 ГОДА

Алексей Владимирович Мигальников

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В конце VI в. между римскими папами и константинопольскими патриархами – прежде всего между папой Григорием Великим (590–604) и патриархом Иоанном Постником (582–595) – разгорается спор об эпитете «вселенский», фигурировавшем в титуловании Иоанна Константинопольского. Данный спор достаточно широко представлен в научной литературе, но поскольку исследователи почти всегда уделя-

ют внимание этой теме в целом, в их работах зачастую теряются многочисленные нюансы, содержащиеся в текстах посланий папы Григория. В настоящей статье предпринята попытка детального анализа первой серии писем папы Григория, посвященных спору и относящихся к 595 г. Это письма императору Маврикию (582–602), императрице Константине, Константинопольскому патриарху Иоанну Постнику и папскому апокрисиарию в Константинополе, диакону Сабиниану. Целью данного исследования является реконструкция системы аргументации папы Григория, направленной против использования титула «вселенский». Автор выделяет несколько типов аргументов, которые папа Григорий выдвигает в своей полемике против титула: канонические, библейские, догматические, церковно-политические, политические, пастырские, аскетические. В статье показано, с одной стороны, что между письмами есть общего, и с другой, как аргументы папы варьируются в зависимости от адресата. В целом папа Григорий выражает резко негативное отношение к титулу, в чем многие исследователи склонны усматривать противоречие концепции папского примата, развившейся в более поздний период. Исходя из значительных различий в аргументации между посланиями императору, императрице и патриарху Иоанну – при единстве цели посланий, – делается вывод о тщательности, с которой папа Григорий подбирает аргументы, что может служить одним из косвенных указаний на высокую важность для него спора о титуле «вселенский», а также характеризует восприятие им идеи церковной власти в целом.

Ключевые слова: титул «вселенский», папский примат, Вселенская Церковь, папа Григорий Великий, патриарх Константинопольский Иоанн Постник, император Маврикий, императрица Константина, папа Сабиниан.

Цитирование. Мигальников А. В. Аргументация папы Григория Великого против титула «вселенский» константинопольских патриархов: анализ писем 595 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 290–303. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.21>

Введение. Григорий Великий (590–604) является одним из наиболее выдающихся римских пап поздней античности [6, с. 9–41; 10, р. 629–633; 16, S. 306–514; 17, р. 658–674; 23; 31, S. 294–308, 364–367; 34; 35, р. 65–68; 37, р. 1–16; 38; 40]. Именно ему было суждено восстановить авторитет римской кафедры, переживавшей сравнительный упадок в результате возвращения Италии в лоно Римской империи при Юстиниане и жесткой политики последнего, направленной на встраивание Римской Церкви в церковно-административную систему государства [25, р. 71–84; 26, S. 35–53, 217–218; 32, S. 348–403; 37, р. 83–96; 45, р. 139–161]. Понтификат Григория I был отмечен целым рядом крупных церковно-политических свершений и проходил на фоне важных событий, связанных с изменением политического ландшафта Италии в результате вторжения лангобардов [8, р. 91–101; 12, р. 231–284; 13, р. 13–21; 16, S. 471–486; 21, р. 158–186; 22, р. 3–42; 43; 45, р. 162–180]. Письменное наследие Григория Великого по своему объему и значению является, пожалуй, беспрецедентным для истории папства первого тысячелетия. Одно собрание его посланий, сохранившихся в составе регистра, насчитывает свыше 800 единиц [33, р. 70–81; 44].

Григорий Великий продолжил традиционную для папства поздней античности политику утверждения собственного первенства в том, что по римской терминологии называлось «Вселенской Церковью» (*ecclesia universalis*). Как следствие, этот папа жестко отстаивал то, что он считал неотъемлемыми правами римской кафедры, и старался распространить влияние последней даже на самые отдаленные уголки от Британии до Сирии и Аравии [6, с. 153–166; 10, р. 629–633; 16, S. 505–510; 17, р. 671–673; 41, р. 321–341; 42, р. 926–931; 49, р. 32–44]. Именно в рамках этой деятельности по отстаиванию прав и привилегий римского престола Григорий неожиданно инициировал спор о «вселенском» титуле Константинопольского патриарха, являвшийся частью более широкого контекста отношений римского епископа с Востоком [9, р. 184–214; 10, р. 629–633; 14; 15, р. 114–120; 16, S. 505–510; 17, р. 671–673; 22, р. 59–159; 27, р. 1–41; 30; 39, S. 79–95; 41; 42, р. 931–936, 942–958].

Методы. Исследователи жизни и творчества Григория Великого почти всегда уделяли внимание этому спору. Ему посвящены как отдельные, более или менее пространственные отрывки общих работ [6, с. 203–222; 9, р. 204–211; 10, р. 630–631; 15, р. 114–120; 16, S. 452–

463; 17, р. 668–670; 22, р. 201–228; 26, S. 132–137; 28, S. 99–110; 37, р. 91–96; 39, S. 324–329; 42, S. 945–948], так и специальные статьи [19; 29; 30, р. 278–283; 36; 48; 51]. Тем не менее, следует признать, что практически во всех случаях исследователи уделяют внимание этому спору в целом, давая характеристику всей совокупности посланий Григория I, которые так или иначе его касаются. При таком подходе не только в значительной мере теряются многочисленные нюансы, содержащиеся в текстах посланий, но подчас вовсе оказывается неясным, как именно папа обосновывал свою позицию. В силу этого на основании исследовательской литературы зачастую невозможно в деталях проследить аргументацию Григория, а также контекст, в котором появляется та или иная серия посланий. Чтобы восполнить этот пробел, в настоящей статье мы поставили себе задачей посредством применения историко-критического метода провести подробный анализ серии из четырех писем июня 595 г., которые, собственно, и положили начало упомянутому спору¹. Эти письма содержат особую, свойственную именно начальному периоду спора систему аргументации, которая впоследствии подверглась развитию и определенной модификации, по-видимому, под влиянием контраргументов корреспондентов и оппонентов папы². Нашей целью при этом будет выяснение системы аргументации папы Григория, посредством которой он намеревался убедить своих адресатов в неправомерности употребления Константинопольским патриархом титула «вселенский»³.

Анализ. В июне 595 г. папа Григорий впервые рассылает серию писем, в которых осуждает использование Константинопольским патриархом титула «вселенский». Адресатами папских писем являются император Маврикий, императрица, константинопольский патриарх Иоанн IV Постник (582–595) [5], а также респонсалий (или апокрисиарий – доверенное лицо) папы в Константинополе, диакон Сабиниан, впоследствии преемник Григория на папском престоле [24; 35, р. 68; 52, р. 700–711]. Общая декларируемая цель всех четырех писем одна: папа желает, чтобы патриарх Иоанн прекратил использование титула. Однако тезисы и аргументация, к которой

прибегает Григорий в обоснование неуместности использования титула, разнятся от одного письма к другому.

Одной из главных забот папы, по его словам, является благополучное правление императора Маврикия и процветание государства⁴. Во вступлении первого послания, адресованного самому императору, Григорий высказывается практически в духе юстиниановой концепции «симфонии»: «Благочестивейший и от Бога поставленный государь наш среди прочих забот и августейших тягостей, сохраняя правильность духовного усердия (*conservanda rectitudine studii spiritalis*), также бдит (*invigilat*) и в отношении священнической любви (*sacerdotali caritati*), очевидным образом благочестиво и правдиво полагая, что никто не может правильно управлять земным, если не будет уметь (*nisi noverit*) распоряжаться (*tractare*) божественным, и что мир государства (*reipublicae*) зависит от мира Вселенской Церкви. Ведь какая, о тишайший господин, человеческая сила и вообще всякая мощь плотского плеча (досл. «предплечья» – *brachii*) дерзнула бы (*praesumeret*) воздвигнуть нечестивые руки против вершины Вашей христианнейшей власти (*imperii*), если бы согласный со священниками разум молился за Вас, как полагается и по достоинству, своему Спасителю?» [46, р. 308.2–11]. Папа тем самым одобряет прежнее внимание императора к церковным делам и утверждает, что этим император обеспечивает долголетие своему царствованию.

Недолжное исполнение священнического долга приводит, по мнению Григория, к тому, что силы врагов империи возрастают: «Но пока мы покидаем то, что подобает нам, и помышляем о том, что не подобает, наши грехи мы соединяем с варварскими силами, а вина наша, которая отягощает силы государства, оттачивает мечи врагов» [46, р. 308.14–16]. Император располагает возможностью образумить священников и обратит их к исполнению их обязанностей: «По каковой причине в высшей степени предусмотрительно благочестивейший государь ради усмирения военных потрясений добивается мира Церкви, а также изволит склонять сердца священников к его упрощению» [46, р. 308.25–309.28].

Далее Григорий обозначает причину, грозящую крушением государству: «Поскольку это дело не мое, но Бога, поскольку не я один, но вся Церковь сотрясается, поскольку благочестивые законы, священный собор, поскольку даже сами заповеди Господа нашего Иисуса Христа сотрясаются измышлением некоего надменного и помпезного выражения, да рассечет благочестивейший господин пораненное место и упорствующую болезнь свяжет узами своего царственного распоряжения (*augustae vinculis auctoritatis*)» [46, р. 309.30–35].

Таким образом, целью написания письма императору является попытка Григория привлечь Маврикия в качестве союзника в иницируемом папой споре по поводу уже ставшего традиционным титула Константинопольского патриарха⁵. Папа желает добиться от императора, чтобы тот либо провел предварительное расследование, либо напрямую склонил патриарха Иоанна к отказу от титула [46, р. 311.101–104].

Императрицу Григорий просит, в свою очередь, о том, чтобы она «не попускала ничьему лицемерию преобладать над истиной» [46, р. 314.13]: каким именно образом императрица должна это сделать, папа не уточняет. Вероятно, для него было желательным, чтобы она оказала влияние на своего супруга: Григорию явно кажется несправедливым то, что император сделал ему «некое печальное указание, которое не того обличало, кто поступил надменно, но скорее стремилось отвлечь от моего намерения меня [самого]» [46, р. 315.33–35]⁶.

Мотивация в письме императрице получает новый оттенок – благополучие императорской семьи: папа говорит о «сокровищах вечного воздаяния», которые императрица получит для себя, своей семьи и отечества делом «исполнения истины» и «благоволения справедливости» [46, р. 314.3–4, 315.20–25]. Григорий отсылает ее к тому, что «родители [императорской четы], прежние принцепсы, искали благоволения апостола Петра» [46, р. 316.61–62]⁷. Очевидным образом, для папы Григория угождение апостолу означает поддержку позиции римского престола.

В письме же патриарху Иоанну звучание получает другой мотив: титул является про-

явлением лести, которой патриарха окружили его приближенные, иными словами, патриарх Иоанн был ими обманут. Соответственно, Григорий просит Иоанна не соглашаться с теми, кто предлагает ему такой титул [46, р. 330.28–31, 332.96–100]. Он хочет «с неким уважением подтолкнуть [патриарха Иоанна] к стыду» [46, р. 330.23–25]. Смирение же патриарха в вопросе о титуле поможет восстановить нарушенный церковный мир: «Всем сердцем возлюби смирение, посредством которого способно сохраняться согласие всех братьев и единство святой Вселенской Церкви» [46, р. 331.43–45].

Письмо диакону Сабиниану заметно отличается от трех остальных писем этой серии как по форме (оно гораздо короче других), так и по содержанию. Оно не содержит каких-либо аргументов против титула «вселенский». Причины этого представляются достаточно ясными: это уже не первое послание, адресованное Сабиниану в контексте спора о титуле [46, р. 338.32–33], и потому тот был очевидным образом в курсе папской позиции, которую он должен был отстаивать в Константинополе. Григорий приказывает Сабиниану передать вышеупомянутое письмо, адресованное патриарху Иоанну, а также повторно запрещает ему появляться вместе с патриархом на официальных церемониях [46, р. 338.32–33]. Такая мера должна была, по мысли Григория, «с неким уважением подтолкнуть [Иоанна] ко стыду (*sub quadam verecundiae reverentia pulsarem*)» [46, р. 330.22–25].

Позиция папы по поводу титула. Несмотря на то, что титул «вселенский» у Константинопольского патриарха впервые фиксируется в 518 г. [4, с. 40; 19, р. 602; 29, S. 568], Григорий подает это дело как новое и неслыханное [46, р. 309.58, 315.29–30], причем берущее начало именно со вступления на патриарший престол Константинополя Иоанна Постника (582–595). Обращаясь к последнему, папа говорит: «В то время, когда Ваше братство было возведено в священническое звание, помнит оно, какое застало оно мир и согласие Церквей. Но уж не знаю, из-за какого дерзновения или какого надмения оно попыталось присвоить себе новоявленное наименование, отчего сердца многих братьев могли бы войти в соблазн» [46, р. 329.2–6].

Отношение папы Григория к титулу «вселенский» тем самым резко негативное. Он называет его «неслыханным и нечестивым именем» [46, р. 309.58], «негодным и надменным» [46, р. 330.15], «ошибочным именем» (*erroris nomen*) [46, р. 330.29–30], «гордым и глупым» [46, р. 330.41], «извращенным» [46, р. 331.55], «преступным» [46, р. 338.31]. Принятие патриархом титула – это «отвратительное и нечестивое надмение» [46, р. 330.25], а согласие с ним Григорий приравнивает к потере веры [46, р. 338.31–32].

Аргументация против титула. Представляется возможным выделить несколько типов аргументов, с которые папа Григорий использует в своей полемике:

– *Канонические и библейские аргументы:* титул противоречит Евангелию, церковным канонам и традиции.

– *Догматические:* титул противоречит церковному учению о сущности Церкви.

– *Церковно-политические:* титул нарушает церковный мир и единство, повышает опасность распространения ереси.

– *Политические:* скандал из-за титула представляет опасность для благополучия государства и императорской семьи.

– *Пастырские:* принятие титула не соответствует задачам священнического служения.

– *Аскетические:* титул является заблуждением, греховой ошибкой патриарха Иоанна, уподобляет его антихристу, представляет опасность для его спасения.

В каждом из писем присутствует вся или почти вся палитра аргументов, однако в каждом акцент сделан на аргументах одного-двух типов. В письме к императору папа Григорий чаще приводит политические и церковно-политические аргументы, указывая на опасность скандала для благополучия государства. В письме к императрице папа апеллирует к ее чувству справедливости и за ее участие сулит ей помощь апостола Петра. Наконец, патриарха Иоанна Григорий преимущественно убеждает пастырскими и аскетическими доводами – это письмо самое пространное, почти в 2 раза длиннее писем императору и императрице.

Указанные типы аргументов будут ниже рассмотрены нами подробнее.

Канонические и библейские аргументы. Папа Григорий пишет императору о том,

что патриарх Иоанн присваивает себе титул «вопреки евангельским определениям (*statuta evangelica*), вопреки постановлениям канонов (*canonum decreta*)» [46, р. 310.62–63]. Для него данный тезис, по-видимому, является самоочевидным и он не раскрывает, каким именно «определениям и канонам» противоречит использование Константинопольским патриархом титула «вселенский».

По мысли папы Григория, принятие титула не имеет позитивных аналогов в церковной традиции. Императору папа приводит пример апостола Петра, который, будучи одним из наиболее авторитетных для Римской и всех прочих церквей святым, все же не принимал подобного наименования: «Вот [апостол Петр] ключи Царства Небесного принимает, власть (*potestas*) вязать и решить ему дается, забота о всей церкви и главенство (*principatus*) на него возлагаются, однако же не зовется он вселенским апостолом (*universalis apostolus*)! А муж святейший и сосвященник мой Иоанн пытается назваться вселенским епископом (*universalis episcopus*)!» [9, р. 207; 15, р. 117; 19, р. 609; 46, р. 309.48–52].

Не только апостол Петр, но и никто из святых когда-либо в истории не называл себя так [46, р. 332.83–86]. В частности, Григорий приводит пример папы Льва Великого (440–461). В письме императору он представляет дело так, что в 451 г. на Халкидонском соборе титул «вселенский» был предложен участниками собора папе Льву, но тот отказался: «В самом же деле, [наименование “вселенским”] было преподнесено чтимым Халкидонским собором римскому понтифику ради чести блаженного Петра, главы апостолов (*apostolorum principis*). Однако никто из них (видимо, имеются ввиду папа Лев и его преемники – *А.М.*) никогда не соглашался использовать это исключительное наименование (*singularitatis nomine*), дабы в то время, как одному давалось нечто частное, все священники не лишались причитающейся чести. Так отчего же, стало быть, мы не добиваемся этого даже преподнесенного названия, а тот притязает его присвоить даже не преподнесенное?» [46, р. 310.77–83]. В письме патриарху Иоанну папа приводит тот же самый аргумент: «Разве, как Ваше братство знает, досточтимый Халкидонский собор предстояте-

лей этого апостольского престола, которому я служу по устройению Божию, не назвал “вселенскими”, оказав [им] эту честь? Однако никто и никогда не пожелал называться таким словом» [46, р. 332.89–92].

В приведенных выше утверждениях папа Григорий делает умышленный или неумышленный подлог, потому что лишь с очень большой натяжкой и многими оговорками можно утверждать, что титул был «преподнесен чтимым Халкидонским собором римскому понтифику». Фактически же он был применен к римскому епископу только в челобитных, поданных на имя папы Льва противниками Диоскора Александрийского (τῷ ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ οἰκουμένικῳ ἀρχιεπισκόπῳ καὶ πατριάρχῃ τῆς μεγάλης Ῥώμης): однако такой прецедент едва ли можно квалифицировать как его соборное признание за римским епископом. Между тем в официальных речах и подписях папских представителей на Халкидонском соборе Лев неоднократно назывался «*universalis ecclesiae papa urbis Romae*», каковой титул не использовался другими отцами Собора⁸. Тем самым нет никаких признаков того, что греческие отцы Халкидонского собора приняли решение о даровании Льву титула, однако, с другой стороны, очевидно, что именно папские легаты, имея точные инструкции, пытались продвигать его на Соборе⁹.

Другим аргументом против титула Григорий считает то, что его предшественник, папа Пелагий II (579–590), «отменял деяния [константинопольского] собора» [46, р. 329.11–330.16], фактически утвердившего за патриархом титул «вселенского» [9, р. 204–205; 15, р. 114–115; 16, S. 366–367; 19, р. 603]. Другими словами, папа сохраняет веру в то, что римский понтифик может своим указом отменить поместный собор другой церкви. Разбор подобных взглядов Григория на свой статус в Церкви заслуживает специального рассмотрения.

Церковно-политические и догматические аргументы. Папа Григорий считает, что претензия константинопольского патриарха на титул «вселенский» нарушает церковный мир и единство, причем «возникает прекословие всем вообще разлитой благодати» [46, р. 330.37–39]. Григорию кажется, что этим тяготится не только Римская церковь, но «воз-

дыхают все [Церкви], хотя сказать ничего и не пытаются» [46, р. 317.75–77]. Императора он убеждает, что не стремится отплатить Иоанну за какую-либо личную обиду и защищает не «свое дело», но «дело всемогущего Бога и дело Вселенской Церкви» [46, р. 309.59–310.61].

Догматическое возражение Григория заключается в том, что у Вселенской церкви (*universalis ecclesia*) есть только одна глава – Христос, а христиане являются членами церкви под этой главой [46, р. 332.80–82]. В принятии же титула «вселенский» (*universalis*) Григорий наблюдает попытку патриарха стать главой Вселенской церкви вместо Христа [46, р. 331.45–55]¹⁰.

Принятие наименования «вселенский» ставит константинопольского патриарха выше всех остальных епископов, и честь (*honor*) последних тем самым «похищается», «уничтожается» [46, р. 310.74–76, 79–81], «попирается ногами» Иоанна [46, р. 331.65–67]. Григорий говорит, что титул подразумевает едва ли не отмену епископской благодати всех остальных епископов: «Брат мой и соепископ один стремится называться епископом» [20, р. 36–43; 46, р. 316.47–48]. По мысли Григория, возникающие на этой почве распри среди епископов тотчас прекратятся, если патриарх откажется от титула [46, р. 310.89–91].

Главная опасность видится Григорию в том, что если епископ, называющий себя «вселенским», обратится к ереси, то вместе с ним в ересь впадет и вся Вселенская церковь [46, р. 310.71–74]. Угроза этого тем выше, что на протяжении истории константинопольской церкви многие ее епископы становились еретиками и даже ересиархами: «И конечно, нам известно, что многие епископы (*sacerdotes*) впали в пучину константинопольской ереси, став не только еретиками, но даже ересиархами! Оттуда, конечно же, Несторий, который, считая, что посредник между Богом и людьми Иисус Христос был двумя лицами, поскольку не верил, что Бог мог стать человеком, дошел до иудейского вероломства. Оттуда Македоний, который отрицал, что Святой Дух единосущен Отцу и Сыну. Итак, если в сей Церкви кто-нибудь присвоит себе это наименование – что он, согласно мнению всех добрых [людей], и сделал – то, стало быть, и вся Церковь (*universa ergo ecclesia*) – чего да

не будет! — отпадет от своего положения, когда падет тот, кто называется «вселенским». Но да удалится от христианских сердец это богохульное наименование, в котором уничтожается честь всех священников, будучи безумно похищаема (arrogatur) одним» [9, р. 207; 19, р. 608; 46, р. 310.65–76]¹¹.

Политические аргументы. Одним из лейтмотивов писем императору и императрице, как уже было сказано выше, является опасность для государства, которую представляют собой нестроения в Церкви, вызванные принятием титула. Григорий в красках описывает контраст между бедственным военно-политическим положением империи на границах и несоответствующим этому поведением патриарха, который вместо «домогательства тщеславных званий» должен был бы «плача лежать на полу и в пепле» [46, р. 309.53–58].

Император заверяется в том, что его вмешательство принесет «облегчение государству» и «долголетие царствования» [46, р. 309.35–37]. То же обещание — в письме императрице: «Итак, Ваше благочестие, которое вместе с тишайшим государем всемогущий Бог поставил править всем миром... сколь более верно послужит Творцу всех во исполнение истины, столь более надежно будет господствовать оно во врученном ему мире» [46, р. 315.20–25].

По мнению папы, поведение патриарха унижает не только достоинство священников, но и самой императорской власти: «Следует обуздать того, кто наносит оскорбление Вселенской Церкви, кто надмевается сердцем, кто стремится радоваться исключительному наименованию, кто частным обозначением даже ставит себя превыше достоинства Вашей власти (honor quoque vestri imperii)!» [46, р. 310.86–89]. Оно «оскверняет времена» правления Маврикия [46, р. 316.54–56].

Григорий, со своей стороны, показывает, что император имеет силу воспрепятствовать возвышению патриарха [46, р. 337.10–11, 15–17], и, более того, императорская власть над патриархом превышает власть церковных канонов: «Тому, кто пренебрегает выказывать послушание каноническим наставлениям, следует более склоняться к наставлению благочестивейших государей» [46, р. 310.84–85].

В церковных нестроениях, как уже было сказано, Григорий видит корень тех бедствий, которые империя вообще и Италия в частности были вынуждены терпеть от вторжений варваров. Он пишет императору: «Вот все в областях Европы предано варварскому праву (iuri barbarorum): разрушены города, разорены крепости, обезлюдели провинции. Не населяет землю никто из правоверных (cultor): каждодневно свирепствуют и господствуют в смерти верных идолопоклонники. А священники, которые должны были, плача, лежать на полу и в пепле, домогаются себе тщеславных званий и похваляются неслыханными (novis) и нечестивыми (profanis) именами!» [46, р. 309.53–58].

В письмах августу и патриарху Григорий описывает и свое собственное сложное положение. Так, послание Иоанну Григорий заканчивает на весьма минорной ноте: «я, окруженный столь многими бедствиями, сдавлен мечами варваров (barbarorum gladiis premor), так что мне не только много рассуждать, а и вздохнуть едва ли возможно» [46, р. 336.211–337.212–213].

Пастырские аргументы. Наименование епископа «вселенским», по мнению Григория, противоречит задаче священнического служения по научению паствы смирению [46, р. 330.31–36, 333.120–122]. Он опасается того, что из-за титула могут «оскверниться многие» [46, р. 336.189–190], поскольку он приводит к соблазнам: «[Братство Ваше] попыталось присвоить себе новоявленное наименование, отчего сердца многих братьев могли бы войти в соблазн» [46, р. 329.4–6].

Аскетические аргументы. Наиболее полно аскетические аргументы представлены в письме патриарху Иоанну. Ф. Дворник считал, что именно «аскетический характер [папы Григория]» послужил основной причиной его возражений против титула «вселенский» [25, р. 80–81]¹². По его мнению, Григорий не имел никакой иной цели, кроме как только преподавать Иоанну нравственное поучение и предупредить его от излишней гордости. Косвенное подтверждение этому Дворник видит в том, что восточные патриархи относились к титулу «вселенский» спокойнее и воспринимали его «либо как пустую формулу, либо как выражение прав, предоставленных Кон-

стантинополю Халкидонским собором» [25, р. 81] (ср. [19, р. 609]).

Как было сказано выше, титул сам по себе вызывал у папы Григория отторжение как «неслыханный и нечестивый» [46, р. 309.58], «гордый и глупый» [46, р. 330.41], «негодный», «надменный», «извращенный», как средство «похвалиться» и «казаться более знатным (digniores)» [46, р. 315.19–20]. Однако его принятие патриархом является для папы достаточной причиной подозревать того в гордыне: «Но уж не знаю, из-за какого дерзновения или какого надмения [братство Ваше] попыталось присвоить себе новоявленное наименование» [46, р. 329.4–6]. Он указывает на прежнюю скромность патриарха Иоанна [46, р. 332.74–75], на то, что раньше тот и сам не стремился к епископству [46, р. 329.6–7] и считал себя недостойным епископского сана [46, р. 329.9–11].

Письмо к патриарху содержит 25 ветхозаветных и новозаветных цитат, призванных напомнить ему о смирении (Ис. 66:2; Мф. 5:3, 11:29, 20:27), богопротивности гордыни (Притч. 16:5; Лк. 14:11; Иак. 4:6), необходимости удалиться от льстецов (Лк. 9:60; Пс. 69:4, 140:5) и близости последнего суда (1 Ин. 2:18) [19, р. 608–609]. Поведение Иоанна в деле с титулом неоднократно сравнивается с библейскими описаниями сатаны: «Кто, спрашиваю я, в столь извращенном наименовании берется за образец как не тот, кто, презрев легионы ангелов, поставленных товарищески вместе с ним, попытался вырваться к вершине уникальности, чтобы и никому не подчиняться, и в одиночестве казаться предстоящим всем? Кто также сказал: *Взойду на небо, выше звезд небесных вознесу престол мой и сяду на горе завета, по бокам севера; взойду выше высоты облаков, буду подобен Всевышнему*» [46, р. 331.55–62]. К образам гордыни, свойственной сатане и антихристу, которой Иоанн Константинопольский якобы подражает, Григорий прибегает в своих посланиях довольно часто [46, р. 316.46–48, 331.55–62, 331.64–332.72, 332.74–79, 334.144–146].

Папа предупреждает Иоанна, что, если тот не смиритсся, его гордость станет предметом рассмотрения «высших судей» [46, р. 336.190–192]. Однако если он откажется от титула, то сможет даже духовно возрасти и преуспеть [46, р. 330.39–331.43].

Практические меры папы против титула. Папа Григорий не ограничивается увещаниями против титула, но принимает и практические действия. Он запрещает своему апокрисиарию служить мессе вместе с патриархом [46, р. 338.32–33] и, по видимости, угрожает Иоанну каноническим разбирательством либо прещением в случае, если тот не откажется от титула: «Если ты не пожелаешь, я запретил ему (диакону Сабиниану, респонсалию папы в Константинополе – А.М.) справлять с Вашим братством служения месс, чтобы прежде с неким уважением ко стыду подтолкнуть святость Вашу, а затем, если отвратительное и нечестивое надмение не сможет смущенно исправиться, тогда уже прибегать к тому, что есть строгое и каноническое» [46, р. 330.22–27, 336.202–203]¹³.

Результаты. При общем сходстве посланий императору, императрице и Константинопольскому патриарху между ними наблюдаются значительные различия.

Тезисно укажем на аргументы, содержащиеся только в письме императору: титул противоречит Евангелию и церковным канонам; в случае падения «вселенского» патриарха в ересь вместе с ним падет и вся Церковь – тем вероятнее, что константинопольские епископы зачастую становились ересиархами.

В письме императрице акцент сделан на необходимости восстановить справедливость, поддержав позицию Римской церкви и тем самым снискав благоволение апостола Петра.

Аргументы, свойственные только письму патриарху: предыдущий папа, Пелагий II, отменил решения константинопольского собора, признавшего титул; догматический аргумент: Христос есть глава Церкви, а все остальные христиане суть ее члены; принятие же титула – это попытка занять место Христа; аскетические аргументы: ранее патриарх Иоанн был скромнее; ему необходимо подражать смирению Христа, иначе он подвергнется «высшему суду»; пастырские аргументы: по причине титула многие могут соблазниться, епископ же призван учить смирению. Только в письме патриарху есть предупреждение о том, что в случае сохранения титула папа Григорий будет вынужден «призвать Церковь».

Общим для всех трех писем является резко-негативное отношение папы Григория к ти-

тулу «вселенский». Совпадает и основная цель посланий – принудить патриарха Иоанна отказаться от титула. Различается мотивация, по которой адресат должен исполнить просьбу папы Григория: в письме императору акцент сделан на унижении императорской власти по причине принятия патриархом титула и на благополучии государства в случае отказа от него; в письме императрице к этому добавляется благополучие семьи и пример родителей; в письме к патриарху папа Григорий преимущественно взывает к его совести и объясняет титул как лесть со стороны патриаршего окружения.

Только 2 аргумента против титула являются общими для всех трех посланий: нарушенный церковный мир и поправление чести всех остальных епископов. Неудивительно также и то, что во всех посланиях используются библейские цитаты; но если в письме императору их 5, а в письме императрице 3, то патриарха Иоанна папа Григорий старается убедить с помощью 25 библейских цитат.

Для писем императору и императрице общим является только мотив унижения императорской власти и нарушения мира в государстве из-за церковных нестроений.

Сходство писем императору и патриарху заключается в апелляции к церковной традиции: обоим папа Григорий приводит в пример апостола Петра и папу Льва, которые не принимали титул «вселенский». Также в этих письмах папа Григорий говорит о практической мере против титула: о запрете своему апокрисиарию диакону Сабиниану сослужить патриарху Иоанну.

Общим для писем императрице и патриарху является и отрицательный пример антихриста – при этом в письме патриарху этот прием используется 4 раза. В письме императору одна из библейских цитат намекает на то, что титул делает патриарха богопротивником (Иак. 4:6) [46, р. 311.115–116], но нет прямых указаний на антихриста.

Исходя из проведенного анализа, позволим себе сделать вывод, что аргументация, с которой папа Григорий выступает против титула «вселенский», представляется тщательно выверенной в случае каждого послания. С учетом сложных условий – таких как противостояние лангобардам – конфликт по поводу поставления епископа Салоны, о котором папа Григорий

пространно говорит в письме императрице, и общий недостаток времени – очевидно, что вопрос о титуле «вселенский» имел для Григория высокую важность. Следует сделать предположение, что значимость этого вопроса была обусловлена для Григория его восприятием особого положения и роли Римской кафедры по отношению к другим Церквам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О церковно-политической ситуации в Риме в это время см.: [16, S. 403–408; 19, р. 606–607; 21, р. 242–294; 37, р. 97–111; 39, S. 279–306].

² Следует отметить, что каких-либо иных источников, помимо писем самого папы Григория, которые бы могли пролить свет на этот спор, не сохранилось.

³ Пространное цитирование преимущественно одного из этих писем, обращенного императору, встречается в старых работах Ф. Успенского [6, с. 210–214] и в еще большей степени Ф.М. Даддена [22, р. 209–217]. Впрочем, аналитическим подход этих исследователей назвать невозможно. К примеру, Дадден настроен в отношении Григория апологетически: он декларирует его полную правоту, а противоположную сторону (императора и Константинопольского патриарха) выставляет хитрыми и коварными противниками святого папы. Подход Успенского более нюансирован: он отмечает необоснованность действий Григория, однако не дает им четкой оценки. Весьма краткий пересказ писем к императору, императрице и патриарху приводит также Э.Х. Фишер: [28, S. 101–103].

⁴ Об отношениях Григория с Маврикием и со светскими властями в целом см.: [6, с. 223–233; 9, р. 194–200; 15, р. 103–114; 16, S. 479–482; 18; 22, р. 238–266; 26, S. 195–222; 42, S. 937–941].

⁵ Об истории этого титула: [4, с. 38–42; 6, с. 208–210; 11, S. 63–65; 19, р. 602–603, 616–619; 29, S. 567–572; 36, р. 6–14; 47, р. 261–270; 50]. Зачастую в старой литературе использование этого титула безосновательно, хотя чаще и в виде предположения приписывается уже Акакию Константинопольскому (472–489): [9, р. 205; 29, р. 568–569]. С полной уверенностью, ссылаясь на Батиффоль, об использовании титула Акакием говорит Л. Брейе: [15, р. 115]. Акакий Константинопольский в католической историографии также выставляется виновником так называемой «Акакианской схизмы»: [1, с. 362; 2].

⁶ В письме диакону Сабиниану Григорий утверждает, что это внушение со стороны императора стало результатом «хитрости» и «тщеславия (vanitas)» патриарха Иоанна [46, р. 337.17–338.21].

⁷ Важность ссылки на ап. Петра как части аргументации Григория подчеркивают старые католические авторы: [9, р. 206–207; 22, р. 213–216]. В последующих письмах Григорий в полной мере разворачивает римскую «петринологию» как учение о превосходстве и главенстве римской кафедры: [19, р. 613–614].

⁸ Случаи применения определения «вселенский» в связи с титулованием Римского папы на Халкидонском соборе проанализированы М.В. Грацианским: [3, с. 258–264]. Католические исследователи склонны пренебрегать этим обстоятельством. Ср., к примеру, [15, р. 115]. Дж. Демакопулос, комментируя это высказывания Григория, совершенно неуместно, по нашему мнению, сравнивает позицию Григория с позицией папы Льва относительно 28-го правила Халкидонского собора. Для него остается неизвестной официальная позиция римских легатов, называющих папу Льва «епископом Вселенской Церкви города Рима»: [19, р. 609–610]. Между тем, ср. [29, S. 581–584].

⁹ Ф. Успенский утверждал, что папа Григорий, говоря о даровании титула папе Льву I, стремился обосновать этим свое право называться «вселенским». См.: [6, с. 208]. Однако это не следует ни из письма императору, ни из других рассматриваемых нами писем. В этих письмах папа Григорий критикует как использование титула константинопольским патриархом, так и собственно сам титул. Сомнительно, чтобы он стал это делать, если бы предполагал усвоить титул самому себе.

¹⁰ О значительном различии коннотаций греческого οἰκουμενικός и латинского universalis см.: [19, р. 616–619; 47, р. 261–270].

¹¹ Насколько мы можем видеть, исследователями не отмечается тот факт, что этот антиконстантинопольский аргумент – а именно, что Константинопольские патриархи часто впадали в ересь, – был изобретен Григорием и впоследствии использовался папами вплоть до событий, приведших к окончательному расколу в 1054 г. В частности, к нему прибегает фактический автор этого раскола папа Лев IX (1049–1054): [7, р. 69–70]. Ср. [19, р. 610–611].

¹² О Григории как аскете: [16, S. 340–344].

¹³ Ф. Успенский усматривает нерешительность папы Григория в том, что тот не принимает более существенных мер, в частности, воздерживается от разрыва евхаристического общения с константинопольским патриархом: [6, с. 216].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грацианский, М. В. Акакианская схизма / М. В. Грацианский // Православная энциклопедия. Т. 1. – М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. – 362 с.
2. Грацианский, М. В. «Акакианская» или все же «феликианская» схизма? Проблема обоснованности одного историографического клише / М. В. Грацианский // Византийский временник. – 2016. – Т. 100. – С. 44–63.
3. Грацианский, М. В. Четвертый Вселенский собор и проблема первенства римского епископа / М. В. Грацианский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 255–271. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>.
4. Кузенков, П. В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии / П. В. Кузенков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I : Богословие. Философия. – 2014. – Вып. 3 (53). – С. 25–51.
5. Попов, И. Н. Иоанн IV Постник, патриарх Константинопольский / И. Н. Попов, К. А. Максимович // Православная энциклопедия. Т. 23. – М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – С. 481–483.
6. Успенский, Ф. Церковно-политическая деятельность папы Григория I Двоеслова / Ф. Успенский. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1901. – 254, XIV с.
7. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saec. XI composita extant / ed. C. Will. – Leipzig ; Marburg : N.G. Elwert, 1861. – X, 272 p.
8. Aigrain, R. San Gregorio Magno. La sua politica italiana / R. Aigrain // San Gregorio Magno, gli stati barbarici e la conquista araba (590–757) / L. Bréhier, R. Aigrain. – Torino : Editrice S.A.I.E., 1971. – P. 51–101. – (Storia della Chiesa dalle origini ai nostri giorni ; vol. 5).
9. Batiffol, P. Saint Grégoire le Grand / P. Batiffol. – Paris : Librairie Lecoq, 1928. – 233 p.
10. Baus, K. The Papacy between Byzantium and the German Kingdoms from Hilary (461–468) to Sergius I (687–701) // History of the Church. Vol. 2 / ed. by H. Jedin, J. Dolan. – New York : The Seabury Press, 1980. – P. 614–636.
11. Beck, H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich / H.-G. Beck. – München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1959. – xvi, 835 S.
12. Bertolini, O. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi / O. Bertolini. – Bologna : Licinio Cappelli, 1941. – 886 p.
13. Bertolini, O. Roma e i Longobardi / O. Bertolini. – Città di Castello : Istituto di studi Romani, 1972. – 150 p.
14. Booth, Ph. Gregory and the Greek East / Ph. Booth // A Companion to Gregory the Great / ed.

by B. Neil, M. Dal Santo. – Leiden ; Boston : Brill, 2013. – P. 109–131.

15. Bréhier, L. Le relazioni fra Roma e Costantinopoli dall'elezione di Gregorio Magno alla caduta di Foca (590–610) / L. Bréhier // Bréhier, L. San Gregorio Magno, gli stati barbarici e la conquista araba (590–757) / L. Bréhier, R. Aigrain. – Torino : Editrice S.A.I.E., 1971. – P. 103–129. – (Storia della Chiesa dalle origini ai nostri giorni ; vol. 5).

16. Caspar, E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 2 / E. Caspar. – Tübingen : Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1933. – xv, 633 S.

17. Chadwick, H. The Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great / H. Chadwick. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – IX, 730 p.

18. Dal Santo, M. Gregory the Great, the Empire and the Emperor / M. Dal Santo // A Companion to Gregory the Great / ed. by B. Neil, M. Dal Santo. – Leiden ; Boston : Brill, 2013. – P. 57–81. – DOI: https://doi.org/10.1163/9789004257764_004.

19. Demacopoulos, G. E. Gregory the Great and the Sixth-Century Dispute over the Ecumenical Title / G. E. Demacopoulos // Theological Studies. – 2009. – Vol. 70. – P. 600–621. – DOI: <https://doi.org/10.1177/004056390907000304>.

20. Demacopoulos, G. E. Gregory the Great. Ascetic, Pastor, and First Man of Rome / G. E. Demacopoulos. – Notre Dame, Indiana : University of Notre Dame Press, 2015. – viii, 236 p.

21. Dudden, F. M. Gregory the Great. His Place in History and Thought. Vol. 1 / F. M. Dudden. – London : Longmans, Green and Co, 1905. – xvii, 476 p.

22. Dudden, F. M. Gregory the Great. His Place in History and Thought. Vol. 2 / F. M. Dudden. – London : Longmans, Green and Co, 1905. – vi, 473 p.

23. Durliat, J. Grégoire Ier / J. Durliat // Dictionnaire historique de la papauté / sous la direction de Ph. Levillain. – Paris : Fayard, 1994. – P. 736–740.

24. Durliat, J. Sabinien / J. Durliat // Dictionnaire historique de la papauté / sous la direction de Ph. Levillain. – Paris : Fayard, 1994. – P. 1495–1496.

25. Dvornik, F. Byzantium and the Roman Primacy / F. Dvornik. – New York : Fordham University Press, 1966. – 176 p.

26. Eich, P. Gregor der Große. Bischof von Rom zwischen Antike und Mittelalter / P. Eich. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2016. – 311 S.

27. Ekonomou, A. J. Byzantine Rome and the Greek Popes. Eastern Influences on Rome and the Papacy from Gregory the Great to Zacharias, A.D. 590–752 / A. J. Ekonomou. – Lanham ; Boulder ; New York ; Toronto ; Plymouth : Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2007. – IX, 347 p.

28. Fischer, E. H. Gregor der Große und Byzanz. Ein Beitrag zur Geschichte der päpstlichen Politik

/ E. H. Fischer // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung, 1950. – Bd. 36/1. – S. 15–144.

29. Gelzer, H. Der Streit über den Titel des ökumenischen Patriarchen / H. Gelzer // Jahrbücher für protestantische Theologie. – 1887. – Bd. 13. – S. 549–584.

30. Grego, I. San Gregorio Magno e i Patriarchi d'Oriente / I. Grego // Studia Orientalia Christiana. – 1988. – Vol. 21. – P. 267–293.

31. Haller, J. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1 / J. Haller. – Stuttgart : Port Verlag, 1950. – 560 S.

32. Hartmann, L. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. 1 / L. Hartmann. – Gotha : Friedrich Andreas Perthes, 1897. – ix, 409 S.

33. Jasper, D. Papal Letters in the Early Middle Ages / D. Jasper, H. Fuhrmann. – Washington DC : The Catholic University of America Press, 2001. – xiii, 225 p.

34. Jenal, G. Gregor I., der Große / G. Jenal // Das Papsttum. Bd. 1 / hrsg. von M. Greschat. – Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz : Verlag W. Kohlhammer, 1984. – S. 83–99. – (Gestalten der Kirchengeschichte ; Bd. 11).

35. Kelly, J. N. D. The Oxford Dictionary of Popes / J. N. D. Kelly. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 1986. – 347 p.

36. Laurent, V. Titre de patriarche oecuménique et la signature patriarcale / V. Laurent // Revue des études byzantines. – 1948. – T. 6. – P. 5–26.

37. Markus, R. A. Gregory the Great and His World / R. A. Markus. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – xvi, 241 p.

38. McNally, R. E. Gregory the Great (590–604) and His Declining World / R. E. McNally // Archivium Historiae Pontificiae. – 1978. – Vol. 16. – P. 7–26.

39. Müller, B. Führung im Denken und Handeln Gregors des Grossen / B. Müller. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2009. – x, 476 S.

40. Neil, B. The Papacy in the Age of Gregory the Great / B. Neil // A Companion to Gregory the Great / ed. by B. Neil, M. Dal Santo. – Leiden ; Boston : Brill, 2013. – P. 3–27. – DOI: https://doi.org/10.1163/9789004257764_002.

41. Piccirillo, M. Gregorio Magno e le Province orientali di Palestina e Arabia / M. Piccirillo // Liber Annus. – 2004. – Vol. 54. – P. 321–341.

42. Pietri, L. Gregor der Große und das wachsende Ansehen des Apostolischen Stuhls. Eine Untersuchung anhand seiner Briefe / L. Pietri, Ch. Fraisse-Coué // Der lateinische Westen und der byzantinische Osten (431–642) / hrsg. von L. Pietri. – Freiburg ; Basel ; Wien : Herder, 1998. – S. 890–961. – (Die Geschichte des Christentums. Religion – Politik – Kultur ; Bd. 3).

43. Pohl, W. Gregorio Magno e il regno dei Longobardi / W. Pohl // Gregorio Magno, l'Impero e i

«regna». Atti dell'incontro internazionale di studio dell'università degli studi di Salerno. Fisciano, 30 settembre – 1 ottobre 2004 / a cura di Claudio Azzara. – Firenze : SISMEL. Edizioni del Galluzzo, 2008. – P. 15–28.

44. Pollard, R. M. A Cooperative Correspondence : The Letters of Gregory the Great / R. M. Pollard // A Companion to Gregory the Great / ed. by B. Neil, M. Dal Santo. – Leiden ; Boston : Brill, 2013. – P. 291–312. – DOI: https://doi.org/10.1163/9789004257764_014.

45. Richards, J. The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages, 476–752 / J. Richards. – New York : Routledge, 1979. – ix, 434 p.

46. S. Gregorii Magni Registrum epistularum. Vol. 1 / ed. D. Norberg. – Turholt : Brepols, 1982. – XII, 513 p. – (Corpus Christianorum. Series Latina ; vol. 140).

47. Tuilier, A. Le sens de l'adjectif «oecuménique» dans la tradition patristique et dans la tradition byzantine / A. Tuilier // Nouvelle revue théologique. – 1964. – Vol. 86/3. – P. 260–271.

48. Tuilier, A. Grégoire le Grand et le titre de patriarche œcuménique / A. Tuilier // Grégoire le Grand. Actes de colloque à Chantilly (Centre culturel Les Fontaines) 15–17 septembre 1982. – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. – P. 69–82.

49. Ullmann, W. Short History of the Papacy in the Middle Ages / W. Ullmann. – London ; New York : Routledge, 2003. – xvi, 278 p.

50. Vailhé, S. Le titre de patriarche oecuménique avant saint Grégoire le Grand / S. Vailhé // Échos d'Orient. – 1908. – T. 11, № 69. – P. 65–69.

51. Vailhé, S. Saint Grégoire le Grand et le titre de patriarche oecuménique / S. Vailhé // Échos d'Orient. – 1908. – T. 11, № 70. – P. 161–171.

52. Western, J. The Papal *Apocrisiarii* in Constantinople during the Pontificate of Gregory I, 590–604 / J. Western // Journal of Ecclesiastical History. – 2015. – Vol. 64/4. – P. 697–714. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022046915001621>.

REFERENCES

1. Gratsianskiy M.V. Akakianskaya skhizma [Acacian Schism]. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 1* [The Orthodox Encyclopedia. Vol. 1]. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2000. 362 p.

2. Gratsianskiy M.V. «Akakianskaya» ili vse zhe «felikianskaya» skhizma? Problema obosnovannosti odnogo istoriograficheskogo klishe [“Acacian” or Rather “Felician” Schism? The Problem of Acceptability of a Historiographic Cliche]. *Vizantiiskii vremennik*, 2016, vol. 100, pp. 44–63.

3. Gratsianskiy M.V. Chetvertyy Vselenskiy sobor i problema pervenstva rimskogo episkopa [The

Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 255–271. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20>.

4. Kuzenkov P.V. Kanonicheskiy status Konstantinopolya i ego interpretatsiya v Vizantii [The Canonical Status of Constantinople and Its Interpretation in Byzantium]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy], 2014, iss. 3 (53), pp. 25–51.

5. Popov I.N., Maksimovich K.A. Ioann IV Postnik, patriarkh Konstantinopolskiy [John IV the Faster, Patriarch of Constantinople]. *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 23* [The Orthodox Encyclopedia. Vol. 23]. Moscow, TsNTs «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2010, pp. 481–483.

6. Uspenskiy F. *Tserkovno-politicheskaya deyatel'nost' papy Grigoriya I Dvoeslova* [Church-Political Activity of Pope Gregory the Great]. Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1901. 254, XIV p.

7. Will C., ed. *Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saec. XI composita extant*. Leipzig, Marburg, N.G. Elwert, 1861. X, 272 p.

8. Aigrain R. San Gregorio Magno. La sua politica italiana. *San Gregorio Magno, gli stati barbarici e la conquista araba (590–757)*. Torino, Editrice S.A.I.E., 1971, pp. 51–101. (Storia della Chiesa dalle origini al nostri giorni, vol. 5).

9. Batiffol P. *Saint Grégoire le Grand*. Paris, Librairie Lecoffre, 1928. 233 p.

10. Baus K. The Papacy Between Byzantium and the German Kingdoms from Hilary (461–468) to Sergius I (687–701). *History of the Church. Vol. 2*. New York, The Seabury Press, 1980, pp. 614–636.

11. Beck H.-G. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1959. xvi, 835 S.

12. Bertolini O. *Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi*. Bologna, Licinio Cappelli, 1941. 886 p.

13. Bertolini O. *Roma e i Longobardi*. Città di Castello, Istituto di studi Romani, 1972. 150 p.

14. Booth Ph. Gregory and the Greek East. Neil B., Dal Santo M., eds. *A Companion to Gregory the Great*. Leiden, Boston, Brill, 2013, pp. 109–131.

15. Bréhier L. Le relazioni fra Roma e Costantinopoli dall'elezione di Gregorio Magno alla caduta di Foca (590–610). Bréhier L., Aigrain R. *San Gregorio Magno, gli stati barbarici e la conquista araba (590–757)*. Torino, Editrice S.A.I.E., 1971,

pp. 103-129. (Storia della Chiesa dalle origini ai nostri giorni; vol. 5).

16. Caspar E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Bd. 2. Tübingen, Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1933. xv, 633 S.

17. Chadwick H. *The Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great*. Oxford, Oxford University Press, 2001. IX, 730 p.

18. Dal Santo M. Gregory the Great, the Empire and the Emperor. Neil B., Dal Santo M., eds. *A Companion to Gregory the Great*. Leiden, Boston, Brill, 2013, pp. 57-81. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004257764_004.

19. Demacopoulos G.E. Gregory the Great and the Sixth-Century Dispute over the Ecumenical Title. *Theological Studies*, 2009, vol. 70, pp. 600-621. DOI: <https://doi.org/10.1177/004056390907000304>.

20. Demacopoulos G.E. *Gregory the Great. Ascetic, Pastor, and First Man of Rome*. Notre Dame, Indiana, University of Notre Dame Press, 2015. viii, 236 p.

21. Dudden F.M. *Gregory the Great. His Place in History and Thought. Vol. 1*. London, Longmans, Green and Co, 1905. xvii, 476 p.

22. Dudden F.M. *Gregory the Great. His Place in History and Thought. Vol. 2*. London, Longmans, Green and Co, 1905. vi, 473 p.

23. Durliat J. Grégoire Ier. Ph. Levillain, ed. *Dictionnaire historique de la papauté*. Paris, Fayard, 1994, pp. 736-740.

24. Durliat J. Sabinien. Levillain Ph., ed. *Dictionnaire historique de la papauté*. Paris, Fayard, 1994, pp. 1495-1496.

25. Dvornik F. *Byzantium and the Roman Primacy*. New York, Fordham University Press, 1966. 176 p.

26. Eich P. *Gregor der Große. Bischof von Rom zwischen Antike und Mittelalter*. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2016. 311 S.

27. Ekonomou A.J. *Byzantine Rome and the Greek Popes. Eastern Influences on Rome and the Papacy from Gregory the Great to Zacharias, A.D. 590-752*. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2007. IX, 347 p.

28. Fischer E.H. Gregor der Große und Byzanz. Ein Beitrag zur Geschichte der päpstlichen Politik. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 1950, Bd. 36/1, S. 15-144.

29. Gelzer H. Der Streit über den Titel des ökumenischen Patriarchen. *Jahrbücher für protestantische Theologie*, 1887, Bd. 13, S. 549-584.

30. Grego I. San Gregorio Magno e i Patriarchi d'Oriente. *Studia Orientalia Christiana*, 1988, vol. 21, pp. 267-293.

31. Haller J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit*. Bd. 1. Stuttgart, Port Verlag, 1950. 560 S.

32. Hartmann L. *Geschichte Italiens im Mittelalter*. Bd. 1. Gotha, Friedrich Andreas Perthes, 1897. ix, 409 S.

33. Jasper D., Fuhrmann H. *Papal Letters in the Early Middle Ages*. Washington DC, The Catholic University of America Press, 2001. xiii, 225 p.

34. Jenal G. Gregor I., der Große. Greschat M., hrsg. *Das Papsttum*. Bd. 1. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, Verlag W. Kohlhammer, 1984, S. 83-99. (Gestalten der Kirchengeschichte; Bd. 11).

35. Kelly J.N.D. *The Oxford Dictionary of Popes*. Oxford, New York, Oxford University Press, 1986. 347 p.

36. Laurent V. Titre de patriarche oecuménique et la signature patriarcale. *Revue des études byzantines*, 1948, T. 6, pp. 5-26.

37. Markus R.A. *Gregory the Great and His World*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. xvi, 241 p.

38. McNally R.E. Gregory the Great (590-604) and His Declining World. *Archivum Historiae Pontificiae*, 1978, vol. 16, pp. 7-26.

39. Müller B. *Führung im Denken und Handeln Gregors des Grossen*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2009. x, 476 S.

40. Neil B. The Papacy in the Age of Gregory the Great. Neil B., Dal Santo M., eds. *A Companion to Gregory the Great*. Leiden, Boston, Brill, 2013, pp. 3-27. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004257764_002.

41. Piccirillo M. Gregorio Magno e le Province orientali di Palestina e Arabia. *Liber Annuus*, 2004, vol. 54, pp. 321-341.

42. Pietri L., Fraise-Coué Ch. Gregor der Große und das wachsende Ansehen des Apostolischen Stuhls. Eine Untersuchung anhand seiner Briefe. L. Pietri, hrsg. *Der lateinische Westen und der byzantinische Osten (431-642)*. Freiburg, Basel, Wien, Herder, 1998, S. 890-961. (Die Geschichte des Christentums. Religion – Politik – Kultur; Bd. 3).

43. Pohl W. Gregorio Magno e il regno dei Longobardi. Azzara C., ed. *Gregorio Magno, l'Impero e i «regna»*. Atti dell'incontro internazionale di studio dell'università degli studi di Salerno. Fisciano, 30 settembre – 1 ottobre 2004. Firenze, SISMEL. Edizioni del Galluzzo, 2008, pp. 15-28.

44. Pollard R.M. A Cooperative Correspondence: The Letters of Gregory the Great. Neil B., Dal Santo M., eds. *A Companion to Gregory the Great*. Leiden, Boston, Brill, 2013, pp. 291-312. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004257764_014.

45. Richards J. *The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages, 476-752*. New York, Routledge, 1979. ix, 434 p.

46. Norberg D., ed. S. *Gregorii Magni Registrum epistularum. Vol. 1*. Turnhout, Brepols, 1982. xii, 513 p. (Corpus Christianorum. Series Latina; vol. 140).

47. Tuilier A. Le sens de l'adjectif «oecuménique» dans la tradition patristique et dans la tradition byzantine. *Nouvelle revue théologique*, 1964, vol. 86/3, pp. 260-271.

48. Tuilier A. Grégoire le Grand et le titre de patriarche œcuménique. *Grégoire le Grand. Actes de colloque à Chantilly (Centre culturel Les Fontaines) 15–17 septembre 1982*. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986, pp. 69-82.

49. Ullmann W. *Short History of the Papacy in the Middle Ages*. London, New York, Routledge, 2003. xvi, 278 p.

50. Vailhé S. Le titre de patriarche oecuménique avant saint Grégoire le Grand. *Échos d'Orient*, 1908, T. 11, no. 69, pp. 65-69.

51. Vailhé S. Saint Grégoire le Grand et le titre de patriarche oecuménique. *Échos d'Orient*, 1908, T. 11, no. 70, pp. 161-171.

52. Western J. The Papal *Apocrisarii* in Constantinople During the Pontificate of Gregory I, 590–604. *Journal of Ecclesiastical History*, 2015, vol. 64/4, pp. 697-714. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022046915001621>.

Information About the Author

Aleksei V. Migalnikov, Junior Researcher, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University, Likhov Lane 6/1, Office 418, 127051 Moscow, Russian Federation, migalnikov1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4119-8872>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Мигальников, младший научный сотрудник Лаборатории исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов пер., 1, стр. 1, 127051 г. Москва, Российская Федерация, migalnikov1990@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4119-8872>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>

UDC 94+281.4+281.71

LBC 63.3(0)4

Submitted: 14.02.2021

Accepted: 10.10.2021

THE TIME OF PATRIARCHS PETER IV AND DAMIAN AS THE NODAL POINT OF THE GENESIS OF THE COPTIC CHURCH: PROBLEMS AND PROPOSED SOLUTIONS

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines a recently put forward hypothesis that the time of the Coptic Church's final genesis was the period of the Alexandrian anti-Chalcedonian Patriarchs Peter IV (576–578) and Damian (578–607). *Methods.* A comparative research method and factor analysis are used. The main research task is to identify all the factors that contributed to the making of full-fledged ecclesiastical structures by the Theodosians (one of the trends of the Egyptian Miaphysites), and a correlation of these factors with each other to single out the main of them. *Analysis.* The successful establishment of the Miaphysites (Theodosian) episcopate resulted from the configuration of objective and subjective factors. Objective factors include the following: the weakening of control by the central authorities over the structures of the Miaphysites after Justinian I (482/483–565), the increasing regionalization of the empire and the strengthening of the role of local elites in the provinces, the growing importance of the Coptic language in secular and clerical office work. Subjective factors include the victory of the Miaphysite Patriarch Peter IV over his rival Theodore and the appearance of Damian as Peter's successor. *Results.* On the whole, the proposed hypothesis quite thoroughly explains the emergence of the Coptic Church during the period. However, it has several disadvantages, which open up a number of prospects for further researches. Firstly, there is almost no explanation for the success of Damian's personnel policy. Secondly, insufficient attention was paid to the Egyptian anti-Chalcedonian monasticism. From the author's point of view, Egyptian Miaphysite monks, suffering from the pressure of the central and local authorities after the Chalcedonian schism, managed to establish an effective network functioned as a "rhizome", on which the episcopate risen during Peter's and Damian's time relied primarily in rebuilding stable ecclesiastical structures in Egypt.

Key words: history of the Byzantine Church, Byzantine Egypt, Coptic Church, Egyptian monasticism, Miaphysitism.

Citation. Voytenko A. A. The Time of Patriarchs Peter IV and Damian As the Nodal Point of the Genesis of the Coptic Church: Problems and Proposed Solutions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 304–317. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>

УДК 94+281.4+281.71

ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 14.02.2021

Дата принятия статьи: 10.10.2021

ПАТРИАРШЕСТВО ПЕТРА IV И ДАМИАНА КАК ВРЕМЯ ГЕНЕЗИСА КОПТСКОЙ ЦЕРКВИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕШЕНИЯ

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется выдвинутая недавно гипотеза, что временем окончательного генезиса Коптской Церкви является время патриархов Петра IV (576–578 гг.) и Дамиана (578–607 гг.)¹. *Методы.* В статье используется сравнительный метод исследования, а также факторный анализ. Основной исследовательской задачей являлось выявление всех факторов, способствовавших успешному созданию пол-

ноценных церковных структур у феодосиан (одного из течений египетских миафизитов), корреляция этих факторов между собой и выделение среди них основных. *Анализ.* Успешному созданию миафизитского (феодосианского) епископата способствовала конфигурация объективных и субъективных факторов. К объективным можно отнести следующие: ослабление контроля со стороны центральной власти за структурами миафизитов после Юстиниана I (482/483–565 гг.), возрастание регионализации империи и усиление роли местных элит в провинциях, усиление роли коптского языка в церковном и светском делопроизводстве. К субъективным факторам можно отнести победу миафизитского патриарха Петра IV над своим конкурентом Феодором и появление Дамиана в качестве преемника Петра. *Результаты.* В целом, предложенная гипотеза достаточно основательно объясняет возникновение Коптской Церкви именно в этот период. Однако она имеет несколько недостатков, открывающих ряд перспектив для дальнейших исследований. Во-первых, почти никак не объясняется успех кадровой политики, которую проводил Дамиан. Во-вторых, недостаточно внимания было уделено египетскому миафизитскому монашеству. Последнее, с точки зрения автора статьи, при очевидных сложностях и давлении центральных властей, сумело после халкидонского раскола создать эффективную сеть, функционировавшую как «ризом», на которую в первую очередь опирался возникший во время Петра и Дамиана епископат при отстраивании устойчивых церковных структур на территории Египта.

Ключевые слова: история византийской Церкви, византийский Египет, Коптская Церковь, египетское монашество, миафизиты.

Цитирование. Войтенко А. А. Патриаршество Петра IV и Дамиана как время генезиса Коптской Церкви: проблемы и предлагаемые решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 304–317. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.22>

Введение. Время окончательной институционализации, вероятно, одной из наиболее многочисленных и влиятельных миафизитских Церквей – Коптской Церкви – остается предметом дискуссий. Ранее предлагалось два возможных решения этого вопроса. Первый, на котором настаивает сама Коптская Церковь, гласит, что она ведет свою историю от проповеди в Александрии апостола Марка и основании им здесь общины христиан. Но на подобную преемственность претендует и Александрийский православный патриархат. Согласиться с этим мнением фактически означает передать пальму первенства одной из ныне существующих Церквей вместо того, чтобы объективно признать «традицию Марка» общей для двух христианских конфессий Египта, впоследствии разошедшихся и христологически и этнически (немногочисленный Александрийский патриархат сейчас состоит, в основном, из этнических греков и православных арабов).

Второе решение предлагает начинать отсчет генезиса двух Церквей с даты Халкидонского собора (451 г.), что, на первый взгляд, представляется довольно логичным. Однако, если такое предположение верно для Александрийского патриархата, после Собора, безусловно, представлявшего собой полноценную церковную структуру, то для египетских не-

халкидонитов² это решение вряд ли можно назвать удачным. Сразу после Собора при очевидном давлении на них византийских властей им не удалось создать полноценной церковной структуры: слабым звеном здесь являлся епископат, долгое время существовавший в «мерцающем» режиме. Мало того, объективные данные, известные нам по источникам, показывают, что за период патриаршества Феодосия, вынужденного пребывать в ссылке при константинопольском дворе, нехалкидонских епископов было явно недостаточно, чтобы институционализировать египетских миафизитов до той степени, которая отличает церковную организацию от «сетевой» альтернативной деноминации. Более чем столетний период после Халкидона можно, таким образом, назвать предысторией миафизитской Церкви Египта, или даже периодом бифуркации, когда окончательного сценария развития ее структуры еще не существовало.

Наконец, совсем недавно был выдвинут ряд аргументов в пользу того, что временем окончательного генезиса нехалкидонской Церкви Египта являлось время патриархов Петра IV (576–578 гг.) и Дамиана (578–607 гг.)³. Именно в это время египетским миафизитам удалось создать полноценную церковную структуру, причем устойчивую до такой степени, что она благополучно прошла период серьез-

ной турбуленции, связанной с арабским завоеванием Египта. Дополнительным основанием в пользу этого решения является предположение, что те особенности исторической памяти, которые во многом характерны для современной религиозной идентичности коптов, складываются именно в этот период. Анализ этих аргументов, их сильным и слабым сторонам, а также рассмотрению альтернативных сценариев развития Коптской Церкви в ранневизантийский период и посвящена данная статья.

Материалы и методы. Основными материалами, анализируемыми в статье, являются работы современных западных ученых, прежде всего, две статьи Ф. Бута [8; 9], в которых было предпринято серьезное исследование большой источниковой базы и выдвинут ряд интересных положений об исключительной важности периода патриархов Петра IV и Дамиана как времени окончательного становления миафизитской церковной структуры в византийском Египте. Очень важным для данной темы является и недавнее исследование Р. Деккер [12; 4], посвященное созданию и особенностям функционирования феодосианской церковной сети в регионе Фив, где в качестве одного из основных инструментов исследования был применен метод анализа социальных сетей (Social Network Analysis=SNA)⁴. Значительным подспорьем в нашей работе оказались выводы наших собственных исследований [1; 3; 19], а также исследования Э. Випшицкой [20; 21]. Там, где это было необходимо, привлекались данные источников, главным образом, гомилетики (например, проповедь Писентия, епископа Коптоса, в день памяти св. Онуфрия, панегирик Стефана, епископа Гераклеопольского, Аполлонию, традиция об Аврааме из Фаршута), а также данные из «Церковной истории» Иоанна Эфесского и др.

Основным методом исследования послужил метод сопоставительного анализа, а также факторный анализ. Факторный анализ сравнительно редко применяется в гуманитарных исследованиях (за исключением, может быть, психологии). Основной его задачей является всестороннее, но в то же время компактное описание объекта исследования, а также выявление скрытых факторов, отвеча-

ющих за наличие корреляций между переменными величинами. В нашем случае основной исследовательской задачей было обнаружение (на разных уровнях) всех факторов, которые могли способствовать созданию устойчивой и конкурентоспособной церковной структуры египетских миафизитов и определение тех, которые могли бы считаться основными. Для реконструкции альтернативного сценария развития церковных структур противников Халкидона применялся метод научного моделирования, заключающийся (в данном случае) в генерировании на базе содержащейся в источниках информации возможного пути их развития при удалении из общей картины одного из основных условий – возможности создания в конце VI в. полноценного миафизитского епископата. Подобный опыт был предпринят в том числе и для того, чтобы более «объемно» представить ту значимость, которую, на наш взгляд, представляло собой миафизитское монашество как фактор, придающий необходимую устойчивость церковным институтам нехалкидонитов (как в идейном, так и в организационном смысле).

Анализ. Точкой отсчета нового периода в истории египетских нехалкидонитов, безусловно, следует считать рукоположение александрийским (феодосианским) патриархом Петром IV 70 (или даже 80) епископов для египетских епархий [9, р. 168; 20, р. 266–267; 21, р. 122–123, 140–141], о чем нам сообщает Иоанн Эфесский (*Io. Ephes. Hist. Eccl.* 3.1.40 – 80 епископов; 3.4.12, 3.4.16 – 70 епископов)⁵. Эта цифра неоднократно подвергалась критике, но большинство историков согласны, что даже если она сильно преувеличена, Петр, безусловно, рукоположил епископов для всех (или почти всех) египетских епархий, создав, таким образом, реальную миафизитскую (феодосианскую)⁶ структуру, параллельную халкидонской [20, р. 267; 9, р. 168–169; ср. 12, р. 80]. Однако перед тем, как начать разговор о причинах успешного формирования иерархической вертикали феодосиан, надо посмотреть на более ранний период истории египетских миафизитов. Следует понять, что происходило в Египте со времени депортации патриарха Феодосия в Константинополь (то есть с 536 по 566 гг.) и до рукоположения в патриархи Петра IV (575 г.).

К сожалению, источники дают достаточно путанную и противоречивую картину этого периода, разобраться в которой не так просто [9, р. 161–168]. Однако если выстроить общую линию, опуская детали, то можно сказать, что этот период характеризовался острой борьбой внутри нехалкидонского лагеря. Феодосианам пришлось конкурировать с юлианитами / гайянитами, к тому же вполне реальной была опасность того, что власть в лагере феодосиан захватят тритеисты, которые с точки зрения Феодосия были явными еретиками. Помимо этого феодосианам предстояло выдержать борьбу внутри себя, поскольку «внешние» конфликты осложнились явлением «контр-патриаршества», когда на Александрийскую кафедру было параллельно избрано два претендента: Феодор и уже упомянутый Петр IV.

Однако этот же период выявил несколько интересных тактических решений. Во-первых, нехалкидониты ищут в ситуации смены верховной власти (в данном случае Юстиниана I на Юстина II) «окно возможностей» для создания полноценной церковной структуры. Мы имеем в виду попытку юлианитов поставить своего патриарха Дорофея, которая закончилась неудачей (новый император, Юстин II, в зародыше присек попытку создания в Египте церковной структуры, параллельной официальной) [9, р. 164–165]. Во-вторых, имела место определенная «поликонверсия», что видно на примере халкидонского патриарха Аполлинария (551–569/570 гг.), возможно, перешедшего в стан халкидонитов из стана феодосиан (что в таком случае ему мешало при благоприятных обстоятельствах перейти обратно?). Наконец, видна попытка разных групп найти некий альянс между собой. Уже упомянутый нами Дорофей в некоторых источниках фигурирует как объединительная фигура гайянитов и феодосиан, а поставление гайянитами епископом некоего Элпия (ок. 565 г.) можно трактовать как попытку найти альянс с официальной Церковью после того, как Юстиниан в конце жизни начал проявлять симпатии к учению о нетленности тела Христа после воплощения и до воскресения, о которых, вероятнее всего, в Египте было известно. Впрочем, Юстиниан эту попытку жестко присек, блокируя всякую возможность созда-

ния параллельной церковной структуры [9, р. 163–164]. С другой стороны, подобные альянсы наталкивались на сопротивление определенных групп (в частности, в стане феодосиан) [9, р. 165–166], что в свою очередь создавало новые расколы и новые потенциальные союзы.

Таким образом, перед нами период максимальной бифуркации, результатом которой часто бывает окончательный выбор пути с последующей его институционализацией. Совершенно ясно, что создание новой феодосианской иерархии – это событие, в основе которого лежит сложная конфигурация объективных и субъективных / случайных факторов. В разряд последних можно отнести победу Петра IV над своим конкурентом Феодором (о предполагаемых причинах его победы [12, р. 8]). Секретарем Петра IV, как известно, был Дамиан, будущий патриарх, роль которого в создании новой конкурентоспособной структуры не менее значима, чем роль Петра в самом факте ее появления. Победа его противника, Феодора, ставила бы под вопрос успешность всего предприятия [12, р. 9].

Но каковы были объективные факторы, способствующие победе нового начинания? Почти все они неплохо разобраны в новейшей историографии [9, р. 180–186; 8, р. 47–56]. Первым можно считать усилившуюся (после смерти Юстиниана) регионализацию Империи и значительное усиление местных провинциальных элит (в частности, земельной аристократии) при Юстине II [8, р. 55]. Совершенно очевидно, что ослабление центральной власти и перехват инициативы на местах создавали благоприятные условия для нарождающейся нехалкидонской иерархии: как показывают документальные источники, феодосианские епископы очень неплохо ладили с местными властями [12, р. 143, 174, 191, 192; 3, с. 154–155].

Вторым фактором можно считать расширение сферы применения коптского языка. При этом надо оставить прошлому теории конца XIX – начала XX в. о выборе языка в качестве маркера «национализма» или этнической идентичности. Выбор языка (коптского или греческого) в Египте поздней Античности – это выбор по принципу функции (напр., личное письмо или документ) и контекста (напр., церковное или светское, официальное или частное), а не по принципу «гре-

ки» против коптов, север против юга, город против хоры, богатые против бедных и т. д. [8, р. 49]. До описываемого периода в интеллектуальной сфере однозначно доминировал греческий: это был язык высокой культуры и литературы, церковного и светского делопроизводства. Коптский был, вероятно, ограничен «регистром» повседневной переписки, а сфера обращения коптских литературных текстов (большинство из которых были переводными) носила ограниченный характер: они функционировали либо внутри монашеских общин, либо в пределах маргинальных сообществ разных уровней (гностики, манихеи). В описываемый период, то есть приблизительно с середины VI в., коптский язык начинает широко проникать в церковное и светское делопроизводство, а также в юриспруденцию [8, р. 49]. Эта тенденция хорошо коррелирует с уже обозначенным нами процессом усиления местных элит. Характерно в этом смысле появление в период Дамиана «новой волны» литературы на коптском языке (в основном, гомилетики). Эта литература является оригинальной и предназначена для церковных нужд стремительно институционализирующейся новой нехалкидонской Церкви. Таким образом, процесс литературного расцвета хорошо вписывается в новую еkklesiологию: новая Церковь в большей степени, чем ранее, начинает ориентироваться на коптский язык, однако не из-за пресловутого «национализма», а, скорее, с тем, чтобы продемонстрировать свою религиозную инаковость по отношению к халкидонитам. Смежным процессом можно считать повышенный интерес к культам местных святых, прежде всего со стороны местной нехалкидонской церковной элиты, которая старалась привить египетским святым «правильную» миафизитскую родословную [1, с. 156–160; ср. 8, р. 51–53; 12, р. 187].

Существовали и политические предпосылки для успешного выполнения нового проекта. В декабре 574 г. Юстин II стал проявлять первые признаки безумия, и императором *de facto* становится бывший *comes excubitorum* (комит дворцовой гвардии) Тиберий. Год спустя имела место интронизация Петра IV как патриарха. Не будет большим преувеличением предположить, что феодоси-

ане, как ранее гайаниты, попытались воспользоваться тем «окном возможностей», которое потенциально могла предоставить им смена власти в Константинополе⁷. И они оказываются успешнее своих конкурентов. Тиберий не только не преследует вновь избранного патриарха, но и, озабоченный борьбой с персами, отвечает Константинопольскому (халкидонскому) патриарху на его просьбу о преследовании миафизитов, что настоящие враги империи – это не собраты-христиане внутри, а варвары вдоль ее границ [9, р. 170]. Эту фразу Иоанн Эфесский атрибутирует Тиберию (*Io. Eph. Eccl. Hist.* 3.1.37), а затем приписывает те же представления императору Маврикию (*Io. Eph. Eccl. Hist.* 3.3.12). Ф. Бут, об этом упоминающий, не придает, на наш взгляд, данным свидетельствам особого значения. Но при всех сложностях интерпретации этих мест⁸, они по сути могут указывать на существенную эволюцию в умах византийской правящей элиты, которая здесь уже максимально близко подошла к смене еkklesiологической модели. Если ранее господствующей идеей было представление «одна Империя – одна Церковь», оправдывающая репрессивные меры по отношению к «еретикам» и нацеленная на унификацию религиозных институтов, пусть и путем сомнительных уний, то новая модель предполагает сосуществование в границах одной Империи разных Церквей. Ф. Бут замечает, что феодосиане смогли *de facto* поломать прежнюю унификационную модель [9, р. 189], но, опираясь на свидетельства Иоанна Эфесского, можно предполагать, что процессы в какой-то степени шли параллельно, и византийская правящая элита (к сожалению, с большим опозданием) двигалась в этом же направлении.

Теперь рассмотрим ряд субъективных факторов, связанных с личностными особенностями Петра IV и Дамиана, а также характерными чертам их церковной политики. Иоанн Эфесский, как известно, высмеивал качество епископов, рукоположенных Петром, указывая, что тот рукополагал и молодых и старых без должной проверки (*Io. Eph. Hist. Eccl.* 3.4.16). Однако это свидетельство очевидным образом необъективно: Иоанн являлся сторонником сирийца Феодора и полагал, что посвящение Петра было неканоничным.

Александрийский нехалкидонский клир, по его мнению, намеренно выбрал престарелого Петра, чтобы иметь возможность самостоятельно принимать решения [9, р. 168–169; 12, р. 8]. К тому же, по мнению Иоанна Эфесского, Петр был втянут в интригу против Павла Антиохийского (*Io. Ephes. Hist. Eccl.* 3.4.12; 3.4.16). Если взвесить все *pro et contra* сведений, сообщаемых Иоанном, то ситуация могла выглядеть следующим образом: Петр IV сделал свою часть предприятия, которая заключалась в том, чтобы заполнить все пустующие «ячейки» создаваемой вертикали, но, безусловно, если брать в расчет быстроту проведенной операции, то качество вновь избранных кадров могло быть очень разным. Совершенно понятно, что наличие епископов, вынужденных существовать полулегально, но, в то же время, не пользующихся авторитетом у паствы, грозило подорвать жизнеспособность всей создаваемой системы.

Для того, чтобы вновь организованная структура приобрела устойчивый характер, необходим был следующий шаг: коррекция кадров. И с этим вопросом блестяще справился патриарх Дамиан, преемник Петра IV. Интересным эпизодом начала патриаршества Дамиана можно считать его полемику с антиохийским (миафизитским) патриархом Петром Каллиником. Помимо чисто богословских аспектов темы, здесь можно разглядеть и церковно-политические мотивы [9, р. 171–172]. По сути, Дамиан пытался позиционировать себя в качестве преемника одновременно и Феодосия и Иакова Барадея. Эта стратегия предполагала главенство одного неформального авторитета во вновь создаваемой системе, и за ней вполне можно разглядеть следование византийской универсалистской (или, скорее, квази-универсалистской) церковной модели, когда несколько самостоятельных патриархатов признают неформальное главенство одного центра силы (в данном случае – Константинопольского патриархата). Попытка Дамиана «сконструировать» Церковь миафизитов по такому же образцу потерпела сокрушительное поражение, после чего развитие нехалкидонских структур пошло по пути создания автономных центров (прежде всего, египетского и сирийского).

А вот в границах своего домена деятельность Дамиана была куда успешнее. По об-

щему мнению, он сумел сильно поднять моральные стандарты и авторитет феодосианского епископата [12, р. 9]. Прямым доказательством этого можно считать тот факт, что пять епископов «гнезда Дамиана» (Иоанн Гермопольский, Руф Гипсельский, Константин Ликопольский, Иоанн Параллос, Писентий из Коптоса) попали в коптские святцы [12, р. 9] – ситуация почти исключительная, учитывая такую «плотность» святых епископов на относительно короткий период времени. Но даже те, кто туда не вошел и о ком мы знаем лучше других (например, Авраам Гермонтский)⁹, вполне могли бы там оказаться.

Однако до сих пор остается невыясненным вопрос, каким образом Дамиану удалось сделать египетскую миафизитскую организацию столь эффективной. В качестве одной из версий называется верная с тактической точки зрения идея Дамиана учредить на юге Египта викариат, что шло вразрез с вековыми традициями египетской Церкви, но на тот момент времени она стала верным управленческим решением [9, р. 180–186]. При этом викариат, судя по всему, был очень «гибким» – право назначать и переназначать викария Дамиан оставил за собой, пресекая, таким образом, возможность концентрации власти на юге в одних руках. Учитывая, что исторически в египетской Церкви отсутствовали митрополии притом, что количество епархий было большим (более сорока), а также значительное географическое удаление юга Египта (а это примерно половина епархий) от Дельты, где находилась резиденция патриарха, такое решение напрашивалось само собой. Однако надо понимать, что не всякий аскет, обладающий хорошими или даже безупречными моральными качествами, может быть хорошим епископом. Но, к сожалению, современные исследователи «эры Дамиана» ограничиваются, в основном, общими замечаниями относительно кадровой политики этого патриарха.

Тем не менее, именно данная проблема является центральной и требует к себе пристального внимания. В свое время мы попытались кратко ответить на этот вопрос [19, р. 276–277]. По нашему мнению, в вопросах кадровой политики Дамиан, меняя часть епископов, назначенных Петром, исходил из тройного принципа: кандидат, безусловно, не дол-

жен был иметь каких-либо претензий в морально-нравственном плане, но при этом должен был обладать определенной финансовой независимостью и несомненным проповедническим талантом. На эти предположения нас натолкнули исследования о Писентии [3; 19], который (помимо того, что до своего епископства был монахом) происходил из достаточно зажиточной семьи, а единственная сохранившаяся его проповедь (в день памяти св. Онуфрия) говорит о нем как о талантливейшем проповеднике. Здесь мы имеем прекрасный образец дидактической проповеди, нацеленной на исправление нравов своей паствы. Писентий очень умело использует день памяти св. Онуфрия как повод поговорить совсем о других проблемах: понимая, что рассказывать мирянам о подвигах аскета – зря терять время, он максимально деперсонализирует святого и, используя его популярность, выстраивает целую «иерархию» уподоблений ему для разных сегментов своей паствы (молодежь, семья, чиновники и т. д.), указывая основные грехи и добродетели, свойственные каждой социальной группе.

В качестве другого примера можно привести «Панегирик Аполлону»¹⁰ – проповедь Стефана (впоследствии епископа Гераклеополя), посвященная игумену монастыря Исаака. Она нацелена на совершенно иную аудиторию – монахов-нехалкидонитов. Проповедь, на наш взгляд, менее выстроена и, в отличие от прозрачного и риторически выверенного стиля Писентия, более неуклюжа, и по стилю напоминает «вязкий» язык второй софистики. Тем не менее она сочетает в себе элементы панегирика, монашеской дидактики и вероучительного «катехизиса». Стефан прославляет аскетические подвиги Аполлона и обильно цитирует его изречения в качестве наставлений, обучающих монахов правильным моделям поведения (*Steph. Heracl. Pan. Apol.* 13, 14, 19). Одновременно с этим он артикулирует правильную, с его точки зрения, христологию на фоне «заблуждений» халкидонитов (используя при этом распространенные миафизитские клише о том, что халкидониты раздваивают Христа и четверят Троицу) (*Steph. Heracl. Pan. Apol.* 9).

Как видно из двух приведенных примеров, гомилетика «периода Дамиана» демон-

стрирует достаточно продуманные стратегии, нацеленные на серьезную работу внутри нехалкидонской общины Египта: ее сплочение вокруг наиболее авторитетных святых, исправление ее нравов, маркирование по необходимости (как мы это видим в проповеди Стефана) идеологических различий с оппонентами по координатам «свой» – «чужой». В любом случае, назвать вышеупомянутые нами произведения формальными или абстрактными было бы весьма несправедливо. К сожалению, под этим углом зрения гомилетика «периода Дамиана» остается, насколько нам известно, практически неисследованной.

Другой характерной тенденцией является подъем почитания местных святых. Причем, если посмотреть агиографические и гомилетические источники, этот подъем выглядит вполне «проектно». Мы уже писали применительно к почитанию св. Антония, что интерес к святому вызван желанием сделать его одним из символов нехалкидонской идентичности египтян [1, с. 156–160]. Очень характерен в этом смысле приводимый в миафизитской монашеской агиографии ряд святых, которые посещают главного героя перед его кончиной: здесь вполне можно увидеть попытку выстроить «правильную» траекторию преемственности от свт. Афанасия Великого до св. Севира Антиохийского [1, с. 158–159].

Нам уже приходилось писать, что Писентий проводит активную социальную работу [3, с. 144]: имея в своем распоряжении некий фонд из пожертвований, он адресно распределяет средства (сам или через доверенных лиц) среди нуждающихся. Мы в нашем анализе опирались, в основном, на данные агиографии, которая, как известно, является весьма специфичным источником. Однако недавнее исследование Р. Деккер показало, что подобная практика не является выдумкой агиографов: благодаря сохранившемуся архиву Авраама, епископа Гермонтиса, мы знаем, что он обладал подобным фондом и, также как его коллеги, адресно распределял эти средства (не в последнюю очередь это было связано с тем, что условием существования монастыря в Дейр эль-Бахари со стороны властей Джеме была организация там социальной работы) [12, р. 51, 87–88, 194, 284].

Результаты грамотной кадровой политики Дамиана, видимо, превзошли все ожидания: мы уже упоминали о том, что пятеро рукоположенных им епископов оказались в коптских святцах (случай почти уникальный). Современные исследования агиографической традиции о Писентии предполагают, что первая версия его Жития (Энкомия) была составлена вскоре после его кончины (632 г.), то есть приблизительно к середине VII в. [12, р. 98]. Таким образом, вопрос о том, почему Дамиану удалось провести в жизнь столь успешную кадровую политику и какими критериями он руководствовался при отборе кандидатов, остается сферой гипотез и требует более углубленного изучения как оставшихся (увы, весьма немногочисленных) биографических данных о епископах его времени, так и «направленного» анализа сохранившихся гомилетических источников.

Другим слабым местом рассуждений современных исследователей (в первую очередь, Ф. Бута) является то значение, какое они придают епископату. Фактически для них он и есть Церковь, тогда как предполагаемая субъектность других групп внутри Церкви (священники, миряне, монахи и т. д.) ими почти не учитывается. Именно эта зависимость толкает Ф. Бута на заключения о том, что кризис нехалкидонского епископата во время Юстиниана (одни епископы ушли в мир иной, другие были депортированы из Египта, третьи перешли в стан халкидонитов) чуть не погубил миафизитскую Церковь. Он, конечно, отдает дань монахам-нехалкидонитам как реальной силе, но, на наш взгляд, уделяет данному фактору недостаточно внимания.

Большим подспорьем для понимания роли нехалкидонского монашества в генезисе Коптской Церкви может служить недавняя работа Р. Деккер по изучению фиванской церковной сети [12; ср. 4]. Благодаря тому, что Деккер применила к значительному (по меркам поздней Античности) массиву документальных источников (острака, папирусы) современную методику исследования социальных сетей (SNA), основные ее выводы могут рассматриваться как вполне объективные. Приведем те из них, которые напрямую касаются нашей темы. Фактически, результаты ее исследований предполагают, что при

формировании своих социальных сетей фиванские епископы (Писентий и Авраам) опирались на монашескую сеть, в определенной степени ее центрируя. Мало того, значительный сегмент личных сетей (ego-networks) обоих епископов занимали монахи (77,8 % из 18 узлов в личной сети Авраама (не считая монахов-клириков), 72,7 % из 16 узлов у Писентия) [12, р. 173, 233], а местный подвижник Елифаний, пользовавшийся очень высоким авторитетом¹¹, являлся, по сути, центральной фигурой фиванской церковной сети. Крайне интересен и вывод Деккер о том, что ок. 600–630 гг. Авраам и Писентий оказались вовлечены в региональную феодосианскую сеть, которая сосредоточилась в восьми монашеских общинах, большинство из которых находились в Западных Фивах в епархии Гермонтиса. При поддержке этой сети Авраам и Писентий смогли организовать свои личные социальные сети (ego-networks) и установить свою власть [12, р. 277]. По сути, речь идет о том, что феодосианские епископы, рукоположенные Дамианом, заново отстроили свои епархии, опираясь, прежде всего, на уже существовавшую в регионах монашескую сеть и центрировав ее на себя.

Еще одну группу данных по этой теме предоставляет нарративная традиция об Аврааме из Фаршута, бывшем настоятеле центрального пахомианского монастыря Пбоу времени Юстиниана. Нарратив об Аврааме, сохранившийся фрагментарно, был подробно исследован Дж. Гёрингом, который, насколько это возможно, восстановил весь ход событий [13; 15]. Вполне вероятно, что практически сразу после Халкидона монахи Пбоу приняли позицию его противников. Однако по каким-то причинам Юстиниан решил сделать этот монастырь халкидонским (возможно, как опору своей политики на юге Египта) [15, р. 60, 66; 13, р. 249]. Когда переговоры с Авраамом успехом не увенчались, в монастырь был послан вооруженный отряд, сместивший Авраама и поставивший нового, халкидонского игумена. В результате ушедший из монастыря Авраам основывает новые монастыри (мужской и женский) возле своего родного селения Фаршут (судя по данным источников – довольно успешные), а ставший халкидонским монастырь Пбоу к концу VI в. приходит в пол-

ный упадок [15, р. 62]. Таким образом, единственная известная нам попытка халкидонских властей вмешаться в религиозную жизнь монастырей на юге Египта терпит полное поражение.

Одно из наиболее интересных мест всего нарратива – эпизод, когда после диспута в монастыре с чиновником-халкидонитом Авраам велит вымыть водой комнату, где происходил диспут, чтобы очистить ее от халкидонской «заразы» (эпизод оформлен как донос императору от халкидонской группы монастыря Пбоу [15, р. 110–111]). Дж. Гёринг ищет основания для этого «жеста» в особенностях ментальности египетских монахов [14], но для нашей темы важнее обозначить указанную в тексте степень неприятия Халкидона со стороны некоторых монашеских групп, которая ясно там видна при всех литературных особенностях данного рассказа.

Еще одним существенным моментом является тот факт, что крупные монашеские центры юга Египта, такие как Баут, монастыри Шенуте и (до определенного момента) центры пахомианской «конгрегации», заняли антихалкидонскую позицию. Учитывая размеры этих монастырей, можно с большой долей уверенности утверждать, что они стали центрами притяжения местных жителей в тех номах, где были расположены, также как, возможно, и для населения соседних с ними областей. Сохранившийся документальный материал из Баута это вполне подтверждает [2, с. 952–953].

Таким образом, можно предполагать, что помимо феодосианского епископата той силой, которая структурировала генезис новой, нехалкидонской Церкви, являлась значительная часть египетского монашества. Феодосианские епископы были очень тесно связаны с ней и, безусловно, в своей политике в первую очередь на нее опирались. Мы вправе задаться вопросом: а что было бы, если бы проект Петра IV и Дамиана не случился или потерпел бы провал? Все вышеизложенное подводит нас к выводу о том, что до появления феодосианской иерархии нехалкидонские «диссиденты» Египта уже располагали своей сетевой структурой. Однако она имела несколько иную конфигурацию. Это была «ризома»¹², наиболее значимыми сегментами / центрами кото-

рой были монастырские общины (прежде всего, на юге Египта). Они, безусловно, постепенно аккумулировали вокруг себя местных жителей, поддерживая «мерцающие» связи друг с другом. Обрыв таких связей не приводил к исчезновению сети, поскольку общины могли существовать вполне автономно, имея определенный потенциал для восстановления этих связей в будущем.

Как функционировала эта «ризома» наглядно видно не только по документальным источникам из фивейской области, хорошо исследованным Р. Деккер, но и из нарративных источников VI–VII вв. Ограничимся несколькими примерами. После изгнания из Пбоу Авраам остановился в монастыре Шенуте, где скопировал правила шенутианской киновии и отослал их в монастырь Моисея в Абидосе. После этого он пришел в район своего родного селения Фаршут, где основал два монастыря (мужской и женский) [15, р. 38]. В это же время другой монах, апа Аполлон, также покинул Пбоу и переселился в монастырь Исаака, находившийся в районе Гераклеополя. Впоследствии он стал игуменом этого монастыря, значительно его расширил и ввел там «традицию Пахомия и Шенуте», вероятно, речь идет о переходе на общежительный устав (*Steph. Heracl. Pan. Apol. 11, 14, 19*). Монах монастыря Исаака, составивший панегирик Аполлону, впоследствии стал епископом Гераклеополя (копт. Хнес) [6, р. 1]. Манассия, родственник Авраама, также ушел из пахомианской «конгрегации» и основал свой монастырь возле деревни Перпе, к югу от Фаршута. Энкомий в его честь произнес епископ Диосполя Парва [10]. Таким образом, мы видим широкий по географическому охвату – от Гераклеополя (совр. Ихнася эль-Мадина) до Диосполя Парва (совр. Хив) – круг контактов монахов-нехалкидонитов, тесно связанных с феодосианским епископатом. При этом выпавшие из этой «ризомы» ячейки (монастырь Пбоу, а, возможно, и другие пахомианские монастыри юга Египта) решительным образом удаляются из их исторической памяти. Дж. Гёринг заметил, что возрастание роли Шенуте как одного из отцов-основателей киновии происходило именно в VI в. [15, р. 64] – таким образом, шенутианские монастыри в исторической традиции нехалкидонских мона-

хов замещали выпавший оттуда в VI в. Пбоу (а, возможно, и другие пахомианские центры). И, наконец, еще одна интересная особенность, касающаяся общего для этой «ризомы» «исторического» нарратива: события конфликта Авраама с Юстинианом отражены не только в панегириках, посвященных непосредственно ему, но и в панегириках, посвященных Аполлону и Манассии [15, р. 111–119, 125–126]. Во всех этих произведениях, составленных, безусловно, в VI – нач. VII вв., ясно видна та тенденция, которую Ф. Бут назвал «кривой линзой» (*distorting lens*) [8, р. 57], а Дж. Гёринг «тотализирующим нехалкидонским дискурсом» (*a totalizing non-Chalcedonian discourse*) [15, р. 51, 66; ср. р. 37, 43]. Ее характерной особенностью, помимо прочего, является очевидная демонизация Юстиниана [15, р. 43, 54–55].

Другой пример связан с более поздними событиями – попытками императора Ираклия через своего ставленника Кира навязать египетским нехалкидонитам монофелитскую унию. Мы имеем в виду агиографический нарратив, посвященный апе Самуилу из Каламуна, хорошо исследованный А. Алькоком. Отказавшись признать унию и подвергшись за это истязаниям, Самуил бежал из Скита в Фаюм, где основал монашескую общину. Но там он тоже долго не задержался в связи с тем, что фаюмский епископ Виктор перешел на сторону Кира (аль-Мукаукиса). Самуил опять подвергся репрессиям, и только местные чиновники спасли его от окончательной расправы. После этого он бежал в пустыню на юго-западе Фаюма, где в местечке Каламун основал новый монастырь, который довольно скоро стал серьезным религиозным центром в округе¹³. Монастырь, вынужденный существовать как автономная единица, лишенная государственных дотаций, материально поддерживался частью миафизитского епископата и местными элитами: в источниках в качестве донаторов упоминаются епископ Койса Григорий и родственник Самуила, занимавший должность епарха Пелипа, города на северо-западе Дельты [7]. На данном примере наглядно можно видеть, как изначально автономная ячейка «ризомы» встраивалась в систему связей епископата и местных элит.

В заключение следует указать, что наиболее близкой исторической аналогией египетской монашеской «ризомы» является, на наш взгляд, старообрядческое беспоповство, сумевшее, несмотря на определенную дезинтеграцию (толки), создать структуры, способные сохранять и транслировать свою традицию, проявляя при этом исключительное упорство в сохранении собственной религиозной идентичности.

Результаты. Исследования западных ученых последних лет показывают, что выдвинутое предположение о генезисе Коптской Церкви в период патриаршества Петра IV и Дамиана вполне убедительно. Оно, на наш взгляд, является более аргументированным, чем те две версии, которых было принято придерживаться до этого (см. Введение). Однако эти же исследования демонстрируют ряд существенных изъянов. Во-первых, почти неизученным остается вопрос о причинах столь успешной кадровой политики Дамиана. Во-вторых, со счетов (в том числе и для периода, который можно назвать предысторией) сбрасывается столь важный фактор как монашеские общины Египта, не принявшие Халкидон. Исходя из имеющихся на сегодняшний момент данных, можно предполагать, что именно монахи создают изначальные структурные единицы, на которые позже опирается феодосианская иерархия в процессе окончательного генезиса Коптской Церкви. Пришедшие во время Петра IV и Дамиана епископы переводят эту монашескую сеть из состояния «ризомы» на более централизованный уровень. Если бы проект Петра IV и Дамиана потерпел провал, то вполне можно было бы ожидать, что развитие структуры египетских миафизитов шло бы по модели, близкой к русским беспоповцам, имея (в отличие от последних) шанс при стечении благоприятных обстоятельств когда-нибудь в будущем получить епископат и стать полноценной церковной структурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основу статьи лег текст нашего доклада, сделанного на «Ломоносовских чтениях» в ИСАА МГУ (секция «Религиоведение», подсекция «Христианский Восток») 28 октября 2020 года.

² В статье мы старались использовать нейтральные термины, то есть халкидониты и нехалкидониты (миафизиты), поскольку как восточные халкидонские, так и нехалкидонские (миафизитские) Церкви используют в своей официальной титулатуре термин «православная», ср. англоязычные официальные названия: Russian Orthodox Church, Coptic Orthodox Church. Поскольку в русскоязычной традиции определение «православные» уже давно закрепилось за восточными халкидонскими Церквями, то во избежании путаницы в статье мы используем словосочетание «Коптская Церковь», избегая прибавления к нему определения «православная».

³ Петр IV – 34-й патриарх престола св. Марка согласно официальной титулатуре Коптской Церкви. О нем известно, что он был диаконом в доме патриарха Феодосия во время насильственного удерживания последнего в Константинополе (или около него). Затем он стал священником в Александрии, а после – монахом в монастыре Энатон. Петр был кандидатом на патриаршество от александрийского клира, который был недоволен рукоположением «альтернативного» патриарха – Феодора. Дамиан – 35-ый патриарх престола св. Марка. Был эллинизированным сирийцем. В частности известно, что его отец и брат были чиновниками в Эдессе. Подвизался сначала в Скиту. Затем, став диаконом и секретарем патриарха, поселился в монастыре Энатон, который тот выбрал в качестве своей резиденции. В период своего патриаршества проявил себя как прекрасный организатор, а также богослов и полемист. В частности, ему удалось окончательно ликвидировать остатки сект мелетиан и акефалов.

⁴ О корректности и эффективности использования метода SNA для анализа эпистографических источников периода Античности и Средних веков см. [12, р. 16–19], конкретный пошаговый алгоритм работы с применением компьютерных программ описан там же [12, р. 23–26, 30–43]. См. также [4, с. 406].

⁵ Как известно, «Церковная история» Иоанна Эфесского была написана в трех частях. Из всех трех частей сохранились лишь незначительные фрагменты второй и значительные – третьей, которая нас и интересует. Сохранившийся текст третьей части был издан Э. Бруксом [16]. При цитировании источника первая цифра означает часть, вторая – книгу, третья – главу. При исследовании мы ориентировались на латинский перевод Брукса [16, vol. 2] и английский перевод, опубликованный в интернете [17].

⁶ Термин «феодосианский», применительно к епископату, созданному Петром IV и Дамианом, условен. Иногда применительно к нему используется термин «севирианский» [8; 9]. Суть в том, что

этот епископат придерживался богословских взглядов Севира и Феодосия, а не их оппонентов из миафизитского лагеря (Юлиана, Гайяна или тритеистов).

⁷ Причем обе феодосианские партии: предположительно, рукоположение Феодора состоялось в один год с рукоположением Петра (575 г.) с разницей в несколько месяцев [9, р. 167, note 82].

⁸ В обоих эпизодах на вопрос императора, являются ли нехалкидониты еретиками, Константинопольский патриарх отвечает отрицательно, что создает определенные сложности при интерпретации этих мест. Следует также учесть, что в сирийском тексте [16, t. 1, р. 47] стоит греческое заимствование (то есть именно еретики), не оставляющее сомнений, что имелось в виду. Высказывалось мнение, что такое отношение было связано с общей позицией миафизитов (точнее – «диакриноменов»), проводивших различие между учением папы Льва, которое они отвергали, и учением св. Кирилла Александрийского, которого они придерживались, тогда как Халкидонский собор объявил, что оба эти учения находятся в полном согласии друг с другом: см. [17, Book 3].

⁹ О морально-нравственных качествах Авраама говорит его сохранившийся архив, исследованный в диссертации М. Краузе [18] и монографии Р. Деккер [12].

¹⁰ На сегодняшний момент есть два издания Панегирика: К. Куна [5] и размещенная на сайте academia.edu публикация А. Алькока [6], где внесены некоторые исправления в коптский текст, изданный Куном, и предложен новый комментированный английский перевод. Ссылки оформляются на параграфы текста, идентичные у Куна и Алькока.

¹¹ Фактически он являлся holy man – в том значении, какое придает этому термину П. Браун.

¹² Термин «ризом» (то есть «корневище») широко используется в философии постмодернизма для обозначения явления с принципиально нелинейным способом организации целостности. Еще одним синонимом слова «ризом» может быть слово «грибница». Данный термин используется нами для обозначения определенного характера (конфигурации) сетевой социальной структуры, которая носит горизонтальный характер и состоит из центров, способных функционировать в автономном режиме, но поддерживающих пульсирующие («мерцающие») связи друг с другом, которые могут усиливаться или ослабляться.

¹³ К сожалению, археологических раскопок Каламуна не проводилось. В XIX в. монахи, восстанавливавшие монастырь, снесли значительную часть древних построек. Однако из описаний средневековых арабских авторов (Абу аль-Макарим, аль-Макризи), европейских путешественников Нового времени (Иоанн Георг, Дж. Б. Бельцони) и бла-

годаря сохранившимся руинам можно сделать вывод, что монастырь был значительным религиозным центром в VII в. и позднее [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтенко, А. А. Культ св. Антония Великого в Византийском Египте / А. А. Войтенко // Византийский временник. – 2013. – Т. 72, № 97. – С. 147–165.
2. Войтенко, А. А. Культ св. Аполлона и Фиба в позднеантичном Египте / А. А. Войтенко // Вестник древней истории. – 2019. – Т. 79, № 4. – С. 938–957.
3. Войтенко, А. А. Пастырь и его паства: проповедь епископа Писентия из Коптоса в день памяти Онуфрия Великого / А. А. Войтенко // Диалог со временем. – 2015. – № 53. – С. 139–158.
4. Войтенко, А. А. Рецензия на кн. : Dekker R. Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work. Leuven: Peeters, 2018. xvi, 350 p. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 264). ISBN 978–9–0429–3560–0 / А. А. Войтенко // Византийский временник. – 2020. – Т. 104. – С. 404–410.
5. A Panegyric on Apollo, Archimandrite of the Monastery of Isaac, by Stephen, Bishop of Heracleopolis Magna. In 2 vols. Vol. 1. Text / ed. by K. H. Kuhn / Louvain : Secrétariat du CorpusSCO, 1978. – 63 p. – (Corpus scriptorum Christianorum orientaliū. Scriptores Coptici ; T. 39); Vol. 2. Versio. – 41 p. – (Corpus scriptorum Christianorum orientaliū. Scriptores Coptici ; T. 40).
6. Alcock, A. Panegyric on Apollo by Stephen Bishop of Hnês / A. Alcock. – 58 p. – Electronic. text data. – Mode of access: https://www.academia.edu/37792409/Panegyric_on_Apollo (date of access: 19.12.2020). – Title from screen.
7. Alcock, A. Samu'il of Qalamun, Saint / A. Alcock ; ed. by A. S. Atiya // Coptic Encyclopedia. – New York : Macmillan, 2002. – Vol. 7. – P. 2092a–2093b.
8. Booth, Ph. A Circle of Egyptian Bishops at the End of Roman Rule. Texts and Contexts / Ph. Booth // Le Muséon. – 2018. – Т. 131, nr. 1–2. – P. 21–72.
9. Booth, Ph. Towards the Coptic Church: The Making of the Severian Episcopate / Ph. Booth // Millenium. – 2017. – Vol. 14, no. 1. – P. 151–190.
10. Coquin, R.-G. Manasseh, Saint / R.-G. Coquin ; ed. by A. S. Atiya // Coptic Encyclopedia. – New York : Macmillan, 2002. – Vol. 5. – P. 1518b.
11. Coquin, R.-G. Dayr Anba Samu'il of Qalamun / R.-G. Coquin, M. Martin, P. Grossmann ; ed. by A. S. Atiya // Coptic Encyclopedia. – New York : Macmillan, 2002. – Vol. 3. – P. 758a–760b.
12. Dekker, R. Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work / R. Dekker. – Leuven : Peeters, 2018. – xvi, 350 p.

13. Goehring, J. E. Chalcedonian Power Politics and the Demise of Pachomian Monasticism / J. E. Goehring // Goehring, J. E. Ascetics, Society, and the Desert. Studies in Early Egyptian Monasticism / J. E. Goehring. – Harrisburg, PA : Trinity Press International, 1999. – P. 241–261.

14. Goehring, J. E. Keeping the Monastery Clean. A Cleansing Episode from an Excerpt on Abraham of Farshut and Shenoute's Discourse on Purity / J. E. Goehring // The World of Early Egyptian Christianity Language, Literature, and Social Context. Essays in Honor of David W. Johnson / ed. by J. E. Goehring, J. A. Timbie. – Washington, D.C. : Catholic Univ. of America Press, 2007. – P. 158–175.

15. Goehring, J. E. Politics, Monasticism, and Miracles in Sixth Century Upper Egypt. A Critical Edition and Translation of the Coptic Texts on Abraham of Farshut / J. E. Goehring. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2012. – 160 p.

16. Ioannes Ephesus. Historia ecclesiastica pars tertia. In 2 vols. Vol. 1 / ed. E. W. Brooks. – Louvain : Secretariat du CorpusSCO, 1935. – 344 p. – (Corpus scriptorum Christianorum orientaliū. Scriptores Syri ; T. 54); Vol. 2. Versio. – Louvain : Secrétariat du CorpusSCO, 1936. – 263 p. – (Corpus scriptorum Christianorum orientaliū. Scriptores Syri ; T. 55).

17. John of Ephesus. Ecclesiastical History, Third Part. – Electronic. text data. – Mode of access: https://www.tertullian.org/fathers/index.htm#John_of_Ephesus (date of access: 15.12.2020). – Title from screen.

18. Krause, M. Apa Abraham von Hermonthis. Ein oberägyptischer Bischof um 600. PhD-Dissertation. 2 Bd. Bd. 1. – Berlin, 1956. – V, 137 S.; Bd. 2. – 392 S.

19. Voytenko, A. Le saint comme une "syntaxe". L'homélie de Pesynthios, évêque de Coptos, en l'honneur de Saint Onuphre le Grand / A. Voytenko ; éd. par A. Boud'hors [et al.] // Études coptes XVI. Dix-huitième journée d'études (Bruxelles, 22–24 juin 2017). – Paris : Éditions de Boccard, 2020. – P. 263–280.

20. Wipszycka, E. Les élections épiscopales en Égypte aux VIe–VIIe siècles / E. Wipszycka ; ed. by J. Leemans [et al.] // Episcopal Elections in Late Antiquity. – Berlin : de Gruyter, 2011. – P. 259–291.

21. Wipszycka, E. The Alexandrian Church. People and Institutions / E. Wipszycka. – Warsaw : University of Warsaw, 2015. – 485 p.

REFERENCES

1. Voytenko A. A. Kult sv. Antoniia Velikogo v Vizantiyskom Egipte [The Cult of St. Anthony the Great in Byzantine Egypt]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2013, vol. 72, no. 97, pp. 147–165.
2. Voytenko A. A. Kult sv. Apollona i Fiba v pozdneantichnom Egipte [The Cult of St. Apollo and Phib in Late Antique Egypt]. *Vestnik drevney istorii*

[Journal of Ancient History], 2019, vol. 79, no. 4, pp. 938-957.

3. Voytenko A.A. Pastyr i ego pastva: propoved episkopa Pisentiya iz Koptosa v den pamyati Onufriya Velikogo [Shepherd and His Flock: The Sermon of Bishop Pysentius of Coptos on the Day of the Memory of Onnophrius the Great]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2015, no. 53, pp. 139-158.

4. Voytenko A.A. Retsenziya na kn.: Dekker R. Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work [Book Review. Dekker R. Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work]. Leuven, Peeters, 2018. xvi, 350 p. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 264). *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2020, vol. 104, pp. 404-410.

5. Kuhn K.N., ed. *A Panegyric on Apollo Archimandrite of the Monastery of Isaac by Stephen Bishop of Heracleopolis Magna. In 2 Vols.* Louvain, Secrétariat du CorpusSCO, 1978. Vol. 1. Text. 63 p. (Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Scriptores Coptici; t. 39); Vol. 2. Versio. 41 p. (Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Scriptores Coptici; t. 40).

6. Alcock A. *Panegyric on Apollo by Stephen Bishop of Hnēs*. 58 p. URL: https://www.academia.edu/37792409/Panegyric_on_Apollo (accessed 19 December 2020).

7. Alcock A. Samu'il of Qalamun, Saint. Atiya A.S., ed. *Coptic Encyclopedia*. New York, Macmillan, 2002, vol. 7, pp. 2092a-2093b.

8. Booth Ph. A Circle of Egyptian Bishops at the End of Roman Rule. Texts and Contexts. *Le Muséon*, 2018, T. 131, nr. 1-2, pp. 21-72.

9. Booth Ph. Towards the Coptic Church: The Making of the Severian Episcopate. *Millenium*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 151-190.

10. Coquin R.-G. Manasseh, Saint. *Coptic Encyclopedia*. New York, Macmillan, 2002, vol. 5, p. 1518b.

11. Coquin R.-G., Martin M., Grossmann P. Dayr Anba Samu'il of Qalamun. *Coptic Encyclopedia*. New York, Macmillan, 2002, vol. 3, pp. 758a-760b.

12. Dekker R. *Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work*. Leuven, Peeters, 2018. xvi, 350 p.

13. Goehring J.E. Chalcedonian Power Politics and the Demise of Pachomian Monasticism. Goehring J.E. *Ascetics, Society, and the Desert. Studies in Early Egyptian Monasticism*. Harrisburg, PA, Trinity Press International, 1999, pp. 241-261.

14. Goehring J.E. Keeping the Monastery Clean. A Cleansing Episode from an Excerpt on Abraham of Farshut and Shenoute's Discourse on Purity. Goehring J.E., Timbie J.A., eds. *The World of Early Egyptian Christianity Language, Literature, and Social Context. Essays in Honor of David W. Johnson*. Washington, D.C., Catholic Univ. of America Press, 2007, pp. 158-175.

15. Goehring J.E. Politics, Monasticism, and Miracles in Sixth Century Upper Egypt. A Critical Edition and Translation of the Coptic Texts on Abraham of Farshut. Tübingen, Mohr Siebeck, 2012. 160 p.

16. Brooks E.W., ed. *Ioannes Ephesus. Historia ecclesiastica pars tertia. In 2 Vols.* Louvain, Secretariat du CorpusSCO, 1935. Vol. 1. Text. 344 p. (Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Scriptores Syri; t. 54); Vol. 2. Versio. Louvain, Secrétariat du CorpusSCO, 1936. 263 p. (Corpus scriptorum Christianorum orientalium. Scriptores Syri; t. 55).

17. *John of Ephesus. Ecclesiastical History, Third Part*. URL: https://www.tertullian.org/fathers/index.htm#John_of_Ephesus (accessed 15 December 2020).

18. Krause M. *Apa Abraham von Hermonthis. Ein oberägyptischer Bischof um 600. PhD-Dissertation. 2 Bd.* Berlin, Humboldt University, 1956. Bd. 1. V, 137 S.; Bd. 2. 392 S.

19. Voytenko A. Le saint comme une "syntaxe". L'homélie de Pesynthios, évêque de Coptos, en l'honneur de Saint Onuphre le Grand. Boud'hors A. et al., eds. *Études coptes XVI. Dix-huitième journée d'études (Bruxelles, 22-24 juin 2017)*. Paris, Éditions de Boccard, 2020, pp. 263-280.

20. Wipszycka E. Les élections épiscopales en Égypte aux VIe-VIIe siècles. *Episcopal Elections in Late Antiquity*. Berlin, de Gruyter, 2011, pp. 259-291.

21. Wipszycka E. *The Alexandrian Church. People and Institutions*. Warsaw, University of Warsaw, 2015. 485 p.

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, cesras@cesras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-9909>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.23>

UDC 94+23/28

LBC 63.3(0)4

Submitted: 13.05.2021

Accepted: 21.06.2021

THE CONCEPT OF “MIRACLE IN A FIERY FURNACE” IN BYZANTIUM AND ITS LATER REMINISCENCES

Alexandr A. Romensky

State Museum-Preserve “Tauric Chersonesos”, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article discusses the motive of a “miracle in a fiery furnace”, based on the story of the Three Holy Children in the Book of Daniel. *Methods.* The study provides a comparative analysis of the Biblical topos about the trial by fire in Byzantine, Western European and Eastern sources. A semiotic approach of textual study is used. *Analysis.* In Byzantine hagiography and hymnography, the plot of the “Three Holy Children” was interpreted as a prototype of the Incarnation, so, the sacred situation was reproduced in new historical conditions. In the Lives of Bishops of Cherson, the plot about miracle in the furnace is used for construction the local sacred history. Similar motives are found in the narratives about the baptism of Rus, such as Vita Basilii (the fifth book of Theophanes Continuatus), Vita beati Romualdi by Petrus Damiani, Historia de predicatione episcopi Brunonis. In narrative about conversion of Özbeg Khan to Islam, literary plot was connected with shamanistic representations about the holy fire. *Results.* The Biblical topos of the “fiery furnace” underwent a semantic transformation within the framework of various discourses. It was used in Byzantine texts for constructing the Christian Identity, while was enhanced by Turkic mythology in Muslim tradition.

Key words: Book of Daniel, Three Holy Children in the Fiery Furnace, Byzantine Hagiography, Byzantine Hymnography, the Baptism of Rus, the Conversion of Özbeg to Islam.

Citation. Romensky A.A. The Concept of “Miracle in a Fiery Furnace” in Byzantium and Its Later Reminiscences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 318-330. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.23>

УДК 94+23/28

ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 13.05.2021

Дата принятия статьи: 21.06.2021

КОНЦЕПТ «ЧУДА В ОГНЕННОЙ ПЕЧИ» В ВИЗАНТИИ И ЕГО ПОЗДНЕЙШИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Александр Александрович Роменский

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается библейский тоpos «чуда трех отроков в огненной печи» и его позднейшая трансформация в византийской, западной и восточной традициях. Сюжет о «вавилонских отроках» из Книги пророка Даниила истолковывался в византийской агиографии и гимнографии как прообраз Боговоплощения, с его помощью сакральная ситуация воспроизводилась в новых исторических условиях. Нарратив о чудесном испытании огнем в «Житиях епископов Херсонских» способствовал формированию локальной христианской идентичности в Таврике. Мотив вхождения в огненную печь в византийских и латиноязычных текстах о крещении Руси использовался для конструирования истории христианизации Восточной Европы. Сходная фабула повествования об обращении Узбека в ислам испытала влияние не только литературных стереотипов, но и тенгрианских мифологических представлений.

Ключевые слова: Книга пророка Даниила, «три отрока в печи огненной», византийская агиография, византийская гимнография, крещение Руси, обращение Узбека в ислам.

Цитирование. Роменский А. А. Концепт «чуда в огненной печи» в Византии и его позднейшие реминисценции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 318–330. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.23>

Введение. Представления о сакральности огня и света характерны для целого ряда архаических культур и религиозных систем Евразии, от зороастризма и митраизма до тенгрианства и авраамических монотеистических религий. В большинстве случаев наблюдается важная дихотомия между нетварным небесным светом и светом чувственным, зримым как его отражением [15, с. 37]. Восприятие огня и света как явного проявления трансцендентного, божественного начала обнаруживается во множестве ритуалов и культовых практик. Божественный Огонь как образ-идея выступает элементом конструирования сакральных пространств [15, с. 8–10, 46]. В Библии огонь становится одновременно орудием Бога, «служителем Господа» и маркером Божественного присутствия, благодатным образом уничтожения греха и карающим оружием [15, с. 46–48]. Символика огня как священного атрибута особенно прослеживается в псевдоэпиграфической апокалиптической литературе вавилонской иудейской диаспоры, в частности Книге пророка Даниила. Несмотря на то что образ «трех вавилонских отроков» неоднократно исследовался в библеистике и патристике в контексте изучения отдельных памятников, проведение сопоставительного анализа отражения этого библейского сюжета в различных культурах все еще остается актуальным. Представляется целесообразным кратко остановиться на развитии фабулы чудесного испытания огнем в позднейших восточнохристианской, западной и исламской письменных традициях.

Методы. В исследовании проводится сравнительный анализ библейского топоса об испытании огнем в византийских, западноевропейских и восточных источниках. Рассматриваются памятники византийской агиографии и гимнографии, хронистики, латиноязычной агиографии, тюркской чагатайской исторической литературы. В качестве вспомогательных используются методы археологии (интерпретация христианских культовых сооружений) и этнографии (описание ритуальных практик). Изучение сакральных пространств как цело-

стного комплекса базируется на концепции иеротопии, изложенной А.М. Лидовым [26, с. 9–32]. Необходимой предпосылкой для работы с нарративными памятниками является применение семиотического подхода к исследованию исторических и культурных феноменов [28, с. 6; 37, с. 9–11].

Анализ. В видениях пророка Даниила престол «Ветхого денми» ассоциировался с «пламенем огня», перед Ним проходит огненная река, в огонь же повергнуто сокрушенное тело зверя (Дан. 7:9–10). Огонь прежде всего фигурирует в символических контекстах, связанных с очищением и наказанием. Показательно, что он не опалает трех друзей Даниила, брошенных в раскаленную печь за отказ от поклонения золотому истукану, и в то же время сжигает нечестивых исполнителей казни. Связанные отроки «ходили посреди пламени... благословляя Господа», спасенные ангелом, который сошел в печь и выбросил пламя оттуда, сотворив «шумящий влажный ветер». Пораженный этим чудом Навуходоносор благословляет Бога Седраха, Мисаха и Авденаго (вавилонские имена иудейских юношей Анании, Мисаила и Азарии) и под страхом смерти запрещает произносить на него хулу, «ибо нет иного Бога, который мог бы так спасти» (Дан. 3:19–96). Огонь не опалает праведников; согласно Книге Маккавеев, «Анания, Азария, Мисаил верою спаслись от пламени» (1 Мак. 2:59). Чудо превращения пламени в росу как следствие верности отроков Господу подчеркивается в молитве Елеазара (3 Мак. 6:5).

Библейская семантика огня неизменно связана с идеей воздаяния за грехи: огонь испепеляет нечестивцев Содомы и Гоморры, он же ожидает грешников на грядущем Суде [15, с. 50–52]. При этом огонь является отражением Божественного Света; иерусалимский благодатный огонь, который возжигается, согласно представлению верующих, в Великую субботу, связан с символикой воскресения [38; 27, с. 279–280]. Мотив карающего огня, не раз встречающийся в Ветхом Завете, отразился в сообщении о Седекии и Ахаве, «которых царь

вавилонский изжарил на огне» (Иер. 29:22). Другой библейский персонаж – иудейский царь Манассия, выступающий олицетворением нечестия, «провел через огонь» своего сына в ходе языческого ритуала. Позднейшие иудейские комментаторы сообщили неизвестные подробности казни, заставляя Манассию претерпевать страдания на огне внутри медного изваяния: царь безуспешно обращается ко всем языческим божествам, которым поклонялся, и в итоге вспоминает о Боге своих отцов [40, с. 87–88]. В дальнейшем тема мучений и покаяния Манассии, который, согласно «Апокалипсису Варуха», «обрел жилище в огне», переосмысливается в апокрифах [62, р. 127].

Сюжет о чуде с тремя «вавилонскими отроками» получил дальнейшее развитие в творениях святых отцов. Чудесное спасение отроков воспринималось как прообраз грядущего Боговоплощения, соединяя символику зримого и нетварного огня. Об этом образно повествует Иоанн Дамаскин в ямбическом каноне на Рождество Христово: «Μήτραν ἀφλέκτως εἰκονίζουσι κόρης οἱ τῆς παλαιᾶς πυρπολοῦμενοι νέοι» (в поэтическом переводе С.С. Аверинцева, «Завета нам предображают Ветхого в среду огня ввергаемые отроки ту Деву, что вместила неопально огонь») [1, с. 185; 50, р. 824]. Примечательно, что связь между невещественным огнем и Евхаристией подчеркивается в литургических текстах и комментариях к ним [4, с. 157]. Св. Ефрем Сирийский неслучайно называет Тайны Христовы «огнем бессмертным» (используя лексику, которая употреблялась в древности по отношению к языческому священному огню Весты) (πῦρ ἀθάνατον) [47, р. 424; 43, р. 1555]; в толковании на Книгу Даниила сирийский богослов восхищается подвигом трех отроков, ставя в пример их преданность Богу [48, р. 208]. Сохранившиеся лишь в переводе Септуагинты «песнь трех отроков» и «молитва Азарии» заняли важную роль в православной гимнографии и литургике. Чудо спасения из огня, в понимании византийцев, предвещало и грядущее Воскресение Христово, благодаря чему «песнь отроков» с древнейших времен использовалась в службах Великой субботы и праздничной утрени [30, с. 485]. Осмысливая Книгу Даниила, Роман Сладкопевец в своем кон-

даке замечает, что «разожженное место сделалось молитвенным и показалось усеянным розами брачным чертогом» (καυτήριος τόπος εὐκτήριος ἐγένετο, καὶ εὐρέθη ῥοδόπλαστος πᾶστας), а халдейская печь для отроков стала небесной церковью. Здесь символика огня снова амбивалентна: огненный ангел, сошедший с неба и устроивший вавилонского царя, показался ему Сыном Божиим; он «показал печь раем для святых» (...ἔδειξε τοῖς ἁγίοις ὡς παράδεισον τὴν κάμινον), потому что земное пламя преобразилось в присутствии божественного Света [58, р. 390; 44, р. 34]. Согласно Симеону Солунскому, три отрока в печи изображали и славил Троицу, предвосхищая вочеловечение Логоса [63, col. 639, 640]. Неслучайно образ вавилонских отроков и их чудесное спасение сквозь обращение «пламени в росу» фигурирует в ирмосах покаянного канона к Господу и других молитвословиях [67, с. 326; 17, с. 166–167].

Связь образов Ветхого и Нового Завета сквозь призму сюжета об отроках была драматически выражена в чине пещного действия, совершаемого на Руси по примеру Константинопольской церкви в неделю святых праотцев [11, с. 554–556]. Участники чина – «отроки», облаченные в стихари и венцы, ассоциировались с конкретными ипостасями Троицы, а спасший их ангел в стихах представлялся самим Христом [34, с. 44–45]. Театрализованный диалог «халдеев» с «отроками», лишь внешне опирающийся на сюжетную канву книги Даниила, являл собой образец экзистенциального переживания священной истории, своеобразного воспроизведения священного времени в настоящем. Известно, что впоследствии на Балканах «огненное действие» воссоздавалось не только литургическими средствами, но и как часть реальной обрядовой практики. В связи с этим интересен фиксируемый этнографически в восточной Фракии обряд «нестинарства» (анастинарии) (хождение с иконами и реликвиями по раскаленным углям в день памяти свв. Константина и Елены) [66, р. 58–59]. По фольклорным преданиям, происхождение обычая связано с чудом спасения реликвии Животворящего Креста Господня святым императором Константином Великим, который сошел с небес во время осады турками Константинополя и невреди-

мым прошел сквозь огонь [15, с. 343–344]. Нельзя исключать влияния ветхозаветного мотива на формирование этого ритуала.

Сюжетные топосы из Книги пророка Даниила неоднократно использовались в византийской агиографии. Мотив чудесного вхождения в огненную печь часто фигурирует в нарративах, повествующих об обращении язычников к вере. Чудо выступает в качестве решающего аргумента, явного доказательства истины проповедуемого учения. Так, ключевым элементом рассказа о епископе Капитоне, сохранившегося в «Житиях св. епископов Херсонесских» и пространном синаксарном «Чуде о св. Капитоне», является вхождение архиерея в разожженную печь и его чудесное спасение, после которого враждебно настроенные язычники изъявляют желание креститься. В большинстве агиографических текстов оппоненты Капитона побуждают его войти в одну из двух печей, разожженных для выделки извести языческого храма [12, с. 24, 31, 57–58]; согласно синаксарному «Чуду», передающему неизвестные по другим версиям «Житий» подробности, сам епископ распорядился устроить в периболе две печи, намереваясь построить храм во имя апостола Петра [8, с. 54]. Пришедшие с утра эллины собираются препятствовать горению печей, тогда Капитон предлагает им провести своеобразное соревнование, определив, кто более могущественный: их идолы или христианский Бог. Для этого он согласился войти в горящую печь, оставив возле печей детей язычников для гарантии исполнения ими оговоренных условий сделки. Помолвившись, Капитон дважды осенил печь крестным знаменем, процитировав псалом, использовавшийся в древности при освящении храмов: «Вот врата Господа: праведные войдут в них» (Αὕτη ἡ πύλη τοῦ κυρίου δίκαιοι εἰσελεύσονται ἐν αὐτῇ) (Пс. 117:20, Синодальный перевод). Епископ провел в печи около получаса и вышел оттуда с сияющим и светлым лицом, что окончательно убедило его оппонентов. После оглашения херсонеситы разбирают языческий храм Девы и строят на его месте христианский, в котором и принимают крещение. Днем епископ крестил мужчин и мальчиков, а ночью — девочек и женщин; проведение обряда заняло около двух месяцев [8, с. 54–57].

Впрочем, едва ли епископ опирался лишь на силу убеждения и визуальную демонстрацию Божьего могущества. Тексты «Житий херсонесских епископов» неслучайно сообщают об отряде Феоны с пятьюстами воинов, присланных из Константинополя. Они обеспечивали безопасность Капитона в его пастырских трудах, а впоследствии поселились в восточной части города, «от региона так называемой Малой агоры до места, названного Парфеноном», которая получила наименование «Феоновой стороны» (ἀπὸ τοῦ ρεγεῶνος τῆς λεγομένης μικρᾶς ἀγορᾶς καὶ μέχρι τοῦ Παρθενῶνος ὀνομάσμευ τόπου... τὰ Θεονῶ ὀνομάζεται) [12, с. 24]. На восточной оконечности Херсонесского мыса в древности располагался священный участок — теменос [13, с. 100], на месте которого была возведена Восточная базилика, вероятно, названная в честь св. апостола Петра [6, с. 93; 35, с. 225–226; 12, с. 155–157]. По предположению С.Б. Сорочана, отряд «начальствующего» Феоны мог прибыть в город в марте, с началом навигационного сезона. В это время в Херсонесе традиционно проводился посвященный Деве праздник Парфений, к этому событию, вероятно, было приурочено обновление ее храма [12, с. 158–159]. На месте чуда с печью на юго-западе города, как традиционно считается, было возведено четырехапсидное купольное сооружение, вероятно, представлявшее собой «теофанический» меморий. В его центре были обнаружены остатки известеожигательной печи, которая, по мнению исследователей, могла соотноситься с печью епископа Капитона [9, с. 1588–1590; 23, с. 166–167; 36, с. 156; 12, с. 160–164]. Разумеется, эта интерпретация, как и датировка памятника, небесспорна [33, с. 207; 12, с. 272–273].

Топографические детали и упоминание о херсонесских «местах памяти» убеждают в местном происхождении агиографического источника. Проблема датировки «Житий» остается дискуссионной. Обычно для разрешения этого вопроса исследователи анализируют контекст исторических реалий, отраженных в тексте, сопоставляя их с немногочисленными памятниками эпиграфики, археологическим материалом и «повествованием о крепости Херсон» в составе трактата «Об управлении империей» [24, с. 15–16; 7, с. 155; 8, с. 44–45;

20, с. 246–275]. Как представляется, еще одно косвенное указание на время редактирования «Житий» можно получить, рассматривая их в контексте сложения «Константиновой легенды». Именно к императору Константину Великому, «благочестивому» и «христолюбивому», в большинстве редакций апеллируют христиане, получая от него военную и организационную поддержку [12, с. 24, 31, 45, 48, 57, 95, 100]. Представления об идеальных чертах первого христианского императора, его добродетелях и миссионерских заслугах начали формироваться уже в IV–V вв. [10, с. 186–187], но лишь с VII в. и позже его церковное почитание приобрело заверченный характер [65, р. 24–25]; примечательно, что в Патмоской рукописи житий, передающей позднее чтение, венценосец назван «апостольским мужем» [12, с. 31]. Между тем в первоначальной версии текста епископство Капитона, вероятно, хронологически приурочивалось ко времени правления Феодосия Великого; повествование о силовом подавлении сопротивления язычников соответствует исторической действительности конца IV в., а не первой четверти этого столетия [7, с. 57–58]. Константин Великий вытесняет Феодосия в позднейших редакциях «Житий», поскольку в восприятии ромеев именно он являлся образцовым христианским правителем [10, с. 166–193].

Мотив огня, карающего и одновременно благодатного, занимает ключевое место в Житии Льва Катанского. В начале повествования агиограф упоминает о вулканическом извержении Этны как очевидном подтверждении существования геенны огненной [2, с. 416–417]. В дальнейшем главный антигерой повествования – нечестивый маг Илиодор – борется с огнем, заставляя его погаснуть во всем Константинополе, и в итоге гибнет на костре, приведенный на место казни святым епископом. Огонь, испепеливший нечестивца, нисколько не опалил ни архиерея, ни даже его облачения, «подобно древнему чуду вавилонских отроков». Примечательно, что угодник Божий «носил горящие угли в поле своего гиматия, кадя и не опаляясь»; таким образом, губительная для грешника огненная стихия в очередной раз подчиняется праведнику [25, с. 25–26; 2, с. 430].

Византийская нарративная традиция о крещении Руси в IX в., по версии «Жизнеописания Василия Македонянина», сообщает о несгоревшем Евангелии, которое иерей бросил в огонь на подтверждение своего рассказа о чуде с тремя отроками. Огонь не повредил книгу, и даже ее застежки оказались целыми, что стало наиболее впечатляющим для варваров, хотя, по-видимому, триумф христианства в этот раз был недолгим, и «неукротимый и безбожный народ Рос» (...τὸ τῶν Ῥῶς ἔθνος, δυσμαχώτατόν τε καὶ ἀθεότατον ὄν) [64, р. 312, 314, 316] вскоре вернулся к прежним культам. Венценосный автор использует популярный агиографический шаблон не только для усиления эффекта повествования, но и в политико-идеологических целях: миссионерские успехи империи времен василевса Михаила III и патриарха Фотия достаются их врагам Василию и Игнатию; основатель Македонской династии – жестокий и прагматичный политик, не чуждавшийся нарушения нравственных норм – представляется ревнителем веры и соратником апостолов [14, с. 169–171]. Показательно также и то, что сюжеты из Ветхого Завета охотно использовались в проповедях миссионеров, наряду с рассказами о деяниях Христа. «Житие св. Панкратия Таорминского» свидетельствует, что образная визуализация, как и дидактические наставления с пересказом Священной истории, часто применялись для обращения язычников [61, р. 136, 138; 59, р. 21–23].

Еще одна сходная фабула, связанная с испытанием огнем, содержится в текстах о святом Бруно-Бонифации Кверфуртском и его миссии среди язычников. В «Житии блаженного Ромуальда», написанном Петром Дамиани около 1030 г., святой Бонифаций, проповедуя на Руси, вынужден пройти между двумя подожженными поленищами, чтобы убедить в своей правоте местного короля. Демонстрация чуда происходит после того, как архиепископ в литургических одеяниях со святой водой и кадильницей обходит костер. После триумфа святой крестил «множество язычников» в водах озера [55, р. 58–59]. Тот же сюжет фигурирует в записке Виберта, назвавшего себя одним из капелланов Бруно-Бонифация [29, с. 351–353; 60, S. 70]. Место действия этого агиографического текста – не

Русь, а Пруссия. Вначале главный герой повествования свергает в огонь идолов, которым поклонялся король-язычник по имени «Нети-мер» (Nethimer, вероятное искажение имени князя Владимира, хотя возможны и другие интерпретации [29, с. 374–375]), а затем усаживается на седалище в архиерейском облачении посреди огня. Убежденный с помощью этого эффекта Нетимер «с тремьями мужами» принимает крещение, однако впоследствии и сам архиерей, и его спутники гибнут от рук некоего князя (dux); сохранить жизнь удастся лишь ослепленному Виберту, со слов которого, вероятно, и записывалось это известие [60, S. 72]. Историческая достоверность сюжета вызывает сомнения [29, с. 354–355], тем не менее примечательно, что «западно-европейский» взгляд на христианизацию Восточной Европы конструируется с помощью все тех же агиографических стереотипов, что и византийский.

Библейский пророк Даниил почитался не только в иудаизме и христианстве, но и в странах ислама. По мусульманскому преданию, сподвижник пророка Мухаммеда Абу Муса аль-Ашари нашел его каменный саркофаг в городе Сузы. Местные жители использовали гробницу в ритуалах, связанных с вызыванием дождя. Впоследствии пророка перезахоронили на дне русла реки [56, р. 318]. Сходную легенду приводит еврейский путешественник XII в. Вениамин Тудельский. По его словам, в древнем Вавилоне он осматривал руины дворца Навуходоносора и остатки раскаленной печи, а в Сузах персидский царь повелел поместить гроб пророка Даниила в стеклянной раке посередине моста через реку, чтобы предотвратить борьбу за него между обитателями города [19, с. 140–141, 150–152]. Помимо шиитского мавзолея в Сузах, в исламском мире Даниилу были посвящены и другие культовые сооружения, среди которых гробницы в Киркуке и Мосуле, мавзолей в Тарсе, мавзолей «Ходжа Даниер» в Самарканде, возведенный по приказу эмира Тимура [52, р. 85–86; 45, р. 667; 54, р. 112; 53, р. 121]. Имя Даниила (Данияра) фигурировало и в тюркских легендах и преданиях: так, казахские гадатели-кумалакчи рассказывали, что он использовал гадание с помощью круглых шариков для предсказания судьбы [5, с. 212]. Сюжет о чуде

с испытанием проповедника в огненной печи встречается в рассказе историка Шейбанидов Утемиш-хаджи о принятии ислама ханом Узбеком. В этом тексте повествуется о соревновании между «неверными колдунами» и четырьмя мусульманскими святыми [41, с. 250–252; 16, с. 142–144; 31, с. 217–218]. Колдуны показывали хану трюк со сцеживанием меда в кувшин, который не удался благодаря присутствию мусульман. Poleмика сторонников шаманизма и ислама завершилась в двух раскаленных танурах. В один из них был посажен шаман, а в другой мусульманин Баба Туклес, все время молившийся Аллаху и таким образом оставшийся невредимым. Несмотря на то что кольчуга, надетая на его обнаженное тело, накалилась «как пламенеющий уголь докрасна», ни один волос не сгорел на его теле, что и предопределило победу религии Мухаммеда [39, с. 45–46]. Как бы ни трактовали сведения шейбанидского историка, очевидно, что выбор ислама Узбеком предопределялся прежде всего прагматическими мотивами и преследовал цели укрепления власти в ходе политического противоборства в Золотой Орде [49, р. 73–75].

Интерпретируя это известие источника, Д. ДеВиз усматривает в нем отражение обряда, связанного с инициацией шамана, его смертью и последующим воскрешением [46, р. 232–242]. Мифологический контекст сообщения Утемиш-хаджи существенно более широк, в нем, как представляется, литературный топос соединен с реминисценцией неких доисламских обрядов, связанных с почитанием огня. Идея о сакральности огня получила широкое распространение в религиозном мировосприятии и культовой практике кочевых обществ Великой Степи. У тюркских и монгольских народов издревле применялся обряд очищения с прохождением между двух костров. Поклонение огню совершали жених и невеста в день свадьбы. Целый ряд действий по отношению к огню был табуирован: запрещалось лить воду, плевать, шагать через огонь, замахиваться на него оружием [3, с. 22–24; 5, с. 208]. Ч.Ч. Валиханов замечал, что киргизы называют огонь святым (аулие), так же, как и мусульманских праведников [5, с. 208]. Ритуалы с использованием огня применялись при лечении болезней и в шаманс-

ких гадательных обрядах. В.П. Костюков сопоставил повествование Утемиш-хаджи с буддийской погребальной обрядностью и практикой жертвенных самосожжений [21, с. 75–78]. Тем не менее нарратив о торжестве ислама над язычниками отразил и некие реалии эпохи: внимание правителей Монгольской империи и улуса Джучи к представителям различных вероучений зафиксировано в аутентичных, независимых друг от друга источниках. Иногда при дворе Чингизидов устраивались полноценные религиозные дебаты с подробным изложением аргументов сторон [51, р. 292; 32, с. 169; 57, р. 37–43]. Целью таких специально организованных споров было не только выяснение религиозной истины, но и сбор актуальной информации о торговых маршрутах, далеких странах и народах [42, с. 288–298]. По свидетельству Марко Поло, хан Хубилай впечатлялся трюками с перемещением чаш, подобно своему родственнику Узбеку. В обращении к римскому понтифику он сетовал на невежество местных христиан, которые проигрывают «колдунам» (буддистам) в визуальной пропаганде [18, с. 281]. Примечательно, что находки чаш с буддийской символикой встречаются на территории бывшего Улуса Джучи [22, с. 29–30; 21, с. 67–68].

Выводы. Библейский топос испытания в «огненной печи» претерпевал семантическую трансформацию в рамках различных дискурсов. Внимание к сюжету в византийской агиографии было предопределено его прообразовательным истолкованием, в котором «вавилонский» огонь соотносился с нетварным, невещественным огнем – одним из сакральных атрибутов, а три иудейских отрока предвосхищали ипостаси Св. Троицы. Мотив «чуда святого Капитона» в Житиях херсонесских епископов, помимо отсылки к ветхозаветному тексту, использовался и для конструирования локальной идентичности: благодаря узнаваемому набору символов, повествование о христианизации Таврики обрело свое место в универсальной истории Церкви. Огонь как карающая и благодатная стихия фигурирует в Житии Льва Катанского. Осмысление ветхозаветного чуда в контексте общей парадигмы развития христианства характерно и для различных версий нарративов о крещении Руси: неизвестный по имени византийский

иерей-миссионер и архиепископ Бруно Кверфуртский повторяют подвиг героев Книги пророка Даниила в новых исторических условиях. В среде исламской культуры внимание к визуальному эффекту чудесного усиливалось влиянием тюркской мифологии и ритуальной практикой тенгрианских культов. Демонстрация чуда оставалась эффективным миссионерским средством христианских и мусульманских проповедников спустя много веков после «вавилонского пленения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Многоценная жемчужина : переводы / С. С. Аверинцев. – Киев : Дух і літера, 2004. – 456 с. – (Собрание сочинений).
2. Афиногенов, Д. Е. Пространное житие святителя Льва Катанского / Д. Е. Афиногенов // Scripta Antiqua. – 2011. – Т. 1. – С. 415–434.
3. Банзаров, Д. Черная вера или шаманство у монголов / Д. Банзаров // Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова / под ред. Г. Н. Потанина. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1891. – С. 1–46.
4. Братухин, А. Ю. Образ огня в описании Евхаристии у Климента Александрийского / А. Ю. Братухин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 4 (24). – С. 151–158.
5. Валиханов, Ч. Ч. Тенгри (бог). Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. – Алма-Ата : Гл. ред. Казах. сов. энцикл., 1984. – С. 208–215.
6. Виноградов, А. Ю. Херсонесский храм святого Петра и его эпиграфические памятники / А. Ю. Виноградов // Херсонесский сборник. – 2005. – Вып. 14. – С. 91–93.
7. Виноградов, А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики / А. Ю. Виноградов. – М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. – 224 с.
8. Виноградов, А. Ю. Херсонес-Херсон: Две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса / А. Ю. Виноградов // Вестник древней истории. – 2013. – № 1. – С. 40–58.
9. Гриневич, К. Э. Четырехапсидное здание в Херсонесе (новая попытка его объяснения) / К. Э. Гриневич // Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. В 2 ч. Ч. 2 / С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2005. – С. 1586–1591.
10. Дагрон, Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Ж. Дагрон ; пер.

и науч. ред. А. Е. Мусина ; под общ. ред. И. П. Медведева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ : Нестор-история, 2010. – 480 с.

11. Дмитриевский, А. А. Чин пещного действия: историко-археологический этюд / А. А. Дмитриевский // Византийский временник. – 1894. – Т. 1. – С. 553–600.

12. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев [и др.]. – Харьков : Антиквa, 2012. – 416 с.

13. Золотарев, М. И. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции / М. И. Золотарев, А. В. Буйских // Вестник древней истории. – 1994. – № 3. – С. 78–101.

14. Иванов, С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов. – М. : Яз. слав. культуры, 2003. – 376 с.

15. Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Феория, 2013. – 910 с.

16. Исхаков, Д. М. Проблема «окончательной» исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке / Д. М. Исхаков // Ислам и власть в Золотой Орде : сб. ст. / под ред. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 129–153.

17. Канонник или Полный молитвослов. – СПб. : Домострой, 2001. – 553 с.

18. Книга Марко Поло / пер. И. П. Минаева. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1956. – 376 с.

19. Книга странствий раби Вениамина / пер. П. В. Марголина // Три еврейских путешественника / под ред. Г. Зеленина. – М. : Гешарим : Мосты культуры, 2004. – С. 65–196.

20. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Константин Багрянородный ; под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1989. – 496 с.

21. Костюков, В. П. Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам / В. П. Костюков // Золотоордынское наследие : материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» : сб. ст. Вып. 1 / отв. ред. И. М. Миргалеев. – Казань : Фэн АН РТ, 2009. – С. 67–80.

22. Крамаровский, М. Г. Рах Mongolica и восточное серебро XIII–XIV вв. / М. Г. Крамаровский // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. – СПб. : Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 29–35.

23. Кутайсов, В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса / В. А. Кутайсов // Советская археология. – 1982. – № 1. – С. 155–169.

24. Латышев, В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследование и тексты / В. В. Латышев. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1906. – 81 с. – (Запис-

ки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению ; т. 8, № 3).

25. Латышев, В. В. Неизданные греческие агиографические тексты / В. В. Латышев. – СПб. : Типография Академии наук, 1914. – III, LVI, 152 с. – (Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению ; т. 12, № 2).

26. Лидов, А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / А. М. Лидов. – М. : Дизайн. Информация. Картография, 2009. – 362 с.

27. Лидов, А. М. Святой Огонь. Иеротопические и искусствоведческие аспекты создания «Новых Иерусалимов» / А. М. Лидов // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Индрик, 2009. – С. 277–312.

28. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2010. – 704 с.

29. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А. В. Назаренко. – М. : Яз. рус. культуры, 2001. – 784 с.

30. Никитин, С. И. Вавилонские отроки / С. И. Никитин, А. А. Ткаченко, А. А. Лукашевич // Православная энциклопедия. Т. 6. – М. : Православ. энцикл., 2003. – С. 481–486.

31. Пилипчук, Я. В. Выбор веры в Дешт-и-Кыпчаке (существовала ли альтернатива исламу?) / Я. В. Пилипчук // Ислам и власть в Золотой Орде : сб. ст. / под ред. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 203–231.

32. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред. Н. П. Шастиной. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – 272 с.

33. Сазанов, А. В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса / А. В. Сазанов // Херсонесский сборник. – 2004. – Вып. 13. – С. 202–210.

34. Сазонова, Н. И. Чин пещного действия и интерпретация священной истории в богослужебной практике Русской Православной Церкви XVI–XVII вв. / Н. И. Сазонова // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2016. – Вып. 2 (8). – С. 37–52.

35. Сорочан, С. Б. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона / С. Б. Сорочан // Византийский временник. – 2006. – Т. 65 (90). – С. 223–230.

36. Сорочан, С. Б. К вопросу о мартириях ранневизантийского Херсона / С. Б. Сорочан // Археологический альманах. – 2012. – № 28. – С. 149–160.

37. Успенский, Б. А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) / Б. А. Успенский // Избранные труды. В 3 т. Т. 1.

Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – С. 9–70.

38. Успенский, Н. Д. К истории обряда Святого Огня, совершаемого в Великую Субботу в Иерусалиме / Н. Д. Успенский // Благодатный огонь: миф или реальность? / сост. С. С. Бычков, А. Е. Мусин. – М. : Тэтис, 2008. – С. 43–91.

39. Утемиш-хаджи. Кара таварих / транскр. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, общ. науч. ред. И. М. Миргалеева. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.

40. Франко, І. Я. Наливайко в мідянїм бицї : Причинок до історії легенди / І. Я. Франко // Науковий збірник, присвячений професорові Михайлові Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилітньої наукової праці в Галичині (1894–1904). – Львів : З друкарні Наукового товариства імені Шевченка, 1906. – С. 76–90.

41. Юрченко, А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности) : книга-конспект / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2012. – 400 с.

42. Юрченко, А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2013. – 432 с.

43. A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell and R. Scott; rev. by H. S. Jones. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – XLV, 2041 p.

44. Alibertis, D. East Meets East in the Chaldean Furnace: A Comparative Analysis of Romanos's Hymn's and Jacob of Serugh's Homily on the Three Children / D. Alibertis // Journal of the Canadian Society for Syriac Studies. – 2018. – Vol. 18. – P. 24–41.

45. Arimatsu, L. Protecting Cultural Property in Non-International Armed Conflicts : Syria and Iraq / L. Arimatsu, C. Mohbuba // International Law Studies. – 2015. – Vol. 91. – P. 641–698.

46. DeWeese, D. Islamization and Native Religion in Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition / D. DeWeese. – University Park : Pennsylvania State University Press, 1994. – 655 p.

47. Ephraem Syri ad eos, qui Filii Dei naturam ferutantur // Sancti patris nostri Ephraem Syri Opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa. T. 3. Graece, et Latine / ed. J. S. Assemani. – Romae : Ex typographia pontificia Vaticana, 1746. – P. 418–424.

48. Ephraem Syri in Daniele Prophetam Explanatio // Sancti patris nostri Ephraem Syri Opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa. Series 2. T. 2. Syriace, et Latine / ed. J. S. Assemani. – Romae : Ex typographia pontificia Vaticana, 1740. – P. 203–233.

49. Hautala, R. Comparing the Islamization of the Jochid and Hülegüid Uluses: Muslim and Christian

Perspectives / R. Hautala // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. – 2018. – Vol. 143. – P. 65–80.

50. Ioannes Damascenus. Carmina et cantica // Sancti patris nostri Ioannis Damasceni, monachi et presbyteri Hierosolymitani, opera omnia / accur. J. P. Migne. – Paris : Via dicta d'Amboise, 1860. – Col. 818–856. – (Patrologia cursus completus. Series graeca; t. 96).

51. Itinerarium Willelmi de Rubruck / ed. A. van den Wyngaert // Sinica Franciscana. – 1929. – Vol. 1. – P. 164–332.

52. Lycklama à Nijeholt, T. M. Voyage en Russie, au Caucase et en Perse, dans la Mésopotamie: Le Kurdistan, la Syrie, la Palestine et la Turquie, exécuté pendant les années 1866, 1867 et 1868. T. 4 / T. M. Lycklama à Nijeholt. – Paris : Arthus Bertrand; Amsterdam : C. L. Langenhuisen, 1875. – 712 p.

53. Malikov, A. Thought Short Report: The Cult of Saints and Shrines in Samarqand Province of Uzbekistan / A. Malikov // International Journal of Modern Anthropology. – 2010. – Vol. 1, no. 3. – P. 116–124.

54. Pancaroğlu, O. Visible / Invisible: Sanctity, History and Topography in Tarsus / O. Pancaroğlu // Akdeniz Kentleri : Gelecek için Geçmiş Birikimi – Mediterranean Cities : Antiquity as Future [4. Tarih İçinde Mersin Kolokyumu – 4th Mersin in History Colloquium, 2011]. – Mersin : Mersin University Press, 2013. – P. 109–121.

55. Petrus Damiani. Vita beati Romualdi / a cura di G. Tabacco. – Roma : Tipografia del Senato, 1957. – 116 p. – (Fonti per la storia d'Italia; № 94).

56. Rosenmüller, E. F. C. The Biblical Geography of Central Asia. Vol. 1 / E. F. C. Rosenmüller; transl. from German by R. N. Morren. – Edinburgh : Thomas Clark, 1836. – XVI, 336 p.

57. Rossabi, M. Khubilai Khan. His Life and Times / M. Rossabi. – Berkeley; Los Angeles; L. : University of California Press, 2009. – XXI, 326 p.

58. Sancti Romani Melodi Cantica. Cantica genuina / ed. P. Maas, C. A. Trypanis. – Oxford : Clarendon Press, 1963. – XXXVI, 546 p.

59. Ševčenko, I. Religious Missions Seen from Byzantium / I. Ševčenko // Harvard Ukrainian Studies. – 1988/1989. – Vol. 12/13. – P. 7–27.

60. Sosnowski, M. Anonimowa Passio s. Adalperti martiris (BHL 40) oraz Wiperta Historia de predicatione episcopi Brunonis (BHL 1471b) – komentarz, edycja, przekład / M. Sosnowski // Rocznik Biblioteki Narodowej. – 2012. – T. 43. – S. 5–74.

61. Stallman-Pacitti, C. J. The Life of Saint Pankratios of Taormina. Greek Text, English Translation and Commentary / C. J. Stallman-Pacitti; ed. by J. B. Burke. – Leiden; Boston : Brill, 2018. – XII, 526 p.

62. Stone, M. E. 4 Ezra and 2 Baruch. Translations, introduction and notes / M. E. Stone, M. Henze. – Minneapolis : Fortress Press, 2013. – X, 141 p.

63. Symeon Thessalonicensis archiepiscopus. De sacra precatone // Symeonis Thessalonicensis archiepiscopi opera omnia / accur. J.-P. Migne. – Paris : Via dicta Thibaud, 1866. – Col. 535–668. – (Patrologia cursus completus. Series graeca ; t. 155).

64. Theophanis Continuati liber V. Vita Basilii imperatoris / recens. I. Ševčenko. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. – XII, 55*, 513 p. – (Corpus fontium historiae byzantinae ; vol. XLII).

65. Thompson, G. L. From Sinner to Saint? Seeking a Consistent Constantine / G. L. Thompson // Rethinking Constantine. History, Theology and Legacy / ed. by E. L. Smither. – Eugene : Pickwick Publications, 2014. – P. 5–25.

66. Xygalatas, D. Ethnography, Historiography, and the Making of History in the Tradition of the Anastenaria / D. Xygalatas // History and Anthropology. – 2011. – Vol. 22, no. 1. – P. 57–74.

67. Ὁριολόγιον τὸ Μέγα περιέχον τὴν πρέπουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν. – Ῥώμη : [s. n.], 1876. – Ἔκδ. 1. – 374 σ.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. *Mnogotsennaia zhemchuzhina: perevody* [The Valuable Pearl. Translations]. Kyiv, Dukh i litera Publ., 2004. 456 p. (Sobranie sochineniy [Collected Works]).

2. Afinogenov D.E. Prostrannoe zhitie svyatitelya Lva Katanskogo [The Expanded Life of St. Leo, Bishop of Catania]. *Scripta Antiqua*, 2011, vol. 1, pp. 415–434.

3. Banzarov D. Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov [The Black Faith or Shamanism Among the Mongols]. *Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov i drugie statii Dorzhi Banzarova* [The Black Faith or Shamanism Among the Mongols and the Other Papers of Dorzhi Banzarov]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1891, pp. 1–46.

4. Bratukhin A.Yu. Obraz ognia v opisani Evkharistii u Klimenta Aleksandriiskogo [The Image of Fire in the Description of the Eucharist by Clement of Alexandria]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, iss. 4 (24), pp. 151–158.

5. Valikhanov Ch.Ch. *Tenkri (bog). Sobranie sochineniy. V 5 t.* [Tengri (God). Collected Works. In 5 Vols.]. Alma-Ata, Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1984, vol. 1, pp. 208–215.

6. Vinogradov A.Yu. Khersonesskiy khram svyatogo Petra i ego epigraficheskie pamyatniki [Chersonesos' Temple of St. Peter and Its Epigraphic

Monuments]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], 2005, iss. 14, pp. 91–93.

7. Vinogradov A.Iu. «Minovaya uzhe zima yazycheskogo bezumiya...». *Tserkov i tserkvi Khersona v IV v. po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki* [“The Winter of Pagan Madness Has Already Passed...”]. Church and Churches of Cherson in the 4th c. According to Literary Sources and Epigraphy]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2010. 224 p.

8. Vinogradov A.Yu. Khersones-Kherson: Dve istorii odnogo goroda. Imena, mesta i daty v istoricheskoy pamyati polisa [Chersonesos and Cherson: Two Histories of One City. Names, Places and Dates in the Historical Memory of the City]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2013, no. 1, pp. 40–58.

9. Grinevich K.E. Chetyrehkapsidnoe zdanie v Khersonese (novaya popytka ego obyasneniya) [Four-Apse Building in Chersonesos (A New Attempt to Explain It)]. *Vizantiyskiy Kherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X v.). Ocherki istorii i kultury. V 2 ch.* [Byzantine Cherson. The 2nd Part of the 6th c. – the 1st Half of the 10th c. Essays on History and Culture. In 2 Parts]. Kharkov, Maidan Publ., 2005, part 2, pp. 1586–1591.

10. Dagron G. *Imperator i syvashchennik. Etyud o vizantiyskom «tsezarepapizme»* [Emperor and Priest. Study of Byzantine “Caesaropapism”]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbGU; Nestor-istoriya Publ., 2010. 480 p.

11. Dmitrievskiy A.A. Chin peshchnogo deystva: istoriko-arkheologicheskii etyud [Service of Furnace Action: Historical and Archaeological Sketch]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 1894, vol. 1, pp. 553–600.

12. Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sargsyan T.E., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. *Zhitiya episkopov Khersonskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo* [Lives of the Bishops of Cherson in the Context of the History of Tauric Chersonesos]. Kharkov, Antikva Publ., 2012. 416 p.

13. Zolotarev M.I., Buyskikh A.V. Temenos antichnogo Khersonesa. Opyt arkhitekturnoy rekonstruktsii [Temenos of Ancient Chersonesos. Experience of Architectural Reconstruction]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1994, no. 3, pp. 78–101.

14. Ivanov S.A. *Vizantiyskoe missionerstvo: mozno li sdelat iz «varvara» khristianina?* [Byzantine Missionary Work: Is It Possible to Make a Christian from a “Barbarian”?]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003. 376 p.

15. Lidov A.M. *Ierotopiya Ognia i Sveta v kulture vizantiyskogo mira* [Hierotopy of Fire and Light in the Culture of the Byzantine World]. Moscow, Feoriya Publ., 2013. 910 p.

16. Iskhakov D.M. Problema «okonchatelnoy» islamizatsii Ulusa Dzhuchi pri khane Uzbeke [The Problem of the “Final” Islamization of Ulus Jochi Under Ilzbeg Khan]. Mirgaleev I.M., Sayfetdinova, E.G., eds. *Islam i vlast v Zolotoy Orde: sb. st.* [Islam and Power in the Golden Horde. Collection of Articles]. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2012, pp. 129-153.

17. *Kanonnik ili Polnyy molitvoslov* [Canonical or Complete Prayer Book]. Saint Petersburg, Domostroy Publ., 2001. 553 p.

18. *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury, 1956. 376 p.

19. *Kniga stranstviy rabi Veniamina* [The Book of Rabbi Benjamin’s Wanderings]. Zelenina G., ed. *Tri evreyskikh puteshestvennika* [Three Jewish Travelers]. Moscow, Gesharim Publ; Mosty kultury Publ., 2004, pp. 65-196.

20. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P., eds. *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiey. Tekst, perevod, kommentarij* [Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Text, Translation and Commentary]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 496 p.

21. Kostyukov V.P. Istorizm v legende ob obrashcheniy Uzbeke v islam [Historicism in the Legend of Özbeg Conversion to Islam]. Mirgaleev I.P., ed. *Zolotoordynskoe nasledie: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Politicheskaya i sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»*: sb. st. [Golden Horde Heritage. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–15th Centuries). Collection of Articles]. Kazan, Fen AN RT, 2009, iss. 1, pp. 67-80.

22. Kramarovskiy M.G. Pax Mongolica i vostochnoe srebro XIII–XIV vv. [Pax Mongolica and Eastern Silver of the 13th–14th Centuries]. *Ermitazhnye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo* [Hermitage Readings in Memory of B.B. Piotrovsky]. Saint Petersburg, Gosudarstvenniy Ermitazh, 2000, pp. 29-35.

23. Kutaysov V.A. Chetyrekhapsidnyy khram Khersonesa [The Four-Apse Temple of Chersonesos]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1982, no. 1, pp. 155-169.

24. Latyshev V.V. *Zhitiya svyatykh episkopov Khersonskikh. Issledovanie i teksty* [Lives of the Holy Bishops of Cherson. Research and Texts]. Saint Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1906. 81 p. (Zapiski Imperatorskoy akademii nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu [Notes of the Imperial Academy of Sciences for the Department of History and Philology]; vol. 8, no. 3).

25. Latyshev V.V. *Neizdannye grecheskie agiograficheskie teksty* [Unpublished Greek

Hagiographic Texts]. Saint Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1914. III, LVI, 152 p. (Zapiski Imperatorskoy akademii nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu [Notes of the Imperial Academy of Sciences for the Department of History and Philology]; vol. 12, no. 2).

26. Lidov A.M. *Ierotopiya. Prostranstvennyye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiyskoy kulture* [Hierotopy. Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture]. Moscow, Dizayn. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2009. 362 p.

27. Lidov A.M. Svyatoy Ogon. Ierotopicheskie i iskusstvedcheskie aspekty sozdaniya «Novykh Ierusalimov» [The Holy Fire. Hierotopical and Art Historical Aspects of the Creation of “New Jerusalems”]. Lidov A.M., ed. *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakralnykh prostranstv* [New Jerusalems. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces]. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 277-312.

28. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2010. 704 p.

29. Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kulturnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv.* [Ancient Rus’ on International Routes. Interdisciplinary Sketches of Cultural, Trade, Political Ties of the 9th–12th Centuries]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2001. 784 p.

30. Nikitin S.I., Tkachenko A.A., Lukashevich A.A. Vavilonskie otroki [Babylonian Children]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2003, vol. 6, pp. 481-486.

31. Pilipchuk Ya.V. Vybor very v Desht-i-Kypchake (sushchestvovala li alternativa islamu?) [Choice of Faith in Desht-i-Kypchak (Was There an Alternative to Islam?)]. Mirgaleev I.P., Sayfetdinova E.G., eds. *Islam i vlast v Zolotoy Orde: sb. st.* [Islam and Power in the Golden Horde. Collection of Articles]. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2012, pp. 203-231.

32. Shastina N.P., ed. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury, 1957. 272 p.

33. Sazanov A.V. K voprosu o vremeni sooruzheniya chetyrekhapsidnogo khrama Khersonesa [On the Question of the Time of Construction of the Four-Apse Temple of Chersonesos]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], 2004, iss. 13, pp. 202-210.

34. Sazonova N.I. Chin peshchnogo deystva i interpretatsiya svyashchennoy istorii v bogoslužebnoy praktike Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XVI–XVII vv. [Service of Furnace Performance and Interpretation of Sacred History in the Liturgical

Practice of the Russian Orthodox Church of the 16th–17th Centuries]. *PRAKSEMA. Problemy vizualnoy semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], 2016, iss. 2 (8), pp. 37-52.

35. Sorochan S.B. O bazilike apostola Petra i khramovom komplekse Vostochnoy ploshchadi vizantiyskogo Khersona [On the Basilica of the Apostle Peter and the Temple Complex of the Eastern Square of Byzantine Cherson]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2006, vol. 65 (90), pp. 223-230.

36. Sorochan S.B. K voprosu o martiriakh rannevizantiyskogo Khersona [On the Question of the Martyria of Early Byzantine Cherson]. *Arkheologicheskii almanakh* [Archaeological Almanac], 2012, no. 28, pp. 149-160.

37. Uspenskiy B.A. Istoriya i semiotika (vospriyatie vremeni kak semioticheskaya problema) [History and Semiotics. Perception of Time As a Semiotic Problem]. Uspenskiy B.A. *Izbrannye trudy. V 3 t. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kultury* [Selected Works. In 3 Vols. Vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1996, pp. 9-70.

38. Uspenskiy N.D. K istorii obryada Svyatogo Ognya, sovershaemogo v Velikuyu Subbotu v Ierusalime [On the History of the Rite of the Holy Fire, Performed on Holy Saturday in Jerusalem]. Bychkov S.S., Musin A.E., eds. *Blagodatnyy ogon: mifili realnost?* [The Holy Fire: Myth or Reality?]. Moscow, Tetis Publ., 2008, pp. 43-91.

39. Mirgaleev I.M., ed. *Utemish-khadzhi. Kara tavarikh* [Utemish-haji. Kara tavarikh]. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 312 p.

40. Franko I.Ya. Nalyvaiko v midianim bytsi: Prychynok do istorii legendy [Nalyvaiko in the Copper Ox: To the History of the Legend]. *Naukovyi zbirnyk, prisviachenyi profesorovi Mykhailovi Grushevskomu uchenykami i prykhylnykamy z nagody iogo desiatyiltnioi naukovoï pratsi v Galychyni (1894–1904)* [Festschrift, Dedicated to Professor M. Grushevsky on the 10th Anniversary of His Scientific Work in Galychyna (1894–1904)]. Lviv, Z drukarni Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka, 1906, pp. 76-90.

41. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhdū imperiï i islamom (strukturny povsednevnosti): kniga-konspekt* [Khan Özbeg: Between Empire and Islam (Structures of Everyday Life). Survey Book]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 400 p.

42. Yurchenko A.G. *Elita Mongolskoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: Time of Holidays, Time of Executions]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2013. 432 p.

43. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S., eds. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1996. XLV, 2041 p.

44. Alibertis D. East Meets East in the Chaldean Furnace: A Comparative Analysis of Romanos's

Hymn's and Jacob of Serugh's Homily on the Three Children. *Journal of the Canadian Society for Syriac Studies*, 2018, vol. 18, pp. 24-41.

45. Arimatsu L., Mohbuba C. Protecting Cultural Property in Non-International Armed Conflicts: Syria and Iraq. *International Law Studies*, 2015, vol. 91, pp. 641-698.

46. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1994. 655 p.

47. Ephraem Syri ad eos, qui Filii Dei naturam feruntur. Assemani J.S., ed. *Sancti patris nostri Ephraem Syri Opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa. T. 3. Graece, et Latine*. Rome, Ex typographia pontificia Vaticana, 1746, pp. 418-424.

48. Ephraem Syri in Daniele Prophetam Explanatio. Assemani J.S., ed. *Sancti patris nostri Ephraem Syri Opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa. Series 2. T. 2. Syriace et Latine*. Rome, Ex typographia pontificia Vaticana, 1740, pp. 203-233.

49. Hautala R. Comparing the Islamization of the Jochid and Hülegüid Uluses: Muslim and Christian Perspectives. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 2018, vol. 143, pp. 65-80.

50. Ioannes Damascenus. Carmina et cantica. Migne J.-P., ed. *Sancti patris nostri Ioannis Damasceni, monachi et presbyteri Hierosolymitani, opera omnia*. Paris, Via dicta d'Amboise, 1860, cols. 818-856. (Patrologia cursus completus. Series graeca; t. 96).

51. Wyngaert A. van den, ed. *Itinerarium Willelmi de Rubruck. Sinica Franciscana*, 1929, vol. 1, pp. 164-332.

52. Lycklama à Nijeholt T.M. *Voyage en Russie, au Caucase et en Perse, dans la Mésopotamie: le Kurdistan, la Syrie, la Palestine et la Turquie, exécuté pendant les années 1866, 1867 et 1868. T. 4*. Paris, Arthus Bertrand, Amsterdam, C.L. Langenhuysen, 1875. 712 p.

53. Malikov A. Thought Short Report: The Cult of Saints and Shrines in Samarqand Province of Uzbekistan. *International Journal of Modern Anthropology*, 2010, vol. 1, no. 3, pp. 116-124.

54. Pancaroğlu O. Visible / Invisible: Sanctity, History and Topography in Tarsus. *Akdeniz Kentleri: Gelecek için Geçmişin Birikimi – Mediterranean Cities: Antiquity As Future (4. Tarih İçinde Mersin Kolokyum – 4th Mersin in History Colloquium, 2011)*. Mersin, Mersin University Press, 2013, pp. 109-121.

55. Tabacco G., ed. *Petrus Damiani. Vita beati Romualdi*. Rome, Tipografia del Senato, 1957. 116 p. (Fonti per la storia d'Italia; no. 94).

56. Rosenmüller E.F.C. *The Biblical Geography of Central Asia*. Edinburgh, Thomas Clark, 1836, vol. 1. XVI, 336 p.

57. Rossabi M. *Khubilai Khan. His Life and Times*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2009. XXI, 326 p.
58. Maas P., Trypanis C.A., eds. *Sancti Romani Melodi Cantica. Cantica genuina*. Oxford, Clarendon Press, 1963. XXXVI, 546 p.
59. Ševčenko I. Religious Missions Seen from Byzantium. *Harvard Ukrainian Studies*, 1988/1989, vols. 12/13, pp. 7-27.
60. Sosnowski M. Anonimowa Passio s. Adalperti martiris (BHL 40) oraz Wiperta Historia de predicatione episcopi Brunonis (BHL 1471b) – komentarz, edycja, przekład. *Rocznik Biblioteki Narodowej*, 2012, vol. 43, pp. 5-74.
61. Stallman-Pacitti C.J., Burke J.B., ed. *The Life of Saint Pankratios of Taormina. Greek Text, English Translation and Commentary*. Leiden, Boston, Brill, 2018. XII, 526 p.
62. Stone M.E., Henze M. *4 Ezra and 2 Baruch. Translations, Introduction and Notes*. Minneapolis, Fortress Press, 2013. X, 141 p.
63. Symeon Thessalonicensis archiepiscopus. De sacra precatone. Migne J.-P., ed. *Symeonis Thessalonicensis archiepiscopi opera omnia*. Paris, Via dicta Thibaud, 1866, cols. 535-668. (Patrologia cursus completus. Series graeca; t. 155).
64. Ševčenko I., ed. *Theophanis Continuati liber V. Vita Basilii imperatoris*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2011. XII, 55*, 513 p. (Corpus fontium historiae byzantinae; vol. 42).
65. Thompson G.L. From Sinner to Saint? Seeking a Consistent Constantine. Smither E.L., ed. *Rethinking Constantine. History, Theology and Legacy*. Eugene, Pickwick Publications, 2014, pp. 5-25.
66. Xygalatas D. Ethnography, Historiography, and the Making of History in the Tradition of the Anastenaria. *History and Anthropology*, 2011, vol. 22, no. 1, pp. 57-74.
67. *Órologion to Mega periechon tēn prepousan autō akolouthian* [The Great Horologion that Embraces Its Inherent Sequence]. Rome, s.n., 1876, 1st ed. 374 p.

Information About the Author

Alexandr A. Romensky, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Byzantine History, State Museum-Preserve “Tauric Chersonesos”, Drevnyaya St, 1, 299045 Sevastopol, Russian Federation, alexandrosromensky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0936-3740>

Информация об авторе

Александр Александрович Роменский, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела византийской истории, Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», ул. Древняя, 1, 299045 г. Севастополь, Российская Федерация, alexandrosromensky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0936-3740>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.24>

UDC 94«11/13»:645.499

LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 24.12.2021

THE TENT IN THE CONTEXT OF THE BYZANTINE POWER SYMBOLISM IN THE 10th–12th CENTURIES

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The tent (σκηνή, τέντα) was a simple and everyday object of Byzantine life. Diplomats, merchants, pilgrims, soldiers, travelers, and simply wanderers spent a considerable part of their lives in a tent. It was a natural element of the Byzantine landscape, and geographical mobility was an important part of the lifestyle of the Byzantine elite and its psychology. But this simple, everyday thing in a certain context took on an extremely important meaning and turned into an important religious and social symbol. A simple object could indicate complicated social and ideological constructions of the 10th–12th centuries. The task of the study is to reveal the implicit power context which in certain cases endowed simple everyday objects (like a tent) with an extremely important meaning. *Methods.* The article is written in the general context of structuralist methodologies. We regarded the tent as a simple sign indicating the complex representations that lie behind its content. Structuralist methods allow for a correct reconstruction of Byzantine everyday representations in different strata of society. *Analysis and Results.* The rich tent in Byzantine society of the 10th–12th centuries was not just a part of the daily military life of the aristocracy, but also an important element of power relations. Tents defined the social status of their owners, emphasized their power and importance. Aristocratic tents of that time were a space where power decisions were made and court life took place. The tent as a power symbol relied on a broad religious context. The Tabernacle of Moses, which was the model for every tent in the Byzantine Empire, was also created by the Lord's will, with Moses himself acting as "royal scribe". The folkloric tent of Charos in the Acritic songs turns out to be the center of the "lower" world in which Charos ruthlessly reigns. Behind each reading of the symbolic meaning of the tent lie different social practices of different groups of Byzantine society, but they are all filled with their own understanding of the essence of power.

Key words: power, aristocracy, war, tent, tabernacle, cosmology, Charos, death.

Citation. Stelnik E.V. The Tent in the Context of the Byzantine Power Symbolism in the 10th–12th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 331–338. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.24>

УДК 94«11/13»:645.499

ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 01.07.2021

Дата принятия статьи: 24.12.2021

ПАЛАТКА В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СИМВОЛИКИ ВЛАСТИ X–XII ВЕКОВ

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Палатка (σκηνή, τέντα) – простой и повседневный предмет византийского быта. Но эта простая, бытовая вещь в определенном контексте приобретала исключительно важное значение и превращалась в важный религиозный и социальный символ. Простой предмет мог указывать на непростые социальные и идеологические конструкции X–XII веков. Палатки определяли социальный статус своих владельцев, подчеркивали их силу и значимость. Aristocratic палатки этого времени были пространством, где принимались властные решения и проходила придворная жизнь. Палатка как властный символ опиралась на широкий религиозный контекст. В официальном православии и неофициальных «народных» представлениях она оказывалась в центре мироздания или определяла мир вокруг себя. За каждым прочтением символического смысла палатки лежат разные социальные практики разных групп византийского общества, но все они наполнены своим пониманием существа власти.

Ключевые слова: власть, аристократия, война, палатка, скиния, космология, Харос, смерть.

Цитирование. Стельник Е. В. Палатка в контексте византийской символики власти X–XII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 331–338. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.24>

Введение. Палатка (σκηνή, τέντα) – простой и повседневный предмет византийского быта. Дипломаты, торговцы, паломники, солдаты, путешественники и просто скитальцы проводили в палатке значительную часть своей жизни. Она была естественным элементом византийского пейзажа, а географическая мобильность являлась важной частью образа жизни византийской элиты и ее психологии [25, p. 9].

Но эта простая, бытовая вещь в определенном контексте приобретала исключительно важное значение и превращалась в важный религиозный и социальный символ. Простой предмет мог указывать на непростые социальные и идеологические конструкции X–XII веков.

Задачей исследования является раскрытие неявного властного контекста, который в определенных случаях наделял простые повседневные предметы (вроде палатки) исключительно важным смыслом.

Методы. Статья написана в общем контексте структуралистских методологий. Палатка рассматривалась нами как простой знак, указывающий на сложные представления, которые скрываются за своим содержанием. Структуралистские методы позволяют произвести корректную реконструкцию византийских повседневных представлений в различных стратах общества. Во многом примером для этой работы была статья М.А. Бойцова «Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России» [1, с. 99–154].

Анализ. Палатка являлась важнейшим элементом византийского религиозного сознания. Она – естественный и очень древний космологический образ мира, когда само небо воспринимается как голубая палатка или шатер [18, p. 66; 11, p. 214; 21, p. 10; 34, p. 98, 105]. В такой палатке живет властное божество. Ее установка аналогична сотворению мира и является религиозным ритуалом [34, p. 114]. В этом смысле палатка императора повторяет «небесную палатку» [23, p. 140; 32, p. 105].

На интеллектуальном, богословском уровне ключевое значение в символическом прочтении палатки/шатра имела скиния Моисея. Показательно, как подробно и обстоя-

тельно описывается скиния в книге Исхода. Ей посвящены 13 глав, 407 стихов второй половины этой книги. Для сравнения храму Соломона посвящены 94 стиха, а Второму храму – 54. Такое внимание автора к скинии не случайно. Скиния – это символическое пространство, специально организованное, обособленное и упорядоченное [20, p. 144]. Скиния, в которой обитает Бог израильского народа, по мнению М. Джорджа, создает социальное пространство, организует израильское общество под властью авторов священных текстов [20, p. 193].

Христианские авторы, исходя из иных социальных практик, по-своему интерпретировали палатку. Так, Филон Александрийский (25 г. до н. э. – 50 г. н. э.) видел в скинии модель мира и образец творения [10, p. 102]. Шатер у него трактуется как царство разума (νοῦτά), тогда как пространство перед шатром, состоящее из неба, земли и моря – царство чувств [30, p. 489].

Ориген (185–254 гг.) крайне подробно описал скинию и дал символическое толкование каждому из ее элементов. Столбы, перекладыны, основания, навершие, капители, канаты и материалы, из которых они были сделаны (золото, серебро, медь, нетленное дерево, лен) – все получило свое символическое объяснение. Скиния у него – это модель для организации Церкви и христианской общины, во главе которой обязаны стоять учителя и епископы, «столбы» на которых все держатся [29, p. 339].

Григорий Нисский (335–394 гг.) развил учение о скинии. Христос у него – скиния, а не ее часть [10, p. 107]. Христос все охватывает, все находится под его опекой.

У Григория большое значение приобретают слои и покровы скинии. Три, четыре или даже десять слоев шатра различаются цветами (голубой, пурпурный, красный). Более темные цвета находятся в глубине, эти цвета более сокровенны. Красный цвет у него – это спасительная страсть, которая усмиряет похоть.

Примечательно, что у Григория Нисского скиния имеет не только космологический, но и антропологический характер. По его мнению,

человеческое тело подобно палатке [10, р. 85]. Оно не прочно, не имеет основания и легко разрушается. Подобный образ можно обнаружить в стихотворении Манганея Продрома (XI–XII вв.), описывающего разбросанные по полю палатки, которые устанавливают вновь и вновь. Тело человеческое временно, шатер человеческого тела изменчив [6, р. 13]. Спасение возможно только в «истинном Шатре», в Церкви, которая, по словам апостола Павла, состоит из тел и плоти христиан [19, р. 50].

В богословии скиния – это широкое поле для герменевтики, которой могут заниматься только прекрасно образованные интеллектуалы. Такая герменевтика – эта манифестация интеллектуальной власти.

Палатка важная часть повседневной военной жизни византийцев. Римская прямоугольная палатка в византийской армии уже не использовалась. Ей на смену пришла круглая палатка с конической крышей, держащейся на одном, центральном столбе [13, р. 45]. В ней обычно проживало 8 стратиотов. Военные командиры могли размещаться в небольших треугольных палатках иногда даже со своей мебелью [13, р. 62; 14, р. 22].

Палатка – важная часть повседневной жизни аристократии комниновского времени. В палатках (аварских или турецких) аристократы жили во время постоянных военных кампаний. Сама полевая жизнь в палатке (а не под крышей дома), по словам Никиты Хониата, превращала гражданских, обычных людей в опытных воинов [28, р. 133].

Расстановка палаток – серьезный вопрос в трактатах Маврикия [3, с. 70, 163, 172] и Льва VI [5, р. 182, 183, 253, 266]. Ведь организация палаточного лагеря – это отражение сложной византийской военной иерархии и порядка. Ближе к центру военного лагеря, естественно, располагаются палатки наделенных властью командиров, а на периферии – подчиненных. Народы, которые ставят свои палатки «беспорядочно» и «разбросанно», то есть те, в которых царит безвластие, должны легко побеждаться организованным волей императора ромейским войском [5, с. 253].

Палатка, кроме всех своих бытовых качеств, еще и отражение социального статуса своего владельца. Она, по словам Маврикия, должна быть «нарядной» [3, с. 70]. Большая

богато украшенная палатка подчеркивает состоятельность и удачливость своего хозяина. Между аристократами шло постоянное соревнование, чья палатка смотрится лучше [27, р. 502–503]. Палатки могли быть из «красной кожи» [27, р. 486], из «алого материала» [27, р. 503], разноцветными и пестрыми или «чисто черного цвета» [27, р. 502]. Императору полагалась, естественно, пурпурная палатка, которую Псевдо-Кодин называл κόρτη [22, р. 114; 8, р. 280].

Образцом идеальной палатки является палатка Дигениса Акрита. Она была «большой и превосходной»: расшитой золотом, с изображениями всевозможных зверей. Шесты этой палатки были из серебра, а канаты из чистого шелка [2, с. 68]. Дигенис Акрит – безусловный образец для аристократии этого времени, не случайно Мануил I (1118–1180 гг.), внук Алексея I Комнина, называл себя вторым Дигенисом [7, р. 8]. Важно обратить внимание, что Дигенис, о котором здесь идет речь, – это вовсе не романтический персонаж Гроттофератской версии поэмы (XIV в.), а фольклорный суровый герой акритских и апелатских песен (IX–XII вв.), который бросает вызов смерти в лице Хароса и проигрывает. Этот фольклорный Дигенис Акрит отличался удивительными подвигами и полным игнорированием христианской морали. Но в X–XI вв. именно Дигенис стал идеалом аристократической силы и доблести [15, р. 56]. Не случайно в Эскуриальской версии поэмы отдельно указывается, что слушают поэму архонты [4, с. 157].

Другим примером аристократической палатки является палатка севастократиссы Ирины, в которой она перезимовала (в конце 1140-х или начале 1150-х гг.) в военном лагере вместе с Мануилом Комниным. Анонимный автор, названный Дж. Андерсеном и М. Джеффрис, Манганей Продромом (XI–XII вв.) описал эту богатую палатку в своих стихах. Палатка была украшена изображениями (вышитыми?) муз, nereид, купидонов, играющих на кифаре, резвящихся сатиров. На верху палатки были изображены золотые птицы из Индии [6, р. 12]. Сама севастократисса в этих стихах названа «акрополем красоты». Изошренная риторика художественных образов еще раз подчеркивала богатство и исключительность этой палатки/шатра.

В этом контексте палатка еще и элемент государственной жизни этого времени. В них живут дипломаты и послы [27, р. 489]. Палатка – важный элемент придворной жизни [26, р. 122]. Это своеобразный «передвижной дворец» [27, р. 499], выполняющий важные церемониальные функции. Палатка – место, где живут властные люди и принимаются властные решения.

Богато украшенная, большая палатка – один из ключевых атрибутов византийской власти. Такая палатка совсем не предмет первой необходимости, роскошная палатка, говоря современным языком, – это элемент элитного сверхпотребления аристократического «класса». Такая палатка, очевидно, подчеркивает власть и превосходство своего обладателя.

За пределами рафинированного богословия в среде военной аристократии в IX–XII веках сформировался совершенно иной образ мира, основанный на совершенно иных социальных практиках, в центре которых лежит насилие, носящее сакральный характер. Это прямо относится к палатке Хароса, как ее описывают акритские песни IX–XII веков.

Палатка Хароса – это тоже космологическая модель, но модель архаичного мировоззрения, в центре которого находится «нижний» загробный мир и его владеец Харос.

О. Вазер [33, с. 103] и Дж. Лоусон [24, р. 105], описывая палатку Хароса, принимали ее за буквальные и предметные представления «простого» и необразованного народа, неспособного на абстрактные конструкции. На наш взгляд, эта палатка – ничто иное, как концепция власти, выраженная в акритских песнях, сформировавших ценности военного класса Византии, явно и напрямую.

В акритских песнях Харос нападает словно завоеватель, который стремится подчинить себе всех людей [31, р. 301]. Его цель – обложить «чрезмерными налогами» («с каждого дома по человеку, с каждой горы по солдату») [31, р. 308]. Харос прекрасно вооружен, и его боевой конь внушает страх. У него есть палатка.

Когда акрит видит палатку Хароса, то испытывает ужас, сам ее вид бросает бесстрашного воина в дрожь [36, ст. 304, 308]. В песнях подробно описывается устройство

палатки Хароса. Так, опоры палатки сделаны Харосом из рук отважных богатырей, канаты и узлы палатки сплетены им из косичек красивых (русых) «влюбленных девушек». В палатке полно сундуков, и все они сделаны из голов маленьких детей, которых Харос безжалостно забрал у «плачущих матерей» [36, ст. 304, 308].

Описание палатки Хароса параллельно описанию небесной скинии, как ее представлял апостол Павел. В акритских песнях скиния осмысливается в архаичных категориях, которые не предполагают ни спасения, ни преобразования «пневмой». Палатка Хароса оказывается «нижним», загробным миром (а не небесами, как скиния).

Именно в палатку Харос тащит, крепко схватив за волосы, своих многочисленных жертв [36, ст. 304, 308]. Важно обратить внимание, что пока акрит не видит палатку, он молит о пощаде и надеется спастись, но как только он замечает «ужасную всех» палатку [36, ст. 304], он понимает, что судьба его решена и неизбежна. Интересно, что иногда Хароса у палатки встречает его жена Харонтисса, которая ждет мужа с «добычей».

Чтобы войти в палатку, нужно «согнуться» [36, ст. 308]. В глубине палатки Харос перерезает горло акритам, смельчакам и героям, чтобы выпустить душу [36, ст. 306]¹. Иногда Харос «просто» вытаскивает душу изо рта в глубине палатки [36, ст. 308].

Показательно в акритских песнях представлена цветовая символика этой палатки. Снаружи палатка Хароса может быть зеленого цвета, а может быть и красного, но внутри всегда – черного [36, ст. 308].

Вероятно, зеленый цвет говорит о растительном характере византийского фольклорного загробного мира. Неслучайно, в некоторых акритских песнях Харос создает целый сад, дети в котором – это прихотливые и нежные цветочки [35, ст. 222], юноши – стройные кипарисы, девушки – лимонные деревья [36, ст. 294, 295, 299], а старики – сухие, негнувшиеся ветки ограды сада [36, ст. 294, 295, 299].

Красный цвет палатки, вероятно, – это цвет человеческой крови [9, р. 71]², которую обильно проливает Харос [17, р. 219]. Дигенис, борясь с Харосом, просто истекает кровью [36, ст. 306, 308]. Этой кровью Харос может поме-

тить не только родственников Дигениса, но и даже стены/потолки его дома [17, р. 224].

Показательно, что в песне «Вести из Аида» описывается ласточка, прилетевшая «наверх» из нижнего мира: так, ее когти были красного цвета – «от человеческой крови», а крылья – черного из-за цвета земли [36, с. 292].

Черный цвет шатра – безусловно, цвет «черной земли», ее темнота и мрак. В фольклорных византийских представлениях «черная Земля» [16, S. 33] (Μαυρήν) [37, с. 36] забирает обратно «своих детей», а покойники – ее дети [12, р. 127].

Несмотря на всю архаику, акритские песни демонстрируют определенную эволюцию представлений о Харосе. В некоторых песнях появляется дворец Хароса (παλάτια) [35, с. 240], вокруг него летают птицы и узнают вести нижнего мира. В одной из новогреческих песен этот дворец называется уже βαράγια [35, с. 241], точно так же, как и дворец турецкого султана в Константинополе. Перед нами зло уже не архаического порядка, выраженное в простой конструкции палатки, а целая концепция власти, когда Харос принимает на себя атрибуты власти завоевателей.

Византийский образ Хароса является отражением жестоких средневековых военных практик. Палатка Хароса – это модель фольклорного византийского загробного мира, со своей хтонической топологией и символикой. В предельном смысле палатка Хароса выражает неотвратимую власть смерти. Средневековая система власти основывается на нелимитированном физическом насилии и сакральных символах, в том числе и архаичных, таких как Харос и его палатка. В конечном счете власть – это ничто иное, как распоряжение жизнью и смертью. Дигенис Акрит, образец аристократической доблести и обладатель роскошной палатки, погибает при встрече с Харосом и переселяется в его красно-черную палатку. Перед властью смерти все равны.

Выводы. Богатая палатка в византийском обществе XI–XII вв. была не просто частью повседневной военной жизни аристократии, но и важным элементом властных отношений. Палатки определяли социальный статус своих владельцев, подчеркивали их силу и значимость. Аристократические палатки

этого времени были пространством, где принимались властные решения и проходила придворная жизнь. Палатка как властный символ опиралась на широкий религиозный контекст. Скиния Моисея, которая была образцом для каждого шатра в Византийской империи, была также создана по волевоу решению Господа, а сам Моисей выполнял при этом функцию «царского писца». Фольклорная палатка Хароса в акритских песнях оказывается центром «нижнего» мира, в котором безжалостно властвует Харос.

За каждым прочтением символического смысла палатки лежат разные социальные практики разных групп византийского общества, но все они наполнены своим пониманием существа власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь можно вспомнить этрусско-римского Хару и его подземную (под ареной) комнату Сполариум, в которой он окончательно перерезает горло раненому гладиатору. В акритских песнях меняется обстановка, но схема ритуальной смерти остается прежней.

² Погибшего Адониса ритуально накрывали темно-красным покровом. Красное – кровь, черное – земля, цвета отражают процесс перехода на тот свет. Важно, что после этого он превратился в цветок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойцов, М. А. Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России / М. А. Бойцов // Казус : Индивидуальное и уникальное в истории. – 2004. – Вып. 6. – С. 99–154.
2. Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма / пер., ст. и коммент. А. Я. Сыркина. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 219 с.
3. Стратегикон Маврикия / изд. подгот. В. В. Кучма. – СПб. : Алетей, 2004. – 265 с.
4. Сыркин, А. Я. Византийская эпическая поэма / А. Я. Сыркин // Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма / перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 127–163.
5. Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма ; отв. ред. Н. Д. Барабанов. – СПб. : Алетей, 2012. – 368 с.
6. Anderson, J. The Decoration of the Sevastokratorissa's Tent / J. Anderson, M. Jeffreys // Byzantion. – 1994. – № 64. – P. 8–18.

7. Angold, M. Introduction / M. Andold // The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries. – Oxford : B.A.R., 1984. – P. 1–9.
8. Bartusis, M. C. The Late Byzantine Army : Arms and Society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992. – 464 p.
9. Casey, D. The Captive Woman's Lament in Greek Tragedy / D. Casey. – Austin : University of Texas Press, 2006. – 190 p.
10. Conway-Jones, A. Gregory of Nyssa's Tabernacle Imagery in Its Jewish and Christian Contexts / A. Conway-Jones. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 320 p.
11. Couprie, D. L. Heaven and Earth in Ancient Greek Cosmology. From Thales to Heraclides Ponticus / D. L. Couprie. – New York : Springer, 2011. – 296 p.
12. Davies, J. Death, Burial and Rebirth in the Religions of Antiquity / J. Davies. – New York : Routledge 1999. – 246 p.
13. Dawson, T. Byzantine Infantryman : Eastern Roman Empire c. 900–1204 / T. Dawson. – Oxford : Osprey Publishing, 2007. – 66 p.
14. Dawson, T. European Tents / T. Dawson // The Varangian Voice. – 1996. – Iss. 38 (February). – P. 22–24.
15. De Vries-van der Velden, E. L'élite byzantine devant l'avance turque à l'époque de la guerre civile de 1341 à 1354 / E. De Vries-Van Der Velden. – Amsterdam : J. C. Gieben, 1989. – 296 p.
16. Dieterich, A. Mutter Erde : Ein Versuch über Volksreligion / A. Dieterich. – Leipzig : B.G. Teubner, 1913. – 138 S.
17. Du Boulay, J. The Greek Vampire : A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death / J. Du Boulay // Man. New Series. – 1982. – Vol. 17, iss. 2. – P. 219–238.
18. El-Aswad, el-Sayed. Religion and Folk Cosmology Scenarios of the Visible and Invisible in Rural Egypt / El-Sayed el-Aswad. – Wesport : Praeger, 2002. – 224 p.
19. Engberg-Pedersen, T. Cosmology and Self in the Apostle Paul : The Material Spirit / T. Engberg-Pedersen. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 287 p.
20. George, M. K. Israel's Tabernacle as Social Space / M. K. George. – Atlanta : Society of Biblical Literature, 2009. – 284 p.
21. Helge, K. Conceptions of Cosmos : From Myths to the Accelerating Universe : A History of Cosmology / K. Helge. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 288 p.
22. Kyriakidis, S. Warfare in Late Byzantium, 1204–1453 / S. Kyriakidis. – Leiden : Brill, 2011. – 272 p.
23. Laansma, J. The Cosmology of Hebrews / J. Laansma // Cosmology and New Testament Theology / ed J. T. Pennington, S. M. McDonough. – Norfolk : T&T Clark, 2008. – P. 125–143.
24. Lawson, J. C. Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion : A Study in Survivals / J. C. Lawson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1910 (Kessinger Publishing, 2003). – 664 p.
25. McCormick, M. Byzantium on the Move : Imagining a Communications History / M. McCormick // Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000 / ed. R. Macrides. – Cornwall : Ashgate Publishing Limited, 2002. – P. 3–29.
26. Mullett, M. Performing Court Literature in Medieval Byzantium : Tales Told in Tents // In the Presence of Power Court and Performance in the Pre-Modern Middle East / ed. M. A. Pomerantz, E. Birge Vitz. – New York : New York University Press, 2017. – P. 121–141.
27. Mullett, M. Tented Ceremony: Ephemeral Performances under the Komnenoi / M. Mullett // Court Ceremonies and Rituals of Power in Byzantium and the Medieval Mediterranean : Comparative Perspectives / ed. A. Beihammer, S. Constantinou, M. Parani. – Leiden : Brill, 2013. – P. 487–513.
28. Nicetae Choniatae. Orationes et Epistulae / ed. I. van Dieten. – Berlin : De Gruyter, 1972. – 303 p.
29. Origen Homilies on Genesis and Exodus / transl. R. E. Heine. – Washington : The Catholic University of America Press, 1982. – 422 p.
30. Philo in Ten Volumes (and Two Supplementary Volumes). Vol. VI / trans. F. H. Colson. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1985. – 581 p.
31. Saunier, G. Charos et l'Histoire dans les chansons populaires grecques / G. Saunier // Revue des études grecques. – 1982. – Vol. 95, № 452. – P. 297–321.
32. Schenck, K. L. Cosmology and Eschatology in Hebrews : The Settings of the Sacrifice / K. L. Schenck. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 234 p.
33. Waser, O. Charon, Charun, Charos. Mythologisch-archäologische Monographie / O. Waser. – Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1898. – 158 S.
34. Wyatt, N. The Mythic Mind : Essays on Cosmology and Religion in Ugaritic and Old Testament Literature / N. Wyatt. – London : Routledge, 2005. – 303 p.
35. Πολίτης, Ν. Γ. Ἀκριτικὰ ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ / Ν. Γ. Πολίτου // Λαογραφία. – 1909. – Τ. 1. – Σ. 169–275.
36. Τραγούδια ρωμαϊκά = Popularia carmina Graeciae recentioris / ed. A. Passow. – Lipsiae : B.G. Teubner, 1860. – 650 σ.

37. Ψυχογιού, Ε. Μαύρη γη και Ελένη : Τελετουργίες θανάτου και αναγέννησης : Χθόνια μυθολογικά, νεκρικά δρώμενα και μοιρολόγια στη σύγχρονη Ελλάδα / Ε. Ψυχογιού. – Αθήνα : Ακαδημία Αθηνών, 2008. – 532 σ.

REFERENCES

1. Boytsov M.A. Papskiy zontik, bog Gelios i sudby Rossii [Papal Umbrella, God Helios and the Fate of Russia]. *Kazus: Individualnoye i unikalnoye v istorii* [Case: Individual and Unique in History], 2004, no. 6, pp. 99-154.
2. Syrkin A.Ya., ed. *Digenis Akrit. Vizantiyskaya epicheskaya poema* [Digenis Akrit. Byzantine Epic Poem]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 219 p.
3. Kuchma V.V. *Strategikon Mavrikiya* [Strategikon of Mauricius]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2004. 265 p.
4. Syrkin A.Ya. *Vizantiyskaya epicheskaya poema* [Byzantine Epic Poem]. Syrkin A.Ya., ed. *Digenis Akrit. Vizantiyskaya epicheskaya poema* [Digenis Akrites. Byzantine Epic Poem]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960, pp. 127-163.
5. Kuchma V.V., Barabanov N.D., eds. *Taktika Lva* [The Taktika of Leo]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2012. 368 p.
6. Anderson J., Jeffreys M. The Decoration of the Sevastokratorissa's Tent. *Byzantion*, 1994, no. 64, pp. 8-18.
7. Angold M. Introduction. *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries*. Oxford, B.A.R., 1984, pp. 1-9.
8. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. 464 p.
9. Casey D. *The Captive Woman's Lament in Greek Tragedy*. Austin, University of Texas Press, 2006. 190 p.
10. Conway-Jones A. *Gregory of Nyssa's Tabernacle Imagery in Its Jewish and Christian Contexts*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 320 p.
11. Couprie D. L. *Heaven and Earth in Ancient Greek Cosmology. From Thales to Heraclides Ponticus*. New York, Springer, 2011. 296 p.
12. Davies J. *Death, Burial and Rebirth in the Religions of Antiquity*. New York, Routledge 1999. 246 p.
13. Dawson, T. *Byzantine Infantryman: Eastern Roman Empire c. 900–1204*. Oxford, Osprey Publishing, 2007. 66 p.
14. Dawson T. European Tents. *The Varangian Voice*, 1996, iss. 38 (February), pp. 22-24.
15. De Vries-van der Velden E. *L'élite byzantine devant l'avance turque à l'époque de la guerre civile de 1341 à 1354*. Amsterdam, J.C. Gieben, 1989. 296 p.
16. Dieterich, A. *Mutter Erde: Ein Versuch über Volksreligion*. Leipzig, B.G. Teubner, 1913. 138 p.
17. Du Boulay J. The Greek Vampire: A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death. *Man. New Series*, 1982, vol. 17, iss. 2, pp. 219-238.
18. El-Aswad el-Sayed. *Religion and Folk Cosmology Scenarios of the Visible and Invisible in Rural Egypt*. Wesport, Praeger, 2002. 224 p.
19. Engberg-Pedersen T. *Cosmology and Self in the Apostle Paul: The Material Spirit*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 287 p.
20. George M.K. *Israel's Tabernacle as Social Space*. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2009. 284 p.
21. Helge K. *Conceptions of Cosmos: From Myths to the Accelerating Universe: A History of Cosmology*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 288 p.
22. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Leiden, Brill, 2011. 272 p.
23. Laansma J. The Cosmology of Hebrews. Pennington J.T., McDonough S.M., eds. *Cosmology and New Testament Theology*. Norfolk, T&T Clark, 2008, pp. 125-143.
24. Lawson J.C. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1910 (Kessinger Publishing, 2003). 664 p.
25. McCormick M. Byzantium on the Move: Imagining a Communications History. Macrides R., ed. *Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000*. Cornwall, Ashgate Publishing Limited, 2002, pp. 3-29.
26. Mullett M. Performing Court Literature in Medieval Byzantium: Tales Told in Tents. Pomerantz M.A., Birge Vitz E., eds. *In the Presence of Power Court and Performance in the Pre-Modern Middle East*. New York, New York University Press, 2017, pp. 121-141.
27. Mullett M. Tented Ceremony: Ephemeral Performances under the Komnenoi. Beihammer A., Constantinou S., Parani M. *Court Ceremonies and Rituals of Power in Byzantium and the Medieval Mediterranean: Comparative Perspectives*. Leiden, Brill, 2013, pp. 487-513.
28. Dieten I. van., ed. *Nicetae Choniatae. Orationes et Epistulae*. Berlin, De Gruyter, 1972. 303 p.
29. Heine R.E., ed. *Origen Homilies on Genesis and Exodus*. Washington, The Catholic University of America Press, 1982. 422 p.
30. Colson F.H., ed. *Philo in Ten Volumes (and Two Supplementary Volumes)*. Vol. VI. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1985. 581 p.

31. Saunier G. Charos et l'Histoire dans les chansons populaires grecques. *Revue des études grecques*, 1982, vol. 95, no. 452, pp. 297-321.

32. Schenck K.L. *Cosmology and Eschatology in Hebrews: The Settings of the Sacrifice*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 234 p.

33. Waser O. *Charon, Charun, Charos. Mythologisch-archäologische Monographie*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1898. 158 p.

34. Wyatt N. *The Mythic Mind: Essays on Cosmology and Religion in Ugaritic and Old Testament Literature*. London, Routledge, 2005. 303 p.

35. Politis N.G. Akritika asmata. O thanatos tou Digenē [Acritic Songs. The Death of Digenis]. *Laographia* [Laographia], 1909, vol. 1, pp. 169-275.

36. Passow A., ed. *Tragoudia romaiika = Popularia carmina Graeciae recentioris*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1860. 650 p.

37. Psychogiou E. *Maurē gē kai Elenē: teletourgies thanatou kai anagennēsēs: chthonia mythologika, nekrika drōmena kai moirologia stē sygchronē Ellada* [Black Earth and Helen: Rituals of Death and Rebirth: Chthonian Mythology, Funerary Events and Dirges in Modern Greece]. Athens, Akadēmia Athēnōn Publ., 2008. 532 p.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.25>

UDC 94(5)“04/16”:2

LBC 63.3(5)4-37

Submitted: 04.06.2021

Accepted: 13.09.2021

HISTORICAL MEMORY AND ORTHODOX FAITH: *BYZANCE APRÈS BYZANCE* IN SOFIA UNDER OTTOMAN RULE ¹

Ivan Biliarsky

Institute of Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Mariyana Tsibranska-Kostova

Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Abstract. In our article we propose a case study on the character of the veneration of neomartyrs of Sofia in the 16th century and a review of the related literature. We try to argue that the aims of their veneration were religious and political, and that these aims were attained through the exaltation of the Christian faith and the creation and maintaining of a historical memory. The direction of the intended results, however, is not anti-Ottoman, but anti-Islamic; the veneration urged to consolidate the Orthodox Christian congregation. It is to the people of the Orthodox confession, not to the national (in this period mostly “ethnic”) community, that the veneration of the neomartyrs was addressed. The strengthening of the congregation could be achieved excellently through the martyr’s bearing witness (having in mind that “*martyros*” means “witness” in Greek); the martyr adds holiness to the place and sacralizes the space of the city, and finally of the whole political milieu. The witness is not only the creator of sacredness, he is also a keeper of the memory of the past. The martyr is a champion because he / she vanquishes the foes of God through his / her martyrdom. As a champion, he is a reminder of the glorious past; as a victor, he is a *Defensor fidei* in the present. This is a clear confirmation of God’s power under different historical circumstances. These ideas directed at the restoration, but only spiritual, of the Christian Empire through *the Body of the Church*. This explains the absence of any overt opposition against Ottoman power. Therefore, we find here, in Sofia, a conception of *Byzance après Byzance* of the same type as we find in Constantinople after the fall of the Empire, when the Ecumenical Church adopted part of the Empire’s heritage.

Key words: Christian Empire, Orthodox Christian community, veneration of neomartyrs, “*martyros*”, historical memory.

Citation. Biliarsky I., Tsibranska-Kostova M. Historical Memory and Orthodox Faith: *Byzance Après Byzance* in Sofia Under Ottoman Rule. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 339-351. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.25>

УДК 94(5)“04/16”:2

ББК 63.3(5)4-37

Дата поступления статьи: 04.06.2021

Дата принятия статьи: 13.09.2021

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА: *BYZANCE APRÈS BYZANCE* В СОФИИ ПОД ОТТОМАНСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ ¹

Иван Билярски

Институт исторических исследований, Болгарская академия наук, г. София, Болгария

Мирияна Цибранска-Костова

Институт болгарского языка, Болгарская академия наук, г. София, Болгария

Аннотация. В нашей статье мы предлагаем пример исследования почитания новомучеников Софии в XVI в. и обзор относящейся к этой проблеме литературы. Мы пытаемся обсудить тот факт, что цели их почитания были религиозными и политическими, и эти цели были достигнуты путем экзальтации христианской веры, благодаря возникновению и сохранению исторической памяти. Характер полученных результатов, однако, отнюдь не антиоттоманский, но антиисламский; почитание было призвано консолидировать

православную христианскую общину. Именно православное вероисповедание, а не национальная общность стало предметом почитания новомучеников. Усиление общины могло быть достижимым исключительно благодаря свидетельству свершения мученичества, ибо оно подразумевало понятие «*martyros*», означавшее в греческом языке «свидетель». Он не только наделяет святостью место и сакрализует пространство города и, в конце концов, всей политической среды. Свидетель является не только творцом «освящения», но также хранителем памяти о прошлом. Мученик выступает победителем, потому что он или она благодаря его или ее мученичеству побеждает врагов Господа. В качестве его сторонника мученик служит напоминанием о славном прошлом; как победитель он являет собой *Defensor fidei* в настоящем. Это ясное подтверждение господнего могущества в различных исторических обстоятельствах. Такие идеи направлены на восстановление, и не только духовное, Христианской империи посредством тела Церкви. Это объясняет отсутствие какой-либо открытой оппозиции оттоманской власти. Поэтому мы находим здесь, в Софии, концепцию *Byzance après Byzance* («Византия после Византии») того же типа, каковой мы находим в Константинополе после падения Империи, когда Вселенская церковь восприняла часть имперского наследия.

Ключевые слова: Христианская империя, Православная христианская община, почитание новомучеников, «мученик», историческая память.

Цитирование. Билярски И., Цибранска-Костова М. Историческая память и православная вера: *Byzance après Byzance* в Софии под оттоманским правлением // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 339–351. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.25>

1. Introduction. The Ottoman conquest of the Balkan Peninsula brought about a considerable change therein the established models of social life, the stratification of society and the conceptions regarding state power. In the Middle Ages, these conceptions were always directly related to the idea of the ruler as God's lieutenant in the visible world. This figure and its power required a special environment, which was usually created through the special status of the capital city as a sacred space. For the Orthodox countries of the *Byzantine Commonwealth*, this status was a heritage from the tradition of Constantinople, the New Rome. The sacralization of space was usually achieved by the concentration of holiness and grace within the capital city. The way to obtain this holiness and grace was to translate to the city the relics of saints, who thus became celestial protectors and intercessors of the ruler, of his power, and of the whole Empire. This *translatio reliquii* for the benefit of the whole society was in fact the responsibility of the prince, the country's secular ruler [25]. The Osmanlis having established their power over the Christian Balkan states, it could not be expected that a Muslim ruler would continue this tradition. For sure, the sultans aimed to affirm their power over their Christian subjects, and hence, they sought a kind of legitimation of their rule, and a consolidation of the people, but it was not possible to achieve this through this particular ceremony. Nevertheless, it should be said some

translationes reliquiarum did take place in the early Ottoman epoch: those of the "Tărnovian" saints Paraskeva, Philothea and the empress Theophanò from Tărnovo to Vidin and then of the first two mentioned from Vidin to Serbia [22], the translation of the relics of saint John of Rila from the former capital to his monastery in Rila mountain [21]. These examples will not be in the center of our research, yet we should ask ourselves what was the goal and the meaning of these acts. It should be said that the Christian people in the Ottoman Empire needed to preserve and recreate their historical memory and the memory of the sacred power and sacred space of the past Christian rulers. According to E. Boeck, the valorization of the past employs history and saints as a frame for commemoration and sanctification of Bulgarian objects and subjects. Hagiographic and homiletic works contributed to the legitimacy of Christianity and created, for the sacred space, a particular aesthetics that would serve the political, ideological and cultural power [23]. These needs and memories could be supported by various actions. One example of commemoration is directly related to our central topic: the reverence for the neomartyrs of Sofia in the 16th century and the new ways and new meanings of the sacralization of the city's space in the historical memory of Christians under Ottoman domination. This, in our view, is an example of the phenomenon that N. Iorga designated as "*Byzance après Byzance*" [26].

2. Neomartyrdom in Sofia in the 16th century. In the course of the 16th century, Sofia, the chief city of the Beglerbeglik of Roumelia, was the location of a specific historical religious phenomenon: during a period of 40 years (from 1515 to 1555), the martyrial deaths of three young men of Sofia led to the consolidation of the local Orthodox community and to a particular spiritual revival. The martyrs were Saint George the Younger of Sofia, Saint George the Youngest of Sofia and Saint Nicholas the Younger of Sofia. Here we could mention the veneration of Saint George the Old, born in Sofia, according to the unique Greek copy of his *Vita*, who received the martyr's crown in Adrianople on 26 March 1437 [9, p. 405]. The latter hagiographic hero will not be in the focus of our present research.

The three above-mentioned Sofia martyrs, and their veneration, have many common traits, which allow us to unite them under a common tradition: they were young, handsome, pious, successful and well-placed in society, and hence attracted the attention of the local Muslims. Two of them were not from Sofia: Saint George the Younger was from Kratovo and Saint Nicholas the Younger came from Ioannina. This fact made their veneration more universal. The schemas of their martyrdoms are likewise quite similar. They were misled by the Muslims, who wanted to convert them and did so by fraud. The three young men were not fighters against Islam, but merely wanted to preserve their Christian faith. A very special element in the narratives is the presence, in every case, of a spiritual master of the future saint, a guide who not only prepared him for the martyrdom, but also encouraged him during the very act of martyrdom and, usually not long after, wrote a *Vita* and / or composed a divine service for the saint. The devotee's master was a clergyman of high rank, well respected in the city and in good terms with the Ottoman power. The local authorities themselves are usually presented as figures reminiscent of Pontius Pilatus in the Gospel. We see the judge / governor, probably a *kadi*, presented as a fair and unprejudiced man who did not aim to destroy the young martyr or the local Christian community, yet conceded to the insistence of the Muslim rabble. The rabble was the real persecutor of the martyr, not the official Ottoman authorities. We should note one other trait common to the three Sofia martyrs that is

significant for their veneration: in all cases, the martyr's body was destroyed that it might not become a holy relic and a cult object.

All these facts leave the impression of a systematic approach being taken to the preparation of the martyrdoms and the subsequent veneration, an approach aiming at a precise effect: the creation of a local cult that would strengthen and consolidate the city's Christian community. This could happen only through the memory of the imported or locally created divine grace, a commemoration aimed at sanctifying the city, strengthening the faith and making the city a center of piety and devotion. However, the hallowed space does not lead to a feeling of separateness and insularity with regard to the city or the region; the aim is to achieve a universal holiness. In the Christian conception, the city is not simply a single agglomeration but a symbol of the ecumenical commonwealth of the faithful people, conceived of in the same way as in the Liturgy. The city is seen as a fully universal Christian symbol, as it appears likewise in the Eucharist ritual. Its ecumenical meaning in the Orthodox Church is closely connected to the fact that the Eucharist is sacrament that could be performed only once a day by the same priest in the same church, because it recreates *entirely*, for the *entire Universe*, the *Sacrifice of the Incarnate Logos* through the mystical transformation of His Blood and Flesh in the Eucharistic communion.

The Sofia martyrdoms should be studied in close connection with the Balkan and Anatolian context. Martyrdom was a typical phenomenon in the Balkans under Ottoman rule during the 16th–18th centuries [31; 30; 32; 29, p. 32–36; 34]. Training, inspiring, inciting, and, finally, creating a martyr was a widespread practice in the Ottoman Empire during this period. In Mount Athos, there was a special school for martyrs. This practice met with criticism, disagreement and opposition even within the Orthodox Church and the Christian community [33; 35]. It is not our aim to judge the centuries-old practice; in any case, its presence testifies to the existence of a deliberate policy aimed at an explicit result. That is way we would propose the working hypothesis that the final result of the 16th-century Sofia martyrdoms was focused on *the recreation of a unified, cohesive and compact Christian community such as had existed in this locality for centuries under various historical circumstances*.

The neomartyrdoms and the Christian revival in 16th-century Sofia led to the creation of *five literary works*, which formed the core of the cultural phenomenon called the *Sofia Literary School*. Its extant literary legacy consists in:

a) Two *Vitae* – the *Vita* of Saint George the Younger, Martyr, of Sofia, by priest Peyo [2; 1; 6] ², and the *Vita* of Saint Nicholas the Younger, Martyr of Sofia, written by Matthew the Grammarian, the *Great Lampadarius* (the person who carried candles in Church processions) of Saint Sophia Church [14; 3];

b) Two Services for the same neomartyrs. While the Service for Saint George the Younger presumably was composed by the same author [1], the author of the Service for Saint Nicholas the Younger Martyr has been proven to be a different hymnographer from Sofia, the monk Andrew [7; 8, pp. 265–278];

c) The fifth work is an anonymous Eulogy for all Sofia martyrs [11, pp. 78–91]. It should be pointed out that each of the works dedicated to Saint Nicholas the Younger Martyr and the Eulogy are preserved in only one copy, as part of a single manuscript dating to 1564. The manuscript itself is preserved under № 1521 in the collection of the Church Historical and Archive Institute of the Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church in Sofia (onward *CHAI* ³ 1521) [10, pp. 75–77; 16, c. 99; 15, pp. 119–120; 3, pp. 51–52; 18].

Martyrdom entailed subsequent veneration, which in turn required appropriate texts (*vita*, divine services and eulogies). This was a common practice that did not need to be guided by any special policy. Nevertheless, we must have in mind that all these events took place within a relatively short period of time; they involved the participation of high-ranking representatives of the clergy, who also became authors of the texts. We should note the case of the common Eulogy of Sofia neomartyrs, which testifies to a shared attitude to different veneration and formally unites them in a complex, in which they were presented, perceived, conceptualized and glorified together in the same cultural, historical and religious context.

These observations allow us to state that the cited literary works related to the neomartyrs of Sofia form a united, homogenous and well-focused complex, and were meant to serve for the recently established veneration. It is in this aspect that we

can appreciate the importance of the manuscript *CHAI 1521*. It was discovered in the church of Saint Nicholas the Younger in the neighborhood of Üçbunar (Three Fountains) in Sofia, and subsequently was transferred to the metropolitan cathedral of Saint Nedelya or Saint Kyriaki (Saint Dominica) [12; 17, pp. 1–3; 10, pp. 77, 191; 15, pp. 119–120; 3, pp. 51–52]. The manuscript was studied and partially published by the Russian scholar Polychrony Agapieievich Syrku, who worked on it during his mission in Bulgaria after the Russian-Ottoman war (more precisely, from September 1878 to September 1879). The scholar commissioned and paid the local teacher Manol Lazarov, of Sofia, to copy the texts. Based on this source, P. Syrku published the first description of the manuscript and the most important works it contained. At present, the codex *CHAI 1521* has 288 paper folia. It can be divided into three parts. The *first part* was prepared by the calligrapher priest Lazar of Kratovo. The organizing factor in this part is the date of Saint Nicholas the Younger Martyr's death, namely the 17th of May, 1555. The text is on ff. 41r–209r. Nicholas, a shoemaker, was born in the Greek town of Ioannina, in Epirus; the narrative about his exploit, supplied with the necessary liturgical texts, was added to the Orthodox calendar in the environment of already existing commemorations for the same day. The *second part*, written by another copyist, consists only of the common Eulogy for the three Sofia martyrs (ff. 202r–222r). The *third part* comprises fragments and works of various provenances, but gathered together as being all translations (from ff. 223r to the end of the manuscript). They come from the hand of an anonymous third author. The manuscript dates from 1564, which was explicitly indicated in priest Lazar's note, written in cryptogram and placed after the *Vita* of Saint Nicholas the Younger.

The first question is whether priest Lazar merely used a protograph from Sofia, following it in his manuscript of 1564, or personally compiled the earlier original works. The short sequence of time between the creation of the texts and the writing of the copy testifies in favor of an existing protograph. The gathering together of three original literary works in a manuscript codex is undoubtedly a synthesis of the combined veneration of the three new martyrs of Sofia, as Ivan Snegarov proposed many years ago [12, p. 17]. It seems obvious that

the local diocese of Sofia needed liturgical and hagiographic texts for the veneration of the local saints, and manuscripts to serve that purpose. Martyrdom was so essential to the Christian value system that each new example of it was subsumed under the model set by the first early Christian martyrs. The early Christian model of martyrdom had a connotation that made it particularly appropriate for emulation in the struggle against pagans and other infidels.

The second problem refers to the fact that the only known copy of these important texts was prepared in Kratovo (Macedonia). This Macedonian town was strongly linked to the whole story of the 16th-century Sofia martyrs. The first of these, Saint George the Younger, came to Sofia from his birth place Kratovo. Here he received the martyr's wreath on February 11, 1515. This fact established a shared neomartyrdom tradition for both towns.

3. The Ottoman power and the historical context of neomartyrdom. We have already indicated the ruler-related practice of the translation of relics and its purpose to provide special grace for the capital as a sacred place of power ([25; 20]. Also see the studies, collected in book: [27]). This consecration was expressed in particular artistic forms as well as in panegyric formulae. The capital cities are usually called "God-saved", "God-protected", etc., and the ruler is "faithful", "pious", "Christ-loving". In this respect, we should note the very important figure of *knez* Dimiter of Kratovo, who is mentioned in the dedication notes of both manuscripts from Sofia and Kratovo, related either to the neomartyrs, or to Matthew the Grammarian, the author of the *Vita* of Saint Nicholas the Younger. In the 1562 Gospel, the scribe's note states that the manuscript was prepared in мѣстѣ КРАТОВО ("town of Kratovo") [17, pp. 16–17]. The *knez* Dimiter himself was mentioned as a real medieval ruler: въ дѣни бгочестиваго и хѣтолюбиваго господара княза Димитрія. The cited encomia usually refer to sovereigns, not local figures, even if wealthy and influential. "Christ-loving" is a typical royal / imperial epithet; "pious" is mostly used in reference to inferior titles (the tsar's epithet is usually "faithful"), but is also commonly used for rulers. The expression "during the days of", with reference to persons in power, also testifies to a kind of ruler's position. We find the

same formula in the colophon of the manuscript *CHAI 1521*. In the latter, the city is qualified in a manner common to the Byzantine tradition with regard to capitals: въ бгочранимѣ мѣстѣ КРАТОВЕ. The use of the term "God-saved" is most significant, as it relates to the complex *Power-and-City* and to the heritage of Constantinople. It is also directly related to the veneration of Our Lady as protectress of the city; this was an essential part of the imperial ideology – to assert that the universal Empire and its capital is under the protection of God and the Mother of God. Undoubtedly, there was an obvious political element in the veneration of the neomartyrs, which could be related to *knez* Dimiter of Kratovo. In the colophon of *CHAI 1562*, he is mentioned as "*knez*", which places him in the category of local nobles and representatives of certain Christian communities in Western Bulgaria and Serbia – the term approximates to "major". He is mentioned together with the ecclesiastical head: kyr Macarius of the Archbishopric of the Serbian autocephalous Church in Peć, restored in 1557. Two years later, in 1564, *knez* Dimiter was "*iconom of the Great Church of Iustiniana Prima*" (i. e., of the Archbishopric of Ochrid). Some scholars believe that Kratovo was included in its diocese [17, pp. 18, 217]. In this context, the presence of *knez* Dimiter of Kratovo is a substitute for the missing Orthodox secular power in the literary works under research. For obvious reasons, we find mentioned only the Ottoman secular power in the person of the local *eparch* (the city governor) and the judge (the Ottoman *kadi*), who were not described pejoratively. The real persecutor of the martyrs was the Muslim rabble, not the official Ottoman power.

Thus, the only support the martyr obtains is from the Church, which represents the Christian people and is therefore a holder of power. This power should be conceived of in the perspective of the New Testament. It is the *community of the faithful people and their spiritual leaders*, representing the Church as Body of Jesus Christ. The martyr has a spiritual father – the local priest, and Saint Nicholas the Younger has a disciple – perhaps Matthew the Grammarian himself. They are not only eyewitnesses but actual participants in the events.

The manuscript *CHAI 1521* is centered on calendar principles (of a synaxarium type) and

encloses some texts related to the feasts in the month of May that follow the calendar day of Saint Nicholas the Younger (May 17). That is why the *Vita* and the Service for Saint George the Younger were not included in the codex. Otherwise, they would have been, Saint George being well known and venerated in his town of birth. This is one more reason to conclude that priest Lazar from Kratovo, who copied the manuscript, used an already prepared text matrix and did not compile the contents of the codex. *CHAI 1521* has a very special content that aims to integrate the new commemoration of local saints, whose veneration appeared in a different socio-cultural context characterized by strong religious confrontation. In this respect, we have to pay attention to the spiritual relations between Sofia and Kratovo, which were long under the jurisdiction of the Archbishopric of Ochrid. During the first half of the 16th century, this archbishopric, with its 33 local eparchies, reached its largest territorial spread. Obviously, the restoration of the Serbian Patriarchy in Peć in 1557 cut some eparchies away from Ochrid. Here, we shall limit ourselves to the observation that the neighboring regions of Sofia and Kratovo were under the influence of both ecclesiastical centers. We should also note the Serbian influence in Macedonia and Sofia during the late Middle Ages. Thus, we believe we have reason to study both centers – Sofia and Kratovo – together in the same, or similar, religious, political and cultural context, a substantial element of which was the veneration of the neomartyrs and the literary production related to it.

During the 16th century, the striving for integrity and continuity was a characteristic feature of the policy of the Church authorities under Ottoman rule. Neomartyrdom was obviously a factor of consolidation. We already mentioned the Serbian influence in Sofia and Kratovo, but these cities were also strongly linked to Ochrid. We should note the dedication of metropolitan cathedral churches to Saint Sophia the Wisdom of God in Service [4, pp. 570–575] and in Ochrid (pretending to be *Iustiniana Prima*). Such a dedication was relatively rare and demonstrated a significant political and religious reference, as it occurred only in capitals or in very important cities. Thus, we find churches dedicated to Saint Sophia in Constantinople, Thessalonica, and Kiev. This represents a

dedication to Our Lord Jesus Christ and refers to the Constantinopolitan model.

4. The literary texts of the cult and memory. The spiritual milieu in Kratovo, in the mid-16th century was such as stimulated the veneration of the Sofia neomartyrs. The veneration in question naturally required certain literary texts to be used for the commemorative cult. The *Eulogy* was a panegyric speech that aimed at an educative impact; it became the “best operative instrument” [5, pp. 5–23] in the relation between the priest and the people. Quite possibly, the common *Eulogy* was intended to serve as a sermon and be read publicly in the church on the feast day of Saint Nicholas in May. It should specially be noted that the manuscript *CHAI 1521* has numerous marginal notes containing calculations of the number of years elapsed from the death of Saint Nicholas to the date of the writing: this was a significant way of keeping alive the memory of the martyr in the city of his martyrdom. The local Christian community did its best to sanctify its city under Muslim rule and to create a specific sacral space centered on fidelity to Orthodoxy and the maintenance of the Church, viewed as a unity of the people and the clergy, who all suffered together during the martyrdom of “the defender of the faith in our times”, as Saint Nicholas was called.

The *Vita* of Saint Nicholas relates how the Muslims of Sofia tried hard to prevent the emergence of a new local Christian cult and to frustrate the preservation of the saint’s memory. They burned Saint Nicholas’s body in order to make him disappear. The most respected objects of veneration after the death of the physical person, namely the relics, had to vanish completely. The Muslims had previously proceeded in the same way with George the Younger. Saint Nicholas’s *Vita*, in keeping with the historical situation, presented a different perspective on holiness. *The model of holiness did not comprise the relics at all.* Moreover, the Lives of Saint Georges the Younger and of Saint Nicholas made it clear that the deliberate burning of the body by the Muslims, after a series of tortures, represented the crown of martyrdom. The words of the torturers according to the Life of Saint George are telling: “Do not believe you will obtain any part of his body! We shall burn him entirely, and we shall scatter his ashes in the air” [13, p. 306]. Thus, the paradigm of holiness was fulfilled in a

stable city-descriptive program, in which Sofia played the basic role. Let us trace some of the most important elements of this program.

Matthew the Grammarian consciously strove to integrate his new work into the traditions of martyrology, though it was written in a new socio-cultural environment, under conditions of intense religious confrontation; he had broken free of the mandatory norms entailed by specific textual categories. He chose the model of projecting saintliness by taking it from history and situating it in the contemporaneous 16th century, and by shifting it from the outward geographic location to an internal sphere of spiritual content. According to the hagiographic schema, the birthplace of the future martyr is, by definition, holy and pious. Sofia is the place raised to a higher rank in Matthew's work, and compared by him to the "Promised Land", richly watered, like God's Paradise. In this schema, the city is an organizing dominant of the holy space. The hagiographic hero walks the road to the place of his earthly death in order to continue his eternal life in heaven. The description is distinguished by its double structure: on the one hand, the use of images and symbols taken from the Biblical semantic code, and on the other, some kind of historical authenticity. In the beginning of his description, the author places the land of Sredets against a broad historical and geographic background not only by referring to *македонѣи* (in Macedonia), as this large area of the Balkans was called in the literature of that period, but also by using the denomination "Europe" (*вѣлицѣи европѣи*), the continent – the city is located at the intersection of the ancient Roman routes connecting Central Europe to Constantinople and the Danube to Thessalonica. Sofia was reputed for its natural beauties, mountains, cold springs and healing thermal waters. Its external beauty was so undeniable that it outrivaled many other places in Arabia, Palestine, the Roman province Illyricum, Egypt, and the Italian lands. But once again, the geographic landmarks are merely external projections of the internal continuum of the Orthodox holiness of past times. Thus, being aware how much Sofia excels "not in breadth and great buildings" but in piety, the author goes on to present some chronological references to early Christian history and those of its greatest defenders who had left traces in what was once called Sardikia

(from *Sardica*), as well as other major examples taken from the Christian history of the city.

Respecting the chronological succession, Matthew the Grammarian offered readers a sacralized history of Sofia, making references to historical figures or *realia* that embodied the idea of Christian sanctity. This was a sure way to preserve the historical memory of the sacred place and to create a particular type of expectation about the future of Christianity in the Balkans. The *first* reference is to the Church Council of Sardica in 343, which confirmed the Nicæan Symbol of Faith and issued 20 rules of the Holy Ecumenical Christian Church. It was attended by distinguished Christian thinkers and ecclesiastical figures, including Saint Athanasius the Great, Bishop of Alexandria. The *second* reference, to past and present martyrdoms in Sofia, was also related to the city's sacred history. While Matthew the Grammarian, in presenting the legend of the early Christian martyr Saint Therapontus of Sardis (who suffered in Phrygia circa AD 250–260), connected him to 16th-century Sofia as the place of his martyrdom, the reminder of Sredets as a holy place for the hermit Saint John of Rila and for the exploits of St. George the New of Sofia and St. George the Youngest of Sofia, was based on an authentic historical localization. The basic idea was to foster the vision of how ever-burning holiness had been present here since early Christian times and up to the time of the 16th-century Sofia martyrs. The *third* reference was to the holy environment of the city: the numerous churches in Sofia and the network of monasteries around it, which merited the name of the Little Holy Mountain of Sofia. Following the Athonite model, the monastic agglomeration around Sofia reproduced a holy space as an isle of Orthodoxy within an alien religious environment. In discussing this passage from the *Vita* of Saint Nicholas the Younger, researchers usually argue that the author was employing hyperbole and idealization, mostly because Matthew the Grammarian spoke about "the daily erection and affirmation of holy churches in the city and all around". However, the *Vita* contains something more important and, to some extent, symbolic: the allusion to the Great Holy Apostolic Church of God shining amidst the city. Was the compiler referring to a concrete church? According to his description, the church in question sheltered

the wonder-working relics of the Serbian king Stephen Uroš II Milutin; this fact was known to Silouan, the metropolitan of Sardica, who had transferred the relics from Trepča to Sofia in 1459. The same church also contained “the holy relics of the above-mentioned martyrs”. It was called the “dressed bride of Christ” and a breeder with “the milk of Spirit”; it beatified by means of the Divine light of the righteous clergy – bishops, priests, deacons, lectors, domestics – and by uninterrupted liturgy. On the one hand, the Great Lampadarius might have had in mind the church of Saint Sophia, to which he was devoted. As we stressed above, the original *Vitae* of the Sofia martyrs George the Younger and Nicholas the Younger contained references to actual loci in the city’s topography. Two churches are mentioned in the *Vita* of Saint George the Younger of Sofia: Saint Sofia and Saint Marina; indicated in the *Vita* of Saint Nicholas the Younger of Sofia is the church of the Ascension of Our Lord.

However, we may ask ourselves whether the author has not presented a general, symbolic depiction of the *Ecclesia*, the Church of Christ, with its most important characteristics indicated in the Symbol of the Faith and Orthodox ecclesiology. Among these are the Church as a spiritual pillow of the city and its Orthodox community, with the help of which the spatial continuum of Sofia’s Orthodox sanctity has once again regained its grounds. If this later bipolar image-symbol seems plausible, we may conclude that the design of sanctity in the *Vita* of Saint Nicholas the Younger echoes in a specific way the established Byzantine Orthodox concept of the Church-City, as depicted in iconography [28; 19; 24, pp. 39–41]. This image would be particularly significant for a city whose name is derived from the concept of Sophia, the Great Wisdom of God. Our assumption would not seem illogical, taking into account that the passage in question relies on three quotations from the Psalter and two from the Canticle of Canticles, reproduced literally or paraphrased. All these quotations praise “the courts of God, the abode of God, the Holy Church of God” (Ps 44:15, Song 4:1, 7:7, 2:5, Ps. 15:3, Ps. 83:1–2).

Holiness as a basic concept of Christian thought was also embodied in other Biblical topoi. In Matthew the Grammarian’s work, the Divine Grace shed upon the city of Sofia is *timeless and continuous, as well as reproduced here and*

now, thanks to the “flourishing piety of the city”. The second basic concept mentioned is *Upper Jerusalem* – not in the description of the city, but as a final stop on the road of the hagiographic hero. Although this topos is formally missing, replaced with the medieval cliché expression *цѣсарьство, царьство небесное*, the allusion to the celestial home is present in all literary works from Sofia. In the *Vita* of St. George of Sofia, we should compare the especially important quotation from the Gospel of Matthew (5:14–15): *понеже не възможе градъ съкрыти се връхоу горы стое, ниже свѣтильникъ подъ спядомъ полагает се, нъ на свѣщникъ възъльгае се, да въходящии свѣтъ видѣтъ* [2, p. 236]. In the *Vita* of Saint Nicholas the Younger, the Orthodox ideologeme relevant to sanctity relies on the presentation of the martyr’s city as a small model of God’s kingdom, of a God-chosen place and God’s home; there by the author confirms the Divine predestination of the hero, who, led by Divine providence and a guardian angel, came from elsewhere to absorb Sofia’s holiness and, through his suffering, to impart additional sanctity to the city. Matthew the Grammarian writes about an Ottoman city that was Nicholas’s birthplace and a city of his martyrdom, but he did not try to establish a similarity by using the “ruler” paradigm related to power. In this sense, we believe we should give him full credit for his original descriptive program regarding the city, a program that combines three sources: the Bible, history and legend. The verbal description of Sofia in the *Vita* by Matthew the Grammarian is one of the most recognizable creative elements in this work and an original contribution to hierotopy in the Balkans from the period of “*Byzance après Byzance*”.

The concrete geographic descriptions and the data about the natural resources of Sofia, the abundant historical information, were just a starting point for shaping the *sacralized image of the city as a spiritual space*. Hence, in the *Vita* of Saint Nicholas, the epithets range from designations of basic qualities to stable clichés, inherited from the descriptive tradition regarding cities in Byzantine and Slavonic literature. The model of praising had changed in 16th century hagiography with regard to the institution of ruler, but it preserved the connection with tradition with regard to *fidelity to Orthodoxy*. The hymnographic material from the Sofia literary school uses

two-part adjectival modifiers for the city, verbs, and specific stylistic-rhetorical formulas in the praises (encomiums) of Sofia, shaped through an anaphora of the imperative “Rejoice, city”, or the so-called heretisms. This was a favorite device of Old Bulgarian writers and became a major rhetorical convention in a number of works. It is worth noting that verbal formulas of that kind were used both in hymnographic works and in the anonymous Eulogy, an example of oratory prose. Being only one of many similarities, this feature demonstrates the unity of artistic principles and that Matthew was following Old Bulgarian models.

An important and typical feature of the *Vitae* of Sofia neomartyrs are the literary patterns borrowed from the evangelical narrative about the Passion of Our Lord Jesus Christ. In the *Vitae*, we find certain narratives that repeat the Gospel story of the Passion: the image of the pious Christian who shines in youth, goodness and honor. He is a relatively wealthy man who enjoys the respect of his community. He is peace-loving and does not provoke the aggression of the Muslims except by his excellent personal qualities. It was not the Ottoman authorities who incited and brought about the tragic events, but the fanatical Muslim rabble – the same people who had tried to attract the young Christian would, in failing to do so, try to destroy him. The Ottoman authorities play the role of the Romans in the Gospel. The local governor-judge is presented in the role of Pontius Pilatus: he is aware that the martyr is innocent but finally cedes to the rabble. The Christian community can do no more than give some spiritual and moral support to the martyr. The people were eyewitnesses of his passion and afterwards kept and cared for his memory.

We should pay special attention to the question of relics. Due to the special concern of the Muslims, there are practically no, or very few, relics of the Sofia neomartyrs. In this respect there is, again, a similarity to the Lord's and the Holy Virgin's relics: due to the Resurrection and Assumption in body, we have only objects from Jesus and Mary, and no corporal remains like those of other saints. Faithful Christians only have for their worship the Holy Places where the Lord and the Mother of God lived, and certain contact relics: the Holy Cross, the Mandilion, the instruments of the Passion, the Holy Veil of Our Lady, and other such.

Can we look for a similarity to the neomartyrs in this respect? To some extent, we can: we have almost no bodily relics, holy memory and a holy urban space created through a verbal image. This space is sanctified by the *Presence of God* that is attained by affiliation to His image through the saintly man's imitation of Christ. It is important to note that the sacralization of space is a result of special and purposeful efforts. On one hand, there is the preparation of the future martyr for his martyrdom; he must thereby consolidate the Christian community. On the other hand, there is the creation of the verbal image of the city in the framework of the new cult's literary works that point to a definite religious and political goal.

5. Conclusion. We have tried to argue that the aims of the veneration of Sofia neomartyrs were religious and political, and that these aims were attained through the exaltation of the Christian faith and the creation and maintaining of a historical memory. The direction of the intended results, however, was not anti-Ottoman but anti-Islamic; the veneration aimed to consolidate the Orthodox Christian congregation. It is to the people of Orthodox confession, not to the “national” (in this period mostly “ethnic”) community, that the veneration of the neomartyrs was addressed. The strengthening of the congregation could be achieved excellently through the martyr's bearing witness (having in mind that “*martyros*” means “witness” in Greek); the martyr adds holiness to the place and sacralizes the city space. The witness is not only the creator of sacredness, he is also a keeper of the memory of the past. The martyr is a champion because he / she vanquishes the foes of God through his / her martyrdom. As a champion, he is a reminder of the glorious past; as a victor, he is a *defensor fidei* in the present. This is a clear confirmation of God's power under different historical circumstances. Thus, the same result is obtained as by M. Tsibranska-Kostova the *translatio* of holy models: that of (Upper) Jerusalem and of Constantinople for the city, and of (Lower) Mount Athos for the (holy) place. They are both directed at the restoration, but only spiritual, of the Christian Empire through *the Body of the Church*. This explains the absence of any overt opposition against Ottoman power. Therefore, we find here a conception of *Byzance après Byzance* of the

same type as we find in Constantinople after the fall of the Empire, when the Ecumenical Church adopted part of the Empire's heritage.

NOTES

¹ The financial support from the Bulgarian Academy of Sciences under Bilateral grant agreement between BAS and the Romanian Academy (The Project "Religious rhetoric of power in the Byzantine and Balkan Middle Ages Institut des études sud-est européennes, Académie roumaine") is gratefully acknowledged.

The scientific editing of the article is realized by Yury Vin.

² It is well known that "Житије Георгија Кратовца" ("Zhitije Georija Kratovtsa") ["The Live of George Kratovtsa"], published by D.D. Bogdanović in particular, is attributed as "Житие Георгия Нового" ("Zhitie Georija Novogo") ["The Live of George Young"].

³ The abbreviation "СНАИ" ("ЦИАИ"): Църковно-исторически и архивен институт. Св. Синод на Българската Православна църква; Българска Патриаршия. София (Ts'rkovno-istoricheski i arkhiven institut. Sv. Sinod na Bulgarsata Pravoslavna ts'rkva; Bulgarska Patriarshiya. Sofia).

BIBLIOGRAPHY

1. Ангелов, Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 3 / Б. Ангелов. – София : БАН, 1978. – 281 с.
2. Богдановић, Д. Д. Житије Георгија Кратовца / Д. Д. Богдановић // Зборник историје књижевности. Одељење језика и књижевности. – 1976. – Књ. 10. – С. 203–267.
3. Буюклиева, А. Г. Житие на Николай Нови Софийски от Матей Граматик в контекста на житийната традиция / А. Г. Буюклиева. – София : Врѣма, 2008. – 312 с.
4. Градева, Р. С. Софийската катедрална църква XV – началото на XIX век / Р. С. Градева // Балканите. Модернизация, идентичности, идеи : сборник в чест на проф. Надя Данова / отг. ред. Ю. Т. Константинова. – София : Ин-т за балканистика, 2011. – С. 564–583.
5. Грашева, Л. Б. Поглед върху старобългарската ораторска проза / Л. Б. Грашева // Стара българска литература. В 7 т. Т. 2. Ораторска проза / ред. Б. Ст. Ангелов [и др.]. – София : Български писател, 1982. – С. 5–29.
6. Калиганов, И. И. Георгий Новый у восточных славян / И. И. Калиганов. – М. : Индрик, 2000. – 798 с.
7. Кожухаров, Ст. Е. Тах Андрей – един незабелязан химнописец от XVI в. / Ст. Е. Кожухаров

// Старобългарска литература. – 1985. – Кн. 18. – С. 150–160.

8. Кожухаров, Ст. Е. Химнографска интерпретация на софийските мъченичества от XVI век. Инок Андрей. Служба за Николай Софийски. / Ст. Е. Кожухаров // Проблеми на старобългарската поезия. Т. 1. – София : Боян Пенев, 2004. – С. 259–278.

9. Михайлов (Апостолов), А. Един неизвестен софийски мъченик / А. Михайлов // Старобългарска литература. – 1971. – Кн. 1. – С. 403–411.

10. Николов, А. Н. П.А. Сирку в България (1878–1879) / А. Н. Николов, Л. А. Герд. – София : Боян Пенев, 2012. – 432 с. – (Studia mediaevalia Slavica et Byzantina ; т. 3).

11. Райкова, М. А. Похвална беседа за софийските мъченици / М. А. Райкова // Palaeobulgarica. – 2010. – № 1. – С. 61–94.

12. Снегаров, И. И. Поглед към изворите за св. Никола Софийски / И. И. Снегаров // Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. – 1932. – Т. 9. – С. 1–74.

13. Стара българска литература. В 7 т. Т. 4. Житиеписни творби / ред. Б. Ст. Ангелов [и др.]. – София : Български писател, 1986. – 688 с.

14. Сырку, П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. / П. А. Сырку. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1901. – CCCXI, VI, 176 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук ; т. 71, № 2).

15. Темелски, Хр. И. Храмът св. Николай Нови Софийски / Хр. И. Темелски. – София : Синева, 2000. – 214 с.

16. Христова, Б. В. Български ръкописи от XI до XVIII век, запазени в България. Своден каталог. Т. 1 / Б. В. Христова, Д. М. Караджова, А. К. Икономова ; под ред. И. С. Дуйчев, Б. Н. Райков. – София : Народна библиотека «Кирил и Методий», 1982. – 366 с.

17. Христова, Б. В. Бележки на български книжовници X–XVIII в. Т. 2. XVI–XVIII век / Б. В. Христова, Д. М. Караджова, Е. Г. Узунова ; науч. ред. Б. Н. Райков, Д. Н. Петканова. – София : Народна библиотека «Кирил и Методий», 2004. – 387 с.

18. Цибранска-Костова, М. П. Към езиковата практика на Софийската книжовна школа от XVI век: преводните синаксарни жития в ръкопис ЦИАИ 1521 / М. П. Цибранска-Костова // 145 години Българско книжовно дружество: езиковедски изследвания. Приложение към сп. «Български език», 2014 / ред. И. Д. Златанов. – София : Емас, 2014. – С. 200–213.

19. Biliarsky, Iv. A. La demeure et la corne de l'Empire / Iv. A. Biliarsky // Orientalia Christiana Periodica. – 2003. – Vol. 69, Fasc. I. – P. 179–197.

20. Biliarsky, Iv. A. La translation des reliques à la capitale du second empire bulgare et les idées du pouvoir / Iv. A. Biliarsky // *Liturgia e agiografia tra Roma e Costantinopoli. Atti del 1 e 2 Seminario di Studio, Roma-Grottaferrata, 2000–2001* / a cura di K. St. Stantchev, St. Parenti. – Grottaferrata : Congregazione Monaci Basiliani, 2007. – P. 329–338.

21. Biliarsky, Iv. A. Le dernier voyage de saint Jean de Rila. La translation des reliques dans le contexte du début de la domination ottoman / Iv. A. Biliarsky // *Les reliques en action. Variations juridiques sur la force agissante des choses sacrées* / Dir. X. Perrot. – Limoges : Pr. univers. de Limoges, 2019. – P. 147–163.

22. Biliarsky, Iv. A. Images Virginis et la rhétorique du pouvoir dans l'œuvre littéraire du patriarche Euthyme de Tarnovo et de son cercle / Iv. A. Biliarsky // *The Religious Rhetoric of Power in Byzantium and South-Eastern Europe. Proceedings of the Session held at the 12th International Congress of South-Eastern European Studies (Bucharest, 2–6 September 2019)* / ed. by Iv. A. Biliarsky, M. Mitrea, A. C. Timotin. – Brăila : Muzeul Brăilei "Carol I" : Ed. Istros, 2021. – P. 127–147.

23. Boeck, E. N. Imagining the Byzantine Past. The Perception of History in the Illustrated Manuscripts of Skylitzes / E. N. Boeck. – Cambridge : Cambr. Univ. Pr., 2015. – XVIII (XXII), 314 p., 16 pl.

24. Erdeljan, J. Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa / J. Erdeljan. – Leiden ; Boston : Brill, 2017. – XII, 264 p.

25. Guran, P. Invention et translation des reliques – un cérémonial monarchique? / P. Guran // *Revue des études sud-est européennes*. – 1998. – Vol. 36, Pts. 1–4. – P. 195–229.

26. Iorga, N. Byzance après Byzance. Continuation de "L'Histoire de la vie byzantine" / N. Iorga. – Bucarest : Assoc. intern. d'Études du Sud-Est Européen. Com. nat. roumain, 1935. – 312 p., 14 pl.

27. L'Empereur hagiographe. Culte des saints et monarchie byzantine et post-byzantine / ed. par B. Flusin ; publ. de P. Guran. – Bucureşti : New Europe College, 2001. – 376 p.

28. Lidov, A. M. Heavenly Jerusalem : The Byzantine Approach / A. M. Lidov // *Jewish Art*. – 1998. – Vol. 23–24. – P. 340–353.

29. Vaporis, M. N. Witnesses for Christ. Orthodox Christian Neomartyrs of the Ottoman period 1437–1860 / M. N. Vaporis. – Crestwood, N. Y. : St Vladimir's Seminary Pr., 2000. – XIV, 377 p.

30. Zachariadou, E. A. The Neomartyr's Message / E. A. Zachariadou // *Δελτίο Κέντρου Μικροασιατικών Σπουδών*. – 1990. – Τ. 8. – Σ. 51–63.

31. Zachariadou, E. A. Religious Dialogue between Byzantines and Turks during the Ottoman Expansion / E. A. Zachariadou // *Religionsgespräche im Mittelalter. Vorträge, gehalten anlässlich des 25. Wolfenbütteler Symposions vom 11.–15. Juni 1989 in der Herzog-Au-*

gust-Bibliothek / hrsg. von B. Lewis, F. Niewöhner. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1992. – S. 289–304.

32. Zachariadou, E. A. The Neomartyr's Message // *Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottoman* / E. A. Zachariadou. – Burlington : Ashgate, 2007. – P. 51–63. – (Variorum Collected Studies Series ; vol. 882).

33. Ηλιοῦ, Φ. Πόθος μαρτυρίου : Από τις βεβαιότητες στην αμφισβήτηση του Μ. Γεδεών. Συμβολή στην ιστορία των νεομαρτύρων / Φ. Ηλιοῦ // *Ιστορικά*. – 1995. – № 12 (23). – Σ. 267–284.

34. Πατρινέλη, Χ. Γ. Μία ανέκδοτη Διήγηση για τόν άγνωστο Νεομάρτυρα Γεώργιο (†1437) / Χ. Γ. Πατρινέλη // *Ορθόδοξος παρουσία*. – 1964. – Τ. Α', τ. 1–2. – Σ. 65–74.

35. Τζεδόπουλος, Γ. Εθνική ομολογία και συμβολική στην Ελλάδα του 19ου αιώνα. Οι εθνομάρτυρες / Γ. Τζεδόπουλος // *Μνήμων*. – 2002. – Τ. 24. – Σ. 107–143.

REFERENCES

1. Angelov B.St. *Iz starata balgarska, ruska i srabska literatura. Kn. 3* [From the Old Bulgarian, Russian and Serbian Literature. Vol. 3]. Sofia, BAN Publ., 1978. 281 p.

2. Bogdanović D. Zhitije Georgija Kratovtsa [The Live of George Kratovtsa]. *Zbornik istorije knjizhevnosti. Odeljenje jezika i književnosti* [Collection of Works on the History of Literature. Language and Literature Course], 1976, vol. 10, pp. 203–267.

3. Buyuklieva A.G. *Zhitie na Nikolay Novi Sofiysky ot Matey Gramatik in konteksta na zhitiynaya traditsiya* [The Life of Nicolay Sofiysky by Mattheus Gramatic in Context of Hagiographical Tradition]. Sofia, Vreme Publ., 2008. 312 p.

4. Gradeva R.S. Sofiyskata katedralna tsarkva XV – nachaloto na XIX vek [The Sofia Cathedral of the 15th – Early 19th C.]. Konstantinov Yu.T., ed. *Balkanite. Modernizatsia, Identichnosti, Idei. Sbornik v chest na prof. Nadya Danova* [The Balkan. The Modernization, Identities, Ideas. The Collection in Honor of Prof. Nadya Danova]. Sofia, In-t za balkanistika, 2011, pp. 564–583.

5. Grasheva L. B. Pogled varkhu starobalgarskata oratorska proza [The View of Old Bulgarian Orator Prose]. Angelov B.St. et al., eds. *Stara balgarska literatura. V 7 t. T. 2. Oratorska proza* [The Old Bulgarian Literature. In 7 Vols. Vol. 2. Orator Prose]. Sofia, Balg. pisatel Publ., 1982, pp. 5–29.

6. Kaliganov I.I. *Georgiy Novyy u vostochnykh slavyan* [George Young of the East Slavonians]. Moscow, INDRIK Publ., 2000. 798 p.

7. Kozhukharov St.E. Tah Andrey – edin nezabelyazan himnopsisets ot XVI v. [The Humble Monk Andrey – An Unnoticed Hymnograph of the

16th c.]. *Starobalgarska Literatura* [Old Bulgarian Literature], 1985, vol. 18, pp. 150-160.

8. Kozhukharov St.E. Himnografiska interpretatsiya na sofiskite machenichestva ot XVI vek. Inok Andrey. Sluzhba za Nikolay Sofijski [The Hymnographic Interpretation of Sofia Martyrdoms of the 16th c.]. *Problemi na starobalgarskata poeziya. T. 1* [The Problems on the Old Bulgarian Poetry. Vol. 1]. Sofia, Boyan Penev Publ., 2004, pp. 259-278.

9. Mikhaylov (Apostolov) A. Edin neizvesten sofiski machenik [An Unknown Sofia Martyr]. *Starobalgarska literatura* [Old Bulgarian Literature], 1971, vol. 1, pp. 403-411.

10. Nikolov A.N., Gerd L.A. *P.A. Sirku v Balgariya (1878–1879)* [P.A. Sirku in Bulgaria (1878–1879)]. Sofia, Boyan Penev Publ., 2012. 432 p. (Studia mediaevalia Slavica et Byzantina; vol. 3).

11. Raykova M.A. Pohvalna beseda za sofiskite machenitsi [The Laudatory Conversation on the Sofia Martyrs]. *Palaeobulgarica*, 2010, no. 1, pp. 61-94.

12. Snegarov I.I. Pogled kam izvorite za sv. Nikola Sofijski [The View of Sources on St. Nikola of Sofia]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet. Bogoslovski fakultet* [The Year-Book of Sofia University. The Theological Faculty], 1932, vol. 9, pp. 1-74.

13. Angelov B.St. et al., eds. *Stara balgarska literatura. V 7 t. T. 4. Zhitiepisni tvorbi* [The Old Bulgarian Literature. In 7 Vols. Vol. 4. Hagiographical Works]. Sofia, Balg. pisatel Publ., 1986. 688 p.

14. Syrku P.A. *Ocherki iz istorii literaturnykh snosheniy bolgar i serbov v XIV–XVII vekakh. Zhitie sv. Nikolaya Novago Sofiyskogo po edinostvennoy rukopisi XVI v.* [The Essays on History Literary Relations of Bulgarians and Serbs in the 14th–17th cc. The Life of St. Nikolay Young of Sofia by the Single Manuscript of the 16th c.]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1901. CCCXI, VI, 176 p. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk; t. 71, № 2 [The Collection of Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences; vol. 71, no. 2]).

15. Temelsky Chr.I. *Hramat sv. Nikolay Novi Sofijski* [The Church of St. Nikolay Young of Sofia]. Sofia, Sineva Publ., 2000. 214 p.

16. Khristova B.V., Karadzhova D.M., Ikononova A.K. *Balgarski rakopisi ot XI do XVIII vek, zapazeni v Balgaria. Svođen katalog. T. 1* [The Bulgarian Manuscripts of the 11th–18th C., Kept in Bulgaria. The Combined Catalogue. Vol. 1]. Sofia, Narodna biblioteka “Kiril i Metodiy” Publ., 1982. 366 p.

17. Khristova B.V., Karadzhova D.M., Uzunova E.G. *Belezhi na balgarski knizhovnitsi X–XVIII v. T. 2. XVI–XVIII v.* [The Notes to Bulgarian Writers of the 11th–18th cc. Vol. 2. The 16th–18th cc.].

Sofia, Narodna biblioteka “Kiril i Metodiy” Publ., 2004. 387 p.

18. Tsibranska-Kostova M.P. Kam ezikovata praktika na sofiskata knizhovna shkola ot XVI vek: prevodnite sinaksarni zhitiya v rakopis TsIAI 1521 [To the Language Practica of the Sofia Literary School of the 16th C.: The Translated Synaxarium Lives in Manuscriptum CHAI 1521]. Zlatanov I.D., ed. *145 godini Balgarsko knizhovni druzhestvo: ezykovedski izsledovaniya. Prilozhenie kam spisaniya “Balgarski ezik”, 2014* [145 Years of Bulgarian Literary Society: Linguistic Studies. Addition to Journal “Bulgarian Language”, 2014]. Sofia, Emas Publ., 2014, pp. 200-213.

19. Biliarsky Iv.A. La demeure et la corne de l’Empire. *Orientalia Christiana Periodica*, 2003, vol. 69, fasc. I, pp. 179-197.

20. Biliarsky Iv.A. La translation des reliques à la capitale du second empire bulgare et les idées du pouvoir. Stantchev K.St., Parenti St., ed. *Liturgia e agiografia tra Roma e Costantinopoli. Atti de I e II Seminario di Studio Roma-Grottaferrata, 2000–2001*. Grottaferrata, Congregazione Monaci Basiliani, 2007, pp. 329-338.

21. Biliarsky Iv. Le dernier voyage de saint Jean de Rila. La translation des reliques dans le contexte du début de la domination ottoman. Perrot X., ed. *Les reliques en action. Variations juridiques sur la force agissante des choses sacrées*. Limoges, Pr. univers. de Limoges, 2019, pp. 147-163.

22. Biliarsky Iv. Images Virginis et la rhétorique du pouvoir dans l’œuvre littéraire du patriarche Euthyme de Tarnovo et de son cercle. Biliarsky Iv., Mitrea M., Timotin A. C., eds. *The Religious Rhetoric of Power in Byzantium and South-Eastern Europe. Proceedings of the Session Held at the 12th International Congress of South-Eastern European Studies (Bucharest, 2–6 September 2019)*. Brăila, Muzeul Brăilei “Carol I”; Ed. Istros, 2021, pp. 127-147.

23. Boeck E.N. *Imagining the Byzantine Past. The Perception of History in the Illustrated Manuscripts of Skylitzes*. Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2015. XVIII (XXII), 314 p., 16 pl.

24. Erdeljan J. *Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa*. Leiden, Boston, Brill, 2017. XII, 264 p.

25. Guran P. Invention et translation des reliques – un cérémonial monarchique? *Revue des études sud-est européennes*, 1998, vol. 36, pts. 1–4, pp. 195-229.

26. Iorga N. *Byzance après Byzance. Continuation de “L’Histoire de la vie byzantine”*. Bucarest, Assoc. intern. d’Études du Sud-Est Européen. Com. nat. roumain, 1935. 312 p., 14 pl.

27. Flusin B., Guran P., eds. *L’Empereur hagiographe. Culte des saints et monarchie byzantine et post-byzantine*. București, New Europe College, 2001. 376 p.

28. Lidov A. Heavenly Jerusalem: The Byzantine Approach. *Jewish Art*, 1998, vol. 23–24, pp. 341–353.
29. Vaporis M.N. *Witnesses for Christ. Orthodox Christian Neomartyrs of the Ottoman Period 1437–1860*. Crestwood, N.Y., St Vladimir's Seminary Pr., 2000. XIV, 377 p.
30. Zachariadou E.A. The Neomartyr's Message. *Deltio Kentrou Mikroasiatikōn Spoudōn* [Bulletin of the Center for Asia Minor Studies], 1990, vol. 8, pp. 51–63.
31. Zachariadou E.A. Religious Dialogue Between Byzantines and Turks During the Ottoman Expansion. Lewis B., Niewöhner F., ed. *Religionsgespräche im Mittelalter. Vorträge, gehalten anlässlich des 25. Wolfenbütteler Symposions vom 11.–15. Juni 1989 in der Herzog-August-Bibliothek*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1992, S. 289–304.
32. Zachariadou E.A. The Neomartyr's Message. Zachariadou E.A. *Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottoman*. Burlington, Ashgate, 2007, pp. 51–63. (Variorum Collected Studies Series; vol. 882).
33. Ēliou Ph. Pothos martyriou: apo tis bebaiotētes stēn amfisbētēsē tou M. Gedeōn. Symbolē stēn istoria tōn neomartyrōn [Desire for Martyrdom: from the Certainties to the Controversy of M. Gideon. Contribution to the History of the New Martyrs]. *Istorika*, 1995, no. 12 (23), pp. 267–284.
34. Patrinelē Ch.G. Mia anekdotē Diēgēsē gia ton agnosto Neomartyra Georgio (†1437) [An Unpublished Narrative About the Unknown New Martyr George]. *Orthodoksos parousia* [The Orthodox Advent], 1964, vol. 1, no. 1–2, pp. 65–74.
35. Tzendopoulos G. Ethnikē omologia kai symbolikē stēn Ellada tou 19ou aiōna. Oi ethnomartyres [National Confession and Symbolism in the 19th Century Greece. The National Martyrs]. *Mnēmōn* [Memories], 2002, vol. 24, pp. 107–143.

Information About the Authors

Ivan Alexandrov Biliarsky, DSc (Doctor Scientiarum Historiae), Professor, Institute of Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Boulevard Shipchenski prohod, 52, Bl. 17, 1113 Sofia, Bulgaria, ivan.biliarsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8084-8858>

Mariyana Petrova Tsibranska-Kostova, DSc, Professor, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Boulevard Schipchenski prohod, 52, Bl. 17, 1113 Sofia, Bulgaria, tzibran@ibl.bas.bg, <https://orcid.org/0000-0002-5699-7503>

Информация об авторах

Иван Александров Билярски, DSc, профессор, Институт исторических исследований, Болгарская академия наук, бул. Шипченски проход, 52, бл. 17, 1113 г. София, Болгария, ivan.biliarsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8084-8858>

Марияна Петрова Цибранска-Костова, DSc, профессор, Институт болгарского языка, Болгарская академия наук, бул. Шипченски проход, 52, бл. 17, 1113 г. София, Болгария, tzibran@ibl.bas.bg, <https://orcid.org/0000-0002-5699-7503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.26>

UDK 94(451)+27

LBC 63.3(0)4

Submitted: 29.04.2020

Accepted: 12.04.2021

THE MINISTRY OF DEACONESSSES IN BYZANTIUM AND PROJECTS FOR ITS RECONSTRUCTION AT THE PRE-COUNCIL CONFERENCE IN RUSSIA OF 1906¹

Andrey V. Posternak

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The order of deaconesses in Byzantium was formed by the time of the Council of Chalcedon in 451. The idea of the institutionalization of the women's ministry was revived in the new conditions in Russia of the 19th – early 20th century because of the need for Church reforms. *Materials and methods.* A comparative analysis of the ancient order of deaconesses and the project of its reconstruction in Russia allows us to determine characteristics of the ministry and status of deaconesses that depended on the specific living conditions of the Church. The deaconesses in the Byzantine Empire were ministers of the Church: the bishop ordained widows or virgins between the ages of 40 and 60. Deaconesses kept chastity, had property rights, were assigned to a parish, helped priests at the baptism of women, and were subordinate to clergymen. By the 12th century, the female order in Byzantium disappeared, however the honorary title of deaconess could later be worn by the prioress of female monasteries. The Russian Church has never had deaconesses, but in the 19th – early 20th century projects were discussed for the reconstruction of this women's ministry which was actively developing in the protestant tradition. The Pre-Council Conference in 1906 developed a draft of Church reforms, including the rules for orthodox deaconesses, who could be elected from active parishioners, not nuns. It was assumed that these women were supposed to keep order in the Church, help the priest in the parish, at the baptism and catechumenate of women, help the sick and the needy, in the so called “inner mission”. However, the undeveloped status of deaconesses as new ministers of the Church did not allow this project to be implemented. *Results.* The order of the deaconesses that disappeared in Byzantium and the attempt to restore it in Russia show that a stable institutionalization of women's ministry took place only at a certain period in the history of the Church which needed it.

Key words: deaconesses, women's ministry, Byzantine Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Pre-Council Conference in 1906, “inner mission”.

Citation. Posternak A. V. The Ministry of Deaconesses in Byzantium and Projects for Its Reconstruction at the Pre-Council Conference in Russia of 1906. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 352-364. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.26>

УДК 94(451)+27

ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 29.04.2020

Дата принятия статьи: 12.04.2021

СЛУЖЕНИЕ ДИАКОНИСС В ВИЗАНТИИ И ПРОЕКТЫ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НА ПРЕДСОБОРНОМ ПРИСУТСТВИИ В РОССИИ 1906 ГОДА¹

Андрей Владимирович Постернак

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Институт диаконалисс в Византии сложился к эпохе Халкидонского собора 451 года. Идея институализированного женского служения возродилась в новых условиях в России XIX – начала XX в. в связи с необходимостью церковных реформ. Сравнительный анализ древнего чина диаконалисс и проекта его восстановления в России позволяет выделить характеристики служения и статуса диаконалисс, зависевшие от

конкретных условий жизни Церкви. Диакониссы в Византии были церковнослужительницами: епископ посвящал вдов или дев через рукоположение в возрасте от 40 до 60 лет. Диакониссы хранили целомудрие, обладали имущественными правами, прикреплялись к приходским храмам, помогали священникам при крещении женщин, подчинялись клирикам-мужчинам. К XII в. женский чин в Византии перестал существовать, однако почетное звание диаконисс могли носить руководительницы женских монастырей. В Русской Церкви диаконисс никогда не было, но в XIX – начале XX в. обсуждались проекты возрождения этого женского служения, которое активно развивалось в западной протестантской традиции. На Предсоборном присутствии 1906 г. был подготовлен проект церковных реформ, были составлены правила для православных диаконисс, которые могли избираться из активных прихожанок, не монахинь. Предполагалось, что служительницы будут следить за порядком в храме, помогать священнику на приходе, в том числе при крещении и катехизации женщин, помощи больным и нуждающимся – в так называемой «внутренней миссии». Однако данный проект так и не будет реализован. Исчезнувший в Византии чин диаконисс и попытка его восстановления в России показывают, что устойчивая институализация женского служения произошла лишь в определенный период существования Церкви, имевшей в этом потребность.

Ключевые слова: диакониссы, женское служение, Византийское православие, Русская Православная Церковь, Предсоборное присутствие 1906 г., «внутренняя миссия».

Цитирование. Постернак А. В. Служение диаконисс в Византии и проекты его восстановления на Предсоборном присутствии в России 1906 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 352–364. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.26>

Введение. Служение диаконисс в Древней Церкви и византийский период отражало потребности внутрицерковной жизни, связанной с необходимостью оказывать помощь женщинам, принимающим крещение, или христианкам, членам общин. Оно зависело от местных условий, но постепенно необходимость в этом женском чине для Церкви отпала, и уже после VII в. он исчез. Однако идея институализированного женского служения, претерпевая трансформацию, возрождалась в новых условиях. В России соответствующие предпосылки возникли в XIX в., в период активного развития благотворительности, «внутренней» (то есть нацеленной на благотворительную помощь обездоленным и нуждающимся внутри страны) и «внешней» (нацеленной на катехизацию и обращение в православную веру малых народов империи, сохранявших языческий уклад жизни) миссии после эпохи Великих реформ – именно тогда вопрос о возобновлении служения диаконисс стал актуальным.

Методы. Служение древних диаконисс и попытка восстановления данного чина в России к началу XX в. отражают глубинные изменения внутри Церкви и общества, которые можно рассматривать как универсальные, а на примере сравнения двух форм служения можно вычлени общие характеристики служения и статуса диаконисс, зависевшие от

конкретных условий жизни Церкви, что и является предметом данной статьи. В современной научной литературе при колоссальном количестве исследований, посвященных разным аспектам церковной деятельности женщин, в частности диаконисс, в восточной и западной частях Древней Церкви (см. составленные нами обзор научной литературы и библиографию в кн.: [14, с. 14–22, 487–518]), достаточно мало специальных работ именно о служении диаконисс в Византии, начиная с IV века. В отдельных статьях и главах монографий рассмотрены или конкретные примеры известных и знатных диаконисс [35] или отдельные аспекты их служения [27], роль в литургической жизни [28], местонахождение и функционал в храме [16, с. 150–162], в том числе в св. Софии [40]. Однако служение диаконисс важно охарактеризовать с помощью историко-критического метода на основании имеющихся источников византийского времени как институциональное в период его расцвета и как модель, на которую будут ориентироваться как на эталон для восстановления данного служения члены Предсоборного присутствия 1906 г., материалы которого являются основой для анализа восстанавливаемого чина диаконисс в Православной Церкви в России.

Анализ. В ранневизантийский период, к эпохе Халкидонского собора 451 г., статус диаконисс уже оформился. Можно определен-

но говорить о сложившемся функционале этих женщин по таким более ранним памятникам, как «Дидакалия» (III в.) и «Апостольские постановления» (IV в.). В диакониссы могла избираться дева или вдова, бывшая один раз замужем [29, vol. 2, p. 348 (Const. ap. VI.17.4)]. В «Апостольских постановлениях» сохранилась молитва епископа на посвящение диакониссы [29, vol. 3, p. 220, 222 (Const. ap. VIII.19–20)], которое совершалось им через возложение рук [29, vol. 2, p. 146 (Const. ap. III.11.3)]. Во время крещения женщин диаконисса, помогая епископу, помазывавшему елеем лишь голову крещаемой, для соблюдения приличия помазывала остальные части тела и могла затем воспринимать ее из купели и наставлять в вере [29, vol. 2, p. 156, 158 (Const. ap. III.16.2–4); vol. 3, p. 230 (Const. ap. VIII.28.6); 28, vol. 1, p. 208, 210 (Did. III.12.2–4)]. Диакониссы стояли у женского входа в храм, очевидно, там, где существовало разделение на женские и мужские половины [29, vol. 1, p. 314 (Const. ap. II.57.10); vol. 3, p. 230 (Const. ap. VIII.28.6)]; посещали дома христианок, живших в языческом окружении, куда невозможно было направить мужчину-клирика [26, vol. 1, p. 208, 210 (Did. III.12.1,4); 29, vol. 2, p. 154, 156; 160 (Const. ap. III.16.1; 19.1)], чтобы помочь им во время болезни [26, vol. 1, p. 210 (Did. III.12.4)]. Диакониссы, очевидно в силу своего статуса, причащались первыми среди женщин [29, vol. 3, p. 210 (Const. ap. VIII.13.14)]. До конца непонятно, насколько повсеместным было это служение, однако уже 15-й канон Халкидонского собора предписывал «в диакониссы поставлять женщину возрастом не моложе сорока лет» [42, ст. 3] (рус. пер. цит. по: [12, с. 369]). Такая практика сохранялась и позднее, в VI–VII вв., что подтверждают 123-я новелла Юстиниана (546 г.) [25, Nov. 123.13], а также 14-й и 40-й каноны Трулльского собора 691–692 гг. [41, ст. 11–12], и даже поздневизантийский комментатор Матфеей Властарь в «Алфавитной синтагме» (XIV в.), созданной после исчезновения женского служения [23, col. 1171, 1173]. Сорокалетний возраст рассматривался в 40-м каноне Трулльского собора [41, ст. 11–12] как установленный «священными правилами», то есть, скорее всего, вышеупомянутым 15-м правилом Халкидонского собора, и, с одной сторо-

ны, как отступление от канонов святителя Василия Великого, считавшего, что монахиней могла становиться девица, достигшая совершеннолетия в 16 или 17 лет [34, p. 158, Bas. Magn. Ep. (191) 199 ad Amph., can. 18], а с другой – как отступление от предписания апостола Павла из Первого послания к Тимофею об избрании вдов не менее как шестидесятилетних (1 Тим. 5. 3–16). Последний тезис подтверждает и 2-я конституция 16-й книги Кодекса Феодосия (390 г.), устанавливавшая для диаконисс 60-летний возраст «согласно предписанию апостола» [36, Cod. Theodos. 16.2.27 pr.] (рус. пер. С.А. Емельяновой цит. по: [15, с. 119]); по 6-й новелле Юстиниана он «не должен быть юным или преклонным... быть старше средних лет и приближаться к пятидесяти годам»: более молодая женщина могла рукополагаться только в монашеской обители [25, Nov. 6.6] (рус. пер. К.А. Максимовича цит. по: [10, с. 39]). 50-летний возраст предписывал диакониссам Афанасий Схоластик [19, Athanas. Schol. Nov. const. (19)1.1.9], во всяком случае не менее 40 лет [19, Athanas. Schol. Nov. const. (32)1.2.25]. Таким образом, в византийской традиции минимальные возрастные границы для рукополагаемых женщин устанавливались в диапазоне от 40 до 60 лет. Их канонические обоснования возводились к апостольской эпохе и рассматривались либо как указания апостола Павла вдовам, служение которых отождествлялось со служением диаконисс (что на самом деле является поздним толкованием слов апостола), либо как отступление от этого правила.

Как происходило рукоположение диаконисс в ранневизантийский период неизвестно. Наиболее полное чинопоследование сохранилось лишь в рукописи Барберини (не ранее 787 г.), византийском литургическом памятнике Южной Италии [5, с. 31, 172–173, 384–386, Euchologion. 163–164], когда в Восточных Церквах женский диаконат уже перестал существовать. Впрочем, рукопись могла отражать литургическую практику, восходившую и к V в. [39, p. 27–31]. По косвенным, но достаточно убедительным данным можно утверждать, что рукоположение происходило в алтаре. В частности, оно, как и хиротония диакона, начиналось после Анафоры перед ектеньей «Вся святая помянувшие...», то есть во вре-

мя Литургии, когда рукополагаемая подводилась к архиерею, и маловероятно, что ради посвящения диакониссы епископ перед причастием специально покидал алтарь – этот факт как исключительный нашел бы отражение в чинопоследовании, в общих чертах сходном с рукоположением диакона. В той же рукописи Барберини в конце описания чинопоследования рукоположения диакона сказано, что оно, как и хиротония диакониссы (τῆς διακονίσσης χειροτονία), должно происходить на полной Литургии или Литургии Преждеосвященных Даров [5, с. 171, Euchologion. 162.14]. Опять же при внеалтарном посвящении, которое может происходить в любой момент богослужения, данная оговорка не имела бы смысла. В конце чинопоследования указано, что «после того, как она причастилась Святого Тела и Пречистой Крови, архиепископ дает ей святую чашу, которую она принимает и поставляет на святую трапезу» [5, с. 386, Euchologion. 164.13] (рус. пер. С. Голованова цит. по: [5, с. 173]). Очевидно, что причастие диакониссы в таком случае происходило в алтаре. Матфей Властарь, хотя и гораздо позднее, чем сложился чин рукописи Барберини, свидетельствовал: «Другие говорят, что им [диакониссам. – А. П.] позволялось входить и в святой алтарь и проходить служение, подобное служению диаконов (τὰ τῶν διακόνων ἀνδρῶν παρὰ πλῆσιν αὐτοῖς μετιέναι)», а во время хиротонии диакониссы «приводится к священному престолу» (τῇ γὰρ ἱερᾷ τραπέζῃ προσαγομένην) [23, col. 1173, Matth. Blast. Synt. alph. Γ, cap. 11] (рус. пер. Н. Ильинского цит. по: [15, с. 169]). Ему вторил другой византийский канонист Феодор Вальсамон, что «некогда чин диаконисс признавался в канонах, и у них [диаконисс] было [определенное] положение в алтаре (εἶχον καὶ αὐταὶ βαθμὸν ἐν τῷ βήματι)» [21, col. 988; Theod. Bals. Resp. ad interrog. Marci. 35] (рус. пер. А.В. Постернака цит. по: [15, с. 164]). Таким образом, скорее всего, в алтаре во время Литургии женщина подводилась к архиерею, не вставала на колени, а только наклоняла голову, на которую епископ клал руку и читал молитвы, осеняя ее крестным знамением. Епископ брал диаконский орарь и надевал его на шею диакониссы двумя концами вперед под особый, напоминающий монашескую одежду, мафорий, после чего, как ска-

зано выше, диаконисса причащалась. Основываясь на особенностях посвящения диаконисс (нахождение в алтаре, читаемые архиереем молитвы, определенное сходство чинопоследований диакона и диакониссы, возможность касаться женщинам священных сосудов, ношение диаконского ораря), можно высказать осторожное предположение, что положение диаконисс сильно сближалось с положением диаконов. Матфей Властарь, комментируя посвящение диаконисс, кратко подтверждал основные моменты рукоположения диакониссы по рукописи Барберини: что она не становится на колени, а лишь нагибает голову, когда архиерей читает молитву, возлагает на нее диаконский орарь двумя концами вперед, после чего она «причащается Божественных Таин после диаконов и, приняв чашу из рук архиерея, никому не преподает, но тотчас ставит ее на святую трапезу [престол] (ἀλλ' εὐθὺς ἐπιτίθεναι τοῦτο τῇ ἁγίᾳ τραπέζῃ)» [23, col. 1176, Matth. Blast. Synt. alph. Γ, cap. 11] (рус. пер. Н. Ильинского цит. по: [15, с. 310]). Властарь утверждал, что епископ «отнюдь не дозволяет ей служить при Пречистых Тайнах или брать в руки рипиды, подобно диакону», однако при этом сообщал «об обязанностях [диаконисс. – А. П.], которые те же, что и у диаконов, кроме небольшого» (πλὴν ὀλίγων, ὅσα καὶ ἐπὶ τοῖς διακόνοις)» [23, col. 1176, Matth. Blast. Synt. alph. Γ, cap. 11] (рус. пер. Н. Ильинского цит. по: [15, с. 310]). Что имел в виду под последним Властарь, трудно прокомментировать, однако он явно сближает функционал диаконисс и диаконов.

Диакониссы, как и любые штатные клирики, по практике, сохранившейся для клириков до нынешних дней, прикреплялись к определенным храмам или монастырям, где согласно специальному статуту полагалось иметь их определенное число, например, в константинопольской Софии согласно 3-й новелле императора Юстиниана – не более сорока [25, Nov. 3.1], то же подтверждают патриарх Фотий (820–896) со ссылкой на указ императора Ираклия I (610–641) [31, col. 556, Phot. Synt. can. I.30] и «Василики», в комментариях к которым уточнялось, что эти сорок диаконисс, помимо Софии, должны были служить еще в трех городских храмах [22, Basilica. III.2.1]. В житии св. Олимпиады, отражавшем

исторический контекст более позднего, чем V в., времени (создано анонимным автором и сохранилось в «Парижском» и «Флорентийском» кодексах XI и XIV вв.), сообщается, что бы монастырь, где эта святая была посвящена, «всегда имел четыре диаконских места [для женщин]» (ἐπὶ τὸ τὰς τέσσαρας διακονίας εἰς τὸ διηγεῖσθαι) [38, р. 415, Vita S. Olymp. 7] (рус. пер. А.В. Постернака цит. по: [15, с. 275]). Диакониссы могли обладать защищенным Церковью имуществом, которое никто не мог у них отторгнуть, пересмотрев условия дарения, наследства или другой сделки, по которой они его получили [25, Nov. 123.37]. Впрочем, эта защита упразднялась в случае серьезной провинности диакониссы, связанной с нарушением целомудрия: виновная ссылалась в монастырь, а ее имущество распределялось между ее детьми (если таковые были), приходским храмом, где она служила, и монастырем, куда отправлялась [25, Nov. 123.30], эти же требования повторяют позднее «Расширенный Прохирон» [32, Prochir. auct. 28. 71] и Матфей Властарь [23, col. 1173, Matth. Blast. Synt. alph. Г, cap. 11]).

В диакониссы могла посвящаться женщина, не только обладавшая имуществом, но и высокого происхождения, о чем свидетельствуют примеры св. Олимпиады, а также сестры (ее имя осталось неизвестным) патриарха Кириака II (592–606), в память о которой одно из мест Константинополя, по свидетельству Псевдо-Кодина (XV в.), получило название «Угодья диакониссы», имевшее хождение как минимум до X в.: «“Угодья Диакониссы” основал патриарх Кириак во времена царя Маврикия [582–602. – А. II.], его сына [Тиберия, 590–602. – А. II.], и так было названо данное место, потому что патриарх, будучи диаконом, там жил, – но и сестра того самого патриарха, диаконисса, пребывала там» (Τὰ Διακονίσσης ἔκτισεν Κυριακὸς πατριάρχης ἐν τοῖς χρόνοις Μαυρικίου βασιλέως τοῦ συντέκνου αὐτοῦ· ἐπεκλήθη δὲ οὕτως ὁ τόπος, ὅτι ὁ πατριάρχης διάκονος ὦν ἐκεῖσε ἦκει· ἀλλὰ καὶ ἡ ἀδελφὴ τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου ἐκεῖσε ἦν διακόνισσα) [33, р. 250, Ps.-Codin. Patr. Constant. III.102] (рус. пер. С.А. Емельяновой цит. по: [15, с. 164]). После смерти приходской диакониссы храм мог также претендовать на ее имущество [36, Cod. Theodos. 5.3.1; 27,

Nov. 123.13]. Диаконисса, как и остальные клирики, находилась в подчинении у епископа, который сначала получал извещение от истца в случае имущественной претензии женщине, а потом разбирал саму тяжбу [25, Nov. 123.21].

Диакониссы должны были, как и в более ранний период, «прислуживать при досточтимых крещальных чинах и помогать при прочих неизреченных [священнодействиях], которые обычно совершаются с их участием во время святых таинств» [25, Nov. 6.6] (рус. пер. К.А. Максимовича цит. по: [10, с. 39]). По сути, на это же указывал и Иоанн Мосх в «Луге духовном» в случае с иерусалимским архиепископом Петром (524–546/550), который из-за смущения старца Конона крестить взрослую женщину хотел избрать диакониссу [30, col. 2853, Mosch. Iohan. Prat. spirit. 3]. Диакониссы являлись участницами богослужений, на которых присутствовал император. В частности, Константин VII Багрянородный (913–959), описывая выход и шествие императора через святую Софию накануне Пасхи, в день Великой Субботы, упоминает их стоящими в «женском нартике» (τοῦ γυναικίτου νάρθηκος) [24, Const. Porph. De cerimon. I.171]. Д.Ф. Беляев обоснованно считал, что речь идет о «гинекеконе» – северном нижнем нефе храма св. Софии, добавляя при этом, что женщины могли занимать верхние западные и северные галереи («катехумении») над левым нефом и, соответственно, над нартиком [1, с. 142–145]. По мнению Р. Тафта, «гинекеем» (вышеназванным, по Д. Беляеву, «гинекеконе»), или «катехумениями», назывались галереи, окаймлявшие храм с трех сторон (кроме восточной) [16, с. 94, 141]).

Диакониссам предписывалось обязательное хранение целомудрия, они часто упоминаются в «Новеллах» наряду с монахинями и отшельницами «и сами могли быть монахинями» [25, Nov. 123.21, 28, 37]. Соблазнение диакониссы приравнивалось к уголовному преступлению, как и против постницы-монахини [25, Nov. 123.43], а добровольно нарушавшая чистоту отстранялась от служения и ссылалась в монастырь [25, Nov. 123.30].

Первые указания на то, что чин диаконисс в Византии, по крайней мере, в области Иерусалима, был упразднен, относятся к VI в., то есть уже ко времени складывания корпуса

новелл Юстиниана. В «Луге духовном» Иоанн Мосх в начале VII в. сообщал как о недавнем событии о вышеприведенной истории с иерусалимским архиепископом Петром, который во избежание искушений старца Конона хотел для помощи ему при крещении женщин посвятить диакониссу, «но не сделал этого, потому что не позволял закон (διὰ τὸ μὴ ἐπιδέχεσθαι τὸν τρόπον ᾗ)» [30, col. 2853, Mosch. Iohan. Prat. spirit. 3] (рус. пер. М.И. Хитрова цит. по: [8, с. 7]). Византийский знаток церковного права Феодор Вальсамон в комментарии на 15-й канон Халкидонского Собора свидетельствовал, что к его времени (XII в.) «то, [о чем говорится] в данном правиле, совсем исчезло. Теперь диакониссы не рукополагаются, хотя некоторых отшельниц и называют неправильным словом “диакониссы”». [20, col. 441; Theod. Balsam. Comm. in can. 15 Conc. Chalc.] (рус. пер. А.В. Постернака цит. по: [15, с. 132]). Вальсамон в другом трактате ссылался на то, что чин диаконисс прекратил свое существование еще потому, что молодым женщинам из-за месячных очищений было запрещено входить в алтарь [13, col. 988; Theod. Bals. Resp. ad interrog. Marci. 35]. Об этом же писал и Матфей Властарь [23, col. 1173, Matth. Blast. Synt. alph. Г, сар. 11]. Очевидно, к этому времени давно ушла в прошлое практика крещения взрослых женщин и Церковь уже не нуждалась в других специфических функциях диаконисс, а канонисты пытались объяснить отсутствие диаконисс физиологическими особенностями женщин, которые в более раннюю эпоху не являлись препятствием для посвящения служительниц у престола.

Термин диаконисса в византийской традиции XIII–XIV вв. мог использоваться не только применительно к монахиням, но и в отношении женщин-руководительниц женских монастырей: именно так именуются настоятельница и келарница (заведующая хозяйством) в типиконе константинопольского монастыря Божией Матери «Твердое упование» [37, р. 57 (XI.68), р. 57–58 (XII.69), р. 73 (XIX.97)], о чем свидетельствовали отдельные подзаголовки устава, например: «Какая диаконисса [должна быть] также заведующей келарием [монастырской кладовой] и в чем состоят ее обязанности (Τίς ἡ διάκονος τοῦ κελλαρίου καὶ ἐπιστάτις καὶ τί ποτέ ἐστὶ τὸ ἔργον

τῆς διακονίας αὐτῆς)» [37, р. 57 (XII.69)] (рус. пер. А.В. Постернака цит. по: [15, с. 166]). На Западе к этому времени уже имело место сходное словоупотребление, когда аббатиссы могли именовать диакониссами, что встречается в письмах Пьера Абеляра к Элоизе: «Полагаем необходимым и достаточным для полного управления монастырем семи жен из вашей среды: келарницу, ризничную, ухаживающую за больными, певчую, алтарницу и наконец диакониссу, которую теперь называют аббатиссой (et ad extremum diaconissam, quam nunc abbatissam nominant)» [18, р. 164, Abael. Ep. ad Heloiss. 8] (рус. пер. А.В. Постернака цит. по: [15, с. 224]).

В Русской Православной Церкви, несмотря на тесную связь с византийской традицией, диаконисс никогда не было. Идеи по привлечению новых «служительниц», диаконисс, к миссионерской деятельности высказывали архимандрит Макарий (Глухареv) [9, с. 99–122] и епископ Николай Японский (Касаткин) [11, с. 311, 373] в контексте развития миссионерской деятельности среди инородцев, свящ. Александр Гумилевский предлагал разработать устав диаконисс для активизации именно приходской церковной жизни в противовес деятельности сестер милосердия [13, стб. 141–166, 177–182]. Однако первым опытом реального обсуждения чина диаконисс в Русской Церкви стало Предсоборное присутствие 1906 г., созданное по указу императора Николая II с целью разработать законодательную базу для Церкви в новых послереволюционных условиях и в конечном счете подготовить Поместный собор, чтобы изменить управление всей Церковью.

Вопрос о диакониссах обсуждался в IV отделе присутствия, занимавшемся вопросами приходской жизни, его история освещена в некоторых работах [17, с. 328–334; 3, с. 348–353], в одной из которых даже делалось обобщение, что еще до начала работы присутствия в Русской Церкви было выработано 2 модели восстановления диаконисс как монашествующих и приходских [17, с. 333]. И особый интерес представляет сравнение этого проекта с известными фактами о служении диаконисс в Византии. Уже на заседании 21 марта была впервые озвучена идея важности восстановления чина диаконисс, осо-

бенно там, где есть благотворительные женские общества [7, т. 1, с. 797–798]. 19 апреля протоиерей А. Заозерский в контексте обсуждения вопроса об избрании женщин в приходские советы вспомнил о древних диакониссах, у которых был высокий статус, напомнив, что по Матфею Властарю они причащались, беря в руки чашу, и подчеркнул, что женщина ныне устранена от церковного служения, но в вопросах служения бедным и больным всегда играла исключительную роль [7, т. 1, с. 800].

Протоиерей А. Мальцев в докладе «Внутренняя миссия», приложенном к журналу № 5 от 20 апреля [7, т. 1, с. 809–816], продвигал идеи о необходимости развития активной социальной помощи (уход за больными, помощь нуждающимся) людям со стороны Церкви, в которой, по его словам, в древности уже существовал такой опыт деятельности диаконисс, занимавшихся именно широкой благотворительностью. Такого рода церковная деятельность в рамках протестантских деноминаций, по словам А. Мальцева, получила наименование «внутренняя миссия», крайне необходимая и для России. Таким образом, докладчик, по сути, отождествлял основные цели деятельности современных ему уже существовавших протестантских и древних диаконисс. Более того, для него включение женщин в активную помощь нуждавшимся было непременным условием возрождения и приходской церковной жизни в России [7, т. 1, с. 810–811, 816].

К 5 июля 1906 г. IV Отдел утвердил окончательный проект Нормального устава православных приходов России [7, т. 1, с. 852], согласно 12 статье которого девиц и вдов не младше 40 лет православного вероисповедания, занимавшихся церковной деятельностью на приходе, епископ мог посвятить в диакониссы [7, т. 1, с. 859; т. 2, с. 1066]. По инструкции, разработанной для настоятелей церквей, этому должно было предшествовать предварительное ходатайство настоятеля храма, особенно в тех местах, где сильно сектантское или старообрядческое влияние, то есть подчеркивалась важность катехизаторских функций женщин [7, т. 1, с. 871]. Появление диаконисс, по мысли составителей документа, было необходимо и

«для возвышения нравственно-просветительного воздействия духовенства на паству» [7, т. 2, с. 914; т. 3, с. 665].

К 12 параграфу «Проекта Нормального устава» прилагался «Проект правил жизни и деятельности православных диаконисс» [7, т. 1, с. 877–879], который постатейно предусматривал следующее. Диакониссами могли стать православные христианки, желавшие послужить Церкви, посвященные на это служение архиереем [7, т. 1, с. 877], причислявшиеся к клиру [7, т. 1, с. 877]. Их функционал состоял в заботе о церковных облачениях и утвари, чистоте и общем благолепии в храме. Для уборки алтаря диакониссам разрешалось входить в алтарь, но без права касаться жертвенника и престола [7, т. 1, с. 877]. Во время богослужения диакониссы должны следить за общим порядком, поведением женщин и детей, помогать при причастии младенцев и крещении взрослых женщин [7, т. 1, с. 877]. Диакониссы, будучи соответственно подготовленными, должны катехизировать женщин, готовящихся к крещению [7, т. 1, с. 877], помогать священнику и приходскому совету в заботе о сиротах и в делах благотворительности (изыскивать средства, посещать больных, трудиться при богадельнях, если таковые имелись при приходах) [7, т. 1, с. 877]. Диакониссы должны присутствовать на всех приходских богослужениях, выполнять положенное молитвенное правило, читать Евангелие и Псалтирь дома, если не было возможности посетить службу [7, т. 1, с. 877]. Служительницы должны причащаться в великие праздники, но не менее четырех раз в год, вести строгую благочестивую жизнь [7, т. 1, с. 877]; должны носить скромную одежду, а по благословению епископа – даже наподобие монашеской [7, т. 1, с. 878]. В диакониссы посвящаются вдовы и девы в возрасте не менее сорока лет. Епископ совершает посвящение с возложением диаконского ораля во время Литургии, на малом входе (как и диакона), с чтением древней молитвы, или вне Литургии, во время молебна по особому чинопоследованию (в примечании дана ссылка на рукопись Барберини) [7, т. 1, с. 878–879]. Вдовы и девы младше сорока лет могли быть допущены к новому служению в звании церковниц без посвящения и права входить в алтарь [7, т. 1, с. 879]. Труды

диаконисс признавались безвозмездными, но в старости женщины имели право на призрение от прихода [7, т. 1, с. 879]. Если при храме имелись «кружки сестер» (собрания благочестивых прихожанок), они могли объединяться вокруг диаконисс и становиться подготовительной ступенью к новому женскому званию [7, т. 1, с. 884].

На заседаниях 2 и 5 декабря к приходскому уставу свои замечания высказал Л.А. Тихомиров, подчеркнув, что диакониссы должны стать членами приходского собрания [7, т. 3, с. 655]. Епископ Могилевский Стефан (Архангельский), в свою очередь, предложил докладную записку игуменьи Леснинского монастыря Холмской епархии Екатерины (Ефимовской) о восстановлении чина диаконисс и рапорт епископа Холмского Евлогия (Георгиевского) по этому поводу. Игуменья Екатерина считала необходимым основание при Леснинской обители общины диаконисс с миссионерскими целями, а для их подготовки – училища богословия, поддержанного благотворителями, куда могли поступать девицы и вдовы со средним общим образованием. Епископ Евлогий как правящий архиерей епархии Леснинского монастыря, принципиально не возражая против нового чина, указывал на то, что в древности он существовал очень недолго, а это ключ к пониманию новой проблемы женского служения, которое исчезло не из-за отсутствия надобности, а из-за сокращения числа лиц, готовых посвятить себя новому служению, и из-за того, что сами диакониссы «оказывались не на высоте своего призвания» (впрочем, данный аргумент не был никак подтвержден), а сейчас потребуется очень много диаконисс и возникнет проблема регулирования их отношений с настоятелем и приходом [7, т. 3, с. 657], чтобы женщины не ушли в оппозицию применительно к другим клирикам. По мнению епископа Евлогия, посвящение диаконисс не должен совершать архиерей, то есть «в настоящее время желательно восстановление служения, а не чина диаконисс» [7, т. 3, с. 658]. Протоиерей Ф. Успенский сделал замечания на проект игуменьи Екатерины и отзыв епископа Евлогия, главным из которых было то, что IV отдел ставил перед собой задачу возродить приходское служение диаконисс, которыми будут местные прихожан-

ки, а не женщины со стороны, и к их подбору надо тщательно относиться [7, т. 3, с. 658]. Н.Д. Кузнецов добавил, что на первых порах необходим «рассадник для их надлежащего приготовления», которым и могла быть Леснинская обитель [7, т. 3, с. 659–660]. Но идея «рассадника» поддержана не была, и члены комиссии постановили замечания Успенского внести в журнал, а решение IV отдела оставить без изменений [7, т. 3, с. 660].

В материалах Предсоборного присутствия не оказалось подробного церковно-исторического обоснования возрождения чина диаконисс, а рассуждения епископа Кириона (Садзаглишвили) о наличии диаконисс в Грузинской Церкви не были подтверждены документально [7, т. 3, с. 21]. Историческую справку в докладной записке для отдела дает игуменья Екатерина (Ефимовская), ссылаясь на древние источники, апеллируя, правда, и к более раннему, чем византийский, периоду истории Церкви. Она утверждала, что «диакониссы причислялись к клиру» и поставлялись через рукоположение [4, РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 340, л. 5], 15 правило Халкидонского собора она толкует именно как хиротонию диаконисс. По ее мнению, «в диакониссы посвящались лица, испытанные в нравственности и благочестии и для своего времени образованные, начитанные в Священном Писании и способные обучать истинам веры» [4, РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 340, л. 4–8], то есть нацеленные на катехизацию. В дальнейшем игуменья активно выступала в церковной печати, популяризуя опыт древних диаконисс в современных условиях, который возрождали монахини ее монастыря [6].

Результаты. Византийский чин диаконисс был тесно связан с развитием церковной жизни, когда женщины рукополагались по особому чину, сходному с диаконским, включались в число церковнослужителей, приписывались к приходам, могли обладать собственным имуществом, которое было ограждено императорским правом, помогали при крещении женщин, являлись участницами церковных чинопоследований, но самое главное – именно благодаря диакониссам сформировалось служение, позволявшее женщинам выполнять в Церкви институализированную деятельность. Важнейшими характеристиками диа-

конисс были возраст (не менее сорока лет) и строгое хранение целомудрия, что по сути сначала сближало (на это указывают «Новеллы» Юстиниана, в которых диакониссы и монахини упомянуты в одном ряду), а затем пусть и формально, но отождествляло их статус с монашеским: в поздневизантийской традиции руководительницы монастыря могли называться диакониссами, хотя таковыми уже не являлись. Ничего неизвестно о канонических запретах служения диаконисс в Византии, за исключением вышеупомянутого косвенного свидетельства Иоанна Мосха. Очевидно, исчезновение диаконисс было связано не с особой «нечистотой» женщин в определенные периоды и запретом в этой связи войти им в алтарь, как утверждал Вальсамон, а с естественным развитием жизни Церкви, уже не нуждавшейся в институциональном женском служении (например, помощь при крещении взрослых женщин). В свою очередь, развитие женского монашества давало женщинам возможность подвизаться в аскетическом образе жизни, который по статусу приписывался и диакониссам. Кроме того, диакониссы, будучи церковнослужительницами, имевшими епископское посвящение, в условиях церковных реалий византийского времени не могли быть включены в состав мужского клира (диакониссы в «Новеллах» Юстиниана стояли первыми в ряду других женщин, подвизавшихся в аскезе, но отдельно от клириков-мужчин), поэтому сохранение и развитие института диаконисс в эпоху позднего Средневековья становилось в принципе невозможным.

При попытках восстановить чин диаконисс на Предсоборном присутствии 1906 г. все его активные участники подчеркивали, что нужно возрождать женское институциональное служение в Церкви, но только ориентированное на социальную и катехизаторскую деятельность: диакониссы должны заботиться о больных и немощных, помогать священнику, следить за порядком в храме, заниматься религиозным просвещением, имея соответствующую подготовку. При том что возраст в сорок лет для посвящения диаконисс предполагалось оставить обязательным, а принятие монашеских обетов им не предписывалось. Статус женщин, несмотря на принятые

правила, оставался недостаточно определенным, поскольку не было речи о собственно посвящении и внешнем одеянии (мафории с орарем) диаконисс, как в древние времена: например, епископ имел право посвятить женщину во время молебна, то есть уже не во время Литургии, о чем вполне определенно свидетельствовала рукопись Барберини, и не у престола в алтаре по Властарю и Вальсамону. Они не являлись монахинями, не включались в число клириков и даже не могли быть членами приходских советов. Функционал, который за ними оставался, был сходен с тем, чем занимались протестантские диакониссы (по сути, сестры милосердия), свечницы-уборщицы при храмах, учительницы, дававшие частные уроки (вопрос о преподавании диакониссами Закона Божьего даже в рамках воскресных школ не обсуждался). Предполагалось, что диакониссами должны были быть женщины, имевшие образование и достаточно активные в общественной жизни, однако парадокс состоял в том, что такие женщины после событий 1905–1906 гг. на практике свои усилия направляли не на благо, а на оппозиционную деятельность по отношению к Церкви и власти, и не могли быть реальными кандидатами на новую должность.

Таким образом, развитие чина диаконисс в Византии сделало вклад в развитие женского монашества, а попытки его восстановления в России к началу XX в. были связаны в большей степени с процессами, способствовавшими включению женщин в активную социальную деятельность. Кроме того, новое служение церковнослужительниц нуждалось в определенном статусе в уже сложившейся иерархии, однако данный вопрос на Предсоборном присутствии не обсуждался. Император Николай II в апреле 1907 г., когда революционные события завершились, принял решение Собор не созывать, а состоявшийся уже после его отречения Поместный собор 1917–1918 гг. также не принял никаких окончательных решений относительно восстановления чина диаконисс [2], так как попытки обновления внутрицерковной жизни были прерваны новыми революционными событиями. Исчезнувший в Византии чин диаконисс и попытка его восстановления в России показывают, что устойчивая институализация женского служе-

ния произошла лишь в определенный период существования Церкви, имевшей в этом необходимость.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «База данных «Благотворительные учреждения Российской империи (1721–1917 гг.)»» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Автор выражает глубокую благодарность доценту ПСТГУ Елене Николаевне Козловцевой за отдельные предоставленные для статьи материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев, Д. Ф. Byzantina : Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 2 / Д. Ф. Беляев. – СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1893. – 308 с.
2. Белякова, Е. В. Обсуждение вопроса о диакониссах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова // Церковно-исторический вестник. – 2001. – № 8. – С. 139–161.
3. Белякова, Е. В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Н. А. Емченко. – М. : Кучково поле, 2011. – 704 с.
4. Докладная записка настоятельницы Леснинского женского монастыря близ гор. Белы Седлецкой губ. об основании при монастыре общины диаконисс для борьбы за укрепление пошатнувшегося авторитета Церкви // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 445. – Д. 340. – Л. 1–8 об.
5. Евхологий Барберини гр. 336 / изд. Е. Велковская, С. Паренти ; пер. С. Голованова. – Омск : Голованов, 2011. – 512 с.
6. Екатерина (Ефимовская), игум. Диакониссы первых веков христианства / игум. Екатерина (Ефимовская). – Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1909. – 50 с.
7. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). Т. 1 / сост. свящ. И. Соловьев. – М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. – 896 с. ; Т. 2. – 1088 с. ; Т. 3. – 1057 с.
8. Иоанн Мосх, блж. Луг духовный. – Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1896. – 282 с.
9. Макарий (Глухареv), архим. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе / архим. Мака-

рий (Глухареv). – М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1894. – 131 с.

10. Максимович, К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565) в современном русском переводе : Из опыта работы над проектом / К. А. Максимович // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие и философия. – 2007. – Т. 1 (17). – С. 27–44.
11. Николай (Касаткин), свт. Дневники святого Николая Японского : в 5 т. Т. 2 / сост. К. Накамура. – СПб. : Гиперион, 2004. – 880 с.
12. Правила святых поместных соборов с толкованиями. Т. 2. Вып. 2. – М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1881. – 876 с.
13. С-ов [Скроботов, Н. А.]. Приходской священник Александр Васильевич Гумилевский / С-ов [Н. А. Скроботов]. – СПб. : Изд. А. Соколова, 1871. – 360 стб.
14. Служение женщин в Церкви : Исследования / отв. ред. С. Н. Баконина. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. – 518 с.
15. Служение женщин в Церкви : Источники / сост. свящ. А. В. Постернак. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. – 360 с.
16. Тафт, Р. Женщины в византийском храме: где, когда и почему? / Р. Тафт // Тафт, Р. Статьи. Т. 1 / Р. Тафт. – Омск : Голованов, 2010. – С. 86–195.
17. Троицкий, С. В. Диакониссы в Русской Церкви / С. В. Троицкий // Служение женщин в Церкви : Исследования / отв. ред. С. Н. Баконина. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. – С. 303–334.
18. Abaelardus Petrus. Epistula ad Heloissam // Petri Abaelardi opera. Vol. 1 / ed. V. Cousin. – Paris : A. Durand, 1849. – 754 p.
19. Athanasius Scholasticus. Novellae constitutiones // Das Novellensyntagma des Athanasios von Emesa / eds. D. Simon, S. Troianos. – Frankfurt am Main : Löwenklau Gesellschaft, 1989. – 512 p.
20. Balsamon Theodorus. Commentaria in canones XXX sanctae et oecumenicae quartae Synodi Chalcedonensis // Theodori Balsamonis patriarchae Theopolis Magnae Antiochiae opera. T. I / ed. J.-P. Migne. – Paris : J.-P. Migne, 1865. – Col. 381–498. – (Patrologia Graeca ; T. 137).
21. Balsamon Theodorus. Responsa ad interrogationes Marci // Theodori Balsamonis patriarchae Theopolis Magnae Antiochiae opera. T. II / ed. J.-P. Migne – Paris : J.-P. Migne, 1865. – Col. 951–1012. – (Patrologia Graeca ; T. 138).
22. Basilicorum libri LX. Vol. 1 / eds. H.J. Scheltema, N. van der Wal. – Groningen : Wolters, 1955. – 438 p.
23. Blastares Mattheus. Syntagma alphabeticum rerum omnium // Georgii Pachymerae opera omnia. T. 2: accedit Matthaevi Blastaris syntagma canonum / ed. J.-P. Migne. – Paris : J.-P. Migne, 1865. – Col. 959–1400. – (Patrologia Graeca ; T. 144).

24. Constantinus VII Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae = Le livre des ceremonies. Vol. 1 / éd. A. Vogt. – Paris : Les Belles Lettres, 1935. – 750 p.
25. Corpus iuris civilis. Vol. 3. Novellae / eds. R. Schoell, G. Kroll. – Berolini : P. Krueger, 1904. – 810 p.
26. Didascalia et constitutiones apostolorum. Vol. 1 / ed. F. X. Funk. – Paderbornae : F. Schoeningh, 1905. – 704 p. ; Vol. 2. – 208 p.
27. Karras, V. A. Female Deacons in the Byzantine Church / V. A. Karras // Church History. – 2004. – Vol. 73 (2). – P. 272–316. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S000964070010928X>.
28. Karras, V. A. Women in the Byzantine Liturgy / V. A. Karras. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 208 p.
29. Les Constitutions apostoliques. Vol. 1 (I–II) / éd B.M. Metzger. – Paris : Éditions du Cerf, 1985. – 356 p.; Vol. 2 (III–VI). – 1986. – 424 p.; Vol. 3 (VII–VIII). – 1987. – 360 p. – (Sources chrétiennes 320, 329, 336).
30. Moschus Iohannus. Pratum spirituale // Procopii Gazaei, Christiani rhetoris et hermeneutae, opera. T. 3 / ed. J.-P. Migne. – Paris : J.-P. Migne, 1863. – Col. 2851–3116. – (Patrologia Graeca ; T. 87, Pars. 3).
31. Photius. Syntagma canonum // Photii, Constantinopolitani patriarchae, opera omnia. T. 4 / ed. J.-P. Migne. – Paris : J.-P. Migne, 1860. – Col. 441–975. – (Patrologia Graeca ; T. 104).
32. Prochiron auctum // Prochiron auctum : Meditatio de nudis pactis, Michaelis Pselli Synopsis legum, Michaelis Attalioetae opus de iure, XXVI decisiones Demetrii Chomatiani / eds. P.I. Zepos, I.D. Zepos. – Athens : Fexis, 1931. – P. 1–106. – (Jus Graecoromanum ; vol. 7).
33. Pseudo-Codinus. Patria Constantinopoleos // Scriptores originum Constantinopolitarum / ed. T. Preger. – Leipzig : Teubner, 1907. – 376 p.
34. Saint Basile. Lettres. Vol. 2 / ed. Y. Courtonne. – Paris : Les Belles Lettres, 1961. – 221 p.
35. Theodoru, E. Berümete Diakonissen der byzantinischen Zeit / E. Theodoru // Diakonat und Diakonie in frühchristlicher und ostkirchlicher Tradition / hrsg. A. Jensen, G. Larentzakis. – Graz : Institut für Ökumenische Theologie, 2008. – S. 135–152.
36. Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad theodosianum pertinentes. Vol. 1, Pars 2 / eds. T. Mommsen, P. Meyer. – Berolini : Weidmannos, 1905. – 332 p.
37. Typicon monasterii Theotoci Bebaia Elpidos // Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues / éd. H. Delehay. – Bruxelles : Académie Royale de Belgique, 1921. – P. 18–95.
38. Vita S. Olympiadis et narratio Sergiae de eiusdem translatione // Analecta Bollandiana. T. 15 / eds. C. de Smed et al. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1896. – P. 400–423.
39. Wijnngaards, J. No Women in Holy Orders? The Women Deacons of the Early Church / J. Wijnngaards. – Norwich : Canterbury Press, 2002. – 222 p.
40. Wirth, P. Zur Geschichte des Diakonats an der Hagia Sophia / P. Wirth // Polychronion: Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / hrsg. P. Wirth. – Heidelberg : C. Winter, 1966. – S. 380–382.
41. Κανόνες τῆς ἐν Τρούλλῳ Ἀγίας καὶ Οἰκουμενικῆς Πενθέκτης Συνόδου // Synodum Constantinopolitanus Canones // Documenta Catholica omnia. – Σ. 1–23. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0691-0691,_Synodum_Constantinopolitanum,_Canones,_GR.pdf (date of access: 23.12.2020). – Title from screen.
42. Κανόνες τῆς ἐν Χαλκηδόνι Ἀγίας καὶ Οἰκουμενικῆς Δ' Συνόδου // Concilium Chalcedonense, Documenta omnia // Documenta Catholica omnia. – Σ. 1–6. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0451-0451,_Concilium_Chalcedonense,_Documenta_Omnia,_GR.pdf (date of access: 23.12.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Belyaev D.F. *Byzantina: Ocherki, materialy i zametki po vizantiyskim drevnostyam* [Byzantina: Essays, Materials and Notes on Byzantine Antiquities]. Saint Petersburg, Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk, 1893, book 2. 308 p.
2. Belyakova E.V., Belyakova N.A. Obsuzhdenie voprosa o diakonissakh na Pomestnom Sobore 1917–1918 gg. [Discussion of the Issue of Deaconesses at the Local Council of 1917–1918]. *Tserkovno-istoricheskii vestnik* [Church and Historical Bulletin], 2001, no. 8, pp. 139–161.
3. Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko N.A. *Zhenshchina v pravoslavii: cerkovnoe pravo i rossiyskaya praktika* [Woman in the Orthodox Church: Canon Law and Russian Practice]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. 704 p.
4. Dokladnaya zapiska nastoyatel'nitsy Lesninskogo zhenskogo monastyrya bliz gor. Bely Sedl'skoy gub. ob osnovanii pri monastyre obshchiny diakoniss dlya borby za ukreplenie poshatnuvshegosya avtoriteta Tserkvi [A Memo from the Mother Superior of the Lesna Convent of Bia'a, Siedlce Governorate on the Establishment of a Community of Deaconesses at the Monastery to Fight for the Strengthening of the Shaken Authority of the Church]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 796, inv. 445, d. 340, l. 1–8 sq.
5. Velkovskaya E., Parenti S., Golovanov S., ed. *Evkhologiy Barberini gr. 336* [Euchologion Barberini gr. 336]. Omsk, Golovanov Publ., 2011. 512 p.

6. Ekaterina (Efimovskaya), hegumen. *Diakonissy pervykh vekov khristianstva* [Deaconesses of the First Centuries of Christianity]. Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry, 1909. 50 p.
7. Solovev I., priest, ed. *Zhurnaly i protokoly zasedaniy vysochaishe uchrezhdennogo Predsbornogo prisutstviya (1906 g.)* [Logs and Minutes of Meetings of the Most Highly Established Pre-Council Conference (1906)]. Moscow, Izd-vo Novospasskogo monastyrja, 2014, vol. 1. 896 p.; vol. 2. 1088 p.; vol. 3. 1057 p.
8. Ioann Moskh, blessed. *Lug dukhovnyy* [Spiritual Meadow]. Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry, 1896. 282 p.
9. Makariy (Glukharev), archimandrite. *Mysli o sposobakh k uspeshneyshemu rasprostraneniyu khristianskoy very mezhdru evreyami, magometanami i yazychnikami v Rossiyskoy derzhave* [Thoughts on Ways to Successfully Spread the Christian Faith Among Jews, Mohammedans and Pagans in the Russian State]. Moscow, Tipografiya A.I. Snegirevov, 1894. 131 p.
10. Maksimovich K.A. Tserkovnye novelly sv. imperatora Yustiniana I (527–565) v sovremennom russkom perevode: Iz opyta raboty nad proektom [Church Novellas of St. Emperor Justinian I (527–565) in Modern Russian Translation: From the Experience of Working on the Project]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie i filosofiya* [St. Tikhons University Review. Series I: Theology and Philosophy], 2007, vol. 1 (17), pp. 27–44.
11. Nakamura K., ed. *Nikolay (Kasatkin), svt. Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo: v 5 t.* [Diaries of St. Nicholas of Japan. In 5 Vols.]. Sankt Peterburg, Giperion Publ., 2004, vol. 2. 880 p.
12. *Pravila svyatykh pomestnykh soborov s tolkovaniyami* [Rules of the Holy Local Councils with Interpretations]. Moscow, Tipografiya L.F. Snegireva, 1881, vol. 2, iss. 2. 876 p.
13. S-ov (Skrobotov N.À.). *Prihodskoy svyashchennik Aleksandr Vasilevich Gumilevskiy* [Parish Priest Alexandr Vasilevich Gumilevskij]. Sankt Petersburg, Izdatelstvo A. Sokolova, 1871. 360 cols.
14. Bakonina S.N., ed. *Sluzhenie zhenshchin v Tserkvi: Issledovaniya* [Womens Ministry in the Church: Researches]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2013. 518 p.
15. Posternak A.V., priest, ed. *Sluzhenie zhenshchin v Tserkvi: Istochniki* [Womens Ministry in the Church: Sources]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2015. 360 p.
16. Taft R. Zhenshchiny v vizantiyskom khrame: gde, kogda i pochemu? [Women at Church in Byzantium: Where, When – and Why?]. Taft R. *Statii* [Articles]. Omsk, Golovanov Publ., 2010, vol. 1, pp. 86–195.
17. Troitskiy S.V. *Diakonissy v Russkoy Tserkvi* [Deaconesses in the Russian Church]. Bakonina S.N., ed. *Sluzhenie zhenshchin v Tserkvi: Issledovaniya* [Womens Ministry in the Church: Researches]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2013, pp. 303–334.
18. Abaelardus Petrus. Epistula ad Heloissam. Cousin V., ed. *Petri Abaelardi opera. Vol. 1.* Paris, A. Durand, 1849. 754 p.
19. Athanasius Scholasticus. Novellae constitutiones. Simon D., Troianos S., eds. *Das Novellensyntagma des Athanasios von Emesa.* Frankfurt am Main, Löwenklau Gesellschaft, 1989. 512 p.
20. Balsamon Theodorus. Commentaria in canones XXX sanctae et oecumenicae quartae Synodi Chalcedonensis. Migne J.-P., ed. *Theodori Balsamonis patriarchae Theopolis Magnae Antiochiae opera. T. I.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 381–498. (Patrologia Graeca; t. 137).
21. Balsamon Theodorus. Responsa ad interrogationes Marci. Migne J.-P., ed. *Theodori Balsamonis patriarchae Theopolis Magnae Antiochiae opera. T. II.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 95–1012. (Patrologia Graeca; t. 138).
22. Scheltema H.J., van der Wal N., eds. *Basilicorum libri LX. Vol. 1.* Groningen, Wolters, 1955. 438 p.
23. Blastares Mattheus. Syntagma alphabeticum rerum omnium. Migne J.-P., ed. *Georgii Pachymerae opera omnia. T. 2: accedit Matthaei Blastaris syntagma canonum.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 959–1400. (Patrologia Graeca; t. 144).
24. Vogt A., éd. *Constantinus VII Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae = Le livre des ceremonies. Vol. 1.* Paris, Les Belles Lettres, 1935. 750 p.
25. Schoell R., Kroll G., eds. *Corpus iuris civilis. Vol. 3. Novellae.* Berolini, P. Krueger, 1904. 810 p.
26. Funk F.X., ed. *Didascalia et constitutiones apostolorum.* Paderbornae, F. Schoeningh, 1905, vol. 1. 704 p.; vol. 2. 208 p.
27. Karras V.A. Female Deacons in the Byzantine Church. *Church History*, 2004, vol. 73 (2), pp. 272–316. DOI: <https://doi.org/10.1017/S000964070010928X>.
28. Karras V.A. *Women in the Byzantine Liturgy.* Oxford, Oxford University Press, 2005. 208 p.
29. Metzger B.M., ed. *Les Constitutions apostoliques.* Paris, Éditions du Cerf. Vol. 1 (I–II). 1985. 356 p.; vol. 2 (III–VI). 1986. 424 p.; vol. 3 (VII–VIII). 1987. 360 p.
30. Moschus Iohannus. Pratum spirituale. Migne J.-P., ed. *Procopii Gazaei, Christiani rhetoris et hermeneutae, opera. T. 3.* Paris, J.-P. Migne, 1863, cols. 2851–3116. (Patrologia Graeca; t. 87, pars. 3).
31. Photius. Syntagma canonum. Migne J.-P., ed. *Photii, Constantinopolitani patriarchae, opera omnia. T. 4.* Paris, J.-P. Migne, 1860, cols. 441–975. (Patrologia Graeca; t. 104).
32. Zepos P.I., Zepos I.D., eds. *Prochiron auctum. Prochiron auctum: Meditatio de nudis pactis, Michaelis Pselli Synopsis legum, Michaelis Attaliotae opus de jure, XXVI decisiones Demetrii*

Chomatiani. Athens, Fexis, 1931, pp. 1-106. (Jus Graecoromanum; vol. 7).

33. Pseudo-Codinus. *Patria Constantinopoleos*. Preger T., ed. *Scriptores originum Constantinopolitarum*. Leipzig, Teubner, 1907. 376 p.

34. Courtonne Y., ed. *Saint Basile. Lettres*. Paris, Les Belles Lettres, 1961, vol. 2. 221 p.

35. Theodoru E. Berümete Diakonissen der byzantinischen Zeit. Jensen A., Larentzakis G., hrsg. *Diakonat und Diakonie in frühchristlicher und ostkirchlicher Tradition*. Graz, Institut für Ökumenische Theologie, 2008, S. 135-152.

36. Mommsen T., Meyer P., eds. *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad theodosianum pertinentes. Vol. 1, Pars 2*. Berolini, Weidmannos, 1905. 332 p.

37. Typicon monasterii Theotoci Bebaias Elpidos. Delehaye H., ed. *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues*. Brussels, Académie Royale de Belgique, 1921, pp. 18-95.

38. Vita S. Olympiadis et narratio Sergiae de eiusdem translatione. Smed C. de et al, eds. *Analecta Bollandiana. T. 15*. Brussels, Société des Bollandistes, 1896, pp. 400-423.

39. Wijngaards J. *No Women in Holy Orders? The Women Deacons of the Early Church*. Norwich, Canterbury Press, 2002. 222 p.

40. Wirth P. Zur Geschichte des Diakonats an der Hagia Sophia. Wirth P., hrsg. *Polychronion: Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag*. Heidelberg, C. Winter, 1966, S. 380-382.

41. Kanones tēs en Troullō Agias kai Oikoumenikēs Penthektēs Synodou [Canons of the Holy and Ecumenical Fifth-Sixth Council in Trullo]. *Synodum Constantinopolitanus Canones. Documenta Catholica omnia*, pp. 1-23. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0691-0691_Synodum_Constantinopolitanum_Canones_GR.pdf (accessed 23 December 2020).

42. Kanones tēs en Chalkēdoni Agias kai Oikoumenikēs D' Synodou [Canons of the Holy and Ecumenical Fourth Council in Chalcedon]. *Concilium Chalcedonense, Documenta omnia. Documenta Catholica omnia*, pp. 1-6. URL: https://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0451-0451_Concilium_Chalcedonense_Documenta_Omnia_GR.pdf (accessed 23 December 2020).

Information About the Author

Andrey V. Posternak, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University, Ilovaiskaya St, 9, Bld. 2, 109651 Moscow, Russian Federation, posternakav@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1310-3503>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Постернак, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ул. Иловайская, 9, стр. 2, 109651 г. Москва, Российская Федерация, posternakav@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1310-3503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.27>

UDC 94“04/14”-051

LBC 63.3(0)4-8

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 20.12.2021

“BYZANTIUM ON THE VOLGA”: TO THE ANNIVERSARY OF NIKOLAY D. BARABANOV¹

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Anastasiya V. Zyкова

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This brief sketch written to the 65th anniversary of Nikolay D. Barabanov, Candidate of Historical Sciences, lecturer at Volgograd State University, specialist in the Byzantine history, medieval folk religion researcher is devoted to his life, scientific and educational activity. The article also presents the publication of complete bibliographic information about the scientist's works beginning in 1977, or from his learning period.

Key words: Byzantine studies in Volgograd, Nikolay D. Barabanov, Volgograd State University, folk religion in Byzantium, patriarch Athanasios I, Tsaritsyn Orthodox University, “World of Orthodoxy”, Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations.

Citation. Lysikov P.I., Zyкова A.V. “Byzantium on the Volga”: To the Anniversary of Nikolay D. Barabanov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 365-377. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.27>

УДК 94“04/14”-051

ББК 63.3(0)4-8

Дата поступления статьи: 01.07.2021

Дата принятия статьи: 20.12.2021

«ВИЗАНТИЯ НА ВОЛГЕ»: К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА БАРАБАНОВА¹

Павел Иванович Лысиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Анастасия Валерьевна Зыкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Этот небольшой очерк, написанный к 65-летию кандидата исторических наук, преподавателя Волгоградского государственного университета, специалиста по истории Византии, исследователя проблем народной религиозности в средние века, Николая Дмитриевича Барабанова, посвящен его жизни, научной и образовательной деятельности. В работе также представлена полная публикация библиографической информации о научных трудах ученого начиная с 1977 г., то есть с периода его обучения в университете. *Вклад авторов:* авторы совместно провели интервьюирование Н.Д. Барабанова, посредством которого была получена большая часть информации, легшей в основу статьи. Текстовая часть работы проделана П.И. Лысиковым, полную библиографию подготовила А.В. Зыкова.

Ключевые слова: византиноведение в Волгограде, Н.Д. Барабанов, Волгоградский государственный университет, народная религиозность в Византии, патриарх Афанасий I, Царицынский православный университет, «Мир Православия», «Вестник ВолГУ. Серия 4».

Цитирование. Лысиков П. И., Зыкова А. В. «Византия на Волге»: к юбилею Николая Дмитриевича Барабанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 365–377. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.27>

2 марта 2021 г. исполнилось 65 лет со дня рождения кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета, отечественного специалиста по истории византийской Церкви и народной религиозности Николая Дмитриевича Барабанова.

Николай Дмитриевич родился в 1956 г. в Свердловске (ныне – Екатеринбург) в семье офицера МВД. Тяга к изучению прошлого проявилась у него еще в школе. Начиная с восьмого класса он ходил в археологический кружок при истфаке Уральского государственного университета им. М.А. Горького (ныне – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина), участвовал в археологических разведках по Курганской области, раскопках городища под Тюменью (на Андреевском озере). Увлечение археологией в это время было столь значительным, что Николай Дмитриевич по окончании школы собирался связать свою жизнь именно с этой исторической дисциплиной. Поступив в 1973 г. в УрГУ на исторический факультет, на первом курсе он по-прежнему тяготел к археологическому направлению. Его первым руководителем по курсовой работе стал выдающийся археолог, основатель Свердловской археологической школы Владимир Федорович Генинг, позже возглавивший Институт археологии АН УССР. Вместе с ним Николай Дмитриевич после первого курса ездил в экспедицию на раскопки Синташтинского могильника в Челябинской области.

После знакомства с проблемами византиноведения и медиевистики, которое пришлось на старшие курсы, Н.Д. Барабанов обрел глубокий интерес именно к этой тематике. Дипломную работу Николай Дмитриевич писал у специалиста по византийской эпистографии Валентина Александровича Сметанина. Тему диплома, посвященную исследованию взаимоотношений государства и церкви в Византии в правление патриарха Афанасия I, Н.Д. Бараба-

нов выбрал для себя сам, занимаясь поиском новейших публикаций источников в Библиотеке АН СССР (ныне – Библиотека Российской академии наук) в Ленинграде.

Успешно закончив с красным дипломом университет в 1978 г., Николай Дмитриевич поступил в аспирантуру к основателю Уральской школы византиноведения, выдающемуся советскому византинисту Михаилу Яковлевичу Сюзюмову. Последний согласился, чтобы Н.Д. Барабанов продолжал заниматься темой диплома. В окончательном варианте тема диссертации звучала следующим образом: «Идейно-политическая борьба в Византии на рубеже XIII–XIV вв. (по данным писем патриарха Афанасия I)». На всем протяжении работы над диссертацией Николай Дмитриевич неустанно трудился в библиотеках Москвы и Ленинграда, поскольку в Свердловске в силу объективных причин у него не было возможности получить доступ к необходимой литературе. В этот период времени он активно переписывался с зарубежными коллегами, которые любезно высылали в Свердловск те или иные работы, требовавшиеся для диссертации. Среди корреспондентов Н.Д. Барабанова были Иоанн Мейендорф, Элис-Мэри Толбот и Альбер Файе. С помощью зарубежных коллег удалось получить рукопись неизданных писем патриарха Афанасия I – Cod. Vat. gr. 2219, которую в виде микрофильма ему прислал тогда заведующий отделом рукописей Ватиканской апостольской библиотеки Поль Канар.

После окончания аспирантуры Николай Дмитриевич выбрал местом работы Волгоград, куда приехал в самом конце осени 1981 года. 1 декабря 1981 г. он стал ассистентом на кафедре истории в то время строящегося Волгоградского государственного университета. Защита его диссертации состоялась 4 июня 1982 г. в стенах Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ныне –

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского). Оппонентами Николая Дмитриевича выступили Игорь Павлович Медведев, доктор исторических наук из Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне – Санкт-Петербургский институт истории РАН), ныне академик РАН, и Валентин Михайлович Меженин, кандидат исторических наук из Горьковского государственного университета, специалист по средневековой истории Восточного Средиземноморья. Защита прошла успешно, и 8 декабря 1982 г. Н.Д. Барабанову был выдан диплом кандидата исторических наук. В том же 1982 г. он стал сначала старшим преподавателем, а спустя два года (1984 г.) был избран доцентом кафедры всеобщей истории, а в 1988 г. получил ученое звание доцента.

В 1980–1990-х гг. Н.Д. Барабанов принимал активное участие в многочисленных в тот период византийских конференциях, наиболее значительной из которых стал XVIII Международный Конгресс Византинистов, проведенный в августе 1991 г. в Москве. В этом же году Николай Дмитриевич стал содействовать развитию в Волгограде духовного образования. В ноябре 1991 г. тогда еще архиепископ Волгоградский и Камышинский Герман открыл при Казанском соборе экстраординарное одногодичное духовное училище [2, с. 442; 1, с. 319]. Спустя год, в ноябре 1992 г., указом Германа был создан Царицынский православный университет, на богословском факультете которого Николай Дмитриевич читал курсы истории Древней Церкви, византологии, вел занятия по греческому языку, историографии истории Церкви, источниковедения истории Церкви. Отметим, что науке в стенах факультета уделялось большое внимание, что нашло свое выражение прежде всего в регулярном проведении научных конференций, в которых принимали участие преподаватели и студенты различных вузов Волгограда. В середине 1990-х гг. встал вопрос о публикации результатов научных изысканий. Идея публикации сначала одиночного сборника статей [2, с. 442 сл.; 1, с. 319], а затем серийного издания пришла самому Николаю Дмитриевичу. Он же придумал название – «Мир Православия», и даже рисунок на обложке – светильник – также принадлежит его авторству. Владыка

Герман всецело поддержал это начинание. ВолГУ также участвовал в этом процессе: все выпуски были изданы в издательстве университета. Редколлегия как таковой долгое время не было, и большинство присылаемых материалов рецензировал, вычитывал и готовил к публикации сам Н.Д. Барабанов. Некоторое время спустя к работе над сборником присоединились филологи ВолГУ – сначала София Петровна Лопушанская, а затем, после ее смерти – Оксана Анатольевна Горбань, которые вели филологическую часть сборника. Статьи по краеведению и отечественной истории поступали через друга и коллегу Н.Д. Барабанова Игоря Олеговича Тюменцева. Всего за период с 1997 по 2019 г. было издано 10 выпусков «Мира Православия»². Вклад Николая Дмитриевича в развитие духовного образования в Волгограде был высоко оценен Русской Православной Церковью: он был награжден орденом Святителя Макария, митрополита Московского (III степени).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. основной темой научных интересов Н.Д. Барабанова постепенно становится народная религиозность в Византии, которой он посвятит в дальнейшем большую часть своих будущих исследований. В 1995 г. по приглашению директора отдела византистики и новогреческой филологии института классических древностей философского факультета Кельнского университета Петера Шрайнера Николай Дмитриевич прошел стажировку в Кельне. В 1996–1997 гг. он выступал руководителем проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), в рамках реализации которого были изданы два сборника научных статей под общим названием «Средневековое Православие от прихода до патриархата» [5; 6]. В августе 2001 г. он участвовал в работе очередного, XX Международного конгресса византинистов, проведенного в Париже.

В середине 1990-х гг. Николай Дмитриевич получил право на осуществление научного руководства аспирантами (соискателями) в ВолГУ, и в 1995 г. к нему прикрепилась первая соискательница. Впрочем, первая защита под руководством Н.Д. Барабанова состоялась спустя много лет, причем степень кандидата исторических наук получил бывший студент ЦПУ. Александр Александрович Пржегорлин-

ский сначала защитил дипломную работу у Николая Дмитриевича в Православном университете (2000 г.), затем стал кандидатом богословия в МДА (2001 г.) [4, с. 401, 406] и, наконец, в 2006 г. уже в стенах ВолГУ, вернувшись под крыло своего дипломного руководителя, защитился по истории. Первым же выпускником Волгоградского государственного университета, успешно защитившим кандидатскую диссертацию у Н.Д. Барабанова, стал Владимир Алексеевич Золотовский (2009 г.), а вторым (и на данный момент последним) – Евгений Викторович Стельник (2016 г.)³. Такие качества Николая Дмитриевича, как строгость и требовательность обеспечили высокий уровень защищаемых работ, однако лишь немногие ученики Н.Д. Барабанова смогли пройти его школу и связать свою жизнь с наукой и преподаванием. В настоящее время у него продолжают специализироваться аспиранты, в том числе на заочном отделении.

В 2019 г. издание «Мира Православия», которое держалось главным образом на энтузиазме Николая Дмитриевича, завершилось последним, десятым, выпуском. И так получилось, что одно продолжающееся издание дало начало другому, тесно связанному с ним тематически. В мае 2015 г. была организована первая международная конференция по византистике в Волгограде под названием «Мир Православия. Византийская цивилизация и ее наследие». Конференция собрала большое количество специалистов по истории Византии и Византийской Церкви из России и Европы. Проведение столь масштабного события в стенах Волгоградского университета привело сначала к публикации ее материалов в рамках тематического номера «Вестника ВолГУ. Серия 4», а затем и к рождению идеи посвящать вопросам византиноведения ежегодно один из тематических номеров этого журнала. В этом году издается уже седьмой выпуск «Византийского Вестника» под общей темой «Византийское общество: история, право, культура». Ничего этого не было бы без таланта, усердия и безмерного энтузиазма Н.Д. Барабанова.

Благодарные ученики желают Николаю Дмитриевичу прежде всего здоровья и долгих лет жизни, а также достижений на ниве

науки, процветания и развития дела всей жизни и неиссякаемого энтузиазма, которому мы обязаны появлением в Волгограде такой экзотической дисциплины, как византистика.

Ниже вниманию читателя предлагается полный список научных трудов Н.Д. Барабанова. В него вошли статьи, тезисы конференций, рецензии и обзоры, учебно-методические пособия и прочие работы.

Список научных трудов

Н.Д. Барабанова

1977

1. Барабанов, Н. Д. Общественно-политическая мысль Византии на рубеже XIII–XIV вв. / Н. Д. Барабанов // Материалы Всесоюзной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. – Новосибирск : [б. и.], 1977. – С. 84–90.

1978

2. Барабанов, Н. Д. Константинопольский патриарх Афанасий I о недугах византийского общества на рубеже XIII–XIV вв. / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1978. – Вып. 15. – С. 52–59.

1979

3. Барабанов, Н. Д. Социальная терминология в переписке Афанасия I / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1979. – Вып. 16 : Социальное развитие Византии. – С. 38–45.

1980

4. Барабанов, Н. Д. О характере выступления Иоанна Дримида в начале XIV в. / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1980. – Вып. 17 : Античные традиции и византийские реалии. – С. 53–60.

1981

5. Барабанов, Н. Д. Борьба внутри византийской церкви на рубеже XIII–XIV вв. / Н. Д. Барабанов // Античная древность и

средние века. – 1981. – Вып. 18 : Античный и средневековый город. – С. 141–156.

1982

6. Барабанов, Н. Д. Из истории связей Константинополя и Афона в начале XIV в. / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1982. – Вып. 19 : Византия и ее провинции. – С. 115–126.

7. Барабанов, Н. Д. Рец. на кн.: L. Mavromatis. La fondation de l'Empire serbe. Le kralj Milutin. Thessalonique, 1978 / Н. Д. Барабанов // Византийский временник. – 1982. – Т. 43 (68). – С. 250–253.

1983

8. Барабанов, Н. Д. Отношения церкви и государства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. (патриарх Афанасий I и Андроник II Палеолог) / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1983. – Вып. 20 : Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. – С. 52–63.

1985

9. Барабанов, Н. Д. Реф. по сб.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-восточной Европе. Свердловск, 1983 / Н. Д. Барабанов // РЖ ИНИОН. общественные науки в СССР. Серия 5. История. – 1985. – № 6. – С. 153–156.

1986

10. Барабанов, Н. Д. Аннотация: Д. Ангелов. Българско средновековие – идеологична мисъл и просвета. София : Народна просвета, 1982. 168 с. / Н. Д. Барабанов // Византийский временник. – 1986. – Т. 47 (72). – С. 270–273.

11. Барабанов, Н. Д. Некоторые черты народной религиозности в Византии в XIV в. / Н. Д. Барабанов // Идеология и общественно-политическая мысль в странах Центральной и Юго-Восточной Европы периода средневековья / отв. ред. В. Н. Виноградов. – М. : Наука, 1986. – С. 5.

12. Барабанов, Н. Д. Рец. на кн.: Джурић И. Сумрак Византије : Време Јована

VIII Палеолога (1392–1448). Београд, 1984 / Н. Д. Барабанов // РЖ. ИНИОН. общественные науки за рубежом. Серия 5. История. – 1986. – № 1. – С. 157–159.

1987

13. Барабанов, Н. Д. Из истории византийской этики на рубеже XIII–XIV вв. / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1987. – Вып. 23 : Проблемы идеологии и культуры. – С. 103–111.

1989

14. Барабанов, Н. Д. «Слово» Феоктиста Студита и распространение исихазма в Константинополе в 30-е гг. XIV в. / Н. Д. Барабанов // Византийский временник. – 1989. – Т. 50 (75). – С. 139–146.

1990

15. Барабанов, Н. Д. Византийское монашество : Стереотипы религиозного сознания и поведения (по данным агиографии XIV в.) / Н. Д. Барабанов // Славяне и их соседи. Этно-психологические стереотипы в средние века : [сб. тез.] / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1990. – С. 56–57.

1991

16. Барабанов, Н. Д. Византия и Русь в начале XIV в. : (Некоторые аспекты отношений патриархата и митрополии) / Н. Д. Барабанов // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII Международному конгрессу византистов. – М. : Наука, 1991. – С. 198–215.

17. Барабанов, Н. Д. Лионская уния и идейно-политическая борьба в Византии в конце XIII – XIV в. / Н. Д. Барабанов // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века : сб. тез. – М. : ИСБ, 1991. – С. 23–24.

18. Барабанов, Н. Д. Народная религиозность и церковь в Византии XIII–XIV вв. / Н. Д. Барабанов // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. Т. 1. – М. : Оргкомитет

XVIII Международного конгресса византистов, 1991. – С. 102–103.

19. Барабанов, Н. Д. Рец. на кн.: Поливянни Д. И. Средневековният български град през XIII–XIV вв. Очерци. София. 1989 / Н. Д. Барабанов // Советское славяноведение. – 1991. – № 5. – С. 94–96.

1992

20. Барабанов, Н. Д. Византийские святые XIV века. Трансформация образов и общественное сознание / Н. Д. Барабанов // Политический лидер, партия и общество : сб. ст. / отв. ред. Д. М. Туган-Барановский. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1992. – С. 3–13.

21. Барабанов, Н. Д. Киновиты и анахореты. Отношения в среде византийского монашества по памятникам агиографии XIV в. / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 1992. – Вып. 26 : Византия и средневековый Крым. – С. 154–159.

22. Барабанов, Н. Д. Магия и Церковь в поздней Византии / Н. Д. Барабанов // Доклады межвузовской научно-теоретической конференции / Камчат. гос. пед. ин-т. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во Камчат. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 65–66.

1994

23. Барабанов, Н. Д. Исихазм и агиография: развитие образа св. Максима Кавсокаливита в житийной литературе XIV в. / Н. Д. Барабанов // Византийский временник. – 1994. – Т. 55 (80), ч. 1. – С. 175–180.

Репр.: Барабанов, Н. Д. Исихазм и агиография: развитие образа св. Максима Кавсокаливита в житийной литературе XIV в. / Н. Д. Барабанов // Византийская цивилизация в освещении российских ученых. 1947–1991 / сост. П. И. Жаворонков, Г. Г. Литаврин. – М. : Ладомир, 1999. – С. 32–37.

24. Барабанов, Н. Д. К истории византийско-русских связей в конце XIII в. (письмо русской церкви из александрийского патриархата) / Н. Д. Барабанов // Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». Мавродинские чтения. Материалы к докладом 10–12 октября 1994 г. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – С. 49–52.

25. Барабанов, Н. Д. Народные верования и обычаи поздневизантийского времени в Номоканоне при Большом требнике / Н. Д. Барабанов // Проблемы всеобщей истории : материалы науч. конф. Сентябрь 1993, Волгоград / отв. ред. Д. М. Туган-Барановский. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1994. – С. 42–48.

26. Барабанов, Н. Д. Народные верования поздневизантийского времени в Номоканоне при Большом Требнике / Н. Д. Барабанов // Российское византиноведение. Итоги и перспективы : тез. докл. и сообщений на Междунар. конф., посвящ. 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского Археологического Института в Константинополе / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : ИСБ, 1994. – С. 15–16.

1996

27. Барабанов, Н. Д. Приходское Православие и народная религиозность византийцев в полемической литературе XII века / Н. Д. Барабанов // Христианство : Вехи истории : материалы науч. конф., посвящ. 1110-летию со дня блаженной кончины святого равноапостольного Мефодия / отв. ред. архиепископ Волгоградский и Камышинский Герман. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1996. – С. 8–12.

28. Барабанов, Н. Д. «Храмы, построенные их предками, приходят в упадок...» : (Религиозная повседневность Византии XII в. глазами католика) / Н. Д. Барабанов // Историко-археологический альманах. – 1996. – Вып. 2. – С. 211–212.

29. Barabanov, N. D. Popular Beliefs of the Church in Thirteenth–Fourteenth Centuries in Byzantium / N. D. Barabanov // Acts, XVIIIth International Congress of Byzantine Studies : Selected Papers, Main and Communications : Moscow, 1991. Vol. 1 / eds. I. Ševčenko, G. G. Litavrin, W. K. Hanak. – Shepherdstown, WV : Byzantine Studies Press, 1996. – P. 31–36.

1997

30. Барабанов, Н. Д. Византийское православие и война: некоторые аспекты отношений / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 1997 – Вып. 1. – С. 22–31.

31. Барабанов, Н. Д. Мир византийского прихода в полемическом трактате XII в. / Н. Д. Барабанов // Средневековое Православие от прихода до патриархата : сб. науч. ст. [Вып. 1] / отв. ред. Н. Д. Барабанов. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1997. – С. 65–84.

32. Барабанов, Н. Д. От полемики к сатире. Византийская церковь XII в. глазами католика / Н. Д. Барабанов // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества : тез. докл. конф. – М. : Индрик, 1997. – С. 4.

33. Барабанов, Н. Д. Трулльский собор и проблема народной религиозности в Византии / Н. Д. Барабанов // Византия : Кумуляция и трансляция культур : тез. докл. IX науч. Сюзюмовских чтений / отв. за вып. А. И. Романчук. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. – С. 3–5.

34. История средних веков : метод. указания к семинарским занятиям / сост. Н. Д. Барабанов, А. В. Леонтьевский, З. П. Тинина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 36 с.

1998

35. Барабанов, Н. Д. Приходское православие в Византии по канонам Трулльского собора / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 1998. – Вып. 2. – С. 9–13.

36. Барабанов, Н. Д. От Гилу до вурколаков. Демонология и приходское Православие в Византии / Н. Д. Барабанов // Средневековое Православие от прихода до патриархата : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. Н. Д. Барабанов. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – С. 81–97.

1999

37. Барабанов, Н. Д. Григорий Акиндин и Варлаам Калабрийский : Метаморфозы отношений / Н. Д. Барабанов, А. В. Коновалов // Античная древность и средние века. – 1999. – Вып. 30. – С. 294–302.

2000

38. Барабанов, Н. Д. Гилу (Гелло). К реконструкции византийского народного верова-

ния / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2000. – Вып. 3. – С. 37–45.

39. Барабанов, Н. Д. Мир амулетов. Византийские филактерии и проблема народной религиозности / Н. Д. Барабанов // Славянский мир между Римом и Константинополем : Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья / отв. ред. Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2000. – С. 19–21. – (Славяне и их соседи. XIX конференция памяти В. Д. Королюка).

40. Методические указания к лекционному курсу «История Средних веков», семинарским занятиям и контрольным работам для студентов, обучающихся по специальности «История». Ч. 1 / сост. Н. Д. Барабанов, З. П. Тинина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 48 с.

41. Методические указания к лекционному курсу «История Средних веков», семинарским занятиям и контрольным работам для студентов, обучающихся по специальности «История». Ч. 2 / сост. Н. Д. Барабанов, З. П. Тинина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 48 с.

2001

42. Барабанов, Н. Д. Арсений Авториан / Н. Д. Барабанов // Православная энциклопедия. Т. 3 / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – С. 424.

43. Барабанов, Н. Д. Золотая Орда и Византия в середине XIV в. : История несостоявшейся войны / Н. Д. Барабанов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2001. – Вып. 6. – С. 122–125.

44. Барабанов, Н. Д. Народная религиозность Византии (к постановке проблемы) / Н. Д. Барабанов // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья : сб. тез. / отв. ред. Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001. – С. 12–14. – (Славяне и их соседи. XX конференция памяти В. Д. Королюка).

45. Барабанов, Н. Д. От Тенгри к Христу. Религия в судьбе народов Нижнего Поволжья в период средневековья / Н. Д. Барабанов // Стрежень. – 2001. – Вып. 2. – С. 280–292.

46. Barabanov, N. D. La religiosité populaire byzantine comme problème de l'histoire / N. D. Barabanov // XXe Congrès international des études byzantines, Collège de France-Sorbonne, 19–25 août 2001. – Paris : Comité d'organisation du XXe Congrès international des études byzantines, Collège de France, 2001. – P. 247.

2002

47. Барабанов, Н. Д. Афанасий I / Н. Д. Барабанов // Православная энциклопедия. Т. 4 / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. – С. 18–19.

48. Барабанов, Н. Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 2002. – Вып. 33. – С. 214–227.

49. Барабанов, Н. Д. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии VI–VII вв. / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2002. – Вып. 4. – С. 22–50.

2003

50. Барабанов, Н. Д. К истории византийских народных верований. Истера / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 2003. – Вып. 34 : Материалы XI Международных научных Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 26–28 марта 2003 г.). – С. 322–347.

51. Барабанов, Н. Д. Приходское Православие в Византии / Н. Д. Барабанов // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 2000 года : сб. рефератов избранных работ / отв. за вып. В. К. Пропп, Е. В. Сухорукова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. – С. 28–32.

52. Барабанов, Н. Д. Религиозная жизнь Константинополя в XIV–XVI вв. : уровень приходов / Н. Д. Барабанов // Историческая роль Константинополя : тез. докл. XVI Всерос. науч. сессии византинистов. – М. : [б. и.], 2003. – С. 5–6.

53. Барабанов, Н. Д. Религиозный мир кочевников и появление христианства в Нижнем Поволжье и Подонье / Н. Д. Барабанов, И. О. Тюменцев, Н. Н. Станков // Очерки по истории Волгоградской епархии Русской

Православной Церкви / сост. И. О. Тюменцев [и др.]. – Волгоград : Издатель, 2003. – С. 7–42.

2004

54. Барабанов, Н. Д. Благочестивые заклания : Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии / Н. Д. Барабанов // Византийский временник. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 89–113.

55. Барабанов, Н. Д. Византийская церковь и феномен филактериев. Итоги противостояния / Н. Д. Барабанов // Славянский мир между Римом и Константинополем / отв. ред. Б. Н. Флоря. – М. : Индрик, 2004. – С. 171–183. – (Славяне и их соседи ; вып. 11).

56. Барабанов, Н. Д. Византийский приход между язычеством и христианством / Н. Д. Барабанов // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами) : тез. докл. XVII Всерос. науч. сессии византинистов. – М. : ИВИ РАН, 2004. – С. 14–16.

57. Барабанов, Н. Д. К истории приходского православия в Византии. Материальное положение клира в VII веке по канонам Трулльского собора / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2004. – Вып. 5. – С. 90–103.

58. Барабанов, Н. Д. Преподобный Никита Медикийский и византийская церковь его времени / Н. Д. Барабанов // Преподобный Никита Исповедник и его почитание на юге России : Житие, иконы, храм / редкол. Н. Д. Барабанов [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 7–16.

59. Барабанов, Н. Д. Рец. на кн.: Два византийских военных трактата конца X века / издание подготовил В. В. Кучма. – СПб., 2002 / Н. Д. Барабанов // Византийский временник. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 256–258.

2005

60. Барабанов, Н. Д. Византийские филактерии и проблема народной религиозности: историографический аспект / Н. Д. Барабанов // Византия: общество и церковь : сб. науч. ст. / отв. ред. С. Н. Малахов, Н. Д. Барабанов. – Армавир : [б. и.], 2005. – С. 147–167.

61. Барабанов, Н. Д. От Панафиней – к курбаниям. Публичные жертвоприношения в

народной греческой религиозности / Н. Д. Барабанов // Приложение 1. Материалы научно-практической конференции // Илиади, И. Х. Кавказская Эллада. Т. 2 / И. Х. Илиади. – Ставрополь : Ставрополь-Сервис-Школа, 2005. – С. 239–241.

62. Барабанов, Н. Д. Проблема народной религиозности в современной историографии: уроки медиевистики / Н. Д. Барабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2005. – Вып. 10. – С. 154–161.

2006

63. Барабанов, Н. Д. Народное Православие в Византии : Идеал и реальность (на примере культа икон) / Н. Д. Барабанов // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies : London, 21–26 August, 2006 / ed. E. M. Jeffreys. – Aldershot : Ashgate, 2006. – P. 271–272.

64. Барабанов, Н. Д. Почитание икон в Византии и сакральная топография. К постановке проблемы / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2006. – Вып. 6. – С. 75–91.

2007

65. Барабанов, Н. Д. Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов / Н. Д. Барабанов // Вспомогательные исторические дисциплины. – 2007. – № 30. – С. 100–110.

66. Барабанов, Н. Д. Иеротопия и проблема «народной религиозности» в Византии (Некоторые соображения к развитию концепции) / Н. Д. Барабанов // Власть, общество и церковь в Византии : сб. науч. ст. / сост. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир : б. и., 2007. – С. 231–238.

67. История средних веков : учеб.-метод. пособие для студ. заоч. отд-ния ист. фак. / сост. Н. Д. Барабанов [и др.]. – Арзамас : Изд-во АГПИ, 2007. – 192 с.

2008

68. Барабанов, Н. Д. Иконопочитание и народные традиции в средневековом православии (на примере культа иконы Богоматери

Одигитрии в Константинополе) / Н. Д. Барабанов // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада : тез. докл. XVIII Всерос. науч. сессии византинистов. – М. : ИВИ РАН, 2008. – С. 17–21.

69. Барабанов, Н. Д. Пастырь и паства. Отношения константинопольского патриарха Афанасия I и жителей византийской столицы в контексте проблемы «народной религиозности» / Н. Д. Барабанов // Στρατηγός : сб. ст. в честь Владимира Васильевича Кучмы / отв. ред. С. Н. Малахов ; сост. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир : [б. и.], 2008. – С. 19–29.

70. Барабанов, Н. Д. Танец с иконой. К истории почитания образа Одигитрии в Константинополе / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2008. – Вып. 7. – С. 107–126.

2009

71. Барабанов, Н. Д. Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия / Н. Д. Барабанов // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / отв. ред. Р. М. Шукуров. – М. : Индрик, 2009. – С. 241–258.

72. Барабанов, Н. Д. Наследие Иосифа Вриенния и проблема «народной религиозности» в Византии / Н. Д. Барабанов // I Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : тез. докл. и сообщений. – Севастополь : [б. и.], 2009. – С. 10–11.

2010

73. Барабанов, Н. Д. Византийский приход : Между язычеством и христианством / Н. Д. Барабанов // Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории : тез. докл. XIII Междунар. науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2010. – С. 9–11.

74. Барабанов, Н. Д. День св. Иоанна. К истории народных праздников в Византии / Н. Д. Барабанов // II Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : тез. докл. и сообщений. – Севастополь : [б. и.], 2010. – С. 6–8.

75. Барабанов, Н. Д. Эволюция византийского народного христианства как сверхмедленный процесс. Ворование в вурколаков / Н. Д. Барабанов // Записки семинара «Сверхмедленные процессы». Вып. 5. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 110–124.

2011

76. Барабанов, Н. Д. Византийская народная мантика : Клидон / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 2011. – Вып. 40 : К 50-летию Уральской школы византиноведения. – С. 288–301.

77. Барабанов, Н. Д. Достойны ли именоваться христианами? Иосиф Вриенний о религиозности византийцев XV в. / Н. Д. Барабанов // Российское византиноведение : Традиции и перспективы : тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов / отв. ред. С. П. Карпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 27–29.

78. Барабанов, Н. Д. Костры святого Иоанна. Огонь в культовых практиках византийцев / Н. Д. Барабанов // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества / отв. ред. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир ; Волгоград : [б. и.], 2011. – С. 65–79.

79. Барабанов, Н. Д. «Несовместим рынок с церковью Божьей» Поведение прихожан в храме как аспект проблемы народной религиозности в Византии / Н. Д. Барабанов // III Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : тез. докл. и сообщений. – Севастополь : [б. и.], 2011. – С. 7–9.

2012

80. Барабанов, Н. Д. Культовый комплекс храма св. Софии в Константинополе в аспекте византийской народной религиозности / Н. Д. Барабанов // IV Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис». – Севастополь : [б. и.], 2012. – С. 9–10.

81. Барабанов, Н. Д. Истоки иконоборчества и проблема народного почитания икон в Византии / Н. Д. Барабанов // Человек в мире религиозных представлений. Материалы XIV Международной конференции по истории религии и религиоведению. – Севастополь : [б. и.], 2012. – С. 9–11.

82. Барабанов, Н. Д. Народное почитание священных изображений в Византии. К постановке проблемы / Н. Д. Барабанов // Πολεμολόγος : сб. ст. памяти профессора В. В. Кучмы / сост. и общ. ред. Н. Д. Барабанова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 207–214.

83. Барабанов, Н. Д. О книге В. В. Кучмы / Н. Д. Барабанов // Лев VI Мудрый. Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма ; отв. ред. Н. Д. Барабанов. – СПб. : Алетей, 2012. – С. 8.

84. Барабанов, Н. Д. Праздник Рождества св. Иоанна Предтечи в византийской народной традиции / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2012. – Вып. 8. – С. 33–66.

2013

85. Барабанов, Н. Д. XX Всероссийская научная сессия византинистов / Н. Д. Барабанов [и др.] // Византийский временник. – 2013. – Т. 72 (97). – С. 341–352.

86. Барабанов, Н. Д. Византийская народная демонология в житии св. Феодора Сикеота / Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. – 2013. – Вып. 41 : К 80-летию доктора исторических наук, профессора М. А. Поляковской. – С. 239–252.

87. Барабанов, Н. Д. Византийский приход в зеркале агиографии / Н. Д. Барабанов // Византия и византийское наследие в России и в мире : тез. докл. XX Всерос. науч. сессии византинистов / под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2013. – С. 7–10.

88. Барабанов, Н. Д. Византийское народное христианство в памятниках агиографии. Реалии и стереотипы / Н. Д. Барабанов // V Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : тез. докл. и сообщений. – Севастополь : [б. и.], 2013. – С. 17–18.

89. Барабанов, Н. Д. Иосиф Вриенний о народных верованиях византийцев XV в. Мантика / Н. Д. Барабанов // Χερσῶνος θέματα : «Империя» и «полис» : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь : СПД Арэфьев, 2013. – С. 219–243.

2014

90. Барабанов, Н. Д. «Ереси греков». Традиции приходской жизни в Византии XII в. в зеркале антиправославной полемики и в контексте проблемы разделения церквей / Н. Д. Барабанов // Великая схизма. Религии мира до и после разделения церквей : тез. докл. и сообщений. – Севастополь : [б. и.], 2014. – С. 11–12.

91. Барабанов, Н. Д. Сила стопы. Роль ног и следов в византийском народном христианстве / Н. Д. Барабанов // VI Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : тез. докл. и сообщений. – Севастополь : [б. и.], 2014. – С. 14–15.

2015

92. Барабанов, Н. Д. След стопы на иконе. Метаморфозы народного почитания священных изображений / Н. Д. Барабанов // Мир Православия. – 2015. – Вып. 9. – С. 54–60.

93. Барабанов, Н. Д. Византийская народная антропология. Сила стопы и ее отражение в Житии св. Феодора Сикеота / Н. Д. Барабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – Т. 20, № 3. – С. 92–99.

94. Барабанов, Н. Д. Византийские традиции и поствизантийские реалии в иконопочитании. Образ Панагии Фанеромени из Неа Скиони и его специфика / Н. Д. Барабанов // VII Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. – Севастополь : [б. и.], 2015. – С. 24–27.

95. Барабанов, Н. Д. Слово выпускающего редактора тематического номера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – Т. 20, № 3. – С. 5.

2016

96. Барабанов, Н. Д. VIII Международный византийский семинар «Χερσῶνος θέματα: империя и полис». Севастополь, Государ-

ственный историко-археологический музей заповедник «Херсонес Таврический». 30 мая – 4 июня 2016 г. / Н. Д. Барабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 149–153.

97. Барабанов, Н. Д. Византия и Армения : Метаморфозы военных связей (Мнение читателей о книге : Ayvazyan, A. The Armenian Military in the Byzantine Empire. Conflict and Alliance Under Justinian and Maurice [Text] / A. Ayvazyan. – Alfortville : Editions Sigest, 2014. – 152 p.) / Н. Д. Барабанов, Г. Г. Маркарян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 154–158.

98. Барабанов, Н. Д. Вино в Византии. Религиозные аспекты восприятия и потребления / Н. Д. Барабанов // VIII Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. – Севастополь : [б. и.], 2016. – С. 21–24.

99. Барабанов, Н. Д. Волосы-змеи. Метаморфозы образа в контексте проблемы интерпретации византийских амулетов-змеевиков / Н. Д. Барабанов // Империя ромеев во времени и пространстве : Центр и периферия : тез. докл. XXI Всерос. науч. сессии византистов (Белгород, 20–23 апреля 2016 г.) / под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. – М. ; Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. – С. 14–16.

100. Барабанов Н. Д. Вспомогательные исторические дисциплины : учеб.-метод. пособие / Н. Д. Барабанов, В. А. Золотовский. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 128 с.

2017

101. Барабанов, Н. Д. Византийские святыне и мир природы. Некоторые аспекты взаимоотношений / Н. Д. Барабанов // IX Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. – Севастополь : [б. и.], 2017. – С. 139–142.

102. Барабанов, Н. Д. Вспомогательные исторические дисциплины : учеб.-метод. пособие / Н. Д. Барабанов, В. А. Золотовский. –

2-е изд., испр. и доп. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2017. – 180 с.

103. Барабанов, Н. Д. Рец. на кн.: Caseau, B. Nourritures terrestres, nourritures célestes. La culture alimentaire à Byzance [Text] / B. Caseau. – Paris : ACHCByz, 2015. – Liv, 346 p. – (College de France – CNRS. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies ; 46) / Н. Д. Барабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 5. – С. 311–315.

2018

104. Барабанов, Н. Д. «Священная война»? К интерпретации послания патриарха Михаила IV Авториана / Н. Д. Барабанов // Византийский мир : Реалии и интерпретации : тез. докл. XIV науч. Сюзюмовских чтений / под ред. Т. В. Куш. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. – С. 8–9.

105. Барабанов, Н. Д. Язычество и христианство на Востоке и Западе Европы в VI–VIII вв. Византийско-меровингские параллели / Н. Д. Барабанов // X Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. – Севастополь : [б. и.], 2018. – С. 35–38.

2019

106. Барабанов, Н. Д. Волосы-змеи. К проблеме семантики византийских филактериев с «истерой» / Н. Д. Барабанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 316–330.

107. Барабанов, Н. Д. Колонна как сакральный объект в византийском народном христианстве / Н. Д. Барабанов // Византийское содружество: традиции и смена парадигм : тез. докл. XXII Всерос. науч. сессии византистов РФ, Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. – С. 10–12.

108. Барабанов Н. Д. Волосы-змеи. Семантика образа в византийских филактериях / Н. Д. Барабанов // XI Международный Ви-

зантийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. – Симферополь : [б. и.], 2019. – С. 55–60.

109. Барабанов, Н. Д. «Мир Православия». К истории издания / Н. Д. Барабанов, Е. В. Стельник // Мир Православия. – 2019. – Вып. 10. – С. 440–467.

110. Барабанов, Н. Д. Международный византийский семинар «Χερσῶνος θέματα: империя и полис» (2014–2018) : Продолжение поисков и новые открытия / Н. Д. Барабанов // Миры Византии. Χερσῶνος θέματα : сб. науч. тр. Междунар. Византийского семинара / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», 2019. – С. 449–460.

2020

111. Барабанов, Н. Д. Византиноведение в Волгограде. Экскурс в историю и библиографию / Н. Д. Барабанов, В. А. Золотовский, А. В. Зыкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 317–332.

2021

112. Барабанов, Н. Д. Византийская народная демонология. Вурколаки. Проблема истоков верования / Н. Д. Барабанов // XIII Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα» : «Империя» и «полис» : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2021. – С. 297–302.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая часть представленной в статье информации была предоставлена непосредственно Н.Д. Барабановым в ходе двух интервью, взятых у него авторами 27 августа и 21 ноября 2021 года.

² Подробнее об этом этапе научной деятельности Н.Д. Барабанова и список статей, опубликованных в выпусках «Мира Православия», см.: [2; 1, с. 319–328].

³ Подробнее см.: [1, с. 318 сл.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. Д. Византиноведение в Волгограде. Экскурс в историю и библиографию / Н. Д. Барабанов, В. А. Золотовский, А. В. Зыкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 317–332. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.26>.
2. Барабанов, Н. Д. «Мир Православия». К истории издания / Н. Д. Барабанов, Е. В. Стельник // Мир Православия. – 2019. – Вып. 10. – С. 440–467.
3. Патрин, В. Г. Научная жизнь на богословском факультете Царицынского православного университета / В. Г. Патрин // Мир Православия. – 2004. – Вып. 5. – С. 398–420.
4. Средневековое Православие от прихода до патриархата : сб. науч. ст. [Вып. 1] / отв. ред. Н. Д. Барабанов. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1997. – 195 с.
5. Средневековое Православие от прихода до патриархата : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. Н. Д. Барабанов. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – 330 с.

REFERENCES

1. Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A., Zyкова A.V. Vizantinovedenie v Volgograde. Ekskurs

v istoriyu i bibliografiyu [Byzantine Studies in Volgograd. An Excursion into History and Bibliography]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 317–332. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.26>.

2. Barabanov N.D., Stelnik E.V. «Mir Pravoslaviya». K istorii izdaniya [“World of Orthodoxy”. To the History of the Publication]. *Mir Pravoslaviya* [World of Orthodoxy], 2019, iss. 10, pp. 440–467.

3. Patrin V.G. Nauchnaya zhizn na bogoslovskom fakultete Tsaritsynskogo pravoslavnogo universiteta [Scientific Life in the Faculty of Theology of the Tsaritsyn Orthodox University]. *Mir Pravoslaviya* [World of Orthodoxy], 2004, iss. 5, pp. 398–420.

4. Barabanov N.D., ed. *Srednevekovoe Pravoslavie ot prikhoda do patriarkhata: sb. nauch. st.* [Medieval Orthodoxy from Parish to Patriarchate: Collection of Scientific Articles]. Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997, iss 1. 195 p.

5. Barabanov N.D., ed. *Srednevekovoe Pravoslavie ot prikhoda do patriarkhata: sb. nauch. st.* [Medieval Orthodoxy from Parish to Patriarchate: Collection of Scientific Articles]. Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998, iss. 2. 330 p.

Information About the Authors

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lysikov@volsu.ru, blademaster18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Anastasiya V. Zyкова, Chief Curator of the Museum Complex, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, av_zykova@volsu.ru, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

Информация об авторах

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lysikov@volsu.ru, blademaster18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Анастасия Валерьевна Зыкова, главный хранитель фондов Музейного комплекса, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, av_zykova@volsu.ru, nastenka96zykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-2688>

**THE 25th ANNIVERSARY OF THE JOURNAL «VESTNIK VOLGOGRADSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIYA 4. ISTORIYA.
REGIONOVEDENIE. MEZHDUNARODNYE OTNOSHENIYA»**

**25 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 4. ИСТОРИЯ.
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Среди первых историков Волгоградского государственного университета были представители различных исторических школ: московской, ленинградской, свердловской, саратовской и других. Специалисты по материальной культуре и общественному движению, исследователи Древнего мира и Средневековья, истории России, Европы, Азии и Америки – все они щедро делились с коллегами и студентами особенностями полевых и архивных исследований, опытом работы с рукописными источниками и мемуарной литературой, подходами к реконструкции исторических событий и многим другим. В итоге к середине 1990-х годов на истфаке ВолГУ сложился уникальный коллектив, впитавший в себя подходы ведущих исторических научно-образовательных центров страны, обладающий необходимыми знаниями и навыками для того, чтобы начать издавать научный журнал по истории.

Сначала журнал выходил под заголовком «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Философия», его первым главным (ответственным) редактором ¹ стал крупнейший специалист по истории наполеоновской эпохи Джучи Михайлович Туган-Барановский. В подготовке выпуска исторического Вестника Д.М. Туган-Барановскому помогали члены редколлегии: Олег Викторович Кузнецов (занимавший должность ответственного секретаря), Владимир Анатольевич Китаев, Анатолий Степанович Скрипкин и Иван Иванович Курилла. Их ответственное отношение к историческому Вестнику, стремление университета выпустить журнал, не уступающий по качеству статей изданиям

коллег, насчитывающим многолетнюю историю, привели к тому, что первый номер не успел выйти в 1996 году, как планировалось, и был напечатан только в марте 1997 года. Но уже со второго выпуска периодичность журнала была восстановлена и он вплоть до 2008 года выходил один раз в год. Дизайн обложки первых номеров был прост и отсылал авторов к советским научным изданиям: широкая желтая полоса с названием «Вестник Волгоградского государственного университета» белым цветом, черный подзаголовок «Серия 4: История. Философия» и ниже небольшая черно-белая фотография главного университетского корпуса (см. рис. 1).

Первыми авторами журнала в разделе «История» стали А.С. Скрипкин, В.А. Леонтьевский, И.О. Тюменцев, Е.П. Пискунова, Н.П. Страхова, О.В. Кузнецов, А.В. Луночкин, В.Д. Зимина, Н.Н. Станков, С.Г. Сидоров, Н.В. Кузнецова, С.В. Голунов, В.А. Китаев и В.В. Ведерников. Многие из них в силу разных причин больше не работают в Волгоградском государственном университете, но их вклад в развитие журнала как авторов, будущих рецензентов и редакторов – бесценен!

В 2001 году в журнале произошли первые серьезные изменения. Д.М. Туган-Барановского в должности главного редактора сменил Игорь Олегович Тюменцев. В связи с выделением для публикаций философского направления отдельной серии И.О. Тюменцев изменил текущую рубрику журнала. Вместо единого раздела «История» были введены следующие постоянные рубрики: «Всеобщая история», «Отечественная история», «Регионоведение», «Международные отношения»,

Рис. 1. Обложка журнала в период с 1996 по 2000 год

Fig. 1. Cover of the journal from 1996 to 2000

«Источники. Историография» и «Краткие научные сообщения». Изменилась обложка журнала – на передний план было выведено изображение здания Волгоградского государственного университета, а издательство отказалось от выделения цветом серий Вестника (см. рис. 2).

Журнал постепенно становился известным, в его редакцию чаще стали приходить статьи известных историков из других городов и стран. Так, в выпуске 2001 года вышла статья А.И. Сизоненко (институт Латинской Америки РАН), в 2005 г. – публикации Р.Г. Скрынникова (Санкт-Петербургский государственный университет) и В.Б. Бонвеча (Бохумский университет, ФРГ).

В этот период происходит окончание институционального оформления издания. Если ранее исторический Вестник можно было рассматривать как одну из многих серий Вестника ВолГУ, то в 2006 г. журнал получает свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре, позже ему при-

сваивается номер ISSN. Таким образом «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» окончательно оформляется как отдельный журнал.

В 2008 году И.О. Тюменцев перешел на работу в другой вуз, и журнал на год возглавила Ольга Юрьевна Редькина. К этому времени Вестник уже был включен в Перечень ВАК, редакционный портфель быстро наполнялся, и редакция приняла решение перейти к выпуску двух номеров в год. Однако следует отметить, что несмотря на увеличившееся количество поступающих в редакцию журнала рукописей статей, в том числе от молодых ученых (аспирантов и соискателей), был сохранен принцип рецензирования всех материалов. В связи с развитием в университете политологического направления в журнале в качестве новой рубрики была введена «Политология», а «Регионоведение» и «Международные отношения» были объединены в одну. Начиная со второго номера 2008 года редакция стала публиковать ко всем статьям аннота-

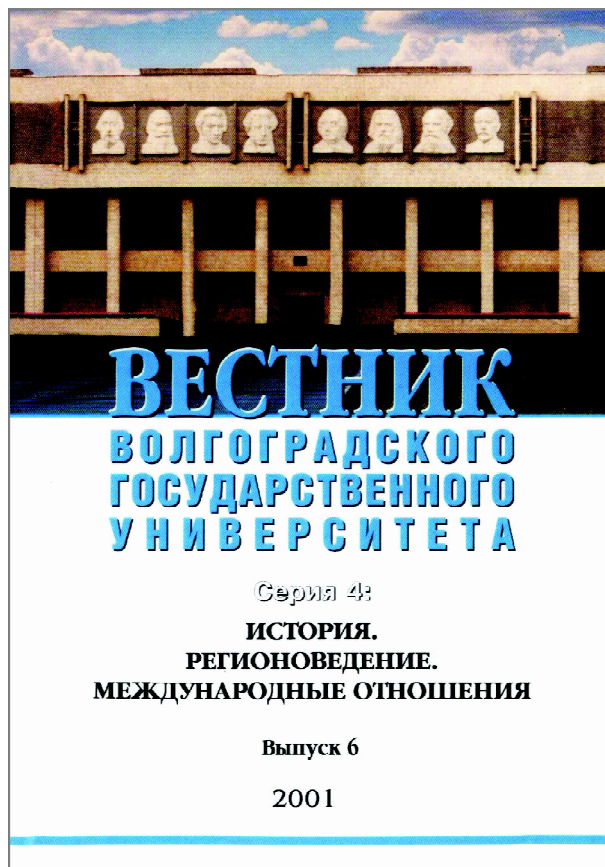

Рис. 2. Обложка журнала в период с 2001 по 2008 год

Fig. 2. Cover of the journal from 2001 to 2008

ции и список ключевых слов на русском и английском языках. В этом же году был снова изменен дизайн обложки, журнал перешел к более строгому, академическому стилю: на темно-синей полосе расположились герб ВолГУ и первая часть названия «Вестник Волгоградского государственного университета», ниже крупным кеглем «Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» (см. рис. 3).

С 2009 по 2014 год главным редактором журнала являлся Иван Иванович Курилла. В этот период исторический Вестник было решено вывести на международный уровень. Для журнала была разработана стратегия, сформулированы редакционная политика, в состав редакционной коллегии и совета приглашены ведущие отечественные и иностранные исследователи, введены новые правила оформления статей и многое другое. На обложку добавили английское название Вестника «Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations» и

она приобрела современный вид (см. рис. 3). В этот момент редакция журнала приняла два важнейших решения. Первое – сделать журнал полностью бесплатным для авторов и читателей. Второе – для повышения качества статей ввести двойное анонимное рецензирование. Анонимность, как показала практика, позволила рецензентам оценивать статьи без оглядки на имя или статус автора, а у авторов исчезла гипотетическая возможность оказать давление на рецензента. Наличие же двух отзывов на одну рукопись – снижало вероятность предвзятости эксперта в силу каких-то мировоззренческих причин. Следует отметить, что первое время такая необычная практика экспертного отбора рукописей вызывала среди авторов недовольство. Но редакция с этим успешно справилась и по сей день практикует систему рецензирования «Double Blind».

В 2015 году журнал снова возглавил И.О. Тюменцев. При нем был значительно расширен состав редакционной коллегии и совета, возобновлена практика приглашения ве-

Рис. 3. Обложка журнала в период с 2008 по 2013 год

Fig. 3. Cover of the journal from 2008 to 2013

дущих авторов. Безусловно, отличным решением, позволившем журналу получать статьи лучших отечественных и иностранных специалистов, стала практика выделения номеров журнала под специализированные темы. Так, были опубликованы тематические номера, посвященные 70-летию Великой Победы, археологии Евразийских степей, Крымской войне, 100-летию Великой российской революции, 75-летию Победы в Сталинградской битве, 100-летию со дня рождения российского археолога В.П. Шилова, 400-летию Смуты в России, казачеству в условиях модернизации и социокультурных трансформаций, 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 77-й годовщине Победы в Сталинградской битве, университетам в глобальном мире, памяти М.М. Загорулько, политическим трансформациям в России и мире.

Тематический выпуск Вестника под названием «Византийское общество: история, право, культура», выпускающим редактором которого стал Николай Дмитриевич Бараба-

нов, стал настолько успешным, что в 2015 году было принято решение сделать его ежегодным. С тех пор прошло шесть лет, и сейчас Вы держите в руках седьмой византийский выпуск исторического Вестника ВолГУ.

Выбранная стратегия продвижения журнала стала приносить свои плоды. Теперь к нам приходят запросы о публикации со всех городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Если ранее статьи иностранных авторов были редким явлением на страницах журнала, то теперь ученые из США, Греции, Испании, Сербии, Германии и других стран стали публиковаться практически в каждом номере Вестника. Хочется отметить в этом заслугу главного редактора журнала и членов редакционной коллегии и редакционного совета, прикладывающих много усилий для развития Вестника.

Отдельная благодарность за неоценимую помощь в подготовке текущих и тематических номеров **Алексее Иванвичу Алексееву** (Российская национальная биб-

лиотека), **Нине Эмильевне Вашкау** (Липецкий государственный педагогический университет), **Юрию Яковлевичу Вину** (Институт всеобщей истории РАН), **Илье Леонидовичу Морозову** (РАНГХиГС), **Сергею Анатольевичу Панкратову** (Волгоградский государственный университет), **Алексею Владимировичу Петрову** (Санкт-Петербургский государственный университет), **Ольге Владимировне Рвачевой** (РАНГХиГС) и **Наталии Владимировне Рыбалко** (Волгоградский государственный университет).

За последние пять лет в журнале произошло много качественных изменений. Журнал стал публиковать статьи, подготовленные по системе IMRAD, что первоначально вызывало возмущение отечественных авторов. Однако благодаря появлению в статьях четкой внутренней структуры значительно улучшилось представление авторами результатов своих исследований. В 2016 году Вестник был включен в базу данных Web of Science Emerging Sources Citation Index, а в 2019 году – вошел в базу данных Scopus. По данным Scimago Journal & Country Rank, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» в 2021 году вошел в первый квартиль (Q1) в категориях «культурология» и «история» и во второй квартиль (Q2) в категориях «политология и международные отношения» и «социология и политические науки» среди журналов, индексируемых Scopus. А по метрике Journal Citation Indicator (показатель среднего нормализованного воздействия цитируемости по категории «история») журнал получил оценку 0.79 и оказался по данному критерию в числе десяти лучших российских исторических журналов в Web of Science.

Рост уровня журнала, повышение его авторитета отражаются и в цифрах. Так, в 2015 году количество скачиваний пяти наиболее популярных статей с русской и английской версий сайта составляло 5 176 загрузок [1, с. 38]. На данный момент это количество для русской и английской версий сайта достигло показателя 35 568 загрузок. Общее же количество скачиваний файлов статей с сайта «Вестника ВолГУ. Серия 4» в марте 2021 года превысило отметку в 1 млн!

Отдельные количественные и качественные изменения в номерах журнала последнего десятилетия проанализированы венгерским исследователем Виктором Сабо [2]. Он отметил, что в 2020 году в историческом Вестнике начался отказ от постоянных рубрик журнала («Всеобщая история», «Отечественная история» и др.), вместо них журнал стал вводить рубрики, в которых статьи больше не объединяются по территориальному или отраслевому принципу. По мнению В. Сабо, введение в журнал рубрик «Государство и церковь», «Власть и общество» и других может быть истолковано как шаг к подлинной мультидисциплинарности, чрезвычайно прогрессивной и желанной в современной научной среде [2, р. 189].

В итоге хочется отметить, что «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» вносит свой посильный вклад в развитие сотрудничества российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук. Мы надеемся, что публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В связи с особой организацией журнальной деятельности в университете с 1996 по 2001 год главный редактор в журнале указывался как «ответственный редактор», с 2001 по 2010 год – как «председатель редакционного совета серии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюменцев, И. О. Исторический «Вестник ВолГУ»: все только начинается / И. О. Тюменцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. – 2016. – № 1 (17). – С. 36–41.
2. Szabó, V. Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolSU Series 4. History, Regional Studies and International Relations (2010–2019) / V. Szabó // RussianStudiesHu. – 2020. – С. 175–196. – DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.6.

REFERENCES

1. Tyumentsev I.O. Istoricheskiy «Vestnik VolGU»: vse tolko nachinayetsya [Historical Journal of VolSU: it is only the beginning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie* [Science Journal of Volgograd State University. University Education], 2016, no. 1 (17), pp. 36-41.
2. Szabó V. Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolSU Series 4. History, Regional Studies and International Relations (2010–2019). *RussianStudiesHu*, 2020, pp. 175-196. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.6.

Information About the Authors

Vitaliy A. Gorelkin, Deputy Chief Editor, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relation, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vgorelkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-3886>

Oleg V. Kuznetsov, Deputy Chief Editor, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relation, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Информация об авторах

Виталий Александрович Горелкин, заместитель главного редактора журнала, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vgorelkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-3886>

Олег Викторович Кузнецов, заместитель главного редактора журнала, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Редакция журнала благодарит ученых, выступивших в роли анонимных рецензентов статей в 2021 году:

к.и.н., доц. *К.К. Абдрахманова* (КарУ, Караганда, Казахстан)
к.политол.н., доц. *А.В. Абрамов* (МГУ, Москва, РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *П.А. Аваков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
к.полит.н. *Д.С. Агалин* (ЦИТ ВО, Волгоград, РФ)
д.и.н., проф. *А.И. Агафонов* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
д.и.н., проф. *Ю.Г. Акимов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *М.К. Алафьев* (ОмГУПС, Омск, РФ)
д.и.н. *А.И. Алексеев* (РНБ, Санкт-Петербург, РФ)
к.ю.н., доц. *Т.А. Алексеева* (НИУ «ВШЭ», Москва, РФ)
к.и.н., PhD, ст. науч. сотр. *Н.А. Алексеенко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
д.и.н., проф. *В.Ю. Апрыщенко* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
д.полит.н., доц. *Я.С. Артамонова* (МТУСиТ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Е.В. Архипова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.техн.н., доц. *О.А. Астафурова* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
Е.В. Астафьев (Царицынское генеалогическое о-во, Волгоград, РФ)
д.полит.н., проф. *В.А. Ачкасов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.полит.н., вед. науч. сотр. *Л.О. Бабынина* (ИЕ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *М.А. Балабанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *Н.Д. Барабанов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., д.полит.н., проф. *А.В. Баранов* (КубГУ, Краснодар, РФ)
д.полит.н., доц. *А.И. Бардаков* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *В.А. Бароне* (РГГУ, Москва, РФ)
к.полит.н., доц. *М.И. Безбородов* (ПГУ, Петрозаводск, РФ)
д.полит.н., проф. *В.К. Белозеров* (МГЛУ, Москва, РФ)
д.и.н., ст. науч. сотр. *А.В. Беляков* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
д.филос.н., PhD, науч. сотр. *Д.С. Бирюков* (НИУ ВШЭ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Н.Н. Болгов* (БелГУ НИУ, Белгород, РФ)
д.и.н., проф. *Н.Ю. Болотова* (ВГПУ, Волгоград, РФ)
к.биол.н. *А.В. Борисов* (ИФХиБПП РАН, Москва, РФ)
к.и.н. *А.В. Бредихин* (Электронный научный журнал «Архонт», Москва, РФ)
д.и.н., проф., гл. науч. сотр. *Н.Ф. Бугай* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., вед. науч. сотр. *Е.В. Булюлина* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *Ю.Е. Бут* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
д.и.н., гл. науч. сотр. *М.Д. Бухарин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.ю.н., доц., вед. науч. сотр. *Н.В. Варламова* (ИГП РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Н.Э. Ваишау* (ЛГПУ, Липецк, РФ)
к.п.н., доц. *А.А. Великая* (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *А.В. Венков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
д.полит.н., проф. *А.А. Вилков* (СГУ, Саратов, РФ)
к.и.н., ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.филос.н., доц. *И.С. Вевюрко* (ПСТГУ, Москва, РФ)
к.и.н., д.филол.н., доц., ст. науч. сотр. *А.Ю. Виноградов* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *А.А. Волвенко* (Таганрогский ин-т им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)

д.и.н., проф. *Е.Ю. Волкова* (КГУ, Кострома, РФ)
д.полит.н., проф. *С.В. Володенков* (МГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *О.В. Волосюк* (НИУ «ВШЭ», Москва, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Р.Г. Гагжуев* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

уч. секретарь *Н.В. Гинькут* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)

к.и.н., науч. сотр. *В.П. Глебов* (Археологическое научно-исслед. бюро, Ростов н/Д, РФ)

д.полит.н., вед. науч. сотр. *С.В. Голунов* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *О.В. Гоманенко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., вед. науч. сотр. *А.Д. Гомбожапов* (СО РАН, Улан-Уде, РФ)

к.и.н., доц., науч. сотр. *И.А. Гордеева* (Свято-Филаретовский ин-т (СФИ), Москва, РФ; Центр современной истории, Потсдам, Германия)

к.и.н. *В.А. Горелкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., PhD, вед. науч. сотр. *М.В. Грацианский* (ПСТГУ, Москва, РФ)

д.и.н., проф. *А.В. Гринев* (СПбПУ, Санкт-Петербург, РФ)

канд. культурологии *О.С. Давыдова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.филос.н., доц. *Р.А. Данакари* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

д.и.н., доц. *А.Ю. Дворниченко* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н. *Е.Д. Джагацпаян* (независимый исследователь, Москва, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *М.В. Добровольская* (ИА РАН, Москва, РФ)

д.филос.н., доц. *Н.А. Добронравин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., проф. *В.В. Долгов* (УГУ, Ижевск, РФ)

к.социол.н., доц. *Ю.А. Дроздова* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

к.филос.н., ст. науч. сотр. *А.А. Евдокимова* (ИЯ РАН, Москва, РФ)

канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Ендольцева* (ИБ РАН, Москва, РФ)

д.полит.н., к.и.н. *Н.В. Еремина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.и.н., доц. *А.Н. Ермолаев* (КемГУ, Кемерово, РФ)

к.полит.н., доц. *Е.В. Ефанова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., доц. *Н.Ю. Жуковская* (ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, РФ)

к.и.н. *А.С. Зданевич* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.полит.н., доц. *Е.С. Зиновьева* (МГИМО, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *В.А. Золотовский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.полит.н., проф., гл. науч. сотр. *В.Ю. Зорин* (ИЭА РАН, МГУ, Москва, РФ)

д.э.н., проф. *Т.Б. Иванова* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)

к.и.н. *С.А. Иванюк* (Музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *Л.И. Ивонина* (СГУ, Смоленск, РФ)

к.полит.н., вед. науч. сотр. *Н.Ю. Кавешников* (МГИМО МИД России, Ин-т Европы РАН, Москва, РФ)

к.и.н., доц. *Е.В. Калмыкова* (МГУ, Москва, РФ)

к.филос.н., доц. *О.С. Карнаухова* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

д.филос.н., проф. *В.М. Кириллин* (Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького РАН, Москва, РФ; МДА РПЦ, Сергиев Посад, РФ)

к.и.н. *М.В. Кирсанов* (свободный исследователь, Волгоград, РФ)

к.полит.н. *Е.Г. Кирсанова* (МГУ, Москва, РФ)

д.и.н., доц. *М.В. Кирчанов* (ВГУ, Воронеж, РФ)

к.и.н., доц. *А.А. Киселев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., проф. *В.А. Китаев* (НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

д.и.н. *А.Л. Клейтман* (Облкультурнаследие, Волгоград, РФ)

к.полит.н. *Е.В. Клиньшанс* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

к.и.н., ст. науч. сотр. *А.Д. Козак* (ИА НАН Украины, Киев, Украина)

к.и.н., доц. *А.С. Козлов* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)

д.и.н., проф. *В.Н. Козляков* (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань, РФ)

к.полит.н., доц. *Е.В. Колдунова* (МГИМО, г. Москва, РФ)

д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *Б.И. Колоницкий* (СПБНИИ РАН, ЕУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.полит.н., проф. *В.Н. Коньшев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.полит.н., проф. *Г.В. Косов* (СевГУ, Севастополь, РФ)
 д.э.н., к.и.н., проф. *В.Н. Косторниченко* (МГЛУ, Москва, РФ)
 к.и.н., канд. богословия, доц., протоирей *К.А. Костромин* (СПбДА, Санкт-Петербург, РФ)
 к.ю.н., доц. *А.А. Краевский* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *М.В. Кривошеев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., проф. *А.И. Кубышкин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *О.В. Кузнецов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.А. Кузьмин* (УФУ, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *О.С. Кулькова* (Ин-т Африки РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *А.А. Курапов* (КБУК АО «Астраханский музей-заповедник, Астрахань, РФ)
 к.и.н. *О.А. Курбатов* (РГАДА, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *И.И. Курилла* (ЕУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.э.н., проф. *В.В. Курченко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *М.А. Курышева* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *Т.В. Куц* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 PhD, доц. *Н. Кънев* (Великотырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария)
 д.и.н., проф., гл. науч. сотр. *Т.Л. Лабутина* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 к.полит.н., доц. *А.А. Лаврикова* (ТГУ, Тула, РФ)
 к.и.н. *О.А. Лагоцка* (независимый исследователь, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *М.Л. Лагутина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *В.В. Лапин* (ЕУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., науч. сотр. *А.Б. Ларин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.полит.н., проф. *Я.В. Лексютина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 ст. преп. *С.А. Линченко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)

д.и.н., вед. науч. сотр. *Д.В. Лисейцев* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *К.А. Лотарев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *С.И. Лукьяшко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., доц. *А.В. Луночкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.филос.н., вед. науч. сотр. *В.М. Лурье* (ИФПР СО РАН, Новосибирск, РФ)
 д.и.н., доц. *Д.А. Ляпин* (ЕГУ, Елец, РФ)
 к.и.н. *И.В. Магилина* (свободный исследователь, Волгоград, РФ)
 д.и.н. *В.В. Майко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 ст. преп. *К.М. Макаренко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.филос.н., проф. *Д.И. Макаров* (УГК им. М.П. Мусоргского, Екатеринбург, РФ)
 д.и.н., проф. *В.В. Малай* (БГНИУ, Белгород, РФ)
 к.и.н., доц. *С.Н. Малахов* (АГПУ, Армавир, РФ)
 к.и.н., вед. науч. сотр. *С.М. Маркедонов* (МГИМО, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.Е. Мартынов* (КФУ, Казань, РФ)
 к.и.н., проф. *И.И. Марченко* (КубГУ, Краснодар, РФ)
 к.полит.н., доц. *А.Н. Марчуков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.филос.н., доц. *Е.А. Матвиенко* (ВА МВД России, Волгоград, РФ)
 д.техн.н., вед. науч. сотр. *Н.В. Митюков* (Удмуртский ФИЦ УрО РАН, Ижевск, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *Ю.М. Могаричев* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
 к.и.н., доц. *В.М. Монахов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.полит.н., доц. *И.Л. Морозов* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.полит.н., доц. *С.И. Морозов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Е.Н. Морозова* (СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, РФ)
 д.и.н., проф. *А.С. Мусагалиева* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)
 д.и.н., ст. науч. сотр. *А.Р. Мухамедеев* (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, РФ)
 д.полит.н., проф. *Н.М. Мухарямов* (КГЭУ, Казань, РФ)
 к.и.н., доц. *В.Е. Науменко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
 д.и.н., доц., проф. *Л.Ф. Недашковский* (КФУ, Казань, РФ)

к.и.н. *Т.В. Нелин* (АНО Центр «Американа», Волгоград, РФ)
 к.социол.н., доц. *Н.А. Николенко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., доц. *Н.С. Ниязов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *М.В. Новиков* (ЯГУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Б. Окунь* (Самарский университет, Самара, РФ)
 к.техн.н., проф. *П.П. Олейников* (ВолгГТУ, Волгоград, РФ)
 к.полит.н., доц. *Н.В. Островская* (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Москва, РФ)
 д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *А.П. Павлов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.полит.н., проф. *С.А. Панкратов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц., *А.И. Папков* (БГНИУ, Белгород, РФ)
 к.и.н., доц. *А.Ф. Парубочая* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 канд. богословия, PhD *В.Г. Патрин* (ЦПУ преп. Сергия Радонежского, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Перерва* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Петров* (СПбГУ, СПбДА, Санкт-Петербург, РФ)
 д.ю.н., проф. *А.В. Петров* (Южно-Уральский ГУ, Челябинск, РФ)
 к.и.н. *И.С. Петрова* (ГАВО, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.О. Печатнов* (МГИМО, Москва, РФ)
 к.биол.н., вед. науч. сотр. *А.С. Пилипенко* (СО РАН, Новосибирск, РФ)
 ст. преп. *Н.В. Пискунов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.биол.н., доц., ст. науч. сотр. *Л.Н. Плеханова* (ИФХиБПП РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *А.Ю. Полунов* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.И. Полывянный* (ИвГУ, Иваново, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Посадский* (Поволжский ин-т управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, РФ)
 к.и.н., доц. *А.В. Постернак* (ПСТГУ, Москва, РФ)
 д.полит.н. *О.Ю. Потемкина* (Ин-т Европы РАН, Москва, РФ)
 д.полит.н., доц., проф. *С.П. Поцелуев* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)

канд. богословия, к.и.н. *А.А. Пржегорлинский* (ЦПУ преп. Сергия Радонежского, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.Л. Пушкарева* (Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр гендерных исследований, Москва, РФ)
 PhD, доц. *Д.Б. Пушкина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *А.С. Пученков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., доц. *Я.Н. Рабинович* (СГУ, Саратов, РФ)
 к.и.н., доц. *О.В. Рвачева* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *О.Ю. Редькина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 Ph.D. *М. Рейнальдс* (свободный исследователь, Рино Невада, США)
 д.и.н. *М.А. Робинсон* (Ин-т славяноведения РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *Д.М. Розенталь* (ИЛА РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., науч. сотр. *А.А. Роменский* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.А. Рыблова* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д; Волгоградский областной центр казачьей культуры, Волгоград, РФ)
 д.полит.н., проф. *М.И. Рыхтик* (НГУ, Нижний Новгород, РФ)
 д.и.н., гл. науч. сотр. *С.М. Самуйлов* (ИСК РАН, Москва, РФ)
 к.и.н. *Л.В. Седикова* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
 д.и.н. *П.В. Седов* (СПИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *Э.И. Сейдалиев* (КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь, РФ)
 д.и.н., проф. *А.А. Селин* (НИУ «ВШЭ», Санкт-Петербург, РФ)
 к.филос.н., науч. сотр. *О.В. Семенова* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 д.и.н., проф. *Д.В. Сень* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.филос.н., вед. ред. *Т.А. Сенина* (монахиня Кассия) (СПб ГУАП, Санкт-Петербург, РФ)
 д.социол.н., доц. *О.В. Сергеева* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)

д.полит.н., проф. *А.А. Сергунин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., доц. *В.В. Серов* (Барнаульская православная духовная семинария, Барнаул, РФ)
 д.и.н., проф. *С.Г. Сидоров* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *А.С. Скрипкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *Ю.Г. Смертин* (КубГУ, Краснодар, РФ)
 к.и.н. *В.А. Смирнова* (РНИМУ им. Пирогова, Москва, РФ)
 д.и.н., доц. *И.А. Соков* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф., вед. науч. сотр. *Н.Н. Станков* (Ин-т славяноведения РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.В. Стельник* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Д.В. Стерхов* (РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Степаненко* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
 к.и.н., доц. *М.А. Сюнненберг* (МГУ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *Р.Г. Такиджьян* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.полит.н., науч. сотр. *М.А. Терских* (ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, РФ)
 д.ю.н., доц., проф. *Е.В. Тимошина* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., доц. *О.А. Тимошкова* (БГНИУ, Белгород, РФ)
 к.ю.н., доц. *В.Н. Тронева* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.П. Трут* (ДГТУ, Ростов н/Д, РФ)
 к.и.н., к.ю.н., доц. *И.В. Тушканов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *И.О. Тюменцев* (ВИУ РАНХиГС, Волгоград, РФ)
 к.э.н. *С.Ю. Тюменцев* (свободный исследователь, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Н.Е. Тюменцева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.полит.н. *Урпер Мехмет* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н. *Б.Г. Усик* (ЦДНИВО, Волгоград, РФ)
 к.полит.н. *Д.Р. Фатыхова* (КФУ, г. Казань, РФ)

д.и.н., проф. *А.Л. Федорин* (Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, ММА, Москва, РФ)
 д.и.н., вед. науч. сотр. *М.А. Филимонова* (Курский ГУ, Курск, РФ)
 д.и.н., проф. *А.И. Филюшкин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.пед.н., доц. *О.А. Фокина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *Е.Л. Фурман* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *К.А. Фурсов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ)
 к.техн.н., доц. *М.А. Харитонов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Л. Хейфец* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Ж. Цветков* (МПГУ, Москва, РФ)
 к.и.н., доц. *И.А. Цветков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.А. Цветкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 д.и.н., проф. *А.В. Цюрюмов* (КалмГУ, Элиста, РФ)
 к.и.н. *В.Н. Чхаидзе* (ИВ РАН, Москва, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *А.В. Шадрин* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
 к.филос.н. *В.В. Шевченко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.социол.н. *Н.А. Шеховцова* (КОУ ВСШ № 1 ВО, Волгоград, РФ)
 д.полит.н., проф. *А.А. Шириняни* (МГУ, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Н.С. Широкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *А.С. Щавелев* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
 д.и.н., проф. *Т.В. Юдина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 к.и.н., доц. *С.М. Юн* (ТГУ, Томск, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Т. Юнгблюд* (ВятГУ, Киров, РФ)
 к.и.н., ст. науч. сотр. *Л.В. Яворская* (ИА РАН, Москва, РФ)
 д.филос.н., проф. *Д.Р. Яворский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
 д.и.н., проф. *В.Н. Якунин* (ПВГУС, Тольятти, РФ)

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 2513 руб. 13 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 2513.13 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ»

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

